

**Стратегия и тактика реализации
социально-экономических реформ
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**VIII международная
научно-практическая конференция**

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

**Вологда
2019**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ

АДМИНИСТРАЦИЯ
ГОРОДА ВОЛОГДЫ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

*Материалы VIII международной
научно-практической конференции
(г. Вологда, 12–14 декабря 2018 г.)*

Вологда
2019

УДК 332.14
ББК 65.050.113
С38

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

С38 Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект : материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 12–14 декабря 2018 г. – Вологда : ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. – 487 с.

ISBN 978-5-93299-439-9

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН д.э.н., профессор **В.А. Ильин**, д.э.н., доцент **А.А. Шабунова**,
д.э.н., доцент **Т.В. Ускова**, к.э.н. **Л.В. Бабич**,
к.э.н. **Е.А. Мазилов**, к.э.н. **О.Н. Калачикова**, к.э.н. **К.А. Задумкин**

В сборнике представлены материалы VIII международной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект», проходившей в Вологде 12–14 декабря 2018 г. Её организаторами выступили Российская академия наук, Министерство науки и высшего образования, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский научный центр РАН.

В рамках конференции было организовано пленарное заседание и работа четырех секций. В первой части пленарного заседания обсуждались проблемы устойчивого развития регионов и повышения качества государственного управления. Вторая часть была посвящена современным проблемам социально-экономического развития российских регионов. Участниками секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной экономики, социально-демографического, научно-технологического и аграрного развития российских регионов.

Участие в конференции приняли ведущие российские ученые, представители вузовской и академической науки, экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

УДК 332.14
ББК 65.050.113

ISBN 978-5-93299-439-9

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	9
I ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	10
Кувалин Д.Б. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ... 10	
Лаженцев В.Н. ПРИРОДНО-РЕСУРСНАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЁ РОЛЬ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ	19
II ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	25
Безнин М.А., Димони Т.М. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.И. БЕЛОВА: ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ.....	25
Бобков В.Н. НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СНИЖЕНИЮ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: ВОЛОГОДСКИЙ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ	29
Кожевников С.А. ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ.....	34
Локосов В.В. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ПРЕДЕЛЬНО КРИТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ.....	40
Маркин В.В. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ	46
Морев М.В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ	52
Силуанова Л.С. ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ КАК ОТВЕТ НА МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	60
Шабунова А.А. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	65
СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ	74
Браславский Р.Г. СОЦИОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ	74
Бухвальд Е.М. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	77
Василенко В.Н. О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	81
Губанова Е.С. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	86
Довейко А.Б., Картавцева А.А. АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ВОРОНЕЖА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, ИНВЕСТИЦИОННУЮ И МИГРАЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ.....	91
Егоров В.К. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	94

Клец В.С. СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	98
Лукин Е.В. ОЦЕНКА СРЕДНЕГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ В ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ.....	102
Морошкина М.В. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО	110
Мурадвердиева Л.А. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	115
Назарова Д.В. ДОСТУП К БЕЗОПАСНОЙ ЭНЕРГИИ – ОПЫТ РЕАБИЛИТАЦИИ РАЙОНОВ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС.....	118
Орлова В.С. РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА	121
Орлова Э.О., Никитина Н.А. ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СФЕРЕ ТАРИФООБРАЗОВАНИЯ	124
Пасовец Ю.М. ОТНОШЕНИЕ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ К ПОВЫШЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)	127
Печенская М.А. РАЗВИТИЕ БЮДЖЕТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	131
Растворцева С.Н. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА.....	136
Розанова Л.И. ДЕЗИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР ТОРМОЖЕНИЯ РОСТА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ	140
Серова Н.А. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	143
Шалашова А.С., Советов П.М. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОИЗВОДСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫХ МОЛОКОПРОДУКТОВ	146
Ускова Т.В. КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ	151
Усова А.В., Ковшикова Г.А. ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	156
Фомин М.В. ПРОЕКТНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ПФТ) КАК ОБЪЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЗФО.....	159
Хацук Ж.В. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К ВТО.....	164
Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрин Н.Н. ПРОБЛЕМА СОКРАЩЕНИЯ ВЕТХОГО И АВАРИЙНОГО ЖИЛЬЯ В РОССИИ	168
Щербина Н.М. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ.....	172
Яшалова Н.Н. ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОН	174

СЕКЦИЯ 2. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	178
Балбуцкая М.А. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ СЕЛЕ И СУЩНОСТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕЛА	178
Барсуков В.Н. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ	182
Батьянова Л.Н. РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРЕЗ АКТИВИЗАЦИЮ РАБОТЫ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	188
Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю, Мирязов Т.Р. ТЕРРИТОРИЯ СЖАТИЯ И РАСШИРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	191
Вешкурова А.Б. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	195
Власова О.И., Чебыкина И.В. ПЕНСИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ	200
Головчин М.А. УЧИТЕЛЬСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКИХ ШКОЛ В ГОДЫ РЕФОРМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	203
Гужавина Т.А., Мехова А.А. ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	207
Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. ИНДЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИИ	211
Ковригина Г.Д. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ.....	215
Козловский В.В. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ.....	219
Корепина Т.А. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОХРАНЕНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.....	224
Короленко А.В. МОДЕЛИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ	227
Крошилин С.В. СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РАБОТНИКАХ В РЕГИОНЕ	233
Лашук И.В., Мартищенко Е.В. «МАРКЕРЫ» ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.....	238
Леонидова Г.В., Белехова Г.В. КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ.....	243
Леонова Ж.К., Иванина В.М. СПРОС НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	247
Лихачев Н.Е. СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	252
Малинина К.О. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА	255

Малых С.В. РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ	259
Медведева Е.И. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ	263
Морев М.В. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.....	268
Муравлёва В.В. СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ.....	273
Муртузалиева Д.Д. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ СКФО.....	277
Парахонская Г.А. ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕКРЕАЦИОННАЯ СРЕДА ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ.....	279
Пациорковский В.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ В РЕГИОНАХ СЗФО	282
Петракова Ю.Н. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	286
Петрушенко Т.К., Федорова Т.Н. ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	290
Подвальская В.С. СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА.....	294
Полюшкевич О.А. СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА	297
Попов А.В. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО РЫНКА ТРУДА	301
Разварина И.Н. СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ.....	304
Россошанский А.И. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	308
Сакович В.С. МАЛАЯ РОДИНА КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА (МАЙ – ИЮНЬ 2018 Г.).....	312
Салахутдинов А.А. ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ.....	315
Салахутдинова Р.Х. ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	319
Симагин Ю.А. ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ.....	324
Смолева Е.О. СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	328
Соколова Т.Л. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	333
Соловьева Т.С. ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ВЕКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	338
Тихомирова В.В. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ.....	343

Уханова Ю.В., Параничева И.В. НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	347
Хоткина З.А. БЕРЕЧЬ МУЖЧИН: НАКАЗ И УКАЗ	352
Шаров В.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА	357
Шматова Ю.Е. СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	362
СЕКЦИЯ 3. НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ	368
Алферьев Д.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ЕГО РОЛЬ И МЕСТО В ПРОГНОЗНОЙ АНАЛИТИКЕ	368
Гулый И.М. ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА (BLOCKCHAIN) В ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМАХ	370
Давыдова А.А. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ	376
Завьялова Е.А., Кобылко А.А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	380
Каргинова-Губинова В.В., Тишков С.В., Щербак А.П., Кулаков К.А. МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ: ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	383
Кремин А.Е. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	388
Метляхин А.И. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛОГИСТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА	391
Мищук С.Н. ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ РИСКОВ И ПРЕИМУЩЕСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ	394
Соколов М.С. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	398
Соловей А.П. ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН- ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	402
Усков В.С. ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	405
Ушакова Ю.О. МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	411
Якушев Н.О. ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ЭКСПОРТ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОСТА	415
СЕКЦИЯ 4. АГРАРНАЯ НАУКА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА	419
Абрамова Н.И., Власова Г.С., Богорадова Л.Н., Хромова О.Л. РАЗВИТИЕ ПЛЕМЕННОГО МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	419

Алексеев А.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА УБЫВАЮЩЕГО ПРЕДЕЛЬНОГО ПРОДУКТА В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ	424
Гусаров И.В. ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ СОХРАНЕНИЯ ЗУБРОВ	427
Задумкин К.А., Шулепов Е.Б. О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	431
Изобова В.А. РАЗВИТИЕ ФЕРМЕРСТВА КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ	435
Коновалова Н.Ю. РАЗВИТИЕ КОРМОПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВЫРАЩИВАНИЯ КОРМОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ	439
Короткий В.П., Бритвина И.В., Рыжакина Е.А. КОМПЛЕКСНАЯ ВИТАМИННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХВОЙНАЯ ДОБАВКА В КОРМЛЕНИИ МОЛОЧНЫХ КОРОВ	443
Кривошеев Д.М. РАЗВИТИЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	447
Кузнецов Н.Н. МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ПОСЛЕУБОРОЧНОЙ ОБРАБОТКИ ЗЕРНА В ОТДЕЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЧИСТКИ ЗЕРНОВОГО ВОРОХА	451
Маклахов А.В., Романцов Р.С. ВЛИЯНИЕ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	454
Никитин Л.А., Никифоров В.Е. СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ОТБОРА ПРОБ КОРМОВ	457
Селимян М.О., Абрамова Н.И. ВЛИЯНИЕ ЭКСТЕРЬЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ КОРОВ ПЕРВОГО ОТЁЛА АЙРШИРСКОЙ ПОРОДЫ НА МОЛОЧНУЮ ПРОДУКТИВНОСТЬ	461
Сорокина И.Э. РОЛЬ КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА	466
Флягин С.Е., Кузнецов Н.Н. ВЛИЯНИЕ СОСТАВА ПОЧВ И УДОБРЕНИЙ НА АНТИКОРРОЗИОННУЮ ЗАЩИТУ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ	469
Фоменко П.А., Богатырёва Е.В., Гусаров И.В. ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОРМОВ, ЗАГОТОВЛЕННЫХ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ	474
Чухина О.В. БАЛАНС ЭЛЕМЕНТОВ ПИТАНИЯ В СЕВООБОРОТЕ ДЛИТЕЛЬНОГО АГРОХИМИЧЕСКОГО ОПЫТА	477
Шабанова Л.Л. ЭКОНОМИЧЕСКИ ОБОСНОВАННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРУПНОМАСШТАБНОЙ СЕЛЕКЦИИ МОЛОЧНОГО СКОТА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ...	481

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Вологодская земля удивительно гармонично сочетает в себе приверженность вековым традициям и современные тенденции развития экономики. В памятниках культуры и архитектуры бережно хранится богатое историческое прошлое, а настоящее региона базируется на экономике с мощным производственным потенциалом. Сегодня большое внимание уделяется инновационному развитию области, приоритетными направлениями являются биотехнологии, сельское и лесное хозяйство, туризм, отрасли социальной сферы, которой в последнее время также уделяется пристальное внимание на самом высоком уровне.

Достаточно четко можно определить роль Вологодской области и в пространственном развитии России: регион имеет большое значение как узел пересечения периферийных северных территорий и центральной части РФ. Деятельность области полноценно вписывается в Стратегию развития Арктической зоны РФ, например, создание транспортного коридора, который позволит наладить тесное взаимодействие северных и арктических территорий России с ее южными регионами. Стратегия направлена на достижение целей, обозначенных Президентом РФ В.В. Путиным: развитие Арктики и обеспечение национальной безопасности страны.

Хотелось бы подчеркнуть, что благополучие региона складывается не только из экономических составляющих. Важную роль играет и прикладная наука, однако ее создание и развитие невозможно без основного драйвера этого направления - фундаментальной науки. Бесспорным доказательством этому является научно-практическая конференция «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект», которая проводится в Вологде уже в восьмой раз.

Взаимосвязь прикладной и фундаментальной науки находит отражение и в единой линии выстраивания мер государственной поддержки науки: это развитие наших опорных вузов, взаимодействие с Вологодским научным центром Российской академии наук, расширение партнёрских отношений с нашими соседями из Северо-Западного региона и Центра России.

Настоящая конференция может выступить площадкой для выгодного взаимодействия органов государственной власти и научного сообщества в поиске решений для успешной реализации социально-экономических реформ.

Заместитель Губернатора
Вологодской области
В.В. Тушинов

I ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ПОВЫШЕНИЯ
КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 332.14 / ББК 65.9(2Рос)-97

Кувалин Д.Б.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ

Аннотация. В статье показано, как современная российская макроэкономическая политика влияет на ситуацию в регионах страны. Описаны наиболее значимые диспропорции пространственного развития России и ключевые проблемы, которые привели к возникновению этих диспропорций. Указано, какие именно недостатки социально-экономической политики федерального центра создают трудности для регионов. Предложены меры, которые помогут повысить экономическую активность регионов и сделать пространственное развитие России более сбалансированным.

Ключевые слова: региональная экономика, экономическая политика, проблемы развития регионов России, диспропорции пространственного развития.

В последние годы наш институт регулярно принимал участие в разработке прогнозов, стратегий и программ социально-экономического развития для российских регионов. Этот опыт позволил нам глубже вникнуть в проблемы, которые возникают на региональном и муниципальном уровнях.

Проблемы такого рода плохо видны с федерального уровня и в рамках современной макроэкономической политики учитываются в недостаточной степени. Неучет этих проблем порождает серьезные диспропорции пространственного развития, которые разрушают естественные экономические и социальные связи между российскими территориями. Это обстоятельство, с одной стороны, создает большие трудности для регионов, а с другой стороны, значительно снижает эффективность самой макроэкономической политики.

Диспропорции пространственного развития

Представляется, что к наиболее значимым диспропорциям пространственного развития в России можно отнести следующие две:

1. *Большое число депрессивных территорий с минимальной экономической активностью и низким уровнем реальных доходов населения.*

Подобные территории есть практически в каждом российском регионе. Нередко они покрывают площадь региона полностью. Например, как показывают данные Росстата (ФСГС), в 2016 г. сразу в 22 субъектах федерации из 85 объем ВРП на душу населения более чем в два раза уступал среднероссийскому [1].

На текущую поддержку этих территорий, в основном социальную, страна тратит значительные финансовые ресурсы, но это помогает решать только сиюминутные проблемы. При отсутствии полноценной экономической активности никакого устойчивого развития в долгосрочной перспективе на этих территориях не будет и проблемы будут воспроизводиться снова и снова.

2. Очень значительные межрегиональные различия в уровне экономической активности, а также в уровне и качестве жизни населения.

В частности, по данным Росстата, в 2016 г. душевой ВРП Ненецкого автономного округа в 54,53 раза превышал душевой ВРП Ингушетии. И, даже если не принимать во внимание крайние случаи и усреднить душевой ВРП по федеральным округам, разница остается очень значительной. Например, душевой ВРП Центрального федерального округа (ЦФО) в 2016 г. превосходил душевой ВРП Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в 3,34 раза [1].

Межрегиональные разрывы в среднедушевых денежных доходах населения не так значительны (в основном благодаря трансфертам из федерального бюджета), однако и их вряд ли можно считать нормальными. Например, по данным Росстата, в 2017 г. ежемесячные среднедушевые доходы населения Ямало-Ненецкого автономного округа в 4,74 раза превышали доходы населения Республики Ингушетия, а средние доходы по ЦФО превышали доходы по СКФО в 1,7 раза [1].

Следует отметить, что с точки зрения сохранения социально-экономической стабильности особенно нежелательны значительные разрывы в доходах между соседними регионами. Однако в реальности таких разрывов в России очень много. Наиболее характерный пример – разрыв в доходах между московским регионом (город Москва и Московская область) и окружающими его областями Центральной России. В 2017 г. ежемесячные среднедушевые доходы населения Москвы превышали доходы населения всех окрестных областей, кроме Московской, в 2,1–2,6 раза. Разрыв в среднедушевых доходах между Московской областью и соседними регионами тоже был достаточно значительным – 1,5–1,7 раза [1].

Разумеется, приведенные данные отражают номинальные денежные доходы, в них не учтен разный уровень потребительских цен. Однако, даже если учесть ценовой фактор, оценка межрегиональных разрывов в уровне доходов уменьшится лишь частично, и в целом эти разрывы все равно следует считать слишком большими.

Подобные различия влекут за собой масштабный отток населения с депрессивных территорий в благополучные регионы. В результате происходит обезлюживание многих регионов; разрывается экономическое и социальное пространство страны; сокращается потенциал, который можно использовать для развития. По сути дела, ситуация в России начинает сближаться с положением дел в бедных странах третьего мира, где немногочисленные переполненные мегаполисы сочетаются с бедной и пустующей периферией.

Причины, которые способствуют возникновению диспропорций пространственного развития, можно подразделить на объективные и субъективные.

К объективным причинам можно отнести разную обеспеченность регионов первичными ресурсами: ценными полезными ископаемыми, плодородными земельными угодьями, благоприятными климатическими условиями и т. д. Выгодность географического положения – близость к магистральным транспортным коридорам, зонам интенсивной международной торговли, большим финансовым центрам – также носит объективный характер. В значительной мере объективным фактором можно считать исторические обстоятельства, предопределяющие низкий базовый уровень развития ряда регионов, – в частности, их многолетнее недофинансирование и избыточное выкачивание ресурсов с их

территории. Ярким примером территории, пострадавшей от такой политики, можно считать российское Нечерноземье [2-4].

Что касается субъективных причин, порождающих диспропорции пространственного развития, то к ним в первую очередь можно отнести ошибки социально-экономической политики на федеральном и региональном уровнях. Представляется, что именно эти ошибки во многом предопределили целый ряд проблем, с которыми сталкиваются российские регионы.

Ключевые проблемы социально-экономического развития регионов России

В число ключевых проблем регионального развития в настоящее время, на наш взгляд, входят следующие.

✓ *Общая нехватка финансовых ресурсов, с которой сталкивается большинство российских регионов и муниципалитетов.*

В значительной степени эта нехватка объясняется спорными пропорциями распределения налоговых доходов по уровням бюджетной системы. По данным Росстата, в 2014 г. 61,95% доходов консолидированного бюджета страны (без учета доходов внебюджетных фондов) поступило в федеральный бюджет, а в бюджеты регионов и муниципалитетов – только 38,05%. К 2017 г. пропорции распределения стали несколько более благоприятными для регионов – 58,37% и 41,63% соответственно, но все равно перекос в пользу федерального центра остается значительным [5].

Недостаток ресурсов у региональных властей приводит к тому, что их собственные возможности по финансированию процессов развития очень ограничены. Подавляющую часть своих наличных ресурсов большинство регионов вынуждены тратить на выполнение определенных законами социальных обязательств или на устранение разного рода прорывов в инфраструктурном хозяйстве и социальной сфере – по сути дела, на «латание дыр». На финансовую поддержку инвестиций, инноваций, бизнес-инициатив и т. п. денег остается крайне мало. Например, в таком крупном промышленном регионе, как Тульская область, нам сообщили, что в 2017 году на поддержку местного малого бизнеса – одного из ключевых для развития территории секторов – удалось выделить всего 70 млн руб., или примерно 0,1% от расходов регионального бюджета [6].

В этих условиях регионам приходится рассчитывать либо на помощь со стороны федерального центра, либо на успехи в деле привлечения инвесторов со стороны. Однако помощь из федерального бюджета также довольно редко нацелена на поддержку процессов развития, а массовое появление в регионе новых инвесторов в условиях длительной экономической стагнации в стране вовсе не гарантировано.

✓ *Низкая степень свободы в части проведения регионами собственной социально-экономической политики.*

Такое положение дел определяют следующие факторы:

Жесткая регламентация в части расходов регионального и муниципальных бюджетов.

Национальная бюджетно-финансовая система сейчас устроена таким образом, что подавляющая часть денежных средств, которыми распоряжаются регионы, должна расходоваться строго целевым порядком. При этом перечень целевых нужд и масштабы их финансирования определяются в основном федеральным центром при помощи достаточно жестких нормативов. Невыполнение этих нормативов влечет за собой жесткие санкции как по отношению к отдельным чиновникам, так и к регионам в целом.

В рамках этих правил игры регионам предписано финансировать в основном социальную сферу, коммунальное хозяйство и нужды населения. В этих обстоятельствах объем свободных финансовых ресурсов, которые используются для поддержки реального сектора экономики, в большинстве регионов очень невелик.

Таким образом, *в современных условиях многие региональные администрации – это скорее распорядители спущенных сверху смет, чем органы власти, принимающие масштабные самостоятельные решения по развитию экономики и социальной сферы.*

Чрезмерная регламентация в сфере отчетности и бюрократической переписки.

Переусложненные регламенты, связанные с бюджетным процессом, влекут за собой перегруженность региональной исполнительной власти чисто бюрократическими задачами (заполнение многочисленных отчетов, написание обязательных справок, ответов на письма и т. п.).

При этом качество этих регламентов в основном низкое. Зачастую они вынуждают региональные власти выполнять малоэффективные действия, не имеющие особого отношения к реальным проблемам территории, или тратить излишние ресурсы на решение третьестепенных проблем в ущерб решению первостепенных.

Кроме того, регламенты, которые направляются в регионы различными ведомствами, часто противоречат друг другу.

✓ *Наличие институциональных разрывов в системе управления пространственным развитием и развитием регионов.*

К числу таких разрывов относятся, в частности, дублирование функций в одних случаях и отсутствие ответственных за решение проблемы в других случаях.

Например, часть образовательных учреждений в регионах подчиняется федеральному центру, часть – местным ведомствам. В этих условиях проводить согласованную политику и решать вопросы финансирования в сфере образования крайне затруднительно.

Другой пример – неурегулированность сфер ответственности при управлении лесным хозяйством, что влечет за собой большие проблемы, в частности, при борьбе с лесными пожарами (когда не всегда понятно, какое ведомство что и где именно должно делать и какие полномочия оно имеет).

✓ *Недостаточное влияние крупных инвестиционных проектов общенационального значения на развитие региональных экономик.*

Как уже отмечалось выше, развитие территорий может быть ускорено за счет прихода в регион крупных инвестиций извне. Довольно часто такие инвестиции приходят в российские регионы в процессе реализации крупных проектов общенационального масштаба. Чаще всего это инфраструктурные проекты, связанные со строительством дорог федерального значения, магистральных трубопроводов, больших портов и других масштабных объектов. В ряде случаев это может быть строительство новых крупнейших промышленных предприятий. Например, на российском Дальнем Востоке к числу таких проектов можно отнести строительство верфи «Звезда», Восточного нефтехимического комбината, добывающих мощностей Эльгинского угольного месторождения и ряд других.

В то же время, как показывает практика, влияние таких проектов на развитие регионов, в которых они реализуются, в большинстве случаев имеет очень умеренный масштаб. Разумеется, в момент активной фазы крупных инвестиционных проектов формальные показатели динамики региональных экономик: темпы роста ВРП, инвестиций, строительства

и др. – быстро увеличиваются. Однако даже на стадии строительства инвесторы нечасто прибегают к услугам местных поставщиков. Оборудование, комплектующие, рабочая сила и строительные материалы в основном завозятся из других регионов России или из-за рубежа. После завершения проектов их влияние на региональные экономические системы, как правило, сокращается еще больше, поскольку потребность новых производственных мощностей в местных ресурсах обычно минимальна.

Яркий пример такого рода – последствия строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО). В реализацию этого мегапроекта были вложены колоссальные деньги – 717 млрд руб. в ценах 2012 г., или 23,3 млрд долл. США [7]. Ввод этого нефтепровода в действие имел огромное макроэкономическое значение, позволив нарастить вывоз нефти из России больше на 50 млн тонн, преодолеть ряд геополитических ограничений и существенно повысить доходы федерального бюджета от экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых. Однако влияние нефтепровода на экономику тех шести регионов, через которые он проходит, оказалось совершенно несопоставимым по сравнению с суммой сделанных инвестиций. В частности, число постоянных рабочих мест в компании «Транснефть-Восток», обслуживающей трубопровод, составляет всего лишь 6416 [8], или примерно 0,12% от суммарности численности занятых в указанных регионах.

✓ *Вывод финансовых ресурсов из регионов работающими на их территории крупными корпорациями.*

Эта проблема характерна в основном для регионов, где работают крупные сырьевые корпорации или крупные корпорации, производящие продукцию первого передела (металлургическую, химическую и т. п.).

Конечно, федеральный центр тоже в определенном смысле выводит финансовые ресурсы из регионов (вследствие искаженных пропорций распределения налоговых доходов). Однако затем федеральная власть посредством межбюджетных трансфертов все-таки возвращает преобладающую часть изъятых ресурсов назад в регионы, пусть порой не очень эффективными способами.

Что же касается крупных корпораций, особенно частных, то они предпочитают тратить значительную или даже подавляющую часть выведенных ресурсов за пределами региона [9-10]. Такую финансовую политику крупных корпораций в целом не следует считать злонамеренной. Эта политика вытекает из коммерческой логики – денежные ресурсы направляются туда, куда с точки зрения владельцев компаний деньги вкладывать выгоднее. Однако вследствие такого поведения корпораций регионы не получают должной отдачи даже от весьма быстрого развития сырьевых производств на своей территории (примеры: Кузбасс [11], Сахалин и др.).

В настоящее время это противоречие между интересами регионов и корпораций пытаются устранить, как правило, в рамках неформальных переговоров между губернаторами и владельцами. Этот механизм, безусловно, позволяет найти некоторые взаимоприемлемые решения, однако считать его оптимальным и эффективным все-таки нельзя. Во-первых, губернатор может защищать интересы региона лишь в меру своей влияния и понимания ситуации, и здесь далеко не все губернаторы располагают равными возможностями. Во-вторых, неформальный характер договоренностей позволяет в некоторых случаях уклоняться от их выполнения. В-третьих, такой характер решения проблем всегда содержит в себе серьезные коррупционные риски. В результате во многих случаях российские регионы оказываются не в состоянии настоять на полноценном соблюдении своих интересов.

✓ *Фактическое отсутствие или низкое качество стратегических документов по долгосрочному пространственному развитию России.*

В частности, в настоящий момент в России нет актуального федерального долгосрочного прогноза социально-экономического развития (даже несмотря на наличие законов, предписывающих его обязательную разработку). А недавно принятая федеральная стратегия пространственного развития имеет целый ряд серьезных недостатков и по-прежнему жестко критикуется экспертным сообществом.

В этих обстоятельствах российским регионам очень затруднительно планировать свое средне- и долгосрочное социально-экономическое развитие. Уровень неопределенности настолько велик, что значительная часть региональных инвестиционных замыслов и прогнозных расчетов оказывается «построенной на песке». Как следствие, многие из этих замыслов вскоре теряют актуальность, а ресурсы и силы, потраченные на их подготовку, оказываются израсходованными зря.

✓ *Нацеленность нынешней региональной политики и законодательства на поощрение конкуренции между регионами и почти полное отсутствие мер и норм, нацеленных на поощрение межрегионального сотрудничества.*

В целом процесс межрегиональной конкуренции в вопросах привлечения инвесторов с точки зрения социально-экономического развития России можно расценивать как положительный. Эта конкуренция подталкивает регионы к различным институциональным улучшениям, снижению бюрократических барьеров, развитию инфраструктуры для бизнеса и инфраструктуры для производства, реализации мер финансовой поддержки и прочим важным улучшениям.

Однако в целом ряде случаев правила, регулирующие эту конкуренцию, начинают наносить явный ущерб развитию регионов. Дело в том, что в соответствии с этими правилами практически все финансовые льготы инвесторам де-факто предоставляются за счет региональных бюджетов. Иными словами, предоставление льгот инвесторам ведет к выпадению доходов регионального бюджета. Поэтому, когда регион стремится предложить потенциальным инвесторам более значительные, чем у соседей, финансовые льготы, он автоматически снижает текущие доходы своего консолидированного бюджета еще больше.

Конечно, в будущем можно ожидать компенсации выпадающих доходов за счет расширения налоговой базы, которое происходит после завершения инвестиционных проектов. Но, как показывает практика, полномасштабной компенсации регионам приходится ждать достаточно долго – до десяти лет и более. При этом решение многих текущих проблем из-за выпадения сегодняшних бюджетных доходов затягивается.

В то же время сегодняшнее законодательство пока не позволяет (или крайне затрудняет) прямое финансовое сотрудничество регионов и муниципалитетов. Сейчас, например, региону или муниципалитету практически невозможно профинансировать проект, реализуемый на территории его соседей. Также отсутствуют нормы, прямо позволяющие осуществлять горизонтальные трансферты между территориями.

Вследствие такого положения вещей крайне подолгу решаются даже самые понятные и насущные вопросы межтерриториального сотрудничества. В частности, представители городов часто жалуются на то, что даже за свой счет построить новый полигон для бытовых отходов или новое кладбище на территории соседних муниципалитетов сейчас практически невозможно. Прежде всего из-за многочисленных законодательных ограничений, многие из которых не выглядят оправданными.

Предложения по совершенствованию политики пространственного развития России

Таким образом, решение проблем пространственного развития России требует значительной корректировки государственной региональной политики. Представляется, что ситуация может быть серьезно улучшена за счет следующих действий.

- *Необходимо вернуться к вопросу о пропорциях распределения налоговых доходов между разными уровнями бюджетной системы, в первую очередь между федеральным центром и регионами.*

Задача найти новые источники социально-экономического развития требует частичного перераспределения как полномочий, так и ресурсных возможностей в пользу регионов (во многих случаях именно регионы лучше понимают, какие именно местные проблемы необходимо решать в первую очередь). В связи с этим, пересматривая пропорции распределения налоговых доходов между федеральным и консолидированными региональными бюджетами, имеет смысл рассмотреть возврат к соотношению «пятьдесят на пятьдесят», хотя бы в долгосрочной перспективе.

Такой структурный сдвиг будет очень непросто осуществить в рамках существующего Бюджетного Кодекса. В то же время с этой целью можно, например, постепенно увеличивать ставки имущественных налогов (жестко привязанных к территории), одновременно снижая ставки налогов на экономический результат (на прибыль, НДС и т. п.).

При этом возможны налоговые эксперименты в границах отдельных пилотных территорий. В частности, есть предложения о том, чтобы менять межбюджетные пропорции распределения для тех налоговых поступлений, которые будут получены сверх некоторого базового уровня. Такой подход создаст регионам и муниципалитетам новый стимул для более быстрого наращивания налоговой базы, так как именно дополнительные доходы позволят им получать более высокую долю отчислений, чем раньше [12].

- *Желательны изменения в законодательстве, нацеленные на облегчение межрегионального сотрудничества (допустимость горизонтальных трансфертов, софинансирования регионами межрегиональных проектов, финансирования создания объектов на других территориях и т. д.).*

Эти изменения простимулируют запуск и реализацию проектов, для которых масштаб одного региона слишком мал. Кроме того, будет облегчен переток ресурсов от финансово сильных к финансово слабым территориям. Также в ряде случаев можно надеяться на замену неоправданной межрегиональной конкуренции на более плодотворное межрегиональное сотрудничество.

- *Следует рассмотреть возможность законодательного ограничения масштаба финансовых льгот, предоставляемых на региональном уровне.*

Некоторые губернаторы уже высказываются за такое ограничение, чтобы ограничить масштаб выпадающих бюджетных доходов. При этом они предлагают перенести основной акцент на межрегиональную конкуренцию в институциональной и инфраструктурной сфере. Иными словами, регионы должны привлекать потенциальных инвесторов не столько финансовыми льготами, сколько минимизацией бюрократических сложностей и облегчением доступа к инженерным, энергетическим и транспортным сетям.

- *Создание механизмов, стимулирующих локализацию смежных и вспомогательных производств на территориях, где функционируют основные производства крупных корпораций.*

Разумные решения в этой сфере помогут решить проблему оттока финансовых ресурсов из регионов по линии крупных корпораций. Кроме того, это даст возможность повысить социально-экономический эффект, который регионы получают от реализации крупных инвестиционных проектов.

- *Дебюрократизация процесса управления регионами.*

Снижение бюрократической нагрузки на региональные структуры власти и подчиненные им учреждения, во-первых, уменьшит бюджетные расходы на покрытие разного рода транзакционных издержек, во-вторых, освободит время и ресурсы исполнителей для решения практических задач.

Библиографический список

1. ФСГС. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm
2. Денисова Л.Н. Деревня российского Нечерноземья. 1960–1980-е годы // Труды Института российской истории РАН, 1997–1998 гг., Выпуск 2. С. 426-478.
3. Алексеев А. Нечерноземный Чернобыль? // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 427-440.
4. Шевельков А.И. Аграрная политика по развитию Нечерноземья в 1970–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2008. №9. С. 180-199.
5. ФСГС. Финансы России – 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_51/Main.htm
6. Закон Тульской области от 23.12.2016 г. № 94-ЗТО о бюджете Тульской области на 2017 г. и плановый период 2018 и 2019 годов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444890522>
7. Кезик И. «Транснефть» запускает вторую очередь ВСТО стоимостью \$10,6 млрд // Ведомости. 25.12.2012 г.
8. Мишина С. За кадрами – будущее. «Транснефть – Востоку» нужны местные специалисты // Аргументы и факты. 23.01.2019 г. № 4.
9. Ильин В.А., Поварова А.И. Недостатки налогового администрирования крупного бизнеса и их влияние на региональные бюджеты // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 25-37.
10. Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 229 с.
11. Ивантер В.В., Клепач А.Н., Кувалин Д.Б., Широков А.А., Янков К.В. Программа первоочередных действий по социально-экономическому возрождению Кузбасса // ЭКО. 2018. № 11 (533). С. 31-46.
12. Печенская М.А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000–2015 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 117-130.

Информация об авторе

Кувалин Дмитрий Борисович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47; contact@ecfor.ru; 8(499)129-34-22)

Kuvalin D.B.

CONTEMPORARY PROBLEMS OF SPATIAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

Abstract. *The article shows how modern Russian macroeconomic policies affect the situation in the regions of the country. The most significant disproportions in the spatial development of Russia and the key problems that led to these disproportions are described. It is specified what shortcomings of social and economic policy of the Federal center create difficulties for regions. The measures that will help to increase the economic activity of the regions and make the spatial development of Russia more balanced are proposed.*

Key words: *regional economy, economic policy, problems of development of Russian regions, disproportions of spatial development.*

References

1. FSGS. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli - 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm
2. Denisova L.N. Derevnaya rossiiskogo Nechernozem'ya. 1960-1980-e gody // Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian history] 1997-1998. Vol. 2. P. 426-478.
3. Alekseev A. Nechernozemnyi Chernobyl'? // SSSR: demograficheskii diaгноз [USSR: demographic diagnosis]. Moscow, 1990. P. 427-440.
4. Shevel'kov A.I. Agrarnaya politika po razvitiyu Nechernozem'ya v 1970-1980-e gg. // Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost' [Document. Archive. History. Modernity]. 2008. № 9. P. 180-199.
5. FSGS. Finansy Rossii – 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_51/Main.htm
6. Zakon Tul'skoi oblasti ot 23.12.2016 g. № 94-ZTO o byudzhetе Tul'skoi oblasti na 2017 god i planovyi period 2018 i 2019 [The law of the Tula region of 23.12.2016 № 94-ZTO on the budget of the Tula region for 2017 and the planning period of 2018 and 2019]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/444890522>
7. Kezik I. «Transneft'» zapuskaet vtoruyu ochered' VSTO stoimost'yu \$10,6 mlrd // Vedomosti [Statements]. 25.12.2012.
8. Mishina S. Za kadrami – budushchee. «Transneft' – Vostoku» nuzhny mestnye spetsialisty // Argumenty i fakty [Arguments and facts]. 23.01.2019., № 4.
9. Il'in V.A., Povarova A.I. Nedostatki nalogovogo administrirovaniya krupnogo biznesa i ikh vliyanie na regional'nye byudzhetы // Ekonomika regiona [Economics of the region]. 2017. Vol. 13. № 1. P. 25-37.
10. Il'in V.A., Morev M.V., Povarova A.I. Sotsial'noe gosudarstvo v Rossii: problemy i perspektivy [Social state in Russia: problems and prospects]. Vologda: VolNTs RAN, 2018. 229 p.
11. Ivanter V.V., Klepach A.N., Kuvalin D.B., Shirov A.A., Yankov K.V. Programma pervoocherednykh deistvii po sotsial'no-ekonomicheskomu vozrozhdeniyu Kuzbassa // EKO [All-Russian Economic Journal]. 2018. № 11 (533). P. 31-46.
12. Pechenskaya M.A. Razvitie mezhbyudzhethnykh otnoshenii v Rossii v 2000-2015 // Problemy prognozirovaniya [Problems of forecasting]. 2017. № 2. P. 117-130.

Information about the Author

Dmitriy B. Kuvalin (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; contact@ecfor.ru)

Лаженцев В.Н.

**ПРИРОДНО-РЕСУРСНАЯ ЭКОНОМИКА И ЕЁ РОЛЬ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ**

Аннотация. Проблематика природно-ресурсной экономики формируется в рамках приоритета внутреннего рынка России над внешним, структурных сдвигов национальной экономики в сторону ускоренного развития обрабатывающей промышленности на базе топлива, сырья и материалов, полученных в северных и арктических районах, устранения диспропорций внутри топливно-энергетических, минерально-сырьевых и биоресурсных комплексов. В экономике северных регионов России повышается роль биологических ресурсов, что требует изменения системы распределения рентных доходов по всему кругу отраслей добывающей промышленности. Экономические параметры освоения и использования сырьевых ресурсов не должны подрывать экологические основы рационального природопользования.

Ключевые слова: природно-ресурсная экономика, северный регион, «зеленая» экономика, стратегическое развитие.

Природно-ресурсная экономика в настоящее время актуализируется в связи с неоднозначным толкованием ее роли в системе общественного воспроизводства и утрированным пониманием таких популярных шаблонов, как «нефтяная игла», «ресурсное проклятие», «Сибирь и Север – дамоклов меч России» и т. п. На самом же деле проблемы в природопользовании заключаются не в вопросе «добывать или не добывать?», а в разнообразии способов оценки ресурсных потенциалов, их правильного использования, включения сырья и материалов в систему общественного воспроизводства, формирования сквозных технологических циклов «сырье – полуфабрикаты – готовые изделия» и тем самым – расширение внутреннего российского рынка, исчисления и распределения рентных и других доходов, исполнения конституционной нормы в части совместного (Федерации и субъектов Федерации) государственного регулирования процессов и финансовых результатов природопользования [2, 7].

Вторая линия актуализации – популяризация идей «зеленой экономики», которая с помощью новых технологий могла бы оптимизировать пропорции общественного воспроизводства с повышением в нем роли экологического фактора жизнедеятельности. Это «сквозная» идея, но проецируется она пока в основном на биоресурсы, что обусловлено ущербным положением последних в структуре национального счетоводства. В их сторону следовало бы направить гораздо больше финансовых средств, в том числе и путем перелива капитала из топливно-энергетических отраслей в сельский и лесной сектора экономики. Такая необходимость с первого взгляда не просматривается, но если правильно оценить ресурсы и условия жизни людей в будущем, то станет ясно, что первостепенное значение имеют не нефть и газ, а земля, вода, леса и другая растительность [5, 6].

Третье обстоятельство – усиление роли охраны природы в межрегиональной интеграции, столь актуальной для восстановления единства социально-экономического пространства нашей страны. Территориальная соразмерность производственной и природоохранной деятельности создает единый хозяйственный блок в границах одного, двух

и более регионов (областей, краев и республик). Поэтому федеральному правительству следует поддержать инициативу субъектов Федерации укреплять межрегиональные соседские связи с формированием и реализацией совместных программ в области развития инфраструктуры, использования природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Отмеченные три исходных положения попытаемся конкретизировать с учетом результатов научно-исследовательских работ не только автора доклада, но и его сотрудников по ИСЭЭС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН [3, 6, 9].

Проблемы природопользования на территориях Севера России в горном деле заключаются в географической и экономической удалённости «новых» месторождений полезных ископаемых и в недостаточности материально-технических и финансовых ресурсов для их освоения. На эту проблему как бы накладываются другие несоответствия и разбалансировки: низкий уровень организации геологоразведочных работ; слабая изученность свойств и качеств природных материалов; истощительный характер использования сырьевых и топливных баз; отсутствие официально признанной методики исчисления, изъятия и распределения горной ренты (она зачастую используется минуя само горное производство и в малой мере на формирование инвестиционных фондов) [4].

Не соблюдается пропорциональность внутри минерально-сырьевого сектора экономики. Основная доля затрат приходится на поиски и разведку нефти и газа и очень малая часть – твёрдых полезных ископаемых. Чрезмерное предпочтение нефти и газу в ущерб рудным и нерудным полезным ископаемым лишает экономику России естественной основы её модернизации. Но и в нефтегазовом секторе экономики ситуация с заделами на будущее является неблагоприятной. Медленно осваиваются новые методы оценки ресурсов и запасов полезных ископаемых, особенно на уже осваиваемых геологических провинциях. Все яснее становится «пространственная» позиция. Она заключается в том, что осваивать удалённые минерально-сырьевые районы на основе старой технологии не имеет смысла.

Обратим внимание на двойственное значение НДПИ относительно социально-экономического развития северных регионов. Оно заключается в том, что, с одной стороны, правомерным является приоритет федерального бюджета в налогах от природных ресурсов общероссийского значения, с другой – в условиях, когда территориальные бюджеты «привязаны» к низкодоходным видам экономической деятельности и имеют постоянный дефицит, возникает чувство несправедливости и желание пополнить ресурсы регионального развития за счет высокодоходной добычи нефти и газа. Автор полагает, что повысить значение горного хозяйства в развитии регионов возможно, если совершенствовать лицензирование недропользования с обязательным участием региональных правительств и с включением в содержание лицензий всех условий, необходимых для комплексного освоения месторождений полезных ископаемых и социального развития территорий.

Анализ земельных ресурсов, сельского хозяйства и продовольственной безопасности северных регионов показал первостепенное значение оптимизации структуры распределенного фонда земли по формам собственности: федеральной, субфедеральной (республиканской), муниципальной, личной. В использовании земель сельскохозяйственного назначения проблемная ситуация зафиксирована не только в том, что северные регионы потеряли значительную часть ранее освоенных под сельское хозяйство земель, но и в том, что оставшаяся их часть используется плохо, иногда без пользы только числится на балансе сельскохозяйственных организаций, обрекая их деятельность.

В составе муниципальных земель сельскохозяйственного назначения и тех, которые можно вернуть в хозяйственный оборот, желательно выделить площади для закрепления их за животноводческими комплексами с целью создания собственной кормовой базы и производства картофеля и овощей на органических удобрениях (на условиях «льготной» аренды или долгосрочного пользования с минимальным налогообложением). Актуальной стала механизация фермерских, личных подсобных и дачных хозяйств, в том числе за счет размещения «мини» технических станций коллективного пользования. Было бы разумно построить в сельских районах унитарные предприятия, совмещающие в своей технологической структуре хранение и переработку картофеля, овощей, грибов и ягод.

Продовольственная безопасность теперь заключается не в том, что Россия много ввозит продуктов питания, а в том, что ввезенное и произведенное внутри страны не соответствует нормам безопасности для здоровья людей. Северные территории (в отличие от многих других) наиболее подходят для органического сельского хозяйства; они менее насыщены «химией» и относительно просто включаются в систему адаптивно-ландшафтного земледелия.

Проблемы модернизации лесного хозяйства и рационального лесопользования тесно связаны с правильным учетом, оценкой и капитализацией лесных ресурсов. Биологи особое внимание обращают на динамику лесообразующих пород. Дело в том, что в результате проведения больших концентрированных рубок на месте высокопроизводительных сосновых и еловых лесов таежной зоны формируются молодняки с преобладанием лиственных пород. С преобразованием лесов происходит трансформация животного и растительного мира, гидрологических и термических характеристик бассейнов северных рек, что отрицательно отразилось на условиях жизни местного населения.

В связи с дроблением лесозаготовок сотни временно создаваемых бригад якобы малых предприятий рубят по 10–15 тыс. м³ в год, не нанимая при этом местное население и ничего не строя. Это наносит существенный ущерб лесному хозяйству. Малые предприятия лесного сектора экономики должны быть включены в общую технологическую схему, иметь длительные и устойчивые производственно-технологические и социально-экономические договорные отношения со средними и крупными предприятиями (фирмами). Только в рамках организации хозяйства на относительно больших площадях (8–10 тыс. кв. км) может быть решена генеральная задача постоянного лесопользования на воспроизводственной основе.

К худшему изменился метаболизм тундровых геосистем в части прироста биомассы, зарастания значительных площадей мхов и лишайников кустарниковой растительностью, ускоренного процесса заболачивания. Кормовая база оленеводства находится в кризисном состоянии. Срочно необходимо приводить в равновесие поголовье домашних оленей и природно-ресурсный потенциал тундры [1].

Поскольку роль биоресурсной экономики в общественном развитии занижена, постольку улучшение жизни северян все еще связывают с надеждами на бонусы от нефти и газа [8]. В связи с этим обратим внимание на следующее обстоятельство. Главные опасности в создании ***фондов будущих поколений*** за счет доходов от полезных ископаемых заключаются в коррупции, бюрократизме и неподотчетности руководителей разного рода фондов перед населением; в незнании, как полностью изъять природную ренту и справедливо ее распределить; в недостаточности существующей ныне законодательной и нормативной базы для справедливого развода ресурсных налогов и платежей на федеральные и региональные; в неопределенности географических границ действия фонда будущих поколений. Без

устранения данных препятствий и хорошо настроенной технологии устранения конфликтов между различными уровнями власти региональные фонды будущих поколений создавать не следует.

Рациональное природопользование все более включается в систему межрегиональной интеграции. Последняя, как фактор развития арктических и северных регионов, региональной политикой Российской Федерации явно недооценивается. В стратегических документах федерального уровня речь идет главным образом о крупных проектах освоения месторождений углеводородов на шельфе морей Северного ледовитого океана, об ускоренном оснащении ледокольным флотом Северного морского пути, создании военных опорных баз и других направлениях «покорения арктических пространств». И наоборот, «внутренние» стратегии развития всех арктических и северных регионов ориентированы в большей мере именно на совершенствование существующих производств, ЖКХ, дорог, энергетических сетей, на экологическое обустройство обжитых мест и в меньшей – на освоение новых территорий и ресурсов.

Федеральный и региональные подходы в определении арктических и северных приоритетов можно было бы считать равнозначными, но по факту на первый план выходят мероприятия общероссийского значения в соответствии с чрезмерно высоким уровнем концентрации финансовых и административных ресурсов в распоряжении центральной власти, реализуемых вкупе с крупными нефтяными и газовыми корпорациями.

В тематике межрегиональной интеграции важное место занимают вопросы рационального природопользования и интеграция инфраструктуры смежных субъектов РФ. Поэтому неслучайно возникло стремление руководителей некоторых субъектов Федерации (двух-трех соседей) объединить свои усилия в решении общих («сквозных») задач.

Если с частных примеров такого рода объединений (Красноярский край, Республика Тыва, Республика Хакасия или Кемеровская и Томская области) перейти на общие основания соседской интеграции, то их (основания) можно определить следующим образом: сохранение природных ландшафтов, улучшение гидрологического режима рек и озер с учетом высокого природоохранного значения полосы мировых водоразделов, сопряжение хозяйственных функций тундры и тайги с их природно-ресурсной емкостью, восстановление речного судоходства, дорожное строительство, создание тепловых и электроэнергетических систем, переработка твердых и газообразных отходов, кооперация в части проектно-изыскательских и конструкторских работ. Интеграцию целесообразно рассмотреть также в плане объединения ресурсов и усилий регионов для развития своих периферийных «углов». Смежные муниципальные образования регионов-соседей могли бы иметь общую специальную программу активного развития с учётом экологических преимуществ периферии.

Библиографический список

1. Елсаков В.В. Оперативная ресурсная оценка пастбищных угодий северного оленя по спектрональным спутниковым данным // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2014. № 1. С. 60-70.
2. Лаженцев В.Н. Конституционные основы территориального развития // Вопросы территориального развития. 2019. № 1 (46). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28063>. DOI: 10.15838/tidi.2019.1.46.1 (с. 1-11; 0,8 п.л.).

3. Лаженцев В.Н. Направления научных исследований в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2018. № 4. С. 102-110.

4. Лаженцев В.Н., Чужмарова С.И., Чужмаров А.И. Налогообложение в системе природопользования и его влияние на экономическое развитие северных территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 6. С. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7

5. Логинов В.Г. Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007. 311 с.

6. Модернизация биоресурсной экономики северного региона / колл. авторов. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2018. 212 с.

7. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. акад. В.В. Кулешова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.

8. Хикл У. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / пер. с англ. М.: Изд. дом «Прогресс», 2004. 340 с.

9. Шишелов М.А. Оценка ключевых факторов эффективности деревообрабатывающей промышленности (на примере Республики Коми). Ижевск: ООО «ПРИНТ», 2018. 116 с.

Информация об авторе

Лаженцев Виталий Николаевич (Россия, Сыктывкар) – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН» (167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

Lazhentsev V.N.

NATURAL RESOURCE ECONOMY: ITS ROLE IN STRATEGIC DEVELOPMENT OF NORTHERN REGIONS

Abstract. *The issues of natural resource economy are developed within the priority of the Russian domestic market over external markets, the structural shifts of the national economy towards accelerated development of manufacturing based on fuel, raw materials and resources from Northern and Arctic regions, the elimination of imbalances within fuel and energy, mineral and biological resource complexes. In Northern Russian regions the role of bioresources is increasing, which requires a change in the system of rental income distribution across the entire range of mining sectors. The economic parameters of the development and use of raw materials should not undermine the environmental foundations of rational resource management.*

Key words: *natural resource economy, Northern region, “green” economy, strategic development.*

References

1. Elsakov V.V. The use of satellite research methods in monitoring the state of forest communities in the area of industrial emissions. *Sovremennye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa=Current Problems in Remote Sensing of the Earth from Space*, 2014, no. 1, pp. 60-70. (In Russian).

2. Lazhentsev V.N. The constitutional basis for territorial development. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*=Territorial Development Issues, 2019, no. 1 (46). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28063> DOI: 10.15838/tdi.2019.1.46.1 (pp. 1–11; 0,8 p.l.). (In Russian).
3. Lazhentsev V.N. Directions of research at the institute of socio-economic and energy problems of the North of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. *Izvestiya Komi NTs UrO RAN*=Bulletin of Komi Research Center of the Ural Branch of RAS, 2018, no. 4, pp. 102–110. (In Russian).
4. Lazhentsev V.N., Chuzhmarova S.I., Chuzhmarov A.I. Taxation in the system of natural resource management and its influence on the economic development of Northern territories. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 109-126. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.7(In Russian).
5. Loginov V.G. *Sotsial'no-ekonomicheskaya otsenka razvitiya prirodno-resursnykh raionov Severa* [The Socio-Economic Assessment of Development of Resource-Driven Northern Regions]. Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2007. 311 p.
6. *Modernizatsiya bioresursnoi ekonomiki severnogo regiona* [Modernization of the Bioresource-Driven Economy in Northern Regions]. Syktyvkar: OOO “Komi respublikanskaya tipografiya”, 2018. 212 p.
7. Kuleshov V.V. (Ed.). *Resursnye regiony Rossii v «novoï real'nosti»* [The Resource-Driven Russian Regions amid the “New Reality”]. Novosibirsk: Izd-vo IEOPP SO RAN, 2017. 308 p.
8. Hickel W.J. *Problemy obshchestvennoi sobstvennosti. Model' Alyaski – vozmozhnosti dlya Rossii?* [The Issues of Public Property. Alaska Model – Opportunities for Russia?]. Moscow: Izd. dom «Progress», 2004. 340 p.
9. Shishelov M.A. *Otsenka klyuchevykh faktorov effektivnosti derevoobrabatvyvayushchei promyshlennosti (na primere Respubliki Komi)* [Assessing Key Factors in Woodworking Efficiency (Case Study of the Komi Republic)]. Izhevsk: OOO «PRINT», 2018. 116 p.

Information about the Author

Vitaliy N. Lazhentsev (Syktyvkar, Russia) – RAS Corresponding member, Chief Researcher Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Research Center of the Ural Branch of RAS” (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; vnlazhentsev@iespn.komisc.ru)

II ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 93/94 / ББК 63.3(2)6

Безнин М.А., Димони Т.М.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.И. БЕЛОВА:
ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция социально-политических взглядов выдающегося русского писателя В.И. Белова на протяжении его творческого пути. Авторы приходят к выводу о становлении его убеждений в первой половине 1960-х гг. и их вызревании в 1970–1980-е гг.

Ключевые слова: Россия, XX век, политическое развитие, социальная структура.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».

Уход в прошлое русского крестьянского мира, раскрестьянивание были магистральной тенденцией социально-экономического развития России XX века. Основным периодом раскрестьянивания стали 1930–1960-е гг. [1]. Произошедший в 1960-е годы социальный перелом знаменовался окончательным уходом с исторической арены практически всех остатков крестьянского мировосприятия [2]. Утверждение господства денежных отношений, усилия государственной политики по ограничению приусадебного хозяйства разрывали последние нити «кровной» связи с землей [3]. Одним из важных изменений быта и мировоззрения была секуляризация сознания деревенских жителей.

Наиболее полно изменения основ российской крестьянской ментальности описаны большой плеядой писателей-деревенщиков, плодотворно творивших в 1950–1980-е гг. Этот период творческого подъема «крестьянской» темы был не случаен. Тонко чувствующая художественная элита нации прощалась с крестьянским прошлым, тысячелетней аграрной цивилизацией, уходившей безвозвратно. Произведения А. Яшина, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Тендрякова, Б. Можаяева и др. повествовали, как крестьянское «привычное дело» гибнет под натиском проникавшего в деревню капитала и индустриальной цивилизации [4].

Особое место в осмыслении российского исторического пути занимают произведения В.И. Белова. Его биография сегодня подробно изучена. Однако от внимания исследователей часто ускользает политическая составляющая его взглядов. А политическая деятельность в жизни писателя занимала немалое место. В 1956 г. В.И. Белов вступил в КПСС, в том же году стал работать в районной газете «Коммунар» (Грязовецкий район, Вологодская область) сначала литературным сотрудником, затем – главным редактором. В 1958 г. будущий писатель был избран секретарем Грязовецкого райкома ВЛКСМ, на этом посту он проработал около года, после чего поступил в Литературный институт. На основании «грязовецких наблюдений» появилась первая полномасштабная публикация В.И. Белова – очерк «Страшнее

всего – тишина», опубликованный в журнале «Молодая гвардия» в 1960 г. [5]. Очерк повествовал об опыте комсомольской работы будущего писателя. Написан он довольно традиционно, в русле оценок социально-экономической ситуации в деревне рубежа 1950–1960-х гг. Автор повествует о трудностях в работе деревенской молодежи: тяжелом физическом труде, особенно в животноводстве, отсутствии интересного отдыха, поисках «второй половинки», критикует верующих, стыдит тунеядцев. Заканчивается очерк довольно оптимистично. В.И. Белов пишет: «А жизнь тоже не стоит на месте ... Как изменилась психология сельского труженика с той далекой поры, когда в колхоз вступали по доверию соседа, когда несмело и медленно начинал разламываться вековечный круг крестьянского индивидуализма и забитости!» [5, с. 198].

Серьезный перелом в социально-политических представлениях В.И. Белова происходит, по всей видимости, в первой половине 1960-х гг. Драйвером его духовной эволюции стало влияние А.Я. Яшина – духовного отца деревенской прозы и, видимо, Ф.А. Абрамова – одного из идеологов русского литературного обновленчества. В полной мере новые взгляды В.И. Белова проявились в повести «Привычное дело» (первая публикация – журнал «Север», 1966, № 1). Все в этой повести было необычно, своеобразно, талантливо – язык, стилистика, сюжет, название. Главными героями повести была семья рядовых колхозников из маленькой северной деревни. Они, как могли, выживали: работали в колхозе за трудодни, тайком косили для своей коровы, воспитывали детей, думали, как заработать, словом, повторяли многовековое «привычное дело» крестьянского сословия. Однако столько красоты и жалости было в простой истории любви, рассказанной Василием Беловым, что читатель мог не сомневаться – перед ним не только трудная правда о тяжелой деревенской действительности, но и новые идеалы нравственности, символы духовной чистоты. Новые идеи В.И. Белов развивает и поясняет в других произведениях 1960-х гг. – «Плотничкине рассказы», «Бухтины вологодские». Полная картина общественной трансформации российского общества была создана писателем с появлением в его творчестве «городской» темы. В повести «Воспитание по доктору Споку» (журнал «Север», 1974, № 7) показаны нравы, царящие в городской семье – разрушительные для человеческих связей и психики.

К началу 1970-х гг. В.И. Белов становится одним из лидеров русского национального почвенничества, к которому власть, несмотря на довольно миролюбивое отношение, относилась с большим подозрением. Ярче всего этот конфликт проявился в 1972 г. в дискуссии, ядром которой стала статья зав. отделом пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлева «Против антиисторизма» (Литературная газета, 1972, 15 ноября). А.Н. Яковлев, отметив, что ядром современной социальной системы СССР стали рабочий класс и интеллигенция, обрушился с критикой на «проповедников теории “истоков”», где «именно деревня, причем старая, существующая главным образом в воображении этих проповедников, ... затерянный хутор..., хранящие традиции застойного быта, в отличие от города являются главной питательной почвой национальной культуры, некоей общенациональной морали». Тем самым культивируется любование патриархальным укладом жизни, домостроевскими нравами как основной национальной ценностью». В конце статьи А.Я. Яковлев, по сути дела, обвинил сторонников «деревенской прозы» в национализме. Трудно сказать, как именно происходила политическая борьба по поводу высказанных взглядов, какие силы были втянуты в идеологическое противостояние. Ясно одно, А.Н. Яковлев и его сторонники на тот момент потерпели поражение, а автор статьи был «сослан» послом в Канаду.

После событий 1972–1973 гг. кингстоны, сдерживающие «деревенщиков» в целом и В.И. Белова в частности, были открыты. Можно сказать, что именно период 1970 – начала 1980-х гг. стал квинтэссенцией выражения взглядов писателя. Выходит роман «Кануны» (журнал «Север», 1972, № 4, 5), «Лад: очерки народной эстетики» (1979). Талант и идеологические послы произведений В.И. Белова были высоко оценены партийной и советской властью. В 1981 г. писатель стал Лауреатом Государственной премии СССР, в 1982 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1984 г. – орденом Ленина. Суммируя социально-политические взгляды В.И. Белова периода вершины его творческой славы, можно выделить следующие их положения: 1. Традиционное русское крестьянство находится на грани исчезновения. 2. Традиционная народная культура с ее устоями общинности, религиозности разрушена. 3. Насилие над крестьянством продолжалось в течение практически всего XX века. 4. Главные удары были нанесены явлениями технического прогресса и марксистской идеологией. 5. Разрушение крестьянской культуры тождественно разрушению народной культуры. В начале 1990-х гг. В.И. Белов метафорически подвел итог ухода крестьянской цивилизации: «догорают последние золотые перья сказочной птицы Феникс» [6]. Однако даже непосвященному читателю понятна двойственность этой хитрой фразы. Птица Феникс в мифологии обладала способностью сжигать себя и затем возрождаться.

С середины 1980-х гг. В.И. Белов – активный участник политической жизни страны. С 1985 г. он являлся членом Вологодского областного комитета КПСС, с 1989 по 1991 г. был депутатом Верховного Совета СССР. Свое политическое кредо теперь В.И. Белов формулировал публично в выступлениях на съездах народных депутатов СССР. По-прежнему придерживаясь взглядов о том, что основой правильного движения страны должно быть возвращение к крестьянским нравственным и трудовым истокам, в 1989 г. В.И. Белов настаивает на: 1. Плюрализме форм хозяйствования в деревне с опорой на колхозы (в варианте чайновской кооперации). 2. Принятии закона о земле, который даст возможность свободного распоряжения ею тем, кто трудится на этой земле веками (но не свободного оборота земли). 3. Возвышении роли России (придать РСФСР государственный статус). 4. Возвращении православной церкви храмов и монастырей [7].

Политическая программа писателя, как видим, к началу 1990-х гг. представляла собой причудливую смесь идей почвенничества, коммунистических убеждений, либерализма, рыночности и приоритета национальных ценностей. Во всех этих идеях В.И. Белов пытался апеллировать мнением социального класса, который был уже стерт с лица земли, сохранились лишь его мемориальные отражения в культуре и народном самосознании. Но в этом и была ценность «последнего из могикан», который, оставшись один, перед лицом неизвестного политического будущего, опираясь на свои многолетние писательские убеждения и размышления, пытался выстоять и собрать сторонников под свои утопические знамена.

Библиографический список

1. Безнин М.А., Димони Т.М. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // Россия в XX веке: реформы и революции. М., 2002. С. 632-643.
2. Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): дис. ... к.и.н. Вологда, 1996.
3. Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Вологда, 1990.

4. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х гг. М., 2009.
5. Белов В.И. Страшнее всего – тишина [записки секретаря Грязовец. райкома комсомола о стиле работы райкома, о жизни молодежи на селе] // Молодая гвардия. 1960. № 3. С. 186-198.
6. Белов В.И. Догорающий Феникс // Русский Север. 1994. 21 апреля.
7. Белов В.И. Выступление писателя В.И. Белова на II съезде народных депутатов СССР // Правда. 1989. 18 декабря.

Информация об авторах

Безнин Михаил Алексеевич (Россия, Вологда) – доктор исторических наук, проректор по научной работе, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; beznin-uni-vologda.ac.ru);

Димони Татьяна Михайловна (Россия, Вологда) – доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; dimonitm@yandex.ru)

Beznin M.A. Dimoni T.M.

SOCIO-POLITICAL VIEWS OF V.I. BELOVA: REFLECTION OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN SOCIETY IN XX CENTURY

Abstract. *the article deals with the evolution of socio-political views of the outstanding Russian writer V.I. Belov during his career. The authors come to the conclusion about the formation of his beliefs in the first half of the 1960s and their aging in the 1970s and 1980s.*

Key words: *Russia, XX century, political development, social structure.*

References

1. Beznin M.A., Dimoni T.M. The End of peasantry in Russia (second half of XX century) // Russia in the twentieth century: reforms and revolutions. М., 2002. P. 632-643.
2. Dimoni T.M. Social protest in the collective farm village 1945-1960 (on the materials of the European North of Russia). The dessert. ... PhD. Vologda, 1996.
3. Beznin M.A. The farm in the Russian Nechernozemie 1950-1965. Vologda, 1990.
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. Capitalization of the Russian village in 1930–1980s. М., 2009.
5. Belov V.I. Worst of all – silence [of the note by the Secretary Gryazovets of the Komsomol district Committee on the work style of the Communist, on the lives of young people in the village] // The Young guard. 1960. No. 3. P. 186-198.
6. Belov V.I. Dying Phoenix // Russian North. 1994. April 21.
7. Speech writer V.I. Belov at the II Congress of people's deputies of the USSR // Truth. 1989. 18 Dec.

Information about the Authors

Mikhail A. Beznin (Vologda, Russia) – Doctor of History, Vice-rector for scientific work, Vologda State University (160000, Vologda, Lenin str., 15; beznin@uni-vologda.ac.ru);

Tatiana M. Dimoni (Vologda, Russia) – Doctor of History, professor, Vologda State University (160000, Lenin str., 15; dimonitm@yandex.ru)

Бобков В.Н.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СНИЖЕНИЮ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ: ВОЛОГОДСКИЙ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Обоснованы и описаны практические результаты применения новых подходов к снижению абсолютной монетарной бедности среди семей с детьми за счет усиления адресности их социальной поддержки и выявления неиспользованного социально-экономического потенциала.

Ключевые слова: бедность, абсолютная монетарная бедность, адресная социальная поддержка, малоимущие семьи с детьми, гарантированный душевой доход, доходы от занятости, социально-экономический потенциал семьи.

1. *Введение.* В современных российских подходах к измерению бедности, в частности в практике органов государственной статистики, широко используется международная методология измерения бедности: концепции абсолютной, относительной и субъективной бедности с применением монетарного и немонетарного методов для идентификации линий бедности [1; 2; 3 и др.]. Однако они характеризуются разной степенью проработанности с точки зрения индикаторов бедности. Имеются отличия в методике проводимых измерений по сравнению с зарубежной практикой, которые проявляются, в частности, в применяемых линиях бедности и методиках их определения, используемых для измерения бедности показателях и методиках их расчета и пр.

Проведенный сравнительный анализ российского и зарубежного опыта измерения бедности показал, что на современном этапе наиболее проработанными в официальной российской статистике с точки зрения индикаторов можно считать абсолютный и относительный монетарные подходы.

В качестве официальной линии бедности в России используется величина прожиточного минимума. Она учитывается при установлении размеров минимальных стандартов доходов (минимального размера оплаты труда (МРОТ), размеров социальных выплат, планирования бюджетных расходов на реализацию государственной социальной политики, а также для проведения мониторинга уровня абсолютной монетарной бедности по индикаторам численности и доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума [2]. Наряду с этим Росстатом разрабатываются индикаторы, опирающиеся на иные линии бедности: доля населения, имеющего душевые денежные доходы ниже модального и медианного доходов, ниже международных границ бедности в долларах по паритету покупательной способности и др.¹ [2]. Однако, кроме абсолютной монетарной бедности на основе прожиточного минимума, иные линии бедности в нашей стране не используются в государственной социальной политике на федеральном уровне.

¹ Средний, медианный и модальный уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/tab-bed1-2-6.htm

Исходя из сложившейся российской практики измерения бедности, следует ожидать, что достижение выдвинутой Президентом РФ национальной цели снижения к 2024 году бедности в два раза будет оцениваться индикатором доли населения с душевыми доходами ниже официального прожиточного минимума. Это подтверждается данными среднесрочного прогноза социально-экономического развития Российской Федерации до 2024 г., в базовом варианте которого предусмотрены целевые значения индикатора доли населения с доходами ниже официального прожиточного минимума 6,6%² (для сравнения в 2017 году, последнем перед началом прогнозируемого периода, абсолютная монетарная бедность составляла 13,2%³).

Широко известны два инструмента снижения абсолютной монетарной бедности: *повышение доходов от занятости и выплаты социальных гарантий по материнству и детству, а также выплаты, установленные в рамках социальной защиты малоимущих граждан*, включающие выплаты по обязательному государственному социальному страхованию, адресную социальную поддержку и социальное обслуживание. Основным из этих инструментов является повышение доходов от занятости. Однако для уязвимых слоев населения, имеющих ограниченную трудоспособность и иждивенческую нагрузку, значительную роль в снижении бедности играют адресные выплаты в системе социального страхования, гарантии и социальная поддержка и социальное обслуживание.

В вологодском пилотном проекте, выполненном в 2018 году в рамках проекта Фонда президентских грантов⁴, были реализованы новые механизмы повышения адресности социальной поддержки и снижения бедности малоимущих семей с детьми [6, с. 9-19; 7, с. 106-122].

II. *Методологические основы вологодского пилотного проекта.* В вологодском пилотном проекте обоснованы и апробированы следующие новые методологические концепты.

1) Применены уточненные пороговые критерии, по отношению к которым семьи включались в число получателей социальной поддержки. В качестве таких пороговых критериев были определены прожиточные минимумы, дифференцированные для семей с детьми с учетом экономии на потреблении при совместном проживании (ПМДЭ). В расчетах была задействована специально разработанная в ходе реализации проекта шкала эквивалентности, учитывающая экономию на потреблении типовых профилей малоимущих семей с детьми разного состава в Вологодской области [6, с. 13; 7, с. 110].

² См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/201801101>

³ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по России и по субъектам Российской Федерации / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#

⁴ Повышение адресности социальной поддержки и экономической устойчивости семей с детьми: пилотный проект. Договор №17-2-010241 между Фондом-оператором президентских грантов по развитию гражданского общества и Вологодской региональной общественной организацией «Объединение многодетных семей «Большая семья». Состав команды проекта: д.э.н., проф. Бобков В.Н. – руководитель; к.э.н. Одинцова Е.В. – ответственный исполнитель; к.э.н. Гулюгина А.А., Юдина М.А. – исполнители. Партнерами проекта являлись ИСЭПН РАН и Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации.

Применение ПМДЭ позволяет повысить точность измерений при определении масштабов бедности с учетом различий в составе и размере домохозяйств и повысить адресность социальной поддержки малоимущих семей с детьми.

2. Обосновано и введено понятие «гарантированный минимальный доход» (ГМД), представляющий собой денежный доход, обеспечивающий минимальные жизненно важные потребности малоимущего населения в полном объеме или частично, и конкретизировано его содержание. В качестве вариантов Комитету по социальной защите населения были предложены три уровня ГМД: а) стоимость нормативного продовольственного набора потребительской корзины ПМДЭ (базовый пороговый критерий); б) совокупная стоимость нормативного продовольственного набора и специально разработанного нормативного набора непродовольственных товаров и услуг для детей (промежуточный пороговый критерий) и в) прожиточный минимум дифференцированный эквивалентный (ПМДЭ, целевой критерий). Исходя из имеющихся финансовых возможностей администрацией был выбран промежуточный вариант размера ГМД и установлена дополнительная денежная социальная выплата родителю (семейное пособие по бедности). Размеры дополнительной денежной выплаты были определены как разница между базовым денежным доходом семьи (БДДС), который определялся как сумма поступлений денежных средств от доходов от занятости и иных источников доходов, включая государственную регулярную социальную поддержку, оказываемую в соответствии с федеральным и региональным законодательством, но без единовременных денежных выплат и социальной помощи на оплату жилья и коммунальных услуг и ГМД [7, с. 107-108].

Введение ГМД позволяет ориентировать государственную социальную помощь не на процесс, а на результат, придать ей целевой ориентир на удовлетворение минимальных жизненно важных потребностей малоимущего населения.

3. Обосновано и введено понятие «неиспользованный социально-экономический потенциал малоимущих семей с детьми», который представляет собой неиспользованные семьей возможности для повышения доходов от занятости и доходов от капитализации семейного имущества. В пилотном проекте неиспользованный социально-экономический потенциал малоимущих семей с детьми определялся для выявления их возможностей самостоятельно или при содействии государственных и муниципальных органов управления и работодателей выведения их из системы адресной социальной поддержки. Было установлено, что у части даже самых бедных семей имелся неиспользованный социально-экономический потенциал. Это означало, что в перспективе они могли бы повысить свои доходы от занятости, что привело бы к уменьшению расходов на их адресную социальную поддержку либо, для части из них, к выходу из числа нуждающихся семей при достижении их душевого дохода размеров ПМДЭ.

Выявление неиспользованного социально-экономического потенциала малоимущих семей с детьми повышает адресность социальной поддержки, ориентирует ее на приоритетные выплаты семьям, не имеющим неиспользованного социально-экономического потенциала.

III. *Практические результаты вологодского пилотного проекта.* Целевые выплаты проводились в течение августа-октября 2018 года. Экономический эффект от реализации проекта оценивался сопоставлением двух расчетных показателей – БДДС с ПМДЭ (базовое

соотношение) и ГМД с ПМДЭ (нормативное соотношение). После получения дополнительной единовременной социальной выплаты ГМД малоимущих семей с детьми составил 53–58% от дифференцированного эквивалентного прожиточного минимума в зависимости от типа семей. До вхождения в пилотный проект это соотношение составляло в среднем 35%. Расчеты показали, что нормативное соотношение в среднем было выше базового в среднем на 19,3 процентных пункта. Дополнительная семейная выплата по бедности в среднем в 2,6 раза превысила получаемые малоимущими семьями базовые социальные выплаты до их включения в пилотный проект.

За счет дополнительной социальной выплаты удалось значительно поднять душевые денежные доходы малоимущих семей с детьми и снизить глубину их абсолютной монетарной бедности.

IV. *Заключение.* Проведение вологодского пилотного проекта показало, что примененные в нем методология, инструменты и механизмы, введение дополнительного семейного пособия по бедности позволяют значительно снизить глубину бедности в малоимущих семьях с детьми. Было также подтверждено, что основным инструментом снижения и преодоления абсолютной монетарной бедности является повышение доходов от занятости, резервы которого имеются в результате неполного использования социально-экономического потенциала у значительной части малоимущих семей с детьми. Но это потребует объединения усилий органов социальной защиты населения с органами экономического развития и органами по труду и занятости, действия которых сегодня необходимо скоординировать для достижения национальной цели снижения к 2024 году бедности в два раза.

Библиографический список

1. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт / Ин-т соц.-эконом. проблем народонаселения РАН. М.: М-Студио, 2009. 268 с.
2. Неравенство и бедность / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
3. Уровень бедности / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#
4. At-risk-of-poverty rate. Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/data/main-tables>
5. Обзор методов и источников данных для измерения бедности в странах Содружества: стат. бюлл. № 1. Статкомитет СНГ. Статкомитет СНГ. 2015.
6. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Методологические подходы к усилению адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 1 (211). С. 9-19.
7. Бобков В.Н. Повышение адресности социальной поддержки малоимущих семей с детьми: вологодский пилотный проект // Народонаселение. Т. 22, № 1. С. 106-122.

Информация об авторе

Бобков Вячеслав Николаевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32); руководитель научно-исследовательских проектов, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (115093, Москва, Стремянный переулок, 32; bobkovvn@mail.ru). Ринц Author ID 275902, Скопус Author ID 55960509800

Bobkov V.N.

NEW APPROACHES TO POVERTY REDUCTION FOR FAMILIES WITH CHILDREN: VOLOGDA PILOT PROJECT

Abstract. *The practical results of applying new approaches to reducing absolute monetary poverty among families with children by strengthening the targeting of their social support and identifying unused socio-economic potential are substantiated and described.*

Key words: *Poverty, absolute monetary poverty, targeted social support, poor families with children, guaranteed per capita income, income from employment, social and economic potential of the family.*

References

1. Ovcharova L.N. Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: the Russian and international experience. Establishment of the Russian Acad. Sciences Institute social-econom. Population Problems RAS. M.: M-Studio, 2009. 268 p.
2. Inequality and poverty. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#.
3. Poverty level. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#.
4. At-risk-of-poverty rate. Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/income-and-living-conditions/data/main-tables>.
5. Review of methods and data sources for measuring poverty in the Commonwealth countries: stat. bullet №1. CIS Statcommittee. CIS Statcommittee. 2015
6. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Methodological approaches to improving the targeting of social support for low-income families with children. The standard of living of the population of the regions of Russia. № 1 (211), 2019, p. 9-19.
7. Bobkov V.N. Improving targeting of social support for low-income families with children: a Vologda pilot project. Population. T. 22, № 1, p. 106-122.

Information about the Author

Vyacheslav N. Bobkov (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory of the Problems of Level and Quality of Life, Institute of Socio-Economic Studies of Population of RAS; Chief Research Associate, Director of Scientific Projects, Plekhanov Russian University of Economics; Rintz Author ID 275902, Scopus Author ID 55960509800 (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218; 32, Stremyanny Lane, Moscow, 115093, Russian Federation; bobkovvn@mail.ru)

Кожевников С.А.

ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ РЕГИОНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА В РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Аннотация. В статье доказано, что рыночные преобразования 90-х гг. XX века негативно отразились на развитии Севера и Арктики. Обосновано, что формирование длинных цепочек добавленной стоимости, выходящих за пределы макрорегиона, является одним из ключевых условий модернизации экономики данных территорий. Обоснована необходимость повышения роли Вологодской области как «форпоста» освоения Севера и Арктики.

Ключевые слова: Европейский Север России, Арктическая зона РФ, технологические цепочки, транспортная система.

Особенностью России как самой большой по площади страны мира с ее огромными межрегиональными различиями в природно-ресурсных, этно-социальных, структурных, исторических, климатических условиях и факторах развития является необходимость обязательного учета пространственных аспектов. В связи с этим академик А.И. Татаркин справедливо отмечал, что «оптимальное использование экономического пространства всегда определяло и будет определять политическое, национальное, демографическое, социальное и экономическое своеобразие Российского государства» [1]. Наряду с этим академик П.А. Минакир и д.г.н. А.Н. Демьяненко указывали, что «экономическое пространство современной России – явление уникальное, вне всякого сомнения. И дело не только в том, что оно обширно и разнообразно, но и в том, что на протяжении как минимум двух последних десятилетий оно подвергалось кардинальным трансформационным преобразованиям» [2].

В сложившейся геополитической и геоэкономической ситуации важную роль в развитии страны, безусловно, должны играть регионы Севера и Арктики⁵ России, обладающие огромным геостратегическим и природно-ресурсным потенциалом. Вместе с тем потенциал этих территорий используется далеко не в полной мере в связи с нарушением основных экономических связей между регионами страны в постсоветский период⁶, ухудшением качества человеческого капитала, разрушением инфраструктуры. Данные процессы ведут не только к сжатию и дефрагментации экономического пространства, но и являются факторами, обуславливающими возрастание угроз её национальной безопасности.

В исследованиях чл.-корр. РАН, д.г.н. В.Н. Лаженцева справедливо отмечается, что развитие межрегиональной экономической интеграции по линии «Север-Юг» и встраивание данного региона в экономическое пространство страны позволит эффективно использовать потенциал Европейского Севера для решения стратегических задач развития Арктической зоны и России в целом [3]. Вместе с тем эффективное управление данными процессами, на

⁵ Границы Арктики в мировом сообществе пока однозначно не устоялись. Обычно ими является Северный полярный круг – 66°33' (Канада – 60°, Норвегия – 65°), при этом июльская изотерма для данных территорий составляет 10°C (США). В России границы данного макрорегиона утверждены Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (от 2 мая 2014 г. № 296).

⁶ Так, доля межрегионального оборота в ВВП России только за относительно короткий период (1990–1994 гг.) упала с 25 до 16%. Восстановление экономических связей внутри России в дальнейшем шло крайне медленными темпами.

наш взгляд, требует комплексного изучения особенностей и системных проблем развития территорий Европейского Севера России (ЕСР), а также обоснования эффективных механизмов их участия в реализации Стратегии развития Арктической зоны РФ. Это и послужило *целью* представленной работы.

Следует отметить, что в настоящее время не существует документа, комплексно регулирующего социально-экономическое развитие северных регионов России. Анализ нормативно-правовых актов и документов стратегического характера, ранее регламентировавших развитие Севера, показал, что значительная часть их положений так и не была реализована на практике (*табл. 1*).

Таблица 1. Стратегические и программные документы развития Севера и Арктики в России

Период	Стратегические и программные документы развития Севера и Арктики
СССР (1920–1989 гг.)	<ol style="list-style-type: none"> 1. План ГОЭЛРО (принят Советом Народных Комиссаров 21 декабря 1921 г.). 2. Совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства» (принято 20 июля 1934 г.). 3. Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов Президиума Верховного совета СССР от 10 февраля 1960 г. 4. Об утверждении Положения о Комиссии по делам Арктики и Антарктики при Кабинете министров СССР и персонального состава этой Комиссии (постановление Кабинета министров СССР от 29 мая 1991 г. № 308).
Российская Федерация (1990 г. – н.в.)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Межведомственная комиссия по делам Арктики и Антарктики, которая пришла на смену Государственной комиссии РСФСР по делам Арктики и Антарктики (образована в 1992 году). 2. Программа освоения запасов углеводородного сырья на шельфе арктических морей России, рассчитанная до 2010 года (утверждена в 1996 году). 3. ФЗ от 19.06.96 № 78 «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (утратил силу в 2005 году). 4. Концепция государственной поддержки экономического и социального развития регионов Севера (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 7 марта 2000 года № 198). 5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Приказом Президента РФ от 18 сентября 2008 г. № 1969). 6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ 8 февраля 2013 г.); 7. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366). 8. Правительственный законопроект «О развитии Арктической зоны Российской Федерации». (в настоящее время еще не принят). 9. Проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года.
Источник: составлено автором.	

В свою очередь, анализ стратегических документов развития АЗ РФ показал, что наблюдается вектор перехода от площадного к узловому развитию Арктики, от отраслевого к территориальному с учетом современных форм пространственной организации экономической деятельности ввиду очагового характера освоения данных территорий.

Результаты анализа социально-экономического развития субъектов Европейского Севера России в 1990–2017 гг. показали, что к числу ключевых тенденций развития региона в постсоветский период можно отнести:

- сокращение численности населения за счет естественного и миграционного оттока;
- нарастание деиндустриализации экономики и примитивизации промышленного производства;

- снижение объемов производства продукции сельского хозяйства;
- нарушение процессов воспроизводства основного капитала в ключевых отраслях, что ведет к росту уровня изношенности основных фондов;
- наличие достаточно высокого уровня безработицы;
- высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, которая все еще выше среднего по России показателя.

Аналогичные процессы концентрации населения и экономической активности характерны и для самого южного субъекта Европейского Севера России – Вологодской области. Её основными опорными центрами являются два крупных города, выступающие в роли административной (Вологда) и промышленной (Череповец) «столиц», и граничащие с ними муниципальные районы. Так, в 2017 г. в данных муниципалитетах проживало 73,1% населения области, производилось 93,3% промышленной и 65,1% сельскохозяйственной продукции; на них же приходилось 67,5% объема инвестиций в основной капитал и 79% оборота розничной торговли (табл. 2).

Таблица 2. Доля Вологды, Череповца и граничащих с ними муниципальных районов в значениях ключевых параметров социально-экономического развития области, %

Территория	Год						2017 к 2000, п.п.
	2000	2010	2013	2014	2016	2017	
<i>Доля в численности постоянного населения на конец года</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	35,6	37,2	37,9	38,2	38,4	38,5	2,9
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	31,9	33,6	34,1	34,3	34,5	34,6	2,7
<i>Доля в объёме производства промышленной продукции</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	10,5	13,0	16,1	22,8	18,3	18,6	-
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	84,1	83,8	80,9	71,7	75,1	74,1	-
<i>Доля в объёме производства сельскохозяйственной продукции</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	33,9	40,2	41,7	41,8	44,4	45,8	11,9
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	21,7	24,8	22,2	22,7	21,5	19,3	-2,4
<i>Доля в объёме инвестиций в основной капитал</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	27,3	40,2	26,7	29,4	23,2	22,3	-5,0
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	49,9	45,4	59,0	55,7	69,3	45,2	-4,7
<i>Доля в объёме оборота розничной торговли</i>							
Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Сокольский р-ны	40,7	40,9	43,4	43,4	43,0	42,7	2,0
Череповец, Череповецкий, Кадуйский, Шекснинский р-ны	31,9	36,5	35,5	34,1	35,8	36,3	4,4
Составлено по: [4] и данные Вологдастата.							

Таким образом, в постсоветский период на территориях ЕСР активно протекали процессы, которые привели к трансформации существующего опорного каркаса. Это проявляется в концентрации экономической и социальной активности в «узловых» точках (как правило, это муниципалитеты, в которых имеются крупные города, административные центры или крупные производства) и деградации производственного, человеческого, инфраструктурного потенциалов периферийных муниципалитетов. Данные процессы в конечном счете ведут к нарушению связности экономического пространства и росту его фрагментарности. С одной стороны, это проявляется в активизации агломерационных

процессов⁷, а с другой – в разрушении потенциала территорий, находящихся за пределами агломерационной зоны. В целом эти процессы вызывают дальнейшее усиление линейно-узловой структуры хозяйства ЕСР.

Анализ стратегических документов позволяет сделать выводы о том, что «арктический вектор» развития субъектов ЕСР до 2030 г. заключается прежде всего в дальнейшем развитии сырьевых отраслей и эффективной организации транспортно-логистической инфраструктуры для экспорта данной продукции на российские и международные рынки; укреплении обороноспособности страны на арктических рубежах и развитие Северного морского пути. Однако рациональному формированию системы расселения, развитию ее опорных центров и инфраструктуры, созданию условий для повышения качества жизни населения территорий АЗ РФ в стратегиях уделено, на наш взгляд, крайне мало внимания.

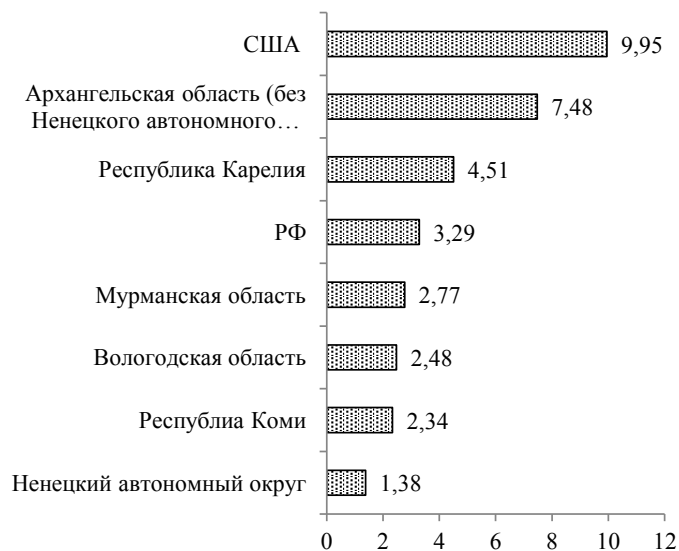
Активизации развития субъектов ЕСР может способствовать межрегиональная интеграция по линии «Север-Юг» и использование потенциала данных регионов для решения стратегических задач развития Арктической зоны РФ. При этом одним из условий эффективного использования потенциала ЕСР и его арктической зоны является активное развитие межрегиональной производственной кооперации в форме вертикально интегрированных технологических цепочек добавленной стоимости в несырьевых отраслях (деревообработка, целлюлозно-бумажная промышленность, гражданское, наукоемкое и точное машиностроение, производство продуктов питания и др.).

Однако современное состояние промышленности регионов Севера и Арктики характеризуется раздробленностью, низкой конкурентоспособностью, слабостью межрегиональных связей, неэффективностью институтов стимулирования промышленности [5]. При этом существующая технологическая структура экономики большинства северных и арктических регионов отличается *слабой диверсифицированностью с преобладанием отраслей начальных стадий технологического цикла*. Об этом, в частности, свидетельствуют рассчитанные сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН значения мультипликатора добавленной стоимости⁸ по регионам России (*рис.*).

Поэтому в текущих условиях крайне важной задачей является развитие внутреннего рынка, производство инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью на основе глубокой переработки ресурсов Севера и Арктики. Следует отметить, что в настоящее время есть определенные резервы для решения данных задач.

⁷ Проведенные авторами расчеты показывают возможность формирования и устойчивого развития на Европейском Севере РФ 9 агломераций, которые будут являться полюсами роста и обеспечивать связность пространства региона.

⁸ Под мультипликатором добавленной стоимости в данной ситуации понимаем отношение совокупной величины товарной массы, произведенной предприятием, к стоимости первичных сырьевых ресурсов, вовлеченных в хозяйственный оборот.

Мультипликатор добавленной стоимости по регионам Европейского Севера России (составлено по [6])

Так, мощности отечественной обрабатывающей промышленности загружены крайне недостаточно (по состоянию на 2017 год): на 20% – в производстве металлорежущих станков, 14 – кузнечно-прессовых машин, 16 – тракторов, 18 – бульдозеров, 18% – экскаваторов⁹.

Согласно Стратегии и Госпрограмме развития Арктики приоритетом в данном макрорегионе является развитие единой национальной транспортной сети. Это позволит повысить транспортную доступность населенных пунктов, устранить инфраструктурные ограничения экономического роста и создать условия для встраивания АЗ РФ в единое экономическое пространство. Для этого в настоящее время реализуется целый ряд проектов, направленных на интеграцию данного макрорегиона с восточными территориями (проект «Белкомур»; «Баренцкомур»). В то же время значительно меньшее внимание уделяется интеграции арктического региона с центральными и южными территориями. Важность интенсификации процессов пространственно-территориального развития Севера и Арктики сегодня определяет необходимость формирования эффективной системы координации стратегических процессов развития как отраслей, так и инфраструктуры арктических и приарктических регионов.

В наших исследованиях доказано, что модернизация и неоиндустриализация экономики требуют развития транспортно-логистической системы. Обоснована необходимость повышения роли Вологодской области как транзитного региона и «форпоста» освоения Севера и Арктики, а Вологды как транспортного узла (а в перспективе – мультимодального логистического центра) в решении проблем развития региона.

⁹ Уровень использования среднегодовой производственной мощности организаций по выпуску отдельных видов продукции (годовые данные – с 2017 г.) в соответствии с ОКПД 2. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#

Библиографический список

1. Татаркин А.И., Лаврикова Ю.Г. Развитие экономического пространства регионов Российской Федерации на основе кластерных принципов: научное сообщение на заседании Президиума РАН, г. Москва, 27 декабря 2011 г. URL: [ras.ru\FStorage/Download.aspx?id=baccbccf-0728](http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=baccbccf-0728)
2. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию (статья первая) // Регионалистика. 2017. Т 4. № 1. С. 5-14.
3. Лаженцев В.Н. Север России: размещение производительных сил и пространственное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). URL: <http://esc.isert-ran.ru/article/175>
4. Ворошилов Н.В. Особенности и проблемы функционирования института местного самоуправления в муниципальных образованиях городской агломерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.1
5. Березиков С.А. Современное состояние и ключевые проблемы технологического развития ресурсных отраслей экономики Севера и Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 3 (50). С. 80-88.
6. Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 144 с.

Информация об авторе

Кожевников Сергей Александрович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; kozhevnikov_sa@bk.ru)

Kozhevnikov S.A.

POSSIBILITIES OF PARTICIPATION OF THE REGIONS OF THE EUROPEAN NORTH IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article proves that market transformations of the 90s. The twentieth century had a negative impact on the development of the North and the Arctic. It has been substantiated that the formation of long value chains that go beyond the macroregion is one of the key conditions for the modernization of the economy of these territories. The necessity of increasing the role of the Vologda region as an “outpost” of the development of the North and the Arctic has been substantiated.*

Key words: *European North of Russia, Arctic zone of the Russian Federation, technological chains, transport system.*

References

1. Tatarikin A.I., Lavrikova Yu.G. Razvitie ekonomicheskogo prostranstva regionov Rossiyskoy Federacii na osnove klasternykh principov: nauchnoe soobschenie na zasedanii Prezidiuma RAN, g. Moskva, 27 dekabrya 2011 g. URL: [ras.ru\FStorage/Download.aspx?id=baccbccf-0728](http://ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=baccbccf-0728)
2. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Ekonomicheskoe prostranstvo sovremennoy Rossii i podhody k ego issledovaniyu (statya pervaya) // Regionalistika. 2017. T 4. № 1. S. 5-14.

3. Lazhencev V.N. Sever Rossii: razmeschenie proizvoditelnyh sil i prostranstvennoe razvitiye // Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. 2011. № 1 (13). URL: <http://esc.isert-ran.ru/article/175>

4. Voroshilov N.V. Osobennosti i problemy funkcionirovaniya instituta mestnogo samoupravleniya v municipalnyh obrazovaniyah gorodskoy aglomeracii // Voprosy territorialnogo razvitiya. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.1.

5. Berezikov S.A. Sovremennoe sostoyanie i klyuchevye problemy tehnologicheskogo razvitiya resursnyh otrasley ekonomiki Severa i Arktiki // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2016. № 3 (50). S. 80-88.

6. Lukin E.V., Kozhevnikov S.A., Melnikov A.E. Organizaciya i faktory novoy industrializacii / pod nauch. ruk. T.V. Uskovoy. Vologda: FGBUN VolNC RAN, 2018. 144 s.

Information about the Author

Sergei A. Kozhevnikov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Sciences (Economics), Senior Researcher head of laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; kozhevnikov_sa@bk.ru)

УДК 338.266 / ББК 65.05

Локосов В.В.

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ПРЕДЕЛЬНО КРИТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Аннотация. В статье проводится оценка наиболее значимых индикаторов состояния российского общества. Выделяются причины, препятствующие социально-экономическому развитию. Предлагается использовать метод предельно критических показателей в управлении государственными программами (проектами) и реализации национальных приоритетов.

Ключевые слова: национальные приоритеты, социальные показатели, предельно критические значения показателей, индикативное изменение, социальное неравенство, устойчивое развитие.

В мае 2018 года был издан Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах Российской Федерации на период до 2024 года», получивший название «майского указа». Это третья попытка обозначить стратегические приоритеты развития страны на определенный период. В 2005 году была анонсирована программа роста человеческого капитала в России под названием «Приоритетные национальные проекты». Первоначально в их перечень входили «Здоровье», «Образование», «Жильё» и «Развитие АПК». В 2012 году были оглашены 11 так называемых майских указов, которые содержали около тридцати целевых показателей. В 2018 году такая управленческая практика была продолжена и издан новый «майский указ», содержащий 12 национальных проектов. С одной стороны, надо поддержать эту практику стратегического планирования, которая затрагивает жизненно важные приоритеты развития российского общества. С другой стороны, можно

констатировать их слабое научное обоснование, некоторую произвольность и, как следствие, проблемы с исполнением.

Например, производительность труда, согласно «майским указам», должна была возрасти в 1,5 раза, а реально возросла на 6%. Правда, предполагалось, что и реальная заработная плата вырастет в 1,4–1,5 раза, а она возросла на те же 6%.

Задача создания 25 млн высокопроизводительных рабочих мест была официально реализована на 65%, хотя где были созданы 16–17 млн высокопроизводительных рабочих мест, не поясняется. Сомнительны успехи в увеличении среднего класса, повышении заработной платы учителям, врачам, научным работникам и по многим другим целевым показателям.

Столь же сомнительно выглядят некоторые целевые показатели «майского указа». Например, известно, что значение суммарного коэффициента рождаемости (СКР), если мы хотим простого воспроизводства населения, не должно быть менее 2,1 рождений на женщину. Поэтому странно выглядит сочетание в «майском указе» повышение СКР до 1,7 и обеспечения устойчивого естественного роста численности населения при начавшемся втором этапе депопуляции.

Нельзя отрицать определенные изменения к лучшему. Так в 2013–2015 годах впервые с начала реформ была преодолена депопуляция, увеличилась ожидаемая продолжительность жизни. Есть и другие положительные социально-экономические перемены. Но, во-первых, они незначительны и неустойчивы. Во-вторых, если брать в целом задачу повышения человеческого потенциала, уровня и качества жизни населения то здесь ситуация скорее находится в точке застоя. Причины сложившейся ситуации застоя многочисленны. Назову три из них, которые можно отнести к разряду основных.

Первая причина носит глобальный характер. Идеологическое противостояние двух парадигм развития обществ – неолиберальной и социальной (социально ориентированной экономики) – в настоящее время складывается в пользу неолиберальных подходов. Есть различные перечни негативных для большинства населения социально-экономических тенденций. Приведу семь таких тенденций, которые чаще всего исследователи выделяют и объясняют неолиберальным выбором [1, с. 59-92].

Стагнация заработной платы. До 80-х гг. XX века рост производительности труда в мировой экономике шел примерно одним темпом с ростом оплаты труда. Затем расхождение между этими переменными стало возрастать: производительность росла, а размеры заработной платы нет. Например, в США в 2013 г. реальная зарплата рядового рабочего была на 13% ниже, чем в 1973 году.

Снижение доходов наемных работников и рост доходов корпоративного сектора. Тенденция стагнации заработной платы никак не отражается на прибыльности крупных компаний. Скорее наоборот – увеличивает их эффективность, объем денежных средств, снижает долговое бремя.

Сокращение доли экономически активного населения. Старение населения увеличивает демографическую нагрузку на общество и меняет трудовой потенциал.

Уменьшение новых рабочих мест и рост длительной безработицы. По словам одного из основателей Momentum Mashins Вардакостаса: «Мы не стремимся к тому, чтобы сделать

труд людей более эффективным. Наша задача – полностью избавиться от них»¹⁰. Это принципиально иное отношение к труду и к производительности труда, из которых вытесняется человек, вернее массовый работник.

Быстро растущее неравенство. Идет процесс концентрации доходов в узкой группе лиц. Приведу график по распределению роста доходов населения в 1956–1989 и в 1989–2016 годах из книги французского социолога Томаса Пикетти в соавторстве с двумя коллегами «От Советов до олигархов: неравенство и собственность в России 1905–2016 гг.» [2].

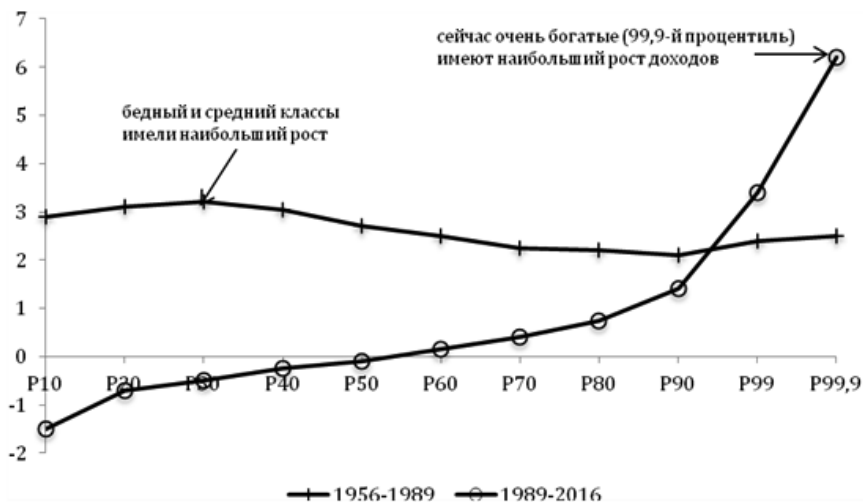

Рисунок 1. Реальный рост доходов населения России в 1956–2016 гг. по процентиллям (%)

Источник: F. Novokmet, T. Piketty, G. Zucman. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905-2016. July 2017. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>

Сравнительный анализ показывает качественное отличие характера распределения доходов в эти временные периоды и стремительный рост доходов 10-процентной наиболее богатой группы населения в 1989–2016 годах.

Снижение доходов и безработица среди выпускников вузов. В современной России более 80% выпускников школ поступают в вузы, но большинство из них не могут затем найти работу по специальности, а зачастую просто работу.

Рост частичной занятости. Частичная, неформальная, неустойчивая или неполная занятость стала уделом почти 40% трудоспособного населения России [3]. В социальных науках объект этих исследований получил название прекариата.

Указанные семь негативных для большинства населения тенденций, а к ним можно добавить немало других, направлены на свертывание социального государства, т. е. на свертывание условий для достойной жизни широких слоёв населения.

Вторая причина выводится из первой. При официальном отрицании наличия государственной идеологии фактически она присутствует и носит неолиберальный характер. В российском обществе разработка альтернативных неолиберальной парадигме развития страны мало востребована. Поэтому системный анализ сложившегося политического режима

¹⁰ Roush W. Hamburgers, Coffee, Guitars, and Cars: A Report from Lemnos Labs. URL: <https://xconomy.com/san-francisco/2012/06/12/hamburgers-coffee-guitars-and-cars-a-report-from-lemnos-labs/>

и социально-экономического уклада признаётся малоактуальным и выводится за рамки фундаментального научного изучения. Социальные науки в таких условиях вынуждены избегать сложных вопросов обустройства общества, заниматься прикладными вопросами обоснования зачастую уже принятых управленческих решений или в советском ключе заниматься апологетикой «генеральной линии партии». Отсюда идёт тенденция имитация отчетных результатов, искажение и усредненность статистических данных, недоверие к эмпирическим данным.

Ситуация осложняется внешними условиями. Понятное нежелание воспринимать научную критику управленческих решений дополняется внешними политическими санкциями в отношении России, чуть ли не угрозой начала войны. В таких условиях критика принимаемых решений может ложно трактоваться как несвоевременная и даже непатриотичная.

Третья причина носит социокультурный, ментальный характер. Элитарность правящих социальных групп во многом номинальная, т. к. у абсолютного большинства населения элита не пользуется уважением, доверием, моральным авторитетом. Элита сложилась как социальное явление в лихие 90-е и сколько бы нам не говорили, что это дело прошлое, пора перевернуть страницу, но «родимые пятна» приватизации общенародной собственности будут долгое время мешать социальной консолидации. В новой элите широко распространено пренебрежительное отношение к качественным характеристикам населения. Представители элиты часто критикуют российское население за пассивность, патернализм. Отсюда участвовавшие призывы забыть о помощи государства и рассчитывать только на себя и свою семью. В этом есть доля правды, но высокомерная критика населения явно преувеличена. Более того, современной российской элите повезло, что в управление ей досталась такая редкая общность, как советский народ. Инерция советского менталитета удивительным образом сочетает отчуждение от элиты с патриотизмом и, одновременно, с потерей навыков самоорганизации для защиты своих интересов. Достаточно назвать проведение пенсионной реформы, которая прямым образом противоречит интересам абсолютного большинства граждан, они это понимают и настроены против реформы, но никаких массовых протестов в обществе не наблюдалось.

По названным и другим причинам система управления обществом осталась мало восприимчива к объективному научному знанию, продолжается практика принятия решений путём проб и ошибок, путём «ручного управления».

Однако постепенно ситуация меняется. Скрамность достигнутых успехов социально-экономического развития за тридцать лет реформ, внешняя русофобия подталкивает к поиску более эффективных и стратегически ориентированных решений. Принятие в 2014 г. федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» можно рассматривать как начало движения в этом направлении. Долгие годы отрицание эффективности стратегического индикативного планирования объяснялось принципиальной невозможностью прогнозировать развитие ситуации на долгосрочную перспективу, прежде всего, в связи с быстро меняющимися условиями. Отсюда строился и горизонт управления в три года и отсутствие стратегического целеполагания выраженного в конкретных цифрах. А вместе с ними – отсутствие ответственности за результаты управленческой работы.

Переход к стратегическому планированию, к национальным проектам возвратил интерес к построению адекватной системы показателей развития общества. В настоящее время ведется корректировка этой системы, в том числе, в рамках Росстата. Сформирована определенная последовательность документов реализации национальных проектов, к каждому из них в различных министерствах и соответствующих экспертных группах разрабатываются паспорта, ведется мониторинг исполнения, определяются оптимальные, целевые значения показателей. Благодаря этим процессам получил новые возможности применения метод предельно критических показателей.

В 1994 г. впервые разработка метода предельно критических (пороговых) показателей общественного развития была поставлена как научная проблема, и предпринята попытка построения такой шкалы показателей [4, 5]. В дальнейшем его разработкой занимались специалисты научных советов Совета безопасности РФ. В 2011 г. на Президиуме РАН состоялось научное сообщение академика С.Ю. Глазьева и В.В. Локосова по теме «Оценка предельно критических показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием», в котором приводился перечень из почти 90 пороговых значений показателей экономической безопасности [6].

На каких концептуальных положениях базируется этот метод? Во-первых, общество рассматривается как социальная система, институциональные связи между элементами которой носят вероятностный характер. Во-вторых, по каждому жизненно важному параметру есть граница, переход за которую означает приближение к угрозе распада данной системы. В-третьих, вхождение социальной системы в предельно критическое состояние можно измерить с помощью показателей и индикаторов.

Сложность применения этого метода состояла и состоит в отсутствии общепринятой теории устойчивого социально-экономического развития. Метод строится, в основном, на экспертных оценках, а такие оценки зависят от субъективной позиции эксперта. Например, в рамках неолиберализма утечка умов есть нормальный процесс, а в рамках теории социально ориентированной экономики нужны регулирующие меры, чтобы нейтрализовать этот скорее негативный процесс.

Сегодня реализацию национальных приоритетов в социальной сфере предлагается измерять по десяткам показателям. Но принятие какой-то общей шкалы предельно критических значений этих показателей продолжает обсуждаться. Например, по данным Росстата, децильный коэффициент в РФ последние пять лет варьируется около значения 16 раз. Предельно критическим его значением чаще всего называют 10 раз. Казалось бы, превышение реального значения над предельно критическим очевидно, следовательно, неравенство в доходах 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения надо сокращать. Но с точки зрения неолиберального подхода значение децильного коэффициента в 16 раз допустимо.

Профессор А.Ю. Шевяков в своих работах анализировал проблему критического уровня социального неравенства. Используя математические методы, он пришел к выводу: «Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже ее – как избыточное» [7]. Автор доказал, что избыточное неравенство, т. е. неравенство, которое превышает предельно критические значения, является одним из основных факторов замедления экономического роста и демографического кризиса. В современной России явно существует избыточное неравенство. Не следует забывать, что мы

вернулись к ситуации столетней давности, что у нас 71% финансовых активов сосредоточено среди 1% населения, чего нет ни в одной крупной стране мира [8, с. 12]. Но эти аргументы для сторонников неолиберального направления звучат малоубедительно. Уровень неравенства, сложившийся в современной России признается ими нормальным, а «костлявая рука» рынка якобы сама разберется, какое неравенство нужно обществу. Кроме того, вызывает сомнение достоверность подсчета многих показателей, включая децильный коэффициент, т. к. реальное соотношение доходов при отсутствии данных по 15 млн так называемых самозанятых граждан (по другим оценкам до 30 млн) выявить трудно. Сходная ситуация складывается по многим другим показателям.

Несмотря на указанные сложности в выработке достоверной и надежной оценки состояния общества, его стабильности, метод предельно критических показателей, определение их пороговых значений представляется полезным для проведения диагностики общественного развития. С помощью этого метода можно договориться о той «красной черте», заходить за которую опасно, если мы хотим найти ответы на растущие внешние угрозы и внутренние вызовы. Потребность в стратегическом видении развития общества, поставленные задачи реализации национальных проектов, новые цифровые технологии увеличивают возможности применения этого метода. В частности, при разработке и принятии федеральной, региональных и муниципальных стратегий социально-экономического развития на период до 2030 года.

Библиографический список

1. Форд М. Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 430 с.
2. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905-2016. July 2017. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
3. Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда / под ред. В.Н. Бобкова. М.: РеалПринт, 2017. 560 с.
4. Осипов Г.В., Локосов В.В. Пределы падения // Осипов Г.В. Социология и политика. М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 556-568.
5. Локосов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 86-94.
6. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 7. С. 587-614.
7. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики. М., 2010. С. 7-19.
8. Аганбегян А.Г. Как оздоровить российский бюджет? // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 4. С. 12-16.

Информация об авторе

Локосов Вячеслав Вениаминович (Россия, Москва) – профессор, доктор социологических наук, директор, Институт социально-экономических проблем

Lokosov V.V.

THE POSSIBILITIES OF APPLICATION OF THE METHOD OF EXTREMELY CRITICAL INDICATORS IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PRIORITIES

Abstract. *The article assesses the most significant indicators of the state of Russian society. Highlighted the reasons that impede the socio-economic development. It is proposed to use the method of extremely critical indicators in the management of state programs (projects) and the implementation of national priorities.*

Key words: *national priorities, social indicators, extreme critical values of indicators, indicative change, social inequality, sustainable development.*

References

1. Ford M. Robots come. Technology development and the future without work. M.: Alpina non-fiction, 2016. 430 p.
2. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From 1905-2016. July 2017. URL: <http://piketty.pse.ens.fr/files/NPZ2017WIDworld.pdf>
3. Employment Instability: The International and Russian Contexts of the Future Labor Sector / ed. Bobkova V.N. M.: RealPrint, 2017. 560 c.
4. Osipov G.V., Lokosov V.V. The limits of the fall // Osipov G.V. Sociology and politics. M.: ISPI RAS, 1995. Pp. 556-568
5. Lokosov V.V. The stability of society and the system of critical indicators of its development // Sociological studies. 1998. №4. Pp. 86-94.
6. Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. Evaluation of extremely critical values of indicators of the state of Russian society and their use in the management of socio-economic development // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2012. T. 82. № 7. Pp. 587-614.
7. Shevyakov A.Yu. Income inequality as a factor of economic and demographic dynamics. M., 2010. P. 7-19.
8. Aganbegyan A.G. How to improve the Russian budget? // Economic policy. 2015. Vol. 10. № 4. C. 12-16.

Information about the Author

Vyacheslav V. Lokosov (Moscow, Russia) – Professor, Doctor of Sociology, Director of Institute of Social and Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; info@isesp-ras.ru)

УДК 316.43 / ББК 60.82

Маркин В.В.

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ**

Аннотация. В материалах рассматриваются проблемы и перспективы пространственного развития России. Анализируются теоретико-методологические

аспекты понятия «пространственное развитие». Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к осознанию масштабов и путей решения задачи пространственного развития, особенно в реализации конкретных политико-управленческих практик.

Ключевые слова: пространственное развитие, субъекты РФ, государственное управление, территориальная специфика.

Проблема «пространственного развития» России в дискурсе политико-управленческих практик вызвала особый интерес в связи с предложением Президента РФ В.В. Путина, выдвинутого в Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г.: развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели на предстоящие шесть лет.

«Такой масштабный проект, – подчеркнул Президент, – это новые экономические и социальные перспективы для людей, современная среда для жизни, для культурных и гражданских инициатив, для малого бизнеса и стартапов. Все это послужит формированию в России массового, деятельного среднего класса» [1].

Однако анализ сложившихся как федеральных, так – и особенно – региональных политико-управленческих практик (под которыми понимается совокупность регулирующих воздействий, направленных на функционирование и развитие макрорегиональных, собственно региональных (субъектов РФ) и местных (муниципальных) образований, соответствующих социально-территориальных сообществ, предполагающих включенность их в общероссийское пространство на основе взаимодействия структур власти всех уровней, бизнеса, гражданского общества и самого населения) показывает инерционное, преимущественно узкоэкономическое понимание выдвинутого проекта, недостаточное социально-институциональное осмысление его цели и задач, вызовов пространственного развития как внутреннего, так и внешнего характера.

Первоначальный проект «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегия), подготовленный Министерством экономического развития РФ, в ходе обсуждения в обеих палатах Федерального Собрания РФ, в органах власти субъектов РФ, научно-экспертном сообществе получил серьезные критические замечания и был существенно переработан с учетом данных замечаний и, что особенно важно – установок, содержащихся в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и последующих директивных документов. Окончательный текст Стратегии утвержден распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г., № 207-р.

В этом документе пространственное развитие определяется как «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития» [2, с. 3].

Целью пространственного развития в Стратегии объявлено «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны» [2, с. 7]. Указанная цель развернута в соответствующих задачах. Достаточно четко определены приоритеты [2, с. 9]:

- опережающего развития территорий с низким социально-экономическим уровнем, но при этом обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием их потенциала;
- развития перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории РФ с учетом поселенческо-расселенческой структуры и человеческого потенциала;
- социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения и недостаточным собственным потенциалом экономического роста для обеспечения консолидации социального пространства России и национальной безопасности.

Вместе с тем, социально-экономические региональные неравенства, исторически обусловленные особенности формирования 85 регионов (субъектов РФ по конституционно-правовому статусу) и их населения при наложении на федеративное устройство страны, институт представителей Президента РФ в существующих 8 федеральных округах и обозначенные в рамках Стратегии новые формы пространственно-территориальных образований (12 макрорегионов, 8 геостратегических территорий, целый ряд перспективных центров экономического роста, минерально-сырьевых центров и т. д.), формируют свой комплекс проблем, которые могут стать вполне серьезным вызовом для реализации Стратегии пространственного развития России. Здесь смежно существует проблема «ассиметричного» федерализма, связанная с особым статусом республик и она является весьма чувствительной

К тому же важным выступает и национально-этнический фактор как таковой. Данные Всероссийской переписи населения (2010 г.) зафиксировали национальную самоидентификацию представителями более 180 этнических групп. Каждый российский регион имеет сложившуюся национально-этническую структуру, концентрацию и дисперсию отдельных этносов и народов, их пространственно-территориальную устойчивость и мобильность (миграции), специфику взаимоотношений с другими национально-этническими группами, в том числе – коренными или ранее прибывшими на данные территории. Указанные характеристики можно отнести не только к отдельным регионам, но и к тем пространственно-территориальным образованиям, которые выделены в Стратегии – макрорегионам, геостратегическим территориям, перспективным центрам экономического роста (к ним также следует прибавить наряду с муниципальными образованиями двухуровневой системы и зоны опережающего развития, территориально-производственные кластеры и т. п. в регионах), в которых национально-этнический состав представлен в различных конфигурациях. Исследование этих конфигураций и учет их в политике пространственного развития может стать важным социальным ресурсом или препятствием реализации этой политики.

Особого внимания в контексте пространственного развития России также требуют малые города и периферийные территории. Конечно, большие города и их агломерации являются опорными, узловыми центрами страны. Но в современной России из более чем 1100 городских образований насчитывается почти 750 малых городов, в которых проживает свыше 16 миллионов человек или около 12% населения страны. Их генезис и развитие происходило в логике складывания российских территорий как неоднородных разветвлённых поселенческо-расселенческих структур, образующих социально-территориальный каркас российского пространства: городских и сельских поселений, их сочетаний в агломерациях, конурбациях и мегалополисах или локализованных вне сетей.

Именно здесь находятся главные внутренние вызовы пространственного развития России, связанные с концентрацией населения в центральной части страны (с моноцентрическим мегалополисом, в котором произошло соединение его ядра – Московской агломерации с агломерациями соседних областей и образование конурбаций, растущее сближение этих конурбаций по узлам и магистралям (с определенными разрывами)). В меньших масштабах, но в том же тренде развивается северо-западная часть страны, завязанная на Санкт-Петербург. Также складывается южнороссийский мегалополис на основе конурбации Ростов-на-Дону – Краснодар.

В других частях России начавшееся в 60–70-х гг. прошлого века складывание мегалополисов (Уральского, Центрально-Сибирского) прервалось. Там остались отдельные агломерации с некоторой перспективой конурбаций. Огромные территории вне этих агломераций теряют население и стимулы развития, превращаясь в депрессивные пространства. Особенно это характерно для Восточной Сибири и Дальнего Востока, где наряду с внутренними все более явно выступает и внешний вызов со стороны сопредельных стран (Китая и Японии).

Арктическая зона России также подвержена внешним притязаниям. Конечно, есть свои проблемы и в других макро- и мезорегионах. Однако, геостратегические, прежде всего приграничные территории должны получить особые программы развития. При этом необходимо иметь в виду, что Россия является огромной, но «суперконтинентальной» страной, у которой выходы в мировые океаны практически только на Севере и Дальнем Востоке. Наиболее перспективной может стать Владивостокская агломерация как центр будущей конурбации, а возможно и мегалополиса (подобно Шанхайскому), при соответствующем «прорывном» мегапроекте, «сверхкрупных» инвестициях, привлечении ученых мирового уровня и высококвалифицированных специалистов.

Введение («имплементация») самого понятия «пространственное развитие» в политико-управленческие практики, его наполнение социальным смыслом, реализации этого смысла в институциональных механизмах, средствами и инструментами этих практик, вопрос также и теоретико-методологический.

В этом аспекте необходимо установить соотношение понятий «пространственное», «территориальное», «региональное» («макро- и мезорегиональное»), поскольку их часто смешивают. Наиболее широким, – является «пространственное», поскольку именно оно характеризует естественную и искусственную среду жизнедеятельности как отдельных индивидов («личное пространство»), так и социальных групп (общностей): местных, региональных, социетальных, вплоть до глобальных.

В социальном смысле оно наполняется субъектно-субъективным содержанием, предполагающем по П. Бурдье, определенные поля, позиции, диспозиции, габитусы и т. д. Выделяются основные акторы пространства: власть, бизнес, группы (объединения) гражданских и социокультурных инициатив, более или менее структурированное население, локализованное в социально-территориальных общностях. Каждая из таких групп акторов имеет свои специфические интересы в использовании пространства, которое выступает одновременно и полем деятельности данной группы и ее ресурсом. В этом отношении Россия совершенно уникальная страна, имеющая обширные и многоплановые пространственные ресурсы, за которые те или иные группы «стейкхолдеров» могут как конкурировать (в т. ч. в самых острых формах), так и сотрудничать в целях рационального, экологически безопасного

использования пространства, развивая его для достижения лучшего качества жизни населения страны в целом и на отдельных ее территориях.

Очевидно, в этом и есть высший смысл государственной политики пространственного развития и управленческих практик.

Что же касается территориального плана в пространственном развитии, то он выступает, прежде всего, физико-географическим основанием для размещения и трансформации пространственных объектов и локализованной жизнедеятельности населения. Именно здесь и реализуются отношения «конкуренции–сотрудничества» между стейкхолдерами.

К настоящему времени в политико-управленческих практиках сложилась своеобразная модель «конкурентного» федерализма, когда субъекты борются за распределение и перераспределение федеральных ресурсов, за особые преференции и меры поддержки.

Пространственное развитие предполагает переход от этой практики к другой модели – «федерализма сотрудничества», в которой основной упор должен быть сделан на кооперации в межрегиональном плане. Речь не идет о каких-то макрорегиональных «совнархозах», но межрегиональная координация государственно-частного партнерства, стимулирование бизнеса в этом направлении очевидно необходимы.

Характеризуя политико-управленческие практики в пространственно-региональном плане, следует отметить, что они в основном построены на институционально сформированных механизмах функционирования. Эти механизмы, в том числе «вертикали власти», сработали в первом десятилетии 2000- гг., значительно укрепив единое пространство России. Но затем, в отсутствии полноценных институциональных механизмов развития, они превратились в тормоз. Вертикаль власти (частично действительная, частично иллюзорная) с режимами «ручного управления» должна институционально трансформироваться в новую систему отношений «центр-регионы» с перераспределением федеральных полномочий в субъекты и макрорегиональные (межсубъектные) образования, муниципалитеты и межмуниципальные образования с реализацией их в практиках планирования, программирования, бюджетирования при прямом участии всех «стейкхолдеров», в т. ч. населения. Механизмы функционирования должны быть встроены в институты развития. Конечно, в этих новых механизмах должны быть задействованы потенциалы сильных экономических комплексов: ТЭК, ВПК, АПК в пространственном плане на основе государственно-муниципально-частного партнерства. Но не меньшее значение имеют механизмы развития малого и среднего бизнеса (как наукоемкого или обслуживающего крупные компании, так и особенно, в сфере развития городской и сельской среды жизни населения, замещения импортных товаров для внутреннего рынка, транспортных услуг, ремонтно-строительных работ, жилищно-коммунального хозяйства, использования цифровых технологий в работе социальных объектов). Другими словами, там, где крупный бизнес оставляет ниши, которые могут быть использованы малыми предприятиями. Такие предприятия должны иметь особую систему мер поддержки депрессивных территорий, в частности моногородах и сельских поселениях, а также территориях нового освоения.

Формирование новых политико-управленческих практик на любом уровне и в любой сфере может быть успешным лишь при одном условии – осознании чрезвычайной актуальности пространственных аспектов развития России и особой важности проблемы эффективного управления ее пространственным развитием, что предполагает комплексный

аналитический мониторинг федеральных, региональных и местных политико-управленческих практик по данному направлению, их связанности и результативности, отношения населения к ним (в том числе удовлетворенности уровнем и качеством жизни, социального доверия к власти, перспективам развития и намечаемым мероприятиям), построения соответствующих многомерных моделей. Оно также включает исследование и моделирование стратегий и практик государственного и муниципального управления, бизнес-сообществ и институтов гражданского общества в регионах, больших и малых городах, сельских поселениях, направленные на выявление потенциала и векторов их развития, определение способов и средств оптимизации условий для жизнедеятельности и воспроизводства российского социума, с учетом новых форм пространственно-территориальной организации страны, выделенных в Стратегии.

Библиографический список

1. Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года / утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р / Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

Информация об авторе

Маркин Валерий Васильевич (Россия, Москва) – доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5; 8 (499) 125-00-79; markin@isras.ru)

Markin V.V.

SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: STRATEGY AND POLICY MANAGEMENT PRACTICES

Abstract. *The materials consider the problems and prospects of Russia's spatial development. It is analyzed the theoretical and methodological aspects of "spatial development". The conclusion is made about the need for an integrated approach to understanding the scale and ways of solving the problem of spatial development, especially in the implementation of specific political and managerial practices.*

Key words: *spatial development, constituent entities of the Russian Federation, state management, territorial specificity.*

References

1. Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation on March 1, 2018 / Official site of the President. Access Mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
2. Strategy For The Spatial Development of the Russian Federation for the period until 2025 / Approved by the Order of the Government of the Russian Federation on February 13, 2019.

Information about the Author

Valeriy V. Markin (Moscow, Russia) – Doctor of Sociology, Professor, Head of Center for Regional Sociology and Conflictology Studies. Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian academy of sciences (24/35, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, office 5; 8 (499) 125-00-79, Russian Federation; markin@isras.ru)

УДК 316.653 / ББК 60.59

Морев М.В.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Аннотация. В материалах рассматривается вопрос о роли доверия в современных условиях развития мировой цивилизации. Анализируется структура институционального доверия в Вологодской области. Рассматриваются глобальные и национальные факторы, определяющие ее специфику.

Ключевые слова: институциональное доверие, национальные особенности, эффективность государственного управления, общественное мнение.

Кризис капитализма и либеральной демократии [1], сопровождающийся актуализацией глобальных вызовов будущего [2], определяет «рубежный характер» [3] XXI века. В послевоенное время происходит усиление субъективного фактора общественного развития [4, 5, 6], роль которого для России особенно значима в силу специфики менталитета и активного участия в международных политических отношениях. Следует также отметить, что «прообразом среднего класса в России, в отличие от западного мира, является не буржуазия, а интеллигенция, то есть учителя, врачи, инженеры, ученые, а не предприниматели. Таким образом, в российском среднем классе и сегодня доминируют не бизнесмены, а интеллигенты» [7].

Возрастающая роль субъективного фактора развития оказывает влияние на многие сферы жизни, прежде всего на мировую экономику. Неслучайно ядром новой экономики на рубеже XX–XXI вв. стала «экономика знаний», рамки которой нашли отражение в различных документах международного характера [8, 9, 10, 11], а ключевым ресурсом развития в ней стал человеческий, интеллектуальный потенциал.

Рубежность современного исторического периода накладывает особую ответственность на ключевых участников геополитической конкуренции и центры мирового капитала, поскольку именно они должны инициировать ответ человечества на глобальные вызовы будущего (такие как перенаселение, неравенство, исчерпание природных ресурсов и т. д.). К числу этих участников с полной уверенностью можно отнести и Россию, прошедшую почти 20-летний путь восстановления своего внешнеполитического статуса и стабилизации внутренней социально-экономической и политической жизни после распада Советского Союза. Следует также отметить, что, говоря о многополярности будущего мироустройства [12], Россия по объективным характеристикам (территория, народонаселение, природные

ресурсы, военно-промышленный комплекс и т. д.) справедливо претендует на роль одного из центров, причем не столько в экономическом, сколько именно в социокультурном, мировоззренческом плане, благодаря богатым историко-культурным традициям, многонациональному составу населения и поликультурному наследию. Это обстоятельство актуализирует роль неэкономических факторов и, в частности, доверия для Российской Федерации.

В марте 2018 г. Президентом РФ В. Путиным были объявлены ключевые ориентиры развития на период до 2024 года. Осуществление «решительного прорыва» [3], прежде всего в решении внутренних проблем страны, нашло широкую поддержку в российском обществе, в котором с 2014 г. отмечается рост потребности в переменах [13]. Вместе с тем, последующие управленческие решения Правительства были резко негативно восприняты обществом, что обострило вопрос о легитимности власти. В частности, 80% россиян высказывались против повышения пенсионного возраста, причём во всех возрастных группах доля разделяющих это мнение составляла более 70% [14]. В течение года по всей стране прокатилось несколько волн протестных выступлений, снизился уровень одобрения деятельности Президента и Правительства, возрос уровень вероятности массовых акций протеста и готовности людей принять в них участие (табл. 1).

Таблица 1. Динамика протестных настроений и оценки деятельности власти в 2018 г. в Вологодской области и Российской Федерации, в % от числа опрошенных

Территория	Фев. 18	Апр. 18	Июнь 18	Авг. 18	Окт. 18
<i>Доля одобряющих деятельность Президента РФ</i>					
Вологодская область	68,7	68,1	70,1	65,9	63,5
Российская Федерация	78,3	81,3	72,5	64,0	64,2
<i>Доля не одобряющих деятельность Президента РФ</i>					
Вологодская область	20,8	18,4	17,5	22,1	24,1
Российская Федерация	12,0	11,2	18,0	25,7	26,0
<i>Доля одобряющих деятельность Правительства РФ</i>					
Вологодская область	40,5	41,9	44,4	40,1	38,5
Российская Федерация	50,4	50,1	44,8	37,7	41,6
<i>Доля не одобряющих деятельность Правительства РФ</i>					
Вологодская область	32,3	30,7	30,5	33,9	36,9
Российская Федерация	29,2	31,2	37,2	47,4	43,9
<i>Доля вероятности выступлений</i>					
Вологодская область	20,1	21,1	20,5	24,6	24,3
Российская Федерация	24,0	27,2	27,6	36,8	30,0
<i>Доля возможности участия</i>					
Вологодская область	15,1	16,1	16,5	20,4	19,8
Российская Федерация	16	20	29	29	27*

* Данные за сентябрь 2018 г.

Источник: данные по Вологодской области – социологические опросы ФГБУН ВолНИЦ РАН; данные по России – мониторинг Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Насколько существенным и долгосрочным можно считать этот, в некотором смысле, общественно-политический кризис? Ответить на этот вопрос позволяет анализ структуры институционального доверия – показателя, который, в отличие от оценки текущей

деятельности органов управления, в меньшей степени подвержен флуктуационным изменениям.

Как показывают данные проведенных опросов¹¹, структура институционального доверия в 2018 г. существенно не изменилась, что, в частности, касается и отношения людей к органам власти. Наибольшим доверием (от 40 до 60%) в обществе пользуются «традиционные» для российского менталитета институты – федеральные органы управления, силовые структуры и церковь, что во многом говорит о значительной роли культурно-исторического фактора в формировании отношения общества к власти (табл. 2). Как отмечают эксперты, «...триада «Президент, армия, Церковь», отдаленно напоминающая другую: «православие, самодержавие, народность», составляет основу консервативного консенсуса, о котором в последнее время много говорят и пишут» [15, с. 15].

Таблица 2. Институты с уровнем доверия более 40%
(вариант ответа «полностью и в основном доверяю», в % от числа опрошенных)

Институт	1996	2000	2005	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Президент РФ	26,5	57,1	57,7	65,2	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	59,6	60,5
Церковь	37,9	42,3	46,5	51,9	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	47,4	50,0
Правительство РФ	18,5	42,7	38,0	60,2	39,6	40,4	48,4	49,5	48,8	46,0	47,3
Армия	34,2	37,0	25,9	37,8	31,3	37,5	37,9	42,0	43,9	45,1	47,2
Прокуратура	18,2	30,9	34,3	40,9	33,9	40,1	38,6	40,9	40,3	42,9	47,1
Суд	19,8	31,6	36,9	41,3	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	42,7	45,3
Федеральная служба безопасности	12,6	34,2	35,6	43,8	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	43,6	45,2
Полиция	14,1	27,2	27,1	36,5	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	43,0	44,4

В меньшей степени (от 30 до 40%) пользуются доверием региональные и муниципальные органы власти (табл. 3). Фиксируя аналогичную особенность по результатам общероссийских исследований, эксперты Института социологии РАН (ИС РАН) говорят о том, что «это вполне естественно, учитывая их близость к каждодневной жизни граждан и за работой которых можно следить не только по телевизору» [15, с. 15].

Негативную роль в формировании отношения населения к региональным органам управления играют также регулярно освещаемые в СМИ результаты антикоррупционной кампании, которая затрагивает преимущественно региональный и муниципальный уровень власти, вызывая широкий резонанс в обществе, испытывающем высокую потребность в социальной справедливости¹². «Только в 2017 г. одновременно рассматривались несколько

¹¹ Опросы проводятся Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН) на территории Вологодской области с 1996 г. с периодичностью 1 раз в 2 месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

¹² По данным проведенных исследований, в 2015 г. доля жителей Вологодской области, считающих, что «современное российское общество устроено несправедливо», составляла 51%, в 2016 г. – 57%, в 2018 г. – 60%. В одном из своих интервью директор ИС РАН М.К. Горшков при ответе на вопрос ««Что выходит на первое место в жизненной стратегии в связи с текущей повседневностью?» ответил: «Мы получили совершенно

уголовных дел о коррупции, фигурантами которых выступали бывшие руководители регионов, правоохранительных органов, министерств и ведомств» [17, с. 34].

Таблица 3. Институты с уровнем доверия от 30 до 40%
(вариант ответа «полностью и в основном доверяю», в % от числа опрошенных)

Институт	1996	2000	2005	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Совет Федерации	13,4	28,3	30,4	47,6	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	37,5	37,4
Руководство области	14,2	31,3	32,8	48,6	34,6	37,8	37,5	36,9	38,5	34,0	35,4
Органы местного самоуправления*				40,9	29,3	32,7	35,1	34,6	33,3	32,4	34,4
Государственная Дума	14,8	23,0	27,1	42,0	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	34,1	33,8
Профсоюзы	20,2	28,4	27,9	35,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	29,9	33,3
Научные организации*											32,8
Общественная палата РФ*					28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	31,7	31,0

* Отсутствие данных связано с тем, что вариант ответа не фигурировал в опросе соответствующего года.

Самым низким уровнем доверия (20–30%) пользуются общественные организации, банковские и предпринимательские круги, а также политические партии (*табл. 4*), которые, как отмечают эксперты ИС РАН, являются «аутсайдерами на протяжении многих лет, что свидетельствует о сложившейся устойчивой публичной модели взаимоотношений государства и общества, в основе которых лежат сакрализация верховной власти, государственный патриотизм, примат коллективных интересов над частными и групповыми. Отсюда – низкий уровень доверия представительной, региональной и местной власти, суду, общественным и правозащитным организациям, политическим партиям» [17, с. 34].

Таблица 4. Институты с уровнем доверия менее 30%
(вариант ответа «полностью и в основном доверяю», в % от числа опрошенных)

Институт	1996	2000	2005	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Средства массовой информации	15,4	33,4	30,4	35,2	29,5	30,2	28,0	26,6	25,7	27,8	29,8
Общественная палата области					25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	27,0	28,3
Общественные организации				32,6	26,5	26,8	25,5	23,9	24,2	25,8	28,1
Директора, руководители предприятий	5,2	19,6	23,6	30,5	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	22,8	25,1
Политические партии, движения	6,8	10,7	16,0	26,8	20,9	20,4	20,2	17,0	18,1	20,1	22,3
Банковские, предпринимательские круги	8,5	12,4	20,6	26,6	21,3	23,4	18,9	16,5	17,2	19,0	20,7

Следует отметить, что общественные организации, несмотря на всю актуальность и социальную значимость стоящих перед ними задач, не располагают компетенцией в том, чтобы решать самые острые проблемы, волнующие население. Как показывают результаты

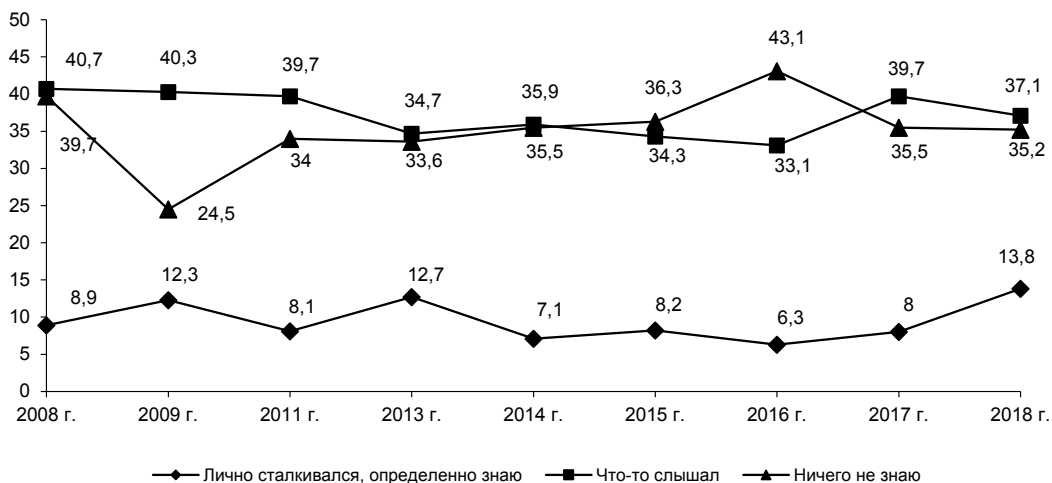
неожиданные результаты. Понятно, что на первом месте финансовое благополучие. Понятно, что в шкале ценностей важное место отводится работе, дружбе и общению, здоровью и красоте. Это характерно для российской ментальности. Но то, что на второе место вышел приоритет – жить в более справедливом обществе, этого мы не ожидали. До какого же градуса остроты надо довести проблему социальной несправедливости, чтобы люди в кризисный период, когда столько серьезных экономических проблем, отдавали приоритет стремлению жить в более справедливом обществе» (Источник [16]).

многолетних исследований, структура этих проблем с годами не меняется: первую «тройку» на протяжении периода с 2000 по 2018 гг. стабильно составляют инфляция, низкий уровень жизни и расслоение населения на «бедных» и «богатых» (по данным проводимого мониторинга ими обеспокоены от 40 до 55% жителей области; табл. 5).

Таблица 5. Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население
(в % от числа опрошенных)

Проблема	1999 г.		2000 г.		2007 г.		2012 г.		2018 г.	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Инфляция	54,5	2	44,7	2	43,8	1	55,3	1	53,7	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	50,8	1	40,4	2	43,2	2	51,1	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	27,7	7	31,0	4	37,5	3	35,9	3
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	16,8	9	31,8	3	28,6	4	23,5	4
Политическая нестабильность	21,9	8	16,0	10	7,9	15	11,2	16	23,1	5
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	29,1	6	14,5	13	16,5	11	22,5	6
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,4	11	15,0	12	19,8	9	21,9	7
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т. д.)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	7	20,1	8
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	34,4	4	26,7	7	22,3	8	19,9	9
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства	33,4	5	36,9	3	30,2	6	25,5	6	19,0	10
* В таблице представлена первая 10-ка из 23 проблем. Ранжировано по данным на 2018 г. Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.										

Кроме того, в деятельности общественных организаций важную роль играет информационная кампания – широкомасштабное освещение деятельности и достигнутых результатов (в частности в СМИ), способствующее узнаваемости, повышению имиджа в обществе, а также мотивации людей на участие в различных формах социально ориентированной деятельности. Однако, как показывают результаты исследований, о деятельности, например, некоммерческих организаций «ничего не знают» около 35% жителей региона, почти столько же (37%) «что-то слышали» о них и лишь 10% считают себя хорошо осведомленными о деятельности НКО, в частности потому, что лично принимают в ней участие (рис.). «В российском обществе сложился такой уровень доверия институтам гражданского общества, который сравним с доверием банковским и предпринимательским кругам. Разница лишь в том, что в отношении к предпринимательству срабатывает ментальная приверженность россиян к консерватизму и традиционности, а также стремление людей к стабильности, порожденное многочисленными фактами обмана со стороны властвующих элит 1990-х. В отношении же институтов гражданского общества речь скорее идет о неверии в их возможность оказывать реальное воздействие на лиц, принимающих управленческие решения» [18, с. 22].

Знаете ли Вы о деятельности в Вологодской области некоммерческих (общественных) организаций (регионального отделения партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т. д.)?
(в % от числа опрошенных)*

*Вопрос задаётся 1 раз в год. В 2010-м и 2012-м гг. вопрос не задавался.

Что касается банковских и предпринимательских кругов, то сравнительно низкий уровень доверия к ним со стороны населения во многом связан с дискредитацией данного института еще в период «лихих 90-х». Не случайно отмечается тесная связь в уровне доверия банковским и предпринимательским кругам с возрастом респондентов: им доверяют, прежде всего, представители молодежи возрасте от 18 до 30 лет (25%), в более старших возрастных группах данный показатель составляет 20%.

Кроме того, исследования показывают, что жители Вологодской области не отличаются высоким уровнем финансовой грамотности, что также является фактором, препятствующим росту доверия банковским и предпринимательским кругам среди населения. Как отмечают исследователи ВолНИЦ РАН, «проблема «узости» финансовых стратегий населения не только в низких доходах, но и в неумении рационально и эффективно ими распорядиться, т. е. в невысоком уровне финансовой грамотности» [19, с. 136].

Таким образом, доверие в современном мире играет огромную роль, и эта роль усиливается вместе с актуализацией субъективных, неэкономических факторов развития. При этом существуют специфические факторы, делающие вопрос о роли доверия особенно актуальным для России.

Ведущее место в структуре институционального доверия занимают традиционные институты (федеральная власть, Президент, церковь и силовые структуры), меньшим доверием обладают представители регионального и муниципального уровня управления, замыкают список институтов общественные организации, а также банковские и предпринимательские круги. Несмотря на заметное ухудшение текущих оценок деятельности власти в 2018 г. (что было вызвано негативной реакцией общества на отдельные управленческие решения), структура институционального доверия существенно не изменилась. Как отметили эксперты ВЦИОМ в октябре 2018 г. «негативные прогнозы

относительно снижения легитимности власти после принятия окончательного решения по формату изменений в пенсионное законодательство не оправдались. Скорее всего, это связано с рутинизацией вопроса» [20].

Динамика институционального доверия россиян во многом определяется культурно-историческими особенностями, вместе с тем нельзя недооценивать и роль факторов, связанных с эффективностью существующей системы государственного управления. Рост институционального доверия зависит, в первую очередь, от решения ключевых проблем, беспокоящих россиян, которые (как показывают результаты исследований) связаны преимущественно с обеспечением устойчивой динамики роста уровня и качества жизни, а также с преодолением социального неравенства.

Библиографический список

1. Craig Calhoun, Georgi Derluguian, Immanuel Wallerstein, Michael Mann, Randall Collins Does Capitalism Have a Future? / Oxford University Press. 2013. 191 p.
2. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26-46.
3. Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
4. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // Социс. 1998. № 1. С. 32.
5. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993.
6. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С. 65.
7. Скоробогатый П.В. Тревожный и лояльный // Эксперт. 2015. 24 окт. URL: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyj-i-loyalnyj/>
8. World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999.
9. The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion / Ed. By M.J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002.
10. Knowledge Economy II Forum "Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion". Helsinki, March 25–28, 2003.
11. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: доклад Всемирного банка. М., 2003; ЮНЕСКО. Всемирный доклад «К обществу знаний», 2005.
12. Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M.: AST. 2003. 603 p.
13. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40-53.
14. Повышение пенсионного возраста: реакция граждан / Пресс-выпуск ФОМ от 29.06.2018. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>
15. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования. М., 2015. С. 15.

16. Горшков М.К. В обществе возник новый социальный ресурс (интервью для журнала «РФ сегодня», 1 июня 2015). URL: <https://vestirossii.com/obshhestvo/v-obshhestve-voznik-novyi-socialnyi-resyrs.html>
17. Российское общество в 2017-ом: социальное самочувствие, тревоги, надежды на будущее: информационно-аналитический доклад Института социологии РАН. М., 2017. С. 34.
18. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 22.
19. Белехова Г.В., Гордиевская А.Н. Финансовое поведение населения: демографические особенности // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 136.
20. Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3788 12 октября 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363>

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; 379post@mail.ru)

Morev M.V.

REGIONAL TRENDS OF INSTITUTIONAL TRUST

Abstract. *The materials consider the question regarding the role of trust in the current context of world civilization's development. The structure of institutional trust in the Vologda region is analyzed. It's considered global and national factors that determine its specificity.*

Key words: *institutional trust, national characteristics, government effectiveness, public opinion.*

References

1. Craig Calhoun, Georgi Derluguian, Immanuel Wallerstein, Michael Mann, Randall Collins Does Capitalism Have a Future? / Oxford University Press. 2013. 191 p.
2. Bekhman G. 2007. "Sovremennoe obshhestvo kak obshhestvo riska" [Modern Society as a Risk Society]. Voprosy filosofii, no. 1, pp. 26-46.
3. Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation in March 2018 // President's official website. Access regime: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
4. Toshhenko Zh.T. 1998. "Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sotsiologicheskoy teorii i praktiki" [Social mood – Phenomenon of Sociological Theory and Practice] Sotsis, no. 1, pp. 21-34.
5. Sztompka P. The Sociology of Social Change. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993.
6. Yadov V.A. 1999. "Rossiya kak transformiruyushheesya obshhestvo (Rezyume mnogoletnej diskussii sotsiologov)" [Russia as a Transforming Society (Summary of Years of Discussions between Sociologists)]. Obshhestvo i ekonomika, no.10-11, pp. 65.
7. Skorobogaty P.V. Disturbing and loyal / Magazine «Expert». 2015. 24 Oct. Access regime: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyij-i-loyalnyij/>

8. World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999.
9. The New Knowledge Economy in Europe. A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion / Ed. By M.J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002.
10. Knowledge Economy II Forum "Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion". Helsinki, March 25–28, 2003.
11. Emerging knowledge society. New challenges of High School: World Bank Report. M., 2003; UNESCO. World Report "Towards Knowledge Society", 2005.
12. Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M.: AST. 2003. 603 p.
13. Petuhov V.V. Dynamics of social attitudes of Russians and the formation of a request for change // Socis. 2018. № 11. Pp. 40-53.
14. Raising the retirement age: the reaction of citizens / FOM Press Release of 06.29.2018. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>
15. Russian everyday life in a crisis: how we live and what we feel? / Informational and analytical summary on the results of the national research. M., 2015. P. 15.
16. Gorshkov M.K. A new social resource has emerged in the society (interview for the magazine "RF Today", June 1, 2015). URL: <https://vestirosii.com/obshhestvo/v-obshestve-vozniknovyi-socialnyi-resyrs.html>
17. Russian society in 2017: social well-being, anxieties, hopes for the future / Information and analytical report of the Institute of Sociology, RAS. Moscow. 2017. p. 34.
18. Ilyin V.A. The development of civil society in Russia in the conditions of "capitalism for the elect" // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Vol. 10. No. 4. P. 22.
19. Belekhova G.V., Gordievskaya A.N. Financial behavior of the population: demographic features // Problems of Territory's Development. 2018. No. 1 (93). P. 136.
20. Ratings of trust to politicians, approvals of work of state institutions, party ratings / Press release VCIOM No. 3788 October 12, 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363>

Information about the Author

Mikhail V. Morev (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Head of Laboratory for Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences" (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; 379post@mail.ru)

УДК 332.142 / ББК 65.04

Силуанова Л.С.

ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ КАК ОТВЕТ НА МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости повышения миграционной привлекательности для молодежи северных территорий. Показано, что университеты могут не только сформировать компетенции специалистов и обеспечить их

востребованность на рынке труда, но и вовлечь молодых людей в решение актуальных задач развития региона.

Ключевые слова: *миграционные риски, миграционная привлекательность, молодежь, университет, северные территории, регион.*

Тема миграции сегодня волнует все мировое сообщество, но смысловое содержание миграционных рисков существенно различается по регионам и территориям. В то время как ряд стран Европы активно ищут решения проблем, возникших вследствие миграционного притока, ученые, политики и общественные деятели России активно обсуждают вопросы миграционной убыли и необходимости повышения миграционной привлекательности северных территорий страны [1].

Данные региональной статистики Росстата подтверждают негативные тенденции оттока населения из северных регионов. И если в целом по России миграция частично компенсирует естественную убыль населения, то северные территории, за исключением Красноярского края и НАО, устойчиво характеризуются отрицательным сальдо миграции (см. данные в таблице). Проблема усугубляется возрастной структурой миграционного оттока. Основную долю населения, покидающего северные территории, составляет молодежь: население трудоспособного, детородного возраста, население, способное обеспечить инновационное хозяйственное освоение богатых ресурсами северных территорий.

**Отток населения из северных регионов,
коэффициент миграционного прироста на 10 000 чел.***

Субъект РФ	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	19	17	18	14
Архангельская область	-68	-72	-56	-70
Вологодская область	-7	-17	-15	-31
Красноярский край	3	10	17	3
Мурманская область	-65	-57	-57	-46
Ненецкий автономный округ	1	23	-73	-53
Республика Карелия	-7	-12	-16	-31
Республика Коми	-107	-102	-81	-112
Республика Саха (Якутия)	-70	-56	-43	-48
Чукотский автономный округ	-30	-117	-103	-132
Ямало-Ненецкий автономный округ	-112	-223	-65	-45
* Составлено по: www.gks.ru				

Одним из возможных решений проблемы является повышение трудовой мотивации, которая определяется размерами индивидуальных доходов, складывающихся из величины оплаты труда и различного рода компенсационных выплат. Но, к сожалению, поведенческий стереотип советского периода «на Север – за длинным рублем» уже давно утратил свой смысл. Другие формы стимулирования, безусловно, работают, но не являются стабильными в свете постоянно проводимых реформ (например, пенсионной реформы) и бюджетных ограничений. Современная молодежь выбирает для проживания те территории, которые дают максимальную возможность для самореализации: возможность участия в общественно значимых

волонтерских проектах, возможность быть вовлеченными в ключевые проекты региона, возможность получения современного образования, востребованного на рынке труда.

Именно потребность в создании инновационной научной и кадровой базы для интеллектуального освоения Севера России и Арктики определила создание в 2010 году Северного Арктического Федерального Университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) в г. Архангельске. Стратегическая цель создания и развития САФУ - обеспечение инновационной, научной и кадровой поддержки защиты геополитических и экономических интересов России в Северо-Арктическом регионе путем создания системы непрерывного профессионального образования, интеграции образования, науки и производства, а также стратегического партнерства с бизнесом и сообществом.

Арктический вектор стал основополагающим в определении образовательной и научной политики университета. Сегодня САФУ ведет подготовку специалистов и научных кадров для освоения и развития северных территорий по инженерным, техническим, математическим, естественно-научным и гуманитарным направлениям. В программе развития каждого учебного и научного подразделения САФУ заложена арктическая составляющая. В САФУ реализуется 136 программ арктической направленности, в том числе и уникальные образовательные программы; сетевые образовательные программы, которые реализуются совместно с российскими и зарубежными вузами, с привлечением ведущих ученых и представителей предприятий; созданы базовые кафедр на ведущих предприятиях АЗРФ. Как результат, 75% выпускников трудоустроивается в АЗРФ, в основном в Архангельской области, Мурманской области и Ненецком АО.

Стратегические цели развития Арктического региона, сформулированные Правительством РФ, требуют концентрации ресурсов и компетенций не только в области подготовки кадров, но и в сфере научного изучения региона для обеспечения устойчивого развития территорий Арктической зоны Российской Федерации и укрепления ведущих позиций России в области освоения и изучения Арктики. Подписанное в июне 2016 года соглашение о создании Национального арктического научно-образовательного консорциума (НАНОК) [2] как добровольного объединения вузов, научных организаций, предприятий и других организаций, вовлеченных в реализацию программ подготовки кадров для АЗРФ и проведение научных исследований по арктической тематике, позволяет обеспечить согласованность их деятельности в регионе. Взаимодействие университетов, входящих в состав НАНОК, с организациями и предприятиями, ведущими хозяйственную деятельность на территории АЗРФ, осуществляется через реализацию образовательных программ в сетевой форме, с использованием ресурсов базовых кафедр, организацию и проведение практик. Подобные форматы сотрудничества придают уверенности молодому специалисту в его востребованности на региональном рынке труда, а соответственно позволяют не только удерживать молодежь в регионе, но и повышают его привлекательность для молодых людей из других регионов страны, ближнего и дальнего зарубежья.

Как было отмечено в начале статьи, одним из определяющих факторов для молодого человека является чувство сопричастности к разработке и реализации значимых проектов территории, где он проживает. Ярким примером такой вовлеченности является реализация университетом проекта «Летние школы на Соловках». В рамках таких школ уже на

протяжении 4 лет студентами и молодыми учеными не только собираются материалы для магистерских и кандидатских диссертаций, но и разрабатываются, запускаются реальные проекты: зарегистрирован первый ТОС на Соловках, разработан план его мероприятий, подготовлена выставка «Соловецкие университеты», созданы мобильные приложения, ведется мониторинг загрязнения почв и т.д.

Ещё одной формой вовлечения молодежи в управление регионом стало участие студентов и аспирантов САФУ в обсуждении Стратегии развития области. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года принята Областным законом от 18 февраля 2019 г. № 57-5-ОЗ [3], разработка Стратегии велась в течение 2 лет с привлечением широкого круга заинтересованных сторон: активной части населения региона, органов государственной власти, органов местного самоуправления, научного и экспертного сообщества, представителей бизнеса, политических и общественных организаций, средств массовой информации. В рамках процесса разработки Стратегии был проведен цикл рабочих встреч, интервью, совещаний, проектных семинаров и стратегических сессий. В целях обеспечения открытости процесса разработки Стратегии и обеспечения вовлечения максимального числа заинтересованных участников был создан интернет-портал <https://strategy29.ru/>, на котором размещались отчеты, проекты документов, гражданские инициативы и экспертные мнения, а также были организованы 20 дискуссионных площадок по ключевым проблемам региона, позволивших вовлечь широкий круг лиц в выработку основных направлений и приоритетов социально-экономического развития области.

Совместно с Агентством стратегических разработок в ходе подготовки Стратегии в университете была организована Программа подготовки модераторов, фасилитаторов и комьюнити-менеджеров из числа магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Такая форма сотрудничества позволила молодежи почувствовать сопричастность к разработке стратегии. Ребята в ходе on-line сессий высказывали идеи по развитию региона, а авторы наиболее интересных идей впоследствии включались в рабочие группы по приоритетным направлениям. Очевидно, когда молодые люди видят, что их идеи не просто услышаны, а включаются в столь важные документы, привлекательность региона как территории самореализации возрастает в разы. Те предложения, которые были внесены молодежью в эту стратегию были сформированы ими ещё во время разработки молодежной стратегии «Арктика 18-24-35». Данный проект был реализован в 2016–2017 годах совместно студентами университетов СВФУ и САФУ, молодыми учеными ассоциации экономических клубов, курируемой Центром Стратегических Разработок Алексея Кудрина. Ребята работали по 4 направлениям: инфраструктурное развитие, молодежное предпринимательство, человеческий капитал и качество жизни. Тезисы сформулированные молодежью в качестве целей развития в этом проекте еще раз доказывают актуальность обсуждаемых сегодня вопросов (и не только для маститых ученых, но и как мы можем видеть для самой молодежи), а также подтверждают тот факт, миграционная привлекательность и привлекательность для проживания в регионе определяются социальной ориентированностью его экономики, развитием социальной инфраструктуры и возможностью участвовать в процессах управления изменениями на региональном и муниципальном уровне.

Библиографический список

1. Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169-203. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26636947_72448708.pdf
2. Соглашение о создании Национального арктического научно-образовательного консорциума. URL: <http://arctic-union.ru/upload/medialibrary/857/podpisannoe-soglashenie-natsionalnyy-arkticheskiy-konsortsium.pdf>
3. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года: закон Архангельской области от 18 февраля 2019 г. № 57-5-ОЗ. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/arhangelsk/1261675/>

Информация об авторе

Силуанова Людмила Сергеевна (Россия, Архангельск) – кандидат экономических наук, доцент, директор Высшей школы экономики, управления и права, Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова (163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17; l.siluanova@narfu.ru)

Siluanova L.S.

YOUTH INVOLVING IN THE STRATEGIC MANAGEMENT OF THE REGION AS A RESPONSE TO THE MIGRATION RISKS OF THE NORTHERN TERRITORIES

Abstract. *The article presents the need to increase the migration attractiveness for young people of the northern territories. It is shown that universities can not only form the competencies of specialists and ensure their relevance in the labor market, but also involve young people in solving current problems of regional development.*

Key words: *migration risks, migration attractiveness, youth, university, northern territories, region.*

References

1. Kashnitsky I.S., Mkrтчyan N.V., Leshukov O.V. Inter-regional youth migration in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistics // Education issues. 2016. No. 3. P. 169-203. Access mode: https://elibrary.ru/download/elibrary_26636947_72448708.pdf
2. Agreement on the establishment of the National Arctic Research and Educational Consortium. Access mode: <http://arctic-union.ru/upload/medialibrary/857/podpisannoe-soglashenie-natsionalnyy-arkticheskiy-konsortsium.pdf>
3. Law of the Arkhangelsk Region of February 18, 2019 No. 57-5-OZ “On Approval of the Strategy of Social and Economic Development of the Arkhangelsk Region until 2035”. Access mode: <https://www.garant.ru/hotlaw/arhangelsk/1261675/>

Information about the Author

Liudmila S. Siluanova (Russia, Arkhangelsk) – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Director of the Higher School of Economics, Management and Law, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Severnaya Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russia; l.siluanova@narfu.ru)

Шабунова А.А.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В исследовании рассмотрены современные социально-демографические вызовы регионального развития: старение населения, цифровизация общества, социокультурные трансформации, слабость гражданской активности. Проанализировано поведение населения в части здоровьесбережения. Показаны проблемы сельского социума, испытывающего существенную центростремительную миграцию и сжатие вследствие этих процессов социокультурной и социально-экономической жизнедеятельности. Доказано, что развитие информационных технологий вызывает целый ряд изменений во всех областях культурной и социальной жизни, что уже сегодня требует новых подходов к регулированию этих процессов. Сделаны выводы о необходимости развития региональных исследований для наиболее полного представления территориальной специфики социально-демографических и социокультурных трансформаций в России.

Ключевые слова: общество, демография, старение, сельские территории, информационно-технологическое развитие.

Возможности и векторы распространения модернизационных преобразований во многом определяются законами пространственного развития. Однако современный этап развития России характеризуется тем, что «факторы второй природы (концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры)», обозначенные П. Кругманом, для большинства ее территорий выступают скорее барьерами, чем драйверами развития [1]. Это подчеркивают многие российские эксперты. Н.В. Зубаревич отмечает, что в стране «усиливается пространственная и поселенческая поляризация человеческого капитала в виде зон модернизации и деградации, а региональная политика государства, к сожалению, слаба и не системна» [2]. При этом «все самое качественно новое и самое распространенное по своим количественным показателям, по своим противоречивым и даже отягощенным последствиям произошло за годы российских реформ в сферах нашего общества, определяемых термином «социальный» [3]. Соответственно, эффективное государственное планирование и управление невозможно без знания современной социальной ситуации: демографических и социальных процессов, пространственной специфики, а также оценки влияния социальных трансформаций на общественное развитие. И здесь, как подчеркивает Н.И. Лапин, необходим «баланс в развитии различных систем в обществе» [4].

Одним из глобальных вызовов, касающихся напрямую всех стран и регионов, является трансформация демографической структуры населения. Снижение рождаемости и увеличение ожидаемой продолжительности жизни ведет к тому, что доля пожилых и старых людей в численности мирового народонаселения перманентно возрастает. Это требует изменения их места и роли в обществе. Оценки ООН пересмотра 2015 года подтвердили, что старение населения мира продолжается, и в ближайшие годы рост численности пожилого населения существенно ускорится. Если в 2015 г. 12% населения были в возрасте старше 60 лет, то к 2050 году их будет более 21%.

Возрастная структура населения России будет изменяться, следуя современным демографическим тенденциям (рис. 1).

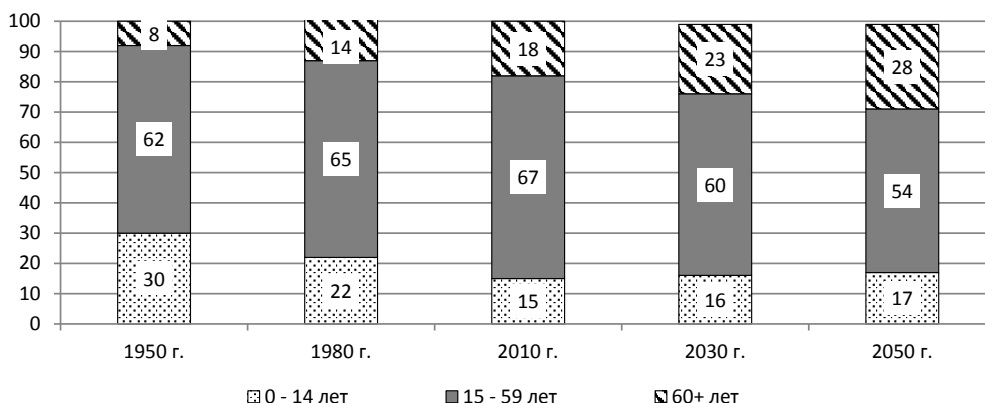

Рисунок 1. Структура населения России по основным возрастным группам, %

Источник: World Population Prospects 2015. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/DataSources/>

К 2050 году почти каждый третий человек в стране будет находиться за порогом 60 лет (28%). Доля пожилых увеличивается практически во всех российских регионах. И их дифференциация по доле пожилых в составе населения снижается: если в 1990 г. коэффициент вариации составлял 36%, то к 2016 г. он снизился до 21% [5]. То есть все территории страны становятся все более «старыми» (в 2016 г. самым «старым» субъектом РФ являлась Тульская область – доля пожилых людей составляла в ней 25%) [6].

При этом концентрация проблемы особенно характерна для сельских территорий, что обусловлено даже не увеличением продолжительности жизни, а центростремительной миграцией и массовым оттоком молодежи из сельской местности. Это требует не только существенных изменений в социальной и трудовой сферах, но и, несомненно, модернизации сельскохозяйственного труда и производства.

Одновременно с изменением возрастной структуры усиливаются и проблемы расселения. Центр-периферийные различия привели к значительной трансформации социально-пространственной локализации населения. Наблюдается сжатие освоенного пространства сельских территорий России, происходит концентрация сельского населения в определенных зонах, что выражается в так называемом «очаговом» характере их заселения [7]. Подобное «рассеивание» сельских жителей неминуемо приводит к росту количества малолюдных и безлюдных сельских населённых пунктов. С 1989 г. по 2010 г. удельный вес малолюдных сельских населённых пунктов с числом жителей до 10 человек в общем количестве населённых пунктов РФ увеличился на 12%. Нефёдова Т.Г. отмечает, что глобализация и повышение проницаемости территории России только ускорили процессы сокращения освоенного сельского пространства. Она выделяет пять зон¹³ по типу освоения

¹³ Первая зона (слабо освоенная) занимает 50% территории страны. На ней проживает менее чем 1,5% сельского населения. Вторая зона (лесная) занимает огромную территорию – 22% территории России, в ней живет 3% сельского населения. Третья зона (лесо-сельскохозяйственная) – меньше по площади, на ней сосредоточена 1/3 сельского населения. Четвёртая зона (сельскохозяйственная) – юг страны, где проживает почти 60% сельского населения с повышенной плотностью. Пятая зона – южные горные районы, хотя и очень разные по национальному составу и по плотности населения: на Кавказе она высокая, в Сибири – низкая, но, тем не менее, для них характерны сходные процессы.

сельских территорий. На территории первой и второй зон, которые вместе составляют более 70% площади страны, проживает лишь около 5% сельского населения. Тогда как в пределах наименьших по площади четвертой и пятой зон, напротив, сосредоточено около 70% всех сельских жителей. Происходит так называемый «отрицательный естественный отбор», когда в самых глубинных (периферийных) районах остаются только самые старые и немобильные жители.

Таким образом, в малозаселенной сельской местности формируется своеобразная «социальная воронка». То есть, снижение численности населения в деревнях и селах ведет к затуханию социально-экономического развития этих территорий (сокращение производств, рабочих мест, объектов социальной инфраструктуры), что в свою очередь является ключевым фактором дальнейшей деградации человеческого и кадрового потенциала села и причиной оттока молодежи и трудоспособного населения.

Ключевым условием развития модернизационных процессов является улучшение качества населения, в том числе и укрепление здоровья. В майском (2018 г.) Указе Президента РФ одной из целей развития страны определено увеличение здорового долголетия и «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет)» [8]. Этого невозможно добиться только лишь улучшением качества медицинского обслуживания и ростом доступности высокотехнологичной медицинской помощи. Важно изменить поведение людей, их отношение к собственному здоровью. Несмотря на то, что здоровье занимает лидирующее место в системе ключевых ценностей населения региона (так отмечает 78% респондентов) наряду со счастливой и дружной семьей и материнством/отцовством (рис. 2), в повседневных поведенческих практиках большинство россиян нечасто используют здоровьесберегающие или здоровьеукрепляющие действия и приемы. Это и является важнейшим вызовом.

Увеличивается понимание личной ответственности за собственное здоровье с 27% в 2002 г. до 84% в 2014 г. Значительно сократилась доля тех, кто перекладывает ее на плечи государства: с 36% в 2002 г. до 1% в 2014 г.; и медицинских работников: с 36% в 2002 г. до 4% в 2014 г.

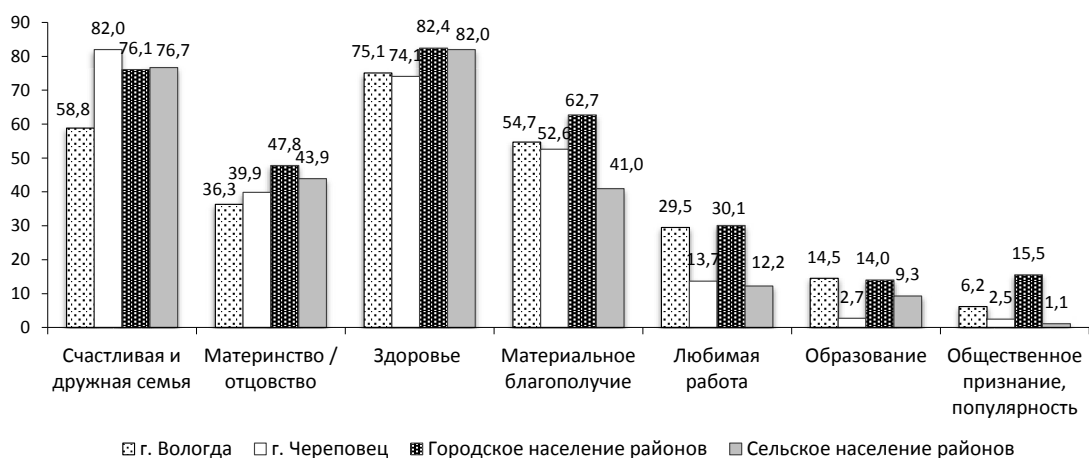

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Что для Вас является главной ценностью?» (в % от числа ответивших, 2016 г.)

Источник: данные мониторинга общественного здоровья ФГБУН ВолНЦ РАН.

Мотивами, побуждающими заботиться о своем здоровье, чаще всего являются: потребность в хорошем самочувствии, стремление хорошо выглядеть и нежелание доставлять неудобства близким. В тоже время отмечается довольно низкая физическая активность. Самым распространённым среди респондентов её видом стала пешая ходьба в течение 30 и более минут. Остальными видами нагрузок, такими как занятия физкультурой и спортом, бег, езда на велосипеде и утренняя зарядка, большинство опрошенных занимаются лишь несколько раз в месяц (рис. 3).

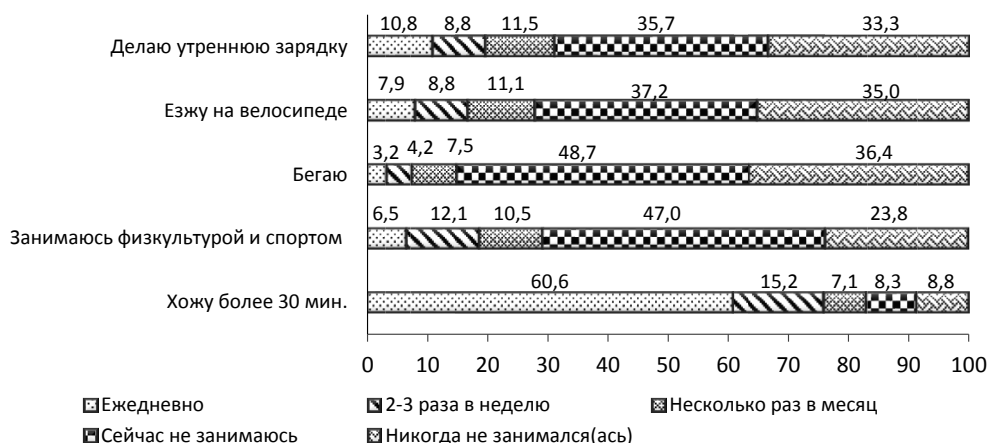

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос: «Охарактеризуйте Вашу физическую активность» (в % от числа опрошенных), 2016 г.

Источник: данные мониторинга общественного здоровья ФГБУН ВолНЦ РАН.

Среди важных мотиваторов, расширяющих возможности повышения физической активности, население отмечает: повышение дохода, повышение навыков самоорганизации, повышение доступности спортивного инвентаря и площадок для занятий спортом (табл. 1). В то же время только чуть больше половины жителей региона согласились бы при поддержке со стороны работодателей заниматься спортом 2 раза в неделю по 2 часа.

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос: «Что может способствовать увеличению Вашей физической активности?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2012 г.	2016 г.
Увеличение дохода	27,8	38,1
Наличие навыков самоорганизации	27,4	31,3
Понижение цен на спортивный инвентарь и абонементы в спортклубы	28,1	26,2
Близость расположения спортивных площадок, катков, бассейнов и т.д.	27,1	23,3
Увеличение числа спортивных площадок и спортклубов	21,1	18,9
Наличие благоприятных для этого условий на работе	17,6	11,1
Одобрение обществом данного увлечения, мода на занятия спортом	6,1	4,7
Другое	2,6	2,9

Источник: данные мониторинга общественного здоровья, ФГБУН ВолНЦ РАН.

Важным аспектом современного развития является трансформация информационно-коммуникативного пространства. Развитие телекоммуникаций, интернета и т. д., с одной стороны, может способствовать повышению связанности пространства, повышению доступности услуг (в том числе в образовании и здравоохранении) как на личном уровне, так

и с точки зрения общественного развития, что особенно важно для России с ее огромными территориями и очаговостью заселения. Но, с другой стороны, отставание России от ведущих мировых держав по развитию и использованию цифровых технологий¹⁴, увеличение разрыва между городом и деревней в доступности и охвате современными технологиями только усиливает существующие проблемы. В рейтинге цифровой конкурентоспособности лидируют и стремительно двигаются вперед США, Швейцария, Норвегия. Россия находится на 40 месте и отстает от лидеров развития цифровой экономики по многим показателям [9]. Данные Росстата свидетельствуют о том, что во многих регионах РФ доступ к сети Интернет имеет не более 65% домохозяйств. Ограничение доступа становится, к сожалению, уделом большей части россиян, проживающих в сельской местности. Это можно увидеть на примере данных Росстата по Вологодской области – по таким позициям, как выход в интернет с мобильных устройств, сельчане уступают городу в 1,5 раза, получение электронных госуслуг – в 1,4 раза, осуществление покупок онлайн – в 2,3 раза (рис. 4).

Рисунок 4. **Домашние хозяйства, имеющие в субъектах РФ доступ к сети Интернет, 2016 г. (в % от общего числа домохозяйств)**

Источник: Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

И совсем уж красноречива причина неиспользования сети Интернет для тех домохозяйств, которые не имеют к нему доступа: на протяжении 3 лет обследований около 70% отвечают, что не имеют интереса и необходимости в этой технологии (рис. 5)!

¹⁴ Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 9-21.

Рисунок 5. Причины неиспользования сети Интернет в домашних хозяйствах
(в % от числа домохозяйств в РФ, не имеющих доступа к сети Интернет)

Источник: Информационное общество в Российской Федерации: статистический сборник / К.Э. Лайкам, Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, О.Ю. Дудорова и др.; Росстат, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.

Цифровая экономика формирует новый тип занятости, предполагающий иное распределение ролей и факторов производства, более гибкие формы организации трудовых отношений. Для работника, с одной стороны, это означает рост возможностей для самореализации, уменьшение доли рутинных, нетворческих элементов трудового процесса, обогащение содержания труда при одновременном возрастании требований к качеству его рабочей силы; с другой стороны происходит резкое снижение стабильности его социально-экономического положения, возрастание круга факторов, увеличивающих неопределенность перспектив трудовой карьеры, готовность к частым изменениям в организации, в том числе сокращениям персонала за счет внедрения новых технологий. Это еще один вызов общественному развитию, который необходимо учитывать и при совершенствовании системы профессионального образования. Поскольку внедрение новых цифровых технологий, быстро становящихся массовыми, влечет за собой изменение профессий (специальностей) и наборов профессиональных знаний и навыков.

Обсуждая возможности увеличения темпов модернизации и общественного развития в целом, эксперты пришли к очень важному выводу: «...Эффективность процесса модернизации не может быть достигнута без активного, осознанного, внутренне мотивированного участия самих людей [11]». Исследования ВолНЦ РАН, как и большинства других научных учреждений, показывают, что социально-экономическое развитие в современной России определяют власть и бизнес, гражданское общество развито слабо и выполняет скорее роль наблюдателя.

Важным показателем развития гражданского общества является гражданская активность населения, вовлечения граждан в управление, соучастие в решении проблем повседневной жизни.

Исследования ВолНЦ показывают ограниченность гражданской активности населения как на селе, так и в городе. Среди наиболее популярных мероприятий отмечаются субботники, участие в выборах, в городах – участие в самоуправлении в сфере ЖКХ (табл. 2).

Таблица 2. Динамика ответов жителей Вологодской области на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в прошлом году?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Среднее по районам					Среднее по области				
	2011	2015	2016	2017	2018	2011	2015	2016	2017	2018
Выборы	76,6	4,8	36,4	59,2	53,3	68,3	47,7	31,5	51,5	47,7
Коллективное благоустройство, субботники	11,2	17,3	18,8	16,6	17,6	12,1	19,1	18,6	18,7	16,1
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,1	9,0	4,7	4,6	8,4	6,9	10,7	7,9	9,5	7,7
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	2,7	4,1	5,9	5,3	2,3	6,1	10,6	8,6	8,8	7,7
Деятельность профсоюзных организаций	2,2	2,4	2,2	2,7	1,7	2,7	3,8	4,0	3,1	2,6
Деятельность общественных организаций	3,5	1,5	1,9	2,4	2,3	4,2	2,7	2,1	3,9	4,0
Ни в чём подобном не участвовал	15,4	44,6	49,4	29,6	37,4	20,6	36,6	50,1	32,7	37,1

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН.

Среди основных препятствий гражданской активности население отмечает неверие в возможность оказывать влияние на решение властей, привычку надеяться на все готовое, недостаток знаний, некомпетентность. Так же отмечается сужение радиуса доверия населения. Значительная часть опрошенных отмечает, что доверяют только ближайшему окружению, родственникам. Люди все больше замыкаются на своем «микромире» и это является многолетней тенденцией. Ее последствия затрагивают глубинные пласты общественного сознания: «изменение психологического механизма формирования идентичности россиян в целом»[11].

Обсуждаемые в исследовании вызовы различны по направленности и силе воздействия на процессы общественного развития. Одни из них несут риски – такие как старение населения, трансформация социально-пространственной локализации населения, широкое распространение неформальной занятости. Другие же следует рассматривать как возможности и важно использовать их для решения имеющихся и грядущих проблем, например, информационные технологии. Но важно понимать, что социальные вызовы ничуть не менее опасны и важно обеспечивать гармоничное развитие общественной системы. Поскольку несогласованность действий, некомпетентность элементов социетальной системы ведет к нарушению баланса в функционировании элементов системы, ее поведение становится дисфункциональным что ведет к ее деформации и дестабилизации, росту социальной напряженности.

Для формирования регуляторных воздействий важно грамотное исследование происходящих изменений и четкая организация взаимодействия между представителями государственной власти, научным сообществом и населением на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном).

Библиографический список

1. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. The MIT Press, 1999. 367 p.

2. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2.
3. Горшков М. К. Российское общество в социологическом измерении // Теория и практика общественного развития. 2008. № 2.
4. Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С. 32-39.
5. Барсуков В.Н. Региональные особенности процесса демографического старения в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.5.
6. Доброхлеб В.Г. Старение населения России: региональный аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 4 (44). DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4.
7. Нефёдова Т., Никулин А. Сельская Россия: пространственное сжатие и социальная поляризация // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php>
8. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 19.04.2019 г.).
9. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 9-21.
10. Future Readiness and Productivity relationship in the IDM World Digital Competitiveness Ranking. Switzerland.
11. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3.

Информация об авторе

Шабунова Александра Анатольевна (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, доцент, директор, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; aas@vscc.ac.ru)

Shabunova A.A.

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHALLENGES TO REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. *The study examines current socio-demographic challenges of regional development – population aging, society digitalization, socio-cultural transformation, and civil activity weakness. It analyses population’s behavior in terms of health-saving strategies. The work shows problems of rural society, experiencing significant centripetal migration and compression due to socio-cultural and socio-economic life activities. It proves that the development of information technologies causes a number of changes in all areas of cultural and social life, thus requiring new approaches to these processes regulation. The study makes a conclusion about the need for regional research development to widely represent the territorial specifics of socio-demographic and socio-cultural transformations in Russia.*

Key words: *society, demography, ageing, rural areas, information and technological development.*

References

1. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. The MIT Press, 1999. 367 p.
2. Zubarevich N.V. Development of the Russian space: barriers and opportunities for regional policy. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*, 2017, no. 2, pp. 46-57. (In Russian).
3. Gorshkov M.K. Russian society in sociological perspective. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*. 2008. №2. (In Russian).
4. Lapin N.I. Socio-cultural transformation of Russia: liberalization versus traditionalization. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. 3, no. 3, pp. 32-39. (In Russian).
5. Barsukov V.N. Regional features of demographic ageing in Russia. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2018, no. 4, vol. 44. DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.5 (In Russian).
6. Dobrobleb V.G. Russian population ageing: regional aspect. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 2018, no. 4, vol. 44. DOI: 10.15838/tdi.2018.4.44.4 (In Russian).
7. Nefedova T., Nikulin A. Rural Russia: spatial compression and social polarization. *Demoskop Weekly=Demoscope Weekly*. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/analit02.php> (In Russian).
8. O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 g. № 204 [On National Goals and Strategic Objectives of the Russian Federation for the Period up to 2024: Presidential Decree No. 204 as of May 7, 2018]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed April 19, 2019).
9. Lenchuk E.B., Vlaskin G.A. Formation of the digital economy in Russia: problems, risks, prospects. *Vestnik IE RAN=The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, 2018, pp. 9-21. (In Russian).
10. Future Readiness and Productivity relationship in the IDM World Digital Competitiveness Ranking. Switzerland.
11. Gorshkov M.K. “Russian dream”: experience of the sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2012, no. 12, pp. 3. (In Russian).

Information about the Author

Alexandra A. Shabunova (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Associate Professor, Director. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; aas@vscc.ac.ru)

СЕКЦИЯ 1.
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 316.3 / ББК 60.5

Браславский Р.Г.
СОЦИОТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КОНФИГУРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Аннотация. Территориальное устройство государства, которое представляет собой одну из сторон социотерриториальной структуры общества, является результатом совместного действия факторов культуры и власти. Культурные интерпретации власти лежат в основе цивилизационного структурирования обществ, в том числе в социотерриториальном отношении.

Ключевые слова: цивилизационные образцы, социотерриториальная конфигурация, территориальное развитие, культурные интерпретации власти, социальное пространство, множественные модерности.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01254\18).

«Развитие территорий», «пространственное развитие» страны является одним из декларируемых в настоящее время приоритетов социальной (в широком смысле) политики российского государства, что, в частности, находит выражение в разрабатываемых и принимаемых государственными органами высшего уровня программных документах и нормативных актах. В то же время независимо от степени тематизации и артикуляции в качестве стратегической цели государственной политики можно говорить о территориальном развитии как об одном из важнейших аспектов исторического развития любого общества, хотя для разных обществ и в разные периоды их исторического существования этот аспект может иметь разную значимость. Известно, какое основополагающее значение фактору территориального развития в форме колонизации в российской истории на всем ее протяжении придавал выдающийся русский историк В.О. Ключевский.

Для разных обществ могут быть характерны особые типы территориального развития и особые конфигурации социотерриториального устройства, складывающиеся под воздействием множества самых разных факторов. В сложноорганизованных обществах один и тот же участок географического пространства может принадлежать и, как правило, принадлежит разным социотерриториальным структурам. Это может происходить не только вследствие пересечения регионов, формирующихся по разным основаниям (природным, хозяйственным, этнокультурным, религиозным и т. д.), но и вследствие включенности географической части территории в институционализированные социопространственные иерархии, наиболее ярким примером которых является административно-территориальное устройство государства. Территория представляет собой не просто географически определяемую природную данность, физическое пространство, в котором локализуются индивиды, но является материальной средой, в которой воплощается структура социального

пространства. Жизнь конкретных людей, протекающая на определенном участке физического и географического пространства, будет существенно различаться в зависимости от соотношения различных социотерриториальных структур, покрывающих данный участок географической территории. К одной и той же географической территории могут быть привязаны различные социотерриториальные структуры.

Жизнедеятельность любой социальной общности осуществляется в природной и искусственной материальной среде и тем самым, имеет территориальную привязку. Однако для некоторых социальных общностей «территориальная значимость» входит в число конституирующих признаков. Таковы, по определению М. Вебера, политические союзы и, в частности, государство, которое характеризуется наряду с «монопольным характером легитимного насилия» также «господством штаба управления и насильственным обеспечением этого господства на определенной *территории*» [1, с. 110]. Согласно П. Бурдьё, государство как управление, или, если использовать веберовский термин, «управленческий штаб», создает государство как территорию», тогда как в обыденном сознании превалирует обратная точка зрения на происхождение государства [2, с. 252-253]. Таким образом, можно сказать, что территориальная политика является самой сутью государственной деятельности. Бурдьё расширяет веберовское определение государства, видя в последнем обладателя монополии на легитимное не только физическое, но и символическое насилие [2, с. 254], тем самым наделяя государство признаком, который М. Вебер относил на счет церкви – «непрерывно действующего иерократического учреждения», располагающего монополией легитимного «иерократического насилия» (особой формы психического насилия) [1, с. 110].

Территориальное устройство государства, которое представляет собой одну из сторон социотерриториальной структуры общества, является результатом совместного действия факторов культуры и власти. Культурные интерпретации власти лежат в основе цивилизационного структурирования обществ, в том числе в социотерриториальном отношении.

Ш. Эйзенштадт ввел в социологический анализ понятие «цивилизационного измерения человеческих обществ», под которым понимал «комбинацию онтологических или космологических видений... с определением, конструированием и регуляцией главных арен социальной жизни и взаимодействия», или «взаимопереплетение структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» [3, с. 1-2]. При этом ни одна из сторон этого взаимопереплетения не детерминирует другие. Важнейшей предпосылкой современной социологической версии цивилизационного анализа является отказ от одностороннего детерминизма и привнесение контингентности в соотношение структурного, институционального и культурного измерений социального взаимодействия.

Й. Арнасон, используя классические и современные источники (М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс, К. Касториadis, Ш. Эйзенштадт), разработал идеальный тип (аналитическую модель) цивилизационных формаций, выделив в нем две стороны: (1) «внутреннюю», интерпретативно-институциональную и (2) «внешнюю», пространственно-темпоральную. Комбинации интерпретативных моделей и институциональных структур обозначаются термином «цивилизационные паттерны», а их воплощения в конкретных пространственно-временных формациях – термином «цивилизационные комплексы». В том случае, когда два или более цивилизационных комплекса особенно тесно взаимосвязаны через общие источники или интенсивные

взаимообмены, то они образуют «цивилизационную констелляцию» [4]. Хотя в метааналитической модели цивилизационных формаций Арнасона особо выделяется пространственный аспект, однако касается он, прежде всего, взаимоотношений между обществами, принадлежащих к одному или к разным цивилизационным комплексам, в то время как социотерриториальная дифференциация самих обществ в недостаточной степени тематизирована.

Влияние цивилизационных паттернов на структурирование социетальной реальности включает: разграничение и определение конфигурации различных сфер общественной жизни и их отношений друг с другом; формирование социетального центра и установление его взаимоотношений с периферией; конструирование коллективных идентичностей и определение границ сообществ. Цивилизационный паттерн характеризует виды деятельности и социальные арены, являющиеся центральными для реализации ключевых культурных ориентаций. Решающая роль в формировании цивилизационного паттерна принадлежит коалициям различного типа элит: культурных, политических, экономических [3]. Соответственно определяется значение и соотношение различных социальных неравенств в социетальном порядке, роль и место в социальной структуре социальных групп и индивидов, выполняющих различные функции. В социотерриториальном аспекте цивилизационные паттерны вкупе с другими факторами создают предпосылки для формирования социотерриториальных структур, оказывая влияние на социальные поля (П. Бурдьё), или социальные фигурации (Н. Элиас), характеризующиеся изменяющимся балансом власти в отношениях между людьми; институциональную структуру власти; управленческие практики; социальную политику; территориальные коллективные идентичности; представления социальных групп о долговых обязательствах социетальных институтов.

Библиографический список

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология. 445, [3] с.
2. Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: «Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
3. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62. Pp. 1-21.
4. Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. 2001. Vol. 16. Pp. 387-405.

Информация об авторе

Браславский Руслан Геннадьевич (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе, Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук» (190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-ая Красноармейская, 25/14; (812) 316-24-96; r.braslavsky@socinst.ru)

Braslavskiy R.G.

SOCIOTERRITORIAL CONFIGURATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CIVILIZATIONAL DIMENSION

Abstract. *The territorial structure of the state, which is one dimension of the social structure, is the result of the joint action of the factors of culture and power. Cultural interpretations of power are the basis of civilizational structuration of societies, including their socioterritorial configurations.*

Key words: *civilizational patterns, socioterritorial configuration, territorial development, cultural interpretations of power, social space, multiple modernities*

References

1. Weber M. Khozyaistvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii: v 4 t. M.: Izd. dom Visshey shkoly ekonomiki, 2016. T. 1. Sotsiologiya. 445, [3] s.
2. Bourdieu P. O gosudarstve. M.: Izd. dom "Delo", 2016. 720 s.
3. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62. Pp. 1-21.
4. Arnason J.P. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. 2001. Vol. 16. Pp. 387-405.

Information about the Author

Ruslan G. Braslavskiy (St. Petersburg, Russia) – Ph.D. in Sociology, Deputy Director for Science, The Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg, Russian Federation; r.braslavsky@socinst.ru)

УДК 332.145:342.24 / ББК 65.049.2.

Бухвальд Е.М.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Аннотация. Переход к системе стратегического планирования, в том числе пространственной структуры российской экономики, требует существенного дополнения правовой базы экономической политики государства. Прежде всего, это касается правового закрепления экономических и институциональных основ государственной политики регионального развития, ее основных принципов и практических инструментов.

Ключевые слова: стратегическое планирование, пространственная структура экономики, государственная политика регионального развития.

Работа над документами стратегического планирования, предусмотренными 172-м Федеральным законом [1], показала, что закон не решает всех задач нормативно-правового регулирования такого планирования. В особой мере это относится к пространственному «срезу» социально-экономического стратегирования, основная цель которого – создать практические механизмы регулирования пространственной структуры экономики, в частности в контексте основных задач федеральной политики регионального развития. Сложность решения данной задачи связана с тем, что длительное время все попытки дать концептуальное

осмысление этого вектора социально-экономической политики государства, сформировать его нормативно-правовую базу успеха не имели. В итоге на протяжении 20 лет единственным действующим правовым актом в этой сфере оставался Указ Президента РФ 1996 г. [2]. Именно это и стимулировало в свое время начало работы над таким нормативно-правовым актом, как федеральный закон об основах государственного регулирования регионального развития.

Такой законопроект был внесен в Государственную Думу Российской Федерации еще в 2000 г.; длительное время находился на рассмотрении и лишь относительно недавно был списан в архив. В настоящее время необходимость вернуться к доработке и принятию такого закона диктуется тем, что в политике регионального развития сложился круг вопросов, которые не имеют исчерпывающего правового регулирования.

Прежде всего, сегодня сложилась не вполне ясная ситуация с перспективами федеративной реформы в стране. То ли она уже завершилась, то ли нет. Если нет, то какие дальнейшие шаги в этом направлении наиболее целесообразны. Закон о региональной политике не может исчерпать собой законодательное регулирование федеративной реформы, однако должен указать на те задачи этой реформы, которые в наибольшей мере могли бы повысить результативность политики регионального развития. Прежде всего, это касается отказа от трактовки этой политики как системы вспомоществования и ее перехода к формированию условий и стимулов «саморазвития» субъектов Федерации [3].

В этой связи следует также обратить внимание на проблему гибкости в федеральной политике регионального развития. Речь идет об известном реформировании этой политики к ее осуществлению на адресной основе с мотивированным выделением различных типов субъектов Федерации и тех инструментов региональной политики, которые для них будут наиболее действенны. Ряд новых документов по стратегическому планированию говорит о том, что этот вектор федеральной политики регионального развития все же может быть реализован. Например, эта мысль содержится и в «Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденных Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13. В этом документе делается специальный акцент на дифференцированный подход к мерам государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей.

Однако использование таких начал региональной политики требует очень серьезной подготовки (критерии типизации; сроки и способы их периодической корректировки и пр.). Многие из этих вопросов могли бы, по нашему мнению, быть решены принятием федерального закона об основах политики регионального развития. Это, в частности, касается законодательного закрепления функций отдельных видов институтов территориального развития, обязательности нескольких моделей межбюджетных взаимодействий федерального центра с субъектами Федерации на основе выделения в числе последних целевых групп (по критериям бюджетной обеспеченности, по степени дотационности бюджета; по абсолютной и относительной величине субфедерального долга и пр.).

Аналогично можно и нужно закрепить в указанном законе систему прозрачных критериев отбора регионов (макрорегионов), в отношении которых формируются федеральные программы территориальной направленности. Часто используемый при аргументации таких программ принцип «приоритетности» допускает и субъективные трактовки, которые можно исключить, если смысл этого принципа будет закреплён

законодательно. Кроме того, в соответствии с законом о государственной региональной политике, потенциальными бенефициарами программ территориального развития, по опыту некоторых стран, могут быть определены регионы, официально, на основе законодательно закрепленных критериев объявленные «территориями экономического бедствия». Это создаст правовую основу для того, чтобы данные территории были получателями дополнительных форм государственной помощи при одновременном принятии мер по экономии и оздоровлению региональных финансов.

Крайне актуальная проблема, которая также может быть решена с принятием названного федерального закона, состоит в необходимости координации действия основных инструментов политики регионального развития. Сегодня это межбюджетные отношения (причем в широком смысле, т. е. включая не только трансферты, но и межбюджетные налоговые распределения); государственные программы территориальной направленности; внепрограммная часть федеральных инвестиционных проектов и многочисленные федеральные институты развития. Пока же все эти инструменты региональной политики «работают» разобщенно, вне какой-либо взаимной согласованности. «Кумулятивная» картина их воздействия на тенденции социально-экономического развития субъектов Федерации не планируется и не отслеживается. В результате сказать, какое итоговое воздействие вся эта система инструментов оказывает на достижение приоритетов региональной политики федерального центра, невозможно.

Наконец, целесообразно закрепить в законе позитивное экономическое выравнивание субъектов Федерации как основную задачу государственной политики регионального развития с акцентом на возрастающее значение выравнивания экономики России как пространства инновационного развития. Сегодня постановка этой задачи носит «всплывающий» характер: то она появляется в официальных документах, то исчезает. Те оценки, которые дает в связи с этим Минэкономразвития РФ, варьируют по методике и по итоговым данным и в полной мере убедительными не считаются. Кроме того, не ясно: если сокращение межрегиональной экономической дифференциации и имело место, является ли достигнутое решением задачи по существу, или тут еще нужны некие продвижения; и, если да, то до какого рубежа это возможно и целесообразно.

В законе о государственной политике регионального развития целесообразно закрепить положение о том, что обязательным составляющим (объектом) такой политики являются и малые формы территориальной организации. Прежде всего, это малые города России. Сейчас таким образом позиционированы моногорода, которые являются потенциальными получателями помощи из Фонда развития моногородов; здесь допускается и создание ТОСЭР. А вот малые города как объект региональной политики «потерялись». Поддержку малых городов в соответствии с законом следовало бы выделить в отдельное направление региональной политики, комбинируя в ней возможности государственных программ, институтов территориального развития, методы налогово-бюджетного стимулирования, регулирования социально-демографических процессов (расселения) и пр.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
2. Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/
3. Бухвальд Е.М. «Саморазвитие» регионов и приоритеты регулирования пространственной структуры российской экономики // Федерализм. 2018. № 2. С. 32-45.
4. Климанов В.В., Волкова Е.В., Коротких А.М. Вопросы сочетания отраслевого и территориального подхода при формировании государственных программ // Общественные финансы. 2015. № 1 (31). С. 22-37.

Информация об авторе

Бухвальд Евгений Моисеевич (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН (117218, г. Москва, Нахимовский пр., 32; buchvald@mail.ru)

Bukhwalд E.M.

IMPROVING THE LEGAL FRAMEWORK FOR THE STRATEGIC PLANNING OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. *The transition to the system of strategic planning, including the spatial structure of the Russian economy, requires a significant addition to the legal framework of this economic policy of the state. First of all, it concerns the legal consolidation of the economic and institutional foundations of the state policy of regional development, its basic principles and practical tools.*

Key words: *Strategic planning, spatial structure of economy, state policy of regional development.*

References

1. On the strategic planning in the Russian Federation. Federal law of June, the 28th. 2014. No. 172-FZ. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
2. On the main provisions of regional policy in the Russian Federation. The Decree of the President of the Russian Federation of June the 3^d. 1996. № 803. Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10590/
3. Buchwald E.M. “Self-development” of regions and the priorities of the regulation of the spatial structure of the Russian economy // Federalism. 2018. No. 2. P. 32-45.
4. Klimanov V.V., Volkova E.V., Korotkikh A.M. The questions of a combination of the branch and territorial approach to the formation of the state programs // Public finances. 2015. № 1 (31). P. 22-37.

Information about the Author

Evgenii M. Bukhwalд (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics RAS (32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117218, Russian Federation; buchvald@mail.ru)

Василенко В.Н.**О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ**

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые предпосылки необходимости формирования многоуровневой системы стратегического планирования развития регионов. В качестве предпосылок выделены разные уровни осуществления воспроизводственных процессов. Предложены отдельные элементы такой системы: система стратегий поступательного развития региона, контуры многоуровневой системы стратегического планирования и система межтерриториальных экономических взаимодействий.

Ключевые слова: воспроизводственный процесс, стратегия, контур, уровень, система стратегического планирования, регион.

В разрезе экономических проблем в последнее время все больше усиливаются противоречия между участниками общественных отношений на всех уровнях, когда речь заходит о некотором переборе возможных вариантов их решения, основанном полностью на интерпретации эмпирических данных, которые касаются отдельных сторон общественной жизни. Другими словами – речь идет о числовом представлении возможностей и результатов жизнедеятельности территориальных сообществ, которое порождает иллюзию информационной обеспеченности. При этом каждое территориальное сообщество как бы «заикликивается» на решении собственных проблем, выйти за рамки которого ни практически, ни теоретически невозможно. Практически – потому что за набором чисел теряются глубина и масштабы проблем, а теоретически – потому что в большинстве своем государственная региональная политика сводится к определенному набору общих для всех субъектов формул, за которыми очень сложно увидеть конкретную перспективу каждого. И выходит, что каждый решает свои проблемы в одиночку.

Многогранность экономических и социальных отношений обуславливают выбор в качестве объекта стратегического управления развитием территорий именно процесс общественного производства на всех уровнях иерархии: начиная с базового (отдельных предприятий и населенных пунктов, или их территориальных образований) и заканчивая государством в целом. Вызвано это тем обстоятельством, что осложнение экономических и социальных отношений требует рассмотрения воспроизводственного процесса как соответствующей системы, где производство, распределение, обмен и потребление не могут быть адекватно оценены без учета их системных свойств. В свою очередь логической представляется необходимость выделения в этой системе разных уровней: микро- (базовый уровень), макро- (региональный и государственный) и мета- (региональный и государственный уровень с включением к ним социальной и естественной среды). При этом, исходя из того что человек является основным субъектом воспроизводственного процесса и носителем и выразителем реальных интересов, игнорирование его потребностей не может оставаться в стороне от стратегического управления [1; 2].

Для этого необходимо, чтобы соответствующий механизм управления адекватно учитывал, организовывал и направлял реальные экономические интересы государства, регионов, населенных пунктов и отдельных граждан. Именно многоуровневый характер

протекания общественного производства диктует необходимость создания соответствующей системы стратегического планирования развития регионов, потому что последняя по своей сути является основным инструментом обеспечения поступательного развития на всех уровнях экономического развития. Уместно считать, что в иерархическом отношении такая система может быть представлена таким способом: верхний уровень – государственный, на котором может согласовываться развитие как страны в целом, так и отдельных областей (регионов) и отраслей (видов экономической деятельности в масштабах страны). Следующий уровень – региональный, на котором может согласовываться развитие региона в целом и отдельных территорий соответствующего подчинения (населенных пунктов, или районов), а также отраслей. И базовый уровень – местный, на котором может согласовываться развитие отдельных территорий с учетом потребностей как территориального общества, так и отдельных граждан, а также отдельных предприятий. При этом важным условием такого согласования становится как вертикальная, так и горизонтальная составляющие территориального измерения [3; 4].

Следует подчеркнуть, что аналогичная система действовала в Советском Союзе, но при этом носила централизованно-директивный характер, что в условиях капиталистических отношений становится невозможно. Исходя из этого, можно считать, что в качестве основных документов, где бы отображались соответствующие общественные интересы, стали бы: государственная доктрина регионального развития; концепции: стратегического развития региона, долгосрочной (среднесрочной) стратегии регионального развития; долгосрочный (среднесрочный) прогноз развития региона; стратегические планы экономического и социального развития региона, государственные (целевые) программы развития региона, региональные или межрегиональные целевые программы развития, ежегодные планы экономического и социального развития региона и пр. В каждом из названных документов должны располагаться меры таким образом, чтобы в совокупности настоящие документы создавали целостную систему, каждый элемент которой дополнялся, или конкретизировался на другом уровне.

Технологически стратегическое планирование является процессом, который проходит несколько фаз. Это, прежде всего, должны быть: диагностика территории, в ходе которой идентифицируется ее нынешнее состояние (причем в сравнении с состоянием других территорий); разработка концепции перспективного ее развития, в которой приводится прогнозный характер будущего состояния, желаемого с «консолидированной» точки зрения власти, бизнеса и населения; разработка собственно стратегии (замысла), которая включает набор сценариев возможного развития территориальной ситуации; составление соответствующего плана первоочередных мер. Потом начинается стадия собственно реализации намеченного, в ходе которой контролируется достижение поставленной цели и вносятся корректировки в стратегические документы. Эта последовательность действий в принципе сообщается с логической схемой «обычного» (нормативного) планирования, однако здесь есть и ряд отличий. В стратегическом планировании ориентиры развития определяются не единичным решением планирующего субъекта, а являются результатом взаимодействия многих субъектов, которые действуют на территории. Если для «обычного» планирования подавляющее значение имеют техническая сторона процесса и логика формулировки планов, то в планировании стратегическом упор делается на общественных отношениях (партнерских взаимодействиях разных субъектов территориального развития) и логике реализации планов

[5; 6]. Такая система на государственном уровне имела бы вид «дерева целей», ветви которого были бы отражением содержания соответствующих документов на региональном и местном уровнях, что значительно облегчало бы не только мониторинг выполнения, но и собственно контроль реализации предложенных мероприятий.

Стратегический план экономического и социального развития также должен быть деревом целей, которые необходимо достичь в процессе реализации приоритетов социально-экономической политики, сформулированной в концепции. «В сущности, он должен стать сводом конкретных заданий, которые могут быть оценены количественно. Все цели, обозначенные в плане, должны отвечать критериям измеримости и достигаемости (то есть момент их достижения можно четко определить). План должен включать: набор целей; описание взаимосвязей между ними; характеристику показателей-индикаторов достижения цели и критериев их достижения» [6, с. 95].

На сегодняшний день наиболее важными вопросами в обеспечении как пространственной однородности, так и поступательного развития отдельных территорий должны стать не только возможная констатация имеющихся проблем (за счет соответствующих расчетов количественных и качественных показателей), но и реальное выявление важнейших отличий в протекании экономических, социальных и экологических процессов (какие должны определять приоритетные направления и составлять основу возможного механизма преодоления противоречий в общественных отношениях).

Представляется, что, для того чтобы система стратегического планирования развития регионов приобрела более завершенное состояние (вид) и стойкий характер во взаимодействии отдельных ее элементов, необходимо предпринять некоторые шаги, направленные, прежде всего, на формирование системы стратегий поступательного развития регионов, затем на определение контуров многоуровневой системы стратегического планирования развития территорий, а также на разработку системы межтерриториальных экономических взаимодействий.

Одной из основных особенностей системы стратегического планирования развития территорий является то, что стратегии развития территорий должны представлять собой своеобразную пространственную проекцию, в которой необходимо учитывать влияние внешних факторов экономического, политического и географического характера. Количественное и качественное определение возможных параметров развития территорий будет достигаться за счет использования методов прогнозирования как на долгосрочную, так и среднесрочную перспективу. Именно через систему стратегий, стратегических планов и стратегических программ развития государства и регионов возможно обеспечение пространственно-связанного виденья не только настоящего, но и более отдаленных перспектив их существования.

Собственно многоуровневая система стратегического планирования призвана обеспечить благоприятные условия для рационального использования накопленного экономического потенциала, оптимизации использования основных факторов общественного производства, взвешенного вкладывания финансовых ресурсов по приоритетным направлениям хозяйственной деятельности для обеспечения необходимого уровня экономического и социального развития соответствующих территорий. Под необходимым уровнем экономического и социального развития территории необходимо понимать как сбалансированное и пропорциональное развитие всех элементов производительных сил, так и

обеспечение воспроизводственного процесса соответствующими условиями. Такая возможность будет достигаться, прежде всего, за счет тесного переплетения общественных, групповых и индивидуальных интересов относительно перспектив видения общего будущего, достижения разноуровневых целей и решения соответствующих задач, а также за счет согласованности достижения насущных потребностей участников общественных отношений с имеющимися в наличии реальными возможностями.

Представляется, что основой межтерриториальных экономических взаимодействий должно стать наличие общих целей социально-экономического развития, решение общих экономических задач. Объектом такого взаимодействия всегда остаются общие интересы территориальных сообществ. Преимущества межтерриториальных экономических взаимодействий очевидны не только для органов местного самоуправления и субъектов хозяйствования при решении проблем жизнедеятельности населения, которые собственными усилиями решить не удастся (снижение издержек производства, обеспечение широкого доступа к ресурсам и т. д.). В выигрыше от таких взаимодействий остаются и органы государственной власти, т. к. межтерриториальное экономическое взаимодействие способствует территориальному развитию через формирование более эффективного экономического пространства на основе комбинирования и переплетения потенциалов развития территорий.

Таким образом, рассматривая стратегическое планирование развития регионов как систему, необходимо иметь в виду, что важными ее составляющими элементами всегда будут выступать: во-первых, система стратегий поступательного развития регионов, представляющая собой совокупность некоторых замыслов о наиболее принципиальных и важных установках развития соответствующих территорий на определенную перспективу – долгосрочную (от 7 и более лет) и среднесрочную (от 3 до 5 лет) с учетом намерений правительства, администрации городов и районов, органов местного самоуправления, руководства предприятий, направленных на достижение основной цели развития; во-вторых, контуры многоуровневой системы стратегического планирования развития регионов, устанавливающие пределы реализации мероприятий (по уровням их принятия и срокам выполнения) для достижения целей и приоритетов (задач) развития территорий, содержащихся в документах по стратегическому планированию; в-третьих, система межтерриториальных экономических взаимодействий, направленная на согласование экономических интересов участников общественных отношений посредством создания соответствующих организационных форм, которые становятся своеобразной доминантой, ориентация на которую позволяет весьма успешно решать как текущие, так и перспективные задачи территориального развития. Выбор любой организационной формы межтерриториальных экономических взаимодействий должен предполагать некоторую научно обоснованную схему как делегирования полномочий (для территориального сообщества), так и консолидации потенциалов (для хозяйствующих структур).

Библиографический список

1. Сизов В.С. Формы прямого, косвенного и смешанного стратегического управления в многоуровневом воспроизводственном процессе // Философия хозяйства. 2011. № 5. С. 184-193.

2. Якушкина Т. Формирование программы социально-экономического развития региона // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 4. С. 66-74.
3. Ларина Н.И. Система документов по координации регионального развития // Регион: экономика и социология. 2005. № 1. С. 15-31.
4. Селиверстов В.Е. Формирование многоуровневой системы стратегического планирования: методология, инструментарий, институты (на примере Сибири) // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 207-218.
5. Швецов А. Соотношение централизации и децентрализации в государственной региональной политике: о сложившейся ситуации, необходимости ее изменения // Российский экономический журнал. 2006. № 5–6. С. 14-35.
6. Добрынин Н. Неизбежность системной реконструкции российского федерализма // Федерализм. 2006. № 2. С. 89-104.

Информация об авторе

Василенко Валерий Николаевич (ДНР, Донецк) – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины, Донецкий национальный технический университет (283001, г. Донецк, ул. Артема, 58; bulava1953@mail.ru)

Vasilenko V.N.

ABOUT SOME ELEMENTS OF SYSTEM STRATEGIC PLANNING DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. *Some pre-conditions of necessity of forming of the multilevel system of the strategic planning of development of regions are considered in the article. As pre-conditions the different levels of realization of reproduction processes are distinguished. The separate elements of such system offer: system of strategies of forward development of region, contours of the multilevel system of the strategic planning and system of interterritorial economic cooperations.*

Key words: *reproduction process, strategy, contour, level, system of the strategic planning, region.*

References

1. Sizov V.S. Forms of direct, indirect and mixed strategic management are in the multilevel reproduction process // Philosophy of economy. 2011. № 5. P. 184-193.
2. Yakuwkina T. Forming of the program of socio-economic development of region // Problem of theory and practice of management. 2011. № 4. P. 66-74.
3. Larina N.I. System of documents on co-ordination of regional development // Region: economy and sociology. 2005. № 1. P. 15-31.
4. Seliverstov V.E. Forming of the multilevel system of the strategic planning: methodology, tool, institutes (on the example of Siberia) // Region: economy and sociology. 2009. № 2. P. 207-218.
5. Wvecov A. Correlation of centralization and decentralization in a public regional policy: about the folded situation, to the necessity of her change // Russian economic magazine. 2006. № 5-6. P. 14-35.
6. Dobrynin N. Inevitability of system reconstruction of Russian federalism // Federalism. 2006. № 2. P. 89-104.

Information about the Author

Valeriy N. Vasilenko (DNR, Donetsk) – Doctor of Economics, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine, Donetsk National Technical University (58, Artema str., Donetsk, 283001, Donetsk People's Republic; bulava1953@mail.ru)

УДК 332.05

Губанова Е.С.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием цифровой экономики. Показано, что наша страна активно включается в этот процесс, однако серьезным препятствием на пути распространения цифровых технологий может стать ярко выраженная территориальная неравномерность социально-экономического развития российских регионов.

Ключевые слова: цифровая экономика, пространственное развитие, неравномерность, регион.

В последние десятилетия произошли кардинальные перемены, связанные с тем, что неотъемлемой частью всех сфер жизнедеятельности человека стали цифровые технологии, что свидетельствует о существовании всеобъемлющей тенденции, обусловленной наступлением новой экономической эпохи – эпохи цифровой экономики и определяющей вектор развития стран и регионов. Внедрение цифровых технологий в разных отраслях экономики (добавим и в разных территориях) происходит различными темпами, поэтому надо полагать, что в ближайшем будущем традиционная и цифровая экономика будут в определенной степени зависеть друг от друга.

Ядром» цифровой экономики является сложившийся технологический сектор информационно-коммуникационных технологий (сектор ИКТ), работу которого обеспечивают компании, производящие программное и аппаратное обеспечение, а также оказывающие консалтинговые и телекоммуникационные услуги. Это стало основанием того, что одним из важнейших показателей развития цифровой экономики, в том числе и для международного сравнения, является индекс развития ИКТ (*табл. 1*). Из данных таблицы видно, что наиболее развитыми в области ИКТ являются страны, попавшие в первую десятку рейтинга. Добавим, что по индексу развития электронного правительства Россия занимает 35-ю строчку, а по глобальному индексу кибербезопасности – 10-ю строчку [1].

Вопросы, связанные с развитием цифровой экономики в России, находятся в фокусе внимания не только представителей научной общественности, но и лиц, принимающих управленческие решения на федеральном и региональном уровнях. Во-первых, об этом свидетельствует принятие программы «Цифровая экономика Российской Федерации», нацеленной на создание условий для развития общества знаний в стране, повышения качества жизни граждан путем повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных с использованием цифровых технологий. Во-вторых, активное развитие получают проекты, отнесенные к сфере цифровой экономики, и в ряде российских регионов – Тюменская,

Рязанская, Новгородская, Самарская, Вологодская области, Алтайский край, Республика Башкортостан, Республика Северная Осетия.

Таблица 1. **Индекс развития ИКТ по странам: 2017**

Страна	В том числе субиндексы			
	Индекс ИКТ (место в рейтинге)	Доступ к ИКТ (ранг)	Использование ИКТ (ранг)	Практические навыки использования ИКТ (ранг)
Исландия	1	2	5	9
Республика Корея	2	7	4	2
Швейцария	3	8	2	31
Дания	4	14	1	6
Великобритания	5	4	7	33
Гонконг (Китай)	6	3	10	32
Нидерланды	7	10	9	14
Норвегия	8	27	3	11
Люксембург	9	1	8	74
Япония	10	9	11	30
Чешская Республика	43	55	39	28
Португалия	44	31	50	53
Россия	45	50	51	13
Словакия	46	51	36	50
Италия	47	47	42	43

Источник: [1].

Однако заметим, что на фоне показателей в сравнении с другими странами Россия занимает вполне достойное место, но эти данные скрывают высокую дифференциацию распространения и освоения информационно-цифровых технологий по российским регионам. Россия отличается огромным природным и социально-экономическим разнообразием, следствием которого является высокая степень неравномерности развития регионов. Более того, при переходе с регионального на муниципальный уровень степень социально-экономического неравенства значительно повышается, и различия по ключевым показателям увеличиваются в десятки раз. Предполагается, что формирование цифровой экономики будет способствовать повышению связности регионов и уменьшению уровня их социально-экономического неравенства. Отметим при этом, что государством предпринимаются усилия по формированию информационной инфраструктуры и развитию цифровых технологий, но пока результаты не вполне соответствуют заявленным целям, в частности, разрыв между регионами-лидерами и отстающими регионами составляет 5–7 раз по использованию государственных услуг и 2–3 раза по активности бизнеса в использовании цифровых технологий. В городах доступом к широкополосной связи охвачено 95% населения, в селах – не более 20%. [2]. В качестве иллюстрации рассмотрим данные таблицы 2, где представлены показатели развития цифровой экономики в субъектах СЗФО.

Главный вывод, который может быть сделан на основе представленных данных, состоит в том, что формирование цифровой экономики происходит крайне неравномерно, что обусловлено совокупностью внешних и внутренних, объективных и субъективных факторов. Понимание природы и особенностей воздействия факторов открывает возможности

регулирования (со стороны органов власти и управления) исследуемых процессов, но при этом следует принять во внимание, что цифровизация экономики – сложное, многоаспектное явление, открывающее новые возможности и тающее в себе новые угрозы:

Возможности	Угрозы
Повышение производительности труда	Увеличение безработицы в ряде секторов экономики
Развитие конкуренции	Рост социальной напряженности
Расширение торговли	Риски образовательной системы
Увеличение рабочих мест	Риски снижения профессионального мастерства
Повышение качества услуг	Риски мошенничества
Повышение инклюзивности	Риски коррупции
Повышение доступности ряда важнейших услуг	Обострение проблемы социально-экономического неравенства

Среди важнейших проблем многих российских регионов – существование значительных различий в уровнях социально-экономического развития, разный потенциал использования возможностей цифровой экономики и разный уровень готовности к ее внедрению, что, в свою очередь, представляет определенную угрозу и для реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Исследования социально-экономических процессов Вологодской области [3] позволили выявить, что для большинства муниципальных районов характерен асимметричный тип развития, при котором различия по демографическим, социальным и экономическим параметрам могут приводить к дестабилизации воспроизводственных процессов различия, нарушению целостности пространства и нарастанию кризисных явлений. Также было установлено, что имеет место углубление неравенства и усиление концентрации экономической активности вблизи двух крупных городов области (г. Вологда и г. Череповец). Сохранение этой тенденции может иметь крайне негативные последствия для ряда муниципалитетов, это: увеличение миграции квалифицированных кадров, закрытие производств, в том числе предприятий малого бизнеса, снижение доходов населения, сокращение финансовой основы развития районов и другие. При этом отметим, что быстрое развитие и распространение цифровых технологий может усилить разрушение социально-экономического пространства региона.

Указанное выше свидетельствует о том, что необходимым условием предотвращения нарастания угроз социально-экономическому развитию территорий области должна стать активная деятельность органов власти и управления, направленная на регулирование пространственного развития.

Таблица 2. Показатели развития цифровой экономики в субъектах СЗФО, 2017 год

	Место, занимаемое субъектом РФ по показателям							
	Абоненты широкополосного доступа к интернету, на 100 чел. населения		Удельный вес д/х, имеющих широкополосный доступ к интернету, в общем числе д/х	Удельный вес населения, использующего интернет			Удельный вес организаций (в общем числе организаций сектора), использующих	
	Фиксированного	Мобильного		в общей численности населения в возрасте 15-74 лет	для заказа товаров, услуг, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет	получения гос./мун.услуг в электронной форме, в общей численности населения в возрасте 15-74 лет		широкополосный интернет
Северо-Западный федеральный округ	2	3	1	2	2	7	1	1
Республика Карелия	4	72	26-29	32-34	16	77	19	38-41
Республика Коми	4	34	23-24	49	19	65	36	45-47
Архангельская область: - Ненецкий автономный округ - Архангельская область без автономного округа	83 22	- 68	47 64	13-16 62-63	34 21	63 26-27	15 65	37 55-57
Вологодская область	23	70	61-62	57	51	44	28	27-28
Калининградская область	30-32	15	20	35-36	32	29	21-22	6-8
Ленинградская область	72	13-14	56	43	23	49	6	52-54
Мурманская область	5-6	25	12-13	8	6	72	32	55-57
Новгородская область	52-53	51	61-62	78-79	41	67	24	25
Псковская область	74-75	80	75	65	43-45	79	41	15
г. Санкт-Петербург	3	13-14	4	4	10	48	5	5

Источник: [1].

Библиографический список

1. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишнеvский, Г.Л. Волкова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 268 с.
2. Кравченко Н.А., Кузнецова С.А., Иванова А.И. Факторы, результаты и перспективы развития цифровой экономики на региональном уровне // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 168-178.
3. Губанова Е.С., Ворошилов Н.В. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 6 (36). С. 54-69.

Информация об авторе

Губанова Елена Сергеевна (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, заведующий кафедрой финансов и кредита, Институт управления, экономики и юриспруденции, Вологодский государственный университет (г. Вологда, ул. Ленина, 15, gubanova_elena@mail.ru)

Gubanova E.S.

SPATIAL RISKS OF THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. *The article deals with issues related to the formation of the digital economy. It is shown that our country is actively involved in this process; however, a pronounced territorial unevenness in the socio-economic development of Russian regions can become a serious obstacle to the spread of digital technologies.*

Key words: *digital economy, spatial development, unevenness, region*

References

1. Indicators of the digital economy: 2018: statistical compilation / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, G.L. Volkova, L.M. Gokhberg, etc.; Nat researches University “Higher School of Economics”. М.: HSE, 2018. 268 p.
2. Kravchenko N.A., Kuznetsova S.A., Ivanova A.I. Factors, results and prospects for the development of the digital economy at the regional level // World of Economics and Management. 2017. V. 17, No. 4. P. 168-178.
3. Gubanova E.S., Voroshilov N.V. Assessment of the level of socio-economic development of municipalities of the Vologda region // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2014. № 6 (36). Pp. 54-69.

Information about the Author

Elena S. Gubanova (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Management, Economics and Law, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, Russian Federation,; gubanova_elena@mail.ru)

Довейко А.Б., Картавцева А.А.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ВОРОНЕЖА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, ИНВЕСТИЦИОННУЮ И МИГРАЦИОННУЮ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. Рассмотрены факторы формирования архитектурного облика города в сознании населения. Горожане считают, что улучшение архитектурного облика города привлечет инвестиции и улучшит качество их жизни. Оценка архитектурного облика зависит от социально-демографических характеристик респондентов.

Ключевые слова: город, архитектурный облик, инфраструктура, привлекательность, комплексная застройка.

В условиях конкуренции городов за привлечение ограниченных ресурсов актуальной становится проблема поиска символических оснований развития городской среды, создания привлекательного образа города, способного улучшить микроклимат внутри территории, сформировать условия для реализации творческого потенциала горожан, предотвратить отток молодых и талантливых жителей, а также привлечь целевые аудитории.[1, с. 33]. Учитывая высокие темпы урбанизации, необходимо рассматривать совокупность составляющих города, а именно его облик, который является физической стороной города и включает в себя здания, памятники и улицы. Их можно назвать архитектурным полем города. Облик характеризуется активным развитием, изменчивостью и непостоянством. Образ города – это осмысление облика жителем или же гостем города. При этом облик проходит через процесс восприятия и осознания, подвергаясь личным стереотипам и представлениям.

Архитектурный облик города – это исторические и культурные традиции; своеобразие городской среды; социальная и экономическая устремленность и благополучие; гармония с природным окружением.

Актуальность изучения отношения населения к облику города Воронежа обусловлена несколькими факторами:

1. Развитие и расширение города обуславливает необходимость изучения его облика, для улучшения степени комфортности проживания людей, а также увеличения инвестиционного потока.

2. Согласно полному рейтингу среди городов России по качеству жизни Воронеж находится на 130 месте из 250. А это значит, что необходимо менять облик города и увеличивать его привлекательность.

3. Несмотря на достаточно далекую позицию по качеству жизни, с 2010 года численность населения Воронежа растет с каждым годом и сегодня превышает миллион жителей.

Проблемой в данном случае является то, что, с одной стороны, город все больше застраивается и появляется новая инфраструктура, а с другой, что при расширении города зачастую пренебрегают единым городским стилем застройки, развитием дополнительных дорожных систем, запуском городского транспорта и т. д.

Мы определили степень информированности воронежцев об изменении архитектурного облика Воронежа, выделили основные причины, с которыми связана

незаинтересованность и нежелание быть вовлеченными в процесс осведомленности о реставрации и строительстве города. Наибольший процент заинтересованных изучаемой проблемой относится к респондентам всех возрастных категорий, кроме населения 30–39 лет. Однако наибольший интерес проявила возрастная группа 50–59 лет, и только среди населения этой группы не возникло затруднений с ответом. Из этих данных можно сделать вывод о том, что в среднем возрасте у населения города Воронежа в большинстве своем нет заинтересованности в ознакомлении с архитектурными проблемами.

Степень заинтересованности населения не зависит от финансового и материального положения респондента, однако оценка архитектурного облика слабо зависит от социально-демографических характеристик респондентов. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что оценка архитектурного облика города зависит от социально-демографических характеристик респондентов, а также о том, что она формируется под воздействием субъективных и объективных факторов.

Рассматривая ответы, которые дали респонденты, можно сделать вывод, что они осведомлены только о уже существующих и реализуемых проектах и очень редко о предстоящих. Также стоит отметить, что респонденты не осведомлены о тех застройках или реставрациях, которые не освещались в СМИ или других информационных источниках. А самостоятельный поиск в большинстве случаев либо не дает необходимой информации, либо она трудна для восприятия человека.

Если говорить о понимании предмета нашего исследования, то можно отметить, что среди всех возрастов примерно одинаковое понимание «архитектурного облика», однако среди молодежи 20–29 лет существует более размытое понимание данного термина. У людей, проживающих в благополучных районах города и имеющих высокий уровень жизни, отношение к городу и его архитектуре носит более позитивный оттенок. Что касается отношения населения к застройке старого центра высотными зданиями, то большинство – 64% – относится к этому отрицательно. Однако примерно 8% опрошенных делают оговорки, что они отрицательно относятся, если это портит общую концепцию или приводит к сносу сооружений, которые представляют историческую ценность.

Таблица 1. Оценка архитектурного облика г. Воронежа по определенным категориям (в %)

Характеристика	Очень плохо	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо	Очень хорошо
Единый внешний вид города	12%	20%	4%	16%	8%
Новизна фасадов (внешнего вида) зданий	12%	24%	48%	12%	4%
Современность зданий	6%	12%	58%	22%	2%
Архитектурный стиль	30%	20%	38%	8%	4%
Яркость и привлекательность	16%	26%	44%	12%	2%
Чистота фасадов зданий	8%	28%	50%	12%	2%
Количество аварийного жилья	30%	26%	28%	14%	2%
Архитектурные символы города (Котенок с ул. Лизюкова и т.д.)	2%	4%	26%	44%	24%

При анализе подобной таблицы можно отметить, что большинство категорий для опрошенных имеют негативный оттенок, лишь архитектурным символам – 44% – дана категория «хорошо». Самую негативную оценку получили архитектурный стиль и количество

аварийного жилья – 30%. Почти все категории имеют оценку «удовлетворительно», что не является положительным моментом для города.

Рассматривая график ответов на открытый вопрос, можно сказать, что основными категориями интереса для респондентов являются: единый внешний вид, интересная архитектура, парки и чистота. Основные факторы, которые опрошенные считают создателями отрицательного облика города, – это отсутствие единого стиля застройки, здания в виде серых и неинтересных «коробок», обветшалые фасады и здания, грязь и мусор.

Таблица 2. Оценка степени влияния облика города на следующие аспекты (в %)

Показатель	Не влияет	Почти не влияет	Среднее влияние	Влияет	Очень влияет
Уровень жизни	8%	14%	36%	28%	14%
Экономическое положение	4%	8%	42%	34%	12%
Инвестиции и дотации городу	8%	6%	20%	36%	30%
Привлекательность для туристов	4%	6%	2%	16%	72%
Привлекательность для желающих переехать	2%	6%	16%	10%	66%
Комфорт проживания	2%	18%	30%	0%	50%
Настроение	2%	6%	8%	22%	62%
Здоровье	6%	14%	32%	34%	14%
Поведение человека	4%	6%	26%	36%	28%
Увеличение кол-ва рабочих мест	4%	20%	32%	28%	16%

Проводя анализ таблицы, стоит отметить, что основными аспектами, на которые влияет архитектурный облик города, были выбраны: привлекательность для туристов – 72%, привлекательность для желающих переехать – 66%, настроение – 62%. По отношению к остальным категориям он оказывает среднее влияние.

Из данного анализа можно сделать вывод, что в настоящее время опрашиваемые недооценивают степень влияния архитектурного облика города на многие важнейшие категории, такие как здоровье, инвестиции и дотации городу, а также экономическое положение и уровень жизни, оказывающие огромное влияние на поведение человека.

Определяя степень удобства комплексной застройки города, респонденты в большинстве своем сошлись на мнении, что подобные виды застроек скорее удобны, однако есть свои нюансы. При вопросе о преимуществах комплексной застройки большинство опрошенных – 75% – выделили удобство для человека, 15% затруднились с ответом. Большинство опрошенных все же имеют смутные представления о подобном виде застройки и дают наиболее общие ответы.

При вопросе о недостатках комплексной застройки большинство опрошенных – 21% – отметили недобросовестность застройщиков, 12% – проблемы с парковкой и пробки, 8% – загрузку городской инфраструктуры, которая не готова к этому, 7% – отсутствие зеленых зон и затруднение с ответом. Несмотря на то что опрошенные видели много перспектив у комплексной застройки, 52% считают, что она не способна создать единый архитектурный стиль, а 22% затрудняются с ответом.

При анализе отношения к комплексной застройке было выяснено, что сами респонденты обладают лишь поверхностной информацией по данному вопросу. Однако стоит учесть, что это достаточно новое явление для Воронежа.

Библиографический список

1. Федотова Н.Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. 20 (3). С. 32-49.

Информация об авторах

Довейко Александр Борисович (Россия, Воронеж) – кандидат социологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; office@main.vsu.ru);

Картавцева Анастасия Александровна (Россия, Воронеж) – независимый исследователь (kartavtseva96@gmail.com)

Doveiko A.B., Kartavtseva A.A.

ARCHITECTURAL APPEARANCE OF VORONEZH AND ITS IMPACT

ON THE QUALITY OF LIFE, INVESTMENT AND MIGRATION ATTRACTIVENESS

Abstract. *The factors of the formation of the architectural appearance of the city in the minds of the population are considered. Citizens believe that improving the architectural appearance of the city will attract investment and improve their quality of life. The assessment of the architectural appearance depends on the socio-demographic characteristics of the respondents.*

Key words: *city, architectural appearance, infrastructure, attractiveness, integrated development.*

References

1. Fedotov N.G. (2017) Formation of urban identity: factorial and institutional aspects. Journal of Sociology and Social Anthropology, 20 (3): 32-49.

Information about the Authors

Aleksandr B. Doveiko (Voronezh, Russia) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation; office@main.vsu.ru);

Anastasia A. Kartavtseva (Voronezh, Russia) – an independent researcher (kartavtseva96@gmail.com)

Егоров В.К.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития России предполагает, прежде всего, безотлагательное решение демографической проблемы. Огромная территория страны со множеством регионов с их культурно-исторической, этнопсихологической и экономической спецификой и т. д. предопределяет разнообразие и динамику подходов к решению этой проблемы в стране в целом. Среди них, в том, что касается отдельных регионов, особое место наряду с другими занимает институциональный подход с его более гибким реагированием различных институтов общества, прежде всего органов власти, на проблемы демографии.

Ключевые слова: *демографическое развитие, институциональный подход, руководство Вологды, регионы, ИСЭРТ РАН, Концепция активного долголетия, научные исследования, самодостаточность России, демографический переход.*

В 2016 году в Вологодском научном центре РАН (тогда ещё Институт социально-экономического развития территорий РАН) вышла книга «Поговорим о демографии: город Вологда и его жители». Заявленная как научное издание, и вполне соответствуя этому определению, эта работа по-своему уникальна уже хотя бы потому, что её автором стал глава Вологды того периода Е.Б. Шулепов, а позитивную тональность в её оценке задал в своём обращении к читателям губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников. (Уверен, что многие из учёных и специалистов согласятся с тем, что непосредственное участие в научной работе и её популяризация региональными администрациями представляет собой далеко нечастое явление – ВЕ.)

Автору настоящей статьи довелось быть одним из рецензентов книги, что позволило, опираясь на реалии сегодняшнего дня, сделать собственное заключение об адекватности идей и выводов, содержащихся в книге, и, расширив и дополнив текст рецензии, сделать попытку вернуться к неисчерпаемой теме – науке о населении, отталкиваясь от ранее изложенных фактов и сделанных выводов. В качестве авторской установки для этого был избран формат настоящей статьи в виде расширенного комментария.

Проблема демографического развития России, её корреляция с проблемой социально-экономической исключает упрощенное раскрытие её сути, а также перспектив развития общества, отдельной личности и страны в целом, но изначально предполагает её серьёзное осмысление с использованием весомой научной компоненты. Совершенно очевидно, что, выполняя это условие, автор книги, раскрывая заданную тему, поддерживал тесное творческое сотрудничество с учёными Института социально-экономического развития территорий РАН (ныне Вологодский научный центр РАН), давно и успешно проводящими исследования в области демографии.

Итогом стала вполне самостоятельная, фундированная работа, которая даёт возможность поразмышлять на крайне актуальную тему не только специалистам, но и очень широкому кругу равнодушных, думающих читателей, а выводы, оценки и предложения, сделанные в работе, обоснованы, понятны и интересны не только жителям Вологды, но и всем, кто населяет большие и малые города России.

Кратко и в то же время доступно изложенная гносеология демографического фактора в различные исторические периоды развития человеческого общества, сравнительный анализ концепций демографического детерминизма и демографических переходов, теоретико-методологических подходов к изучению факторов демографических процессов наглядно и убедительно показывают, что наряду с прочно устоявшимися в демографической науке экономическими, социально-экономическими, социально- психологическими подходами особую роль играет институциональный подход. Именно при этом подходе проявляется значение факторов институциональной среды, таких как взаимодействие различных институтов общества друг с другом и внешней средой. Этот подход не только раскрывается и обосновывается в плане общетеоретическом, но и убедительно иллюстрируется конкретными фактами из деятельности руководства Вологды, подтверждающими комплексный характер институционального подхода к решению демографической проблемы как совокупности её экономических, социально-психологических и пр. составляющих.

Конкретный материал позволяет сделать вывод, что в отсутствие прямой обусловленности демографического роста экономическим фактором рост населения, тем не менее, является основным фактором устойчивого развития территории проживания. Для этого на общетеоретическом, а далее и на уровне повседневной практики руководства городом отслеживается позитивное влияние целого ряда социокультурных и психологических установок на демографическое развитие города. Анализ имеющегося потенциала для реализации этих установок (репродуктивной, брачной, самосохранительной и т. д.) позволяет не только сделать принципиальный вывод, что демографией не только можно, но и нужно управлять, но и предложить конкретный и уже опробованный способ – реализацию государственной и муниципальной демографической политики – влияния на формирование демографических установок и создание условий для их воплощения в жизнь.

Особая убедительность подобных выводов достигается тем, что они основываются на прочном эмпирическом материале – результатах последовательной, настойчивой работы администрации города, и что особенно важно – при активной поддержке горожанами. Об этом свидетельствуют многочисленные (по данным книги, свыше 100 крупных инфраструктурных и инвестиционных проектов в течение 7 лет) практические мероприятия и вполне реальные долгосрочные проекты и программы нормативного характера. Как всегда в таких случаях, впечатляет статистика, в частности соотношение коэффициентов рождаемости и смертности, которое показывает, что Вологда к 2015 году перестала вымирать, преодолев спустя более чем 20 лет трагичный «русский крест».

Общетеоретические установки на устойчивое развитие города адекватно переходят в конкретные, реальные планы администрации в области демографии города и формализуются в концептуальных и правовых актах, которые успешно и зримо воплощаются в жизнь. Прежде всего, стоит выделить Стратегию комплексной модернизации городской среды муниципального образования город Вологда» на период до 2020 года и принятую в 2014 году интереснейшую Концепцию активного долголетия на период до 2035 года «Вологда – город долгожителей».

Вышеупомянутая Концепция активного долголетия и с большим тактом и любовью составленный раздел «Секреты долгожителей» отражают отношение администрации города к старшему поколению, разительно отличающееся от нередко встречающихся не только в повседневной практике, но и в публицистике и даже в научных работах рассуждений о «возрасте доживания». Комплексный подход к демографической проблеме, тем самым, логично и убедительно выглядит в том, что активное долголетие поставлено в один ряд с поддержкой рождаемости, здоровьесбережением и воспитанием нового поколения. Инновационный подход к решению очень непростой демографической проблемы, характерный в целом для всей деятельности администрации, применительно к старшему поколению выглядит особенно человечным.

Из содержания настоящей книги и материалов регулярного научного мониторинга демографической ситуации в Вологде логично следует вывод и о том, что в своей деятельности руководители города, опираясь на активную поддержку его жителей и поддерживая живую обратную связь с ними, широко используют результаты проводимых в регионе научных исследований. Опора на современное высшее и среднее профессиональное образование, исследовательские возможности успешно развивающегося академического

научного центра являются признанными необходимыми условиями успешного развития и города, и региона в целом.

Анализ содержания книги о Вологде, посвящённой, казалось бы, одному конкретному городу с региональным статусом, тем не менее, как всегда, когда речь идёт о добротной и профессиональной работе, выводит на более высокий уровень обобщений, позволяющий экстраполировать их на гораздо больший круг объектов исследования, на федеральный уровень. Если даже общетеоретические заключения в исследовании могут показаться кому-либо не вполне новаторскими, то бесспорная обусловленность ими прикладных аспектов, успешная реализация их в непростых российских условиях заслуживают внимательного, непредубеждённого рассмотрения. Тем более, что Вологда с её социально-психологическими, экономическими, культурно-историческими и пр. особенностями представляет собой очень удачный объект комплексных исследований в области демографии.

Актуальность проблемы устойчивого развития общества и государства в демографическом контексте, как представляется, не требует излишних обоснований и доказательств. Тем не менее, хотя бы в постановочном плане следует коснуться глобального уровня демографической проблемы и её места в устойчивом развитии всей системы мирохозяйственной и геополитических связей. Для этого, без выхода за формат настоящей работы, достаточно упоминания популярной теории третьего демографического перехода Д. Коулмена, обосновывающей рост числа мигрантов при проблемной демографической ситуации в отдельных странах. И, как подтверждение и развитие положений этой теории, появление пока что неофициальных претензий политического и научного свойства в странах за пределами России на обширные слабозаселённые территории нашей страны в условиях избыточной населённости в других странах.

Россия, как известно, одна из немногих стран мира, обладающая реальными предпосылками для того, чтобы быть подлинно самодостаточной. Для этого у нас имеются все жизнеобеспечивающие (пространственно-природные, научно-технологические, культурные и пр.) ресурсы. Но всё же основой подлинно самодостаточного государства является адекватное и по количеству, и по качеству население. И эта проблема представляется не менее, а в отдельных аспектах существенно более важной и сложной, чем, например, диверсификация источников энергии, технологических переходов и даже политических коллизий. Приходится признавать, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в динамике роста населения России в последнее время, демографические проблемы в самой тесной связи с задачей устойчивого развития страны уверенно занимают одно из первых мест. В этих условиях и теоретические поиски, и успешная практика даже частных подходов к их решению заслуживают внимания, изучения и поддержки.

Библиографический список

1. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.
2. Тихомирова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
3. Шулёпов Е.Б. Поговорим о демографии: город Вологда и его жители. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016.

4. Старшее поколение и будущее: коллективная монография. М.: Экономическое образование, 2014.

Информация об авторе

Егоров Валерий Кузьмич (Россия, Москва) – кандидат исторических наук, руководитель международного отдела, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (г. Москва; 8(495) 495 974 0340; ve@isesp-ras.ru)

Egorov V.K.

DEMOGRAPHIC CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. *Ensuring the sustainable socio-economic development of Russia involves, above all, an urgent solution to the demographic problem. The vast territory of the country with many regions with their cultural, historical, ethno-psychological and economic specifics, etc. predetermine the diversity and dynamics of approaches to solving this problem in the country as a whole. Among them, in terms of individual regions, a special place, along with others, is taken by the institutional approach with its more flexible response of various institutions of society, first of all government bodies, to the problems of demography.*

Key words: *demographic development, institutional approach, Vologda leadership, regions, ISEDT RAS, the concept of active longevity, research, self-sufficiency of Russia, demographic transition.*

References

1. Sobolev I.V. The human potential of the Russian economy. Problems of conservation and development, Moscow. The science. 2007
2. N.E. Tikhomirova The social structure of Russia: theories and reality. Moscow. New chronograph. 2014
3. Shulepov E.B. Let's talk about demography: the city of Vologda and its inhabitants. Vologda. ISEDT RAS. 2016
4. Older generation and future. Collective monograph. Moscow. Economic Education. 2014.

Information about the Author

Valery K. Egorov (Moscow, Russia) – Ph.D. in History, Head of the International Department of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences (Moscow; 8 (495) 495 974 0340; ve@isesp-ras.ru)

УДК 332.142.2 / ББК 65.9 (2Рос)

Клещ В.С.

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. На современном этапе развития территорий система регулирования регионального развития является одним из ключевых факторов формирования межтерриториальных различий. Совершенствование нормативно-правового направления

системы регулирования призвано повысить эффективность в решении проблемы неравномерности социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: неравномерность развития, регион, регулирование регионального развития, нормативно-правовое обеспечение, стратегия пространственного развития.

Неравномерность развития территорий на протяжении многих лет является одной из самых острых и обсуждаемых проблем региональной экономики. Неравномерность социально-экономического развития российских территорий проявляется в наличии различий между ними по ряду социальных и экономических параметров развития.

Регионы представляют собой открытые социально-экономические системы. Свойство открытости проявляется во взаимном влиянии территории и внешней среды друг на друга, во влиянии на развитие территории широкого спектра факторов. Однако помимо внешнего влияния территории испытывают на себе воздействие и внутренних факторов, которые в своей совокупности и обуславливают неравномерность развития. Поэтому в решении проблемы неравномерности в первую очередь необходимо воздействовать на факторы, ее вызывающие. Особое место среди факторов неравномерности занимает система регулирования регионального развития. С одной стороны, регулирующие воздействия призваны решать возникающие в регионе проблемы социально-экономического характера. С другой стороны, неверно выстроенная система регулирования может стать причиной возрастающих межтерриториальных различий.

Анализ проводимой в Вологодской области региональной политики позволил установить, что система регулирования регионального развития в регионе обладает рядом недостатков: недостаточной проработанностью нормативно-правового обеспечения, отсутствием комплексного подхода к процессу регулирования, недостаточным уровнем эффективности применяемого инструментария регулирования, слабым взаимодействием региональных органов власти и органов местного самоуправления. Указанные недостатки затрудняют проведение эффективной региональной политики и тормозят процесс решения проблем социально-экономического развития региона. Отмеченное актуализирует необходимость совершенствования системы регулирования регионального развития за счет устранения выявленных недостатков. По нашему мнению, в первую очередь необходима реализация нормативно-правового направления совершенствования системы регулирования, поскольку нормативно-правовая база выступает фундаментом системы регулирования. Более того, эффективность региональной политики зависит от того, насколько точно и в полном объеме нормативно-правовая база содержит в себе все аспекты процесса регулирования регионального развития.

В настоящее время основным стратегическим документом в регионе является утвержденная постановлением Правительства Вологодской области № 920 от 17 октября 2016 года Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года, в которой отражены цель, задачи, а также приоритетные направления развития социальной сферы и экономики области на долгосрочную перспективу. Кроме того, в Стратегии-2030 отмечены ключевые проблемы и вызовы, стоящие перед регионом и его территориями. Однако ни целевая установка стратегии, ни приоритеты социально-экономической политики не содержат в себе пространственного аспекта развития региона и не отражают необходимость решения проблемы внутрирегиональных различий. Кроме того,

в тексте документа обозначен факт имеющихся в регионе диспропорций развития, однако не определены ни оценка их масштаба, ни конкретные меры, необходимые для устранения различий.

В каждом муниципальном образовании Вологодской области также утверждена и реализуется своя Стратегия социально-экономического развития на период до 2020 года. Анализ этих документов позволил установить их идентичность, однотипность целевых установок и приоритетных направлений развития. Практически полное дублирование стратегических документов не позволяет учитывать уникальные особенности каждой территории в процессе регулирования ее развития, что лишает территории возможности реализации внутреннего потенциала развития, тормозит развитие экономических отношений и хозяйственных связей, приводит к снижению их конкурентоспособности. Отмеченное, в свою очередь, препятствует стабильному и устойчивому развитию как самих территорий, так и региона в целом.

Рациональным ответом на выявленные недостатки регионального законодательства в сфере регулирования регионального развития должно стать совершенствование нормативно-правовой базы на основе разработки и принятия нового стратегического документа. Таким документом может стать проект Концепции Стратегии пространственного развития региона (рис.).

Система нормативно-правового обеспечения процесса регулирования регионального развития (составлено автором)

Содержание Концепции Стратегии пространственного развития региона (далее – концепции) раскрывается через цель, задачи, приоритетные направления, принципы и механизм реализации отмеченных целей и задач. Так, стратегической целью концепции должно стать создание условия для равномерного социально-экономического развития региона путем решения региональных социальных и экономических проблем. Реализация обозначенной цели опирается на необходимость решения следующих задач:

- повышение сбалансированности социально-экономического пространства региона за счет обеспечения опережающего развития наиболее перспективных, но развивающихся недостаточными темпами муниципальных районов;

- поддержка территориальных пропорций развития региона, недопущение чрезмерных межмуниципальных различий;
- формирование эффективных межмуниципальных связей, пространственная интеграция экономически и социально сильных и слабых муниципальных районов;
- поддержка депрессивных муниципальных образований, в том числе и за счет использования форм прямой поддержки [1, с. 299].

Исходя из целевой установки концепции и ее основных задач, приоритетные направления сводятся к обеспечению повышения конкурентоспособности и привлекательности муниципальных образований региона, а также роста уровня и качества жизни населения.

Реализация стратегической цели, задач и приоритетных направлений должна опираться на ряд принципов. К основным из них следует отнести:

- принцип интегрированности – концепция должна быть встроена в систему нормативно-правового обеспечения процесса регулирования развития региона;
- принцип непротиворечивости – концепция не должна противоречить нормативно-правовым документам федерального и регионального уровней;
- принцип обратной связи – регулирующие структуры должны быть обеспечены информацией о результатах регулирования и реализации документа в целях возможности своевременной корректировки направлений и мер воздействия;
- принцип эффективности – реализация концепции должна способствовать достижению поставленной цели и задач с учетом выделенного объема ресурсов.

Механизм регулирования пространственного развития может включать в себя широкий спектр инструментов. При этом ключевым принципом реализации механизма регулирования должен стать принцип дифференциации, предполагающий сочетание различных мер регулирующего воздействия. При этом выбор инструментария регулирования определяется текущими особенностями развития территории и должен соответствовать проблематике развития конкретной территории.

Таким образом, внедрение в нормативно-правовую базу Концепции Стратегии пространственного развития позволит идти в направлении совершенствования системы регулирования региональным развитием и в перспективе будет способствовать более адекватному построению процесса регулирования и решению проблемы значительных различий между территориями.

Библиографический список

1. Троцкий А.Я. Концептуальные основы регулирования территориального развития на мезоуровне // Известия Алтайского государственного университета. 2010. С. 298-308.

Информация об авторе

Клещ Виктория Сергеевна (Россия, Вологда) – соискатель степени кандидата наук, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; (8172) 72-46-45; kanz@vogu35.ru)

Kleshch V.S.

STRATEGY OF SPATIAL DEVELOPMENT AS INSTRUMENT OF DECREASE IN UNEVENNESS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. *At the present stage of development of territories the system of regulation of regional growth is one of key factors of formation of interterritorial distinctions. Improvement of the standard and legal direction of system of regulation is intended to increase efficiency in a solution of the problem of unevenness of social and economic development of the region.*

Key words: *unevenness of development, region, regulation of regional growth, standard legal support, strategy of spatial development.*

References

1. Trotskovsky A.Ya. Conceptual bases of regulation of territorial development at the mesolevel // News of the Altai state university. 2010. 298-308 p.

Information about the Author

Victoria S. Kleshch (Vologda, Russia) – Ph.D. applicant, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation; (8172) 72-46-45; kanz@vogu35.ru)

УДК 332.1 / ББК 65.04

Лукин Е.В.

ОЦЕНКА СРЕДНЕГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНОВ В ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Аннотация. Рассматривается показатель, отражающий среднее положение отраслей и регионов в цепочках добавленной стоимости. Показывается высокая дифференциация территориального распределения его значений в российской экономике. Обосновывается сильная корреляция ВРП на душу населения и показателя Upstreamness по экономике регионов России. Приводятся сопоставления полученных результатов с данными по экономике США.

Ключевые слова: межрегиональные цепочки добавленной стоимости, Upstreamness, регионы.

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Введение. Итогом проводимых в России рыночных реформ стало ограничение длины технологических цепочек в экономике 2–3 переделами. Из-за недополученной добавленной стоимости сокращаются доходы компаний, государства и населения, снижается потребительский спрос и возможности для инвестирования. Практикуемая фиксация прибыли на стадии добычи сырья и производства полуфабрикатов ведет к депрессии производства конечной продукции, деградации производства машинных средств производства, снижению

внутреннего спроса на фундаментальную и прикладную науку, НИР и НИОКР, НТП, ухудшению материально-технической базы образования и здравоохранения, деквалификации кадров – страна попадает в спираль отсталости и разложения [1]. В связи с этим удлинение цепочек добавленной стоимости (ЦДС) в национальной экономике является одним из важнейших направлений современной экономической политики [1, 2, 3]. При этом осуществление такой политики невозможно без анализа текущего положения региональных экономик¹⁵ в существующих ЦДС, что и стало целью настоящего исследования.

Методика исследования. Для характеристики усредненного положения некоторой отрасли в ЦДС в англоязычной литературе используется показатель, именуемый Upstreamness. Его значение для отрасли i отражает средневзвешенное количество стадий производства до конечного спроса отраслей, в которых продукция i выступает в качестве комплектующего [4].

Если рассматривать экономику региона как совокупность отраслей, то использование данного показателя с учетом удельного веса отраслей в экономике позволит охарактеризовать место региона в ЦДС.

Впервые методика расчета показателя Upstreamness была предложена в работе [5]. Кратко воспроизведем логику его построения. В закрытой экономике величина валового выпуска (Y_i) каждой отрасли $i \in \{1, 2, \dots, N\}$ равна сумме его использования в качестве конечного продукта (F_i) и промежуточного потребления других отраслей (Z_i):

$$Y_i = F_i + Z_i = \sum_{j=1}^N d_{ij} Y_j, \quad (1)$$

где d_{ij} – количество товара i , необходимое для производства одной единицы товара j .

Применяя формулу (1) итеративно по отношению к самой себе, валовой выпуск отрасли i выражается в виде бесконечной последовательности периодов, отражающих использование продукции данной отрасли в ЦДС:

$$Y_i = F_i + \sum_{j=1}^N d_{ij} F_j + \sum_{j=1}^N \sum_{k=1}^N d_{ik} d_{kj} F_j + \sum_{j=1}^N \sum_{k=1}^N \sum_{l=1}^N d_{il} d_{lk} d_{kj} F_j + \dots \quad (2)$$

Для вычисления среднего положения выпуска отрасли в ЦДС – показателя Upstreamness – авторы работы [5] предложили каждое слагаемое в формуле (2) умножить на расстояние от конечного использования плюс 1 и нормировать на валовой выпуск отрасли Y_i :

$$U_{li} = 1 \times \frac{F_i}{Y_i} + 2 \times \frac{\sum_{j=1}^N d_{ij} F_j}{Y_i} + 3 \times \frac{\sum_{j=1}^N \sum_{k=1}^N d_{ik} d_{kj} F_j}{Y_i} + 4 \times \frac{\sum_{j=1}^N \sum_{k=1}^N \sum_{l=1}^N d_{il} d_{lk} d_{kj} F_j}{Y_i} + \dots \quad (3)$$

Как видно из формулы (3), минимальное значение показателя для отдельной отрасли составляет 1. Такое значение показателя будет наблюдаться в случае, если весь выпуск отрасли i идет на конечное потребление [4].

¹⁵ Важность регионального уровня связана с управленческим аспектом реализации экономической политики, региональные органы власти являются ее важным субъектом.

Практическое использование формулы (3) затруднено бесконечным суммированием элементов. Поэтому в той же работе [5] предлагается альтернативный вариант расчета показателя Upstreamness, дающий аналогичные результаты (т. е. $U_{1i} = U_{2i}$):

$$U_{2i} = I + \sum_{j=1}^N \frac{d_{ij} Y_j}{Y_i} U_{2j} \quad (4)$$

На практике используется матричная форма записи равенства (4):

$$U_2 = [I - \Delta]^{-1} \mathbf{1}, \quad (5)$$

где I – единичная матрица; Δ – матрица, в которой элемент (i, j) равен $d_{ij} Y_j / Y_i$; $\mathbf{1}$ – единичный вектор.

Для случая открытой экономики показатель Upstreamness рассчитывается аналогичным образом по формуле (5), но с учетом экспорта (X_i), импорта (M_i) и изменения накоплений (L_i) в отрасли i :

$$Y_i = \sum_{j=1}^N d_{ij} Y_j + X_i - M_i + L_i. \quad (6)$$

Расчет показателя Upstreamness по данной методике проводился по отраслям экономики США [5], Китая [6, 7], Польши [8], стран Азии [9] и в мировом разрезе [10, 11]. Оценка данного показателя для отраслей российской экономики была произведена Д. Кузнецовым и В. Седалищевым [4].

Мы предлагаем расчет средневзвешенного показателя Upstreamness по экономике (R), определяемого как сумма произведений отраслевых показателей Upstreamness (U_{2i}) и удельных весов отраслей в валовом выпуске экономики (w_i):

$$R = \sum_{i=1}^N U_{2i} \times w_i. \quad (7)$$

При интерпретации результатов надо принимать во внимание следующее: большее значение показателя Upstreamness свидетельствует о том, что фирма, отрасль, регион или страна производят товары, которые удалены от конечного потребления в среднем больше, но не позволяет говорить о том, что фирма, отрасль, регион или страна имеют дело с технологически менее сложными стадиями производства [4]. Близость стадии производства к потребителю не ассоциируется в общем случае с большей технологической сложностью стадии производства [4].

Результаты. Полученные значения показателя Upstreamness свидетельствуют о существенном различии в положении российских отраслей в ЦДС. Минимальное значение по агрегированным отраслям в 2015 г. составило 1,058, максимальное – 4,237 (рис. 1). К отраслям, выпуск в которых практически полностью расходуется на конечное потребление, относятся здравоохранение (1,058), образование (1,078) и госуправление (1,099). Ярко выраженная удаленность от конечного потребления характерна для добычи полезных ископаемых (4,237), производства и распределения электроэнергии, газа и воды (3,447). Обрабатывающие производства располагаются примерно по середине ЦДС. Среди них наименее промежуточными являются отрасли легкой (1,267) и пищевой (1,318) промышленности; наиболее – металлургия (3,765) и производство прочих неметаллических минеральных

продуктов (3,546). Такое распределение отраслей в целом соответствует априорным представлениям о положении той или иной отрасли в ЦДС.

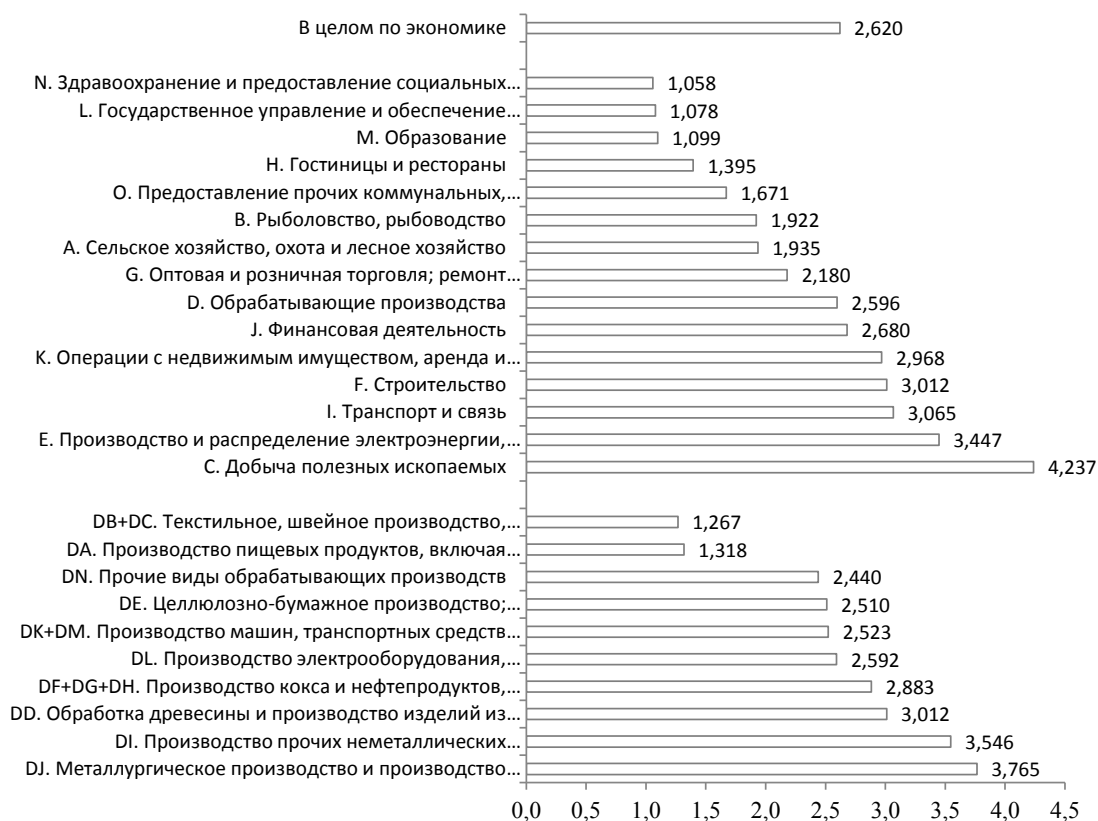

Рисунок 1. Показатель Upstreamness по отраслям (видам экономической деятельности) российской экономики в 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных таблиц «затраты – выпуск» Росстата.

В качестве особенности показателя Upstreamness необходимо отметить то, что он верно отражает ранжирование для отраслей, одна из которых является преимущественным поставщиком продукции для другой [4]. Это отчетливо проявляется на разагрегированном уровне. Иллюстративным примером могут быть значения показателя Upstreamness цепочки по производству печатной продукции. Согласно расчетам, отрасли лесоводства (3,761) и производства лесоматериалов (3,671) признаются менее конечными по сравнению с целлюлозно-бумажной отраслью (2,634), которая в свою очередь находится дальше от конечного потребителя, чем отрасли, изготавливающие изделия из бумаги (2,030) и книги (1,946). Подобного рода закономерности прослеживаются и для других технологически связанных отраслей экономики. Данное свойство крайне важно для практического использования показателя Upstreamness при выстраивании ЦДС.

Широкий размах отраслевых показателей Upstreamness и различность отраслей специализации российских регионов обусловили значительную территориальную дифференциацию значений показателя Upstreamness. Наименьшее его значения зафиксированы в республиках Ингушетия (1,970), Тыва (1,985), Северная Осетия-Алания (2,036), Алтай (2,057), Калмыкия (2,098), Адыгея (2,174), Дагестан (2,184), Крым (2,209),

Чеченской (2,030), Карачаево-Черкесской (2,092), Кабардино-Балкарской (2,115) республиках, Камчатском (2,135) и Ставропольском (2,207) краях, Севастополе (2,014), в которых слабо развита промышленность, в структуре экономики преобладают сельское хозяйство, пищевая промышленность, торговля и сектор здравоохранения, образования и госуправления (табл.). Наибольшие значения Upstreamness характерны для ресурсодобывающих регионов – Ненецкого (3,744), Ханты-Мансийского (3,705), Ямало-Ненецкого (3,508), Чукотского (3,111) автономных округов, Сахалинской (3,464) и Оренбургской (3,046) областей, республик Саха (3,217) и Коми (3,059). Значения показателя Upstreamness регионов, специализирующихся на обрабатывающей промышленности¹⁶, лежат в диапазоне от 2,37 до 2,76. Для Омской области значение показателя составляет – 2,372, Калужской – 2,375, Владимирской – 2,383, Липецкой – 2,418, Тульской – 2,423, Нижегородской – 2,434, Новгородской – 2,435, Свердловской – 2,444, Челябинской – 2,461, Вологодской – 2,476, Красноярского края – 2,754.

Показатель Upstreamness по экономике регионов России в 2015 г.

Территория	Знач.	Территория	Знач.
Республика Ингушетия	1,970	Санкт-Петербург	2,435
Республика Тыва	1,985	Республика Карелия	2,437
Севастополь	2,014	Волгоградская область	2,441
Чеченская Республика	2,030	Хабаровский край	2,443
Республика Северная Осетия-Алания	2,036	Свердловская область	2,444
Республика Алтай	2,057	Москва	2,453
Карачаево-Черкесская Республика	2,092	Республика Башкортостан	2,455
Республика Калмыкия	2,098	Челябинская область	2,461
Кабардино-Балкарская Республика	2,115	Новосибирская область	2,464
Камчатский край	2,135	Забайкальский край	2,470
Республика Адыгея	2,174	Вологодская область	2,476
Республика Дагестан	2,184	Курская область	2,496
Ставропольский край	2,207	Белгородская область	2,510
Республика Крым	2,209	Ленинградская область	2,550
Ивановская область	2,238	Мурманская область	2,575
Псковская область	2,251	Республика Хакасия	2,617
Орловская область	2,256	Амурская область	2,685
Брянская область	2,264	Пермский край	2,719
Еврейская авт. область	2,266	Самарская область	2,744
Алтайский край	2,272	Красноярский край	2,754
Кировская область	2,276	Тюменская область (без АО)	2,762
Курганская область	2,284	Астраханская область	2,783
Республика Марий Эл	2,299	Магаданская область	2,786
Тамбовская область	2,312	Удмуртская Республика	2,796
Костромская область	2,317	Республика Татарстан	2,821
Республика Бурятия	2,330	Кемеровская область	2,843
Рязанская область	2,331	Архангельская область (с АО)	2,846
Республика Мордовия	2,332	Иркутская область	2,852
Чувашская Республика	2,333	Томская область	2,936
Пензенская область	2,338	Оренбургская область	3,046
Архангельская область (без АО)	2,360	Республика Коми	3,059
Ростовская область	2,363	Чукотский АО	3,111
Приморский край	2,369	Республика Саха (Якутия)	3,217
Омская область	2,372	Сахалинская область	3,464
Калужская область	2,375	Тюменская область (с АО)	3,501
Воронежская область	2,377	Ямало-Ненецкий АО	3,508
Краснодарский край	2,381	Ханты-Мансийский АО – Югра	3,705
Владимирская область	2,383	Ненецкий АО	3,744
Саратовская область	2,384		

¹⁶ Доля валовой добавленной стоимости, создаваемой обрабатывающими производствами, превышает 30% ВРП.

Территория	Знач.	Территория	Знач.
Смоленская область	2,388	Северо-Кавказский ФО	2,150
Московская область	2,401	Южный ФО	2,412
Ульяновская область	2,414	Центральный ФО	2,429
Тверская область	2,415	Северо-Западный ФО	2,542
Калининградская область	2,416	Приволжский ФО	2,624
Липецкая область	2,418	Сибирский ФО	2,644
Тульская область	2,423	Дальневосточный ФО	2,859
Ярославская область	2,431	Уральский ФО	3,133
Нижегородская область	2,434		
Новгородская область	2,435	РФ	2,620

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Для российских регионов отмечается сильная положительная корреляция между значением показателя Upstreamness их экономики и объемом среднедушевого ВРП – высоким значениям Upstreamness соответствуют высокие значения ВРП на душу населения (рис. 2а). То есть в российской экономике имеет место парадоксальная ситуация, когда чем дальше регион в ЦДС от конечного потребителя, чем более промежуточный продукт им производится, тем выше валовые доходы его экономики. Причины этого кроются в структурных изменениях экономики регионов, вызванных существующей экономической моделью, рост в которой во многом определяется результатами экспортно-импортной деятельности и внешней конъюнктурой. Наибольшую выгоду получают экспортеры продукции невысоких переделов, продукция собственных высоких переделов (прежде всего машиностроения) не востребована экономикой.

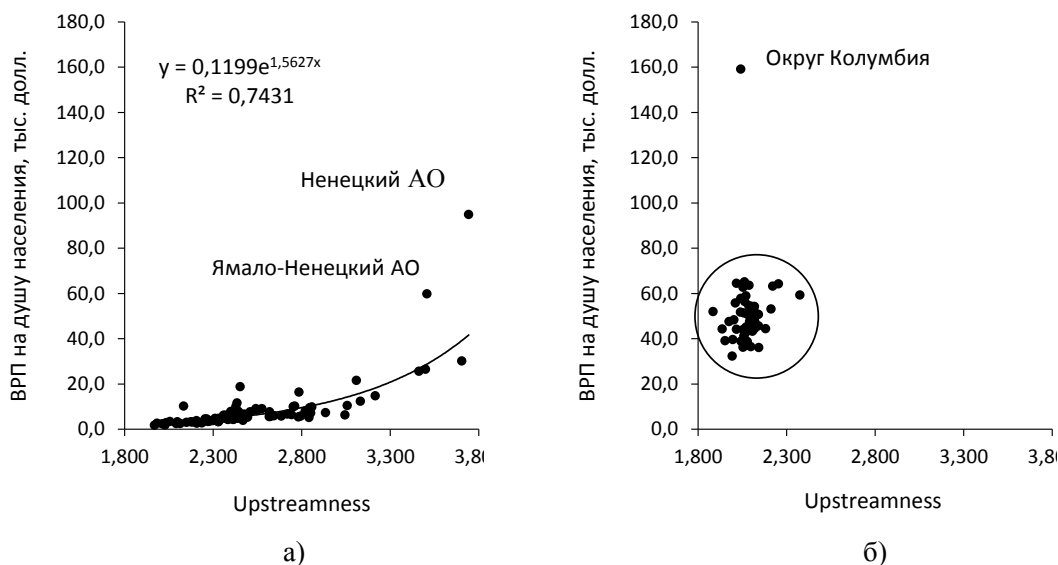

Рисунок 2. Взаимосвязь ВРП на душу населения и показателя Upstreamness по экономике регионов России (а) и США (б) в 2015 г.

Примечание: Для лучшей наглядности масштабы на обоих графиках выбраны одинаковыми, а ВРП регионов России пересчитан в долларах по среднегодовому курсу 2015 г.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и U.S. BEA.

Для сравнения, на рисунке 2б проиллюстрирована ситуация в американской экономике. Ввиду отсутствия сильной дифференциации между штатами¹⁷ там не прослеживается корреляция между объемом душевого ВРП и значением показателя Upstreamness.

Однако происходящие в экономике США структурные изменения (анализ и обоснование причин возникновения которых выходит за рамки настоящей статьи) ведут к планомерному снижению показателя Upstreamness (рис. 3). Это является тенденцией как минимум последних 20 лет развития их экономики.

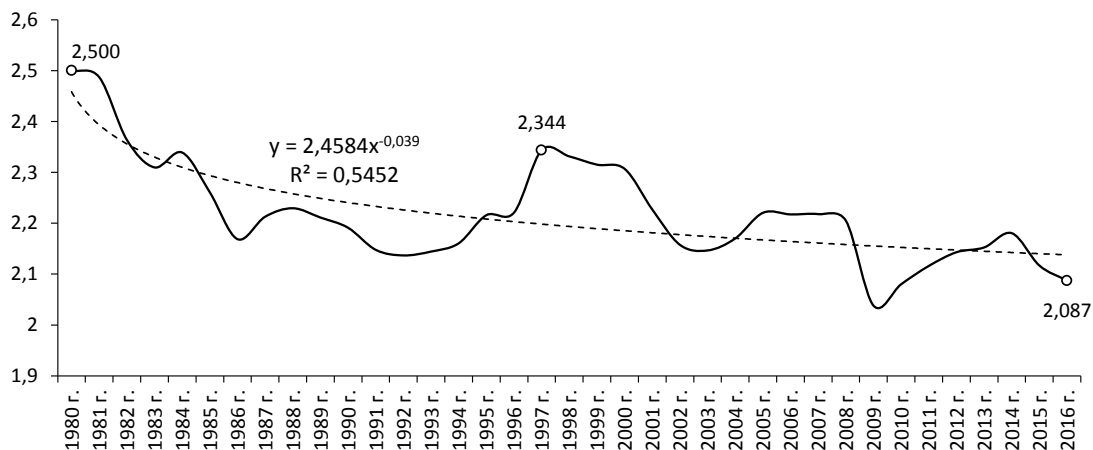

Рисунок 3. Динамика показателя Upstreamness по экономике США в 1980–2016 гг.

Источник: рассчитано на основе данных таблиц «затраты – выпуск» U.S. BEA.

Заключение. В свете возрастающего интереса к процессам выстраивания длинных цепочек добавленной стоимости в российской экономике имеется потребность в построении показателя, способного количественно охарактеризовать процессы региональной фрагментации производств. В настоящей работе рассмотрен и рассчитан показатель Upstreamness, характеризующий среднее положение отраслей и регионов в ЦДС. Показана высокая дифференциация территориального распределения его значений в российской экономике. На основе эмпирических данных обоснована сильная корреляция ВРП на душу населения и показателя Upstreamness по экономике регионов России.

Библиографический список

1. Губанов С. Неоиндустриальная парадигма развития: краткое обобщение // Экономист. 2017. № 11. С. 22-39.
2. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48-63.

¹⁷ По объему ВРП на душу населения в 2015 г. (без учета округа Колумбии) разрыв между максимальным (67,6 тыс. долл. в Северной Дакоте) и минимальным (31,7 тыс. долл. в Миссисипи) значением составлял 2,1 раза (4,9 раза с учетом округа Колумбии). По значению показателя Upstreamness разрыв между максимальным (2,376 в Вайоминге) и минимальным (1,886 на Гавайях) значением составлял 1,3 раза. В России соответственно 15,2 (без учета автономных округов Архангельской и Тюменской областей; с их учетом – 54,5 раза) по душевому ВРП и 1,9 раза по значению показателя Upstreamness.

3. Микульский, К. Россия в поисках модели экономического роста // Общество и экономика. 2017. № 3-4. С. 5-15.
4. Кузнецов Д., Седалищев В. Исследование среднего положения отраслей российской экономики в цепочках добавленной стоимости // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 48-63.
5. Antràs P., Chor D., Fally T., Hillberry R. Measuring the Upstreamness of Production and Trade Flows // American Economic Review. 2012. Vol. 102(3). P. 412-416.
6. Chen B. Upstreamness, Exports, and Wage Inequality: Evidence from Chinese Manufacturing Data // Journal of Asian Economics. 2017. Vol. 48. P. 66-74.
7. Ju J., Yu X. Productivity, Profitability, Production and Export Structures along the Value Chain in China // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43(1). P. 33-54.
8. Hagemeyer J., Tyrowicz J. Upstreamness of Employment and Global Financial Crisis in Poland: the Role of Position in Global Value Chains // Economics of European Crises and Emerging Markets. 2017. P. 217-236.
9. Ito T., Vézina P.-L. Production Fragmentation, Upstreamness, and Value Added: Evidence from Factory Asia 1990–2005 // Journal of the Japanese and International Economies. 2016. Vol. 42. P. 1-9.
10. Miller R.E., Temurshoev U. Output Upstreamness and Input Downstreamness of Industries / Countries in World Production // International Regional Science Review. 2017. Vol. 40(5). P. 443-475.
11. Beladi H., Chakrabarti A., Hollas D. Cross-Border Mergers and Upstreaming // World Economy. 2017. Vol. 40(3). P. 598-611.

Информация об авторе

Лукин Евгений Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; lukin_ev@list.ru)

Lukin E.V.

ESTIMATE OF AN AVERAGE SITUATION OF REGIONS IN VALUE CHAINS

Abstract. *An indicator reflecting the average position of industries and regions in the value chains is considered. The high differentiation of the territorial distribution of its values in the Russian economy is shown. A strong correlation of GRP per capita and Upstreamness index for the economy of Russian regions is substantiated. Comparison of the obtained results with data on the US economy is given.*

Key words: *inter-regional value chains, Upstreamness, regions.*

References

1. Gubanov S. 2017. “Neo-Industrial Paradigm of Development: Synthesis”. *Economist*, no. 11, pp. 22-39.

2. Ilyin V.A., Povarova A.I. 2014. "Problems of Regional Development as a Reflection of the Effectiveness of Public Administration". *Economics of the Region*, no. 3 (39), pp. 48-63.
3. Mikulsky K. 2017. "Russia in Search of a Model of Economic Growth." *Society and Economy*, no. 3-4, pp. 5-15.
4. Kuznetsov D., Sedalishchev V. 2018 "Study of an Average Position of the Branches of the Russian Economy in Value Chains". *Economic Policy*, vol.13, no. 2, pp. 48-63.
5. Antràs P., Chor D., Fally T., Hillberry R. 2012. "Measuring the Upstreamness of Production and Trade Flows". *American Economic Review*, vol. 102(3), pp. 412-416.
6. Chen B. 2017. "Upstreamness, Exports, and Wage Inequality: Evidence from Chinese Manufacturing Data". *Journal of Asian Economics*, vol. 48, pp. 66-74.
7. Ju J., Yu X. 2015. "Productivity, Profitability, Production and Export Structures along the Value Chain in China". *Journal of Comparative Economics*, vol. 43(1), pp. 33-54.
8. Hagemeyer J., Tyrowicz J. 2017. "Upstreamness of Employment and Global Financial Crisis in Poland: the Role of Position in Global Value Chains". *Economics of European Crises and Emerging Markets*, pp. 217-236.
9. Ito T., Vézina P.-L. 2016. "Production Fragmentation, Upstreamness, and Value Added: Evidence from Factory Asia 1990–2005". *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 42, pp. 1-9.
10. Miller R.E., Temurshoev U. 2017. "Output Upstreamness and Input Downstreamness of Industries / Countries in World Production". *International Regional Science Review*, vol. 40(5), pp. 443-475.
11. Beladi H., Chakrabarti A., Hollas D. 2017. "Cross-Border Mergers and Upstreaming". *World Economy*, vol. 40(3), pp. 598-611.

Information about the Author

Evgenii V. Lukin (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Deputy Head of the Department for Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (160014, Russia, Vologda, ul. Gorky, 56a; lukin_ev@list.ru)

УДК 332.1 / ББК 65.04

Морошкина М.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО

Аннотация. Проблема пространственного неравенства российских регионов достаточно актуальна. Проведено исследование межрегиональной дифференциации при помощи индекса Тейла. Выявлено, что индекс Тейла по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах показывает несинхронную динамику.

Ключевые слова: пространственное неравенство, российские регионы, межрегиональная дифференциация, индекс Тейла, ВРП на душу населения.

Исследование выполнено в соответствии с государственным заданием № 0224-2017-0009 «Разработка инструментария исследования внешнего воздействия на развитие региональных социо-эколого-экономических систем».

Региональное развитие в российской экономике происходит достаточно неравномерно. Разнообразие природных, экономических, демографических, социальных и других условий определяет особенности развития экономики страны в целом и отдельных ее территорий в частности. Понятие «пространственное развитие» в трудах исследователей и ученых трактуется по-разному. В ряде научных работ пространственное развитие представляет собой комплекс организационных, нормативных и институциональных действий, выражающихся в структурных изменениях и процессах, направленных на улучшение преобразований на территории, в частности на повышение качества жизни людей [4].

Причиной ярко выраженных диспропорций является не только большая территория, но и разнообразие природных и производственных ресурсов, их наличие или отсутствие в пространственном разрезе [3].

Интерес к проблеме региональных диспропорций на мировом уровне существует достаточно давно и исследования неоднородности развития территорий, как на макроэкономическом уровне, так и на наднациональном, являются актуальными и востребованными. Большая часть существующих публикаций по данной тематике посвящена анализу динамики региональной дифференциации. В них исследуются тенденции регионального развития в различные промежутки времени на разных территориальных субъектах. Значительная часть исследований в рамках рассматриваемого вопроса посвящена анализу региональных неравенств и динамики процесса регионального расслоения в разных странах. Региональная асимметрия или дифференциация в данном контексте представляет собой неравномерное развитие регионов и включает в себя экономические, культурные, политические и многие другие компоненты.

В большинстве работ российских авторов, посвященных вопросам неравенства, основной акцент сделан на проблеме распределения доходов как внутри страны, так и регионов. В последнем случае в качестве доходов рассматривается ВРП.

Статистической базой исследования неравномерности развития регионов России являются данные Федеральной службы государственной статистики РФ [5, 6], источником данных – сборники Росстата «Регионы России» за разные годы. Выборка состоит из 78 регионов (все субъекты Федерации, за исключением автономных округов и Чеченской Республики) за 1990–2016 гг. Показатели оцениваются в текущих ценах 1990–2016 гг. и в ценах 1994 г.

В результате для решения исследуемых задач сформирована методика создания массивов статистических данных по российским регионам для проведения анализа регионального развития и оценки неравномерности по исследуемому показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах.

Для получения значений показателя ВРП на душу населения в сопоставимых ценах за рассмотренный период была использована следующая методика. В работе Н. Н. Михеевой [2] приведена статистика ВРП на душу населения по российским регионам, рассчитанная по методологии СНС –1993.

Основным объектом исследования регионов является уровень экономического развития регионов, оцениваемый по валовому региональному продукту (ВРП) на душу населения. В качестве показателя величины региональной дифференциации используется коэффициент Тейла, который представляет собой показатель, измеряющий уровень социального неравенства [7].

Исследование структуры и динамики межрегионального экономического неравенства требует сведения многообразия региональных показателей к одному или нескольким индикаторам. В качестве такого индикатора применяется индекс Тейла. В социально-экономических исследованиях используется целое семейство индексов Тейла. Одна из самых простых модификаций этого индекса используется для объемных показателей:

$$T = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \frac{x_i}{\bar{x}} \ln \frac{x_i}{\bar{x}}, \quad (1)$$

где N – количество регионов (=80),

\bar{x} – среднее арифметическое значение,

$\sum x_i$ – общее для совокупности значение исходного признака ВРП на душу населения [6]. Индекс Тейла отражает «излишек» доходов у богатых регионов и дефицит доходов у бедных регионов. При нулевом значении индекса Тейла имеет место абсолютное равенство, при более высоких значениях показателя имеет место неравенство в распределении душевых показателей ВРП [1].

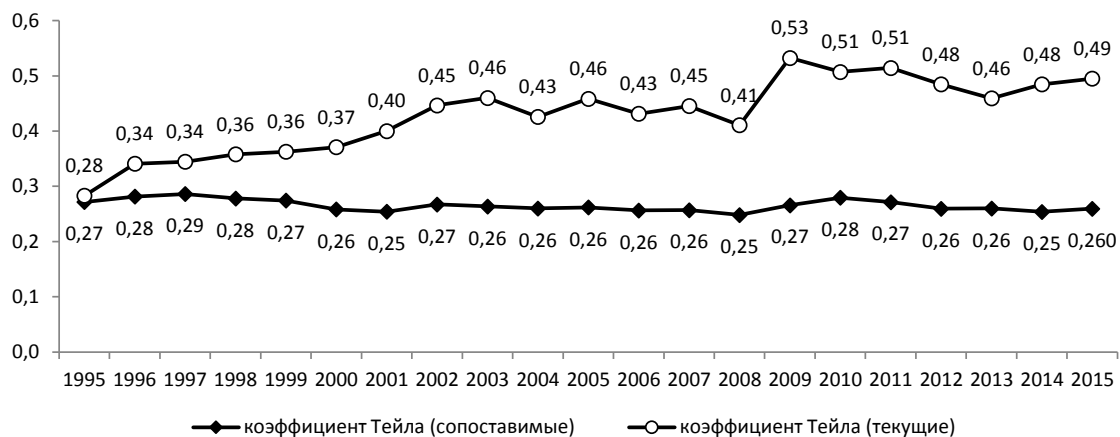
На основании формулы 1 был рассчитан коэффициент Тейла по российским регионам в период с 1995 по 2015 г. по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах. Результаты расчетов представлены в таблице.

Индекс Тейла, рассчитанный по российским регионам, в текущих и сопоставимых ценах

Показатель	1996	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015
Коэффициент Тейла (сопоставимые цены)	0,28	0,28	0,26	0,27	0,26	0,26	0,25	0,28	0,26	0,25	0,26
Коэффициент Тейла (текущие цены)	0,34	0,36	0,37	0,45	0,43	0,43	0,41	0,51	0,48	0,48	0,49

Источник: составлено авторами на основе статистической информации Росстата. Индекс Тейла (текущие данные) составлены на основе статистической информации Росстата <http://cbsd.gks.ru/>. В таблице представлены данные за текущий период, четные годы.

Проведенный анализ по данному коэффициенту показывает более существенные перепады в значениях данного коэффициента в текущих ценах, что дает возможность предполагать, что уровень дифференциации российских регионов по данному показателю не очень высок и изменяется в промежутке от 0,234 до 0,53 (рис.).

Индекс Тейла, рассчитанный по российским регионам, в текущих и сопоставимых ценах

В рамках проведенного анализа рассчитанный коэффициент Тейла в текущих и сопоставимых ценах позволил наблюдать расхождение данного показателя. Исследование неравномерности регионального развития, проводившееся на основе расчета индекса Тейла по показателю ВРП на душу населения, показало увеличение расхождения российских регионов текущих, а в сопоставимых сближение. Возможной причиной расхождения российских регионов в текущих ценах является то, что в «бедных регионах уровень цен несколько ниже, чем в «богатых», что сглаживается межрегиональными различиями.

Исследование неравномерности регионального развития, проводившееся на основе расчета коэффициента Тейла по показателю среднедушевые доходы населения в текущих и сопоставимых ценах, показало увеличение расхождения данных коэффициентов в период экономического роста с 1999 года. Выявлено, что индекс Тейла по показателю ВРП на душу населения в текущих и сопоставимых ценах показывает несинхронную динамику. В текущих ценах наблюдается устойчивая тенденция расхождения регионов. Показано, что периоды роста экономики характеризуются более быстрыми темпами развития слабых регионов в связи с государственной поддержкой и перераспределением бюджетных средств, смягчающих территориальные различия. В периоды экономического спада для ускорения роста экономики государственная поддержка направляется в регионы, обладающие конкурентными преимуществами и способными изменить отрицательную динамику экономического развития страны.

Библиографический список

1. Маслихина В.Ю. Межрегиональная дифференциация в России // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 84 (10). С. 1-12.
2. Михеева Н.Н. Дифференциация социально-экономического положения регионов России и проблемы политики. М.: РПЭИ, 2000. 60 с. (Научные доклады; № 99/09).
3. Морошкина М.В. Дифференциация российских регионов по уровню экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4 (157). С. 109-115.
4. Окрепилов В.В. Пространственная экономика и качество (на примере Северо-Запада России) // Теория и практика пространственного развития: опыт Северо-Запада России

и федеральных земель. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2010. С. 10-13.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: стат. сб. М.: Росстат, 2014.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2015.
7. Theil H. Economics and Information Theory North-Holland. 1967. 168 p.

Информация об авторе

Морошкина Марина Валерьевна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики, ФИЦ Карельский научный центр РАН (185030, г. Петрозаводск, пр-т А. Невского, 50; insteco@karelia.ru, maribel74@mail.ru)

Moroshkina M.V.

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS: SPATIAL INEQUALITY

Abstract. *The problem of spatial inequality of Russian regions is relevant. In work is investigate interregional differentiation of the help of the Teyla index. In a research it is shown that the Teyla index on indicator GRP per capita, in the current and comparable prices shows unequal dynamics.*

Key words: *spatial inequality, Russian regions, interregional differentiation, Teyla index, GRP per capita.*

References

1. Maslikhina V.Yu. Interregional differentiation in Russia//the Scientific magazine of KUBGAU. 2012. No. 84(10), Page 1-12.
2. Mikheyeva N. N. Differentiation of economic and social situation of regions of Russia and problem politicians M.: RPEI, 2000, 60 pages (Scientific reports; N 99/09).
3. Moroshkina M.V. Differentiation of Russian regions on the level of economic development // Problem of forecasting. 2016. No. 4(157). Page 109-115.
4. Okrepilov V.V. Spatial economy and quality (on the example of the Northwest of Russia)//the Theory and practice of spatial development: experience of the Northwest of Russia and federal lands. Materials of the international scientific and practical conference. St. Petersburg: 2010. Page 10-13.
5. Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2014: to become. Сб. М.: Rosstat of 2014.
6. Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2015: to become. Сб. М.: Rosstat of 2015.
7. Theil H. Economics and Information Theory North-Holland. 1967. 168 p.

Information about the Author

Marina V. Moroshkina (Petrozavodsk,Russia) – Ph.D. in Economics, Scientific Federal Research Center of Karelian Scientific Center RAS Institut of Economics (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russian Federation; insteco@karelia.ru, maribel74@mail.ru)

Мурадвердиева Л.А.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье исследуются социально-экономические факторы, влияющие на уровень экономической доступности продовольствия. Отмечается необходимость повышения эффективности социальной политики с целью снижения неравенства в уровне жизни отдельных слоев населения и повышения тем самым уровня продовольственной безопасности страны.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, уровень жизни, доходы населения, социальная политика.

Одним из важных направлений повышения эффективности системы продовольственного обеспечения и, следовательно, уровня развития человеческого потенциала является совершенствование принципов государственной политики доходов, ориентированных на поддержку малоимущих слоев населения и регулирование дифференциации в доступе к качественному и полноценному питанию. Способность государства обеспечить для каждого члена общества достойное качество жизни, включающее продуктивную занятость, адекватный доход, доступность минимальных жизненных стандартов, в том числе рационального уровня питания, качественных медицинских и образовательных услуг характеризует эффективность проводимой им социальной политики. Следовательно, в достижении оптимального уровня продовольственной безопасности большую роль играет формирование эффективной системы социальной защиты и установление государством системы минимальных социальных стандартов, повышение качества и уровня жизни путем выравнивания социального положения отдельных слоев общества.

Как известно, одним из основных показателей, характеризующих уровень жизни населения, являются расходы на питание. Принято считать, что чем ниже удельный вес расходов на продукты питания в общих доходах населения, тем выше уровень жизни в стране. Несмотря на рост доходов населения и снижение удельного веса расходов на продукты питания в их общих доходах за последние 10 лет расходы на продукты питания в Азербайджане все еще существенно выше оптимального уровня продовольственной безопасности. В частности, согласно данным официальной статистики [1], расходы на приобретение продовольственных товаров в общей структуре потребительских расходов населения составляют 42,4%, причем наименее обеспеченная часть на эту статью расходует 55,6% своих доходов (для сравнения: в США на долю расходов на продукты питания приходится 6,0%, в развитых странах ЕС – 7,2–10,2% [2]), что свидетельствует о неудовлетворительном состоянии уровня жизни населения и низком уровне экономической доступности продовольствия.

Как показывает исследование, одной из причин значительного разрыва в уровне доходов населения является преобладающая доля экономически активного населения с

уровнем денежных доходов ниже среднего по экономике. Так, в 2017 г. размер средней номинальной заработной платы в стране составил 528,5 манатов. По данным статистики, в 2017 г. численность занятого населения в экономике составила 4822,1 тыс. человек, или 95,1% от общей численности экономически активного населения. При этом 68,4% занятых трудилось в отраслях экономики, где размер заработной платы ниже средней по совокупности всех отраслей экономики. Значительная часть (36,4%) экономически активного населения приходилась на долю сельского хозяйства, где размер среднемесячной зарплаты является одним из самых низких среди всех видов экономической деятельности. В 2017 г. размер среднемесячной номинальной заработной платы в указанной отрасли составил 261,5 манатов, что в 2 раза ниже средней по экономике. Следует отметить, что в горнодобывающей промышленности величина этого показателя составила 3071,9 манатов, в финансовой сфере – 1387,7 манатов, в сфере профессиональной, научной и технической деятельности – 1032,7 манатов. При этом доля трудящихся в горнодобывающей промышленности и финансовой сфере составляет 0,01% в каждой, в сфере профессиональной, научной и технической деятельности – 0,02% от общей численности экономически активного населения.

Еще одним отрицательным фактором, препятствующим сокращению социальных различий в доступности оптимального уровня питания, является низкий размер минимальной заработной платы. В мировой практике для определения минимального размера оплаты труда используется индекс Кейтца, рассчитываемый как соотношение минимальной заработной платы к средней. Согласно рекомендациям Международной организации труда и Комитета по социальным правам Совета Европы, величина указанного индекса должна быть не ниже 60%. В Азербайджане соотношение минимальной заработной платы к средней составляет всего 24,6%.

Несмотря на то что размер минимальной оплаты труда в стране периодически повышается, его уровень едва обеспечивает биологическое выживание людей и не выполняет социальной, воспроизводственной и стимулирующей функции оплаты труда. В 2018 г. размер минимальной заработной платы увеличился по отношению к уровню 2008 г. в 2,2 раза и составляет в настоящее время 130 манатов. При этом величина прожиточного минимума в стране составляет 173 манатов, в том числе для трудоспособного населения – 183 манатов, для пенсионеров – 144 манатов и для детей – 154 манатов.

Таким образом, анализ показал, что основными социальными факторами, оказывающими сдерживающее воздействие на достижение оптимального уровня продовольственной безопасности, являются необходимость регулирования доходов и заработной платы с целью повышения уровня жизни малообеспеченных слоев населения, снижения удельного веса расходов на питание в их общих доходах и устранения различий в доступности качественного и биологически полноценного питания. Исходя из этого, обеспечение экономической доступности продовольствия для всех категорий населения, и повышение тем самым уровня продовольственной безопасности страны, диктует целесообразность внесения корректив в социальную политику государства в целях создания благоприятных условий для пропорционального роста доходов населения, повышения размеров минимальной оплаты труда и социальных трансфертов.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что для повышения уровня продовольственной безопасности проводимая государством социально-экономическая политика должна быть нацелена не только на решение вопросов физической доступности продовольствия, но и обеспечение доступности рационального уровня питания для всех слоев населения. Это означает, что выработка основных направлений продовольственной политики, должна быть увязана с социально-экономическими интересами общества и обеспечить высокий уровень экономической доступности качественного и биологически полноценного питания. Достижение указанной цели требует реализации государством системы взаимоувязанных мер, направленных на формирование благоприятной среды для устойчивого развития сельского хозяйства, охраны и рационального использования природных ресурсов, совершенствование системы контроля за безопасностью и качеством продуктов питания, а также повышения эффективности социальной политики в целях устранения дифференциации в экономической доступности продовольствия.

Библиографический список

1. Рынок труда. Статистический сборник. Государственный комитет статистики Азербайджанской Республики. Баку, 2017.
2. Россия и страны мира. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.

Информация об авторе

Мурадвердиева Лейла Акиф кызы (Азербайджан, Баку) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики НАНА (lm.61090@gmail.com)

Muradverdiyeva L.A.

SOCIAL POLICY AND ITS ROLE IN ENHANCING FOOD SECURITY

Abstract. *In the article the socio-economic factors influencing the economic accessibility of food are analyzed. The importance of increasing the effectiveness of social policy in order to reduce the inequality in living standard of the various strata of population and raising thus food security level of the country is noted.*

Key words: *food security, living standard, real incomes, social policy*

References

1. Labour market. Statistical Yearbook. State Statistical Comitee of the Republic of Azerbaijan. Baku, 2018.
2. Russia and world countries. 2016: Statistical Yearbook/Rosstat. Moscow, 2016.

Information about the Author

Leyla A. Muradverdiyeva (Baku, Azerbaijan) – Ph.D. in Economics, leading research, ANAS Institute of Economy (lm.61090@gmail.com)

Назарова Д.В.

ДОСТУП К БЕЗОПАСНОЙ ЭНЕРГИИ – ОПЫТ РЕАБИЛИТАЦИИ РАЙОНОВ, ПОСТРАДАВШИХ В РЕЗУЛЬТАТЕ АВАРИИ НА ЧАЭС

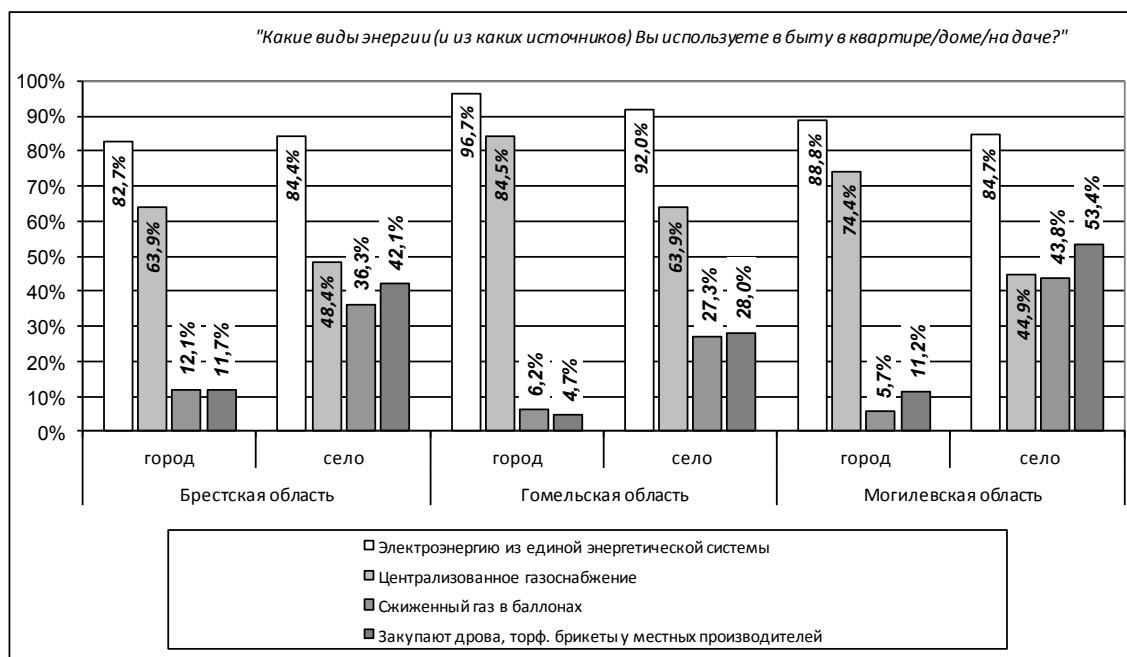
Аннотация. По результатам социологического исследования видов и источников энергии, потребляемых населением в быту на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС в Республике Беларусь, дается оценка и рекомендации в области социально-экономической и энергетической политики.

Ключевые слова: пострадавшие от ЧАЭС территории, источники энергии в быту, поведение населения, социальная политика, реабилитация.

На протяжении более 30 лет со дня катастрофы на ЧАЭС много усилий приложено для реабилитации пострадавших территорий. Все мероприятия реализуются в рамках государственных программ по преодолению в Республике Беларусь последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также программ совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства. Для Республики Беларусь, как имеющей наибольшее количество пострадавших в результате аварии территорий, в комплекс мер всегда были включены также и мероприятия социального характера – начиная с самых первых дней по переселению населения наиболее загрязненных радиацией районов. Сейчас, после реабилитации, актуальной задачей является возрождение и развитие пострадавших районов в социально-экономической и культурной сфере. Особое внимание уделяется и информированию населения о правилах наиболее безопасного проживания, созданию благоприятного социально-психологического климата местных жителей. В 2007 году в Республике Беларусь создается «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» РНИУП «Институт радиологии» (БОРБИЦ), в задачи которого входит разработка просветительской, социально-реабилитационной политики и информационной работы по проблемам радиационной безопасности с учетом специфики различных групп населения (дети, молодежь, работники и специалисты предприятий и др.).

После проведенных мероприятий по реабилитации земель: сельхозугодий, придомовых территорий и др., с учетом естественного снижения радиационного загрязнения спустя более 30 лет после аварии, массовой газификации, особенно в Гомельской области, все же вопрос о доступности чистой энергии для населения имеет свою актуальность.

В ходе социологического исследования – в рамках НИР по договору с Департаментом по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь – проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в декабре 2017 года ($N=2382$) во всех районах, признанных пострадавшими в результате аварии на ЧАЭС, респондентам было предложено отметить все виды и источники энергии, которые они используют в быту у себя в квартире, доме и на даче. Были получены следующие данные (*рис.*).

Основные виды и источники энергии, используемые населением в быту на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС – Республика Беларусь (в % от числа опрошенных)

В целом по всем опрошенным территориям в большинстве случаев респонденты отметили использование в быту *электроэнергии из единой энергетической системы* – 93,0% (в сельской местности – 89,0%, в городских населенных пунктах – 95,2%). Второе место по популярности – *централизованное газоснабжение* – 73,5% (56,7% и 82,4% соответственно). На третьем месте – *закупка дров, торфяных брикетов у местных производителей* – 16,3% (36,3% в деревнях и 5,6% в городских населенных пунктах). Здесь необходимо отметить, что степень загрязнения лесов после аварии и, соответственно, древесины не имеет жесткой постоянной величины для всех территорий, а также с каждым годом уменьшается. И местные производители, имея в своем распоряжении точные карты с данными радиологических экспертиз, лаборатории, могут и производят достаточно чистую лесную продукцию, подтвержденную документами о безопасности использования по радиационному фактору.

Четвертое место с 15,6% – *сжиженный газ в баллонах* (32,6% в сельской местности и 6,6% в городах). На пятом – 8,7% – *заготовка дров и др. видов топлива самостоятельно* (17,4% на селе и 4,1% в городе). И это несмотря на то, что подавляющее большинство респондентов прекрасно информированы о некоторых ограничениях в привычных бытовых практиках на территории их проживания. Но экономические трудности или желание сельских жителей сэкономить приводят иногда к случаям нелегального лесопользования. Остальные варианты: «закупаем уголь сами» и «нетрадиционные источники энергии в виде мини ТЭЦ на ветре/солнце/биологических отходах/воде и др.» не набрали даже 1%. Вместе с тем, такие проекты по нетрадиционной энергетике (установка ветряков, солнечных панелей и др.) как раз имеет смысл воплощать в реальность именно в южной части республики – а это как раз и есть пострадавшие территории.

Централизованное газоснабжение более характерно для Гомельской области – 79,0% (городские населенные пункты – 84,5% и сельские – 63,9%). Это свидетельствует о значительных успехах по газификации наиболее пострадавших территорий, в том числе в деревнях. При этом в Могилевской области – 55,4% (74,4% и 44,9% соответственно); в Брестской – 54,6% (63,9% в городских и 48,4% в сельских населенных пунктах).

Для страны важно не только продолжать работы в данном направлении и стимулировать социально-экономическое развитие районов, но и сохранить достижения прошлых лет. Последнее время все чаще звучат предложения об изменении тарифов на газ для населения: отказе от дифференциации на «летние» и «зимние» тарифы, ликвидации перекрестного субсидирования (тарифы для физических и юридических лиц отличаются практически в 2 раза). В настоящее время разница по цене на природный газ в разный период существенна: за 1 куб. метр с установленными приборами индивидуального учета расхода – 0.1015 бел. руб. зимой и 0.3275 бел. руб. летом. Для сельских жителей, проживающих на пострадавших в результате аварии на ЧАЭС территориях, такие инновации весьма нехотаны. По всей республике сельчане в зимний период в подавляющем большинстве случаев отапливают свои дома дровами; имеет место даже практика самостоятельной заготовки хвороста, сухостоя в близлежащих лесах. Проведенная газификация пострадавших территорий, переориентация системы отопления частных домов на газ позволяет населению в полной мере использовать чистую и недорогую энергию. Так, например, самостоятельная заготовка дров жителями пострадавших территорий в Гомельской области, по результатам социологического исследования, встречается лишь в 5,9% случаев, в то время как природный газ из централизованной системы используют в быту 79,0% респондентов. Увеличение тарифов на природный газ, особенно в зимний период, может отразиться на структуре потребления населением различных видов энергии. Увеличившийся же спрос на дрова потребует дополнительных усилий по контролю за качеством и безопасностью продукции от местных производителей.

Информация об авторе

Назарова Дарья Вячеславовна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», Центр региональной социологии (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2)

Nazarova D.V.

ACCESS TO SAFE ENERGY – EXPERIENCE OF REHABILITATION OF CHERNOBYL-AFFECTED AREAS

Abstract. *Based on the results of a sociological study of the types and sources of energy consumed by the population in everyday life in the territories affected by the Chernobyl accident in the Republic of Belarus, the assessment and recommendations in the field of socio-economic and energy policy are given.*

Key words: *Chernobyl-affected areas, energy sources in everyday life, population behavior, social policy, rehabilitation.*

Information about the Author

Darya V. Nazarova (Minsk, Belarus) – Researcher at Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Center for Regional Sociology (1, Surganova str., build 2, Minsk, 220072, Belarus)

УДК 338.48 / ББК 65.433

Орлова В.С.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

Аннотация. В статье представлены результаты апробации авторской методики оценки ресурсного потенциала сельского туризма Европейского Севера. Выделены северные территории с наибольшим уровнем потенциала сельского туризма. Определены проблемы и предложены направления его развития и эффективного использования.

Ключевые слова: сельский туризм, ресурсный потенциал, оценка туристского потенциала, Европейский Север.

Сельский туризм в современных условиях становится социально значимым видом предпринимательской деятельности, который способствует устойчивому развитию сельских территорий. Сельский туризм предполагает создание комплексного туристского продукта на основе природных, культурно-исторических и других ресурсов сельской местности. Туризм и отдых на селе позволяют развивать малое предпринимательство, сокращать безработицу, формировать инфраструктурную и транспортную сети, повышать уровень жизни населения сельской местности.

Европейский Север, являясь крупнейшим северным экономическим районом, объединяет Вологодскую, Архангельскую и Мурманскую области, республики Карелия и Коми, а также Ненецкий автономный округ. В последние годы туристская деятельность на территории Европейского Севера заметно активизировалась, что подтверждает увеличение объёма оказанных населению туристских услуг (табл.).

Объём туристских услуг, оказанных населению на территории Европейского Севера в 2009–2016 гг., млн руб.

Субъект	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2015 г.	2016 г.	2016 г. к 2009 г., %
Архангельская область	990,6	928,6	1755,2	1934,3	1978,3	199,7
Вологодская область	915	1201,3	1407,9	1799,2	1861,3	в 2 р.
Республика Коми	918,9	1342,1	1564,1	1521,7	1553,0	169,0
Мурманская область	612,3	405,3	1026,2	1070,2	1150,9	188,0
Республика Карелия	537,4	543,7	693,5	769,4	814,9	151,6

Лидерами по данному показателю в 2016 г. стали Архангельская и Вологодская области (порядка 2 млрд руб.). При этом указанные области отличаются и наибольшим возрастанием (в 2 раза) объёма туристских услуг в рассматриваемом периоде.

Природный потенциал Европейского Севера определяется водными ресурсами (Балтийское, Белое, Баренцево, Карское моря; множество озер, рек; водопады); лесными (большая часть территории покрыта лесом) и гидроминеральными ресурсами (минеральные воды; пресноводные торфяные, сапропелевые и минерализованные иловые сульфидные грязи морских заливов и озерно-ключевого происхождения).

Европейский Север обладает богатым культурно-историческим потенциалом. На северных территориях расположены религиозные объекты всероссийского и мирового значения: Спасо-Преображенский монастырь (XII в.) на острове Валаам (Ладожское озеро), Преображенский монастырь (XV в.) и Крестный монастырь (XVII в.) на Соловецких островах и острове Кий (Белое море), Кирилло-Белозерский монастырь (XV в.) и Ферапонтов монастырь (XIV в.) на территории Вологодской области. Сохранились архитектурные ансамбли XVII–XIX вв. (г. Архангельск, г. Вологда и г. Петрозаводск). Вызывают интерес у туристов этнографические деревни, образцы северного деревянного зодчества: историко-культурный и природный комплекс «Кижы», архитектурно-этнографический музей «Семеново», музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Широко известны северные промыслы: резьба по кости и дереву, плетение из бересты, художественная обработка металла («мороз по жести», «профильное железо», «северная чернь»), глиняная игрушка, ткачество, вышивка, кружевоплетение и другие. Литературный потенциал провинциальных северных территорий, на основе которого формируются литературные туры, представлен творческим наследием целой плеяды знаменитых писателей и поэтов: К.Н. Батюшкова, В.И. Белова, Н.А. Клюева, А.Я. Яшина, В.П. Астафьева, Н.М. Рубцова и многих других.

Организация сельского тура предполагает размещение туристов в деревенских (фермерских) домах, знакомство с традициями и обычаями местного населения, сельским бытом, ремеслами. Кроме того, создаются целые туристские деревни в границах существующих сельских поселений с традиционной деревянной архитектурой, расположенных в живописной местности [2]. При этом успешно развивается сельский туризм в рамках межмуниципального сотрудничества. Так, например, в Вологодской области реализуется проект «Туристская дестинация Белоозеро», объединяющий ресурсы Кирилловского, Белозерского и Вашкинского районов [1]. Проект направлен на эффективную реализацию туристского потенциала трех муниципальных образований, формирование комфортных условий для ведения бизнеса и создание конкурентоспособного турпродукта.

С целью оценки ресурсного потенциала сельского туризма Европейского Севера нами выделены такие его компоненты, как:

- имидж туристского региона;
- уровень развития туристской инфраструктуры;
- трудовой потенциал сферы туризма;
- транспортная доступность территории;
- природные ресурсы и экологическая благоприятность территории;
- комфорт и безопасность туриста;
- конкурентная, институциональная и инновационная составляющие туристской сферы.

Индекс турпотенциала определялся посредством следующей формулы:

$$Pt = \sum_{k=1}^n \frac{Svk * Uvk}{Svk}, (1)$$

где:

Pt – индекс туристского потенциала территории;

Sv – степень важности компонента (k) туристского потенциала;

Uv – уровень выраженности компонента (k) туристского потенциала;

n – число компонентов (k) туристского потенциала.

Результаты оценки позволили определить, что наибольшим уровнем потенциала сельского туризма характеризуются Вологодская область и Республика Карелия (Pt=5,97). Необходимо отметить, что расхождение между значениями индекса турпотенциала всех субъектов незначительно и не превышает 0,8. При этом выявлен ряд проблем, сдерживающих его развитие и реализацию:

- ✓ невысокий уровень развития туристской инфраструктуры и транспортной доступности территории;
- ✓ несформированность законодательной базы сферы сельского туризма;
- ✓ невысокая степень инновационной активности туристских организаций.

Следует полагать, что дальнейшему развитию сельского туризма Европейского Севера будут способствовать следующие направления:

- формирование региональных и межрегиональных сетей в сфере сельского туризма посредством развития малого бизнеса в сельской местности на основе опорных туристских дестинаций Европейского Севера, имеющих высокий уровень ресурсного потенциала сельского туризма, в рамках кластерной организации туристской отрасли;
- развитие туристской инфраструктуры и транспортной сети сельских территорий.
- воссоздание социокультурной среды исторического поселения — «исторической деревни», «национальной деревни», объектов религиозного значения, усадебных комплексов;
- активизация инновационной деятельности в сфере сельского туризма путем создания объектов туристской инфраструктуры комбинированного типа: тематические парки и комплексы (культурно-исторические, эколого-познавательные, этнокультурные, литературно-познавательные и другие);
- совершенствование законодательной базы сферы туризма, формирование системы государственной поддержки сельского туризма.

Библиографический список

1. Дубиничева Л.В., Орлова В.С. Туристская дестинация как пример межмуниципального сотрудничества // Проблемы развития территории. 2010. № 5 (51). С. 54-61.
2. Орлова В.С., Леонидова Е.Г. Сельский туризм как фактор социально-экономического развития провинциального региона (на примере Вологодской области) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 3. С. 25-30.
3. Туризм в Вологодской области: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Вологда, 2017. 100 с.

Информация об авторе

Орлова Виктория Станиславовна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru)

Orlova V. S.

RESOURCE POTENTIAL OF RURAL TOURISM OF THE EUROPEAN NORTH

Abstract. *Results of approbation of an author's technique of assessment of resource potential of rural tourism of the European North are presented in article. Northern territories with the largest level of potential of rural tourism are revealed. Problems and the directions of his development and effective use are defined.*

Key words: *rural tourism, resource potential, assessment of tourist potential, European North.*

References

1. Dubinicheva L.V., Orlova V.S. Tourist destination as example of intermunicipal cooperation // Problems of development of the territory. 2010. No. 5 (51). P. 54-61.
2. Orlova V.S., Leonidova E.G. Rural tourism as a factor of social and economic development of the provincial region (on the example of the Vologda region) // the Messenger of the Krasnoyarsk state agricultural university. 2012. No. 3. P. 25-30.
3. Tourism in the Vologda region: to become / Territorial authority of Federal State Statistics Service in the Vologda region. Vologda, 2017. 100 p.

Information about the Authors

Victoria S. Orlova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, associate professor of management at Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation; kanz@vogu35.ru)

УДК 332.1:346.61:620.9

Орлова Э.О., Никитина Н.А.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА В СФЕРЕ ТАРИФООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье проведен анализ особенностей документального взаимодействия органов государственной власти и ресурсоснабжающих организаций в процессе установления тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства (на материалах сферы теплоснабжения) и предложен инструментарий превышения его эффективности.

Ключевые слова: тариф, теплоснабжение, взаимодействие, регулятор, ресурсоснабжающая организация.

Жилищно-коммунальное хозяйство – один из немногих видов экономической деятельности в Российской Федерации, регулирование и контроль над которым остался функцией государственного управления. Органы исполнительной власти субъектов

федерации осуществляют функции в области государственного регулирования тарифов, в сфере электроэнергетики, газоснабжения, теплоснабжения, энергосбережения, повышения энергетической эффективности, в области обращения с отходами [1]. Одной из основных задач региональных органов власти является установление подлежащих государственному регулированию цен (тарифов).

Как справедливо отмечает автор [2, с. 368], в процесс установления тарифа вовлечены три стороны. С одной стороны – государство в лице региональных органов управления, основная задача которого состоит в создании условий для долгосрочного социально-экономического развития региона. Позиция государства состоит в том, чтобы в тарифе были учтены затраты, обеспечивающие модернизацию коммунальной инфраструктуры, с целью повышения ее энергоэффективности.

С другой стороны – хозяйствующие субъекты, осуществляющие свою экономическую деятельность и несущие определенные расходы. Задача бизнеса состоит в безубыточной работе, повышении эффективности деятельности через оптимизацию расходов. Очевидно их стремление включить в тариф все возникающие затраты, пусть и не всегда экономически целесообразные.

Население региона, в свою очередь, стремится минимизировать свои расходы, но при этом получать качественные коммунальные услуги.

Процесс регулирования органами исполнительной власти региона цен на коммунальные услуги призван быть прозрачным, открытым и доступным для потребителей. Источником сведений о деятельности предприятий ЖКХ, понесенных ими затратах, нормативной прибыли и других показателях, являющихся основой для установления тарифов, должны быть регистры бухгалтерского учета предприятия. Вместе с тем, как показывает практика, процесс документарного взаимодействия ресурсоснабжающих организаций с региональными органами власти далек от совершенства.

Рассмотрим особенности и недостатки процесса документооборота при формировании тарифа между государственным регулятором и ресурсоснабжающими организациями на примере сферы теплоснабжения. Нормативное регулирование деятельности, связанной с производством и передачей тепловой энергии осуществляется рядом законодательных актов, в частности, Федеральным законом от 27 июля 2010 г. №190-ФЗ «О теплоснабжении», Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения», Приказом Федеральной службы по тарифам от 13 июня 2013 г. № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения». Согласно приложению 3 Методических указаний [3], каждая организация, осуществляющая регулируемые виды деятельности, к Заявлению (предложению) по установлению цен (тарифов) в сфере теплоснабжения должна приложить и представить в орган регулирования документы по формированию необходимой валовой выручки по определенному перечню. В данных документах должны найти отражение основные параметры деятельности организации: размер и структура полезного отпуска тепловой энергии и теплоносителя; производственные и непроизводственные затраты предприятия, перспективы финансирования капитальных вложений, расчет размеров экономии и другие. Вместе с тем, как показывает хозяйственная и судебная практика (в частности, представленная в работе [2]), существующая система документооборота между регулятором и ресурсоснабжающими организациями не коррелирует с регистрами и формами

ведущегося на предприятиях бухгалтерского учета, лишена четкости, ясности и последовательности. Это приводит к недопониманию относительно источников требуемой информации, неточностям и искажениям при расчете необходимой валовой выручки и, как следствие, неправильному расчету тарифа.

В связи с изложенным выше, по нашему мнению, разработка эффективного методического инструментария формирования тарифа на тепловую энергию, соответствующего законодательству, соотносимого с данными бухгалтерского учета, унифицированного для всех теплоснабжающих организаций, является весьма актуальной задачей, направленной на оптимизацию расходов, включаемых в тариф, а также повышение прозрачности взаимодействия в сфере тарифообразования. Основными элементами инструментария, на наш взгляд, должны стать:

- отчетная форма теплоснабжающей организации перед органом регулирования, содержащая необходимую и достаточную информацию о составе и структуре необходимой валовой выручки;
- ответная форма экспертного заключения регулятора, в которой бы были подробно, детально, со ссылками на действующие нормативные акты даны разъяснения о расхождениях в расчетах тарифа;
- инструкции по заполнению данных форм;
- комплекс показателей эффективности реализации предлагаемого инструментария.

Внедрение данного инструментария в работу органа государственного регулирования и хозяйственную практику ресурсоснабжающих организаций позволит формировать тариф на тепловую энергию с условием его минимизации.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения о Департаменте топливно-энергетического комплекса и тарифного регулирования Вологодской области: Постановление Правительства Вологодской области от 16.11.2015 № 958 (ред. от 03.09.2018). URL: <https://tekvo.gov35.ru/obshchaya-informatsiya/polozhenie-ob-organe-gosudarstvennoy-vlasti/>
2. Кудрявцев К.А. Исследование и устранение пробелов в государственном регулировании тарифа на теплоноситель в регионе // Регионоведение Regionology. 2017. Т. 25. № 3 (100). С. 364-378.
3. Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения (с последующими изменениями и дополнениями): Приказ Федеральной службы по тарифам от 13 июня 2013 г. № 760-э // Информационно-правовая система «Гарант».

Информация об авторах

Орлова Эльвира Олеговна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru);

Никитина Надежда Анатольевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru)

Orlova E.O. Nikitina N.A.

TOOLS FOR TRANSPARENCY IN GOVERNMENT AND BUSINESS INTERACTION IN THE SPHERE OF TARIFFS

Abstract. *This article analyzes the features of interaction documentary authorities and resource organizations in the process of setting tariffs for housing and communal services (on materials of the heat supply) and exceeding the Toolkit offered its effectiveness.*

Key words: *tariff, heat supply, interaction, controller, resource organization*

References

1. Decree of the Government of the Vologda region of November 16, 2015 N 958 (as amended on 03.09.2018) “On the approval of the Regulation on the Department of the fuel and energy complex and tariff regulation of the Vologda region” Access mode <https://tekvo.gov35.ru/obshchaya-informatsiya/polozhenie-ob-organe-gosudarstvennoy-vlasti/>
2. Kudryavtsev K.A. Research and Fillinr Gaps in the state regulation of the price in the Heart-Transfer Agent in a region // Regionologiya Regionology. 2017; 3 (25): 364-378.
3. Order of the Federal Tariff Service of June 13, 2013 No. 760-e “On Approval of Guidelines for the Calculation of Regulated Prices (Tariffs) in the Field of Heat Supply” (with subsequent changes and additions). Information and legal system “Garant”.

Information about the Authors

Elvira O. Orlova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation; kanz@vogu35.ru);
Nadezhda A. Nikitina (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation; kanz@vogu35.ru)

УДК 316.334.22 / ББК 60.56

Пасовец Ю.М.

ОТНОШЕНИЕ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ К ПОВЫШЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В работе отмечается необходимость анализа отношения работников к повышению производительности их труда как значимому фактору влияния на производственную деятельность предприятий, организаций. На основе результатов полевого исследования дается характеристика мер повышения производительности труда, предпочтительных для занятых в экономике.

Ключевые слова: производительность труда, условия труда, стимулирование трудовой деятельности, трудовая мотивация, занятые в экономике, городские округа, регион.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

Актуальность изучения отношения работников к вопросу повышения производительности труда обусловлена рядом значимых обстоятельств. С одной стороны, очевидна необходимость поиска ресурсов для решения таких масштабных и ключевых задач социально-экономического развития современного российского общества, как обеспечение его поступательного экономического развития и повышение конкурентоспособности российской экономики. В этом контексте рост производительности труда занятых в экономике во взаимосвязи с повышением качества труда может оцениваться как один из таких ресурсов. С другой стороны, при обеспечении роста производительности труда следует учитывать мнение самих работников о возможностях реализации отдельных мер в этом направлении.

Анализ сложившихся к настоящему времени научных подходов к пониманию производительности труда показывает, что данная категория применяется для характеристики производственной деятельности как индивидов (конкретных работников), так и предприятий, отраслей экономики и экономики в целом [2; 4; 5]. Сущность производительности труда связывается с продуктивностью, эффективностью, плодотворностью производственной деятельности, отражая, с одной стороны, меру полезного использования различных видов ресурсов, с другой – полученные результаты этой деятельности [1, с. 41-42]. Высокая производительность труда зачастую оценивается как конкурентное преимущество экономического субъекта.

В числе работ, посвященных изучению проблем производительности труда, преобладают исследования по оценке состояния и динамики производительности труда на предприятиях, относящиеся к области экономической науки. Вместе с тем, недостаточное внимание уделяется изучению производительности труда как характеристики работников, факторов влияния на этот процесс, в том числе личностных, имеющих субъективную природу [3]. В этом плане возможности для такого анализа открываются с позиции экономической социологии, социологии труда. Представляется значимым рассматривать отношение занятых в экономике к повышению производительности труда на примере массовых опросов населения.

Эмпирической базой настоящей работы являются результаты полевого исследования двух местных сообществ (муниципальных образований): города Курчатова Курчатовского района и города Курска Курской области, проведенного нами в стиле кейс-стади с использованием сочетания количественных и качественных методов социологического исследования: методов полуструктурированного интервью, анализа документов, неструктурированного наблюдения и визуализации данных. Опрос населения городских округов региона осуществлялся методом полуструктурированного интервью на основании типовой программы и методики «Социокультурный портрет региона» (модификация – 2015 г.) с учетом дополнительных параметров и индикаторов. Общий объем выборочной совокупности исследования составил 292 человека. Опрос проведен нами в рамках исследования двух местных сообществ как первичных социокультурных сообществ – жителей двух муниципальных образований: города Курчатова Курчатовского района Курской области как уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Курской атомной электростанцией и города Курска как типичного областного центра макрорегиона Центрального Черноземья.

Как показывают данные по группе занятых в экономике (см. табл.), подавляющее большинство из них считают возможным повышение своей производительности труда за счет

применения тех или иных мер. При этом реализация этих мер предполагает изменения на уровне предприятия, организации.

В этом вопросе около половины работников отдают приоритет материальному стимулированию труда, говоря о необходимости развития системы материального поощрения (премии, надбавки и др.); около трети – повышению уровня комфортности условий труда; значительная часть – развитию системы повышения квалификации и стажировок, дополнительному профессиональному образованию и автоматизации труда, внедрению в производственную деятельность современных техники и технологий.

**Мнение работников о мерах повышения производительности их труда,
в % от числа опрошенных***

	город Курск	город Курчатов	Весь массив
Развитие системы материального поощрения (премии, надбавки и др.)	57,9	48,3	55,2
Повышение комфортности условий труда	35,2	40,0	36,8
Повышение квалификации, стажировки, дополнительное профессиональное образование	21,4	38,3	25,5
Автоматизация Вашего труда, использование новых техники и технологий производства	17,9	20,0	17,9
Рационализация рабочего времени, снижение его затрат и количества простоев	13,8	8,3	11,8
Использование морального поощрения (почетные грамоты, благодарности и др.)	13,8	11,7	12,7
Внедрение нормирования труда (конкретных нормативов, плана работы и т.п.)	6,9	11,7	8,0
Повышение степени специализации Вашего труда (выполнение однородных трудовых функций)	6,2	16,7	9,0
Создание организационной культуры (норм поведения в организации)	4,1	8,3	5,2
Другое	3,4	5,0	3,8
Ничего не может повысить производительность моего труда	13,1	3,3	9,9
Итого	193,8	211,7	195,8
<i>* Допускалось отметить несколько вариантов ответа</i>			

Значительно меньшее число работников в качестве эффективных мер рассматривают другие способы повышения производительности труда: рационализацию рабочего времени, нормирование труда, усиление степени специализации труда (см. табл.). К числу мер роста продуктивности труда, которые мало поддерживаются занятыми в экономике, относятся система морального поощрения и организационная культура.

В разрезе городских округов региона существенные отличия между занятыми в экономике проводятся по степени поддержки некоторых мер повышения производительности труда. Для большего числа работников предприятий, организаций города Курчатова как уникального социокультурного и инновационного центра с градообразующей ролью Курской атомной электростанцией значимость имеют такие способы роста производительности труда, как повышение квалификации, стажировки, дополнительное профессиональное образование и усиление степени специализации труда, связанное с выполнением однородных трудовых функций (см. табл.). Также здесь стоит обратить внимание на меньшее число работников

предприятий, организаций этого муниципального образования, отрицающих для себя возможность повышения производительности труда.

Таким образом, как показывают результаты проведенного на примере городских округов Курской области исследования, несмотря на предпочтение большинством работников материальных мер повышения производительности своего труда (системы материального поощрения и комфортных условий труда), среди занятых в экономике сложилась группа работников, отдающая предпочтение возможностям профессионального развития (повышению квалификации, дополнительному профессиональному образованию) и автоматизации труда, применению в трудовой деятельности новых техники и технологий. Показательно, что многие работники предприятий, организаций городского округа с развитой атомной промышленностью, где предъявляются высокие требования к уровню образования и квалификации, готовы отвечать этим требованиям, включаясь в процесс профессиональной подготовки и переподготовки, повышения квалификации.

Наряду с этим ряд мер повышения производительности труда (рационализация труда, его нормирование, создание организационной культуры) не находят массовой поддержки среди занятых в экономике. По степени поддержки среди работников система морального поощрения значительно уступает мерам материального стимулирования.

Библиографический список

1. Беляева Е.С., Маркина С.А. Современные подходы к решению проблем повышения производительности труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2012. № 1. С. 40-47.
2. Кучина Е.В., Ташев А.К. Методологические подходы к оценке производительности труда на микроуровне // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2017. Т. 11. № 2. С. 42-47. DOI: 10.14529/em170206.
3. Пасовец Ю.М. Личностные ограничения экономической адаптации населения в условиях трансформации российского общества // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 329-332.
4. Федченко А.А. Методические подходы к исследованию производительности труда // Экономика труда. 2016. Т. 3. № 1. С. 41-62. DOI: 10.18334/et.3.1.35153.
5. Чекмарев О.П. Мотивация повышения производительности труда наемных работников: факторы дефицита кадров, размера и дифференциации оплаты труда // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 38. С. 184-190.

Информация об авторе

Пасовец Юлия Михайловна (Россия, Курск) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (305000, г. Курск, ул. Радищева, 33; yulia_pasovets@mail.ru)

Pasovets Yu.M.

THE RELATION OF THE EMPLOYED IN THE ECONOMY TO THE IMPROVEMENT OF LABOR PRODUCTIVITY (ON THE EXAMPLE OF URBAN DISTRICTS OF THE KURSK REGION)

Abstract. *In the paper the author notes the need to analyze the attitude of workers to increase their labor productivity as a significant factor in influencing the production activities of enterprises and organizations. Based on the results of empirical study, it is given a description of measures of increasing labor productivity preferred for those employed in the economy.*

Key words: *labor productivity, working conditions, stimulation of labor activity, labor motivation, employed in the economy, urban districts, region.*

References

1. Belyayeva E.S., Markina S.A. Modern approaches to the solution of problems increase labor productivity. In Proceedings of South-West State University. Series Economy. Sociology. Management. 2012. No. 1, pp. 40-47.

2. Kuchina E.V., Tashev A.K. Methodological Approaches to the Estimation of Labor Productivity at the Micro Level. In Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management. 2017. Vol. 11. No. 2, pp. 42-47. DOI: 10.14529/em170206.

3. Pasovets Yu.M. Personal restrictions of the population's economic adaptation in the conditions of Russian society transformation. In The Review of Economy, the Law and Sociology. 2015. No. 4, pp. 329-332.

4. Fedchenko A.A. Methodological Approaches to Studying of Labor Productivity. In Russian Journal of Labor Economics. 2016. Vol. 3. No. 1, pp. 41-62. DOI: 10.18334/et.3.1.35153.

5. Chekmarev O.P. Motivation improve productivity of employees: factors shortage of personnel, size and wage differentiation. In Izvestiya Saint-Petersburg State Agrarian University. 2015. No. 38, pp. 184-190.

Information about the Author

Yuliya M. Pasovets (Kursk, Russia) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education «Kursk State University» (33, Radishchev str., Kursk, 305000, Russian Federation, yulia_pasovets@mail.ru)

УДК 336.02 / ББК 65.9(2Рос)-5

Печенская М.А.

РАЗВИТИЕ БЮДЖЕТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу развития отдельных структурных элементов бюджетного потенциала территории. Сделан вывод о том, что тенденции развития указывают на несоответствие динамики уровня бюджетного потенциала задачам обеспечения экономической безопасности России.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, бюджетный потенциал, бюджетная система, развитие территории, неналоговые доходы, долговая нагрузка.*

Статья подготовлена по теме государственного задания № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

Научное сообщество, экономисты-практики активно обсуждают вопросы роста бюджетного потенциала территорий как фактора перехода российской экономики на новый технологический уклад, обозначенного в Стратегии экономической безопасности России в качестве одного из основных направлений государственной политики. Сопоставимые региональные исследования, позволяющие разработать единую, общепринятую методологию оценки, а, впоследствии, и управления бюджетным потенциалом территории, до сих пор отсутствуют. В то же время предполагаем, что нереализованный бюджетный потенциал может стать фактором обеспечения национальной безопасности государства и перехода на новый уровень экономического развития.

Сам термин «бюджетный потенциал» начал весьма широко использоваться с появлением в 1990-е годы так называемой модифицированной политики прогрессивной финансовой консолидации, итогом которой стало определение возможного уровня бюджетного потенциала. Изучение эволюции и современной интерпретации термина «бюджетный потенциал территории» позволило нам выделить 6 методологических подходов к его определению: ресурсный, фискальный, ресурсно-фискальный, расходный, институциональный, императивный [1].

Исследование привело нас к выводу о том, что однозначного подхода к сущности бюджетного потенциала ни отечественная, ни зарубежная финансовая наука пока не выработали.

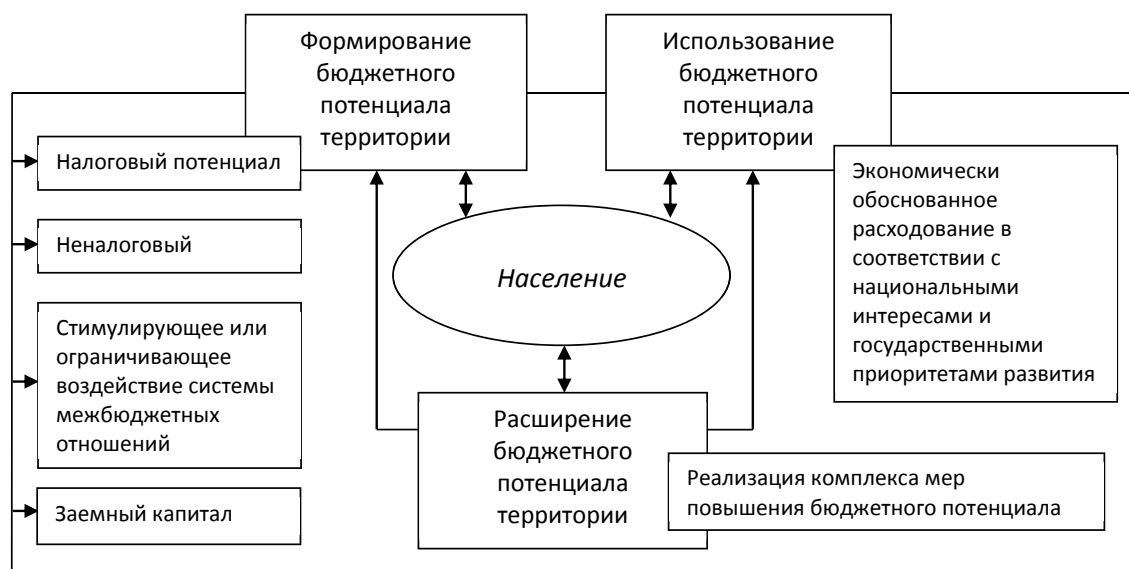

Рисунок 1. **Обобщенная структурная модель бюджетного потенциала территории**

Источник: составлено автором.

В числе нерешенных теоретических вопросов продолжает оставаться отсутствие однозначности структуры бюджетного потенциала. Так, одни ученые выделяют в его составе налоговый потенциал, неналоговый потенциал и безвозмездные поступления. В то же время другие авторы включают в структуру бюджетного потенциала планируемые расходы субъекта РФ и исключают из него размер субвенций. Мы будем исходить из того, что бюджетный потенциал связан с составом и структурой бюджетной системы государства.

Сущность бюджетного потенциала отражается в трех временных стадиях: формирование, использование и расширение. Исходя из этого, эффективное управление подразумевает систему целенаправленного воздействия на данные стадии названных типов бюджетного потенциала. Исследователи и экономисты-практики в научных трудах и публичных выступлениях неоднократно указывали на то, что обеспечение экономической безопасности государства осуществляется за счет централизации бюджетно-налоговой системы, которая негативно сказывается на возможностях роста бюджетного потенциала территорий. Так, исследователи Института экономики УрО РАН Сидорова Е.Н. и Татаркин Д.А. отметили [2], что «децентрализация является источником инноваций в государственном и муниципальном управлении и стимулирует региональные и местные органы развивать собственный финансовый потенциал». Вместе с тем, в последние годы решения, принимаемые на федеральном уровне в отношении федеральных налогов приводят к уменьшению налогового потенциала регионов. Ярким примером является сокращение нормативов зачисления налога на прибыль и акцизов в региональные бюджеты.

Эти решения, принимаемые для усиления выравнивающей функции системы межбюджетных отношений, выглядят особенно противоречиво при нестабильной динамике безвозмездной финансовой помощи в регионы и волатильности ее структуры. В таблице видно ее снижение в ряде лет до 7%. При этом федеральный центр активно наращивает долю такой формы финансовой помощи, как бюджетные кредиты, которые предоставляются не только на принципах возвратности и платности, но и имеют строго целевую направленность, а именно, покрытие дефицита бюджета и рефинансирование ранее взятых долговых обязательств. Если в 2006 г. бюджетные кредиты составили 7% финансовой помощи регионам, то в 2017 г. – свыше 42%.

Динамика и структура финансовой помощи регионам РФ

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Безвозмездная финансовая помощь	583,5	626,0	1131,4	1486,1	1397,2	1642,9	1623,9	1515,0	1670,8	1616,7	1578,1	1703,0
% к пред. году		107,3	180,7	131,4	94,0	117,6	98,8	93,3	110,3	96,8	97,6	107,9
% к совокупной финансовой помощи	92,3	93,7	95,9	87,2	75,0	75,7	75,8	72,4	67,7	61,3	55,7	57,7↓
Возмездная финансовая помощь	40,4	29,8	41,1	175,8	340,1	419,4	426,2	470,9	647,5	808,7	990,5	1010,3
% к пред. году		73,7	137,8	427,6	193,5	123,3	101,6	110,5	137,5	124,9	122,5	102,0
% к совокупной финансовой помощи	7,7	6,3	4,1	12,8	25,0	24,3	24,2	27,6	32,3	38,7	44,3	42,3↑

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального казначейства России, Минфина России.

Несмотря на то что за последние 11 лет объем доходов региональных бюджетов увеличился более чем в 2 раза, в сопоставимых ценах финансовые возможности регионов не изменились, при том, что текущий уровень налоговой нагрузки в России (36,7% в 2016 г.) превысил ее среднее значение по странам Евразийского экономического союза (30,9%) и странам-группы БРИКС (28,4%).

Можно согласиться с мнением заслуженного экономиста РФ Подпориной И.В. о том, что даже «привлечение заемных средств не только политически комфортно для органов власти и управления, но и экономически разумнее, чем повышение налогового давления, замедляющего экономический рост и развитие бюджетного потенциала будущих периодов» [3]. Использование заемного капитала призвано оказывать как стабилизирующее воздействие на экономику, так и стимулирование экономического развития. Однако в настоящее время размеры заемного капитала регионов стали острой угрозой экономической безопасности страны. Темпы роста объема государственного долга опередили темпы роста собственных бюджетных доходов российских регионов за 2006-2017 гг. в сопоставимых ценах более чем в 2 раза. По итогам 2017 года объем долга российских регионов превысил 2,3 трлн. рублей (рис. 2). Несмотря на наметившийся в 2017 году тренд снижения долговой нагрузки регионов, ее значение с 2013 года держится выше уровня 25% собственных доходов.

Рисунок 2. Объем государственного долга консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2006-2017 гг., данные на конец года

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Минфина России.

На фоне проводимых в стране налоговых и межбюджетных реформ проблемы формирования неналогового потенциала бюджета находились на втором плане [4]. В 2017 году Президент России вновь апеллировал к усилению внимания регионов на повышение эффективности неналоговых доходов [5]. С 2006 года доля неналоговых платежей в совокупных доходах регионов ни разу не превысила 8%, что на порядок меньше, чем, например, в Англии (34%) или Германии (31%)¹⁸. Хотя следует сделать оговорку на различия в бюджетной классификации, по которой состав неналоговых доходов различных стран несколько варьируется.

Таким образом, результаты работы показали, что процесс формирования бюджетного потенциала российских регионов подстраивается под тенденции обеспечения стабильности социально-экономической ситуации и идеи недопущения бюджетного дефицита в противовес

¹⁸ Рассчитано автором по данным отчетности Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <http://stats.oecd.org/>

задаче экономического роста территорий, отдавая тем самым перспективы структурных изменений и повышения уровня благосостояния населения в длительном периоде.

Библиографический список

1. Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические аспекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 5. С. 61-73. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.4.
2. Сидорова Е.Н., Татаркин Д.А. Финансовый потенциал повышения конкурентоспособности муниципальных образований // Экономика региона. 2007. № 4 (12). С. 68-84.
3. Подпорина И.В. Современная финансовая политика РФ: учеб. пособие. М.: Издательство Московского университета, 2014. 320 с.
4. Печенская М.А. Неналоговые доходы российских регионов: тенденции и возможности роста // ЭКО. 2018. № 1. С. 119-126.
5. Перечень поручений по результатам проверки исполнения решений Президента по вопросам эффективности принятия мер по сокращению дефицитов региональных бюджетов от 04.01.2017 / Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53705>

Информация об авторе

Печенская Мария Александровна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Гоголя, 49; (8172 59-78-10 (доб. 230); marileen@bk.ru)

Pechenskaya M.A.

DEVELOPMENT OF THE TERRITORY BUDGET POTENTIAL AS A FACTOR FOR ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the development of individual structural elements of the budget potential of the territory. It was concluded that in the development trend they indicate a discrepancy between the dynamics of the level of budget potential and the tasks of ensuring the economic security of Russia.*

Key words: *economic security, budget potential, budget system, development of the territory, non-tax revenues, debt burden*

References

1. Pechenskaya M.A. Budgetary potential in the system of potential of the territory: theoretical and methodological aspects // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2018. Vol. 11. No. 5. P. 61-73. DOI: 10.15838 / esc.2018.5.59.4
2. Sidorova E.N., Tatarkin D.A. Financial potential of improving the competitiveness of municipalities // Economy of the region. 2007. № 4 (12). Pp. 68-84.

3. Podporina I.V. Modern financial policy of the Russian Federation: studies. allowance. Moscow: Moscow University Press, 2014. 320 p.

4. Pechenskaya M.A. Non-tax revenues of the Russian regions: trends and growth opportunities // ECO. 2018. № 1. with. 119-126.

5. The list of instructions on the results of the inspection of the execution of the President's decisions on the effectiveness of taking measures to reduce regional budget deficits dated January 4, 2017 / Official site of the President of Russia. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/53705>

Information about the Author

Maria A. Pechenskaya (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for Research on Problems of the Development of Public Finance, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (49, Gogol str., Vologda, 160014, Russian Federation; marileen@bk.ru)

УДК 332.153 / ББК 65.04

Растворцева С.Н.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Целью исследования является оценка возможности развития инновационной траектории для региона с опорой на сложившуюся структуру промышленного производства и ее связь с высокотехнологичным сектором экономики. Предложенный метод оценки основан на использовании коэффициента локализации и определении технологической близости. Подход был апробирован в регионах России. Определено, что менее 30% подотраслей можно считать связанными, в их числе с сектором высоких технологий – 50. Выявлены регионы, имеющие сравнительные преимущества в высокотехнологичных видах промышленности и в связанных с ними секторах.

Ключевые слова: траектория предшествующего развития (path dependence), уход от траектории предшествующего развития (path breaking), технологическая близость, индекс близости, регионы России.

Исследование поддержано грантом Президента РФ (проект № НШ-3175.2018.6).

Экономика региона во многом зависит от структуры промышленного производства, которое было основано ранее. Субъекты, уже сформировавшиеся как экономическое «ядро», сегодня имеют больше предпосылок для становления новой экономики и обеспечения дальнейшего роста. Мы говорим о конвергенции или дивергенции территорий по уровню социально-экономического развития, но понимаем, что современные тенденции во многом уже обусловлены сложившимися в прошлом условиями (*path dependence*). Уход от траектории предшествующего развития (*path breaking*) возможен через технологические инновации, создание и поддержание которых требуют значительных инвестиций труда и капитала. Движение региона в неверном направлении не позволяет ему уйти от сложившегося пути и влечет за собой финансовые потери.

Научно обосновано, что переход экономики региона от траектории предшествующего развития через инновации не может произойти без необходимых для того предпосылок и формируется на базе уже созданных в регионе промышленных структур, рынка труда и институтов [1]. Если в регионе уже имеются условия для развития высокотехнологичных видов экономической деятельности, то движение от традиционного пути к инновационному будет гармоничным.

Целью исследования является оценка возможности развития инновационной траектории для региона с опорой на сложившуюся структуру промышленного производства и ее связь с высокотехнологичным сектором экономики.

Эволюционная экономическая теория определяет, что регионы, в которых уже развиваются секторы высокотехнологичного производства или близкие к ним, имеют больше шансов ухода от сложившейся траектории развития. Эмпирические исследования также показывают, что менее развитые регионы не отличаются опережающими темпами роста, как когда-то предполагалось [2-4].

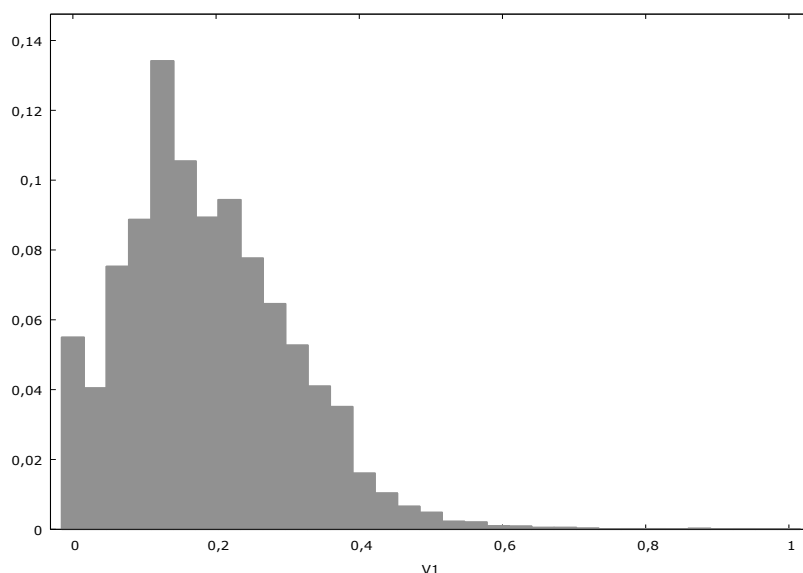
Для оценки возможности перехода региона к инновационному пути развития можно использовать показатель технологической близости (индекс). Следуя за работой М.Портера, мы определяем в качестве такого индикатора коэффициент локализации. Он отражает степень специализации региона в конкретном виде экономической деятельности в общей национальной совокупности. Если коэффициент локализации превышает единицу, считается, что регион имеет сравнительное преимущество в секторе промышленного производства.

Далее необходимо выявить, какие секторы экономики наиболее часто встречаются в регионах (и имеют сравнительное преимущество). Индекс близости между двумя секторами промышленности ($\phi_{i,j}$) рассчитывается следующим образом:

$$\phi_{i,j} = \min\{P(LQ_{c,i} > 1 | LQ_{c,j} > 1), P(LQ_{c,j} > 1 | LQ_{c,i} > 1)\} \quad (1)$$

Индекс близости между секторами промышленности i и j рассчитывается как минимум между условной вероятностью наличия сравнительного преимущества в секторе i , учитывая, что регион c имеет сравнительное преимущество в секторе j (то есть $P(LQ_{c,i} > 1 | LQ_{c,j} > 1)$) и условной вероятностью наличия сравнительного преимущества в секторе j , учитывая выявленное сравнительное преимущество в секторе i (то есть $P(LQ_{c,j} > 1 | LQ_{c,i} > 1)$). Обоснованием этого индикатора близости является то, что если два сектора экономики тесно связаны друг с другом, то они, вероятно, требуют создания аналогичных институтов, инфраструктуры, факторов, технологий.

Для оценки возможности развития инновационной траектории развития в российских регионах нами был проведен анализ технологической близости для 83 субъектов РФ в 2016 году. Нами была построена матрица показателей близости видов экономической деятельности в обрабатывающей промышленности 198 x 198 (по числу секторов), позволяющая определять пространственные связи в отрасли. На рисунке представлена гистограмма показателей близости. Мы видим, что индекс технологической близости характеризуется усеченным нормальным распределением.

Гистограмма индекса близости

По стандарту ОЭСР высокотехнологичные отрасли промышленности включают в себя пять подотраслей, а именно: производство фармацевтических препаратов, самолетов и космических аппаратов, электронного и телекоммуникационного оборудования, компьютеров и офисной техники, медицинского оборудования и измерительных приборов.

Рассчитав индексы близости по видам экономической деятельности и определив наиболее родственные высокотехнологичным секторам промышленности, мы можем сделать некоторые выводы. Во-первых, отрасли высоких технологий связаны между собой. Во-вторых, размещение высокотехнологичных производств в регионах часто сопровождается логично связанными отраслями, не относящимися к категории высокотехнологичных. Так, фармацевтической промышленности сопутствует химическое производство. Офисное оборудование и вычислительная техника имеют сравнительное преимущество в тех же регионах, где сравнительное преимущество имеют электронные лампы и осветительное оборудование. В-третьих, мы можем выделить некоторые виды экономической деятельности, которые сложно логически связать с новыми технологиями, но они имеют высокий индекс близости с некоторыми из них. Так, одним из наиболее связанных с секторами высокотехнологичной промышленности является производство чемоданов, сумок и аналогичных изделий из кожи и других материалов, производство шорно-седельных и других изделий из кожи; производство кожи, изделий из кожи и производство обуви.

В 25 регионах России свыше 40% «близких» отраслей отличаются сравнительным преимуществом. И лишь в двух регионах (Камчатский край и Чукотский автономный округ) связанных отраслей не наблюдается. Высокая степень участия и в высокотехнологичных секторах и в близких им имеет место в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирской, Владимирской, Пензенской, Ярославской и Омской областях, Республике Татарстан, Удмуртии. Высокая степень участия в родственных отраслях имеет место в Тверской, Тульской, Ленинградской, Кировской, Томской и Ростовской областях. Мы можем предположить, что эти регионы имеют предпосылки для развития высокотехнологичных секторов промышленности, а значит, и для ухода от траектории предшествующего развития.

Библиографический список

1. Neffke F., Henning M., Boschma R. (2011). How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions. *Economic Geography*, 87(3), pp. 237-265.
2. Barro, R.J. (2013). Education and economic growth. *Annals of economics and finance*, 14(2), pp. 301-328.
3. Grigoryev, L.M., Pavlyushina, V.A. (2018). Cross-country inequality: dynamics and the problem of stages of development. *Voprosy Ekonomiki*, (7), pp. 5-29.
4. Rastvortseva S. (2017). Agglomeration economics in regions: The case in the Russian industry. *Regional Science Inquiry*, 9(2), pp. 45-54.

Информация об авторе

Растворцева Светлана Николаевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20; SRastvortseva@gmail.com)

Rastvortseva S.N.

THE DEFINITION OF THE REGIONAL INNOVATIVE DEVELOPMENT PATH

Abstract. *The research purpose is to estimate the possibility of regional innovative path based on the existing industrial structure and the proximity to the high-tech sector. The proposed method of evaluation is based on the localization coefficient and estimation of the technological relatedness. The approach has been tested in the regions of Russia. It is determined that less than 30% of sub-sectors can be considered related, among them, with the high-tech sector - 50. We have shown that certain regions can move forward by investing in interregional ties and internal innovations.*

Key words: *path dependence, path breaking, technological relatedness, proximity index, the regions of Russia.*

References

1. Neffke F., Henning M., Boschma R. (2011). How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions. *Economic Geography*, 87(3), pp. 237-265.
2. Barro R.J. (2013). Education and economic growth. *Annals of economics and finance*, 14(2), pp. 301-328.
3. Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A. (2018). Cross-country inequality: dynamics and the problem of stages of development. *Voprosy Ekonomiki*, (7), pp. 5-29.
4. Rastvortseva S. (2017). Agglomeration economics in regions: The case in the Russian industry. *Regional Science Inquiry*, 9(2), pp. 45-54.

Information about the Author

Svetlana N. Rastvortseva (Moscow, Russia) – Doctor of Science, professor, National Research University «Higher School of Economics» (20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation; SRastvortseva@gmail.com)

Розанова Л.И.

ДЕЗИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР ТОРМОЖЕНИЯ РОСТА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

Аннотация. Высокая степень износа основных фондов является одним из препятствий освоения инноваций и обеспечения экономического роста. Более четверти машин и оборудования полностью изношены. В статье рассматривается проблема недостаточности инвестиций в основной капитал для обновления производственной базы. Автор приходит к выводу о необходимости стимулирования инвестиционной активности.

Ключевые слова: истощение капитала, дезинвестиции, накопление капитала, прибыль предприятий, роль банковского сектора.

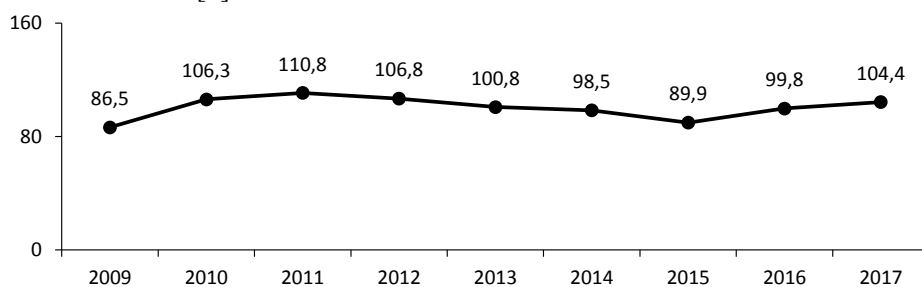
Старение производственной базы является одной из актуальных проблем российской экономики. Ее решение возможно только на основе повышения инвестиционной активности предприятий. Вместе с тем экономический кризис, повлиявший на инвестиционные процессы, в большей степени проявился в России, дважды пережившей в 2014 г. весомые потрясения. Первое из них связано с интеграцией российской экономики в мировую преимущественно через экспорт сырьевых ресурсов, подверженный влиянию конъюнктурных циклов мировых сырьевых рынков (только за второе полугодие 2014 г. цены на нефть снизились более чем вдвое); второй шок связан с введением санкций. На этом фоне повысились риски для инвесторов, следствием чего стал спад инвестиционной активности и отток капитала из России. Таким образом, уже в следующем 2015 г. при росте по всему миру общего объема прямых иностранных инвестиций на 36% в России данный показатель снизился на 92%, о чем говорится в докладе о мировых инвестициях, подготовленном Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [1].

Наши исследования также показали, что недостаточные объемы инвестиций в основной капитал в период между двумя кризисами отрицательно сказались на уровне обновления производственной базы. Нами была выявлена негативная для экономики России тенденция, когда в результате инвестиционных вложений степень износа основных фондов не уменьшается, а увеличивается. Такая ситуация характеризуется в теории инвестиционного анализа как «проедание капитала», а не накопление, поскольку чистые инвестиции (разница между валовыми инвестициями и амортизацией) имеют отрицательное значение, что становится сдерживающим фактором в обеспечении экономического роста, особенно в разрезе регионов в условиях существенных различий в их социально-экономическом развитии и инвестиционном климате [2].

Дезинвестиционные процессы (дезинвестиции – от английского *disinvestment* – процесс уменьшения капитала вследствие изъятия части ранее инвестированного капитала путем продажи активов или недостаточности инвестирования основных средств предприятия, либо уменьшение основного капитала в результате демонтажа или отсутствия замещения выбывающего по причине износа оборудования) становятся также препятствием для внедрения инноваций, поскольку невозможно их масштабное промышленное освоение. По данным Росстата, удельный вес полностью изношенных машин и оборудования (по состоянию

на конец года) увеличился с 21% в 2010 г. до 26% в 2016 г. Процесс замещения изношенного оборудования идет медленно.

Динамика инвестиций в основной капитал показывает зависимость инвестиций от конъюнктурных колебаний в экономике, связанных с кризисными явлениями (*рис.*), а линия тренда характеризует процесс как вяло текущий, скорее с тенденцией к снижению, чем к росту. Валовое накопление основного капитала за период 2014–2016 гг. имело тенденцию к снижению: соответственно 97,3%, 89,6%, 98,6% в процентах к предыдущему году (в постоянных ценах). Только в 2017 г. отрицательная тенденция в валовом накоплении основного капитала (в структуре прироста ВВП по элементам использования) сместилась в положительную зону. С учетом значительного снижения за годы реформ промышленного потенциала объемы инвестиций явно недостаточны. Выход из данной ситуации возможен только при увеличении темпов роста инвестиций в основной капитал. К необходимости реиндустриализации экономики России склоняется все большее число экономического научного сообщества [3].

Индекс роста инвестиций в основной капитал (%)

Проведенный структурный анализ по ведущим отраслям российской экономики в части достаточности капитальных вложений для снижения степени износа показал, что в лучшую сторону изменилась ситуация в сельском хозяйстве. Отчасти это объясняется тем, что отрасль активно участвует в импортозамещении, наращивает объемы производства сельскохозяйственной продукции, и, как следствие, растет спрос на сельскохозяйственную технику. Соответственно, увеличивается ее производство на отечественных предприятиях, внося вклад в рост инвестиционных товаров. В таких видах экономической деятельности, как производство и распределение электроэнергии, газа и воды, гостиницы и рестораны наблюдается снижение износа фондов. Наиболее значимые для экономики страны отрасли: обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых, рыболовство, рыбоводство, транспорт и связь – имеют большой круг предприятий и организаций с устаревшей производственной базой. Особое внимание заслуживает социальный блок. В сфере образования благодаря реализации государственных программ удалось снизить степень износа с 53,9% в 2013 г. до 46,8% в 2016 г., но в здравоохранении еще требуются серьезные вложения, так как здесь износ фондов в 2016 г. составил 57% (для сравнения: в 2004 г. – 45,2%).

По большинству видов экономической деятельности наблюдается высокий износ основных производственных фондов, требующих реновации и замены. На это потребуются значительные накопления инвестиционных ресурсов как самими предприятиями, нуждающимися в модернизации, так и кредитными организациями, государственными и

частными институтами развития. В структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал весомую долю в привлеченных ресурсах занимают кредиты банков, в связи с чем важна стабилизация обстановки в банковском секторе, повышение его надежности и устойчивости [2].

Вывод: Основным результатом нашего исследования является выявленный дисбаланс между состоянием производственной базы, имеющей тенденцию к все большему старению в ведущих отраслях экономики, и темпами инвестиций в основной капитал как значимого фактора, ограничивающего возможности экономического роста и выхода экономики на траекторию инновационного развития. Стимулирование инвестиционной активности может способствовать увеличению темпов инвестиционной деятельности предприятий в части обновления основного капитала.

Библиографический список

1. Прямые иностранные инвестиции в Россию в 2015 году рухнули на 92%. URL: <https://www.interfax.ru/business/490758>
2. Розанова Л.И., Тишков С.В. Анализ производственного и финансового потенциала как основы для разработки стратегии модернизации экономики России // Статистика и Экономика. 2018. 15(4): 29-41. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-29-41>
3. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С.Д. Валентя. Вып. 2. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2015. 72 с. (Научные доклады РЭУ).

Информация об авторе

Розанова Людмила Ивановна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики ФИЦ «Карельский научный центр РАН» (185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; lirzanova@mail.ru)

Rozanova L.I.

DISINVESTMENT AS A FACTOR OF REGIONAL ECONOMIC GROWTH INHIBITION

Abstract. *High depreciation of fixed assets is one of the obstacles to innovation and economic growth. More than a quarter of machines and equipment are completely worn out. The article deals with the problem of insufficiency of investments in fixed capital to update the production base. The author comes to the conclusion that it is necessary to stimulate investment activity.*

Key words: *capital depletion, disinvestment, capital accumulation, profit of enterprises, the role of the banking sector*

References

1. Foreign direct investment in Russia in 2015 collapsed by 92%. URL: <https://www.interfax.ru/business/490758>
2. Rozanova L.I., Tishkov S.V. Analysis of production and financial potential as a basis for the development of the strategy of modernization of the Russian economy. // Statistics and Economics. 2018;15(4): 29-41. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-29-41>
3. Reindustrialization of the Russian economy in the face of new threats / edited by S.D. Valenteya. Vol. 2. Moscow: FSBEI HPE "REU them. G. V. Plekhanova", 2015. 72 p. (Scientific reports of PRUE).

Information about the Author

Lyudmila I. Rozanova (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Associate Professor, Institute of Economics of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (50, Nevskii av., Petrozavodsk, 185030, Republic of Karelia, Russian Federation; lirozanova@mail.ru)

УДК 330.322; 332.1

Серова Н.А.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена оценке эффективности политики по улучшению инвестиционного и предпринимательского климата, проводимой в 2012–2016 годах государственными органами власти субъектов Федерации, полностью отнесенных к районам Крайнего Севера России.

Ключевые слова: регионы, Крайний Север, инвестиционная политика, инвестиционный климат, предпринимательский климат.

На сегодняшний день общими критериями эффективности региональной инвестиционной политики выступают как количественные (рост валового ВРП в целом и в расчете на душу населения, темпы роста инвестиций в основной капитал, увеличение доли иностранных инвестиций в общем объеме инвестиций), так и качественные показатели (уровень развития государственно-частного партнерства (ГЧП) и количество внедренных элементов Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта РФ по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе (Стандарт), который с 2012 года используется для оценки эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти) [1, с. 90-102; 3; 4, с. 49-60].

Исследование показало, что в пяти из тринадцати регионов Крайнего Севера (Мурманской и Магаданской областях, Республике Коми, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО) внедрение всех элементов Стандарта было полностью завершено уже к концу 2014 г., а в остальных – только в 2015–2016 гг. [2]. Так, во всех регионах определены стратегические направления инвестиционного развития территорий, созданы условия для бизнеса и определены гарантии для инвесторов (сформирована законодательная база о защите инвесторов и поддержке инвестиционной деятельности, созданы координирующие органы по улучшению инвестиционного климата и специализированные организации по привлечению инвестиций и т. д.). В регионах также используются финансовые механизмы улучшения инвестиционного климата. Например, в Якутии, Магаданской области и на Чукотке участники региональных инвестиционных проектов освобождены от налога на прибыль в течение пяти налоговых периодов. В Ханты-Мансийском АО, Республиках Карелия и Коми, Архангельской и Магаданской областях для организаций, реализующих инвестиционные проекты, которым присвоен статус особо значимых, ставка налога на имущество составляет 0%.

В целом по результатам рейтинга инвестиционного климата, оценивающего эффективность усилий региональных органов власти по внедрению основных элементов Стандарта, лидерами среди регионов Крайнего Севера являются Ханты-Мансийский (9-е место в 2016 г.) и Ямало-Ненецкий (18-е место в 2016 г.) АО. Практически аналогичная картина расстановки регионов наблюдалась в 2015 г. и в рейтинге развития ГЧП, согласно которому лидерами стали «нефтегазовые» Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, характеризующиеся наличием обширной практики реализации проектов ГЧП. Остальные северные регионы, согласно вышеуказанным рейтингам, характеризовались средней инвестиционной привлекательностью и средним уровнем развития ГЧП (отсутствует опыт реализации проектов ГЧП или региональный опыт представлен несколькими небольшими проектами) [5].

Оценка эффективности инвестиционной политики регионов Крайнего Севера по количественным индикаторам показала, что, несмотря на кризисные явления, приток инвестиций, в том числе иностранных, остается высоким только в нефтегазодобывающие регионы (Сахалинская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский). Темпы роста инвестиций в основной капитал в данные регионы за период 2012-2016 гг. значительно превышали среднероссийское значение. Наибольшие темпы роста были характерны для Ненецкого АО, что связано в основном с началом строительства автодороги Нарьян-Мар – Усинск (в среднем за исследуемый период темпы прироста инвестиций в округ составили 44,7% к уровню 2012 г.). Наибольшее снижение реальных объемов инвестиций произошло в Чукотском АО (темпы роста в 2016 г. составили всего 24,2% к уровню 2012 г.). Однако, несмотря на инвестиционный спад, округ стал абсолютным лидером по росту валового регионального продукта. Средние темпы прироста физического объема ВРП региона за 2012–2015 гг. составили 8,3%. Высокие темпы прироста ВРП в среднем за исследуемый период были характерны также и для Ямало-Ненецкого АО (5,6%), Магаданской области (5,3%) и Ненецкого АО (4,0%).

Всего по Северу удельный вес инвестиций в ВРП составляет 30,2% (в среднем по России – 19,6%), а наибольшая доля приходится на Ненецкий АО (52,6% в 2015 г.), Ямало-Ненецкий (43,0%) АО и Магаданскую область (48,7%). Наименьшие показатели у Камчатского края (13,3%) и Республики Карелия (15,5). В целом за период 2012–2015 гг. доля инвестиций в ВРП увеличилась только в Мурманской, Магаданской, Сахалинской областях и Ненецком АО.

Наибольшие темпы роста иностранных инвестиций продемонстрировали Магаданская (объем инвестиций увеличился почти в 30 раз) и Мурманская (объем инвестиций увеличился в 15 раз) области. Рост объема иностранных инвестиций в Магаданской области связан с реализацией ряда инвестиционных проектов по добыче полезных ископаемых совместно с китайскими партнерами. В Мурманской области объемы иностранных инвестиций выросли за счет реализации инвестиционных проектов по переработке твердых радиоактивных отходов в Сайда Губе и строительству комплекса по обращению с ядерным топливом в губе Андреева.

В целом темпы роста инвестиций за период 2012–2016 гг. в большинстве исследуемых регионов имели неустойчивую тенденцию и были напрямую связаны с реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов, что в перспективе создает риски существенного инвестиционного спада при завершении данных проектов. Например, основным фактором значительного притока инвестиций в Мурманскую область стало начало

в 2014 г. практической реализации проекта комплексного развития Мурманского транспортного узла, основной целью которого является создание на базе порта Мурманск действующего круглогодично глубоководного морского хаба – центра по переработке нефтеналивных грузов, перевалке угля и минеральных удобрений, интегрированного в международные транспортные коридоры «Север-Юг» и «Восток–Запад» [6, с. 19-22]. В Карелии инвестиционный подъем был связан с началом строительства двух гидроэлектростанций (Белопорожская ГЭС-1 и Белопорожская ГЭС-2) в рамках реализации масштабного проекта «Реконструкция и возведение малых гидроэлектростанций на территории Республики Карелия». В Республике Коми инвестиции выросли за счет увеличения капиталовложений в добычу полезных ископаемых и развитие трубопроводного транспорта (инвестиционные проекты по созданию системы магистральных газопроводов «Бованенково-Ухта» и «Ухта – Торжок»).

Таким образом, можно сделать вывод, что предпринимаемые региональными властями меры способствовали созданию институциональных условий для привлечения инвестиций, однако не являлись непосредственной причиной инвестиционной активности в регионах Крайнего Севера России, т.к. она обусловлена, главным образом, реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов по освоению природных ресурсов севера страны.

Библиографический список

1. Дидык В.В., Серова Н.А. Региональная инвестиционная политика на Севере России // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 90-102.
2. Инвестиционный климат северных территорий: региональный и муниципальный уровни / под науч. ред. д.э.н. Т.П. Скуфьиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 164 с.
3. Назаров А.Г. Методика оценки инвестиционной политики региона // *Экономика и предпринимательство*. 2014. № 12. С. 261-263.
4. Новокшонова Е.Н. Оценка эффективности региональной инвестиционной политики // *Региональная экономика: теория и практика*. 2014. № 11. С. 49-60.
5. Развитие государственно-частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП. М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2016. 36 с.
6. Скуфья Т.П., Серова Н.А. Актуальные аспекты развития Мурманского транспортного узла // *Транспорт Российской Федерации*. 2017. № 5 (72). С. 19-22.

Информация об авторе

Серова Наталья Александровна (Россия, Апатиты) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических проблем ФИЦ КНЦ РАН (184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а; 8-81555-79606; serova@iep.kolasc.net.ru)

Serova N.A.

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE INVESTMENT POLICY OF THE REGIONS OF THE FAR NORTH OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *This article is devoted to assessing the effectiveness of policies to improve the investment and business climate, carried out in 2012-2016 by the state authorities of the constituent entities of the Federation, fully attributed to the regions of the Far North of Russia.*

Key words: *regions, Far North, investment policy, investment climate, entrepreneurial climate.*

References

1. Didyk V.V., Serova N.A. Regional investment policy in the north of Russia // Spatial economy. 2005. № 4. С. 90-102.
2. The investment climate of the northern territories: regional and municipal levels / Under scientific. ed. Dan. T.P. Skufina Apatity: KSC RAS, 2015. 164 p.
3. Nazarov A.G. Methodology for assessing the investment policy of the region // Economy and Entrepreneurship. 2014. № 12. P. 261-263.
4. Novokshonova E.N. Evaluation of the effectiveness of regional investment policy // Regional Economics: Theory and Practice. 2014. № 11. P. 49-60.
5. Development of public-private partnership in Russia in 2015–2016. The ranking of regions in terms of the development of PPP. M.: Association “Center for Development of PPP”, 2016. 36 p.
6. Skufyina T.P., Serova N.A. Actual aspects of the development of the Murmansk transport hub // Transport of the Russian Federation. 2017. № 5 (72). P. 19-22.

Information about the Author

Natalia A. Serova (Apatity, Russia) – Ph.D. in Economics, Senior Researcher IEP FRC KSC (24a, Fersman str., Apatity, 184209, Russian Federation; 8-81555-79606; serova@iep.kolasc.net.ru)

УДК 338.43.02

Шалашова А.С., Советов П.М.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОИЗВОДСТВА ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫХ МОЛОКОПРОДУКТОВ

Аннотация. В статье приведены факторы и условия развития производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции с учетом выявленных потребительских предпочтений на рынке экологически чистых продуктов питания и уровня востребованности их населением крупного регионального центра. Определены институциональные направления государственной поддержки производителей экологически чистых молокопродуктов.

Ключевые слова: экологически чистый продукт, востребованность, потребительские предпочтения, сертификация, государственная поддержка

Обзор материалов научных исследований проблемы формирования здорового образа жизнедеятельности людей показывает, что из всего количества вредных веществ, поступающих в организм человека, порядка 70% поступает с пищей, 20% – из воздуха и 10% – с питьевой водой [1]. В связи с этим задача организации производства высококачественной, экологически безопасной сельскохозяйственной продукции, которая

соответствует установленным органолептическим, общегигиеническим, технологическим и токсикологическим нормативам и не оказывает отрицательного влияния на здоровье людей и состояние окружающей среды, является приоритетной, выступающей, к тому же, важнейшим фактором обеспечения продовольственной безопасности населения и повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции.

В связи с этим очевидна потребность в разработке вопросов стратегического видения как перспектив развития сельского хозяйства, ориентированного на производство экологически чистой продукции, так и корректировки и совершенствования механизма государственного регулирования рынка продукции органического сельского хозяйства и стимулирования активного вовлечения для этих целей сельскохозяйственных земельных ресурсов.

Тем не менее, обзоры российского рынка экологически чистой продукции сельского хозяйства показывают, что он находится пока лишь в начальной стадии своего становления, несмотря на то что Российская Федерация обладает необходимыми ресурсами для ведения сельского хозяйства, ориентированного на производство органической продукции, прежде всего обширными площадями сельскохозяйственных угодий и большим массивом плодородной пашни, многолетними традициями аграрного воспроизводства созидательного типа и длительной ориентацией потребительского рынка на высококачественное продовольствие из сырья отечественного производства, а также относительно невысоким уровнем интенсификации и химизации сельхозпроизводства в сравнении с другими индустриально развитыми странами. Уместно вспомнить о том, что в среднем по странам Евросоюза внесение минеральных удобрений достигает двухсот кг/га, тогда как в Российской Федерации – не более 40 кг, а в Вологодской области (2005–2016 гг.) – в пределах 28–38 кг/га.

Рассматривая обозначенную проблемную ситуацию, было бы, разумеется, недостаточным сконцентрироваться лишь на вопросах активизации предложения продукции органического сельского хозяйства. Является также важным определить не только с состоянием и прогнозом платежеспособного спроса населения на органическое продовольствие, чему посвящено немало число публикаций по результатам научных исследований и экспертных оценок, но и выявить реальные предпосылки, факторы и условия, способствующие или сдерживающие рост и развитие органического сельского хозяйства в целом по стране и в конкретных регионах с их отличиями в структуре и культуре производства и потребления продовольствия, особенностями формирования потребительских предпочтений и спецификой среды проживания и жизнедеятельности.

Требуется не только определить, в какой мере тот или иной регион обладает предпосылками для производства и потребления органических продуктов питания, но и необходимо выявить потенциал его развития, который находится в зависимости от ряда характеристик его состояния и присущих тенденций функционирования.

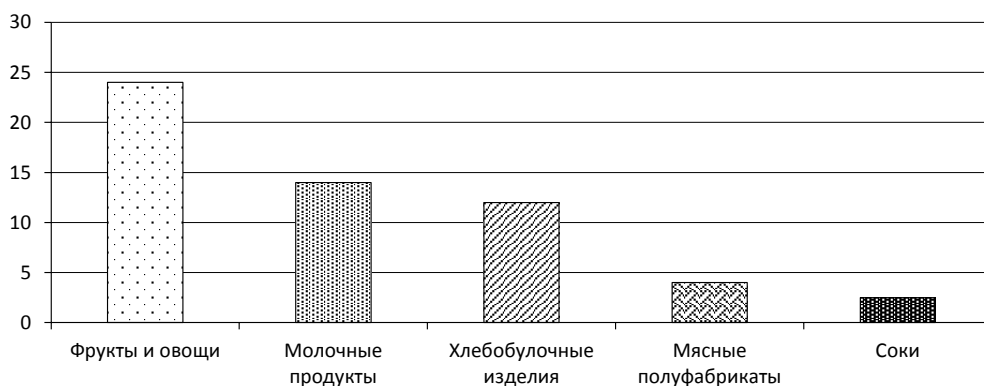
Собственно, этим выражаются исходные, опирающиеся на принципы системного подхода методологические позиции исследования факторов и условий развития «органического сельского хозяйства» и разработки проблемы совершенствования механизма государственной поддержки производства экологически чистого сельскохозяйственного производства. Рассмотрению поставленных вопросов и посвящены задачи исследования, осуществляемого на кафедре экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н. В. Верещагина» при поддержке

Департамента сельского хозяйства и продовольствия Вологодской области в формате изучения проблемы активизации инновационно-инвестиционной деятельности сельскохозяйственных организаций.

В рамках одного из этапов исследования предпринят экспертный опрос с целью выявления покупательских предпочтений к продукции органического сельского хозяйства, прежде всего, экологически чистых молокопродуктов.

Актуальность и необходимость развития рынка молочной экологически безопасной продукции можно аргументировать повышенным спросом населения на продукты т.н. здорового питания. Рост покупательской способности определенных слоев населения в приобретении более качественных, вкусных, натуральных продуктов питания объективно предполагает необходимость увеличения производства экологически чистого молока и молочной продукции, не содержащей гормонов и антибиотиков, нитратов, способствующей укреплению здоровья населения.

Для выявления уровня востребованности населением экологически чистого продовольствия был проведён опрос жителей г. Вологды (350 человек в возрасте от 18–70 лет) как типичного регионального центра СЗФО с относительно невысокими доходами населения. Респондентам было предложено ранжировать продукцию по рейтингу личных предпочтений: на первое место поставить наиболее предпочтительный вид продукции, выращенной без применения синтетических веществ, на пятое – наименее заинтересовавший их как небезопасный. Рассматриваемые виды продукции структурировались по секторам хозяйствования с точки зрения применения при возделывании и производстве химических веществ (например, в крупнотоварных и индивидуальных, крестьянских фермерских хозяйствах). По сумме оценок был определен общий рейтинг различных видов продукции (рис.).

Структура потребительских предпочтений на экологически чистые продукты населения г. Вологды

В ходе анкетного опроса была предпринята попытка выявить уровень заинтересованности граждан в наполнении своего рациона питания продуктами органического сельского хозяйства. Систематизация ответов респондентов на вопрос «Насколько важно для Вас ежедневно употреблять в пищу экологически чистые продукты питания?» показала, что регулярное употребление в пищу экологически чистых продуктов питания является первостепенным и важным для возрастной группы от 36 до 55 лет, т. е.

обладающих достаточным жизненным опытом и, возможно, в силу психолого-возрастных особенностей заботящихся о собственном здоровье, в первую очередь о профилактике различных заболеваний.

Вместе с тем, для этой возрастной группы (от 36 до 55 лет) характерна дифференциация по уровню дохода, что не позволяет сделать однозначные выводы о величине потенциального платежеспособного спроса на экологические продукты питания, но все же можно отметить, что для более двух третей опрошенных (68,2%) регулярное употребление экологически чистых продуктов питания является важной составляющей нормальной жизнедеятельности.

Отсюда представляются логичными ответы респондентов на вопрос о своей готовности ориентировать семейный бюджет на покупку экологически чистых продуктов питания. Потребители высоких возрастных групп (46–55 и старше 65 лет) готовы в общей массе своей, несмотря на относительно низкий уровень ежемесячного дохода, тратить на приобретение экологически чистых продуктов питания от 15 до 39% доли семейного бюджета, затрачиваемой на покупку продуктов питания.

Приведенные данные опроса отражают вполне лояльную покупательскую позицию относительно экологически чистых продуктов питания, которая ничуть не противоречит и не выступает ограничителем их предложения, в том числе и продукции молочного скотоводства – традиционной отрасли специализации региона.

Анализ развития молочного подкомплекса АПК Вологодской области показывает, что субъект располагает необходимыми предпосылками и ресурсами для расширенного развития отраслевого рынка молока и экологически безопасной молочной продукции. На территории области сформировалось высокопродуктивное стадо коров, что позволяет осуществлять в крупных объемах производство молока-сырья и обеспечить загрузку довольно значительной молокоперерабатывающей промышленности региона.

Однако важным сдерживающим фактором активизации производства экологически безопасных продуктов питания в настоящее время в регионе, как и в целом в Российской Федерации, выступает неполнота нормативной и правовой базы государственной поддержки органического сельского хозяйства и регулирования рынка экологически чистых продуктов питания.

Уместно подчеркнуть, что долгожданный проект закона РФ (24.01.2018 г.) «О производстве органической продукции» не содержит критериев и показателей продуктов, заявляемых как экологически чистые. Понятно, что данное обстоятельство выступает как институциональное препятствие к применению налоговых льгот отечественным производителям органической продукции, которые могли бы им позволить высвободить дополнительные средства с целью реинвестирования в расширение выпуска экологически чистых продуктов питания собственного производства.

Применительно к критериям и показателям оценки молокопродуктов как экологически чистых следует отметить, что лаборатории предприятий молокоперерабатывающей промышленности пользуются длительное время широким спектром индикаторов, отражающих качество всех выпускаемых ассортиментных единиц, определяемое как на основе физико-химических и микробиологических показателей так и органолептических характеристик. Логично возникает вопрос: а что мешает использовать названную

совокупность критериев и показателей как опорную платформу формирования искомой критериев и показателей молокопродуктов, позиционирующихся как экологически чистые?

Другая составляющая институционального формата проблемы государственного регулирования рынка органической продукции сельского хозяйства обусловлена тем, что органическое сельское хозяйство не выступает в числе приоритетных направлений в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы. Отсюда неудивительно отсутствие отдельной государственной подпрограммы по развитию органического сельского хозяйства и мер стимулирования перехода на органическое сельхозпроизводство. Между тем международный опыт свидетельствует о том, что государственная поддержка выступает гарантией роста и развития органического сельского хозяйства в той или иной стране.

Библиографический список

1. Шалашова А.С., Советов П.М. Текущее состояние и проблемы формирования рынка органической сельскохозяйственной продукции в России// Молодежная наука: вызовы и перспективы: материалы I Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (24 апреля 2018 г.). Т. II. Макеевка: ГОУ ВПО Донбасская аграрная академия, 2018. 191 с.
2. Guidelines for Public Support to Organic Agriculture: Report. IFOAM Organics International, September 2017. Chapter III. URL: <https://www.ifoam.bio/en/global-policy-toolkit-public-supportorganic-agriculture>
3. О производстве органической продукции: Проект федерального закона 372830-7 от 29.03.2018. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/372830-7>

Информация об авторах

Шалашова Анастасия Сергеевна (Россия, Вологда) – магистрант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2);

Советов Павел Михайлович (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; sovetovpm@yandex.ru)

Shalashova A.S., Sovetov P.M.

STATE SUPPORT OF PRODUCTION OF ECOLOGICALLY PURE MILK PRODUCTS

Abstract. *The article presents the factors and conditions for the development of production of environmentally friendly agricultural products, taking into account the identified consumer preferences in the market of ecologically clean food products and the level of demand for them by the population of a large regional center. The institutional directions of state support for producers of organic milk products have been determined.*

Key words: *environmentally friendly product, demand, consumer preferences, certification, government support.*

References

1. Shalashova A.S., Sovetov P.M. Current status and problems of formation of the market for organic agricultural products in Russia // Youth Science: Challenges and Prospects: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists (April 24, 2018). T. II. Makeyevka: Donbass Agrarian Academy, 2018. 191 с.
2. Guidelines for Public Support to Organic Agriculture: Report. – IFOAM Organics International, September 2017. Chapter III. Access mode: <https://www.ifoam.bio/en/global-policy-toolkit-public-supportorganic-agriculture>
3. Draft federal law 372830-7 “On the production of organic products” of 03/29/2018. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/372830-7>

Information about the Authors

Anastasia S. Shalashova (Vologda, Russia) – undergraduate student, Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Vologda State Dairy Academy named after N.V. Vereshchagin (2, Shmidta str., Molochnoe rural settlement, Vologda, Russian Federation); Pavel M. Sovetov (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Professor at the Department of Management and Marketing at the Faculty of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (2, Shmidta str., Molochnoe rural settlement, Vologda, Russian Federation; sovetovpm@yandex.ru)

УДК 338.22 / ББК 65.050.17

Ускова Т.В.

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. В данной статье наибольшее внимание уделено идентификации вызовов и угроз, влияние которых существенно снижает экономическую безопасность Российской Федерации, делает ее уязвимой перед внешними угрозами, ослабляет позиции на мировой арене. Обосновано, что среди вызовов безопасности экономики России ключевыми являются низкие темпы экономического роста, продолжающаяся примитивизация структуры, высокая зависимость от энергосырьевого сектора, технологическая отсталость индустриального сектора, недостаток инвестиций, отток капитала из стран, низкая инновационная активность, несбалансированность бюджетной системы и высокий уровень территориальной дифференциации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, вызовы, экономический рост, структура экономики, промышленность, инвестиции, инновационность, бюджетная система.

Вопросы экономической безопасности не теряют своей актуальности на протяжении уже многих десятилетий. Ее теоретико-методологические основы заложены в исследованиях отечественных и зарубежных ученых, среди которых Л. Абалкин, А. Архипов, А. Городецкий,

В. Иванченко, Д. Львов, А. Куклин, П. Минакир, А. Михайленко, Б. Михайлов, А. Мызин, В. Тамбовцев, К. Самсонов, В. Сенчагов, А. Скопин, А. Татаркин и др.

В научной литературе представлены различные точки зрения относительно определения экономической безопасности страны. Однако их суть состоит в том, что авторы акцентируют внимание, прежде всего, на защищенности экономической системы от внешних и внутренних угроз, а также ее возможности развиваться. Следовательно, под экономической безопасностью страны можно понимать обеспеченность требуемого уровня национальной безопасности собственными финансовыми и другими ресурсами, создание благоприятных условий для развития экономики и повышения уровня конкурентоспособности страны, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз [1].

Экономическую безопасность государства обеспечивают входящие в его состав субъекты Федерации. В этом случае вполне логично отслеживать насколько регионы готовы отвечать на основные вызовы и угрозы.

Обеспечение экономической безопасности – приоритетная задача государства, закрепленная в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года [2]. В документе подчеркивается, что «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности являются развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран – лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешное противостояние влиянию внутренних и внешних угроз».

Главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий, незащищенность национальной финансовой системы от действий нерезидентов и спекулятивного иностранного капитала, уязвимость ее информационной инфраструктуры, несбалансированность национальной бюджетной системы, регистрация прав собственности в отношении значительной части организаций в иностранных юрисдикциях, ухудшение состояния и истощение сырьевой базы, сокращение добычи и запасов стратегически важных полезных ископаемых, прогрессирующая трудонедостаточность, сохранение значительной доли теневой экономики, условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, незаконной миграции, неравномерное развитие регионов, снижение устойчивости национальной системы расселения.

Следует подчеркнуть, что на протяжении последних более 20-ти лет ключевые угрозы не только не были устранены, напротив, ряд из них еще более усугубился. В числе вызовов и угроз, представляющих наибольшую опасность для экономического развития страны, являются следующие.

Прежде всего – это низкие темпы роста экономики. После глубокого спада, ставшего следствием кризиса 2007–2008 гг., российская экономика практически не демонстрирует роста. По предварительным оценкам Росстата [3], в 2017 г. ВВП России увеличился только на 1,5%.

Согласно прогнозу глобального роста экономики, подготовленного МВФ [4], в 2018 г. прирост российской экономики составит только 1,7%, в 2019 г. – 1,8%, а в 2023 г. – 1,2%. При этом рост мировой экономики прогнозируется на 3,7% в 2018 и 2019 гг. Экономика Китая прирастет на 6,6 и 6,2%, а Индии – на 7,4 и 7,7% соответственно.

За годы рыночных реформ в отраслевой структуре российской экономики произошли кардинальные изменения. Сократилась доля продукции машиностроения, сельского и лесного хозяйства, легкой промышленности. Возрос удельный вес предпринимательских услуг (прежде всего финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом), торговли и добычи полезных ископаемых. В структуре ВВП России добыча полезных ископаемых составляет около 10% (в 2017 г. – 10,4%).

Повышение «сырьевой зависимости», прежде всего, прослеживается по соотношению экспорта углеводородов к ВВП. Если в 2016 г. этот показатель составлял 12%, то в 2017 г. – уже 12,5%. Сектор добычи полезных ископаемых и нефтепереработки продолжает обеспечивать более 60% всех поступлений от экспорта, более трети сальдированного финансового результата в экономике.

Резко возросла значимость сектора добычи полезных ископаемых при формировании динамики промышленного производства. С учетом сектора нефтепереработки этот сегмент экономики обеспечил свыше 70% от итогового роста промышленного производства в 2017 г.

Весьма велика зависимость бюджета страны от нефтегазовых доходов. К концу 2017 г. нефтегазовые доходы составляли уже 40% от совокупных доходов.

Таким образом, в России сохраняется экспортно-сырьевая модель развития, а следовательно, и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. А это еще один вызов экономической безопасности.

Динамика промышленного производства позволяет сделать вывод о том, что промышленностью Российской Федерации уровень 1991 г. еще не достигнут. Сектора промышленности развиваются по-разному. Относительно неплохо себя чувствует сектор промежуточного спроса (101,8% от 1991 г.). Сектор конечного потребления достиг лишь 87,7% от уровня 1991 г. Наибольшие трудности испытывают отрасли инвестиционного спроса – объемы их производства в 2016 г. составили лишь 64,7% от 1991 г. [5].

О том, как складывалась ситуация на региональном уровне, свидетельствуют следующие данные. За рассматриваемый период ВРП Вологодской области вырос на 115%. Основной прирост экономики области обеспечила промышленность, доля которой в ВРП составляет более 40%. По итогам 2017 г. промышленное производство превышало уровень 1991 г. на 25%. Гораздо сложнее ситуация в другой важной отрасли экономики области – сельском хозяйстве. Уровень производства в ней по сравнению с 1991 г. упал на 42%. При этом в Российской Федерации уровень 1991 г. превышен на 13%. За трансформационный период вклад реального сектора экономики в валовой продукт сократился.

Таким образом, можно констатировать, что в постсоветский период экономика РФ и ее регионов претерпела существенные трансформации. Изменились как количественные, так и качественные характеристики экономического роста. Они свидетельствуют, как минимум, о сохранении высокой зависимости российской экономики энергосырьевого сектора и стагнации экономики. За период с 1991 по 2017 г. экономика России выросла на 24%, а за целое десятилетие – всего на 4%. Эта тенденция еще раз свидетельствует о том, что

потенциал роста сырьевой экономики исчерпан. Следовательно, необходимо искать иные источники роста.

Страна теряет позиции в мировой экономике. В настоящее время российская экономика находится на шестом месте в мире (после Китая, США, Индии, Японии и Германии). При сохранении существующих тенденций к 2024 г. Россия вряд ли сможет занять пятое место. И задача, которую ставит года Президент России Владимир Путин, не будет выполнена.

Длющаяся с 2009 г. стагнация российской экономики является следствием слабой инвестиционной активности. Свидетельство тому – доля России в мировом ВВП и мировых инвестициях. По итогам 2015 г. вклад Российской Федерации в мировую экономику составил 3,2% против 4,14% в 1991 г. Удельный вес России в мировых инвестициях за период с 1990 по 2015 гг. уменьшился с 6,7 до 1,5%*.

За пять лет (2012–2016 гг.) инвестиции в основной капитал в целом по стране сократились на 5,5%. В 2014–2016 гг. спад инвестиций наблюдался практически повсеместно. В Вологодской области инвестиции в основной капитал сократились на 30%. Еще более глубокое падение инвестиций отмечалось в Республике Коми и Ленинградской области.

Крайне низкой остается норма накопления капитала. Так, доля инвестиций в основной капитал составляет всего 17% ВВП. По этому показателю Россия уступает и развитым, и почти вдвое – развивающимся странам. При этом в обрабатывающие производства вкладывается лишь 9% совокупной величины инвестиций, или 2% ВВП. Для сравнения, в США – 15% ВВП. Чтобы обеспечить ежегодные темпы экономического роста в пределах 4–6%, необходимо поднять долю инвестиций в основной капитал в ВВП до 25–35%, т. е. в 2 раза. Однако ни по темпам, ни по объему инвестиций Россия пока не выходит на желаемую траекторию. А это еще один из ключевых вызовов.

Решить задачу выхода России в мировые лидеры возможно за счет технологического рывка, для этого необходима модернизация и внедрение инноваций. Однако высокотехнологичное оборудование в России почти не производится. Существенные трудности возникают у субъектов хозяйствования по его закупке у других стран (одна из причин – санкции). Да и в целом хозяйствующие субъекты не имеют достаточных средств для обновления основных производственных фондов. За рассматриваемый период их износ вырос с 33 до 49%. По данным Росстата, «лидерами» по износу основных фондов выступают промышленность здравоохранение, транспорт и связь: в этих отраслях износ основных фондов превышает 50%.

Недостаток инвестиций отражается и на низкой инновационной активности. Менее 9% российских организаций осуществляли инновационные мероприятия. Технологические инновации осуществляет только 9,5% организаций. Затраты организаций на НИОКР и технологические инновации крайне мала. В Вологодской области эти показатели не достигают и 1% от ВРП. Все это делает реальной угрозой дальнейшего отставания России от передовых стран в разработке и внедрении перспективных технологий. В этих условиях трудно обеспечить рост производства и производительности труда, конкурентоспособность выпускаемой продукции и экономики в целом.

Несбалансированность национальной бюджетной системы также создает угрозу экономической безопасности. Сложившаяся модель распределения налоговых доходов между

* Рассчитано на основе данных Всемирного банка.

уровнями бюджетов, закрепляющая принцип фискального приоритета Федерации с подчинённым положением её субъектов, не способствует решению проблем регионов. Результатом такой политики стал ряд негативных тенденций в бюджетной сфере: дефицит бюджетов субъектов Федерации; рост долговых обязательств, дотационность.

И наконец, хотелось бы остановиться на пространственных аспектах развития. Ввиду огромной территории и действия множества факторов, проблема высокого уровня территориальной дифференциации для современной России является одной из актуальных. Так, по итогам 2017 г. разрыв субъектов Федерации по ключевому показателю социально-экономического развития – ВРП в расчете на душу населения – достиг 34 раз. Нарастает уровень и внутрирегиональной дифференциации. Экономическое пространство Российской Федерации крайне неоднородно. Как и в целом в мире, экономическое развитие все больше концентрируется в агломерациях, которые, в свою очередь, стягивают финансовые и трудовые ресурсы прилегающих территорий. В результате, социально-экономические проблемы территорий, не входящих в агломерации, усугубляются. Усиление территориальной дифференциации является еще одной угрозой экономической безопасности страны.

Библиографический список

1. Ускова Т.В. Кондаков И.А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2 (14). С. 37-50.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
3. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
4. Международный валютный фонд. URL: <https://www.imf.org/ru>
5. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 1. № 6. С. 26-40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2.

Информация об авторе

Ускова Тамара Витальевна (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; (8172) 59-78-06; tvu@vscc.ac.ru)

Uskova T.V.

KEY CHALLENGES OF RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY

Abstract. *This article focuses on identifying challenges and threats, the impact of which significantly reduces the economic security of the Russian Federation, makes it vulnerable to external threats, weakens its position in the world arena. It has been substantiated that among the challenges to the security of the Russian economy, low rates of economic growth, continuing primitivization of the structure, high dependence on the energy sector, technological backwardness of the industrial sector,*

lack of investment, capital outflows from countries, low innovation activity, budget imbalance, and a high level of territorial differentiation.

Key words: *economic security, challenges, economic growth, economic structure, industry, investment, innovation, budget system*

References

1. Uskova T.V. Kondakov I.A. Threats to the economic security of the region and ways to overcome them // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2011. № 2 (14). pp. 37-50.
2. National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683. Access mode: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>
3. Federal State Statistics Service. Access mode: <http://www.gks.ru/>
4. International Monetary Fund. Access mode: <https://www.imf.org/ru>
5. Lukin E.V., Uskova T.V. Problems of structural transformation of the regional economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2018. V. 1. No. 6. P. 26-40. DOI: 10.15838 / esc.2018.6.60.2.

Information about the Author

Tamara V. Uskova (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Head of the Department of Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; (8172) 59-78-06; tvu@vscc.ac.ru)

УДК 332 / ББК 65.9

Усова А.В., Ковшикова Г.А.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Промышленный туризм – это перспективное направление развития туристической отрасли. В статье дан анализ понятия «промышленный туризм»; на примере Вологодской области рассмотрен перечень предприятий, которые могут быть включены в тур, даны рекомендации для производственных компаний по организации промышленного туризма на предприятиях.

Ключевые слов: промышленный туризм, организация производственных туров, производственные процессы, организационно-технические аспекты реализации тура.

Промышленный, или индустриальный, туризм – это вид туризма, который предполагает посещение действующих компаний и промышленного наследия; он предлагает посетителям изучить продукты, производственные процессы, историю развития различных отраслей [1].

Актуальность данной темы определяется ростом интереса к промышленному туризму, так как данное направление туризма предлагает новые возможности как для отдельных фирм, так и для городов. В практическом плане, в том числе для промышленного сектора, это положительный пиар компании, продвижение продукции, формирование имиджа работодателя [2].

Как правило, исследователи рассматривают понятия индустриальный и промышленный туризм как один вид туризма, предполагающий посещение объектов производства и сферы услуг, которое позволяет посетителям узнать о технологическом процессе предприятия в прошлом, настоящем и будущем для достижения познавательных, профессиональных и деловых целей, а также ознакомиться с индустриальной архитектурой. Так, можно считать, что термины «индустриальный туризм», «промышленный туризм» являются производными от понятия «туризм производственного наследия» [3].

Для определения степени востребованности промышленных туристических маршрутов у населения авторами были изучены предложения 83 действующих туристических фирм Череповца и 113 Вологды, и ни в одной из них не нашлось пакета предложений по промышленным турам. Однако по результатам опроса компаний, занимающихся заказными автобусными перевозками, выяснилось, что они регулярно получают заявки по маршрутам промышленных объектов – в основном от учебных организаций. Таким образом, мы видим, что туроператоры в силу разных причин не предлагают промышленные маршруты потребителям, в то время как потребители сами ищут такие возможности.

По составу групп можно выделить туры для школьников и студентов; туры для смешанных групп; туры для профессионалов. Для подтверждения тезиса о востребованности промышленных туристических маршрутов нами был проведен опрос среди жителей г. Череповца. В обследовании участвовали школьники, студенты, люди от 26 до 45 лет и старше 46 лет.

В результате проведения опроса были получены следующие данные: большая доля респондентов (72%) собирается отправиться в туристическую поездку в ближайший год; 32% опрошиваемых предпочитает отдыхать за рубежом, 29% в России; 45% респондентов получают чаще всего информацию о туристических продуктах из интернета, 32% от знакомых, 15% по радио; для 36% опрошиваемых наиболее важным фактором, влияющим на выбор тура, является цена, для 30% – качество предоставляемых услуг, для 29% – наличие достопримечательностей; большинству респондентов (93%) интересны обзорные экскурсии; 53% хотят посетить экскурсии на предприятия, 34% хотели бы посетить определенные промышленные объекты; большинству опрошиваемых (40%) были бы интересны экскурсии на предприятия различных отраслей промышленности, 33% респондентов предпочитают посетить предприятия пищевой промышленности, 16% – предприятия тяжелой промышленности. Для 36% респондентов наибольший интерес представляют уникальность и особенности производственного процесса, для 28% важным является возможность участия в дегустациях. Для 64% опрошиваемых наиболее приемлемой является цена на промышленный тур – от 10 до 13 тысяч рублей. 79% респондентов считают, что у Вологодской области есть большой потенциал для развития промышленного туризма.

Пример промышленного тура по предприятиям Вологодской области

На начальном этапе развития промышленного туризма в Вологодской области туры могут быть ориентированы на школьников. Во-первых, учащихся достаточно просто организовать, во-вторых, делаясь своими впечатлениями с родителями, школьники будут разрушать стереотип «закрытого производства» и тем самым способствовать появлению спроса на экскурсии для смешанных групп.

Таким образом, разработка нового промышленного тура (маршрута) является перспективным инновационным направлением на туристском рынке Вологодской области по трем основным причинам: область имеет все необходимые для этого ресурсы; население области положительно оценивает данное направление; на туристском рынке России, на данный момент отсутствуют предложения промышленных туров в Вологодской области, т. е. рынки промышленного туризма характеризуются нулевой конкуренцией.

В качестве конкретного практического примера рассмотрим перечень предприятий, которые можно включить в промышленный тур по Вологодской области. В рамках данного тура предполагается посещение следующих промышленных объектов:

1. Вологодский завод строительных конструкций и дорожных машин.
2. Вологодская кондитерская фабрика.
3. Вологодский пивоваренный завод.
4. Вологодский оптико-механический завод, который входит в состав холдинга государственной корпорации «Ростех».
5. Шекснинский маслозавод.
6. Шекснинский льнозавод.
7. Птицефабрика «Шекснинский бройлер».
8. АО «Апатит».
9. Центр металлургической промышленности.
10. Череповецкая спичечная фабрика «ФЭСКО». Фабрика оснащена современным оборудованием, выпускает различные виды спичек, которые пользуются спросом.

Все предложенные предприятия имеют хорошую транспортную доступность, предлагаемые к посещению населенные пункты расположены на расстоянии 50–60 км друг от друга. Тур может быть проведен в течение двух-трех дней, с остановкой на ночь в г. Череповце и г. Вологде.

Авторы рассчитывают, что приведенный в качестве примера перечень объектов и рекомендации по организации туров будут интересны не только туроператорам, но и представителям производственных компаний, поскольку промышленный туризм открывает широкие возможности для рекламы их продукции, брендинга и продвижения торговой марки.

Библиографический список

1. Акимова М.А., Рубан Д.А. Экстремальный туризм: совершенствование классификации // Географический вестник. 2016. № 1. С. 95-103.
2. Гарнов А.П., Краснобаева О.В. Актуальность системного формирования отечественного промышленного туризма // Вестник Российского экономического университета им.Г.В. Плеханова. 2012. № 2. С. 60-63.
3. Косякова А.А. Перспективы развития промышленного туризма в России // Научная мысль. 2016. № 1. С. 56-59.

Информация об авторах

Усова Анна Вадимовна (Россия, Череповец) – кандидат психологических наук, доцент кафедры экономики Бизнес-школы (институт), ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», (162602, г. Череповец, ул. Советский проспект, 10; annvadim75@yandex.ru);

Ковшикова Галина Александровна (Россия, Череповец) – доцент кафедры экономики Бизнес-школы (институт), ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», (162602, г. Череповец, ул. Советский проспект, 10; annvadim75@yandex.ru)

Usova A.V., Kovshikova G.A.

INDUSTRIAL TOURISM OF VOLOGDA REGION

Abstract. *Industrial tourism is a promising direction of development of the tourism industry. The article analyzes the concept of "industrial tourism", authors made the list of enterprises that can be included in the industry tour on the example of the Vologda region, recommendations for production companies on the organization of industrial tourism in enterprises are given.*

Key words: *Industrial tourism, organization of production tours, production processes, organizational and technical aspects of the tour.*

References

1. Akimova M.A., Ruban D.A. Ekhstremal'nyj turizm: sovershenstvovanie klassifikacii // Geograficheskijvestnik. 2016. № 1. S. 95-103.
2. Garnov A.P., Krasnobaeva O.V. Aktual'nost' sistemnogo formirovaniya otechestvennogo promyshlennogo turizma // Vestnik Rossijskogo ehkonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. 2012. № 2. S. 60-63.
3. Kosyakova A.A. Perspektivy razvitiya promyshlennogo turizma v Rossii // Nauchnayamysl'. 2016. № 1. S. 56-59.

Information about the Authors

Anna V. Usova (Cherepovets, Russia) – Ph.D. in Psychology, Cherepovets State University, Business School (10, Sovetskiy av., Cherepovets, Russian Federation; annvadim75@yandex.ru);

Galina A. Kovshikova (Cherepovets, Russia) – Ph.D. in Philology, Cherepovets State University, Business School (10, Sovetskiy av., Cherepovets, Russian Federation; annvadim75@yandex.ru)

УДК 316.422:332.145

Фомин М.В.

ПРОЕКТНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ПФТ) КАК ОБЪЕКТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЗФО

Аннотация. Рассмотрена роль Северо-Западного федерального округа как сложившегося макрорегиона в оптимизации территориального планирования и межрегионального управления, и формирования на его базе проектных федеральных территорий (ПФТ) как объектов устойчиво-безопасного пространственного развития.

Ключевые слова: *пространственное развитие, территориальное планирование, макрорегион, федеральный округ, полпредство, проектная федеральная территория (ПФТ), узел опережающего роста.*

Исходя из принципа «плавающих признаков» [1] – при выделении пространства конкретной макротерритории – ключевыми считаются разные критерии (признаки) или их сочетания. Отсюда макрорегион – это сумма общностей, например, природно-географических, транспортных etc, но основой выступает экологическая и социально-экономическая целостность. Соответственно, под термином «пространственное развитие» мы понимаем системно-структурный подход к масштабируемым территориальным задачам управления целостным развитием [2, с. 135].

18 лет назад – в мае 2000 года и в соответствии с Указом Президента России В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» – были созданы федеральные округа. Впервые за много лет открылась «принципиальная возможность – но только ещё возможность – придать пространственному планированию надлежащий масштаб и глубину» [3]. Собственно, в это время и появилась идея формирования сетки макрорегионов России на основе федеральных округов, обосновывающая задачи возобновления стратегического макрорегионального планирования (см., например, [3] или [4]).

Возможность активировать механизм пространственного развития на базе федеральных округов – как реально сложившихся макрорегионов – существует и поныне. Тем более что в настоящее время ведётся доработка и согласование проекта Стратегии пространственного развития Российской Федерации (далее – Стратегия) [5], т. к. предложенный к обсуждению первоначальный вариант «проекта» не выдержал общественной критики и был отвергнут как Федеральным Собранием, так и администрациями субъектов Федерации.

Согласно постановлению Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 «Стратегия должна определить приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации, а также меры по их достижению и решению. В составе Стратегии должны быть разработаны предложения о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил». На первой презентации Стратегии в январе 2017 г. представители рабочей группы сообщили, что приоритетно «формирование крупных пространственных структур – глобально конкурентоспособных макрорегионов» [6].

Но в результате в проекте Стратегии появилось механистическое разделение страны на 14 макрорегионов. Если «Северный Кавказ» и «Дальний Восток» ещё укладываются в сетку федеральных округов, то «нарезка» остальных 12 макрорегионов абсолютно не обоснована ни с точки зрения районирования, ни окружного деления. Например, Северо-Западный федеральный округ было предложено разделить на два макрорегиона – Северный (Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область и Ненецкий автономный округ) и Северо-Западный (Республика Карелия, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, г. Санкт-Петербург) [5].

Сразу отметим (даже без анализа предложенных Минэкономразвития для каждого субъекта «эффективных экономических специализаций») противоречивость как группировки разнородных типов территорий (согласно типологии проекта Стратегии), так и их географии.

Например, геостратегический эксклав – Калининградская область и Новгородская область или арктический Ненецкий АО и Вологодская область. Но в условиях федерального округа существует уникальная возможность масштабирования пространства – не только наложения сеток территориального планирования, экономической активности и пространственного развития, но и выделения на этой основе **проектных федеральных территорий** (ПФТ) как объектов развития. Вот как это выглядит применительно к Северо-Западу.

1. Формирование (вычленение) четырёх ПФТ:

1.1 ПФТ «**Балтика**» (Калининградская область). Основа – трансграничное экономическое сотрудничество. Базис – Свободный порт Калининград.

1.2 ПФТ «**Заполярье**» (Мурманская область и Ненецкий автономный округ). Особое географическое положение и специфика жизнедеятельности обязывают льготное хозяйствование, экономические профиты и преференции. Крайне перспективная задача – развитие инфраструктуры Северного морского пути.

1.3 ПФТ «**Северо-Запад**» (Ленинградская, Новгородская и Псковская области, г. Санкт-Петербург). Основа – развитие промышленно-экспортного форпоста России, использование культурно-исторического и туристического потенциала.

1.4 ПФТ «**Русский Север**» (Республики Карелия и Коми, Архангельская и Вологодская области). Создание кластера туристических территорий, развитие полюсов роста промышленности и агробизнеса, освоение сырьевых ресурсов при сохранении резерваций для заповедников.

2. Описание реального пространственного каркаса развития макрорегиона, включая выявление узлов опережающего роста, существенных в федеральном и глобальном экономическом контексте (в т. ч. «вторые» и «третьи» города субъектов ПФТ по правилу «ранг-людность»).

3. Планирование направлений перспективного развития этих узлов.

Основные отличия ПФТ от ТОР (территорий опережающего развития) – масштаб объекта пространственного развития и субъект действия – не корпорация развития, курирующая локальные (субъектовые) ТОР, но Полпредство – управляющая структура федерального округа [2].

Для этого необходимо переформатировать полпредства в центры субсидиарного управления соразмерными по масштабу, а также целостными (экологически, социально-экономически и т. д.) объектами пространственного развития внутри округов – ПФТ – с делегированными¹⁹ от федерального центра расширенными регулирующими полномочиями [7].

При таком едином подходе (на всей конкретной ПФТ или макрорегионе) возможны следующие единовременные обще территориальные профиты: синхронизация уровней взаимосвязанности планов развития ПФТ с макрорегиональным и федеральным

¹⁹ Прецедент уже есть – создание на территории Свободного порта Владивосток регионального финансового центра с особым банковским, налоговым и судебным режимом.

стратегическим развитием; согласование инвестиционных планов ПФТ с отраслевыми планами развития (транспортные оси, энергетика, автодороги и т. п.); экономия финансовых средств на госзакупках и оплате разработки планов развития инфраструктуры [2].

По мнению вице-преьера Д. Козака, только государственный муниципальный заказ составлял около 6–7 трлн руб. в 2016 и 2017 годах: «Эти ресурсы могли бы быть использованы гораздо более эффективно, если бы мы всё скоординировали с учётом того понимания, где и какая инфраструктура, какие перспективы развития имеет каждая территория» [8]. Аудит и координация позволят сэкономить не менее 10% – ежегодно порядка 600–700 млрд руб., которые могут и должны быть направлены на инфраструктуру.

Для улучшения управляемости, внедрения коллективной ответственности за системное решение экономического сотрудничества целесообразно создать управляющий совет в каждой из ПФТ и ввести должность секретаря совета (куратора) в ранге заместителя Полпреда соответствующего округа. Но должность главного менеджера ПФТ – должна быть конкурсной и срочной (не более двух сроков по 4-5 лет). Это может быть отражено в **федеральном законе**, который закрепит за полпредами права по управлению ПФТ и полномочия по дифференциации налогового, миграционного, таможенного и тарифного регулирования на территории округа [7].

Основная цель такой доктрины пространственного развития округа – макрорегиона – относительное выравнивание плотности и качества инфраструктурного каркаса и снижения уровня неравенства доступности публичных благ. Речь идёт не о реинкарнации Совнархозов, но формировании соразмерных объектов стратегического планирования и управления пространственным развитием, в которых силы общества, государства и бизнеса (см., например, [9, 10]) необходимо оптимально (селективно) объединить.

Библиографический список

1. Смирнягин Л.В. Районы США. М.: Мысль, 1989.
2. Фомин М.В. Проектные федеральные территории как объект пространственного развития // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов II Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. Изд-во ДВФУ, 2018. С. 134-138.
3. Россия. Пространственное развитие: докл. М.: Архитектура-С, 2004.
4. Стратегии макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации: коллективная монография / под ред. акад. А. Гранберга. М.: Наука, 2004.
5. Проект Стратегии пространственного развития РФ / Минэкономразвития России. 2018. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b/spr.pdf?MOD=AJPERES&CAC HEID=4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b>
6. Лория Е. Российские регионы хотят укрупнить // Известия. 20.01.2017.
7. Фомин М.В. Как и зачем реформировать федеральные округа // Ведомости. 2018. № 119.
8. Д. Козак: программы развития территорий регионов нужно разрабатывать в рамках федеральных // ТАСС. 2018. URL: <http://tass.ru/forumsochi2018/articles/4960958>
9. Фомин М.В. Устойчивое (не) развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 73-83.

10. Караваева С.В., Багинский С.М., Мельников А.А., Мизюркин Ю.А., Фомин М.В., Агеев А.И. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России // Экономические стратегии. 2011. Т. 13. № 5. С. 32-43.

Информация об авторе

Фомин Максим Витальевич (Россия, Москва) – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела геоурбанистики и пространственного развития, Институт социально-политических исследований РАН (119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; mvfomin@mail.ru)

Fomin M.V.

PROJECT FEDERAL TERRITORIES (PFT) AS AN OBJECT OF SPATIAL DEVELOPMENT OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The study is devoted to the role of federal districts as established macroregions is considered on the example of the Russian North-West. To optimize the territorial planning the project federal territories (PFT) are exarticulated within the federal districts – as objects of sustainable spatial development.*

Key words: *spatial development, territorial planning, macro-region, federal district, plenipotentiary representation, project federal territory (PFT), hub of advanced growth.*

References

1. Smirnyagin L. (1989). Raiony SShA [Regions of the United States]. Moskva, Mysl'. (In Russ.)
2. Fomin M. (2018^a). Proektnye federal'nye territorii (PFT) kak ob"ekty prostranstvennogo razvitiya [Project Federal Territories (PFT) as an Object of Spatial Development] / Migration processes and their influence on the socio-economic and demographic development of the Russian Far East. II International Research and Practical Conference. (pp. 134-138). Izd-vo DVFU. (In Russ.)
3. Rossiya. Prostranstvennoye razvitiye: Doklad. 2004 [Russia. Spatial Development: Report. 2004]. (2004). M.: Arkhitektura-S, 128. (In Russ.)
4. Strategii makroregionov Rossii: metodologicheskie podkhody, priority i puti realizatsii / Kollektivnaya monografiya / pod red. akad. A. Granberga [Strategies of Russian Macro-Regions: Methodological Approaches, Priorities and Ways of Implementation / Collective monograph / A. Granberg (ed.)]. (2004). M.: Nauka. (In Russ.)
5. Proekt Strategii prostranstvennogo razvitiya RF / Mine`konomrazvitiya Rossii [Draft Spatial Development Strategy of the Russian Federation/ The Ministry of Economic Development]. (2018). URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b/spr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b> (In Russ.)
6. Loriya, E. (2017). Rossiiskie regiony khotyat ukрупnit'. [Russian Regions Want to Expand] // Izvestiya, 20 January. (In Russ.)
7. Fomin, M. (2018^b). Kak reformirovat' federal'nye okruga [How to Reform the Federal Districts] // Vedomosti, 119. (In Russ.)
8. Kozak: programmy` razvitiya territorij regionov nuzhno razrabaty`vat` v ramkax federal`ny`x [Kozak: The programme of regions territories development need to be developed in the

framework of the federal] (2018) // TASS.ru URL: <http://tass.ru/forumsochi2018/articles/4960958> (in Russ.)

9. Fomin M. (2016) Ustoichivoe (ne)razvitie [Sustainable (un)Development] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 60 (5), 73–83. (in Russ.)

10. Karavaeva S., Baginsky S., Melnikov A., Mizyurkin Y., Fomin M., Ageev A. (2011). Vikhri global'nykh riskov i strategiya razvitiya Rossii [Vortices of Global Risks and Strategy of Russia's Development] // Ekonomicheskie strategii, 5, 32-43. (in Russ.)

Information about the Author

Maxim V. Fomin (Moscow, Russia) – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher of the Department of Geourbanistics and Spatial Development, The Institute for Socio-Political Studies of RAS (6/1, Fotievoy str., Moscow, 119333, Russian Federation; mvfomin@mail.ru)

УДК 347.91

Хацук Ж.В.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ К ВТО

Аннотация. В статье анализируются основные преимущества торговой системы Всемирной Торговой Организации (ВТО) для граждан, экономик различных стран в целом, в том числе и для Республики Беларусь. Особое внимание автор уделил исследованию вопроса давно планируемого грядущего вступления Республики Беларусь в ВТО, а также анализу преимуществ и некоторых проблем такого присоединения.

Ключевые слова: Всемирная Торговая Организация, международная торговля, переговоры, межгосударственный механизм, преимущества.

В настоящее время активно обсуждается вопрос вступления Республики Беларусь в ВТО, на ближайшие пару лет намечена реализация финальной стадии переговоров по вступлению нашей страны в данную организацию. Вступив в ВТО, Республики Беларусь станет полноправным участником международных экономических отношений, и у нее появится возможность дальнейшего укрепления позиций в мировом сообществе. Данное присоединение является закономерным, поступательным и неизбежным процессом. Вопрос о вступлении – это не просто вопрос о присоединении к очередной международной организации, это вопрос о выборе стратегического пути развития государства на долгие годы.

Процесс вступления любой страны в ВТО весьма сложен и связан с модернизацией международных отношений. Важнейшими стимулами членства в ВТО для нашей страны, находящейся на важном европейском перекрестке, является получение необходимого инструментария для защиты и продвижения своих интересов в рамках системы международной торговли; обеспечение стабильности и предсказуемости в развитии торговых отношений со 157 странами-членами ВТО; возможность пользоваться правами, которыми наделяются её члены, в том числе против необоснованного применения антидемпинговых мер. Сегодня экспорт Беларуси несет значительные потери в результате применения ограничительных, а иногда и дискриминационных мер нашими торговыми партнерами (ЕС,

США, Украиной, Литвой, Польшей, Турцией и т. д.) в отношении белорусских товаров. Такое положение является серьезным сдерживающим фактором в развитии экспортного потенциала Республики Беларусь. Единственным реально действующим правовым механизмом по борьбе с такого рода дискриминацией была и остается ВТО. Республика Беларусь получит также доступ к системе разрешения споров в рамках этой организации, основанной на равноправии всех её членов. Особо важно и то, что повысится инвестиционная привлекательность как неотъемлемой части мировой экономической системы. Кроме того, сложилась парадоксальная ситуация: Российская Федерация и Казахстан – страны-партнеры Республики Беларусь по Таможенному союзу – уже имеют статус членов ВТО, однако Республика Беларусь останется за пределами этой организации. Но при этом имея практически прозрачную границу с Россией, Беларусь фактически оказалась «на территории ВТО», не имея при этом никаких прав участника данной организации.

Следует также отметить, что пакет соглашений ВТО представляет собой своего рода коллективный договор между 164 странами. Следовательно, ВТО в случае присоединения к ней страны заменяет для нее тысячи двусторонних соглашений в торгово-экономической области [3, с. 140].

Одна из проблем белорусских предприятий – проблема нехватки различных комплектующих и сырья. Мы вынуждены закупать дорогостоящие комплектующие у других стран. Вступление же Беларуси в ВТО откроет предприятиям доступ к более дешевым импортным комплектующим и сырью, а населению к более дешевым товарам и услугам (в том числе и финансовым). Ещё одним преимуществом от вступления в ВТО для Беларуси является уменьшение таможенных тарифов. Это уменьшение в свою очередь приведет к снижению общего уровня цен, открывая доступ к более дешевым товарам. Доступ будет обеспечен в первую очередь к тем товарам, которые не производит белорусская промышленность и сельское хозяйство или производит в недостаточных объемах. Все это, в конечном счете, будет способствовать повышению уровня жизни населения.

Еще одним важным преимуществом для Республики Беларусь в случае вступления в ВТО будет возможность принятия участия в выработке новых правил международной торговли с учетом её текущих и стратегических интересов. Также представится возможность интегрировать в общее правовое пространство, будет гарантирована защита национальных экономических интересов на внешних рынках на основе международно-признанных прав.

Участие в ВТО предполагает стабильность и транспарентность законодательства, что является одним из предпосылок формирования инвестиционного климата. Вступление в ВТО может послужить мощным стимулом для притока прямых иностранных инвестиций, так как страну начнут воспринимать соответствующим образом [1, с. 246].

Таким образом, сделаем выводы о положительных моментах вступления в ВТО:

- облегченный доступ к мировым рынкам товаров, услуг, капиталов;
- защита национальных экономических интересов на внешних рынках на основе международных прав;
- возможность отстаивать национальные интересы благодаря применению многосторонних механизмов справедливого решения торговых споров, действующих в рамках ВТО;

- снижение коммерческих рисков за счет установления более стабильного режима торговли;
- сокращение транспортных затрат вследствие гарантирования свободы транзита товаров по территории стран-членов ВТО, что будет содействовать снижению себестоимости белорусской продукции и, соответственно, повышению конкурентоспособности товаров;
- уменьшение потерь от дискриминационных мероприятий в рамках антидемпинговых расследований;
- снижение торговых барьеров, которое будет способствовать удешевлению объемов сырья и расширению рынков сбыта для белорусских товаропроизводителей, что может обеспечить дополнительный прирост объемов производства;
- улучшение инвестиционного климата и конкурентной среды, активизирующее инвестиционную деятельность;
- защита товаропроизводителей (в первую очередь химической продукции) в ходе антидемпинговых расследований в соответствии с правилами ВТО;
- возможность получения от договаривающихся сторон ГАТТ определенных льгот, которые предусматриваются в ряде статей Генерального соглашения по тарифам и торговле;
- использование ВТО в качестве средства продвижения своих торгово-экономических интересов путем эффективного участия в многосторонних торговых переговорах в рамках ВТО;
- уменьшение вероятности частых изменений в торговой политике Беларуси и, как следствие, более благоприятные условия для инвестиционной деятельности.

Рассмотрев положительные моменты от присоединения к ВТО, необходимо обратить внимание на ряд последствий, которые могут негативно отразиться на экономике Беларуси. Во-первых, дальнейшая либерализация торговли постепенно усилит влияние мировой конъюнктуры на экономику Республики Беларусь, обусловит повышение экономических рисков в период глобального финансового кризиса. Во-вторых, обострятся внутренние экономические проблемы в результате снятия барьеров торговли и отказа от использования традиционных рычагов экономической политики, а именно: возможности применять льготы к налогообложению, пошлине и другим платежам; списывать задолженность предприятий перед государством; использовать государственные закупки в качестве инструмента стимулирования отечественного производства; контролировать и регулировать финансовые потоки; предъявлять иностранным инвесторам требования по поводу источников приобретения ими комплектующих и направлений сбыта товаров.

Ещё одним отрицательным аспектом для Беларуси является то обстоятельство, что ликвидация разрыва между внутренними и мировыми ценами на энергоносители обусловит их удорожание для Беларуси, что может отрицательно сказаться на способности белорусских производителей адаптироваться к возрастающей внешней конкуренции. Успешное использование существующих в ВТО механизмов многостороннего урегулирования споров может сдерживаться отсутствием в различных сферах экономики надлежащего количества

хорошо подготовленных, опытных специалистов в области международного торгового права. При наличии дефицита таких специалистов Беларуси будет непросто воспользоваться преимуществами членства в ВТО. Необходимо также отметить, что участие в ВТО приведет к росту расходной части государственного бюджета [2, с. 126].

Таким образом, в настоящее время властям Беларуси необходимо просчитать все возможности, риски и угрозы, которые сулит вступление страны в ВТО, и действовать исходя из расчётов. Но самое главное, ключевые для экономики предприятия должны пройти подготовительный период, для того чтобы перестроиться под требования, которые выдвигает организация.

Библиографический список

1. Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс: учебник. М.: ВолтерсКлувер, 2004. 496 с.
2. Дорц Е.А. Сценарии вступления Республики Беларусь в ВТО // Труды молодых специалистов Полоцкого гос. ун-та. 2010. Вып. 38. С. 124-126.
3. Пухова Н.П. Присоединение Республики Беларусь к ВТО как фактор формирования рыночного механизма хозяйствования и интеграции // Труды молодых специалистов ПГУ. 2008. С. 140.

Информация об авторе

Хацук Жанна Васильевна (Республика Беларусь, Гродно) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы» (230023, Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22; janna_hacuk@inbox.ru)

Hatsuk Zh.V.

POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF THE ACCESSION OF THE REPUBLIC OF BELARUS TO THE WTO

Abstract. *The article analyzes the main advantages of the World Trade Organization (WTO) trading system for citizens, economies of various countries as a whole, including for the Republic of Belarus. The author paid special attention to studying the issue of the long-planned future accession of the Republic of Belarus to the WTO, as well as analyzing the advantages and some problems of such accession.*

Key words: *World Trade Organization, international trade, negotiations, interstate mechanism, advantages.*

References

1. Velyaminov G.M. International economic law and process: a textbook. M.: VoltersKlover, 2004. 496 p.
2. Dorts E.A. Scenarios for Belarus joining the WTO // Works of young specialists of the Polotsk State. un-that. 2010. Vol. 38. P. 124-126.
3. Pukhova N.P. Accession of the Republic of Belarus to the WTO as a factor in the formation of a market mechanism for economic management and integration // Works of Young Specialists of PSU. 2008. P. 140.

Information about the Author

Zhanna V. Hatsuk (Grodno, Republic of Belarus) – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Law, EI “Grodno State University named after Y. Kupala” (22, Ozheshko str., Grodno, 230023, Republic of Belarus; janna_hacuk@inbox.ru)

УДК 331.5

Шнейдерман И.М., Гришанов В.И., Гузанова А.К., Ноздрин Н.Н. ПРОБЛЕМА СОКРАЩЕНИЯ ВЕТХОГО И АВАРИЙНОГО ЖИЛЬЯ В РОССИИ

Аннотация. Выявлены негативные тенденции увеличения объемов аварийного и ветхого жилья. Проанализированы федеральные программы по переселению населения из аварийного жилья. Сделан прогноз численности населения, проживающего в аварийном жилье. Проработаны сценарии решения проблемы с аварийным жильем.

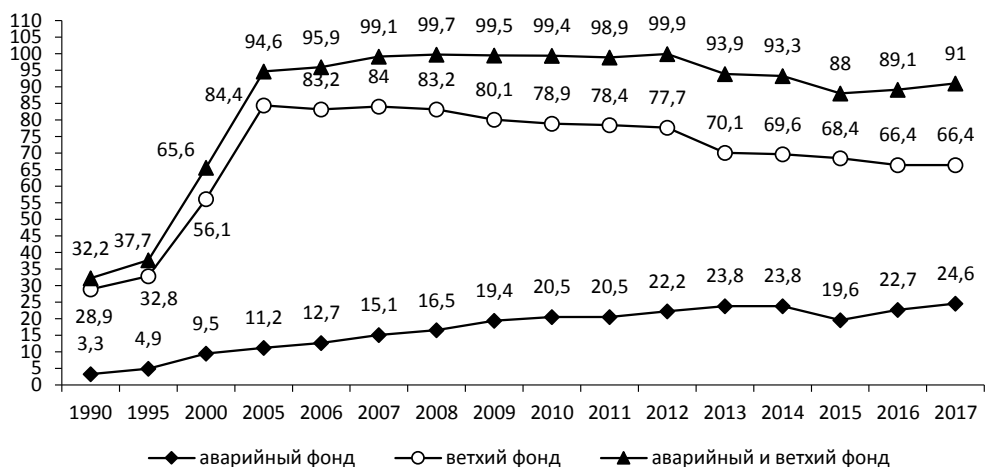
Ключевые слова: динамика показателей аварийного и ветхого жилья, численность населения, проживающего в аварийном жилье, программы по переселению из аварийного жилья, сценарии и прогнозы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-02-00530-ОГН (проект «Направления совершенствования системы расселения в целях повышения качества жизни населения»).

Жилье, отвечающее высоким стандартам, благоприятная жилая среда являются неотъемлемыми составляющими современного образа жизни, качества человеческого капитала, залогом роста демографических показателей и социальной стабильности.

Среди многочисленных проблем в жилищной сфере особо острой является высокая степень изношенности жилищного фонда. Из-за кризисного спада в строительстве нового жилья площадь ветхих и аварийных жилищ в стране не снижается, что вызывает необходимость реструктуризации жилищной политики в целях преодоления возрастающей дифференциации жилищных условий различных групп населения.

Обращение к статистическим данным позволяет объективно оценить масштабы ветхости и аварийности жилья в России как в динамике, так и на современном этапе развития. Так, начиная с середины 1990-х годов объемы ветхого и аварийного жилья росли стремительными темпами и достигли в середине 2000-х годов весьма ощутимых размеров (*рис.*).

Ветхий и аварийный жилищный фонд в 1990–2017 гг., на конец года, общая площадь жилых помещений, млн кв. м

Были приняты федеральные целевые программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилья. Закон о расселении, действующий с 2010 года, позволяет гражданам России, чье жилье признано ветхим или аварийным, претендовать на переезд в новые квартиры. В 2007 г. Президентом РФ был подписан Федеральный закон «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». Закон установил правовые и организационные основы предоставления финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям на проведение капитального ремонта многоквартирных домов и переселение граждан из аварийного жилищного фонда путем создания государственной корпорации – Фонда содействия реформированию ЖКХ.

Наиболее масштабной являлась программа переселения граждан из аварийного жилищного фонда в 2013–2017 годах. Общая площадь аварийного жилищного фонда, расселение которого было необходимо осуществить в целях выполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг», составляла 11,4 млн кв. м, из них с участием средств Фонда подлежало расселению 10,09 млн кв. м. Общий объем финансирования данных программ из средств Фонда на 2013–2017 годы составлял 183,4 млрд рублей. Программа эта была успешно выполнена (на 98%).

Проанализируем показатели аварийного и ветхого жилья в эти годы (2013–2017 гг.). Темпы роста аварийного фонда заметно замедлились. Был расселен весьма большой объем (половина) аварийного фонда. Однако он пополнялся «новым» аварийным жильем (в России ежегодно аварийным признается порядка 2 млн кв. метров жилья). И такого жилья оказывается больше, чем расселенного. Стремительный рост аварийного фонда был заморожен, но он не уменьшился, а несколько увеличился с 22,2 млн кв. метров в 2012 году до 24,6 млн кв. метров в 2017 году.

Налицо тенденция сокращения ветхого фонда (77,7 млн кв. метров в 2012 году против 66,4 млн кв. метров в 2017 году), во многом обусловленная переходом его в аварийное состояние. Вместе с тем, видимо, положительную роль стали играть механизмы, связанные с улучшением положения с капитальным ремонтом зданий.

Какова же ситуация сегодня, и что делать дальше? По данным Росстата, на начало 2018 года на аварийное и ветхое жилье приходилось 91,0 млн кв. м, в том числе на аварийное 24,6 млн кв. м и на ветхое 66,4 млн кв. м. В процентах ко всему жилищному фонду это составило соответственно 2,5% (ветхого жилья 1,8% и аварийного – 0,7%). По нашим расчетам, население проживает в таком жилье довольно стесненно (15,7 кв. м против 24 кв. м на человека в среднем по России). В 2018 году в аварийном жилье вынуждены были жить 1,6 млн человек и в ветхом – 4,2 млн человек. В общей сложности 5,8 млн человек. По отношению к общей численности российского населения это составляет 1% и 2,9% соответственно и 3,9% – в общей сложности.

По нашим оценкам, доля ветхого и аварийного жилья в стране фактически как минимум вдвое выше по сравнению с данными официальной статистики, если принять во внимание значительную часть жилья, находящегося в ветхом или аварийном состоянии в сельских поселениях, в поселках городского типа, в малых городах и в некоторых средних и даже крупных российских городах (имеется в виду так называемый «частный жилой сектор» – то есть индивидуальные дома, построенные 50 и более лет тому назад; все это не попадает в официальную статистику). Таким образом, наша оценка для существующего предельно допустимого (критического) значения этого показателя для РФ – 6%.

Что касается прогнозов на будущее, то во многом они зависят от жилищной политики. На реализацию национального проекта «Жилье и городская среда» до 2024 года, принятого в 2018 году, планируется выделить 944,2 млрд рублей, в том числе на расселение аварийного жилья – 310,9 млрд рублей. Из них 91 млрд рублей – региональные. Размер внебюджетных источников будет совсем небольшим – 7,3 млрд рублей, или 2,3% от общего объема финансирования.

По оценке Минстроя РФ, на 1 января 2018 года площадь аварийного жилья в России составила 12,2 млн кв. м, в нем проживают 748,5 тыс. человек. С 2019 по 2024 годы необходимо расселить не менее 371,5 тыс. человек, живущих в аварийных домах общей площадью 7,5 млн кв. м. Заметим, что сами цифры по аварийному жилью в 2 раза ниже статистики Росстата. И за 6 лет предполагают расселить жилья на четверть меньше, чем было в пятилетней программе 2013–2017 гг.

Нами были сделаны качественные прогнозы на 2024 год размеров аварийного и ветхого жилищного фондов на основе анализа тенденций последних лет и возможных вариантов жилищной политики. Были также даны оценки численностей населения, имеющего непригодные для проживания жилищные условия.

Прорабатывалось несколько сценариев развития ситуации с 2018 по 2024 г. *Первый сценарий (благоприятный)*. Жилищная политика будет как в 2013–2017 гг.: в реализацию программ переселения из аварийного жилья будет вкладываться достаточно много средств, позволяющих переселить из него значительную часть жильцов. При этом аварийный фонд будет несколько увеличиваться, а ветхий фонд уменьшаться (с тенденциями 2013–2017 гг.). Тогда в 2024 г. размеры аварийного фонда составят 28 млн кв. метров, а ветхого – 59 млн кв. метров. В таком жилье будут проживать 5,5 млн человек, или 3,7% всего российского населения.

Второй сценарий (реалистичный). Бюджетных средств и эффективных программ будет мало. По прогнозу Фонда содействия реформированию ЖКХ, к 2024 году общая площадь аварийного жилья составит 42 млн кв. м, а ветхого фонда, по нашим предположениям, как и в

первом сценарии, – 59 млн кв. метров. В таком жилье придется жить 6,4 млн россиян, или 4,4% всего населения РФ.

В таблице ниже приводятся наши расчеты.

Прогноз размеров и численности населения, проживающего в аварийном и ветхом жилищном фонде

Показатели	2018			2024, Благоприятный сценарий			2024, Реалистичный сценарий		
	Аварийный жилищный фонд	Ветхий жилищный фонд	Аварийный и ветхий жилищный фонд	Аварийный жилищный фонд	Ветхий жилищный фонд	Аварийный и ветхий жилищный фонд	Аварийный жилищный фонд	Ветхий жилищный фонд	Аварийный и ветхий жилищный фонд
Общая площадь, млн кв. м	24,6	66,4	91	28	59	87	42	59	101
Количество проживающих, тыс. чел.	1445,9	4229,3	5675,2	1783,4	3758	5541,4	2675,1	3758	6433,1
Доля населения в общей численности населения РФ, %	1	2,9	3,9	1,2	2,6	3,7	1,8	2,6	4,4

Для снижения доли ветхого и аварийного жилья в общем объеме жилищного фонда и, соответственно, снижения доли населения, проживающего в таком жилье, необходимо значительно интенсифицировать реализацию федеральных и региональных программ расселения из аварийного и части ветхого жилфонда, а также капитального ремонта той части ветхого жилья, где это технологически возможно и экономически эффективно.

Информация об авторах

Шнейдерман Инна Михайловна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; schneiderman@isesp-ras.ru);

Гришанов Владимир Ильич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; v_grishanov@mail.ru);

Гузанова Алла Константиновна (Россия, Москва) – старший научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; alla.guzanova@mail.ru);

Ноздрин Надежда Николаевна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социально-экономических проблем жилищного и имущественного обеспечения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; nnozdrin@yandex.ru)

Schneiderman I.M., Grishanov V.I., Guzanova A.K., Nozdrina N.N.
THE PROBLEM OF REDUCTION OF SLUM AND DILAPIDATED
HOUSING STOCK IN RUSSIA

Abstract. *Negative tendencies of increase in volumes of slum and dilapidated housing stock are revealed. Federal programs on resettlement of the population from dilapidated housing are analyzed. The forecast of the population living in dilapidated housing is made. Scenarios for solving the problem of dilapidated housing have been worked out.*

Key words: *dynamics of indicators of emergency and dilapidated housing, the population living in dilapidated housing, programs for resettlement from dilapidated housing, scenarios and forecasts.*

Information about the Authors

Inna M. Schneiderman – Ph.D. in Economics, Head of Department of socio-economic issues of housing and property provision, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii av., Moscow, 112218, Russian Federation; schneiderman@isesp-ras.ru);

Vladimir I. Grishanov – Ph.D. in Economics, Leading researcher, Department of socio-economic issues of housing and property provision, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii av., Moscow, 112218, Russian Federation; v_grishanov@mail.ru);

Alla K. Guzanova – Senior Researcher, Department of socio-economic issues of housing and property provision, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii av., Moscow, 112218, Russian Federation; alla.guzanova@mail.ru);

Nadezhda N. Nozdrina – Ph.D. in Economics, Leading researcher, Department of socio-economic issues of housing and property provision, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii av., Moscow, 112218, Russian Federation; nnozdz@yandex.ru)

УДК 338.1 / ББК 65

Щербина Н.М.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Аннотация. На современном этапе развития Республика Беларусь и Республика Армения столкнулись с рядом социально-экономических проблем, нерешенность которых является серьезным препятствием для устойчивого развития обеих стран. В статье рассмотрены социальные и демографические риски, которые имеют серьезные негативные последствия для экономического роста и усиливают экономические угрозы устойчивому развитию.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономические угрозы, региональная дифференциация, социальные риски, демографические риски.

Обеспечение устойчивого развития как для Республики Беларусь, так и для Республики Армения связано с противодействием угрозам и вызовам, большинство из которых сформированы в результате нерешенных внутренних проблем социально-экономического, политико-правового, этнического, экологического и иного характера. Несмотря на различия в тенденциях социально-экономического развития, национальную специфику экономических моделей, в Беларуси и Армении существуют схожие проблемы, ставящие под угрозу устойчивое развитие обеих стран.

Важнейшей особенностью развития как Республики Беларусь, так и Республики Армения является усиление социально-экономической дифференциации регионов, имеющей своим следствием возрастающее неравенство качества жизни населения, проживающего в разных регионах. Рост регионального неравенства, равно как и его консервация, способны вызвать серьезную социальную напряженность, в том числе рост стихийных процессов в сфере трудовой миграции, состоянии занятости, распределении доходов.

Среди наиболее опасных вызовов устойчивому развитию следует рассматривать такие негативные последствия региональной дифференциации, как усиление депопуляции отдельных регионов за счет естественной убыли населения и миграции. Высокий уровень смертности и низкая ожидаемая продолжительность жизни в регионах приводит к старению населения и критической депопуляции отдельных территорий. Дифференциация уровня социально-экономического развития регионов влечет за собой отток качественной рабочей силы из «слабых» регионов, что существенно деформирует воспроизводственную структуру занятого населения. Негативным трендом является также экономическая стагнация периферийных регионов за счет сокращения числа перспективных зон роста и ухудшения институциональных условий, способных обеспечить устойчивое экономическое развитие. Существенным вызовом устойчивому развитию может стать и поляризация социально-экономического пространства по принципу «сильный центр – слабая периферия».

Региональная дифференциация влечет за собой целый комплекс негативных последствий для устойчивого развития Республики Беларусь и Республики Армения. Высокий уровень региональной дифференциации ведет к нарастанию диспропорций в структуре национальной экономики, затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований, увеличивает демографические и социальные риски.

На современном этапе развития Беларуси и Армении социальные и демографические риски перешли в разряд серьезных угроз устойчивому развитию. К общим проблемам демографического и социального развития Республики Беларусь и Республики Армения относятся:

- низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий уровень простого воспроизводства;
- трансформация структуры населения в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп;
- низкая по сравнению с европейскими странами ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- системные проблемы на рынке труда (высокий уровень безработицы в Армении и низкоэффективная занятость в Беларуси);
- негативные тенденции в миграционном движении населения;
- рост уровня малообеспеченности населения.

Перечисленные выше проблемы не сформировались одномоментно. Некоторые из них имеют характер устойчивого тренда (низкий уровень рождаемости и трансформация структуры населения), отдельные проблемы стали результатом стагнации и отсутствия структурных реформ в экономиках Беларуси и Армении (проблемы на рынке труда и, как следствие, рост уровня малообеспеченности и миграционного оттока среди населения). Сохранение негативных тенденций в социальном и демографическом развитии усиливают экономические угрозы и являются серьезным препятствием для устойчивого развития обеих стран.

Информация об авторе

Щербина Наталья Михайловна (Республика Беларусь, Минск) – заведующий сектором социально-демографической политики, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2)

Shcherbina N.M.

ECONOMIC THREATS TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE REPUBLIC OF ARMENIA

Abstract. *At the present the Republic of Belarus and the Republic of Armenia are faced with a number of socio-economic problems and economic threats to the sustainable development of both countries. The article deals with social and demographic risks that have serious negative consequences for economic growth and sustainable development.*

Key words: *sustainable development, economic threats, regional differentiation, social risks, demographic risks.*

Information about the Author

Natalia M. Scherbina (Minsk, Belarus) – Head of Sector social and demographic policy, the Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganova str., 1, Build 2, Minsk, Belarus)

УДК 3332.1 / ББК 65

Яшалова Н.Н.

ТЕРРИТОРИЯ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОН

Аннотация. Проблема привлечения инвестиций стоит не только на национальном уровне, но и на уровне каждого субъекта Российской Федерации. В статье рассматривается один из новых инструментов стимулирования инвестиционной активности на региональном уровне – территория опережающего социально-экономического развития.

Ключевые слова: регион, Вологодская область, территория опережающего развития, инвестиции, механизмы стимулирования.

В последнее десятилетие в научных исследованиях особое внимание уделяется проблематике моногородов. В таких городах очевидна зависимость уровня жизни населения от стабильной деятельности градообразующих предприятий. Согласно официальным данным

Росстата, в монопрофильных муниципальных поселениях, которых на 2018 г. насчитывается 319 ед., проживает порядка 14 млн россиян, т. е. каждый десятый житель страны. Очевидно, что все риски, связанные с деятельностью хозяйствующего субъекта, прямым и косвенным образом перекадываются на жителей моногородов, что приводит к неустойчивому развитию таких территорий. Для решения круга проблем в моногородах в 2014 г. Государственной Думой принят федеральный закон № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». В субъектах страны стали создаваться условия для устойчивого развития монопрофильных муниципальных образований за счет создания в них территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Основная цель такой территории направлена на выход муниципального образования из монозависимости, привлечение в экономику дополнительного объема инвестиций, создание новых рабочих мест, формирование новой комфортной городской среды. В качестве инструментов стимулирования для активизации предпринимательской и иной деятельности резидентам ТОСЭР предлагаются масштабные долговременные инвестиционные льготы [5].

В настоящее время создание ТОСЭР, согласно российскому законодательству, возможно на территориях Дальнего Востока, закрытых административно-территориальных образований, монопрофильных муниципальных образований. Учитывая, что каждый четвертый город в Российской Федерации является моногородом, рассмотрим преимущества и возможности создания ТОСЭР на таких территориях, а также обозначим проблемы, с которыми столкнулись муниципальные власти при получении и внедрении статуса территорий опережающего развития.

По данным Фонда развития моногородов, на 1 декабря 2018 г. в монопрофильных муниципальных образованиях России создано 63 ТОСЭР. До конца 2019 г. эта цифра должна увеличиться на 15 ед. Число ТОСЭР в субъектах федерации разное. Например, в Иркутской области статус ТОСЭР получили города Саянск, Черемхово, Усолье-Сибирское; в республике Татарстан – Зеленодольск, Набережные Челны, Нижнекамск, Чистополь. Основные выгоды для резидентов (инвесторов) территорий опережающего развития в моногородах связаны с налоговыми льготами; финансированием строительства инфраструктуры за счет бюджетных средств; административными и таможенными преференциями.

На территории Вологодской области выделяют четыре монопрофильных муниципальных образования: г. Череповец, г. Сокол, г. Красавино, пос. Сазоново. Каждый четвертый житель региона проживает в одном из обозначенных населенных пунктов. Постановлением Правительства Российской Федерации на территории г. Череповца 07.08.2017 г. утверждено создание территории опережающего социально-экономического развития «Череповец». По данным Министерства экономического развития России, на 1 декабря 2018 г. резидентами ТОСЭР «Череповец» уже являются 6 хозяйствующих субъектов, которые в настоящее время создают на территории города 573 новых рабочих места. Объем капитальных вложений этих организаций составит 5,6 млрд руб.

Анализ литературных источников [1-5] позволяет обозначить преимущества и возможности ТОСЭР на территориях Российской Федерации: экономия до половины инвестиционного бюджета (при сравнении с запуском бизнеса на любой другой территории); открытость для приема новых предприятий-резидентов ТОСЭР при соблюдении ряда обязательных требований; ТОСЭР могут стать центрами внедрения наукоемких технологий, в частности экологических инноваций, и их распространения.

Однако, как любой новый недостаточно апробированный инструмент, у ТОСЭР можно выделить и ряд ключевых проблем [1-5]: сложность получения статуса резидента, т. к. требуется детальный бизнес-план с указанием всех требований представителей власти; низкая наполняемость территорий опережающего развития; риски обеспечения заявленного количества рабочих мест; измерение результативности мер поддержки ТОСЭР; создаваемые производства вместо других видов деятельности начинают масштабировать существующий бизнес за счет концентрации на ТОСЭР отдельных разрозненных проектов; отсутствие высокотехнологичных производств; отсутствие жестких требований к экологичности производства.

Таким образом, у территорий опережающего социально-экономического развития при решении обозначенных проблем имеются хорошие шансы для привлечения инвестиций в субъекты Российской Федерации, что будет способствовать укреплению в них устойчивого развития.

Библиографический список

1. Алексеев П.В. Об условиях успешного создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке России // Экономические науки. 2018. № 4. С. 99-102.
2. Бодрунов С.Д. Территории опережающего развития – важнейшее условие экономического роста России // Управленец. 2018. Т. 9. № 1. С. 2-7.
3. Дьяков М.Ю. Территории опережающего развития как инструмент рационального использования природного капитала // Сибирская финансовая школа. 2017. № 2. С. 20-24.
4. Смирнов М.А. Территории опережающего развития: высокие риски и необходимость отраслевой государственной политики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 16. С. 58-68.
5. Яшалова Н.Н. Территория опережающего социально-экономического развития как инструмент воздействия на устойчивое развитие муниципальных образований // Современные тренды экологически устойчивого развития: материалы международной научной конференции, посвященной памяти академика Т.С. Хачатурова. 2018. С. 198-199.

Информация об авторе

Яшалова Наталья Николаевна (Россия, Череповец) – доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики и управления Бизнес-школы (института), Череповецкий государственный университет (162600, г. Череповец, пр. Советский, 10; natalij2005@mail.ru)

Yashalova N.N.

THE TERRITORY OF ADVANCING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AS A TOOL TO ATTRACT INVESTMENT TO THE REGION

Abstract. *The problem of attracting investment is not only at the national level, but also at the level of each constituent entity of the Russian Federation. The article discusses one of the new tools to stimulate investment activity at the regional level – the territory of advanced socio-economic development.*

Key words: *region, Vologda oblast, territory of priority development, investment, incentives.*

References

1. Alekseev P.V. About conditions of successful creation and functioning of territories of the advancing social and economic development in the far East of Russia // Economic Sciences. 2018. No. 4. Pp. 99-102.
2. Bodrunov S.D. Territories of advanced development-the most important condition of economic growth of Russia // Manager. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 2-7.
3. D'yakov M.Y. As a tool for the rational use of natural capital. Siberian financial school. 2017. No. 2. Pp. 20-24.
4. Smirnov M.A. Priority development Areas: high risks and the need for sectoral policy // Financial Analytics: problems and solutions. 2015. No. 16. Pp. 58-68.
5. Yashalova N.N. The territory of advancing socio-economic development as a tool for influencing sustainable development of municipalities // Modern trends of sustainable development. Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of academician T.S. Hachaturov. 2018. Pp. 198-199.

Information about the Author

Natal'ya N. Yashalova (Cherepovets, Russia) – Doctor of Economics, Head of the Department of Economics and Management, Business School, Cherepovets State University (10, Sovetskii av., Cherepovets, 162600, Russian Federation; natalij2005@mail.ru)

СЕКЦИЯ 2.
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 316.43 (476)

Балбуцкая М.А.
СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ СЕЛЕ
И СУЩНОСТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СЕЛА

Аннотация. Выявлены позитивные социальные изменения в белорусском селе, что обусловлено практикой образования агрогородков. Это выражается в возможности успешного совмещения современных условий труда и быта с преимуществами сельского образа жизни. Одновременно создаются социально-экономические условия для сохранения традиций национальной культуры и сельской семьи.

Ключевые слова: изменение, село, агрогородок, образ жизни, специфика.

Изначально в использовании понятий села и деревни не делали различий, относя к ним «всё, что не город». До революции 1917 года основным отличием села от деревни являлось наличие церкви и размеры поселения. Село с церковью являлось центром прихода, объединявшего несколько близлежащих деревень, население которых занималось преимущественно сельскохозяйственным трудом.

В настоящее время к категории сельских населённых пунктов относятся:

- агрогородки – благоустроенные населенные пункты, в которых создана производственная и социальная инфраструктура для обеспечения социальных стандартов проживающему в них населению и жителям прилегающих территорий;
- поселки, деревни – населенные пункты, в которых создана соответствующая производственная и социальная инфраструктура, не отнесенные к агрогородкам;
- все остальные населенные пункты (село, хутор и др.) [1].

В Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2018 года насчитывалось 23 119 сельских населенных пунктов и 201 городских (городские включают в себя 115 городов и 86 посёлков городского типа) [2, с. 7]. В рамках принимаемых государством мер по созданию условий для безопасного и комфортного проживания сельских жителей на основе существующих административно-территориальных единиц (деревень, сельских посёлков) создаются агрогородки. Например, агрогородок Башни Шумилинского района Витебской области – это типичный сельский населенный пункт, где живёт около 400 человек (из них 85 детей). Основой агрогородка стала деревня Башни. Здесь построили современный животноводческий комплекс, есть магазин, фельдшерско-акушерский пункт, почта, банк, клуб, школа, детсад [3]. Благоустроенные агрогородки, в которых инфраструктура максимально возможно приближена к городской, призваны улучшить качество жизни жителей и близлежащих поселений. Здесь есть гарантированный доступ к услугам торговли, а также бытовым, медицинским, образовательным и другим услугам.

Условия, характер и содержание аграрного труда, сельская общинность, близость с природой определяют особенность сельского образа жизни и его инвариантность. Эмпирически подтверждено, что образование агрогородков при сохранении базовой

специфики сельского образа жизни (общинность небольших поселений; личные контакты; коллективный, часто семейный труд (подряды); труд на земле; труд при прямом контакте с животными; труд на природе, прямо связанный с воспроизводством экологической среды обитания) привело не только к изменению внешнего облика села, но и к позитивным изменениям в жизни сельчан за счёт развития социальной сферы, улучшения кадровой работы. Эти объективные перемены с момента образования агрогородков (2005–2007 гг.) очевидны для сельской молодёжи (опрос 2007 г.²⁰). Отсюда в целом положительная оценка агрогородков как нового по своей сути явления. Большинство опрошенных (около 2/3) отмечают, что жизнь на селе улучшилась: *существенно* (37,8%), *немного* (27,3%).

Специфика белорусского села, культура и социодинамика условий и особенностей повседневной жизни белорусов-сельчан отражена в работах историков и этнографов С. Барташевича, М. В. Довнар-Запольского, В. Л. Носевича, М. Онуфриева, Л. В. Раковой, Е. Р. Романова и др.; экономистов и социологов В. Г. Гусакова, Л. В. Корбут, Д. Г. Лина, Н. Е. Лихачёва, С. Д. Предыбайло, Р. А. Смирновой и др. Интерес исследователей обусловлен тем, что деревня, земля, сельский образ жизни – это базис, сохраняющий белорусов; обычно говорят о земле и работе на ней, о том, что все мы родом из села, благодаря чему национальная, родовая сущность не выглядит абстрактной моделью [4, 5].

Как подчёркивает А. Г. Лукашенко: «Село – продовольственный цех государства, родник национальных традиций, фольклора, народного творчества. Сохранить и развить этот источник – важнейшая государственная задача» [6]. После принимаемых государством мер по развитию села, аграрного производства (реализации пятилетних программ, которые разрабатываются с 1996 года) многое изменилось вначале в экономическом, а затем и социальном плане. Это положительные тенденции развития по ряду технологических позиций и повышение продуктивности отрасли, обеспеченность продовольственной безопасности страны, положительная тенденция наращивания экспорта продукции агропромышленного комплекса [7]. За годы реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы достигнуты значительные результаты в приросте производства [8]. В рамках этой же программы при комплексном решении социальных проблем села к 2010 году наметились позитивные изменения. Создан 1481 агрогородок, пакет социальных благ в которых приближен к городским, что позволило обеспечить достойную жизнь труженикам села в сельской местности [7]. В период реализации Государственной программы устойчивого развития села на 2011–2015 годы продолжалось развитие социальной, инженерно-транспортной инфраструктуры не только в агрогородках, но и в окрестных сёлах.

В настоящее время в Республике Беларусь утверждён перечень госпрограмм на 2016–2020 годы, направленных на достижение приоритетов социально-экономического развития. Среди касающихся села, сельского населения следует отметить Государственную программу о социальной защите и содействии занятости на 2016–2020 годы, Государственную программу «Строительство жилья» на 2016–2020 годы, Государственную программу развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь на 2016–2020 годы и др. Можно рассчитывать, что данные программы способны оказать позитивное влияние на развитие

²⁰ Исследование «Социальная база инновационно-устойчивого развития села», проведённое ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в Могилёвской обл. в 2007 г. по репрезентативной выборке объёмом 399 человек в возрасте от 11 до 22 лет (научный руководитель – д.ф.н. Р.А. Смирнова).

белорусского села и сельскую семью, простимулировать необходимую мотивацию для жизни в сельской местности.

Сельский образ жизни имеет свою специфику, принципиально отличающую его от городского (традиционность в системе ценностных ориентаций, норм поведения в труде; невысокий уровень механизации и автоматизации отдельных видов работ, по сравнению с промышленностью; сезонность и неравномерность труда: большая нагрузка и сверхнапряжённость в весенне-летний и осенний периоды и небольшая занятость зимой; невысокий уровень потребления, обусловленный невысоким уровнем доходов; отсутствие быстрого доступа к учреждениям культуры, досуга, быта). Привлекательность села выражается в том, что жизнь в селе должна быть интересной, заманчивой, открывающей перспективы тем, кто там проживает. И по объективным причинам преимуществом села, образа аграрной жизни является небольшой размер поселения (меньше стресса, вызванного скученностью людей, отсутствие интенсивного уличного и дорожного движения), экологичность (близость природы в её естественном состоянии, меньше шума и меньшее загрязнение воздуха), взаимоотношения строятся на личном знакомстве, доверии, сплочённости, взаимопомощи и поддержке, добрососедстве, преимущественная занятость населения в сельскохозяйственном производстве (труд на земле, труд с животными) и др., возможность ежедневно наблюдать сезонные обычные природные явления и их влияние на растения и животных.

Библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь»: Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2007 г., № 230-3 // Laws.newsby.org. URL: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law0197.htm> (дата доступа: 23.09.2018).

2. Беларусь в цифрах: статистический справочник / Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редкол.: И.В. Медведева (пред. редкол.), И.С. Кангро, Ж.Н. Василевская и др.]. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 71 с.

3. Матвеева Т. Белорусское село не спилось и борется за красоту. Как живут люди в деревне Башни // TUT.BY. URL: <http://news.tut.by/society/438300.html> (дата доступа: 23.09.2018).

4. Возрождение села // Белорусский путь / под ред. О.В. Пролесковского и Л.Е. Криштаповича // filling-form.ru. URL: <http://filling-form.ru/turizm/9153/index.html?page=22> (дата доступа: 23.09.2018).

5. Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.

6. Выступление Президента на выездном республиканском семинаре в Дрогичине по вопросам реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 годы // Президент Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-na-vyezdnom-respublikanskom-seminare-v-drogichine-po-voprosam-realizatsii-5851/ (дата доступа: 11.08.2018).

7. АПК Беларуси: вчера, сегодня, завтра // Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации. URL: <http://www.embassybel.ru/news/press/e61865af651b.html> (дата доступа: 14.08.2016).

8. Маринич Л. А. Развитие аграрной отрасли: стратегические задачи // Знак качества: промышленный журнал. URL: http://www.znk.by/arhiv/03_04_2012/marinicz.pdf (дата доступа: 14.08.2018).

Информация об авторе

Балбуцкая Марина Александровна (Республика Беларусь, Минск) - научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; +375-17-284-27-29; mb@tut.by)

Balbutskaya M.A.

SOCIAL CHANGES IN THE BELARUSIAN VILLAGE AND THE ESSENCE OF THE ATTRACTIVENESS OF THE VILLAGE

Abstract. *Positive social changes in the Belarusian village are revealed, which is caused by the practice of the formation of agrocities. This is reflected in the possibility of successfully combining modern working and living conditions with the advantages of a rural lifestyle. At the same time, socio-economic conditions are created to preserve the traditions of the national culture and the rural family.*

Key words: *change, village, agrotown, lifestyle, specificity.*

References

1. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об административно-территориальном делении и порядке решения вопросов административно-территориального устройства Республики Беларусь»: Закон Resp. Belarus', 17 мая 2007 г., № 230-Z // Laws.newsby.org. Режим доступа: Laws.newsby.org: <http://laws.newsby.org/documents/laws/law0197.htm>. Дата доступа: 23.09.2018.

2. Беларусь в цифрах: статистический справочник / Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; [редкол.: I.V. Medvedeva (pred. Redkol.), I.S. Kangro, ZH.N. Vasilevskaya i dr.]. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. 71 с.

3. Matveyeva T. Belorusskoye selo ne spilos' i boretsya za krasotu. Kak zhivut lyudi v derevne Bashni // TUT.BY. Режим доступа: <http://news.tut.by/society/438300.html>. Дата доступа: 23.09.2018.

4. Возрождение села // Белорусский пут' / Под ред. O.V. Proleskovskogo i L.Ye. Krishtapovicha // filling-form.ru. Режим доступа: <http://filling-form.ru/turizm/9153/index.html?page=22>. Дата доступа: 23.09.2018.

5. Smysly sel'skoy zhizni (opyt sotsiologicheskogo analiza) / Pod red. ZH. T. Toshchenko. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. 368 s.

6. Vystupeniye Prezidenta na vyyezdnom respublikanskom seminare v Drogichine po voprosam realizatsii Gosudarstvennoy programmy vozrozhdeniya i razvitiya sela na 2005–2010 gody // Prezident Respubliki Belarus'. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/

view/vystuplenie-prezidenta-na-vyezdnom-respublikanskom-seminare-v-drogichine-po-voprosam-realizatsii-5851/. Data dostupa: 11.08.2018.

7. APK Belarusi: vchera, segodnya, zavtra // Posol'stvo Respubliki Belarus' v Rossiyskoy federatsii. Rezhim dostupa: <http://www.embassybel.ru/news/press/e61865af651b.html>. Data dostupa: 14.08.2016.

8. Marinich L.A. Razvitiye agrarnoy otrasli: strategicheskiye zadachi // promyshlennyy zhurnal «Znak kachestva». Rezhim dostupa: http://www.znk.by/arhiv/03_04_2012/marinicz.pdf. Data dostupa: 14.08.2018.

Information about the Author

Marina A. Balbutskaya (Minsk, Belarus) – Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganova str., build 2, Minsk, Belarus; + 375-17-284-27-29; mb@tut.by)

УДК 314.174 / ББК 60.7

Барсуков В.Н.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ В РОССИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению закономерностей и территориальных особенностей изучаемого явления, а также учету последствий в социально-экономической политике регионов страны. Выявлено, что тенденции старения населения и их последствия, которые наглядно демонстрируют статистические данные, не находят своего отражения в стратегическом планировании России и ее регионов.

Ключевые слова: старение населения, социально-экономические последствия, стратегическое планирование.

Как показывает опыт развитых стран, эффективность социально-экономической политики в условиях старения населения определяется наличием достоверной и релевантной информации о закономерностях и механизмах трансформации возрастной структуры, учитывающей все многообразие особенностей локальных территорий. Россия обладает самой большой площадью в мире и включает в себя 85 территориальных субъектов. Многообразие страны выражается не только в различии социально-экономических и географических характеристик, но и дифференциации демографических показателей. Актуальность данного исследования определяется необходимостью проведения анализа изменения основных показателей старения населения в субъектах Российской Федерации с целью выявления закономерностей и территориальных особенностей изучаемого явления, а также учета последствий в социально-экономической политике регионов страны. Таким образом, в качестве объекта данного исследования выступает процесс демографического старения в субъектах РФ.

На текущий момент Российская Федерация относится к странам с «возрастной» структурой (доля населения старше 60 лет в 2015 г. составляла 20%, что в 2,5 раза выше значения 1950 г.; *табл. 1*). Согласно среднему варианту прогноза ООН, к 2070 г. удельный вес пожилых людей в общей численности населения страны возрастет до 25% (*табл. 1*). Прирост будет умеренным, и связано это, в первую очередь, с потенциальной реализацией небольшого демографического дивиденда, вызванного увеличением рождаемости в 2000-ых годах. Этим же объясняется рост коэффициента потенциального замещения, который до 2015 г. неуклонно снижался.

Таблица 1. Основные показатели демографического старения в Российской Федерации: факт и прогноз

Показатель	Год		
	1950	2015	2070
Доля пожилых людей (60 лет и старше), %	7,7	20,0	25,2
Индекс старения (число пожилых людей, приходящихся на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет)	26	120	147
Коэффициент потенциального замещения (число детей в возрасте от 0 до 14 лет, приходящихся на 100 человек в возрасте от 15 до 59 лет)	48	26	30
Коэффициент демографической поддержки (число человек в возрасте от 15 до 59 лет, приходящихся на 100 пожилых людей в возрасте 60 лет и старше)	814	315	229
Коэффициент демографической нагрузки (общий)	601	582	734
Коэффициент демографической нагрузки детьми в возрасте от 0 до 14 лет	478	265	297
Коэффициент демографической нагрузки пожилыми людьми в возрасте 60 лет и старше	123	317	437
Источник: World Population Prospects: the 2015 revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/ , расчеты автора			

Тем не менее, незначительное увеличение рождаемости не способно существенно повлиять на положительную динамику старения населения. Рассчитанный коэффициент демографической поддержки можно трактовать следующим образом: если в 1950 г. на одного пожилого приходилось 8 человек трудоспособного возраста, то в 2015 г. этот показатель снизился до трех, а в 2070 г. на одного представителя старшего поколения будет приходиться всего лишь 2 человека в возрасте от 15 до 59 лет (*табл. 1*). Тренд изменения показателя демографической нагрузки сопоставим с другими развивающимися странами: наблюдаемое снижение в период с 1950 г. по 2015 г. связано с реализацией демографического дивиденда, который на текущий момент уже исчерпан, а нагрузка на трудоспособное население существенно увеличится к 2070 г. При этом если в 2015 г. 54% общей демографической

нагрузки формировалось за счет населения пожилого возраста, то к 2070 г. этот показатель возрастет до 60%.

Чтобы продемонстрировать типологию и внутреннюю дифференциацию старения населения в России, воспользуемся шкалой демографического старения Э. Росseta [1] (граница пожилого возраста установлена на отметке 60 лет; табл. 2). Как видно из таблицы, за 26 лет количество регионов с очень высоким уровнем демографической старости возросло с 23 до 63, «молодых» – сократилось в 3,5 раза. Главной же особенностью является постепенное выравнивание субъектов РФ по уровню демографической старости.

Таблица 2. **Распределения регионов РФ по шкале демографического старения Э. Росseta**

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения	Количество регионов	
			1990 г.	2016 г.
1	<8	Демографическая молодость	Всего: <u>10</u>	Всего: <u>2</u>
2	8-10	Первое преддверие старости	Всего: <u>5</u>	Всего: <u>3</u>
3	10-12	Собственно преддверие старости	Всего: <u>9</u>	Всего: <u>2</u>
4	12 и выше	Демографическая старость	Всего: <u>59</u>	Всего: <u>76</u>
	12-14	Начальный уровень демографической старости	Всего: <u>10</u>	Всего: <u>4</u>
	14-16	Средний уровень демографической старости	Всего: <u>14</u>	Всего: <u>5</u>
	16-18	Высокий уровень демографической старости	Всего: <u>12</u>	Всего: <u>4</u>
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости	Всего: <u>23</u>	Всего: <u>63</u>
Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do , расчеты автора.				

В 2016 г. самым «старым» субъектом РФ являлась Тульская область (доля пожилых людей составляет 25%), а наиболее «молодыми» – Ямало-Ненецкий авт. округ и Чеченская Республика (6% и 7% соответственно). Соотношение между max и min значениями составляет порядка 4:1, однако это не дает полного представления о дифференциации уровня старения в Российской Федерации, ввиду того что количество «молодых» субъектов в стране незначительно.

Теория демографического перехода предполагает, что конечным этапом трансформации возрастной структуры должно стать стационарное население, т. е. население с неизменными показателями смертности и рождаемости [2; 3]. В этом случае вариация изменения удельного веса возрастных групп населения стремится к нулю. Это же относится и к снижению дифференциации между локальными территориями. Для того чтобы проверить сопоставимость теоретических постулатов с реальными демографическими тенденциями, обратимся к коэффициентам вариации удельного веса трех основных групп населения, рассчитанного для 83 субъектов РФ (без учета г. Севастополя и Республики Крым) за период 1990–2016 гг. (рис. 1).

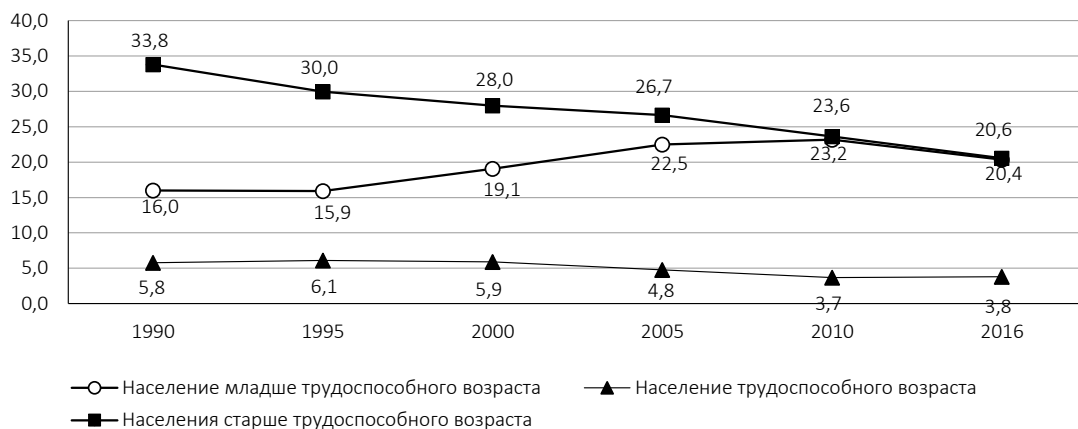

Рисунок 1. Динамика изменения коэффициента вариации удельного веса трех основных групп населения субъектов РФ в 1990–2016 гг. (все население), %

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>, расчеты автора.

Приведенные данные позволяют сделать три основных вывода:

1) Возрастная структура населения субъектов РФ стремится к единообразию. Из рисунков видно, что дифференциация регионов за рассматриваемый период возросла только по показателю удельного веса детей от 0 до 14 лет, что было вызвано разной интенсивностью роста рождаемости в отдельных субъектах страны в 2000-ых годах. Вариация доли трудоспособного населения незначительна, в то же время дифференциация регионов по уровню «старости» стремительно снижается (все регионы «стареют»).

2) Дифференциация возрастной структуры населения в городской местности регионов РФ меньше, чем в сельской. В 1990-ых годах эта разница была существенно выше. На текущий момент она сохраняется применительно к удельному весу детей и пожилых.

3) Дифференциация возрастной структуры населения субъектов РФ определяется только разницей удельного веса детей и пожилых людей. В условиях «естественного» демографического развития (без масштабной миграции, крупных войн, катастроф и др.) доля трудоспособного населения варьируется незначительно. Изменение возрастной структуры происходит исключительно «снизу» (уменьшение или рост доли детей) и «сверху» (уменьшение или увеличение доли пожилых людей), что определяет различия в уровне демографической нагрузки на трудоспособное население в регионах РФ.

Увеличение и трансформация структуры демографической нагрузки оказал существенное влияние на социально-экономическое развитие регионов РФ. Уже в 2005 г. году в 54 субъектах РФ наблюдался дефицит в сфере пенсионного обеспечения (расходы превышали поступления), а в 2015 году их число возросло до 67 (80% от общего числа)²¹. При этом благоприятная, с точки зрения баланса пенсионной системы, ситуация наблюдалась лишь в 5 регионах: высокодоходных г. Москве и Тюменской области, а также Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском авт. округах (одни из самых низких показателей доли пожилых людей).

²¹ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>

Еще одним важным прямым экономическим последствием старения населения является возрастание расходов на здравоохранение. Сразу стоит оговориться, что, согласно исследованию [4], наблюдаемый рост расходов на здравоохранение в развитых (и, вероятно, в развивающихся) странах в среднем лишь на треть объясняется демографическими факторами (а именно старением населения). Для того чтобы продемонстрировать характерные отличия РФ, был осуществлен корреляционный анализ на предмет выявления связи между подушевыми расходами на здравоохранение (рассчитывался как отношение суммы общих расходов на здравоохранение консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального фонда ОМС к общей численности населения) и долей населения старше 60 лет (для обоих показателей использовался натуральный логарифм значений; *рис. 2*).

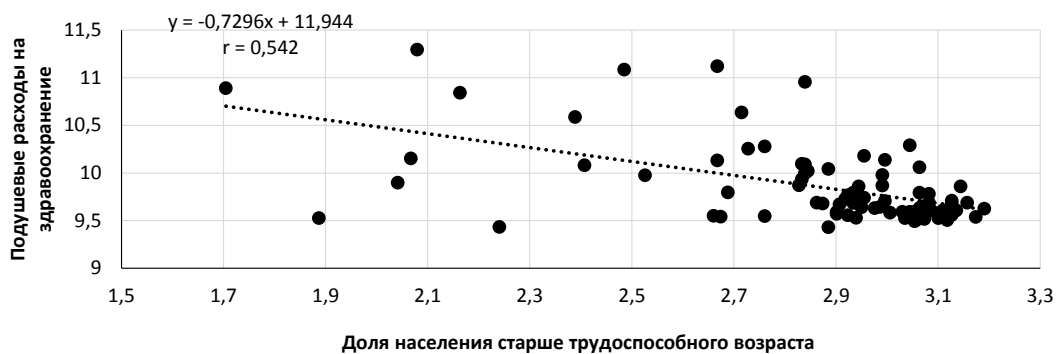

Рисунок 2. Корреляционная связь между подушевым показателем расходов на здравоохранение и долей пожилых людей (натуральные логарифмы значений) в регионах РФ в 2014 г.

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <http://fedstat.ru/indicators/start.do>, расчеты автора.

Полученные на данных по 83 регионам РФ (без учета г. Севастополя и Республики Крым) результаты можно трактовать следующим образом: с возрастанием удельного веса населения пожилого возраста показатель расходов в сфере здравоохранения на душу населения уменьшается. Безусловно, дифференциация субъектов РФ по уровню социально-экономического развития достаточно высока (и это сказывается и на объемах финансирования системы здравоохранения), однако можно предположить, что интенсивное старение населения регионов РФ опережает темпы увеличения финансирования системы здравоохранения, это ведет к сокращению расходов в пересчете на душу населения. В исследовании [4] отмечается, что улучшение здоровья населения старших возрастов и увеличение здоровой продолжительности жизни могут на треть сократить темпы прироста расходов на здравоохранение.

В рамках исследования был осуществлен анализ актуальных на текущий момент стратегий социально-экономического развития 85 регионов РФ (далее – Стратегия) с целью выявления факта учета демографического старения как системной проблемы в стратегическом планировании. Проведенный анализ позволит получить следующие важные результаты:

1) В 30 из 85 стратегий (35%) отсутствует упоминание проблемы старения населения. Важно отметить, что демографический блок и описание трендов изменения возрастной структуры в разном формате присутствует во всех Стратегиях, но в этих 30 демографическое

старение не рассматривается в качестве фактора возможных изменений в социально-экономическом развитии региона.

2) Учет последствий старения населения в стратегиях не коррелирует с трендами изменения возрастной структуры и долей населения старше 60 лет в регионах. Из 15 стратегий наиболее «молодых» субъектов РФ только в 4 проблема старения населения находит свое отражение, что объясняется благоприятной, с демографической и экономической точек зрения, возрастной структурой населения. Однако в стратегиях 15 наиболее «старых» регионов доля таких документов также относительно невелика: лишь в 9 демографическое старение рассматривается как фактор социально-экономического развития территории. Этот факт еще раз подчеркивает отсутствие единоначалия в стратегическом планировании на уровне регионов.

3) Из 55 стратегий регионов с упоминанием проблемы старения населения в 37 она декларируется лишь как существующий факт либо как риск или угроза социально-экономическому развитию.

4) В 18 стратегиях субъектов РФ (21%) старение населения рассматривается как системное явление с важными социально-экономическими последствиями и предлагаются возможные варианты их нивелирования или смягчения. География регионов сильно различается (представлены все федеральные округа РФ), а также наблюдается дифференциация по доле удельного веса населения старше 60 лет (минимальное значение – 16,7%, максимальное – 24,7%). Таким образом, можно сделать вывод, что учет проблемы старения населения при стратегическом планировании не имеет факторной основы, а ее включение определяется видением ситуации административными органами субъекта РФ.

Учет особенностей и характеристик населения регионов РФ необходим при формировании стратегии социально-экономического развития в условиях старения населения. Проведенный анализ позволяет предположить, что меры, которые могут быть эффективными для одних регионов, могут стать провальными в других. Осознание глобальности и необратимости старения населения, в том числе и на микроуровне, делают актуальным смену восприятия его не как «проблемы» или «вызова», а как «возможности» (реализация второго демографического дивиденда), закономерного явления не только с негативными, но и положительными сторонами.

Библиографический список

1. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
2. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.
3. Павлик З. Проблемы демографической революции. Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского. М.: Статистика, 1979. С. 158-168.
4. Брайант Д. Оценка затрат, связанных со старением населения // Финансы и развитие. 2005. № 3 (43). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>

Информация об авторе

Барсуков Виталий Николаевич (Россия, Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; lastchaos12@mail.ru)

Barsukov V.N.

REGIONAL FEATURES OF DEMOGRAPHIC AGEING IN RUSSIA AND ITS IMPACT ON THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES

Abstract. *The study is devoted to the study of the regularities and territorial features of the phenomenon under study, as well as the consideration of the consequences in the socio-economic policy of the country's regions. It is revealed that the trends of population aging and their consequences, which clearly demonstrate the statistical data, are not reflected in the strategic planning of Russia and its regions.*

Key words: *population ageing, socio-economic impacts, strategic planning.*

References

1. Rosset E. The Aging Process of the Population. M.: Statistics, 1968. 512 p.
2. Vishnevskiy A. G. The Demographic Revolution. M.: Statistics, 1976. 239 p.
3. Pavlik Z. Problems of Demographic Revolution. Marriages, births, and family for three centuries under the editorship of A. G. Vishnevsky. M.: Statistics, 1979. P. 158-168.
4. Bryant D. Estimation of Costs Associated with Population Aging // Finance and Development. 2005. № 3 (43). URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2006/09/pdf/Carone.pdf>

Information about the Author

Vitaly N. Barsukov (Vologda, Russia) – Research Assistant, Federal state budgetary institution of science “Vologda research center of the Russian academy of sciences” (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; lastchaos12@mail.ru)

УДК 342.55 / ББК 60.5

Батьянова Л.Н.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ЧЕРЕЗ АКТИВИЗАЦИЮ РАБОТЫ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье показывается место институтов гражданского общества в формировании условий и предпосылок территориального развития, указываются социальные риски и социальный потенциал развития территории. Анализируются сильные и слабые стороны гражданского взаимодействия и стратегического развития региона.

Ключевые слова: территория, гражданское общество, социальные институты, социальное взаимодействие, развитие.

Вовлечение общественности в социально-политический процесс является одним из ключевых моментов построения гражданского общества. Но именно эта часть общественного развития в нашей стране выражена недостаточно. Безусловно, построение гражданского общества – это длительный процесс, включающий в себя трансформацию экономических, политических, культурных, правовых и иных сфер жизни общества.

В этих условиях общество нуждается в изучении новых институтов и форм развития гражданского общества, которые расширяют возможности правового поля Российской Федерации и общемировые процессы глобализации. На современном этапе активное включение общественности в функционирование различных институтов гражданского общества позволит выйти на новый уровень общественного воспроизводства. Одновременно с этим необходимо проводить анализ развития и функционирования уже созданных институтов гражданского общества на муниципальном и региональном уровне, что позволит оценивать уровень самоорганизации и гражданской активности населения на конкретной территории.

Перспектива изучения гражданских движений в рамках теории гражданского общества появилась с самого начала формирования данного направления. Гражданские движения следует рассматривать как необходимый элемент гражданского общества, как возможный субъект (действующую силу) социальных преобразований. Особенно это актуально, когда мы говорим о развитии территории. Институты гражданского общества в данном случае выступают инструментами (проводниками) развития гражданского общества.

Пик интереса к гражданским движениям прошел вместе с окончанием политического цикла перестройки, при спаде активности и институционализации большинства общественных движений [2]. Необходимость в гражданских движениях есть, и она возрастает, и для этого нет препятствий, таких как в советском обществе.

Анализ гражданских движений современной России вскрывает конфликтный потенциал этой формы гражданской активности. Развитие территории предполагает формирование определенного континуума, в который включены различные социальные субъекты [см.: 1, 3].

Можно утверждать, что в современном обществе резко возрастает гражданский активизм, направленный на изменение условий существования. Он развивается в благоприятных обстоятельствах и имеет питательной почвой наличие в обществе конфликтных интересов. Активизация гражданских движений зависит от ряда ускоряющих факторов, но вместе с тем поддается социальному контролю со стороны государственной власти. Включение переговорного процесса зачастую ведет к сближению конфликтных позиций.

В Сибирском федеральном округе за последние пять лет сократилось количество некоммерческих общественных организаций в 2,5 раза. При этом остается актуальная потребность в территориальном развитии через негосударственный сектор экономики.

- Повышение качества и доступности информационных, консультационных, обучающих и методических услуг для СО НКО и других заинтересованных организаций.
- Повышение количества и качества механизмов поддержки СО НКО в регионах Сибирского федерального округа.
- Развитие и укрепление сети комплексных ресурсных центров для СО НКО в Сибирском федеральном округе.
- Укрепление взаимодействия СО НКО с органами власти и местного самоуправления.
- Повышение качества и доступности актуальной информации для развития и деятельности СО НКО в СФО.

Необходимо создавать условия для проведения государственной политики по отношению к гражданским движениям с тем расчетом, чтобы адаптировать к практике принятия государственных решений инновационный потенциал гражданских инициатив и вместе с тем избежать деструктивных последствий массовой неконтролируемой гражданской активности.

Ограничение гражданского общества социальной и духовной сферами означало бы, на наш взгляд, лишение его материальной базы существования, в то время как удовлетворение насущных потребностей является основной задачей гражданского общества. Вряд ли было бы последовательным считать с одной стороны, что конкретные люди гражданского общества определяют экономику, а с другой стороны исключать экономико-хозяйственную негосударственную деятельность из его сферы. Действительно, экономическая и политическая свобода являются формой проявления свободы индивида в обществе, отсюда следует, что экономика и политика суть функции гражданского общества.

Библиографический список

1. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3-18.
2. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2017. Т. 12. № 1. С. 67-74.
3. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 120-130.

Информация об авторе

Батьянова Людмила Николаевна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет (664003, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; batyanova.ekaterina@mail.ru)

Batyanova L.N.

TERRITORY DEVELOPMENT THROUGH THE REVITALIZATION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Abstract. *The article shows the place of civil society institutions in shaping the conditions and prerequisites for territorial development, identifies social risks and social potential of the development of the territory. It analyzes the strengths and weaknesses of civil interaction and the strategic development of the region.*

Key words: *territory, civil society, social institutions, social interaction, development.*

References

1. Polyushkevich O.A. Social empathy: issues of consolidation of the Russian society // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2015. No. 6. Pp. 3-18.
2. Polyushkevich O.A. Philosophy of gratitude // Humanitarian vector. Series: Philosophy, Cultural Studies. 2017. V. 12. № 1. Pp. 67-74.
3. Treskin P.A. Public organizations as the social capital of the region // State administration. Electronic messenger. 2017. № 64. Pp. 120-130.

Information about the Author

Lyudmila N. Batyanova (Irkutsk, Russia) – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State University (1, Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation; batyanova.ekaterina@mail.ru)

УДК 314.06 / ББК 60.7

Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю, Мирязов Т.Р. ТЕРРИТОРИЯ СЖАТИЯ И РАСШИРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Для понимания тенденций пространственного развития очень важно представлять процессы убыли и роста населения (сжатия и расширения). Регионы России были типологизированы по скорости изменения численности населения и по характеру движения населения (естественному и миграционному приросту/убыли).

Ключевые слова: пространственное развитие, демография, население, расселение, регионы, миграция, естественный прирост.

Рассмотрим демографическую ситуацию на пространстве России на региональном уровне. Выбор для работы уровня субъектов федерации обусловлен меньшей трудоемкостью по сравнению с работой на муниципальном уровне, а также тем, что в этом случае становятся видны межрегиональные миграционные тенденции. Главными показателями для анализа демографической динамики были взяты естественный и миграционный приросты на 1000 жителей по регионам России за последние 5 лет (2013–2017 гг.) по данным Росстата. Применение этих показателей позволяет как оценить скорость сжатия или расширения населения в регионах, так и понять, чем оно обусловлено: естественным либо миграционным движением населения. Все регионы России были проранжированы по степени роста/убыли населения по этим показателям и распределены по компонентам естественного и миграционного прироста (*табл.*).

Приходится признать, что в большей части регионов России (в 52 из 86) происходят процессы сжатия, уменьшения численности населения, и лишь в меньшинстве наблюдается его рост. Поскольку в большинстве регионов убыль населения преобладает над его ростом, регионы России в табл. 1 проранжированы сверху вниз от наиболее быстро убывающих сверху до менее динамично убывающих снизу, от наименее растущих по динамике численности населения сверху до наиболее быстро растущих снизу. Как видно из таблицы, активной всего сжатие происходит в регионах Европейского Севера России, в большинстве регионов Дальнего Востока, а также в Кемеровской области и Алтайском крае (группы 1-3). Для большинства из них характерна как естественная, так и миграционная убыль населения. Естественная убыль объясняется постаревшим населением, а миграционная – отъездом населения по всей видимости вследствие дефицита хорошо оплачиваемых рабочих мест. Для северных регионов этих групп характерна молодая возрастная структура, естественный прирост, но миграционный отток, связанный также с суровыми климатическими условиями, высокой стоимостью жизни (группа 3).

Убыль и рост населения в регионах России

	Общая убыль населения	Естественная убыль, миграционный прирост	Естественный прирост, миграционная убыль	Общий прирост населения
Высокие темпы убыли населения	Группа 1. Еврейская автономная обл., Курганская обл., Архангельская обл., Тамбовская обл., Тверская обл., Псковская обл., Орловская обл., Брянская обл., Ивановская обл., Владимирская обл., Новгородская обл., Пензенская обл., Кировская обл., Волгоградская обл., Костромская обл., Амурская обл., Респ. Карелия, Ульяновская обл., Алтайский край, Оренбургская обл., Приморский край, Кемеровская обл., Вологодская обл., Саратовская обл.	Группа 2. Смоленская обл., Тульская обл., Рязанская обл., Нижегородская обл., Респ. Мордовия	Группа 3. Магаданская обл., Респ. Коми, Мурманская обл., Респ. Калмыкия, Чукотский АО, Камчатский край	
Средние темпы убыли населения		Группа 4. Липецкая обл., Ростовская обл., Самарская обл., Ярославская обл., Курская обл.	Группа 5. Карачаево-Черкесская Респ. Респ. Марий-Эл, Хабаровский край, Чувашская респ., Иркутская обл., Омская обл., Сахалинская обл., Респ. Северная Осетия-Алания, Ямало-Ненецкий автономный округ, Пермский край, Удмуртская Респ.	
Средние темпы роста населения		Группа 6 Воронежская обл., Челябинская обл., Калужская обл., Белгородская обл., Респ. Крым, Респ. Адыгея	Группа 7. Респ. Башкортостан, Ставропольский край, Астраханская обл., Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Саха (Якутия), Респ. Бурятия	Группа 8. Свердловская обл., Респ. Хакасия, Красноярский край, Томская обл., Респ. Татарстан
Высокие темпы роста населения		Группа 9. Ленинградская обл., Калининградская обл., Московская обл., г. Севастополь	Группа 10. Ненецкий АО, Респ. Тыва, Респ. Алтай, Респ. Дагестан, Ханты-Мансийский АО, Чеченская Респ.	Группа 11. Новосибирская обл., г. Москва, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург, Тюменская обл., Респ. Ингушетия

Составлено по данным Росстата за 2013–2017 гг. Архангельская и Тюменская области приведены без автономных округов.

Более сглаженные, средние темпы убыли населения характерны для некоторых регионов со сравнительно развитой промышленностью (группы 4-5 в табл.). Для большинства из них характерны молодая возрастная структура, естественный прирост, но преобладает миграционная убыль, обусловленная, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых рабочих мест. Большинство регионов, характеризующихся ростом населения, находятся в поясе Волга – Урал – Западная Сибирь – Восточная Сибирь. Отличаются позитивной демографической динамикой также регионы Северного Кавказа, столичные города Москва, Санкт-Петербург с областью вокруг каждого из них, эксклав Калининградская область и нефтедобывающий Ненецкий автономный округ. Рост населения при его естественной убыли, постаревшей возрастной структуре характерны для регионов Белгородской, Воронежской областей в Центральном Черноземье, для Крымского полуострова. Рост численности населения, обусловленный естественным приростом вследствие молодой возрастной структуры при отрицательных миграционных тенденциях, характерен для многих республик (Башкортостан, Алтай, Бурятия, Якутия, Кабардино-Балкария, Чечня, Дагестан), для Астраханской области, Ставропольского края на юге России. Интересно, что к такому же типу роста относится Ханты-Мансийский автономный округ, рост населения которого обусловлен естественным приростом, а миграционные тенденции имеют скорее отрицательный характер.

Положительный миграционный и естественный прирост наблюдается в столичных агломерациях Москвы и Санкт-Петербурга, а также в Тюменской области, Краснодарском крае, Свердловской области, Республике Татарстан. Выделяется плеяда быстро растущих регионов Сибири: Красноярский край, Новосибирская область, Томская область. Резко выделяется среди республик Северного Кавказа Республика Ингушетия. Столь высокий удельный миграционный прирост в этой небольшой республике, начиная с 2011 г., остается неизвестным явлением и требует дальнейшего исследования. Такая же ситуация в Республике Хакасия связана, скорее всего, с деятельностью крупного алюминиевого завода в г. Саяногорске.

Таким образом, в российских регионах преобладают процессы сжатия, особенно в регионах Европейского Севера и Дальнего Востока. Отрицательные миграционные тенденции обусловлены, как правило, дефицитом хорошо оплачиваемых мест приложения труда в большинстве регионов страны. В половине регионов России имеют место тенденции естественной убыли, обусловленные постаревшей структурой населения, особенно в регионах Европейской России.

Демографический рост характерен для пояса регионов Волга – Урал – Сибирь, а также для регионов Северного Кавказа, агломераций Москвы и Санкт-Петербурга, эксклава Калининградской области, а также Белгородской и Воронежской областей в Черноземье. Можно говорить о позитивных демографических тенденциях в промышленно развитых регионах с мощной диверсифицированной экономической базой (Свердловская, Челябинская, Тюменская, Томская области, Красноярский край, республики Татарстан, Башкортостан). Положительны также тенденции в ресурсных регионах: Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Республике Якутия, а также в регионах Северного Кавказа, Крымского полуострова.

Библиографический список

1. Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2018 г., раздел «Население».
2. Алексеев А.И., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. География населения // Социально-экономическая география в России: коллективная монография / под общ. ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 36-48.

Информация об авторах

Безвербный Вадим Александрович (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт социально-политических исследований РАН (119991, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а), начальник отдела геOURбанистики и пространственного развития, Институт социально-политических исследований РАН; доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО (У) МИД России (vadim_ispr@mail.ru);

Микрюков Николай Юрьевич (Россия, Москва) – кандидат географических наук, научный сотрудник отдела геOURбанистики и пространственного развития, Институт социально-политических исследований РАН (119991, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а; osipov@ispr.ras.ru);

Мирязов Тимур Робертович (Россия, Москва) – младший научный сотрудник отдела геOURбанистики и пространственного развития, Институт социально-политических исследований РАН (119991, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а; osipov@ispr.ras.ru)

Bezverbnyi V.A., Mikryukov N.Yu., Miryazov T.R.

TERRITORY OF SHRINKING AND EXPANSION IN CONTEMPORARY RUSSIA: DEMOGRAPHIC ASPECTS

Abstract. *It is very important to represent the processes of population decline and growth (shrinking and expansion) in order to understanding trends of spatial development. Regions of Russia were typologized according to the rate of change in population and the pattern of population movement (natural and migration increase / loss).*

Key words: *spatial development, demography, population, resettlement, regions, migration, natural increase.*

References

1. Statistical collection “Regions of Russia. Socio-Economic Indicators” for 2018, Section “Population”.
2. Alekseev A.I., Savoskul M.S., Safronov S.G. Population geography. The head of the collective monograph “Socio-economic geography in Russia”. Under total ed. P.Ya. Baklanova and V.E. Shuvalov. Dal'nauka, Vladivostok, 2016. Pp. 36-48.

Information about the Authors

Vadim A. Bezverbnyi (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economics, Deputy Director of Institute of Social and Political Research of the RAS, Head of Department of geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political Research of the RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32a); Associate Professor of Department of demographic and migration policy of Moscow state institute of international relations (University) MFA of Russia (vadim_ispr@mail.ru);

Nikolay Yu. Mikryukov (Moscow, Russia) – Ph.D. in Geography, Researcher of Department of geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political Research of the RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32a);

Timur R. Miryazov (Moscow, Russia) – Junior Researcher for geo-urban and spatial development of Institute of Social and Political Research of the RAS (Moscow, Leninsky Prospect, 32a)

УДК 331.522 / ББК 65.24

Вешкурова А.Б.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к оценке трудового потенциала региона. Предложена методика мониторинга качественного состояния трудового потенциала на примере регионов Северо-Западного федерального округа, которая может быть использована в деятельности региональных органов власти при определении целей социально-экономической политики.

Ключевые слова: трудовой потенциал, компоненты трудового потенциала, качество трудового потенциала, методика оценки, региональный уровень.

Понятие «трудовой потенциал» возникло в научной литературе 80-х годов XX века как новая экономическая категория. Это было вызвано потребностями практики и связано с поиском новых потенциальных возможностей для ускорения темпов экономического роста, являлось закономерным результатом развития понятий «рабочая сила» и «трудовые ресурсы».

Несмотря на значительное число исследований в области трудового потенциала, однозначного подхода к оценке уровня развития трудового потенциала региона не выработано.

Цель исследования – совершенствовать методику оценки трудового потенциала региона и применить ее на практике. В качестве объекта исследования выбран Северо-Западный федеральный округ, который можно рассматривать как модель России, в которой представлены различные типы регионов: добывающие, аграрно-промышленные и крупная финансово-промышленная и культурная агломерация Санкт-Петербурга [1, с. 20].

Можно выделить ряд методик оценки трудового потенциала регионов в рамках индексного подхода. Среди них можно отметить методику, разработанную Г.В. Якшинбаевой [4, с. 70]: методику Л.А. Поповой и М.А. Терентьевой, основанную на методике Г.В. Якшинбаевой, но с рядом изменений. В частности, модифицирован принцип выбора в частных индексах максимальных и минимальных баз сравнения [3, с. 4].

На наш взгляд, представляет интерес также методика Т.Ю. Крышталевой [2]. В качестве структурных элементов трудового потенциала в ней были выделены следующие компоненты: демографический; экономический; образовательно-квалификационный; психофизиологический; инновационный.

Предлагаемая нами методика основана на методике Т.Ю. Крышталевой с некоторыми изменениями.

Трудовой потенциал, на наш взгляд, включает следующие компоненты: демографическая ситуация; состояние рынка труда; здоровье и уровень жизни; профессиональное образование; инновации и развитие цифровой экономики (*табл. 1*). В таблице также приведены предложенные автором максимальные и минимальные значения показателей компонентов трудового потенциала.

Таблица 1. Показатели, характеризующие компоненты трудового потенциала на региональном уровне

Показатель	Единицы измерения	Максимальные и минимальные условные показатели
<i>Демографическая ситуация</i>		
Суммарный коэффициент рождаемости	число детей на 1 женщину	Минимальное и максимальное значения среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Смертность населения в трудоспособном возрасте	число умерших на 100 000 человек соответствующего возраста	
Коэффициент естественного прироста (убыли)	на 1000 человек населения	
Коэффициент миграционного прироста	на 10 000 человек населения	
Коэффициент демографической нагрузки	на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов	Минимальное значение – 100, максимальное – 1000
<i>Состояние рынка труда</i>		
Уровень экономической активности населения	процент	Минимальное и максимальное значения среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Коэффициент напряженности на рынке труда	Отношение среднегодовой численности безработных (по методологии МОТ) к среднегодовому числу вакансий, сообщенных работодателями в органы службы занятости населения. Расчет производится по данным Росстата и Роструда	
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	руб.	
Уровень общей безработицы, рассчитываемый по методологии МОТ	процент	Минимальное значение принято на уровне естественной безработицы-4,5%, максимальное значение среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Доля безработных, ищущих работу 12 месяцев и более, в общей численности безработных	процент	Минимальное значение – 0, максимальное – 100
<i>Здоровье и уровень жизни</i>		
Уровень заболеваемости	зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом,	Минимальное и максимальное значения

Показатель	Единицы измерения	Максимальные и минимальные условные показатели
	установленным впервые в жизни на 1000 чел.	среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Обеспеченность населения больничными койками	чел. на одну больничную койку	
Обеспеченность населения врачами	численность населения на одного врача, чел.	
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	тыс. чел.	Минимальное значение – 0, максимальное – 100
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	лет	Минимальное значение – 25 лет, максимальное – 85 лет
<i>Показатели профессионального образования</i>		
Занятое население с высшим и средним профессиональным образованием	процент	Минимальное значение – 0, максимальное – 100
Число образовательных учреждений высшего и среднего специального образования	учреждений	Минимальное и максимальное значения среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Выпуск специалистов с высшим и средним специальным образованием	тыс. чел.	
<i>Инновации и развитие цифровой экономики</i>		
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	тыс. чел.	Минимальное значение – 0, максимальное значение среди всех регионов Российской Федерации в исследуемом году
Выдача патентов	единиц	
Затраты на технологические инновации	млн руб.	
Выпуск бакалавров, специалистов, магистров по основным направлениям подготовки и специальностям в области ИКТ	тыс. чел.	
Затраты на информационные и коммуникационные технологии	млн руб.	

Для расчета частных индексов компонентов трудового потенциала были использованы следующие формулы:

- 1) Если между показателями прямая связь:

$$I_{xi} = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \quad (1);$$

- 2) если между показателями обратная связь:

$$I_{xi} = \frac{X_{max} - X_i}{X_{max} - X_{min}} \quad (2),$$

где I_{xi} - индекс показателя X в i-ом регионе,

X_i – значение показателя X в i-ом регионе,

X_{min} – принятое минимальное значение показателя X в i-ом регионе,

X_{max} – принятое максимальное значение показателя X в i-ом регионе.

Сводные индексы рассчитывались как среднее арифметическое показателей каждого компонента. А интегральный индекс развития трудового потенциала региона рассчитан как среднее геометрическое пяти сводных индексов по формуле:

$$I_x = \sqrt[n]{I_{xi1} \times \dots \times I_{xin}} \quad (3),$$

где n – число индексов.

В таблице 2 приведены расчеты индекса трудового потенциала для регионов Северо-Западного федерального округа.

Таблица 2. Сравнительная характеристика трудового потенциала регионов Северо-Западного федерального округа

Регион	Частные индексы компонентов трудового потенциала					Сводный индекс трудового потенциала
	Демографическая ситуация	Состояние рынка труда	Показатели профессионального образования	Здоровье и уровень жизни	Инновации и развитие цифровой экономики	
Российская Федерация	0,25	0,55	0,65	0,34	0*	0,419
Северо-Западный федеральный округ	0,22	0,59	0,66	0,34	0*	0,414
Республика Карелия	0,16	0,50	0,54	0,12	0,003	0,113
Республика Коми	0,29	0,56	0,64	0,14	0,01	0,153
Архангельская область	0,23	0,53	0,66	0,17	0,01	0,156
Ненецкий автономный округ	0,55	0,65	0,56	0,10	0,00	0,121
Вологодская область	0,21	0,52	0,52	0,15	0,00	0,131
Калининградская область	0,22	0,54	0,64	0,14	0,00	0,139
Ленинградская область	0,07	0,57	0,54	0,14	0,01	0,133
Мурманская область	0,28	0,61	0,72	0,14	0,00	0,154
Новгородская область	0,07	0,54	0,61	0,11	0,00	0,100
Псковская область	0,07	0,50	0,59	0,12	0,00	0,086
г. Санкт-Петербург	0,30	0,66	0,71	0,46	0,16	0,401

*) Расчет индекса не представляется возможным, так как все показатели данного компонента являются частью суммы. Источник: рассчитано автором на основе данных Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm

Таким образом, регионы данного федерального округа можно разбить на следующие группы: 1) высокий трудовой потенциал – г. Санкт-Петербург; 2) средний трудовой потенциал – Мурманская область, Республика Коми, Архангельская область, Калининградская область, Ленинградская область; 3) низкий трудовой потенциал – Республика Карелия, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Новгородская область, Псковская область.

Предложенная методика позволяет оценить трудовой потенциал региона и может быть использована в деятельности региональных органов власти при определении целей социально-экономической политики.

Библиографический список

1. Кашин В.К., Макар С.В. О перспективах развития регионов Российской Федерации, входящих в Северо-Западный федеральный округ // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 1 (436). С. 19-34.
2. Крышталева Т.Ю. Методика оценки состояния трудового потенциала регионов РФ // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-sostoyaniya-trudovogo-potentsiala-regionov-rf> (дата обращения: 14.10.2018).
3. Попова Л.А., Терентьева М.А. Трудовой потенциал российского севера // Арктика и Север. 2014. № 4. С. 51-69.
4. Якшибаева Г.В. Трудовой потенциал республики: количественно-качественная характеристика // Экономика и управление. 2007. № 3. С. 68-75.

Информация об авторе

Вешкурова Алина Борисовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления человеческими ресурсами, ФГБОУ ВО «РУТ (МИИТ)» (г. Москва, ул. Образцова, 9; etuchr@miit.ru)

Veshkurova A.B.

COMPARATIVE ESTIMATION OF THE LABOR POTENTIAL OF THE REGIONS OF THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The article discusses the main approaches to the assessment of the regional labor potential. A method of monitoring the quality of the labor potential is proposed by the example of the regions of the North-West Federal district, which can be used in the activities of regional authorities in determining the goals of socio-economic policy.*

Key words: *labor potential, components of labor potential, quality of labor potential, evaluation methodology, regional level.*

References

1. Kashin V.K., Makar S.V. On the prospects for the development of regions of the Russian Federation within the North-West Federal District // Regional Economics: Theory and Practice. 2017. № 1 (436), pp. 19-34.
2. Kryshhtaleva T.Y. Method of assessing the state of the labor potential of the regions of the Russian Federation // Bulletin of the NSU. Series: Socio-economic sciences. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-otsenki-sostoyaniya-trudovogo-potentsiala-regionov-rf> (appeal date: 10/14/2018).
3. Popova LA, Terentyeva MA. The labor potential of the Russian north // Arctic and North. 2014. No. 4. Pp. 51-69.
4. Yakshibaeva G.V. Labor potential of the republic: quantitative and qualitative characterization // Economy and Management. 2007. No. 3. Pp. 68-75.

Information about the Author

Alina B. Veshkurova (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economics, Associate Professor at the Department for Labor Economics and Human Resource Management, RTH (МИТ) (9, Obraztsova str., Moscow, Russian Federation; etuchr@miit.ru)

УДК 316 / ББК 60.54

Власова О.И., Чебыкина И.В.

ПЕНСИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования отношения молодежи к пенсионной политике государства через призму доверия к ней. Сделан вывод о нигилистических оценках молодежью пенсионной политики и низкой целевой активности молодежи в вопросах формирования пенсионного будущего.

Ключевые слова: *пенсионная политика, пенсионный нигилизм, молодежь.*

Публикация выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-01088-ОГН «Пенсионный нигилизм» молодого поколения россиян как социальная практика».

Проблематика реформирования пенсионной политики является остроактуальной в последние несколько лет, в том числе в связи с нестабильностью пенсионных практик, закрытостью и непрозрачностью института пенсионного обеспечения. Важнейшим агентом проводимых реформ предстоит стать нынешней молодежи, ведь именно им предстоит не только участвовать в современных распределительных механизмах пенсионного обеспечения, но и самостоятельно формировать пенсионный капитал, концепция которого вот-вот будет принята и будет «запущена» в массы.

Социальный институт пенсии и пенсионная политика России достаточно подробно изучены рядом отечественных ученых, среди которых Валиева В.Н., Каспарьянц Н.М., Куштанина В.А., Орлов С.Н., Петелина Я.П., Стрепетова А.Д., Сургутскова Е.В., Кошечкина О.Н. и др. Вместе с тем, в целом недостаточно изучены пенсионные практики молодежи и ее настроения относительно пенсионного обеспечения. Пенсионный нигилизм молодежи в отношении институциональных пенсионных практик зачастую проявляется в форме правового нигилизма, в неинституциональных пенсионных практиках – в форме сомнений и отсутствия веры в успешный исход реформ [1, с. 53].

Мы придерживаемся мнения о том, что важным фактором, определяющим отношение и оценку проводимых пенсионных реформ в России и пенсионной политики России в целом, является доверие. Как социологическая категория, доверие (по мнению П. Штомпки) является определенным залогом того, что «...неопределенные будущие действия других людей или функционирование оборудования либо учреждения будут нам полезны» [3, с. 112]. Так, доверие снижает неопределенность и риски, связанные с человеческим поведением. Доверие становится нормой поведения, когда, по мнению Е.В. Жуковской, «...действия субъекта подразумевают его положительное мнение относительно добросовестности, надежности либо

качества объекта доверия и принятия субъектом рисков, связанных с необоснованностью данного мнения» [2, с. 214].

Остановимся на некоторых аспектах отношения молодежи Свердловской области к пенсионной политике государства, изученного сквозь призму доверия к ней. В рамках исследования нами было опрошено 200 молодых жителей Свердловской области от 18 до 35 лет, отобранных случайным образом. Большинство (65%) имеет высшее или неполное высшее образование; 74% не состоит в браке; 52% молодежи не работает, продолжая обучение или находясь в поиске подходящей вакансии, 48% имеют постоянную занятость. Анализ данных опроса позволил сформулировать ряд выводов об отношении к сложившейся пенсионной политике. Рассмотрим эти выводы.

Молодежь слабо информирована о том, как именно формируется их будущая пенсия, что может повлиять на нее в будущем. Лишь 43% опрошенных считают себя информированными в данном вопросе, остальные либо считают себя не информированными (42%), либо затрудняются оценить уровень своей информированности (15%). Информированных больше среди мужчин (48% мужчин против 37% женщин), женщины же чаще затрудняются ответить на этот вопрос (23% и 7% соответственно). Порядка 40% молодежи не информированы о существующих видах пенсионного обеспечения.

В том, что будущей пенсии будет недостаточно для жизни, уверены 87% молодежи. Однако задумывались о том, как увеличить свою пенсию, лишь 39%, а имеет конкретный план или стратегию по формированию сбережений на пенсию лишь каждый пятый (20%) участник опроса. В качестве источников дохода после наступления пенсионного возраста 83% молодежи указывают заработную плату, которую они планируют получать, продолжая работать на пенсии, 59% рассчитывают на помощь супруга(и) или детей, а каждый третий планирует жить на сбережения (37%). На сдачу недвижимости в аренду и частные пенсионные накопления рассчитывают 19% и 18% соответственно.

Отчисляют средства в негосударственные пенсионные фонды около 26% молодежи (речь идет, скорее, не о персональном накоплении, а о том, что молодые люди выбрали фонд для управления накопительной частью пенсии). Причинами, по которым молодежь не отчисляет деньги в негосударственные пенсионные фонды, являются нехватка информации (67%) как о конкретных фондах, так и о негосударственных пенсионных фондах в целом, отсутствие свободных средств (40%), недоверие к пенсионным фондам и сложности с оценкой своих будущих доходов и расходов (по 21%). Если же говорить о пенсионной политике в целом, то молодежи не хватает информации буквально обо всех ее аспектах: как устроена пенсионная система, какие существуют способы сбережений на старость; какие законы, защищающие права потребителей в пенсионной сфере, существуют, что следует делать, если эти права нарушаются; что такое частные пенсионные фонды; по каким параметрам нужно сравнивать услуги, предлагаемые частными пенсионными фондами, страховыми и управляющими компаниями. Кроме того, у молодежи очень высок запрос и на общую финансовую грамотность. В частности, им интересно, как ставить финансовые цели и составлять личный финансовый план; где искать и как оценивать информацию о финансовых услугах, как отличить рекламу от объективной информации; какие риски при пользовании финансовыми услугами существуют и как ими управлять.

В качестве источников информации по этим направлениям молодежь хотела бы видеть пенсионные фонды и/или страховые компании (33%), независимых финансовых

консультантов (32%), высшие учебные заведения экономического и финансового профиля (30%). Однако в настоящий момент больше всего информации о пенсионной политике молодежь получает от своих близких (60%), из СМИ и рекламы (45%). Вероятно, мы можем говорить о недоверии к существующим каналам распространения информации, ведь больше всего в вопросах пенсии молодежь доверяет независимым экспертам (29%), своему мнению (26%) и мнению родственников, друзей (24%).

В качестве источников недоверия как к государственной системе пенсионного обеспечения, так и негосударственных фондов молодежь чаще всего называет неэффективное расходование средств и риски, связанные с деятельностью фондов. Поэтому основными проблемами в данной сфере остаются низкий размер пенсий (66%), неэффективная информационная работа со стороны фондов (45%), проблемы с трудоустройством пенсионеров (42%), ежегодное увеличение трудового стажа для выхода на пенсию (40%), увеличение разрыва в уровне жизни работающих и пенсионеров (37%).

Мерами, способствующими формированию доверия и более позитивному отношению к пенсионной политике, могут стать полнота и ясность информации о существующей пенсионной системе (55%), целенаправленное повышение пенсионной грамотности населения (45%), доступность информации о пенсионной системе и прозрачность доходов и расходов пенсионного фонда (по 34%), осведомленность граждан о своих накоплениях (28%), привлечение СМИ к освещению проблем пенсионного обеспечения (27%), возможность гражданам самим определять величину перечислений (18%).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что современная молодежь не только плохо информирована о своих пенсионных возможностях, но и пока не обладает доверием к существующей пенсионной политике, что порождает разнообразные нигилистические настроения молодежи относительно собственных возможностей и вариантов формирования пенсионного будущего.

Библиографический список

1. Абрамова С.Б., Власова О.И., Чебыкина И.В. «Пенсионный нигилизм» как социальная практика: постановка проблемы // Дискуссия. 2017. № 11. С. 50-55.
2. Жуковская Е.В. Доверие как норма и процесс ее институционализации // БИЗНЕСИНФОРМ. 2011. № 8. С. 214-216.
3. Штомпка П. Доверие – основа общества: монография. М.: Логос, 2012. 440 с.

Информация об авторах

Власова Ольга Ивановна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «РГППУ» (620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; mail@rsvpu.ru);

Чебыкина Ирина Витальевна (Россия, Екатеринбург) – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «РГППУ» (620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; mail@rsvpu.ru)

Vlasova O.I., Chebykina I.V.
**STATE PENSION POLICY IN THE EVALUATION OF THE SVERDLOVSK
REGION YOUTH**

Abstract. *The article presents the results of an empirical study of young people attitudes to the state pension policy through the prism of trust. The authors concluded nihilistic assessment of pension policy and low activity of young people in the formation of their pension future.*

Key words: *pension policy, pension nihilism, young people.*

References

1. Abramova S.B., Vlasova O.I., Chebykina I.V. «Pension nihilism» as social practices: problem definition // Discussion. 2017. № 11. С. 50-55.
2. Zukovskaia E.V. Trust as a norm and the process of its institutionalization // BIZNESINFORM. 2011. № 8. С. 214-216.
3. Sztompka P. Trust is the foundation of society. Moscow: Logos, 2012. 440 с.

Information about the Authors

Olga I. Vlasova (Yekaterinburg, Russia) – Ph.D. in Sociology, associate professor of Department for Sociology and Social Work, FSAEI HE «RSVPU» (620012, Ekaterinburg, Mashinostroitelei, 11; mail@rsvpu.ru);

Irina V. Chebykina (Yekaterinburg, Russia) – Ph.D. in Sociology, associate professor, associate professor of Department for Sociology and Social Work, FSAEI HE «RSVPU» (620012, Ekaterinburg, Mashinostroitelei; 11, mail@rsvpu.ru)

УДК 332.021.8:37.088.2 / ББК 65.497(2Рос-4Вол)

Головчин М.А.

**УЧИТЕЛЬСКИЙ КОРПУС РОССИЙСКИХ ШКОЛ В ГОДЫ РЕФОРМ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье представлены результаты социологического опроса учителей вологодских школ, в рамках которого было проведено три этапа исследования: в 2011, 2015 и 2017 годах. На первом этапе (2011 г.) объем выборки опроса составлял 394 чел.; на втором (2015 г.) – 457 чел.; на третьем (2017 г.) – 424 чел. На основе обобщения исследовательского материала в статье выделены конфликты учительской профессии, детальное рассмотрение которых предоставляет возможность более широко понять проблемы не только школы, но и российского социума.

Ключевые слова: образование, реформа, учительство, общность, социальное самочувствие, конфликт, опрос.

Вопросы экономического и социального развития страны все чаще связываются с развитием образования как единой и непрерывной системы социализации личности и подготовки квалифицированных специалистов. Сфера образования в силу особенностей своего развития всегда являлась объектом государственных преобразований. До недавнего

времени эти преобразования характеризовали переломные исторические моменты. Сейчас же, когда требования к кадрам экономики постоянно меняется, они проводятся с нарастающей частотой [1-4].

В этих условиях индикатором эффективности проводимых реформ становится социальное самочувствие общности учителей как центральной фигуры в образовательном пространстве страны, активных проводников государственной политики и идеологии [1-4].

Что же представляет собой эта общность в настоящее время? За годы «сужения» образовательной сети на фоне снижения рождаемости российское учительство заметно потеряло в численном плане (более чем на 20% в среднем по РФ за период 2004–2016 гг.), что прослеживается и на уровне регионов [5]. Подобная тенденция сопровождается сохранением низкой ротации кадров. Так, согласно данным международного исследования TALIS, доля учителей, находящихся в предпенсионном и пенсионном возрасте, в России составляет 40%, что превосходит международный показатель – 31% [9].

В ходе проведенного в 2011–2017 гг. ФГБУН ВолНЦ РАН социологического исследования в Вологодской области было выяснено, что на роль психологического основания для конвергенции (сплоченности) в общности учительства все больше претендует социальное самочувствие педагогов. Это, прежде всего, касается настроения педагогов, которое сохраняет весьма положительный фон в общем и в разных категориях учителей – городских и сельских, со стажем и без, специалистов с разной квалификационной категорией [4, с. 233-252].

Подобные тенденции наблюдаются и в динамике запаса терпения, индикатора, демонстрирующего личностные диспозиции в плане возможностей стойко переживать сложные жизненные ситуации. На этом фоне среди педагогов растет удовлетворенность такими субъективными сторонами своей работы как отношения с учащимися и коллегами [4, с. 233-252].

В свою очередь учительский труд (как и любой другой) характеризуется рядом специфических конфликтов, которые вносят в общность учителей элементы разобщенности и в будущем могут стать отправной точкой для потери профессиональной идентичности и нарастания конфликтности в учительской среде [2, с. 29-36].

Конфликт между факторами, влияющими на трудовое поведение учителя, находит свое отражение в индивидуально-личностном понимании учителями своей профессии как призвания. Работа в сложном детско-подростковом коллективе нередко связана с особым терпением, психологической совместимостью и конформизмом, которые без призвания существовать просто не могут. В условиях неэффективности стимулов к преподавательской деятельности призвание зачастую становится единственным фактором, побуждающим педагога к профессиональной активности [3, с. 44-55]. Меньше всего «делом всей своей жизни» преподавание в школе считают молодые кадры (8%), что закономерно отражается на расстановке их личностных приоритетов.

В то же время значимость призвания серьезно подрывают объективные обстоятельства труда в школе, в частности рост «вынужденной» преподавательской нагрузки (которую лишь треть опрошенных характеризует как «нормальную»). Это заставляет учителей взглянуть на перспективы профессионального пути в ином ракурсе, что подтверждает наличие заметной доли тех, кто готов поменять место работы (66%). Среди них меньше специалистов в пенсионном и предпенсионном возрасте, что отчасти объясняется тем, что профессиональная

мобильность – это по большей части признак молодости. Немалая часть, питающих подобные планы, смущает все более усложняющийся характер труда в школе.

Еще один конфликт формируется в области ответственности учителя за результаты работы, которые зачастую не соответствуют уровню оплаты труда. Профессиональную оплошность учителя, по силе отложенных последствий, можно по праву сравнивать с врачебной ошибкой. Однако в нынешних условиях вознаграждение учительского труда не обеспечивает полноценного социального и культурного воспроизводства профессиональной общности [3, с. 44-55]. Так, лишь 19% преподавателей зарплата побуждает работать эффективнее. Полностью своей зарплатой удовлетворены 22% учителей, что меньше, чем в среднем по населению области (32%).

Неудовлетворительный размер оплаты труда является ведущей причиной того, что 75% педагогов не видят своих детей работающими в школе. Сфера образования сегодня финансируется по остаточному принципу, и это ярко иллюстрирует легкомысленное отношение представителей власти к этой отрасли. Подобное отношение приводит к усилению социальной напряженности в низовых эшелонах образования. Так, терпеть свою сложную ситуацию среди учителей готовы 78%, что на порядок ниже, чем в среднем по населению региона.

Конфликт также возникает между качеством преподавательской деятельности и нелинейной, непродуманной образовательной политикой (сочетающейся с мнимым усилением вертикального управленческого контроля), что проявляется в двух аспектах. Первый – это насильное «натаскивание» школы на Единый государственный экзамен. К ЕГЭ положительно относится только 33% учителей, это одна из самых непопулярных реформ, согласно данным нашего опроса. Второй аспект – это рост бюрократизации образования («бумажном геноциде» по меткому выражению А.М. Осипова). Так, 70% учителей заявляют о том, что канцелярская работа в их профессии стала превалировать над образовательной. Большая профессиональная нагрузка постепенно становится ограничителем активности учителей в социально-профессиональной активности вне стен школы [2, с. 29-36].

Одним из следствий нарастания клубка этих противоречий становится дивергенция в социально-профессиональной общности учителей, которая проявляется в разной степени адаптированности к происходящим в школе трансформациям, неодинаковом отношении к изменению характера образования, низкой активности в профессиональных объединениях. Это мешает тому, чтобы внутри учительства сформировалось «единство общих и специальных целей профессиональной деятельности». В этой связи перспективы реализации актуальной в настоящее время модели проектного управления (требующего партнерства и сотрудничества) образованием видятся неоднозначными.

Библиографический список

1. Головчин М.А. Отношение к учительскому труду у городских и сельских педагогов: по материалам социологического мониторинга // Наука и школа. 2018. № 1. С. 110-118.
2. Головчин М.А. Российские образовательные реформы: мнения педагогов // Народное образование. 2018. № 6-7. С. 29-36.

3. Головчин М.А. Учителство в российском регионе: сплоченность и обособленность внутри социально-профессиональной общности // Социология образования. 2017. № 6. С. 44-55.
4. Головчин М.А., Соловьева Т.С. Социальное и профессиональное самочувствие учителей российских школ в период реформ и контрреформ // Идеи и Идеалы. 2018. № 3. Т. 2. С. 233-252.
5. Индикаторы образования: 2017. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 179 с.
6. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 148 с.
7. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
8. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7-17.
9. TALIS Indicators // OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_TS_АСТ# (дата обращения: 13.08.2018).

Информация об авторе

Головчин Максим Александрович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; mag82@mail.ru)

Golovchin M.A.

TEACHING BUILDING OF RUSSIAN SCHOOLS DURING REFORMS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. *The article presents the results of a sociological survey of teachers in Vologda schools, in which three phases of the study were conducted: in 2011, 2015 and 2017. At the first stage (2011), the sample size of the survey was 394 people; on the second (2015) – 457 people; on the third (2017) – 424 people. Based on the generalization of research material, the article highlights the conflicts of the teaching profession, a detailed examination of which provides an opportunity to more widely understand the problems not only of the school, but also of the Russian society.*

Key words: *education, reform, teaching, community, social well-being, conflict, survey.*

References

1. Golovchin MA Attitudes towards teacher work among urban and rural teachers: on the basis of sociological monitoring materials // Science and School. 2018. № 1. Pp. 110-118.
2. Golovchin M.A. Russian educational reforms: the views of teachers // Public Education. 2018. № 6-7. Pp. 29-36.
3. Golovchin M.A. Teaching in the Russian region: cohesion and isolation within the socio-professional community // Sociology of Education. 2017. № 6. p. 44-55.
4. Golovchin M.A., Solovyova T.S. Social and professional well-being of teachers of Russian schools in the period of reforms and counter-reforms // Ideas and Ideals. 2018. № 3. Т. 2. Pp. 233-252.

5. Education indicators: 2017. M.: HSE, 2016. 179 p.
6. The youth of modern Russia is a key resource of modernization / under total. ed. A.A. Shabunova. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences, 2013. 148 p.
7. Ustinova K.A., Gubanova E.S., Leonidova G.V. Human capital in an innovative economy. Vologda: ISEDT RAS, 2015. 195 p.
8. Shabunova A.A. Social development and demographic challenges of modernity // Problems of territory development. 2014. № 2 (70). Pp. 7-17.
9. TALIS Indicators // OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=EAG_TS_ACT# (access date: 08/13/2018).

Information about the Author

Maxim A. Golovchin (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Senior Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; mag82@mail.ru)

УДК 316.42 / ББК 66. 5

Гужавина Т.А., Мехова А.А.

ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Усиливается роль нематериальных ресурсов для повышения конкурентоспособности региона. При достаточном запасе социального капитала потребность в государственном присутствии в экономике и обществе снижается. Доверие, обмен информацией по социальным сетям повышают эффективность инвестиций, компаний и рынков.

Ключевые слова: социальный капитал, индикаторная модель, доверие, инвестиции, социальные сети.

В традиционном подходе к трактовке устойчивого развития, включающем в себя экологический, экономический и социальный аспекты, отметим наличие и уровневого подхода. В его границах сегодня усиливается внимание к мезо- и микроуровню. Такое толкование характерно для так называемого кластерного подхода к устойчивому развитию. По мнению авторов подхода, обеспечение устойчивого развития происходит за счет формирования «кластеров», комплекса взаимосвязанных компаний и связанных с их деятельностью организаций в определенных конкурентных областях и сконцентрированных географически [1]. Кластерный подход базируется на принципах корпоративного гражданства и часто используется для исследования механизмов формирования устойчивого развития региона. В рамках этого подхода особую важность приобретают непрямые факторы, способствующие повышению конкурентоспособности региона. Сегодня уже очевидно, какую огромную роль играют отношения, возникающие в связи с тем, насколько и

как организованы и взаимодействуют для достижения определенных результатов отдельные люди и общество в целом. Исследование социальных отношений показало их значение для роста и развития, для обеспечения конкурентоспособности. Эти отношения и социально значимые эффекты как их результат принято называть социальным капиталом. Социальный капитал – это тот ресурс развития, который влияет на экономический рост, на общественное благосостояние, на эффективность социальных программ и на многое другое. Социальный капитал внедрен в социальные отношения и социальные структуры, которые могут быть мобилизованы, когда актер желает повысить вероятность успеха некоторых целенаправленных действий.

Разработка теории социального капитала связана, в первую очередь, с именами П. Бурдьё, Дж. Коулмена, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы. Благодаря им мы понимаем, что социальный капитал представляет собой сложную концепцию, охватывающую несколько измерений: социологическое, экономическое и политическое. Мы изучили и сопоставили множество определений социального капитала. Все авторы говорят о том, что наличие в категории термина «капитал» показывает, что его следует трактовать как нематериальный ресурс, помогающий сэкономить или приумножить ресурсы материальные.

Мы концептуализировали эти смыслы в единое понятие. Под социальным капиталом мы понимаем наличие сетей социальных отношений, характеризующихся нормами доверия и взаимности, уровень вовлеченности в них людей и, в конечном счете, полезные для общества, для социальных групп (в частности и для региона) внешние эффекты, результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках межличностных сетей и ассоциаций, основанных на доверии, общих нормах и ценностях [2]. Принципиально важно, что ни один из названных компонентов изолированно не может рассматриваться как социальный капитал.

Исследователи нашли, что высокий уровень «ассоциативной» жизни, доверие и нормы взаимности и гражданского сотрудничества сильно коррелируют с уровнем доходов на душу населения в регионе. Выявлено влияние социального капитала на снижение транзакционных издержек, создание привлекательного инвестиционного климата, на предотвращение и противодействие случаям мошенничества в экономических операциях. Наличие социального капитала улучшает обмен информационными потоками и ускоряет распространение инноваций. Социальный капитал служит гарантией для субъектов хозяйствования при ведении рискованной, но потенциально более прибыльной хозяйственной деятельности [2].

Связь социального капитала и устойчивого развития проявляется в том, что во время экономического кризиса социальный капитал является защитным фактором. Социальный капитал и социальные сети, возможно, представляют собой сеть, защищающую от неблагоприятного воздействия быстрых макроэкономических изменений.

Первоочередными в определении способности человека справиться с экономическим кризисом являются распространенность социальных сетей, способность к инновациям и сильное чувство как индивидуального, так и общественного самосознания. В некоторых случаях период кризиса может привести к укреплению социальной сплоченности и даже генерировать новые отношения, которые улучшают общий социальный капитал, когда сообщества находят инновационные способы преодоления своих проблем.

Для изучения состояния социального капитала региона была разработана индикаторная модель его измерения, в которую были включены в качестве составляющих доверие; сети как межличностные неформальные связи; сети как включенность в общественные организации, группы; солидарность, готовность к совместным действиям; ощущение возможности влиять на положение в семье, в доме-дворе, в городе и т. д.; ценности, установки. Для измерения был использован метод социологического опроса населения. В этом случае индикаторами основных составляющих будут ответы респондентов. Был разработан инструментарий социологического опроса, включающий блоки вопросов на каждый компонент социального капитала. В анализе данных использовался индексный метод. По каждому вопросу рассчитывался частный индекс. Для каждого респондента был рассчитан комплексный индекс, состоящий из 10 частных индексов, и выведен средний индекс, в соответствии с которым каждый респондент отнесен в группу с тем или иным уровнем накопленного социального капитала.

По данным опроса, население региона делится на группы обладателей СК разного уровня – от высокого до низкого. В итоге все респонденты были разбиты на пять групп в зависимости от полученного индекса, то есть уровня накопленного капитала. По тому, какую долю составляют люди с высоким уровнем социального капитала, можно судить о социальном капитале региона.

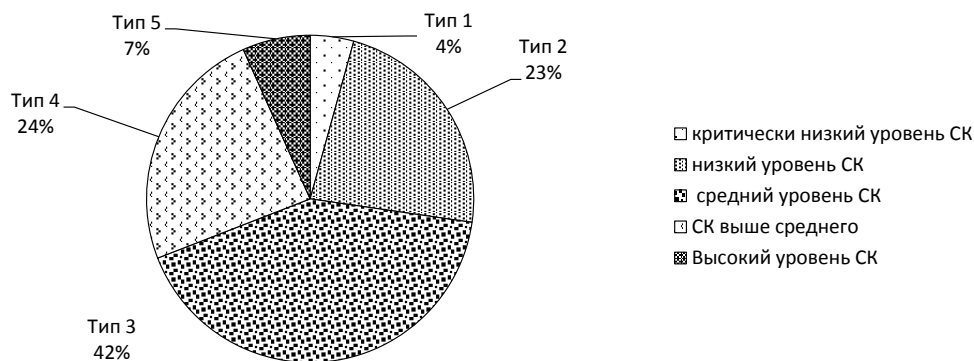
Продемонстрировать суть распределения людей на кластеры по уровню развития социального капитала можно на основании ответов на ряд вопросов-индикаторов. Больше половины людей с высоким уровнем социального капитала, т. е. 5 типа, отмечают, что они влияют на положение дел у себя на работе, среди групп с накопленным социальным капиталом 4 и 3 типа таковых только 32% и 14% соответственно. А среди тех, у кого социальный капитал минимальный, больше половины не влияют на положение дел и на работе (*табл.*). Среди людей с высоким уровнем социального капитала 67% готовы объединяться с другими людьми, в других кластерах доля таковых заметно ниже.

Распределение ответов на вопрос, влияете ли Вы лично сегодня на состояние дел у Вас на работе? В зависимости от принадлежности к группе социального капитала

	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип	5 тип
в полной мере	0	7	14	32	57
в значительной мере	5	18	38	41	40
в незначительной мере	26	28	24	12	0
не влияю	56	33	15	3	2
затрудняюсь ответить	13	14	10	11	2
Индекс влияния	-1,33	-0,62	0,11	0,87	1,5

Еще одним важным индикатором социального капитала стала вовлеченность в социальные сети, ассоциации, общественные организации. 70% респондентов отметили, что не состоят в официальных общественных организациях.

Следует заметить, что среди жителей области преобладают люди со средним уровнем социального капитала, относящиеся к 3 и 4 типу. Люди с высоким уровнем социального капитала составляют лишь 7% (*рис.*)

Структура населения по наличию социального капитала

Таким образом, при достаточном запасе социального капитала потребность в государственном присутствии в экономике и обществе снижается. В частности, доверие, обмен информацией по социальным сетям, предпринимательская и трудовая этика повышают эффективность инвестиций, компаний и рынков, и экономика в таком случае в меньшей степени нуждается в формальных институтах. При достаточном запасе социального капитала общество может частично замещать государство в основной сфере полномочий последнего – предоставлении общественных благ, что будет способствовать устойчивому развитию региона.

Библиографический список

1. Портер М.Э. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс, 2006. 608 с.
2. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 110-125.

Информация об авторах

Гужавина Татьяна Анатольевна (Россия, Вологда) – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; common@vscc.ac.ru);

Мехова Альбина Анатольевна (Россия, Череповец) – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (162600, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5; chsu@chsu.ru)

Guzhavina T.A., Mekhova A.A.

THE POWER OF SOCIAL CAPITAL FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. *The role of intangible resources is increasing to increase the competitiveness of the region. With an adequate supply of social capital, the need for a state presence in the economy and society decreases. Trust, sharing information on social networks increases the efficiency of investments, companies and markets.*

Key words: *social capital, indicator model, trust, investments, social networks.*

References

1. Porter M.E. Competition: Per. from English. M.: Williams, 2006. 608 p.
2. Afanasyev D.V., Guzhavina T.A., Mekhova A.A. Social capital in the region: on the issue of measuring and building an indicator model // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. No. 6 (48). Pp. 110-125.

Information about the Authors

Tatyana A. Guzhavina (Vologda, Russia) – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher of FGBUN Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; common@vscc.ac.ru);

Albina A. Mekhova (Cherepovets, Russia) – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Head. Department of sociology and social technologies of Cherepovets state University (5, Lunacharsky av., Cherepovets, 162600, Russian Federation; chsu@chsu.ru)

УДК 316.356.2

Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А.

ИНДЕКСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИИ

Аннотация. В статье предложен индексный подход к изучению состояния института семьи, который включает в себя данные о положении и систему показателей, позволяющую оценивать динамику состояния института семьи.

Ключевые слова: семья, индекс семейного потенциала, институт семьи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (№ 17-06-00093А «Моделирование динамики семейной структуры населения современной России»).

Семья является фундаментальной основой российского общества. Государственная политика России должна быть направлена на сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение авторитета родительства в семье и обществе, профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей. Несомненно, происходящие за последние годы социально-экономические и политические изменения в стране затрагивают экономические, правовые, социальные и психологические аспекты жизни семьи.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Российской Федерации 40,7 миллиона семей состоит из 2 и более человек. Число супружеских пар, в которых оба супруга моложе 30 лет, составляет 3,1 миллиона семей [1]. Семьи, имеющие в своём составе несовершеннолетних детей, составляют 44% от общего количества семей (17,3 миллиона семей), с двумя несовершеннолетними детьми – 27,5%, многодетные семьи – 7%. В структуре многодетных семей около 70% составляют семьи с тремя детьми. Из всех семей с несовершеннолетними детьми только 67% семей являются полными, в которых дети проживают с обоими родителями (в 2002 году – 70%).

Наблюдается постепенное снижение доли детей, рождённых вне зарегистрированного брака, в общем числе рождений – с 28% в 2006 году до 21% в 2016 году [2]. При этом за последние десять лет нестабильная ситуация состоит с браками, так в 2007 году на 1000 браков приходилось 575 развода, а в 2016 году – 617 разводов.

В 2016 году по сравнению с 2006 годом более чем на 21% увеличилось число родившихся и составило 1888729 детей. Однако в 2016 году по сравнению с предыдущим годом рождаемость снизилась почти на 2,7% (или 51850 чел.). Суммарный коэффициент рождаемости в 2016 году достиг 1,76 [2].

Можно выделить следующие основные направления деятельности государства по поддержке семей: принимаются законодательные акты; разрабатываются программы на различных уровнях власти; нарабатывается практика; совершенствуются институты и нормы. Так, в конце 2017 года были внесены изменения в Федеральный закон № 432-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и тем самым продлен материнский капитал до 2021 года включительно. В 2015 году индексация средств по сертификату была приостановлена, и составила 453026 рублей. Ранее материнский капитал можно было использовать на улучшение условий проживания, получение детьми образования, повышение накопительной пенсии мамы, приобретение товаров и услуг для детей-инвалидов с целью их социальной адаптации и интеграции в общество (с 2016 г.).

Правительство понимает, что только средств материнского капитала уже недостаточно, и в 2018 году по поручению Президента РФ был принят новый закон № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», согласно которому установлена новая ежемесячная денежная выплата при рождении первого ребенка с 1 января 2018 года. Размер составляет установленный в регионе прожиточный минимум для детей (в среднем по России в 2018 году составит около 10500 рублей) и будет выплачиваться семьям до достижения ребенком 1,5 лет. Также с 2018 года возможно из средств материнского капитала получать ежемесячные выплаты на второго ребенка до достижения им 1,5 лет (однако это касается только семей, чей среднедушевой доход в месяц менее 1,5 прожиточного минимума). Еще одним изменением стало то, что средства можно будет тратить на дошкольное образование уже с рождения, не дожидаясь исполнения ребенку трех лет [4].

Одновременно нововведением государства в рамках программы материнского капитала стало льготное условие кредитования. Так, в семьях, в которых в 2018–2021 гг. появится второй или третий ребенок, можно воспользоваться льготной ипотекой (6%), чтобы улучшить свои жилищные условия. При этом льготную ипотеку можно погасить средствами сертификата [5].

На наш взгляд, для более эффективной работы при принятии региональных законодательных и нормативно-правовых актов на основе федеральных документов необходимо максимально полно учитывать местные социально-экономические, демографические особенности территории. Поэтому мы предлагаем индексный подход к изучению состояния института семьи, который включает в себя данные о положении семьи в регионе и методический инструментарий, т. е. систему показателей, позволяющую оценивать динамику состояния института семьи.

Для этого был разработан Индекс семейного потенциала ($I_{СП}$ $I_{СП}$), при составлении которого мы опирались на изучение факторов изменения среднего размера и структуры семьи, а также на имеющуюся в свободном доступе статистику по регионам Российской Федерации.

В состав индекса включены показатели, отражающие состояние здоровья населения, а значит и семьи, воспроизводство и репродуктивные установки, брачно-семейную структуру населения и жилищную обеспеченность. В результате Индекс семейного потенциала ($I_{СП}$) содержит пять показателей: ожидаемая продолжительность жизни; суммарный коэффициент рождаемости; внебрачная рождаемость; соотношение браков и разводов; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя²².

В зависимости от уровня Индекса семейного потенциала регионы России были разделены на группы: регионы с ниже среднего, средними, выше среднего и высокими значениями показателей. В 2016 г. значения индекса по стране в целом составляло 73,7, что является нижней границей интервала для соотношения территории к группе выше среднего уровня. Пять федеральных округов (Северо-Кавказский, Приволжский, Центральный, Южный, Уральский и Северо-Западный) имеют уровень выше среднего (81–73), Сибирский – средний уровень (72–69), Дальневосточный – ниже среднего (68–61). За 2000–2016 гг. произошло увеличение индекса как по России в целом (на 27%), так и по отдельным регионам (табл.).

Индекс семейного потенциала ($I_{СП}$) в федеральных округах России, 2000–2016 гг.

Территория	Год									2016 к 2000, %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Россия	58,1	60,8	67,3	68,4	72,4	70,7	72,0	74,1	73,7	127
Северо-Кавказский ФО	64,4	74,1	80,4	80,8	84,2	80,4	78,8	79	77,6	120
Приволжский ФО	59,3	60,9	68,0	69,5	73,8	72,7	74,3	76,5	76	128
Центральный ФО	59,7	62,2	68,1	69,1	72,9	71,1	73,3	76,1	75,8	127
Южный ФО	59,8	63,3	67,0	68,0	72,2	70,9	72,5	73,8	73,2	122
Уральский ФО	57,1	60,1	67,3	68,3	72,1	71,3	72,4	74,2	73,6	129
Северо-Западный ФО	57,0	59,8	66,5	67,6	72,0	69,5	71,3	74	74,5	131
Сибирский ФО	56,0	58,0	64,6	65,2	69,3	67,6	68,2	69,6	69,1	123
Дальневосточный ФО	53,6	58,2	61,7	63,3	67,3	65,8	67,1	68,4	67,9	127
Республика Крым	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	70,6	-
г. Севастополь	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	74,3	-

Источник: расчеты авторов.

В 2014 г. в состав Российской Федерации были включены территории Республика Крым и г. Севастополь. Расчеты 2016 г. показали, что в данных субъектах России значения индекса были на уровне среднего и выше среднего, а именно 70,6 и 74,3 соответственно. По стране в 2016 г. наиболее высокий уровень семейного потенциала зафиксирован в Чеченской Республике (88,8), минимальный – в Республике Тыва (64,1). Подавляющее большинство (81%) регионов России имеют индекс семейного потенциала выше среднего. Стоит отметить региональную неравномерность. Так, разница между максимальным и минимальным значением индекса семейного потенциала в 2016 году составляла 27 пунктов, 2010 году – 27 пунктов, 2000 году – 23 пункта. За 2000–2016 гг. в десятку территорий с максимальным показателем ($I_{СП}$) входили регионы Северо-Кавказского, Центрального и Приволжского

²² При расчете Индекса семейного потенциала ($I_{СП}$) используется метод, основанный на соотношении реальных данных показателей с их стандартами (полученное процентное отношение – степень приближения к стандартному значению). Индекс представляет среднее арифметическое стандартизированных значений показателей (отобранных выше) [2].

федеральных округов, тогда как с минимальным – Дальневосточного, Сибирского и Приволжского федеральных округов.

Исследование подтвердило наличие сильно выраженных межрегиональных отличий на территории страны. Разница в индексах семейного потенциала в 2016 г. составила 27 пунктов. Регионы, сохранившие национальные традиции, в которых заложены институт семьи, многодетность, совместное проживание нескольких поколений и другие ценности, имеют высокие показатели семейного потенциала. К таким территориям относятся регионы Северного Кавказа. Это подтверждает тот факт, что демографические процессы связаны не только с социально-экономическими факторами. Не в меньшей степени на них влияют глубокие изменения в ментальности людей, культуре, происходящие в современном мире. В современном мире такие ценности, как семья, материнство, дети, уступают позиции новым ценностям – таким как получение образования, профессиональная карьера, успешность в политике, бизнесе, и Россия здесь не исключение. За 2006–2016 годы на 35% снизилась рождаемость среди женщин в возрасте от 20 до 24 лет.

Благоприятная ситуация обстоит и в большинстве регионов Центральной России. Однако параметры воспроизводства вызывают опасения. Так, здесь самый низкий суммарный коэффициент рождаемости, который составляет 1,5. Совсем другая ситуация обстоит в регионах Дальнего Востока, где сохраняется невысокая продолжительность жизни, высокая внебрачная рождаемость и разводимость.

Выявленные тенденции могут быть использованы в качестве ориентиров при разработке и реализации федеральных и региональных программ демографической и социально-экономической политики с целью повышения качества управления в социальной сфере.

Библиографический список

1. Всероссийская перепись населения 2002 г., 2010 г. / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
2. Демографический ежегодник России – 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
3. Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Семейный потенциал в условиях модернизации современной России // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 6 (92). С. 94-107.
4. Материнский капитал.ру. URL: <http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/>
5. Пенсионный Фонд Российской Федерации. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/krasnoyarsk/news~2018/02/15/153349>

Информация об авторах

Доброхлеб Валентина Григорьевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук» (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; vdobrokhleb@mail.ru);

Кондакова Наталья Александровна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56a; natalirus87@yandex.ru)

Dobrokhleb V.G., Kondakova N.A.

INDEX APPROACH TO THE STUDY OF THE FAMILY INSTITUTION IN RUSSIA

Abstract. *The article examines an index approach to the study of the state of family institution. Family potential index includes data on the position and a system of indicators that allows to evaluate the dynamics of the state of the family institution.*

Key words: *family, family potential index, family institute.*

References

1. All-Russian population census 2002, 2010 г. URL: <http://www.gks.ru>
2. Demographic Yearbook of Russia – 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
3. Dobrokhleb V.G., Kondakova N.A. Family Potential in the Conditions of Modernization in Present-Day Russia // Problems of territory's development, 2017, no. 6 (92), pp. 94-107. URL: http://pdt.volnc.ru/article/2408?_lang=en
4. Maternal Capital.ru. URL: <http://materinskij-kapital.ru/v-2018-godu/>
5. Pension Fund of the Russian Federation. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/krasnoyarsk/news~2018/02/15/153349>

Information about the Authors

Valentina G, Dobrokhleb (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences” (vdobrokhleb@mail.ru);

Natal'ya A. Kondakova (Vologda, Russia) – Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; natalirus87@yandex.ru)

УДК 316.433 / ББК 60.5

Ковригина Г.Д.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье показывается место социальной идентичности жителей региона и анализируются перспективы территориального развития. Рассматриваются условия взаимовлияния жителей региона и территориального потенциала развития.

Ключевые слова: социальная идентичность, жители региона, территориальное развитие, перспективы.

Территориальное развитие невозможно представить без сформированной социальной идентичности его жителей. Поэтому выступают важным моментом сферы и технологии, объекты и субъекты конструирования социальной идентичности отдельного региона или целой страны.

Автор [2] и ряд других ученых уже рассматривали в других работах различные стороны данного явления (Аносов С.С. [1] и Мамурков Е.В. [3] – особенности гражданской активности, Полюшкевич О.А. [4, 5] – роль территории в формировании социальной солидарности).

Жители России отождествляют себя с пространством страны как с частью российской цивилизации, но при этом эта идентичность далеко не всегда совпадает с фактическими рубежами и границами государства. Яркий пример этому – вхождение Крыма в 2014 году в состав РФ. Большинство россиян восприняли это событие как реализацию достаточно естественного процесса, отложенного во времени по стечению обстоятельств (82% россиян, по данным ФОМ, уверены, что присоединение Крыма в конечном итоге принесет России пользу. Из них только 15% считают, что наряду с пользой будет и некоторый вред) [4].

В 2017 году ИСН ИГУ проводился опрос россиян на тему «Социальной солидарности», задавался вопрос: «Какие чувства вызывает у вас присоединение Крыма?»²³. Ответы были достаточно однотипными: испытали *счастье* 15% опрошенных, *радость* – 30%, *удовлетворение* – 28%. В сумме – 77%, и только 20% указали на обеспокоенность, 3% затруднились оценить свои чувства. Давая пояснения, респонденты говорили следующее: «Крым исторически принадлежит России. Справедливость восстановлена» (А.К., 49 лет); «Крым НАШ! И это правильно» (О.А., 22 года); «Российские территории должны принадлежать России» (А.Г., 35 лет).

Большая часть опрошенных негативно воспринимают распад СССР. Потеря бывших советских республик в сознании старшего поколения стала чуть ли не личной трагедией: «То, что мы потеряли свою территорию – это великая трагедия нашей страны» (О.С., 66 лет); «Моя территория, которую с детства я считала своей – стала вдруг другим государством! Это до сих пор не укладывается у меня в голове» (С.В., 74 года). Для более молодого поколения – утрата территории также воспринимается негативно, но в более сдержанных характеристиках: «Потеря территорий – наверное, самое плохое из того, что случилось в 90-е годы» (Н.Н., 23 года); «Территория – это сила государства и величие народа. Утрата территории – утрата силы» (О.Е., 19 лет).

Возвращение Крыма в лоно Российской Федерации является примером того, что такая ситуация может повториться и с другими территориями.

«Нам надо вернуть все наши земли – вплоть до Аляски и Калифорнии. Это наша земля!» (Н.Д., 29 лет); «Задача для Президента – вернуть все наши земли!» (В.О., 45 лет).

Уникальность России в том, что она до сих пор не стала ни Европой, ни Азией, смогла создать и сохранить уникальные традиции. Основная задача – осознать свою уникальность и неповторимость, принять свою миссию – сохранение духовности и сохранить ее для потомков.

В нашем исследовании выявлено, что *европейской страной* Россию считают только 7% респондентов, *азиатской страной* Россию считают 9%, 35% – евразийской страной, 49% – считают, что Россия – это российская цивилизация.

Также мы попросили респондентов назвать ассоциации, которые приходят, когда они слышат фразу «Российское государство». Результаты можно разделить на несколько

²³ Опрос проводился Иркутским государственным университетом в 2017 г. в г. Новосибирск, Красноярск, Улан-Удэ, Чита, Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское, Братск, Шелехов. Общее количество респондентов – 1200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, 55% женщин и 45% мужчин, погрешность 2,4%. Выборка случайная.

семантических групп: «Власть» (31%) – сила, управление, защита, наказание; «Территория» (28%) – пространство, леса-горы-реки-озера, Природа, Родина, Дом; «Жители государства» – народ, люди, население, граждане.

Тот же вопрос был сформулирован относительно фразы «Сибирь». Результаты оказались несколько иными. «Менталитет» (44%) – характер, мировоззрение, ценности, оценки; «Духовность» (31%) – культура, религия, ценности, опыт прошлого, единство; «Природа и человек» (25%) – сакральная природа, исцеление, гармония, единство.

Иными словами, консолидация на уровне «Российской Федерации» происходит на формально-институциональных основах, а на уровне «Сибири» на социокультурных принципах единства и многообразия духовного и социального, материального и природного.

Стоит сказать, что «Российское государство» в сознании наших респондентов существует не как философская абстракция или формально-правовой институт, а как конкретное, емкое понятие, которое имеет четкие субъективные формы воплощения в обычной жизни. Знакомое, освоенное пространство – дает силы и веру в то, что все получится [5]. Поэтому пространственно-территориальная составляющая мировоззрения становится одним из весомых факторов социально-символического развития общества.

Таким образом, изучение пространственного восприятия россиян позволяет говорить о символическом пространственно-территориальном комплексе, формирующем идентичность и самовосприятие жителей России. Народ ассоциирует себя с данной территорией, соответственно, она является интегрирующим фактором, способным сплотить разные слои и группы в единую силу, нацеленную на процессы социального воспроизводства. И, как указывали в той или иной мере рассмотренные в статье российские мыслители, российская самобытность лежит в основе территориально-пространственного единства общества.

Библиографический список

1. Аносов С.С. Региональные условия социальной активности гражданских инициатив // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 47-54.
2. Ковригина Г.Д. Территориальная идентичность в эпоху разрушения значимости пространства // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 208-212.
3. Мамурков Е.В. Трансформации гражданской активности в современном обществе // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2-х томах / под общей ред. З.Х. Саралиевой. 2017. С. 563-566.
4. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113-117.
5. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293-300.

Информация об авторе

Ковригина Галина Дмитриевна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, Иркутский национальный исследовательский технический университет (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; kovrigina_gd@mail.ru)

Kovrigina G.D.

SOCIAL IDENTITY OF THE INHABITANTS OF THE REGION AND PROSPECTS FOR TERRITORIAL DEVELOPMENT

Abstract. *The article shows the place of social identity of the inhabitants of the region and analyzes the prospects for territorial development. The conditions of mutual influence of the inhabitants of the region and the territorial development potential are considered.*

Key words: *social identity, residents of the region, territorial development, prospects*

References

1. Anosov S.S. Regional conditions of social activity of civil initiatives // News of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies. 2018. T. 23. Pp. 47-54.
2. Kovrigina GD Territorial Identity in the Epoch of Destruction of the Significance of Space // The Problem of the Relationship between the Natural and the Social in Society and Man. 2018. No. 9. Pp. 208-212.
3. Mamurkov E.V. Transformations of civic activity in modern society // Transformation of human potential in the context of the century Materials of the International Scientific and Practical Conference in the framework of the III All-Russian Scientific Forum "Science of the Future - Science of the Young". In 2 volumes. Under the general editorship of Z.Kh. Saraliev. 2017. Pp. 563-566.
4. Polyushkevich O.A. The symbolic value of the territory in the minds of Siberians // Sociology. 2018. No. 2. Pp. 113-117.
5. Polyushkevich O.A. Territorial-spatial symbols of sociocultural solidarity of Siberia // Bulletin of Pacific State University. 2017. No. 4 (47). Pp. 293-300.

Information about the Author

Galina D. Kovrigina (Irkutsk, Russia) – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Irkutsk National Research Technical University (Lermontov str., Irkutsk, 664074, Russian Federation; kovrigina_gd@mail.ru)

Козловский В.В.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Аннотация. Цивилизационный потенциал развития локальных территорий заключается в рассмотрении их целостности, включая весь комплекс различных ресурсов, институтов регионального и муниципального управления, социальной и культурной инфраструктуры, население, его занятость, уровень и качество жизни. Понятие локальной территории отражает особенности небольших, преимущественно малых городов и поселков городского типа.

Ключевые слова: регион, локальная территория, цивилизационный потенциал, ресурсы территориального развития, хронотоп, модерность.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 18-011-01254\18).

Проблема цивилизационного потенциала развития локальных территорий современного российского общества практически не обсуждается в научной литературе и публицистике. Хотя вопрос о современном этапе развития российских регионов, российской «глубинки», безусловно, находится в числе самых животрепещущих. Это прежде всего различные аспекты экономической, социальной, культурной жизни российского населения в удаленных от крупных городов поселениях. Понятие локальной территории, с нашей точки зрения, отражает особенности небольших, преимущественно малых городов и поселков городского типа, в которых проживает достаточно большое число людей.

Таблица. 1. Число городов и поселков городского типа на 1 января 2018 г.

	Российская Федерация	Северо-Западный Федеральный округ РФ
Число поселков городского типа	2203	136
Число городов	1045	146

Источник: Данные Росстата (2018) // <http://www.gks.ru/population>

На Северо-Западе России, согласно статистическим данным Росстата по Северо-Западному федеральному округу, на 1 января 2018 г. проживало 13 952 003 человек. Это чуть менее 10% населения России. Из таблицы видно, что в Северо-Западном федеральном округе РФ значительная часть населения, практически больше половины, живет в малых городах и поселках городского типа.

Численность населения в Северо-Западном федеральном округе РФ на 01.01.2018 г.
 Источник: Данные Росстата (2018) // <http://www.gks.ru>

Следует отметить некоторую положительную динамику демографических ресурсов северо-западного региона. В частности, численность населения в Северо-Западном федеральном округе на 1 января 2018 г. незначительно увеличилась, на 26347 человек, хотя в сравнении с 2017 г. и в среднем по большинству областей и республик округа произошло уменьшение населения. Прирост отмечен лишь в Калининградской, Ленинградской областях, Ненецком автономном округе, входящем в Архангельскую область, которая потеряла 5391 человека, и г. Санкт-Петербург.

Этот факт свидетельствует о тенденции прироста в основном городского населения, хотя, например, в Калининградской, Ленинградской областях также увеличилось сельское население. Интересно, что в Мурманской области на фоне уменьшения городского населения произошел небольшой прирост сельского населения. Если по России сельское население составляет на протяжении последних тридцати лет около 26%, то в Северо-Западном федеральном округе оно значительно ниже – около 16%.

Таблица 2. Численность постоянного населения в Северо-Западном федеральном округе на 1 января 2018 г. и в среднем за 2017 г. (человек)

	На 1 января 2018 года			В среднем за 2017 год		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Северо-Западный федеральный округ	13952003	11771437	2180566	13925656	11741714	2183942
Республика Карелия	622484	500558	121926	624784	501671	12311311
Республика Коми	840873	656821	184052	845713	660124	185589
Архангельская область	1155028	900962	254066	1160389	903687	256702
Ненецкий автономный округ	43997	32049	11948	43967	31941	12026

	На 1 января 2018 года			В среднем за 2017 год		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Архангельская область без Ненецкого автономного округа	1111031	868913	242118	1116422	871746	244676
Вологодская область	1176689	851560	325129	1180274	853023	327251
Калининградская область	994599	775122	219477	990430	771278	219152
Ленинградская область	1813816	1157086	656730	1802866	1152313	650553
Мурманская область	753557	695764	57793	755589	698085	57504
Новгородская область	606476	430486	175990	609499	432123	177376
Псковская область	636546	451143	185403	639355	452653	186702
г. Санкт-Петербург	5351935	5351935	-	5316757	5316757	-

Источник: Данные Росстата (2018) // <http://www.gks.ru>

Задача цивилизационного потенциала развития локальных территорий заключается в рассмотрении их как целостности, включая весь комплекс различных ресурсов, институтов регионального и муниципального управления, социальной и культурной инфраструктуры, население, его занятость, уровень и качество жизни. Собственно, это и есть цивилизационный комплекс территории. Безусловно, цивилизационный анализ развития локальных территорий направлен на понимание способов проживания жизненного пути людьми своего времени в месте своего проживания. Иными словами, цивилизационный подход означает выявление типичного хронотопа личной, приватной, публичной жизни людей разного возраста, жителей локальных территорий, наполняющих проживаемое ими время уникальным содержанием модерности (или современности).

В современном российском обществе в постсоветский период доминирует тенденция активного пространственного перемещения значительных групп преимущественно молодого населения из сельской местности в крупные и средние города. При этом доля городского населения выросла с 1991 по 2018 г. и колеблется около 73–74%, то есть практически не изменяется. Между тем текущая внутренняя миграция довольно значима. Она имеет маятниковый характер и зависит от экономической ситуации в стране, структуры занятости, устойчивости в поддержании уровня жизни. Большинство исследователей в соответствии со статистическими данными отмечали вымирание деревни. Однако наряду с процессом уменьшения численности сельского населения наблюдается обратный, хотя и небольшой поток из города в сельскую местность, прежде всего в пригороды, дачные поселения, заброшенные деревни, фермерские хозяйства. Это, в частности, летнее проживание в деревне, возвращение в село и деревню в силу ряда причин, дауншифтинг, фермерское и другое освоение сельских территорий. Иными словами, урбанизация в России сталкивается с устойчивой тенденцией дезурбанизации. Новые государственные инициативы наподобие «дальневосточного гектара», инвестиционные проекты новой аграрной индустрии в европейской и азиатской части страны также способствуют новому освоению обширных сельских территорий.

Следует отметить, что таким образом набирают силу тренды сдвига и стирания границ в структуре аграрного и перерабатывающего производства сельской продукции, соответственно, трудовой занятости местного и приезжего населения. Дополнительный поток составляет пожилое и старое население пенсионного возраста. Этот поворот пока еще слабо исследован и оценен, однако в нем присутствует явное стремление найти новые формы личного и частного жизнеустройства, обретения близких природе способов проживания, автономного индивидуального стиля и уклада повседневного существования. Отток из городов, в силу реальных физических, экономических и иных трудностей, безусловно, крайне невелик, но мигрирующие горожане, как правило, имеют несомненно большой экономический, социальный, символический и культурный капитал. Их трудовой стаж, профессионализм, образованность, интеллектуальный потенциал и составляют основу для транзита накопленного личного опыта в новые удаленные от плотнозаселенного города сельские места. Это богатство горожанина определяется воспринятыми и усвоенными возможностями весьма комфортной городской цивилизации.

Культурная автономия, устойчивые цивилизационные образцы (паттерны) городской жизни, рациональные институциональные порядки, привычка к отлаженности коммунальных услуг, открытые ресурсы досуга и отдыха неизбежно транслируются жителями города в условия сельской жизни. Этот процесс можно определить как цивилизационный трансфер из города в деревню, то есть как перенос приобретенного цивилизационного опыта жизни в урбанизированных условиях в дезурбанизированную среду. Следствием этого цивилизационного транзита из города в село является создание близкой к современным городским условиям социальной культурной и хозяйственно-экономической инфраструктуры.

Таким образом, на личном, частном и публичном уровнях складывается новый цивилизационный порядок или уклад современности людей, решивших радикально поменять сельскую жизнь на городскую и, наоборот, городской комфорт, доступную и, возможно, невысоко оплачиваемую работу на деревенские просторы. С точки зрения активного развиваемого в современных социальных науках цивилизационного подхода и теории множественных модерностей подобный обратный ход из города в деревню (село), как и из деревни в города вполне объясним логикой культурного, шире цивилизационного преодоления контрастного социального неравенства, институциональной жесткой заданности, политической атомарности и отчуждения от природы. Цивилизационный потенциал локальных территорий Северо-Запада России весьма своеобразен в сравнении с другими регионами страны, вместе с тем он хотя и медленно, но неизменно нарастает.

Библиографический список

1. Число городов и поселков городского типа Российской Федерации по муниципальным образованиям. 2018 / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62. Pp. 1-21.

3. Социальная уязвимость в региональном сообществе: эксклюзия и современные механизмы ее преодоления: монография / колл. авт. под рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018.

4. Антохонова И.В. Эволюция человеческого потенциала локальных территорий в условиях цивилизационного вызова // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в.: материалы международной научно-практической конференции. 2018. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018.

5. Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический проект, Гаудеамус, 2006.

Информация об авторе

Козловский Владимир Вячеславович (Россия, Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; директор, Социологический институт РАН – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН» (190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, 25/14; vvk_soc@mail.ru)

Kozlovskiy V.V.

CIVILIZATIONAL POTENTIAL OF DEVELOPMENT OF THE NORTH-WEST RUSSIA' LOCAL TERRITORIES

Abstract. *The civilizational potential for the development of local territories is to consider their integrity, including the whole complex of various resources, institutions of regional and municipal government, social and cultural infrastructure, population, its employment, level and quality of life. The concept of a local territory reflects the characteristics of small, mostly small towns and urban-type settlements.*

Key words: *region, local area, civilizational potential, resources of territorial development, social space, chronotope, modernity.*

References

1. The number of cities and urban-type settlements of the Russian Federation by municipalities. Rosstat data // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#, 2018.

2. Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. 2000. Vol. 62. Pp. 1-21.

3. Social vulnerability in the regional community: exclusion and modern mechanisms to overcome it: monograph / call. auth. under the arm. V.A. Ilyin. Vologda: FGBUN VolSC RAS, 2018.

4. Antohonova I.V. The evolution of the human potential of local territories in the context of a civilizational challenge // Social and political challenges of modernization in the XXI century. Materials of the international scientific-practical conference. 2018. Publishing house: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude). 2018.

5. Ryazantsev I.P., Zavalishin A.Yu. Territorial behavior of Russians (historical and sociological analysis). М.: Academic project, Gaudeamus. 2006.

Information about the Author

Vladimir V. Kozlovskiy (St. Petersburg, Russia) – Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department Sociology of Culture and Communication, St. Petersburg State University (SPSU); Director, Sociological Institute RAS-Branch of FCTAS RAS (25/14, 7th Krasnoarmejskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; vvk_soc@mail.ru)

УДК 314.7 / ББК 60.7

Корепина Т.А.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ СОХРАНЕНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. Формирование привлекательной среды региона является одним из инструментов, способствующих сохранению человеческого капитала, а также привлечению его извне. В исследовании представлена теоретическая модель формирования образовательной репутации региона.

Ключевые слова: население, образовательная среда, образовательные организации, миграция, регион.

Одной из приоритетных задач в формировании социально-экономической среды региона является развитие положительного имиджа с целью сохранения конкурентоспособности, а также сохранения и привлечения человеческого капитала. В соответствии с Концепцией социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года осуществляется политика народосбережения, направленная на формирование пространства развития человека [3].

По данным опроса выпускников школ Вологодской области в рамках межведомственного областного проекта «Профориентация как основа управления процессами миграции обучающихся Вологодской области» (АОУ ВО ДПО «Вологодский институт развития образования»), в 2018 году 41,6% выпускников школ (после 11 класса) уехали получать образование за пределы нашего региона. Для того чтобы избежать таких потерь человеческого капитала, необходимо разработать систему мер по регулированию образовательной миграции. Одной из них является формирование образовательной привлекательности региона.

Экономисты в своих работах выделяют такое понятие, как образовательная репутация региона, которое обозначает объективно сложившуюся систему ценностных отношений к качеству образовательных услуг и уровню развития образовательной среды региона, сформировавшуюся на основе личного опыта и достоверной информации и подтвержденную качественными и количественными показателями [2].

Цель исследования состоит в анализе особенностей формирования образовательной привлекательности региона, а также в описании возможной системы мер управления образовательной репутацией региона.

Образовательная среда формируется из совокупности образовательных организаций разных уровней: от детских садов и детских кружков разных направленностей до высших

учебных заведений и центров подготовки и переподготовки квалифицированных кадров. В современной рыночной системе любое образовательное учреждение должно «превращаться в предпринимательскую организацию, отслеживающую любые изменения в потребительских предпочтениях» [1, с. 209].

Среди выпускников 11 классов школ области в 2018 году самыми предпочитаемыми направлениями стали: медицина – 15,6%; юриспруденция – 9,4%; информационные технологии – 8,0%; экономика – 7,5%; технические специальности – 6,7%; менеджмент – 5,1%; педагогическое образование – 4,2%. Обучение по самому востребованному медицинскому направлению осуществляется только на базах образовательных учреждений среднего профессионального образования: Вологодского областного медицинского колледжа, Череповецкого медицинского колледжа и Великоустюгского медицинского колледжа. Получить же высшее медицинское образование возможно только за пределами региона. Для того чтобы возвратная миграция совершилась, правительство осуществляет целевую подготовку кадров. Вопрос о том, сколько же человек, поступивших без целевого направления, вернется работать в наш регион, остается открытым и сложным для решения.

Тем самым, образовательную репутацию региона формируют не только сами обучающиеся, студенты, преподаватели и образовательные организации, но и органы власти. Грамотно выстроенное взаимодействие образовательных учреждений, административных органов власти, рынка труда и средств массовой информации может создать у человека впечатление (мнение) о качестве оказываемых образовательных услуг в регионе. На рисунке приведена модель формирования образовательной репутации региона, в которую входят участники процесса, инструменты создания образовательной репутации и ожидаемые результаты.

Инструменты формирования образовательной репутации региона подразделяются на два типа: управленческие и коммуникативные.

Работа центра образовательного партнерства, который является одним из управленческих инструментов, основана на таких принципах, как открытость, автономность, стратегическая направленность, конкурентоспособность, стратегическая направленность и клиентоориентированность.

Еще одним важным инструментом в формировании образовательной репутации выступает интернет-контент. В современных условиях большое значение имеет та информация, которая представляется на просторах интернета. Работа сайта образовательной организации, своевременное обновление информации, удобство, а также публикации с достижениями обучающихся и преподавателей, несомненно, способствуют созданию образа и впечатления об учреждении.

Таким образом, выявление инструментов, участников, а также ожидаемых результатов позволяет оценить комплексность процесса формирования образовательного пространства. Предлагаемая модель способствует удовлетворению всех участников на основе их взаимодействия в едином образовательном пространстве.

Модель формирования образовательной репутации региона

Источник: составлено автором на основе [2].

Библиографический список

1. Афанасиади К.Г. Нетнографическое технологии в предпринимательском вузе // Российское предпринимательство. 2012. № 6. С. 208-212.
2. Морозова Н.А. Инструменты формирования образовательной репутации региона // Практический маркетинг. 2012. № 9. С. 20-22.
3. О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: Постановление Правительства Вологодской области от 17 октября 2016 г.

№ 920. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3500201610210005> (дата обращения: 06.11.2018).

Информация об авторе

Корепина Татьяна Андреевна (Россия, Вологда) – аспирант, инженер-исследователь, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; common@vscc.ac.ru)

Korepina T.A.

EDUCATIONAL ATTRACTIVENESS OF THE REGION AS ONE OF THE WAYS OF PRESERVING AND ATTRACTING HUMAN CAPITAL

Abstract. The formation of an attractive regional environment is one of the tools that contribute to the preservation of human capital, as well as to attract it from outside. The study presents a theoretical model of the formation of the educational reputation of the region.

Key words: Population, educational environment, educational organizations, migration, region.

References

1. Afanasiadi K.G. Netnograficheskoe tekhnologii v predprinimatel'skom vuze // Rossijskoe predprinimatel'stvo. 2012. №6. S. 208-212.
2. Morozova N.A. Instrumenty formirovaniya obrazovatel'noj reputacii regiona //Prakticheskij marketing. 2012. № 9. S. 20-22.
3. 3. O Strategii social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Vologodskoj oblasti na period do 2030 goda: Postanovlenie Pravitel'stva Vologodskoj oblasti ot 17 oktyabrya 2016 g. № 920. Rezhim dostupa: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3500201610210005> (data obrashcheniya: 06.11.2018).

Information about the Author

Tatyana A. Korepina (Vologda, Russia) – postgraduate student, research engineer, FGBUN Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; common@vscc.ac.ru)

УДК 314.4:316.622 / ББК 60.524.251

Короленко А.В.

МОДЕЛИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗРЕЗЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного построению моделей самосохранительного поведения в разрезе разных социально-демографических групп населения. Информационной базой послужили данные социологического опроса населения Вологодской области, проведенного ВолНЦ РАН в 2018 году.

Ключевые слова: социологический опрос, самосохранительное поведение, модели поведения, социально-демографические группы населения.

В современных условиях в связи с возрастанием роли поведенческого фактора в детерминации заболеваемости и смертности населения приобретает актуальность изучение индивидуальных характеристик самосохранительного поведения с целью выявления его стратегий и возможностей управления ими.

Большой вклад в разработку методологии изучения самосохранительного поведения внес А.И. Антонов, под руководством которого в 1980–1986 гг. коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова, а затем и Института социологии в регионах бывшего СССР проводились крупные социологические опросы по выявлению мотивов и установок населения на сбережение индивидуального здоровья и долголетие. Исследования А.И. Антонова и его коллег опирались на схему диспозиционной регуляции поведения [7].

Чаще всего при изучении самосохранительного поведения (далее ССП) ученые ограничиваются рассмотрением его отдельных аспектов, что не позволяет сформировать представление о сложившихся среди населения совокупных стратегиях поведения. Попытки построения моделей, описывающих здоровьесберегательные действия индивидов, предпринимались учеными значительно реже, в основу их закладывались различные признаки. Например, характер установок респондентов на идеальную, желаемую и ожидаемую продолжительность жизни и гендерная принадлежность [1; 3; 4; 8]; характер мотивации и уровень ориентации при формировании поведения на самосохранение [9]; отсутствие/наличие вредных привычек, рациональное питание, физическая активность, режим труда и отдыха, психогигиена и профилактика заболеваний [10]; самооценка здоровья и наличие вредных привычек [6]. Эти типологии учитывают ценностно-мотивационный аспект здоровьесбережения, но не отражают компонентов самосохранительного поведения (потребности, установки, мотивы и действия) в единой системе. Именно поэтому целью нашего исследования стала *разработка моделей, учитывающих ключевые элементы ССП и опирающихся на данные социологических опросов, для разных социально-демографических групп населения.*

Для конструирования моделей использовался *метод «дерева» принятия решений*, в основе которого лежит схематическое отражение разветвляющегося по каким-либо условиям процесса принятия решений. Составными элементами «дерева» решений являются «узлы» и «ветви» [11, с. 42-43].

В представленном исследовании была принята следующая последовательность решений: ценность здоровья → потребность в здоровье и мотивация на заботу о нем → принятие мер по сохранению и укреплению здоровья. Нами подразумевалось, что ценность здоровья характеризует базовую установку индивида по отношению к данной категории. От ценности здоровья в идеальной ситуации зависит потребность в нём и мотивация на заботу о нём, которые, в свою очередь, влияют на осуществление человеком конкретных самосохранительных действий [5, с. 254].

Стартовой точкой принятия решений стало *место здоровья в системе жизненных ценностей*. Нами были выделены две «ветви»: население, для которого здоровье является главной ценностью, и население, у которого оно не входит в число жизненных приоритетов. В соответствии с тем, в какой мере человек *мотивирован на заботу о здоровье*, выделялись «ветви»: население, заботящееся о здоровье, и население, мало заботящееся и не заботящееся о нем. На наш взгляд, наличие мотивов одновременно отражает и потребность в сохранении здоровья или, в случае ответа «не забочусь о своем здоровье», отсутствие таковой. Далее разделение «ветвей» осуществлялось на основании ответов на вопрос о *действиях*,

предпринимаемых для сохранения и укрепления своего здоровья: население, практикующее подобные меры, и население, не соблюдающее каких-либо мер.

Когда «дерево» было построено, просчитывались доли каждого из вариантов, их величины проставлялись над «ветвями». Веса определялись исходя из распределения ответов респондентов на специальные вопросы анкеты, отражающие отдельные элементы самосохранительного поведения. Каждый «узел» принятия решений брался равным 1, следовательно, каждая «ветвь» приобретала определенный вес, выраженный в долях единицы.

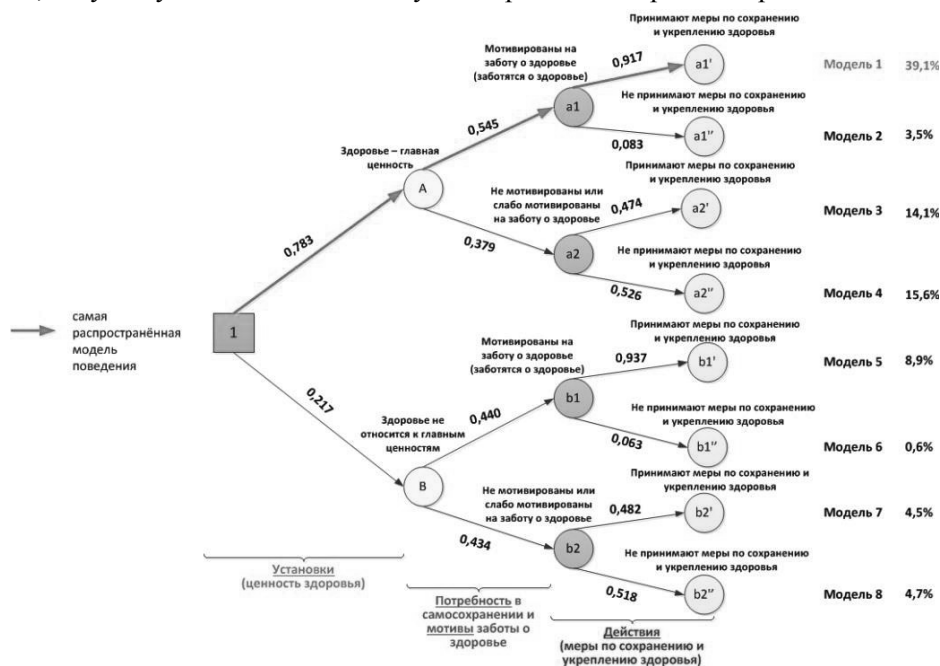
Распространенность моделей самосохранительного поведения рассчитывалась путем перемножения весов всех «ветвей» до конечных «узлов» [5, с. 256]:

$$\omega = X \cdot X1 \cdot X1' \cdot \dots \cdot 100\% ,$$

где ω – распространенность модели, X, X1, X1' – веса «ветвей» «дерева» принятия решений (%).

Информационной базой исследования послужили данные очередного этапа мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, выполненного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2018 г.

Построение «дерева» принятия решений позволило выделить 8 возможных вариантов моделей ССП (рис.). Среди населения Вологодской области наиболее распространена стратегия, для которой характерно признание здоровья главной ценностью, наличие мотивации на заботу о нем и применение каких-либо здоровьесберегательных практик (39%: модель 1). Другие модели поведения встречались значительно реже. Для 5% респондентов характерна самая неблагоприятная модель 8: здоровье не позиционируется как главная ценность, отсутствуют какие-либо стимулы и практики здоровьесбережения.

Модели ССП населения Вологодской области

*Сумма всех моделей не равна 100%, т. к. часть респондентов затруднились при ответе на вопрос о мотивации к заботе о здоровье.

Источник: составлено автором по данным мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2018 г.

Рассмотрим распространенность моделей ССП среди разных социально-демографических групп населения. Самая позитивная стратегия самосохранительного поведения (модель 1) чаще встречается среди женщин пенсионного возраста (55%), тогда как реже всего – среди мужчин в возрастной категории от 30 до 60 лет (27%). Кроме того, среди данной категории мужчин в большей степени по сравнению с другими половозрастными группами распространена наиболее неблагоприятная модель ССП (модель 8 – 12%), а также стратегия, при которой, несмотря на признание ценности здоровья, полностью отсутствует мотивация на заботу о нем и не применяются меры по его сохранению и укреплению (модель 4 – 24%).

Модель 1 значительно чаще выявлялась у респондентов со средним техническим (44%) и высшим образованием (40%). Среди населения со средним специальным образованием широкое распространение получила модель 4, согласно которой здоровье позиционируется как ценность, но отсутствует мотивация на заботу о нем и не предпринимаются никаких здоровьесберегательных мер (25%). Самая неблагоприятная модель 8 чаще встречалась у людей с неполным средним и средним образованием (8%).

Для респондентов, доходы которых позволяют им ни в чем себе не отказывать, в большей степени по сравнению с другими характерна модель 1 (44%). Тогда как среди людей с самым неблагоприятным материальным статусом (денег не хватает даже на покупку продуктов питания) наиболее распространенной оказалась модель 3, при которой индивид ценит здоровье и предпринимает отдельные меры по его сохранению, но не мотивирован на заботу о нем (26%). Кроме того, данная категория населения в большей степени по сравнению с другими подвержена самому неблагоприятному образцу самосохранительного поведения (модель 8 – 13%).

Модель 1 чаще встречалась у жителей г. Череповца (51%). Для череповчан также в большей степени характерна стратегия, в соответствии с которой человек не относит здоровье к ключевым ценностям, но заботится о нём и принимает соответствующие меры (модель 5 – 17%). Среди населения районов области широкое распространение получила модель 4, при которой, напротив, признание ценности здоровья сочетается с полным отсутствием мотивации на заботу о нём и здоровьесберегательных действий (22%). У респондентов из областного центра чаще по сравнению с другими встречалась самая неблагоприятная модель самосохранения (7%).

Исходя из выявленной специфики ССП населения региона представляются целесообразными следующие меры по профилактике поведенческих факторов риска, сохранению и укреплению здоровья, направленные на повышение его ценности, усиление мотивации населения на ведение ЗОЖ, увеличение активности в части применения здоровьесберегательных мер. К их числу относится следующее:

1. Разработка и внедрение целевой региональной программы профилактики поведенческих факторов риска, мероприятия которой должны быть ориентированы на разные модели самосохранительного поведения населения.

2. Введение системы мониторинга самосохранительного поведения населения региона в рамках реализации целевой программы профилактики поведенческих факторов риска по ряду индикаторов ССП: самооценка здоровья, оценка значимости его факторов, место здоровья в системе ценностей, мотивация на ведение ЗОЖ, принятие мер по сохранению

и укреплению здоровья, характер физической активности, питания, наличие вредных привычек.

3. Повышение информированности населения через СМИ о важности поддержания и укрепления здоровья, о влиянии на него негативных факторов риска и о возможностях их предупреждения (например, посредством соцсетей и блогосферы [2]).

4. Разработка и внедрение в курсы учебных организаций (дошкольных, школ, средних профессиональных и высших учебных заведений) образовательных программ, направленных на формирование ответственного отношения к здоровью, практик ведения ЗОЖ, профилактику поведенческих факторов риска.

5. Привлечение общественных организаций к деятельности в сфере укрепления здоровья населения, и учет общественных инициатив.

6. Активное привлечение населения к занятиям физической культурой, туризмом и спортом, к организации отдыха и досуга, профилактике факторов риска нездоровья путем проведения специализированных массовых мероприятий на региональном и муниципальном уровнях. При этом принципиально важна систематичность данных мероприятий.

Библиографический список

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 1998. 360 с.

2. Груздева М.А. Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера // Социальное пространство. 2017. № 4. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2378>

3. Журавлева И.В. Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66-74.

4. Ивахненко Г.И. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 78-81.

5. Короленко А.В. Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248-263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16

6. Павлова И.В. Социологические основания исследования здоровья и здорового образа жизни молодежи // Образование и общество. 2016. № 6. С. 103-109.

7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

8. Шилова Л.С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 134-140.

9. Шушунова Т.Н. Самосохранительное поведение студенческой молодежи: социологический анализ (на примере минских вузов). Минск: Право и экономика, 2010. 114 с.

10. Югова Е.А. Формирование здоровьесберегающей модели поведения у студентов высших учебных заведений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2. С. 29-34.

11. Ярьес О.Б., Паньшин И.В. Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие. Владимир: Владим. гос. ун-т им. Столетовых, 2011. 66 с.

Информация об авторе

Короленко Александра Владимировна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

PATTERNS OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC POPULATION GROUPS

Abstract. *The article presents the results of study on the construction of self-preservation behavior patterns in the context of different socio-demographic groups of the population. The information base was the data of the sociological survey of the Vologda Oblast population, conducted by the VolSC RAS in 2018.*

Key words: *Sociological survey, self-preservation behavior, behavior patterns, socio-demographic population groups.*

References

1. Antonov A.I. Microsociology of a family (research methodology of structures and processes): high school manual. Moscow: Publishing House “Nota Bene”, 1998. 360 p.
2. Gruzdeva M.A. Tools for shaping people’s self-preservation practices: social networks and the blogosphere. Sotsial’noe prostranstvo [Social area], 2017, no. 4. Available at: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2378> (accessed: 15.02.2018).
3. Zhuravleva I.V. Self-preservation behavior of teenagers and sexually transmitted diseases. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies], 2000, no. 5, pp. 66-74.
4. Ivakhnenko G.I. The health of Moscow students: analysis of self-preservation behavior. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies], 2006, no. 7, pp. 78-81.
5. Korolenko A.V. Patterns of population’s self-preservation behavior: research approaches and building experience. Ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 3, pp. 248-263. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.16
6. Pavlova I.V. Sociological basis of the study of health and healthy lifestyles of young people. Obrazovaniye i obshchestvo [Education and society], 2016, vol. 6, pp. 103-109.
7. Self-regulation and forecasting social behavior of an individual: the disposition concept. 2nd edition, extended. Moscow: TsSPiM, 2013. 376 p.
8. Shilova L.S. Transformation of the female self-preservation behavior model. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies], 2000, no. 11, pp. 134-140.
9. Shushunova T.N. Self-preservation behavior of students: sociological analysis (on the example of Minsk universities). Minsk: Pravo i ekonomika, 2010. 114 p.
10. Yugova E.A. Forming the model of self-preservation behavior among students of higher educational institutions. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12: Sociology], 2012, no. 2, pp. 29-34.
11. Yares’ O.B., Pan’shin I.V. Methods of management decision-making: study guide. Vladimir: Vladim. gos. un-t im. Stoletovykh, 2011. 66 p.

Information about the Author

Aleksandra V. Korolenko (Vologda, Russia) – research associate, Federal state budgetary institution of science “Vologda research center of the Russian academy of sciences” (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; coretra@yandex.ru)

УДК 331.101.5 / ББК 65.012.22

Крошкин С.В.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В РАБОТНИКАХ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Изменения в технологиях и технологических укладов оказывают значительное воздействие на формирование и потребности рынка труда. Необходимость освоения новых компетенций требует не только трансформаций в системе профессиональной подготовки, но и постоянного самообразования и переподготовки «на рабочем месте».

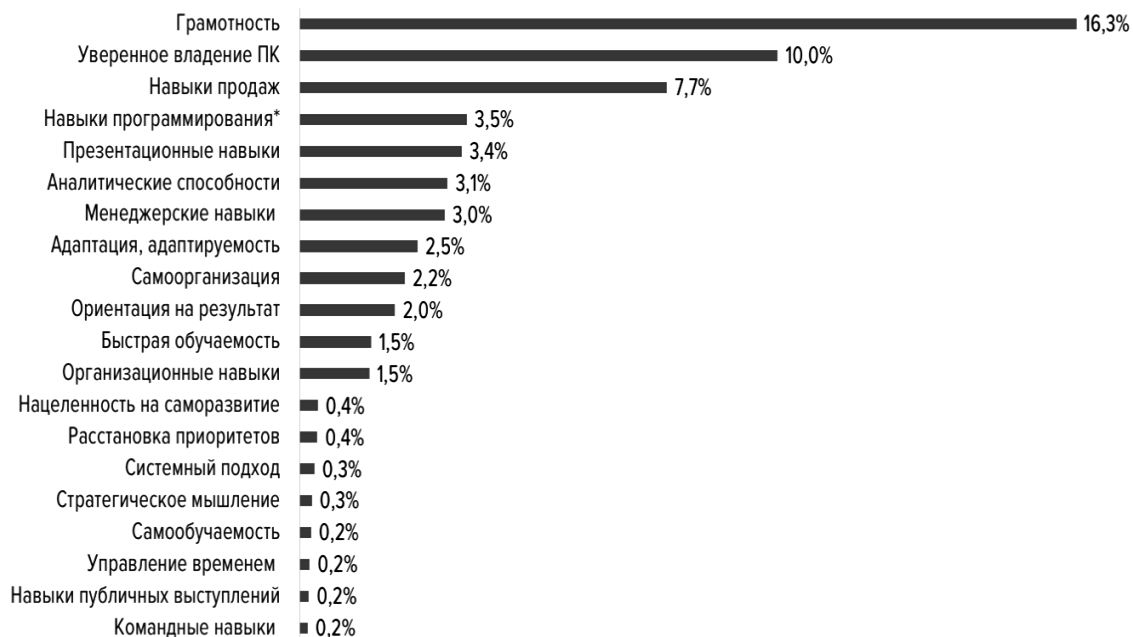
Ключевые слова: рынок труда, изменения потребностей в работниках, информационные технологии, цифровая экономика.

С начала 2018 года практически всё научное, деловое и даже политическое сообщество России начало активно обсуждать «Цифровую экономику». Процессы «цифровизации» нашего общества начались, конечно же, не с нового года. Просто пришло осознание того, что дальнейшее развитие нашего социума, экономики и страны в целом без новых информационных (цифровых) технологий просто невозможно. Отставание в данной сфере грозит не только экономическими потерями для страны, но и угрожает безопасности: делает нас более уязвимыми, так как появляется зависимость от поставок аппаратных и программных решений извне. Эта проблема становится особо острой в условиях внешнего давления, санкций, которые затрагивают и поставку цифрового оборудования.

Информационные технологии, без которых невозможно реализовывать цифровую экономику, очень интенсивно меняют требования к уровню подготовки современных работников. Появляются новые компетенции (которые необходимо осваивать), профессии и целые отрасли, для работы в которых нужны новые специалисты. Основным вопросом при получении образовательной услуги индивидом остается направление обучения и какие компетенции, навыки необходимо осваивать сегодня, чтобы стать востребованным специалистом через 4–6 лет? Сегодня принято говорить о получении «мягких навыков» (soft skills), дающих человеку набор знаний и компетенций, гарантирующих трудоустройство индивида. В условиях развития цифровой экономики нужны принципиально другие мягкие навыки, которые добавляются к уже имеющимся профессиональным навыкам (hard-skills). Например, к hard-skills можно отнести: умение решать проблемы, принимать решения, заниматься коллаборацией, эмпатию, energy management, смелость / стойкость, многозадачность; а к soft skills – умение проводить аналитику данных, воспринимать машинное обучение, управлять искусственным интеллектом, заниматься программированием, выстраиванием архитектуры ИТ-систем, кибербезопасностью. Вот эти «цифровые» навыки в ближайшие 5–10 лет должен предложить рынок образовательных услуг России.

Согласно результатам совместных исследований Компании Microsoft и HeadHunter [1] (по данным 11,6 млн вакансий и 21,4 млн резюме на российском рынке труда), в эпоху роботизации для востребованности на рынке труда профессиональным работникам будут необходимы именно soft skills. Речь идет о «мягких» (или гибких) навыках, которые за счет своей надпрофессиональности становятся наиболее актуальны в условиях динамично меняющегося рынка труда. Причем чем выше человек будет подниматься по карьерной лестнице, тем более востребованы будут «мягкие» навыки. Традиционная грамотность (письменная и устная) и уверенное владение ПК дополняются необходимостью владения навыками продаж (умения «продавать себя», «свою идею» и т. п.). Это обусловлено значительной конкуренцией среди работников и необходимостью, чтобы тебя увидели, заметили и услышали твои идеи (см. рисунок).

Специалисты из Boston Consulting Group (BCG) приводят следующую классификацию задач (профессий) для различных категорий работников. К категории «Умение» можно отнести возможность человека справляться с более 50% типовых задач; преобладает преимущественно физический труд; подготовка: не требуется или короткий цикл обучения.

Топ-20 требуемых умений в вакансиях в России (2017 г.), %

Примечание: с учетом вакансий, требующих понимания языков программирования, умения читать чужой программный код. Речь идет о надпрофессиональных и трансдисциплинарных навыках/качествах.

Источник: [1]

В категории «Правило» более 50% – техническая, рутинная работа; принятие решений на основе правил и инструкций; подготовка: специализированная или прикладная. Категория «Знание» – более 50% – аналитическая, творческая работа; автономность при принятии решений; подготовка: высокий уровень образования и дополнительная подготовки [2, 3]. Доля сотрудников по категориям задач в странах мира приведена в *таблице 1*.

Таблица 1. Доля сотрудников по категориям задач в странах мира, %

Категории задач / Страны	Россия	США	Германия	Великобритания
«Знание»	17	24	29	45
«Правило»	48	59	56	37
«Умение»	35	17	15	18

Источник: [2].

Как видно из этих данных, для России «Знание» – 17%, «Умение» – 35%, а для Великобритании характерна противоположная картина – 45% и 18% соответственно. В России уже существует Атлас «Новых профессий», разработанный в Сколково (186 новых профессий появится к 2030 г.). Среди них: Дизайнер виртуальной среды обитания; Адвокат по робоэтике; Digital – комментатор культуры; Биохакер на фрилансе; Аналитик данных «Интернета вещей»; Дизайнер человеческого тела и другие [3].

Уже сегодня есть много профессий, которых еще 10 лет назад просто не было: программисты для мобильных устройств, SEO-аналитик, директолог и пр. Согласно многочисленным мнениям экспертов, возможно предположить, что больше 60% тех, кто получает образование сегодня, будут работать по специальностям, которых сегодня просто нет. Кроме того, исчезнут (безвозвратно) некоторые специальности, другие будут модернизироваться на основе применения ИТ (например, сегодня писатели под натиском «клипового мышления» становятся блогерами). Будут востребованы специалисты по созданию, анализу и защите больших хранилищ данных, которых в настоящее время становится все больше во всех областях. Профессии будущего однозначно будут связаны с инновационными и цифровыми технологиями (например, такие как Data Driven Solutions) [4].

Указанные тенденции будут актуальны уже в ближайшее время, а анализ сегодняшнего рынка труда лишь подтверждает намеченную динамику на смещение в сторону ИТ, инноваций и «цифры». По мнению директора Ситуационного центра социально-экономического развития регионов России РЭУ имени Г.В. Плеханова П. Смелова «... в стране самыми востребованными сегодня являются специалисты в сфере информационных технологий, спорта, науки и здравоохранения. Среди бакалавров ценятся получившие образование в сфере ИТ (у них самая высокая средняя зарплата по стране – 54 тыс. руб.). Среди экономических направлений подготовки – особый спрос на бухгалтеров. Работодателей интересуют люди и сквозных профессий в промышленности и специалисты в сфере образования» [6].

Проведенный анализ вакансий рекрутинговых агентств и организаций, занимающихся трудоустройством, показал, что информационные технологии, телекоммуникации и услуги, связанные с предоставлением доступа в Интернет, стабильно входят десятку сфер – источников вакансий не только в России, но и на региональных рынках (см. табл. 2).

Однако регионально картина может отличаться от общей тенденции. Например, в Коломне (Московская область) ИТ не является источником вакансий в силу отсутствия предприятий, связанных с этой сферой деятельности.

Таблица 2. Основные сферы – источники вакансий

Россия	Коломна	Рязань	Вологда
1. Рабочий персонал – 16.6 %	1. Продажи – 17.4 %	1. Рабочий персонал – 18.9 %	1. Рабочий персонал – 20.3 %
2. Продажи – 13.4 %	2. Рабочий персонал – 16.8 %	2. Продажи – 13.9 %	2. Продажи – 12.7 %
3. Транспорт, логистика – 9.6 %	3. Транспорт, логистика – 10.9 %	3. Производство – 10.3 %	3. Производство – 9.3 %
4. Производство – 8.6 %	4. Производство – 10.2 %	4. Транспорт, логистика – 8.7 %	4. Транспорт, логистика – 9 %
5. Строительство, недвижимость – 5.6 %	5. Строительство, недвижимость – 6.1 %	5. Строительство, недвижимость – 5.8 %	5. Строительство, недвижимость – 7.7 %
6. Туризм, гостиницы, рестораны – 4.5 %	6. Медицина, фармацевтика – 3.7 %	6. Информационные технологии, интернет, телеком – 4.3 %	6. Информационные технологии, интернет, телеком – 4 %
7. Информационные технологии, интернет, телеком – 4.4 %	7. Туризм, гостиницы, рестораны – 3.4 %	7. Административный персонал – 4 %	7. Туризм, гостиницы, рестораны – 3.5 %
8. Медицина, фармацевтика – 4.1 %	8. Инсталляция и сервис – 3.1 %	8. Инсталляция и сервис – 3.9 %	8. Медицина, фармацевтика – 3.4 %

Источник: [5].

Безусловно, одним из показателей, характеризующих востребованность специальностей в той или иной сфере, остается уровень оплаты труда. Наиболее высокооплачиваемым специалистом в России по данным [5] в сентябре 2018 оказались следующие профессии: 1) Директор по закупкам – 115834 руб. 2) Руководитель департамента – 113130 руб. 3) Руководитель проектов 1С – 112477 руб. 4) Директор по маркетингу – 109600 руб. 5) Директор операционный – 108028 руб. 6) Директор сети – 105167 руб. 7) Директор по региональному развитию – 103572 руб. 8) Консультант по SAP – 99584 руб. 9) Танцовщица Go-go – 97862 руб. 10) Директор по строительству – 97200 руб. [5]. На фоне директоров и «развлекательного» сектора Консультант по SAP занял почетное 8 место по стране. В 10 самых высокооплачиваемых вакансиях в России на 5 месте «Разработчик Big Data в Москве» – зарплата до 593505 руб., а на 9 – «3D-художник в Москве» – до 200000 руб. [5].

Библиографический список

1. Портрет соискателя будущего. Результаты исследования HeadHunter и Microsoft. URL: <https://career.ru/article/22394> (дата обращения: 10.09.2018).
2. Россия 2025: от кадров к талантам / The Boston Consulting Group. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Skills_Outline_web_tcm27-175469.pdf (дата обращения: 10.09.2019).
3. Атлас новых профессий / Московская школа управления. Сколково. М., 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 10.09.2018).
4. Фирсова К.Н. Топ профессий будущего: мнения экспертов / Инвест-Форсайта. URL: https://www.if24.ru/professii-budushhego/?utm_source=fb&utm_medium=cpc&utm_campaign=pod_professii (дата обращения: 10.09.2018).
5. Статистика зарплат – Россия / Портал ГородРабот. URL: <https://gorodrabot.ru/salary> (дата обращения: 10.09.2018).

6. Названы самые востребованные профессии России / РИА «Новости». URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2018/10/09/n_12146275.shtml (дата обращения: 09.10.2018).

Информация об авторе

Крошили Сергей Викторович (Россия, Коломна) – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента экономического факультета, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30; +7(496)615-13-30; krosh_sergey@mail.ru)

Kroshilin S.V.

THE STRUCTURAL CHANGES OF THE NEEDS OF WORKERS IN THE REGION

Abstract. *Changes in technologies and technological structures have a significant impact on the formation and needs of the labor market. The need to develop new competencies requires not only transformations in the system of vocational training, but also constant self-education and retraining "in the workplace".*

Key words: *labor market, changes in the needs of workers, information technology, digital economy.*

References

1. Portrait of the applicant of the future. The results of the study HeadHunter, and Microsoft. URL: <https://career.ru/article/22394> (date accessed: 10.09.2018).
2. Russia 2025: from human resources to talent / The Boston Consulting Group. URL: http://image-src.bcg.com/Images/Skills_Outline_web_tcm27-175469.pdf (accessed: 10.09.2019).
3. Atlas of new professions / Moscow school of management. SKOLKOVO. Moscow. 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (accessed: 10.09.2018).
4. Firsova K. N. Top professions of the future: expert opinions / invest-foresight. URL: https://www.if24.ru/professii-budushhego/?utm_source=fb&utm_medium=cpc&utm_campaign=pod_professii (accessed: 10.09.2018).
5. Statistics of salaries – Russia / Portal Hardreboot. URL: <https://gorodrabot.ru/salary> (accessed: 10.09.2018).
6. Named the most popular profession in Russia / RIA "news". URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2018/10/09/n_12146275.shtml (accessed: 09.10.2018).

Information about the Author

Sergey V. Kroshilin (Kolomna, Russia) – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Department of Economics and management of the Faculty of Economics, State Social and Humanitarian University. (30, Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation; +7 (496) 615-13-30; krosh_sergey@mail.ru)

Лашук И.В., Мартищенко Е.В.

«МАРКЕРЫ» ЭФФЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВОСПРИЯТИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аннотация. В данной работе рассматриваются индикаторы уровня и качества социально-экономического развития в массовом сознании белорусов: структура экономики в общественном мнении белорусов; демократия; отношение к конкуренции, роль государства; инновации. Выявлены социально-демографические различия в оценках социально-экономического развития Беларуси.

Ключевые слова: общественное мнение, социально-экономическое развитие, социологические индикаторы.

В современной Беларуси, как и во всем мире, существенно возрастают требования общества к качеству государственного управления. Тем самым еще большую социальную ценность приобретает наука «Социология», которая призвана решать конкретные теоретические и практические проблемы совершенствования управленческой практики. В сложившейся ситуации необходим поворот в сторону большего учета общественного мнения, которое должно стать для управленца действенным механизмом улучшения своей работы. Общественное мнение является первичной социальной информацией; сообщает управленцу необходимые сведения о коллективных потребностях, интересах, суждениях, ценностных ориентациях и поведенческой мотивации членов подведомственного социума. Вся эта информация имеет принципиальное значение для государственного управления и должна систематически изучаться кадрами государственного управления. Знание общественных потребностей и интересов позволяет разрабатывать управленцу адекватное им управленческое решение.

Необходимость изучения общественного мнения обуславливается возрастанием его роли в условиях деbüroкратизации системы управления, становления и развития государства для народа. Увеличивается потребность в знаниях и принципах его формирования, чтобы, во-первых, направлять данный процесс и правильно выражать то, что народ сознает; во-вторых, умело пользоваться мнением как орудием регулирования отношений между людьми. Постоянное знание взглядов и настроений людей позволяет учесть их требования при решении многих вопросов как государственного, так и местного значения, и опереться на людей в реализации мер по управлению социально-экономическими процессами.

В фокусе нашего внимания находится оценка общественного мнения белорусов уровня и качества социально-экономического развития республики по следующим, наиболее значимым на наш взгляд, маркерам:

1. Структура экономики страны в общественном мнении белорусов

Социологическим индикатором²⁴ представлений респондентов о структуре экономики страны является общественное мнение жителей об иерархии отраслей в контексте значимости для экономики страны. По данным социологического исследования, проведенного Институтом

²⁴ Представлены результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси по национальной выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, типу населенного пункта и региону проживания. Объем выборочной совокупности составил 2086 респондентов.

социологии НАН Беларуси в 2016 году, значимые для экономики Беларуси отрасли распределились следующим образом (рис. 1).

Так, первые три ранговые места занимают: электроэнергетика; химическая и нефтехимическая промышленность; машиностроение и металлообработка. Следует отметить, что услуги, сфера услуг по эффективности для экономики, по мнению населения, занимает 17 место из 22, что является хорошим показателем, свидетельствующим о росте значимости данной отрасли.

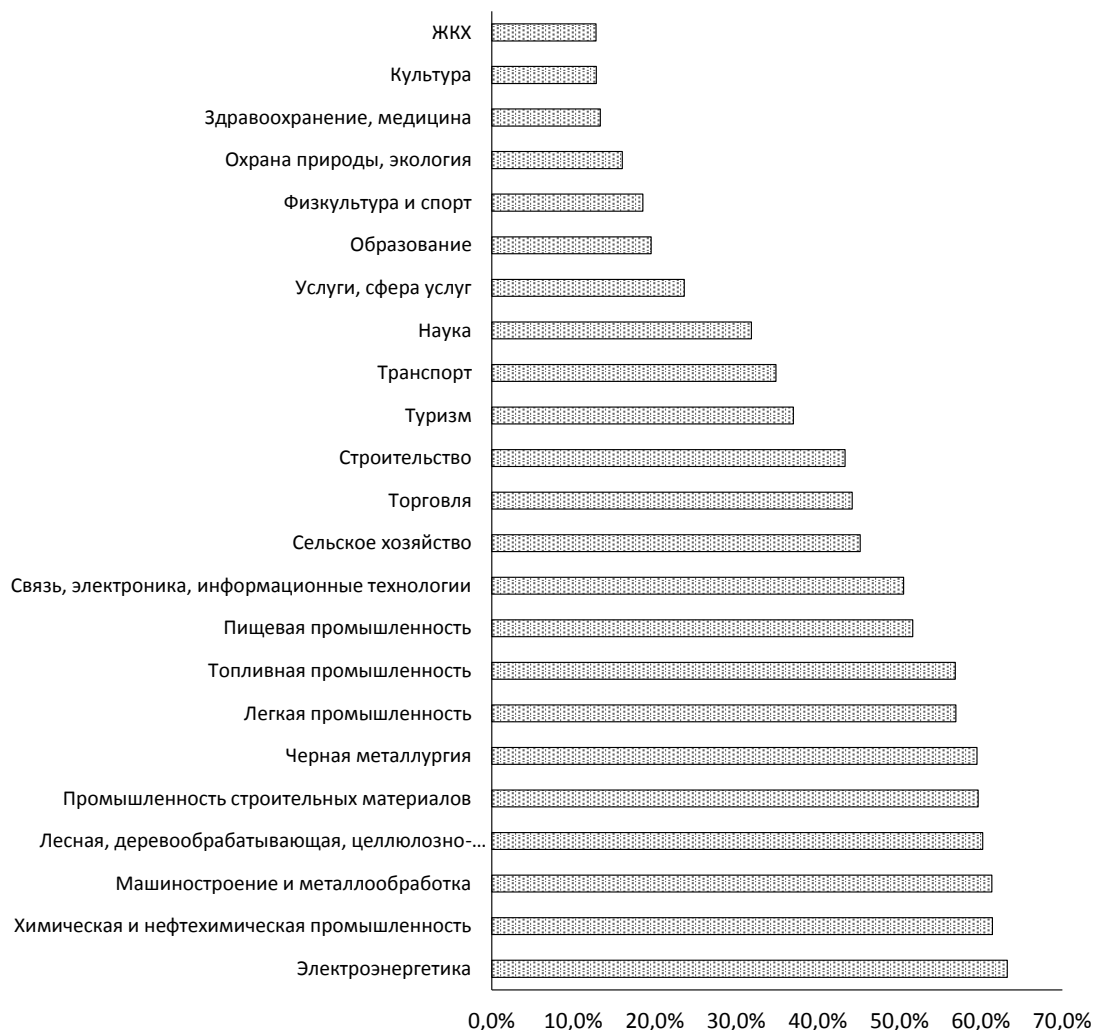

Рисунок 1. Иерархия значимых для экономики Беларуси отраслей, %

2) Демократия

Социологическим индикатором уровня развития демократии является возможность открыто высказывать свое несогласие, особенно в отношении руководителей. По данным проведенного социологического исследования, значительное число опрошенных уже не выражают опасения. На вопрос анкеты, не боятся ли сотрудники организации перечить руководству, выразить свое несогласие, около трети продемонстрировали в той или иной степени отсутствие такой фобии (рис. 2).

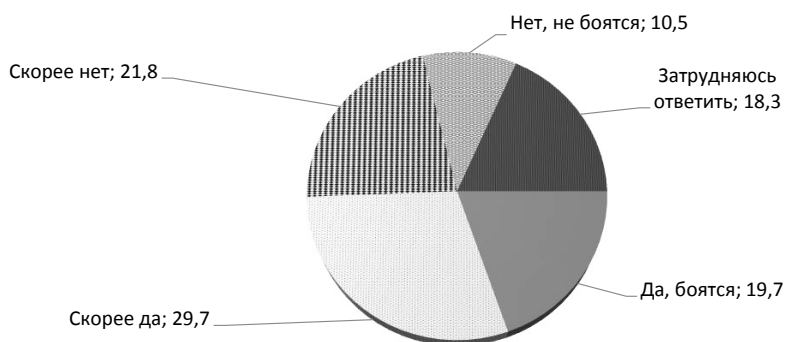

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, боятся ли сотрудники в Вашей организации перечить руководству, выражать свое несогласие?», %

Индикатором наличия свободы слова является также возможность открыто выражать свое несогласие с руководством, не опасаясь негативных последствий. Так, по результатам проведенного социологического исследования, только 11,1% категорически отметили вариант ответа «нет, не могу», что свидетельствует о наличии тенденции «раскрепощения» работников по отношению к своему руководителю (рис. 3).

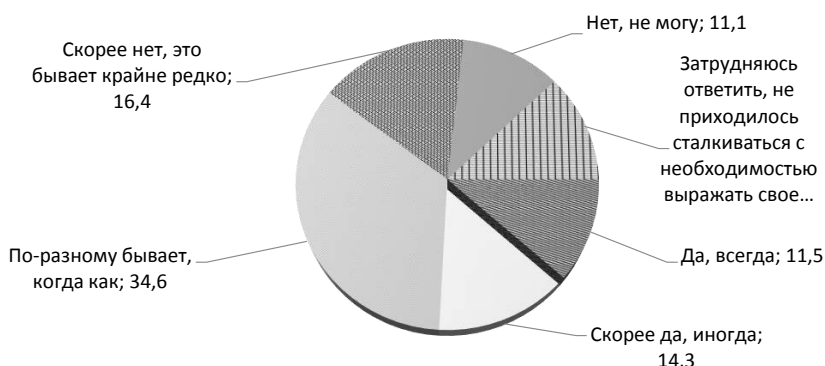

Рисунок 3. Возможность выразить несогласие с руководством, не опасаясь последствий, %

В зависимости от социального положения выявлено: чем выше социальный статус, тем больше выражены фобии открытого высказывания своего мнения руководству. В зависимости от уровня образования и типа населенного пункта значимых различий не выявлено.

Зафиксировано также: чем выше респондент оценивает материальное положение своей семьи, тем в большей степени он готов высказывать открыто свое мнение. Данный факт свидетельствует о том, что более обеспеченные люди являются более свободными и готовы открыто выражать свое мнение, не опасаясь последствий.

3) Отношение к конкуренции и роль государства

Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о снижении патерналистских настроений белорусов. Так, половина респондентов не согласны с мнением, что государство должно обеспечивать нормальный уровень благосостояния всем гражданам (рис. 4).

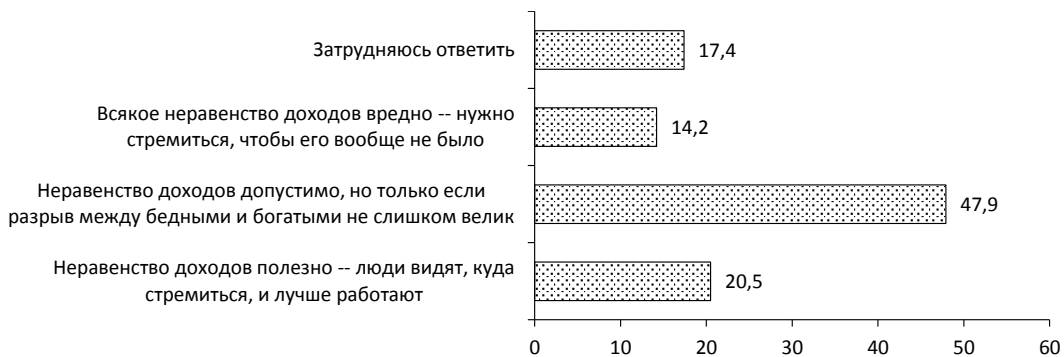

Рисунок 4. Общественное мнение относительно роли государства, %

Показателем отношения к конкуренции являются мнения белорусов относительно неравенства доходов. Так, почти половина опрошенных допускает неравенство доходов, но без большого разрыва между бедными и богатыми (рис. 5). Респонденты, оценивающие выше собственное материальное положение, в большей степени допускают неравенство доходов. Городские жители с высоким уровнем образования также являются более продвинутыми в аспекте наличия неравенства доходов, считают это полезным для общества.

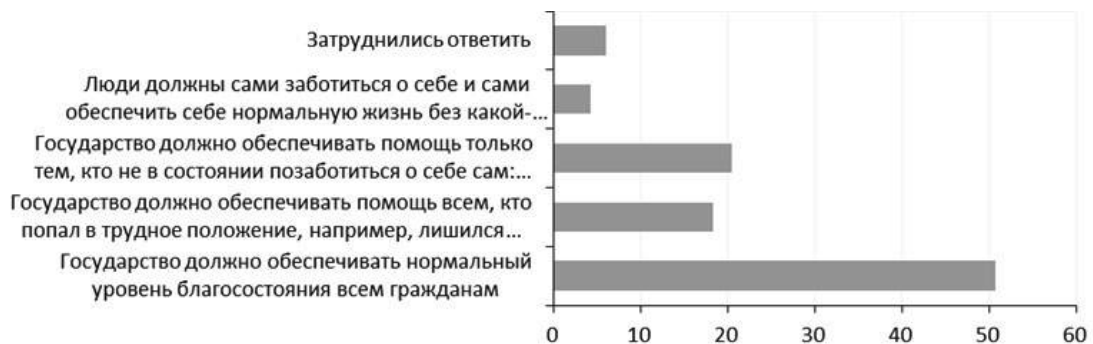

Рисунок 5. Представления белорусов о неравенстве доходов, %

4) Инновации

Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что население Республики Беларусь в той или иной степени поддерживает вложение государственных средств в инновации, считая, что в будущем эти затраты себя оправдают (рис. 6). При этом чем выше уровень образования, тем в большей степени респонденты осознают необходимость инноваций. Зафиксированы и различия по типу населенного пункта: городские жители выше оценивают необходимость разработки и внедрения инноваций. В зависимости от оценки материального положения – более обеспеченные являются в большей степени сторонниками инноваций.

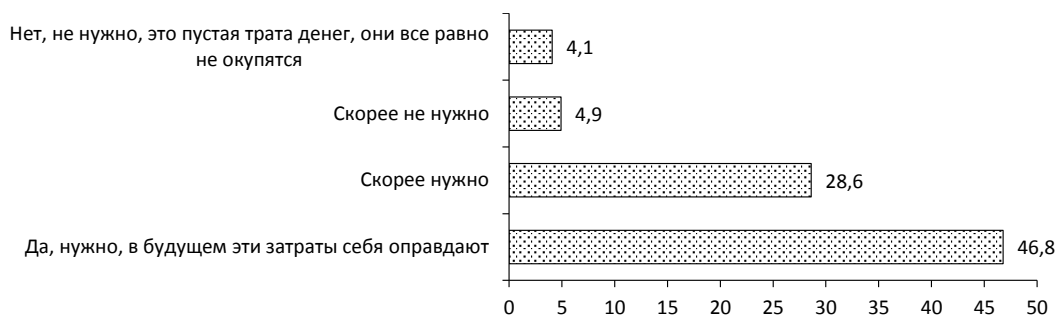

Рисунок 6. Оценка необходимости вложения государственных средств в разработку и внедрение инноваций, %

Итак, в данной работе мы представили основные характеристики уровня и качества социально-экономического развития белорусского общества в общественном мнении его жителей. Выявлены также основные различия в зависимости от социально-демографических характеристик.

Библиографический список

1. Социология общественного мнения: курс лекций / Л.Г. Титаренко. 2-е изд., дополн. Минск: Асар, 2013. 256 с.
2. Социология менеджмента. Основы теории и искусство практики / П.П. Украинец. Минск: ФУАинформ, 2010. 332 с.
3. Актуальные проблемы современного белорусского общества (2005–2010 гг.) / Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.Г. Ротмана [и др.]. Минск: БГУ, 2011. 271 с.

Информация об авторах

Лашук Ирина Валерьевна (Республика Беларусь, Минск) – кандидат социологических наук, доцент, кафедра экономической социологии, УО «Белорусский государственный экономический университет» (220070, г. Минск, пр. Партизанский, 26; (+375 17) 209-88-16; lashuki@tut.by);

Мартищенко Елена Владимировна (Республика Беларусь, Минск) – научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; (+375 17) 284-18-65; marti.74@mail.ru)

Lashuk I.V., Martyshchenkova E.V.

“Markers” of effective socio-economic development of the Republic of Belarus in the public perception

Abstract. *This paper discusses indicators of the level and quality of socio-economic development in the mass consciousness of Belarusians: the structure of the economy in the public opinion of Belarusians; democracy; attitude to competition, the role of the state; innovation. Social and demographic differences in the assessments of the socio-economic development of Belarus are revealed.*

Key words: *public opinion, socio-economic development, sociological indicators.*

References

1. Sociology of public opinion: a course of lectures / L.G. Titarenko. 2nd ed., Supplement. Minsk: Asar, 2013. 256 p.
2. Sociology of management. Fundamentals of the theory and art of practice / P.P. Ukrainian. Minsk: FUAinform, 2010. 332 p.
3. Actual problems of the modern Belarusian society (2005–2010) / D.G. Rothman [et al.]; by ed. D.G. Rothman [et al.]. Minsk: BSU, 2011. 271 p.

Information about the Authors

Irina V. Lashuk (Minsk, Belarus) – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Belarusian State Economic University, Department of Economic Sociology; (26, Partizanskii av., Minsk, 220070, Republic of Belarus; (+375 17) 209-88-16; lashuki@tut.by);
Elena V. Martyshchenkova (Minsk, Belarus) – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (½, Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus; (+375 17) 284-18-65; marti.74@mail.ru)

УДК 331.1/2

Леонидова Г.В., Белехова Г.В.

КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СРЕЗ

Аннотация. Рассматривается вопрос об оценке качества трудовой жизни трудоспособного населения с целью выявления проблемных аспектов как точек приложения управленческих усилий. Используется социологический метод исследования и база данных регионального опроса общественного мнения.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, социологический опрос, регион, трудоспособное население, оплата труда.

Основу социального бытия человека составляет труд. В современном социуме общепринятым взглядом является высокая значимость и ценность труда в организации жизнедеятельности людей [3, с. 3-4]. Распространенным становится понимание того, что получение ощутимых результатов от любого рода трудовой деятельности зависит не только от повышения человеческого капитала и уровня реализации трудового потенциала, но и от обеспечения достойного качества трудовой жизни (КТЖ). Состояние последнего, в свою очередь, служит своеобразным камертоном социального согласия в обществе [3, с. 4], а значит, влияет на формирование гражданской активности и уровня поддержки политического курса. Соответственно, неоспоримо актуальными являются исследования КТЖ работающего населения.

Цель представленного исследования – оценка общего состояния КТЖ трудоспособного населения региона, что позволит получить представление об основных проблемах КТЖ, на которые впоследствии должна быть ориентирована региональная и локальная трудовая политика. Для реализации цели использована авторская методика оценки КТЖ, основанная на применении социологического инструментария. Информационную базу составили данные

опроса «Качество трудового потенциала Вологодской области», проведенного весной 2018 года.

Качество трудовой жизни – сложная многоаспектная категория, дефиниция и структурная наполненность которой определяются целями конкретного исследования и зависят от отраслевой специфики, содержания труда, учитываемых культурных и ментальных особенностей, действия прочих субъективных и объективных факторов. На наш взгляд, КТЖ следует рассматривать как многомерную иерархическую совокупность свойств, складывающуюся в процессе взаимодействия работников и организации и включающую оплату труда, условия и организацию труда, использование и развитие человеческого потенциала, возможности для карьерного роста, устойчивость занятости, психологический климат в трудовом коллективе, взаимодействие с общим жизненным пространством и социальную значимость труда [1]. Именно на измерении выделенных блоков посредством социологического инструментария построена используемая в исследовании методика оценки КТЖ.

1. Оплата труда. Основной источник дохода трудоспособного населения – заработная плата по основному месту работы (71%). Значим вклад случайных заработков (19%) и пособий (11%). Такие источники, как доход от ценных бумаг и от использования иных активов (сдача в аренду жилья и проч.), имеются лишь у 2–3% респондентов. Столь высокая роль вложений собственного ресурса, т. е. рабочей силы, наряду с практически полным отсутствием «независимых» источников дохода лишней раз подчеркивает «подчиненное» положение населения, его высокую зависимость от неподконтрольных ему факторов.

Одновременно ни по одному из аспектов оплаты труда респонденты не демонстрируют однозначно высокой субъективной удовлетворенности: справедливостью начисления зарплаты удовлетворены 41%, размером оплаты труда – 37%, полнотой социального пакета – 41%, системой стимулирования – 35%. При этом более трети респондентов в принципе не могут обозначить свое отношение (34%, 34%, 35%, 37% соответственно). Можно говорить о сдерживаемом (контролируемом) приспособлении к существующей оплате труда, что в некотором смысле свидетельствует о слабо выраженном ощущении материального благосостояния и социальной защищенности, а также скрывает риски массового «недовольства».

2. Условия и организация труда. Трудоспособное население в большинстве своем удовлетворено санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда (49%), технической оснащенностью рабочего места (53%) и содержанием своей работы (53%). Не зафиксировано однозначной позиции в отношении удовлетворенности от возможности участия в управлении (более 40% респондентов затруднились ответить). Аналогично оценивается и удовлетворенность работой профсоюзов – 42% не смогли определиться, удовлетворены они или нет. Это может говорить как об отдаленности работников от административных вопросов, так и об отсутствии значимых проблем в социально-трудовых отношениях и соблюдении работодателями прав работников, социальных гарантий и иных льгот.

3. Использование и развитие человеческого потенциала. Более половины опрошенных заявляют о соответствии профессии их призванию (52%) и отмечают, что имеющаяся подготовка соответствует предъявляемым к ним требованиям (41%). Каждый четвертый респондент (27%) указывает на возможность выполнения более

квалифицированной работы. При этом за последний год большая часть работников (76%) не повышала свою квалификацию. Среди причин, ограничивающих реализацию в труде имеющейся подготовки, работники чаще всего отмечают материальные (низкая оплата труда – 14%, неэффективное стимулирование – 11%) и организационные (неблагоприятные условия труда – 10%) аспекты, а также отсутствие интереса к работе (12,5%).

4. Возможности для карьерного роста. Произошедшие изменения в своем должностном положении трудоспособное население оценивает весьма оптимистично: в краткосрочном периоде (за последние полгода) оно чаще говорит об отсутствии каких-либо изменений (60%), в долгосрочном (за последние пять лет) – указывает как на отсутствие изменений (40%), так и на улучшение должностного положения (34%). Однако высокого уровня удовлетворенности в отношении возможностей для карьерного роста не наблюдается: 38% респондентов удовлетворены имеющимися возможностями, а 39% не дают однозначной оценки.

5. Устойчивость занятости. Несмотря на весьма высокие оценки условий труда и возможностей для реализации в профессии, многие работники (74%) несколько раз за свою трудовую жизнь меняли место работы. Основная причина смены места работы – «материальный вопрос» (низкая зарплата – 56%); также вескими внешними причинами называются плохие условия труда (22%) и сокращение штатов (14,5%). Кроме того, многие работники (23%) в качестве причины смены места работы отмечают личные обстоятельства. В настоящее время большая часть опрошенных (71%) демонстрирует уверенность в отношении своей занятости и не выказывает опасений по поводу потери работы; оставшиеся респонденты возможные причины потери работы видят в неустойчивом экономическом положении предприятия (11%) и ухудшении состояния здоровья (7%). Многие работники в качестве наиболее заметного изменения в своей занятости за последние 12 месяцев указывают на менее интересное наполнение работы (26%).

В деле устройства на работу трудоспособное население ориентируется, прежде всего, на близкие контакты – дружеские и родственные связи (51,4%). Порядка трети проявляют самостоятельность в данном вопросе, прибегая к помощи рекламных объявлений, кадровых агентств и сайтам поиска вакансий (32,5%), каждый десятый обращается за помощью в государственную службу занятости (12%).

6. Психологический климат в трудовом коллективе. Преобладание удовлетворительных оценок от психологической обстановки в коллективе (58%) и отношений с руководством организации (56%) свидетельствует о наличии в большинстве случаев качественного взаимодействия между сотрудниками и оптимальном стиле управления, используемом руководством учреждений.

7. Взаимодействие с общим жизненным пространством. Указываемая респондентами продолжительность рабочего дня и рабочей недели соответствует нормам трудового законодательства. Основная доля опрошенных (85%) отмечает отсутствие переработок и дополнительной нагрузки; 15% работников говорят о выполнении части рабочих заданий «на дому». Главная причина «домашней переработки» обусловлена особенностями профессии (сферы науки, образования, финансов) – 44%, также влияют непредвиденные рабочие ситуации (17%). Однако только 45% работников удовлетворены возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности (еще 37% затруднились с оценкой), что отчасти может

свидетельствовать о наличии «скрытой» усталости от трудового ритма и невозможности полноценно расслабиться в течение трудовой недели.

8. Социальная значимость труда. Порядка половины трудоспособного населения региона (46%) удовлетворены тем, какую пользу их труд приносит обществу; 38% не дают определенной оценки социальной значимости своего труда, что может снижать стремление работников эффективно реализовывать свой трудовой потенциал.

Выявленные в ходе анализа «минусы» качества трудовой жизни (неудовлетворительный уровень оплаты труда, проблемы в организации системы оплаты труда, проблемы административного взаимодействия, низкая мотивационная составляющая труда, недооценка социальной значимости труда и личностной ценности работника) – по существу исходят из системных недостатков деятельности «социальных институтов, регулирующих отношения труда, капитала и государства» [2, с. 178] (в частности, дифференциация зарплат по отраслям, проблемы социального страхования, противоречия в вопросах собственности на результаты труда). Соответственно, поскольку сбалансированные и качественные трудовые отношения выступают «залогом успешного социального взаимодействия и развитого общества» [3, с. 3], требуется слаженная работа по улучшению отмеченных аспектов качества трудовой жизни на локальном, региональном и федеральном уровнях.

Библиографический список

1. Белехова Г.В., Бабич Л.В., Чекмарева Е.А. Теоретико-методологические аспекты исследования категории «качество трудовой жизни» // Социальное пространство. 2017. № 3. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2311>
2. Роик В.Д. Труд и качество трудовой жизни в России: опыт XX в. и перспективы XX в. // ЭКО. 2018. № 1. С. 168-183.
3. Роик В.Д. Труд и качество трудовой жизни: практика и теория регулирования в западных странах и России: монография. М.: Проспект, 2017. 488 с.

Информация об авторах

Леонидова Галина Валентиновна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала отдела исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; galinaleonidova@mail.ru);

Белехова Галина Вадимовна (Россия, Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования проблем развития трудового потенциала отдела исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; belek-galina@yandex.ru)

Leonidova G.V., Belekova G.V.

**THE QUALITY OF THE WORKING LIFE OF THE POPULATION:
A SOCIOLOGICAL APPROACH**

Abstract. *The article examines the question of assessing the quality of the working life of the working-age population in order to identify problematic aspects as points of application of administration efforts. To achieve the goal we used a sociological method of research and a database of a regional public opinion poll.*

Key words: *quality of working life, sociological survey, region, working-age population, wages.*

References

1. Belekhova G.V., Babich L.V., Chekmareva E.A. Theoretical and methodological foundations of the study of the category “quality of working life” // Social area. 2017. No 3. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2311>
2. Roik V.D. Trud i kachestvo trudovoj zhizni v Rossii: opyt XX v. i perspektivy XXI v. // EKO. 2018. № 1. S. 168-183.
3. Roik V.D. Trud i kachestvo trudovoj zhizni: praktika i teoriya regulirovaniya v zapadnyh stranah i Rossii: monografiya. M.: Prospekt, 2017. 488 s.

Information about the Authors

Galina V. Leonidova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Laboratory Head, Laboratory of Research of Issues of Development of Labor Potential at the Department for Standards of Living and Lifestyles Studies, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; galinaleonidova@mail.ru);

Galina V. Belekhova (Vologda, Russia) – Researcher of Standards of Living and Researching Department, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; belek-galina@yandex.ru)

УДК 37

Леонова Ж.К., Иванина В.М.

СПРОС НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь демографических факторов и спроса на образовательные услуги. Дано обоснование диспропорции между спросом и предложением образовательных услуг в ряде регионов РФ, что является доказательством недостаточного учета влияния демографических факторов при прогнозировании.

Ключевые слова: демографические факторы, спрос на образовательные услуги, предложение образовательных услуг, плотность населения, численность населения, количество обучающихся, количество учебных учреждений.

В построенной на когнитивных и цифровых технологиях экономике, где ключевым производственным фактором выступает человеческий капитал, система образования играет значительную роль.

Система образования – это достаточно сложная социально-экономическая система, которую характеризуют не только количественные, но и качественные характеристики, территориальная разветвленность и особенности административного подчинения [3, с. 13].

Социальные факторы, формирующие в совокупности социальную среду, являются важной составляющей внешней среды, действующей на рынок образовательных услуг, который понимается как совокупность существующих и потенциальных покупателей и продавцов, т. е. система взаимодействия спроса на образовательные услуги и предложения таких услуг различными образовательными учреждениями [4, с. 263].

Предложение на рынке образования материализуется в количество учебных мест, предлагаемых учебными заведениями. А субъектами предложения на данном рынке выступают учебные заведения различных форм собственности. Учреждения различных уровней образуют единую отраслевую структуру образования, независимо от того к какой форме собственности или ведомственной принадлежности они относятся [3, с.13]. Демографические факторы оказывают непосредственное влияние на такие элементы рыночного предложения образовательных услуг, как количество образовательных учреждений разных ступеней образования и их достаточность в том или ином регионе, а также на количество выпускающихся специалистов – воспитателей, учителей и преподавателей начального, среднего и высшего образования.

Но нам видится, что в значительной степени демографические факторы оказывают влияние на спрос образовательных услуг, который диктуется потребителями. Субъектами спроса на рынке образовательных услуг выступают организации, фирмы, а также государственные и частные предприятия, отдельные граждане. К конечным потребителям относятся учащиеся, студенты, слушатели, которые используют образовательный потенциал не только для создания материальных и других благ и зарабатывания средств на жизнь, но еще и для удовлетворения собственных познавательных потребностей [6, с. 383].

Явным фактором, который в среднесрочной и долгосрочной перспективе влияет на спрос образовательных услуг, является рождаемость. Но при прогнозировании будущего спроса, необходимо учитывать и иные демографические факторы, такие, например, как численность и плотность населения в регионах, миграцию и другие.

По данным Росстата, на 1 января 2017 года в РФ проживает 146,8 млн человек, за последние 3 года численность населения выросла на 3,5 млн человек (143,3 млн чел. на 1 января 2013 г.). Из них на сегодняшний день в образовательных учреждениях различных ступеней проходят обучение около 30 млн человек, а именно: 23% дошкольников; 50% школьников; 8% учащихся средних профессиональных учреждений; 17% студентов вузов [2].

Таким образом, конечный спрос на образовательные услуги сегодня обеспечивает контингент, составляющий порядка 20,4% всего населения страны. При этом количество педагогических кадров во всех учреждениях образования составляет 5 млн человек, то есть на 1 преподавателя приходится 6 обучающихся.

Однако для более точного прогнозирования предложения на рынке образовательных услуг необходимо учитывать не только численность населения, но и такой показатель, как плотность населения, которая крайне неравномерна в РФ.

В Центральном федеральном округе проживает 26,8% от всего населения страны, плотность населения также самая высокая – 60,3 человека на км². Наименьшая численность населения наблюдается в Дальневосточном федеральном округе (4,2% населения России), плотность населения здесь также наиболее низкая – 1 человек на км². Но плотность населения

в разных субъектах Федерации не всегда находится в прямой зависимости от численности населения. Численность населения ежегодно растет (кроме ПФО и ДФО). Соответственно, можно ожидать и повышения спроса на образовательные услуги в перспективе (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение численности, плотности населения и образования на 1 января 2017 года [5]

Субъекты РФ	Численность населения, тыс. чел.	Плотность населения, человек на 1 кв. км	Число муниципальных образовательных организаций (на 1 января 2017 г.)	Количество учащихся					
				Численность воспитанников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми	Численность обучающихся по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования	Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Российская Федерация	146804,4	8,6	81305	7342,9	15219,0	563,0	2304,8	4399,5	29829,2
Центральный федеральный округ	39209,6	60,3	16362	1702,3	3569,8	104,9	492,8	1359,6	7229,4
Северо-Западный федеральный округ	13899,3	8,2	5108	737,5	1329,3	56,4	199,4	430,3	2752,9
Южный федеральный округ	16428,5	36,7	9015	734,6	1694,0	71,9	264,6	434,4	3199,5
Северо-Кавказский федеральный округ	9775,8	57,4	5859	405,2	1215,4	29,7	149,8	229,7	2029,8
Приволжский федеральный округ	29636,5	28,6	19808	1600,8	3037,9	126,4	523,3	880,5	6168,9
Уральский федеральный округ	12345,8	6,8	6796	782,2	1397,3	50,6	225,0	328,2	2783,3
Сибирский федеральный округ	19326,2	3,8	13704	1043,5	2253,5	94,3	336,7	575,1	4303,1
Дальневосточный федеральный округ	6182,7	1,0	4653	336,7	721,7	28,7	113,2	161,8	1362,1

Пренебрежение фактором неравномерной плотности населения может привести к диспропорции предложения на рынке образования, в результате которой количество учебных заведений не будет соответствовать реальному спросу на образовательные услуги в том или ином регионе.

Как следует из представленной таблицы 1, на сегодняшний день по численности образовательных учреждений лидирует Приволжский федеральный округ с плотностью населения 28,6 человек на 1 км². Здесь расположено 19808 учебных учреждений. Для сравнения, в Центральном федеральном округе 16362 учебных заведений, что на 21% ниже, чем в Приволжском федеральном округе. Однако количество учащихся в Центральном федеральном округе больше на 1060,5 человек по сравнению с Приволжским федеральным округом, что повышает уровень интенсивности спроса на образовательные услуги.

Но мы наблюдаем на всех ступенях образования устойчивую динамику сокращения учебных заведений (табл. 2).

За период 2014–2016 гг общее количество учебных заведений сократилось на 3,05% при росте количества учащихся на 1 учебное заведение.

Таблица 2. **Количество государственных образовательных учреждений. 2014–2016 гг.** [5]

Образовательные учреждения	2014/2015			2015/2016			Динамика, %		
	Количество учреждений	Количество учащихся	Количество учащихся на учебное заведение	Количество учреждений	Количество учащихся	Количество учащихся/учебное заведение	Количество учреждений	Количество учащихся	Количество учащихся / учебное заведение
Всего учреждений	43210	14091632	326	41 893	14491800	346	-3,05	2,84	6,13
начальное общее образование	1461	122798	84	1 275	117981	93	-12,73	-3,92	10,71
основное общее образование	7775	618621	80	7 504	622230	83	-3,49	0,58	3,75
среднее общее образование	27194	9826223	361	26 886	10482836	390	-1,13	6,68	8,03
среднее профессиональное образование	2909	2103125	723	2891	2180205	754	-0,62	3,67	4,29
высшее образование	950	5209019	5483	896	4766479	5320	-5,68	-8,50	-2,97
Итого	83499	31971418	7057	81 345	31921320	6985	-2,58	-0,16	-1,02

Такой дисбаланс на практике привел в некоторых регионах к необоснованному закрытию учреждений образования при наличии спроса, к несвоевременному появлению новых учебных заведений, которые открываются с «опозданием», относительно пиков спроса на услуги образования в конкретных субъектах Федерации, что приводит к перегруженности школьных классов, к необходимости проведения обучения в две, а иногда и в три смены.

Реальная ситуация на рынке образования в России и очевидные проблемы, связанные с диспропорцией в некоторых регионах между спросом и предложением образовательных услуг, позволяет утверждать, что на сегодняшний день недостаточно учитывается влияние демографических факторов при прогнозировании спроса и предложения. Существующая система прогнозирования неэффективна, поскольку результаты либо «опаздывают» за реальными изменениями на рынке образования, либо подвергаются неверному учету.

Учет демографических факторов позволит создавать более точные прогнозы по предоставлению необходимого в будущем количества мест в учебных заведениях начального, среднего и высшего образования; по направленности и целям образовательного процесса.

Библиографический список

1. Беляев С.А. Основные тенденции миграционных процессов в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2 (часть 2). С. 226-230.
2. Глава Минобрнауки подводит итоги года. Видеотрансляция, 2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3966045> (дата обращения: 11.02.2018).
3. Крошилилин С.В., Леонова Ж.К., Медведева Е.И. Востребованность образовательных услуг контрагентами рынка: монография. Коломна: МГОСГИ, 2015. С. 13.
4. Леонова Ж.К., Хижняк А.Н. Стратегия формирования системы бизнес-образования в малых и средних городах. Коломна: РАЕН, 2007. 236 с.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/>
6. Россия – страна умирающих деревень // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии) URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya--strana-umirayuschih-dereven-chast-I/> (дата обращения: 10.02.2018).
7. Маркетинг территорий: учебник и практикум для академического бакалавриата / А.А. Угрюмова и др. М.: Юрайт, 2018. 383 с.

Информация об авторах

Леонова Жанна Константиновна (Россия, Коломна) – профессор экономики и управления, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, Коломна, Зеленая улица, 30; +7 (903) 9645247, zh_leonova@mail.ru);

Иванина Вера Михайловна (Россия, Коломна) – аспирант 4 курса, Государственный социально-гуманитарный университет, экономический факультет, кафедра экономики и управления (140410, Коломна, Зеленая улица, 30; +7 (916) 9703720; vero4ka_2009_@mail.ru)

Leonova Zh.K., Ivanina V.M.

DEMAND FOR EDUCATIONAL SERVICES: THE DEMOGRAPHIC ASPECT

Abstract. *The article discusses the relationship of demographic factors and the demand for educational services. The substantiation of the disproportion between the demand and supply of educational services in a number of regions of the Russian Federation is given, which is evidence that the influence of demographic factors is not sufficiently taken into account in forecasting.*

Key words: *demographic factors, demand for educational services, offer of educational services, population density, population, number of students, number of educational institutions*

References

1. Belyaev S.A. The main trends of migration processes in Russia // International Journal of Applied and Basic Research. 2017. № 2 (part 2). p. 226-230.
2. The head of the Ministry of Education and Science summarizes the year. Video broadcasting, 2017. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3966045> (the date of appeal 11.02.2018).
3. Kroshilin S.V., Leonova Z.K., Medvedeva E.I. Demand for educational services by market counterparties: a monograph. Kolomna: MOGOSGI, 2015. p. 13.
4. Leonova Zh.K., Khizhnyak A.N. The strategy of forming a business education system in small and medium-sized cities. Kolomna: RANS, 2007. 236 p.
5. Official site of the Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru/>
6. Russia – the country of dying villages // Center of Sulakshina (Center of scientific political thought and ideology) URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya--stranamirayuschih-dereven-chast-I/> (date applications 10.02.2018).
7. Territory marketing: a textbook and a workshop for academic bachelor degree / A.A. Ugryumova et al. M.: Yurayt, 2018. 383 s.

Information about the Authors

Zhanna K. Leonova (Kolomna, Russia) – Professor of Economics and Management, State Social and Humanitarian University (30, Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation; +7(903)9645247, zh_leonova@mail.ru);

Vera M. Ivanina (Kolomna, Russia) – graduate student, State Social and Humanitarian University, Faculty of Economics, Department of Economics and Management (30, Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation; +7(916)9703720; vero4ka_2009@mail.ru)

УДК 316.334.55 / ББК 60.54

Лихачев Н.Е.

СЕЛЬСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Представлено состояние и развитие сельского самоуправления на основе результатов социологического исследования, проведенного в Могилевской области. Рассматривается сельская общинность как социальный феномен и ее атрибуты, анализируются причины невысокой социальной активности сельских жителей.

Ключевые слова: социально-территориальная общность, сельское самоуправление, сельская община.

Важнейшей составляющей формирования гражданского общества в Республике Беларусь является развитие института общественного самоуправления как субъекта политического пространства. Этим термином принято обозначать способность населения к реальной локальной самоорганизации по месту проживания для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив в вопросах местного значения. Закрепился ли как самостоятельный статус института сельского местного самоуправления субъектом политического процесса? Ответ на вопрос можно получить с помощью

социологических исследований, использующих изучение общественного мнения для анализа современных тенденций социально-политических и экономических трансформаций в сельской местности.

Специфику образа жизни сельского населения определяет трудовая деятельность в окружении природы и животного мира, особая бытовая сфера, общение на уровне соседства и родства. На всем протяжении своего жизненного пути сельчанин включается в деятельность различных социальных групп или сообществ. Наиболее значимые из них – семейные, родственные, соседские и трудовые коллективы. Но особо значима для сельского жителя такая социально-территориальная общность как соседско-родственная община. Принцип сельской общинности, имея многовековые корни в аграрных расселениях, и в наше время исполняет существенную роль в социальной консолидации сельчан.

Основным атрибутом сельской общинности является локальная территория, на которой протекает жизнедеятельность сельчан. Вторым важным признаком выступают родственные и соседские связи, обеспечивающие взаимодействия между индивидами. Третий – трудовые, хозяйственно-экономические и духовно-культурные отношения. На основе сельской социальной общности функционирует соседско-родственная община, представляющая собой относительно устойчивое социальное сообщество, члены которого находятся в регулярном взаимодействии друг с другом, имеют схожие интересы, связаны узами родства или землячества, а также традициями взаимопомощи. В отличие от городской общинности (на уровне улиц, микрорайонов, микрорайонов) сельская формируется на принципах соседства и родства, возникает естественным путем и нередко носит неформальный характер. Здесь в пределах ограниченного территориального пространства каждый житель взаимодействует с другими как в процессе труда, так и быта, то есть общается со своей стабильной социальной средой. Сельскую общину можно обозначить следующим образом. Это сообщество людей, проживающих в естественном природном окружении на определенном локальном пространстве, объединенных соседско-родственными связями и отношениями, живущих в соответствии со своими традициями и обычаями.

Главной особенностью сельской общины в дореволюционное время являлось то, что власть в ней принадлежала всем, а не какому-либо отдельному лицу или группе лиц. Свою волю народ осуществлял непосредственно, на общем собрании. Сход общинников, где решались все важнейшие вопросы внутренней жизни, – главная черта общины, ее существенный признак, без которого она не могла существовать. В настоящее время такого типа общины как формы самоуправления в сельской местности нет, однако ее черты солидарности и взаимопомощи присутствуют на уровне межличностных отношений.

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «Оказываете ли Вы какую-либо помощь соседям по месту жительства?», %**

Варианты ответов	Общее распределение	Мужчины	Женщины
Да, всегда просят	36,8	32,7	39,7
Иногда оказываю	36,6	35,9	37,2
Нет, никогда	24,9	29,6	21,6

Соседская взаимопомощь в сельской местности по-прежнему остается на достаточно высоком уровне, что свидетельствует о сохранении способности к реальной местной самоорганизации. Однако субъективность процесса проявляется в непосредственном участии и готовности сельчан участвовать в местном самоуправлении.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько часто Вы участвуете в решении общинных (не семейных) проблем в деревне?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Мужчины	Женщины
Всегда	6,6	5,8	7,2
Часто	8,7	9,9	7,8
Иногда	20,8	17	23,4
Почти никогда	33,1	37,2	30,3
Затруднились ответить	17,5	18,4	16,9

Степень активности сельских жителей в решении проблем собственного населенного пункта невысока: преимущественно участвуют эпизодически либо не участвуют вообще. Преобладает социальная пассивность сельчан, имеется дефицит активности, слабая готовность к участию в местном самоуправлении.

Социологическое исследование дало возможность выявить, какие формы местного самоуправления практикуются в сельской местности.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Существуют ли в Вашем населенном пункте следующие формы местного самоуправления?», %

Наименование формы	Да	Нет	Не знаю
Местное собрание	36,2	35,4	28,4
Местный референдум	8,3	53,4	38,3
Самоорганизация по месту жительства (наличие старосты)	37,5	32,1	30,4
Дни депутата	35,1	33,0	31,9

Итоги опроса показывают, что многие отрицают наличие или не информированы об обозначенных формах самоуправления. На социально-психологической позиции сельчан все еще сказывается влияние колхозно-совхозной системы в производственной и житейской сферах, когда самоуправление строилось не на основе инициатив местного населения, а на партийно-государственном диктате. При этом отмечается пассивность сельского населения, отсутствие желания участвовать в местном самоуправлении, неразвитость стремления к реализации своих прав, а также нежелание брать ответственность за их реализацию.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Насколько активно принимают участие в местном самоуправлении жители Вашего поселения?», %

Наименование формы	Участвует почти все взрослое население	Участвуют представители домохозяйств	Участвуют только некоторые	Никто не участвует
Местное собрание	22,4	9,6	44,4	22,4
Местный референдум	9,8	7	27,2	55,9
Самоорганизация по месту жительства (наличие старосты)	14	12,8	42,1	31,1
Дни депутата	13	12,1	40,6	34,3

Приведенные данные свидетельствуют, что отсутствие желания участвовать в решении вопросов местного значения есть основная причина невостребованности социального потенциала сельского населения. Причины сложившейся ситуации сельчане обозначили следующие: не видят пользы для себя от участия – 50,4%, не уверены в успешности общего дела – 16,3%, не знают, как это сделать, – 6,4%, имеется настороженное отношение со стороны

местных властей – 5%, затруднились ответить – 21,9%. Таким образом, ведущей причиной социальной пассивности является отсутствие гражданской активности у значительной части современных сельчан. Несомненно, здесь сказывается привычка надеяться только на административные решения государственной власти, а также отсутствие интереса и недостаточность самоорганизации. Среди причин можно также назвать имеющую место депопуляцию сельских территорий, отток наиболее дееспособной части населения в города и превращение села в анклав социально нуждающихся. Еще одним важным моментом является нужда сельского населения в решении всех вопросов организации самоуправления со стороны государственной власти и депутатского корпуса. Можно, таким образом, констатировать, что субъектность сельского местного самоуправления в политическом пространстве еще находится в стадии становления и требуется немало усилий для вовлечения сельчан в управление своей повседневной жизнью.

Информация об авторе

Лихачев Николай Егорович (Республика Беларусь, Могилев) – доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и социологии, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова (212022, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1; lihacheva_sn@mail.ru)

Likhachov N.Y.

RURAL SELF-GOVERNMENT IN BELARUS: THE STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. *The state and development of rural self-government is presented on the basis of the results of a sociological research conducted in the Mogilev region. The rural community is considered as a social phenomenon and its attributes, the reasons for the low social activity of rural residents are analyzed.*

Key words: *social and territorial community, rural self-government, rural community.*

Information about the Author

Nikolay E. Likhachov (Mogilev, Belarus) – Doctor of Sociology, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Mogilev State University named after A. Kuleshov (1, Kosmonavtov str., Mogilyov, 212022, Republic of Belarus; lihacheva_sn@mail.ru)

УДК 316.342.6 / ББК 60.54

Малинина К.О.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА

Аннотация. *Человеческий капитал выступает ключевым элементом развития инновационной экономики, получаемая от него выгода играет большую роль для экономического роста страны. Повышение качества человеческого капитала предпринимательского сообщества влечет за собой развитие потенциала общества.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, предпринимательское сообщество, инновационная экономика, личность безопасного типа, человек высокого качества, предпринимательская культура.*

В эпоху инновационной экономики высококачественный человеческий капитал выступает ключевым элементом и главным фактором ее развития. Качество и стоимость накопленного человеческого капитала составляют фундамент общества знания, позволяя инновациям охватывать большинство видов экономической деятельности. Общими усилиями государства, научной и предпринимательской среды формируется национальная инновационная система, представляющая собой совокупность организаций (национальных государственных, частных, общественных) и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий [1]. Для обеспечения инициации и формирования самоподдерживающихся процессов передачи знаний и интеллектуальной собственности через кооперирование, партнёрство и продажу в производство важен уровень человеческого капитала всех входящих в цепочку звеньев [2]. Предприниматели, ориентированные на инновации, являются неотъемлемой составляющей инновационной системы, соответственно, состояние человеческого капитала предпринимательского сообщества играет значительную роль в общественном развитии в целом.

Понятие «человеческий капитал» рассматривается как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле «человеческий капитал есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход» [3]. В широком смысле человеческий капитал представляет собой сложный интенсивный фактор развития современной экономики и общества в целом, включающий образование, знания, здоровье и качество жизни, оказывающие влияние на инновационность экономики [4]. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию, представляя собой, с одной стороны, совокупность производственных способностей человека, а с другой – издержки на формирование и постоянное совершенствование этих способностей.

Человеческий капитал не равен простой совокупности людей – это профессионализм, знания, умения, навыки, здоровье, креативность и эффективность; это всеобщая форма экономической деятельности, итог движения человеческого общества к современному состоянию. Формирование человеческого капитала осуществляется, прежде всего, через инвестирование в повышение уровня и качества жизни населения, а именно в воспитание, образование, здоровье, науку, предпринимательский климат, безопасность, информационное обеспечение, культуру и др. [5, 6].

Ученые утверждают, что доход от человеческого капитала больше, чем от капитала физического, и инвестирование в него более важно для экономического роста страны, чем строительство новых заводов. Человеческий капитал может выражаться как в физической, так и в интеллектуальной форме, он может накапливаться, изнашиваться и обновляться. Пополнение либо отток человеческого капитала происходит за счет миграции. Основными источниками накопления элементов человеческого капитала выступают инвестиции [7, 8]. Одной из важнейших составляющих инвестиций в человеческий капитал является вложение в

предпринимательство – обеспечение благоприятного предпринимательского климата, развитие предпринимательских способностей и деловой активности, обеспечение конкурентной среды и эффективности деятельности предпринимательского сообщества.

Повышение уровня и качества человеческого капитала предпринимательского сообщества влечет за собой развитие человеческого и социального потенциала общества. Быть предпринимателем означает прежде всего – предпринимать, активно действовать, генерировать идеи, идти на риск, брать на себя ответственность, преодолевать инерционность экономической системы, а также массу препон, начиная с административных барьеров и заканчивая организованной групповой преступностью [9]. Предприниматели выступают важнейшей составной частью фундамента социально-экономической системы, гарантом стабильности гражданского общества [10].

Категории человеческий капитал, человеческий и социальный потенциал, на наш взгляд, неразрывно связаны с понятием «личность безопасного типа» – человек, осознающий себя, смысл своей деятельности, свое предназначение; стремящийся жить в согласии с собой и окружающим миром; гармонично сочетающий в себе активное созидательное начало с противодействием разрушению и негативу, с сохранением и развитием жизни на Земле и во Вселенной; уважающий историю и традиции Родины, сложившуюся систему ценностей, законов; проявляющий заботу о жизни, здоровье и безопасности людей» [11]. Близок к этому образу описанный экологом Н.Ф. Реймерсом «Человек высокого качества» – генетически, физически и психически здоровый, высокоинтеллектуальный, живущий в здоровой (благоприятной) среде жизни – по физическим, социальным и экономическим ее показателям [12].

Данные категории, в свою очередь, отражаются в содержании понятия «предпринимательская культура» – определенная, сложившаяся совокупность принципов, приемов, методов осуществления предпринимательской деятельности субъектами в соответствии с действующими в обществе правовыми нормами, обычаями делового оборота, этическими и нравственными правилами, нормами поведения при осуществлении цивилизованного бизнеса. Выделяются материальные, духовные, личностные и институциональные элементы предпринимательской культуры [13].

Соответственно, для развития человеческого капитала предпринимательского сообщества необходимо уделять значительное внимание формированию и поддержанию культуры предпринимательства. Основой чего является воспитание интеллектуальных, умелых, профессиональных и «цивилизованных» предпринимателей через реализацию специальных образовательных программ, направленных, помимо формирования управленческих навыков, повышения профессионального уровня и предпринимательской этики, на возвращение людей высокого качества, обладающих свойствами личности безопасного типа.

Данная работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-12-29005 «Сравнительный историко-экономический анализ и моделирование развития малого и среднего предпринимательства в сложных экономических и территориальных условиях Русского Севера» и при поддержке Правительства Архангельской области.

Библиографический список

1. Голиченко О.Г. Российская инновационная система: проблемы развития // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 16-35.
2. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал и инновации в процессах развития России и мира. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=30&page=11> (дата обращения: 05.10.2018).
3. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М: Дело. 2001. 900 с.
4. Корчагин Ю. А. Современная экономика России. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.
5. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход: избр. тр. по экон. теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал в вопросах и ответах. URL: <http://www.lerc.ru/?art=3&page=20&part=articles> (дата обращения: 10.10.2018).
7. Щетинин В.П. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Общество и экономика. 1998. № 9-10. С. 4-15.
8. Егель Е.А. Роль человеческого капитала в современной экономике // Вестник ОГУ. 2007. № 3. С. 76-81.
9. Горелов Н.А. Предприниматель – ключевая фигура в творческом наследии Й. Шумпетера (к 130-летию со дня рождения) // Российское предпринимательство. 2012. № 09 (207). С. 29-34.
10. Струсь К.А., Гарибян Д.Г. Малый и средний бизнес как важнейший институт гражданского общества // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XXXVI междунар. науч.-практ. конф. № 4 (36). Новосибирск: СибАК, 2014.
11. Куркина Е.Н. Формирование личности безопасного типа на первой ступени образования // Социальная сеть работников образования. 2012. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2012/10/23/statya-formirovanie-lichnosti-bezopasnogo-tipa-na-pervoy> (дата обращения: 10.10.2018).
12. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия Молодая, 1994. 367 с.
13. Шевченко И.К. Организация предпринимательской деятельности. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. 92 с.

Информация об авторе

Малинина Кристина Олеговна (Россия, Архангельск) – кандидат социологических наук, заведующий лабораторией социокультурной динамики развития арктических регионов Российской Федерации, ИКИА ФИЦКИА РАН (163000, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 23; malinina.ciom@gmail.com)

Malinina K.O.

HUMAN CAPITAL OF THE BUSINESS COMMUNITY

Abstract. *Human capital is a key element in the development of an innovative economy, and the benefits derived from it play a big role in the economic growth of a country. Improving the quality of human capital in the business community entails the development of the potential of society.*

Key words: *human capital, entrepreneurial community, innovative economy, person of a safe type, high-quality person, business culture.*

References

1. Golichenko O.G. Russian innovation system: problems of development // Economic issues. 2004. № 12. Pp. 16-35.
2. Korchagin Yu.A. Human capital and innovation in the processes of development of Russia and the world. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=30&page=11> (access date: 05.10.2018).
3. Fisher S., Dornbusch R., Shmalenzi R. Economy. M: Business. 2001. 900 p.
4. Korchagin Yu.A. Modern economy of Russia. Rostov-on-Don: Feniks. 2008.
5. Becker, G. Human behavior: an economic approach: the elect. tr. on econ. theories. M.: SU HSE. 2003.
6. Korchagin Yu.A. Human capital in questions and answers. URL: <http://www.lerc.ru/?art=3&page=20&part=articles> (appeal date: 10/10/2018).
7. Schetin V.P. Human capital and the ambiguity of its interpretation // Society and Economy. 1998. No. 9-10. Pp. 4-15.
8. Egel E.A. The role of human capital in the modern economy // Bulletin of OGU. 2007. № 3. Pp. 76-81.
9. Gorelov N.A. The entrepreneur is a key figure in the creative heritage of J. Schumpeter (on the 130th anniversary of his birth) // Russian business. 2012. № 09 (207). С. 29-34.
10. Struss K.A., Garibyan D.G. Small and medium business as the most important institution of civil society. Questions of modern jurisprudence: Sat. st. on mater. XXXVI Intern. scientific-practical conf. No. 4 (36). Novosibirsk: SibAK. 2014.
11. Kurkina E.N. Formation of a person of a safe type at the first stage of education. Social network of educators. 2012. URL: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2012/10/23/statya-formirovanie-lichnosti-bezopasnogo-tipa-na-pervoy> (appeal date: 10.10.2018).
12. Reimers N.F. Ecology (theories, laws, rules, principles and hypotheses). M.: Russia Young, 1994. 367 p.
13. Shevchenko I.K. Business organization. Taganrog: Publishing house of TSURE. 2004. 92 p.

Information about the Author

Kristina O. Malinina (Arkhangelsk, Russia) – Ph.D. in Social Sciences, Head of the Socio-Cultural Dynamics of the Development of the Arctic Regions of the Russian Federation, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research (23, Northern Dvina emb., Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; malinina.ciom@gmail.com)

УДК 378.14.2 / ББК 65.050

Малых С.В.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль Иркутского государственного университета в территориальном развитии, показывается влияние формальных (статус,

история) и неформальных (участие в общественных публичных процессах, символические ассоциации) факторов, связанных с университетом у разных социальных групп.

Ключевые слова: *университет, развитие территории, взаимодействие, условия партнерства.*

Роль университетов и как учреждений высшего образования, и как факторов формирования региональной интеллектуальной среды постоянно возрастает. Университет – это основа развития территории. Региональное развитие как никогда зависит от «качества» человеческого капитала тех, кто будет управлять нашим регионом, кто будет видеть смысл и задачи своей деятельности в улучшении, укреплении, усилении позиций регионального развития в разных аспектах и системах оценки.

Задачи, условия, инструменты образования, способного перевернуть представления о способах и целях регионального развития, – вот главная задача университетского обучения в регионах. Помимо этого, необходима подготовка кадров не для будущей миграции в западные регионы страны, а для развития их потенциала на местах.

В литературе имеются несколько подходов к пониманию роли университетов в развитии территории, где они расположены. К первой группе мы отнесли те, кто говорит о взаимосвязи поэтапного внедрения моделей развития образования и университетов как таковых с территориальными перспективами развития (Ю.В. Борисова [1], Е.А. Лубашев [3]). Данными авторами лишь обозначаются особенности взаимосвязи вуза и территории, где он располагается. Авторы приводят в примеры западные университеты (Оксфорд, Кембридж, Принстон, Сорбонна и другие), которые самим фактом своего пребывания на определенной территории создают ее имидж. И применяемые на российский опыт модели показывают, увы, пока не достаточный уровень финансирования и создания социальной инфраструктуры и мотивации молодых людей оставаться на территории, где они получили образование.

Другие ученые более глобально подходят к обозначенному вопросу и полагают, что миссии университетов в стране и мире связаны с перспективами развития человечества (Ю.Е. Шабалин [6], О.А. Полюшкевич [5]). От глобального – общего развития людей как вида – до локального развития определенной территории. Авторами рассматриваются такие вопросы, как социальная ответственность университетов и социальный и интеллектуальный капитал, условия корпоративной солидарности, социокультурные условия развития региона и всего человечества и т. д.

Особенности региональной специфики взаимосвязи университетов и стратегий развития рассматриваются в работах Ю.Н. Москвич [4], И.А. Каплунова [2]). Все авторы данной группы говорят об особой роли университетов в жизни человека, группы, региона, страны и т. д.

Таким образом, мы можем констатировать, что вопросы изменения роли образования, связи университетов с развитием городов, собственно брендинга вузов и встроенности их в региональную экономику достаточно остро стоят на повестке дня у ученых из разных отраслей знаний. Особенно остро данный вопрос стоит перед Байкальским регионом, где Иркутскому государственному университету принадлежит первенство в области продвижения и развития высшего образования в регионе. И перед ним стоит потребность разработки бренда ИГУ.

В результате опроса²⁵ мы выяснили, что Иркутский государственный университет у жителей города напрямую связан с самим городом Иркутском. Только 10% указали на идентичность названий «Иркутск» и «Иркутский» как признак схожести. Остальные респонденты указывали на «включенность зданий и корпусов ИГУ в городское пространство» – 28%, «сохранение культурного наследия и исторического прошлого» – 26%, «развитие ИГУ связано с развитием Иркутска» – 22%, «выпускники ИГУ создают облик современного Иркутска» – 14%. Данные определения позволяют нам говорить о том, что не только прошлое и настоящее, но и будущее Иркутска связано с Иркутским государственным университетом.

У 62% респондентов кто-то из родственников или они сами учились в ИГУ. Более того, 73% респондентов хотели бы, чтобы их дети учились в ИГУ. Это формирует отношение уважения и признания заслуг университета на городском и региональном уровне.

В таблице 1 представлены варианты ответа на вопрос, что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску.

Таблица 1. **Что дает Иркутский государственный университет городу Иркутску? (%)**

Основные ориентиры	Примеры	Проценты
Ориентиры в прошлое	«Сохранение социальной памяти через книги, здания, опыт проживших в этом городе людей не один десяток лет» (А.Ю., строитель, 48 лет), «Память о людях, живших в этом городе, любивших, мечтавших, строивших свою жизнь и жизнь своих потомков» (О.А., учитель, 41 год), «Благодаря университету есть память о прошлом людей, вещей, событий, изменивших ход истории» (Д.Б., пенсионер, 75 лет).	25
Ориентиры на настоящее	«Университет учит студентов тому, что может помочь им уже сегодня быть нужными и востребованными специалистами» (Н.Е., психолог, 29 лет), «Университет требует подтверждения знаний и умений от студентов, он предлагает новый опыт, но и требует постоянного применения и обновления знаний и навыков тех, кто тут учит и тех, кто учится» (С.В., лингвист, 23 года), «Знания устаревают, но навыки учиться остаются. Только в настоящем можно найти силы для того чтобы жить. Университет тем самым запускает Жизнь в городе» (М.В., политолог, 26 лет).	34
Ориентиры на будущее	«Университет закладывает перемены будущих событий, новой жизни, новых целей и ориентиров. Он не дает застрять нам в прошлых проблемах, он заставляет мечтать и реализовывать свои мечты в жизнь» (И.С., предприниматель, 39 лет), «Университет дает ориентиры развития, задает планку, которую держишь всю жизнь и постоянно предъявляешь доказательства того, что за тебя не стыдно в стенах родной Альма матер» (Н.Д., писатель, 47 лет), «Будущее нашего города заложено в стенах ИГУ. В педагогах и учениках, что совместно мечтали, творили и верили в то, что они могут сделать жизнь лучше, проще и красивее» (А.Е., домохозяйка, 32 года).	41

Как видно из таблицы, доминируют ориентиры на будущее (41%), на втором месте – ориентиры на настоящее (34%) и на третьем – ориентиры в прошлое (25%). В плане развития дают новую систему отсчета ориентиры на опору на ресурсы в настоящем и возможности их развивать и преобразовать в будущем.

Символы Иркутского государственного университета в сознании респондентов тесно связаны с самим городом Иркутском (см. таблицу 2).

²⁵ В опросе участвует 1200 жителей региона в возрасте от 18 до 75 лет, проживших в Иркутске от 2 до 75 лет.

Таблица 2. Символы ИГУ связанные с Иркутском (%)*

Символы	18-32 года	33-50 лет	51-75 лет
Дома (здания)	40	35	25
Библиотеки	30	35	35
Спортивные комплексы	35	35	30
Люди	10	15	75
Научные открытия	65	20	15

* Данные представлены на основе символического анализа тех объектов, которые наиболее часто у респондентов ассоциируются с Иркутском, но при этом имеют прямое отношение к Иркутскому государственному университету.

Таким образом, университеты становятся не просто образовательными или научными, но и социокультурными и экономическими центрами. Мировое образовательное пространство формируется именно в университетах. Университеты «гумбольтовского» периода изжили себя, сегодня выходят на первый план университеты «нового типа», в которых, помимо опыта и знаний, студенты приобретают навыки в развитии общества знаний, готовность постоянно учиться и обновлять свои компетенции, что развивает город расположения университета, положительно влияет на инфраструктуру и самих жителей.

Пример взаимодействия Иркутского государственного университета и города Иркутска является ярким тому подтверждением. Но и эта связка требует постоянного мониторинга и изучения, чтобы эффект от партнерства был постоянным и взаимовыгодным.

Библиографический список

1. Борисова Ю.В. Образ города как стратегия развития (на примере Иркутска) // Урбанистика. 2017. № 3. С. 81-92.
2. Каплунов И.А. Роль университета в инновационном развитии региона // Профессиональное образование. 2011. № 5 (20). С. 31-35.
3. Лубашев Е.А. Проблемы развития сферы вузовского образования как инновационного фактора обеспечения устойчивого развития регионов России // Экономические науки. 2009. № 5 (54). С. 351-354.
4. Москвич Ю.Н. Новая роль университетов в развитии регионов и новых отраслей // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 20-23.
5. Полюшкевич О.А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
6. Шабалин Ю.Е. Миссия университета в мире, стране, регионе: развитие инноваций и предпринимательства // Совет ректоров. 2013. № 9. С. 19-32.

Информация об авторе

Малых Светлана Владимировна (Россия, Иркутск) – кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет (664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; lana.malyx@bk.ru)

Malykh S.V.

THE ROLE OF THE UNIVERSITY IN THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

Abstract. *The article discusses the role of the Irkutsk State University in territorial development, shows the influence of formal (status, history) and informal (participation in public processes, symbolic associations) associated with the university in different social groups.*

Key words: *university, territory development, interaction, partnership conditions.*

References

1. Borisova Yu.V. The image of the city as a development strategy (on the example of Irkutsk) // *Urbanistics*. 2017. № 3. Pp. 81-92.
2. Kaplunov I.A. The role of the university in the innovative development of the region // *Professional education*. 2011. № 5 (20). Pp. 31-35.
3. Lubashev E.A. [Problems of the development of the sphere of higher education as an innovation factor in ensuring the sustainable development of Russia's regions]. *Ekonomicheskie nauki*. 2009. № 5 (54). Pp. 351-354.
4. Moskvich Yu.N. New role of universities in the development of regions and new industries // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University*. V.P. Astafieva. 2013. № 1 (23). Pp. 20-23.
5. Polyushkevich O.A. Social Responsibility of Universities // *Alma mater (Herald of Higher Education)*. 2012. № 11. Pp. 26-29.
6. Shabalin Yu.E. The mission of the university in the world, country, region: the development of innovation and entrepreneurship // *Council of Rectors*. 2013. № 9. Pp. 19-32.

Information about the Author

Svetlana V. Malykh (Irkutsk, Russia) – Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor, Irkutsk State University (1, Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation; lana.malyx@bk.ru)

УДК 314.5 / ББК 60.7

Медведева Е.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Аннотация. Особенности развития института семьи исторически связаны с социально-экономическими изменениями, происходящими в нашем обществе. Последние трансформации социума различным образом воздействуют на брачно-семейные отношения. Это влияет на структуру рождаемости, так как имеется прямая зависимость между количеством заключенных браков и родившихся детей.

Ключевые слова: семья, брачно-семейные отношения, экономика семьи, социально-экономические проблемы региона.

Уменьшение числа рожденных детей и ухудшение демографической ситуации в нашей стране негативным образом сказывается и на экономике. Увеличение пенсионного возраста

(реформирование российской пенсионной системы) для удержания достойного уровня дохода старших поколений, а также снижения нагрузок на трудоспособные возрастные когорты, является следствием «демографической ямы» 90-х. Все это подчеркивает не только взаимосвязь семейной политики государства с экономической ситуацией в стране, но и ее влияние на безопасность в целом. Неравномерность рождаемости в различных регионах, а также отличие социально-культурного «наследия» института семьи и отношения к браку требуют от ученых локального изучения данной проблемы и дифференцированного подхода к проблемам молодой семьи (материал подготовлен при финансовой поддержке фонда РФФИ грант № 17-32-00005-ОГН).

Семья – это достаточно многогранное и сложное понятие. Существует достаточно много подходов к изучению данного термина, который за последние годы претерпел значительные трансформации. Больше всего проблемами семьи занимаются социологи, однако, с демографической и экономической точек зрения, следует больше уделять внимание фундаментальным вопросам существования данного института. Изменения в самой структуре семьи, в принципах и подходах выстраивания брачно-семейных отношений изучать достаточно проблематично. Наибольшие изменения коснулись новых поколений, которые воспитаны на «вседоступности» любого информационного контента, на свободе нравов и отношений между полами, которые имеют свои собственные убеждения по выстраиванию межличностных отношений. Это делает наиболее ценными эмпирические исследования, полученные в результате сбора первичной информации [1].

Следует отметить, что сегодня происходит дестабилизация молодой семьи: значительно выросло число разводов, стало больше матерей-одиночек, растет конфликтность во внутрисемейных отношениях, наличие проблем насилия в семьях. Сегодня в нашем обществе наблюдаются процессы, связанные с «ломкой» традиционных «стандартов» семейного уклада, обостряются межпоколенческие разногласия, особенно в разрезе опыта и семейных традиций. Современной молодой женщине все труднее сочетать репродуктивную и профессиональную деятельность – эффект «стеклянного потока». Доступность и фактически бесконтрольность любой информации сексуального характера для молодежи привела к значительному снижению культуры интимных отношений, более раннему началу половой жизни, распространенности ранних абортов, что отрицательно сказывается на здоровье молодых женщин. Очевидно, что институт семьи изменяется и в настоящее время имеет различное нормативно-правовое закрепление, появляются новые формы брака: фактический брак, повторный брак, гостевой брак и т. п. Эти процессы в значительной степени обусловлены социокультурными традициями регионов и социально-экономическими отношениями в обществе молодых людей [1, 2].

Удовлетворение материальных потребностей – вот одна из проблем современной молодой семьи. Для нормального функционирования семья должна иметь стабильный доход, и, вступая в брак, молодые люди очень часто не задумываются о том, где они будут жить, кто будет обеспечивать семью и кто возьмет на себя все тяготы семейного быта. Большинство разводов сегодня связаны именно с этой проблемой, так как молодежь не готова к семейным трудностям и бытовым проблемам. Доходы в молодых семьях, как правило, невелики, и основные средства расходуются на продукты питания, бытовую химию, коммунальные услуги, покупку одежды и оплату жилья (аренду жилья). Лишь небольшая доля молодых семей может позволить себе тратить основную часть семейного бюджета на погашение

кредита, на накопление средств на покупку недвижимости или автомобиля, на семейный отдых и материальную помощь родителям.

Согласно данным РОССТАТа, доля малоимущих домашних хозяйств в общей численности домашних хозяйств (по данным выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах) в 2013 году составляла 6,6%, в 2015 – почти каждая десятая семья (9%). В 2016 году этот показатель снизился до 8,6%. Следует отметить, что наибольшие трудности в «финансовом плане» испытывают семьи с двумя и более детьми (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение домашних хозяйств по степени удовлетворенности своим финансовым положением (2016 год)

	из них домашние хозяйства, оценившие свое финансовое положение следующим образом:						
	не хватает денег даже на еду	затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	не могут позволить покупку товаров длительного пользования	не хватает денег на покупку автомобиля	не хватает денег на покупку квартиры, дачи	средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	Затрудняюсь ответить
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 16 лет	1,1	20,0	46,2	20,5	8,3	2,3	1,6
из них имеющие:							
1 ребенка	1,0	17,9	46,8	20,8	8,6	2,7	2,2
2 детей	1,3	23,0	45,4	19,9	7,9	1,8	0,7
не имеющие детей	1,0	20,8	48,2	19,2	6,4	3,4	1,0

Источник: [4].

Достаточно часто РОССТАТ использует первые два столбца в таблице 1 как индикатор бедности. Очевидно, что каждая пятая семья в России испытывает значительные трудности в приобретении всего самого необходимого. Но если в семье 2 детей – то уже почти каждая четвертая ячейка общества оказывается за чертой бедности. Если в семье трое и более детей, то в 2,1 раза меньше располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц), чем у бездетных (см. табл. 2).

Таблица 2. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, рублей)

Показатель / год	2012	2013	2014	2015	2016
Домашние хозяйства, имеющие детей до 16 лет	16250,9	19039,1	19844,9	20230,5	20290,4
из них домашние хозяйства, имеющие:					
одного ребенка	17664,3	20866,6	22351,8	22522,3	22112,5
двух детей	15260,5	17655,6	17972,4	18825,7	19513,8
трех и более детей	9041,7	12535,6	11945,9	12512,1	13300,3
не имеющие детей	20914,6	23458,5	26137,0	26328,8	28175,8

Источник: [4].

Причем в абсолютных показателях эта разница может быть еще больше (в зависимости от региона проживания) (см. рис. 1).

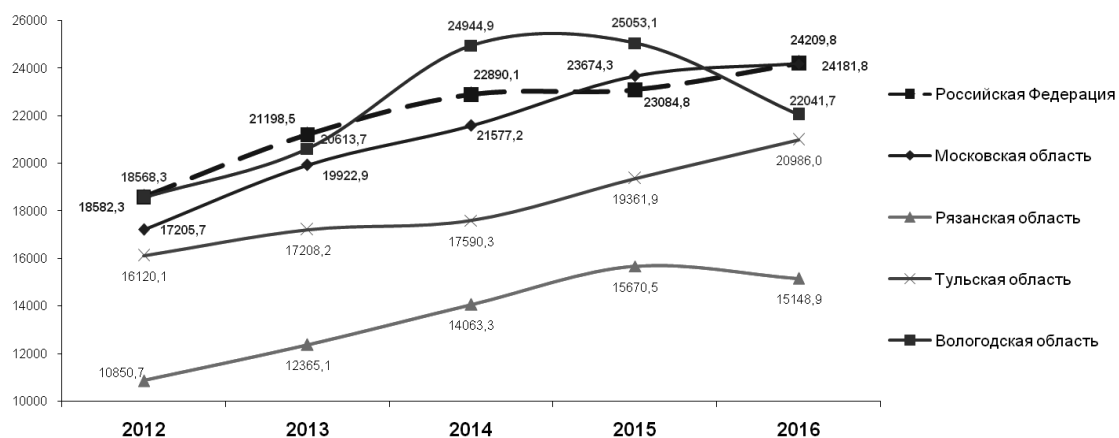

Рисунок 1. Располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, рублей)

Источник: [4].

Располагаемые ресурсы домашних хозяйств в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц в Московской области в 2016 году составляли 24181,8 руб., Вологодской – 22041,7 руб. Это почти в полтора раза меньше, чем в Рязанской области.

Необходимо отметить, что в большей степени молодая семья сталкивается со значительными жилищными трудностями (см. табл. 3). Если в Центральном федеральном округе наблюдается положительная динамика на снижение потребности в жилье в последние годы, то в других регионах этот показатель растет.

Сегодня молодые люди, создавая семью, вынуждены думать в первую очередь о материальных и жилищных проблемах. Однако, по данным социологических исследований, фактор материальной и жилищной обеспеченности на стабильность семейных отношений оказывает незначительное воздействие, но довольно часто усиливает конфликтную ситуацию.

Таблица 3. Число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец года (некоторые регионы)

Регион / год	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Российская Федерация	417611	415854	441563	416356	387683	357817
Московская область	1887	1484	1056	966	911	734
Рязанская область	1291	1171	1032	924	935	743
Тульская область	1090	949	838	804	862	945
Вологодская область	2189	1944	1649	1507	1292	1461

Источник: [4].

Таким образом, с экономической точки зрения семья оказывает значительное воздействие на процессы, происходящие в обществе. Проблемы современной молодой семьи в большей степени касаются не уровня доходов, а уровня притязаний молодых людей к субъективному представлению о стандартах и качестве жизни. Желание молодого поколения получить «все и сразу», не прилагая значительных усилий, приводит к добровольному отказу от рождения детей, так как это объективно сказывается на уровне дохода из расчета на одного

члена семьи. Этот вывод весьма важен для понимания значимости социально-экономических проблем, так как семейно-брачные отношения зависят от стабильности получаемых доходов. Для развития института семьи весьма важна убежденность молодых людей в наличии позитивных перспектив, в достаточности и уверенности в будущем своих детей.

Библиографический список

1. Медведева Е.И., Крошилин С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмосковья // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.8.
2. Медведева Е.И. Крошилин С.В. Российская семья и экономика страны // Социальное пространство. 2017. № 5. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2434>
3. Семья в мире социальной экономики / econominfo.ru. URL: <http://econominfo.ru/view-article.php?id=76> (дата обращения: 8.08.2018).
4. Данные РОССТАТА. Население. Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

Информация об авторе

Медведева Елена Ильинична (Россия, Коломна) – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента экономического факультета, Государственный социально-гуманитарный университет (140410, г. Коломна, ул. Зеленая, 30; +7(496)615-13-30; e_lenam@mail.ru)

Medvedeva E.I.

ECONOMIC PRIORITIES OF A YOUNG FAMILY

Abstract. *Features of the development of the institution of family historically associated with socio-economic changes taking place in our society. Recent transformations of society affect marriage and family relations in various ways. This affects the structure of fertility, as there is a direct relationship between the number of marriages and the number of children born.*

Key words: *family, marriage and family relations, family economy, social and economic problems of the region.*

References

1. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. Specifics of marriage and family relations of youth of Moscow region // Problems of development of the territory. 2018. № 2 (94). DOI: 10.15838 / ptd / 2018.2.94.8.
2. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. The Russian family and the country's economy // Social space. 2017. № 5. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2434>
3. Family in the world of social economy / econominfo.ru. URL: <http://econominfo.ru/view-article.php?id=76> (date of application 8.08.2018).
4. Rosstat data. Population. Family, motherhood and childhood. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#

Information about the Author

Elena I. Medvedeva (Kolomna, Russia) – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at Faculty of Economics, State Social and Humanitarian University (30, Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation; +7 (496) 615-13-30; e_lenam@mail.ru)

УДК 316.4 / ББК 60.527

Морев М.В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ²⁶

Аннотация. В материалах рассматриваются тенденции общественных настроений, межличностного доверия и социального капитала, отражающих состояние социального здоровья, в России и некоторых странах Западной Европы. Проведено сравнение результатов международных, федеральных и региональных социологических измерений.

Ключевые слова: социальное здоровье, социальное самочувствие, межличностное доверие, социальный капитал, международные исследования.

Актуальность темы исследования связана, прежде всего, с двумя обстоятельствами:

1. Важность социального здоровья как составной части человеческого капитала, который в XXI веке выступает одним из основных факторов развития, в том числе экономики. Учеными доказано, что в настоящее время существует общемировая тенденция усиления роли субъективных, неэкономических факторов развития [1; 2; 3], и в этом смысле научные исследования в области социального здоровья представляют особый теоретический и практический интерес, поскольку затрагивают именно сферу социального восприятия окружающей действительности, а также складывающегося на его основе социального самочувствия и специфики социальных отношений.

2. Второй аспект актуальности заявленной проблемы связан с ситуацией на геополитической арене. Известно, что в XXI в. Россия находится в состоянии так называемой «гибридной войны» с США и рядом европейских стран. В связи с этим обостряется ряд вопросов, связанных с положением нашей страны на международной арене: распространение русофобских настроений и, в целом, антироссийской информационной кампании; адекватность ведения политического диалога на разных уровнях и т. д. Определенный образ России создается и предъявляется общественности средствами массовой информации, однако не менее важно и то, как наша страна отражается в зеркале международных социологических исследований; ведь, по сути, это один из источников, способных развеять или, наоборот, утвердить общие представления о России, сформированные субъектами официальной пропаганды.

²⁶ Исследование проведено при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующего общества».

Основными источниками информационной базы выступили данные Европейского социального исследования (The European Social Survey (ESS))²⁷, результаты социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центра, а также данные социологических опросов, проведенных ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в рамках гранта РФФИ №18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующего общества»²⁸.

Как показывают результаты национальных и региональных исследований, в российском обществе отмечается уверенный рост позитивных настроений. С 2000 по 2017 гг. Индекс социальных настроений в целом по стране возрос с 0,5 до 3,3 раз (по данным Левада-Центра); в Вологодской области – с 1 до 3 раза (по данным ВолНЦ РАН). За последние почти 10 лет доля россиян, испытывающих ощущение счастья, увеличилась с 62 до 74% (по данным ВЦИОМ). На территории Вологодской области средняя оценка уровня счастья за период с 2007 по 2018 гг. увеличилась с 6,3 до 6,8 баллов; оценка удовлетворенности жизнью – с 5,9 до 6,5 баллов.

Аналогичную динамику данных демонстрируют и международные опросы (табл. 1), однако следует отметить, что указанная тенденция не является уникальной для нашей страны. В международном сравнении Российская Федерация была и остается «аутсайдером» по уровню счастья и удовлетворенности жизнью. Более того, в российском обществе отмечается значительный удельный вес людей, не уверенных в своем будущем, и это говорит о том, что существует риск нестабильности наблюдающихся сегодня тенденций позитивных настроений. Так, по данным ВолНЦ РАН, доля людей, неуверенных в завтрашнем дне, за последние 10 лет увеличилась с 38 до 53%. По данным ВЦИОМ, «страх за будущее детей» доминирует среди россиян (причем со значительным «перевесом»; 32%) над такими страхами, как потеря работы (23%), бедность и нищета (26%), стихийные бедствия (7%), ядерная война (17%), голод (11%), старость (15%), преступность (11%), национальные конфликты (11%), смерть или болезнь близких (19-22%), собственная смерть (3%)²⁹.

Как международные, так и региональные исследования свидетельствуют о том, что актуальной проблемой для российского общества является низкий уровень межличностного доверия и социального капитала.

²⁷ Исследование проводится с 2001 г. с периодичностью 1 раз в 2 года (Россия участвует с 2006 г.). Опрашивается население 15 лет и старше по случайной репрезентативной выборке в каждой стране методом личных интервью на дому у респондентов.

С целью расширения возможностей сопоставления результатов Европейского социального исследования с данными исследований, проводимых на национальном и региональном уровне, для работы были взяты данные не третьей (2006 г.), а четвертой (2008 г.) волны опроса, а также последней (седьмой) волны, проведенной в 2016 г. В этих двух волнах были отобраны только те страны, которые участвовали в опросе и в 2008, и в 2016 г. Ими стали: Бельгия, Швейцария, Германия, Эстония, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Россия, Швеция, Словения, Израиль, Чехия (всего 16 стран).

²⁸ Выборку исследования составляют 1500 респондентов старше 18 лет, проживающих в г. Вологде и г. Череповце, а также в 8 районах Вологодской области. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением городских и сельских территорий; между жителями сельских населенных пунктов, малых и средних городов; а также половозрастной структуры взрослого населения региона. Метод опроса – анкетирование по месту жительства. Ошибка выборки не превышает 3 %.

²⁹ База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 11.10.2017).

Таблица 1. **Счастье и удовлетворенность жизнью (данные ESS)**

Страны	«Насколько Вы счастливы?» (средняя оценка по 10-балльной шкале)			«Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (средняя оценка по 10-балльной шкале)		
	2008 г.	2016 г.	Место	2008 г.	2016 г.	Место
Швейцария	8,0	8,2	1	8,0	8,1	1
Финляндия	8,0	8,1	2	7,9	8,0	2
Норвегия	8,0	8,1	3	7,9	7,9	3
Нидерланды	7,8	8,0	4	7,7	7,9	5
Израиль	7,6	7,9	5	7,4	7,8	6
Швеция	7,8	7,8	6	7,9	7,9	4
Германия	7,3	7,8	7	7,0	7,6	7
Бельгия	7,6	7,8	8	7,3	7,5	8
Великобритания	7,5	7,7	9	7,1	7,4	9
Ирландия	7,5	7,6	10	7,1	7,3	10
Польша	7,1	7,5	11	6,9	7,2	11
Словения	7,2	7,5	12	6,9	7,1	12
Франция	7,2	7,4	13	6,3	6,7	15
Эстония	6,7	7,2	14	6,2	6,8	14
Чехия	6,9	7,0	15	6,7	6,8	13
Россия	6,2	6,3	16	5,5	5,8	16
<i>Среднее по 16 странам</i>	<i>7,4</i>	<i>7,6</i>		<i>7,1</i>	<i>7,4</i>	

По данным ВолНИЦ РАН, большинство жителей Вологодской области (89% по данным на 2017 г.) не доверяет никому или в лучшем случае «самым близким друзьям и родственникам». Эти данные коррелируют с результатами Европейского социального исследования, согласно которым при ответе на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не мешает?» средняя оценка в России составляет 4,5 балла по 10-тибалльной шкале (ниже только у Словении (4,4 балла) и Польши (4,1 балла); табл. 2). Для сравнения, в 12 странах из 16 этот показатель выше 5 баллов (то есть приоритет в пользу доверия), а в некоторых странах (Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды и Швейцария) – 6 баллов и более (данные 2016 г.).

Кроме того, по данным Европейского социального исследования, в России чаще, чем в других странах Старого Света, люди говорят о том, что окружающие «стараются их использовать» и «заботятся только о себе, а не помогают другим» (по этим показателям Россия занимает 14 место из 16 анализируемых стран Европы).

Таблица 2. **Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не мешает?***

Страны	2008 г.		2016 г.	
	Средний балл	Место	Средний балл	Место
Норвегия	6,6	1	6,8	1
Финляндия	6,4	2	6,8	2
Швеция	6,4	3	6,2	3
Нидерланды	6,0	4	6,0	4
Швейцария	5,7	5	6,0	5
Эстония	5,4	7	5,7	6
Ирландия	5,5	6	5,6	7
Израиль	5,3	8	5,5	8

Страны	2008 г.		2016 г.	
	Средний балл	Место	Средний балл	Место
Германия	4,9	11	5,4	9
Великобритания	5,3	9	5,4	10
Бельгия	5,1	10	5,2	11
Чехия	4,8	12	5,1	12
Франция	4,5	13	4,6	13
Россия	4,0	16	4,5	14
Словения	4,3	14	4,4	15
Польша	4,1	15	4,1	16
Среднее по 16 странам	5,3		5,5	

* Оценка по шкале от 0 до 10, где 0 баллов – даже излишняя осторожность не помешает, ... 10 баллов – большинству людей можно доверять. Приведены средние баллы. Ранжировано по данным 2016 г.

По данным региональных исследований, в случае возникновения проблемной жизненной ситуации лишь родственники или друзья становятся теми людьми, к которым люди готовы обратиться за помощью (так отмечают от 70 до 90% респондентов). Соседи по дому, коллеги, земляки и т. д. уже не рассматриваются гражданами как возможная опора при возникновении жизненных трудностей (от 4 до 20%). Аналогичную картину показывают результаты Европейского социального исследования: и в 2008-ом, и в 2016-ом гг. россияне значительно реже навещали своих друзей и родственников по сравнению со среднеевропейским уровнем (табл. 3).

Таблица. 3. Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками?*

Страны	2008 г.				2016 г.			
	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место
Швеция	8	92	2,9	3	8	91	3,3	1
Норвегия	8	92	3,2	1	8	92	3,3	2
Нидерланды	7	93	3,0	2	7	93	3,2	3
Франция	11	89	2,8	5	11	89	2,9	4
Израиль	13	87	2,9	4	15	85	2,7	5
Бельгия	13	87	2,6	6	13	87	2,6	6
Швейцария	10	90	2,5	7	12	88	2,5	7
Финляндия	14	86	2,4	9	16	84	2,3	8
Великобритания	19	81	2,5	8	21	78	2,2	9
Германия	17	83	2,0	13	14	86	2,2	10
Чехия	20	79	2,1	11	15	85	2,2	11
Словения	27	73	1,8	15	23	77	1,9	12
Ирландия	23	77	2,3	10	24	76	1,9	13
Россия	30	68	2,0	14	34	63	1,6	14
Эстония	30	70	2,0	12	32	67	1,5	15
Польша	32	67	1,6	16	35	64	1,3	16
Среднее по 16 странам	17,6	82,2	2,4		18,1	81,6	2,3	

* Ранжировано по данным 2016 г. Не чаще одного раза в месяц или никогда = варианты ответов «Никогда» + «Реже, чем раз в месяц» + «Один раз в месяц». Несколько раз в месяц и чаще = варианты ответов «Несколько раз в месяц, но не каждую неделю» + «Один раз в неделю» + «Несколько раз в неделю, но не каждый день» + «Каждый день».

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о том, что Россия отличается от европейских стран не столько в плане существующих тенденций общественного мнения, отражающих различные аспекты социального здоровья, сколько в плане имеющегося уровня социальных настроений, межличностного доверия и взаимодействия. Национальные исследования показывают более позитивную картину, однако результаты международных социологических измерений представляют данные для населения других стран.

В условиях напряженных геополитических отношений и роста русофобских настроений на Западе это обстоятельство важно учитывать, причем не столько социологической науке, сколько органам власти при планировании и реализации широкого круга стратегий социальной политики.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45-56.
2. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (Резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10-11. С. 65-72.
3. Robert K. Merton Social Theory and Social Structure, Free Press, 1968, p. 477.

Информация об авторе

Морев Михаил Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; 379post@mail.ru)

Morev M.V.

COMPARATIVE ANALYSIS SOME TRENDS OF SOCIAL HEALTH IN RUSSIA AND WESTERN EUROPE

Abstract. *The article deals with the trends of public attitudes, interpersonal trust and social capital, reflecting the state of social health in Russia and some countries of Western Europe. The results of international, Federal and regional sociological measurements were compared.*

Key words: *Social health, social well-being, interpersonal trust, social capital, international studies.*

References

1. Gorshkov M.K. On the axiomatic interpretation of the influence of non-economic factors on economic growth // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2014. № 3. Pp. 45-56.
2. Yadov V.A. Russia as a transforming society (Summary of many-year discussion of sociologists) // Society and economy. 1999. No. 10-11. P. 65-72.
3. Robert K. Merton Social Theory and Social Structure, Free Press, 1968, p. 477.

Information about the Author

Mikhail V. Morev (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Head of Laboratory. Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; 379post@mail.ru)

Муравлёва В.В.

СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. В современных условиях молодая семья подвержена воздействию различных факторов, которые оказывают влияние на стабильность и длительность семейно-брачных отношений. Автор рассматривает возможную трансформацию института семьи при реализации национального проекта «Демография».

Ключевые слова: молодая семья, естественный прирост, демография, национальный проект, семейно-брачные отношения.

В последнее десятилетие в российском обществе происходят изменения в экономической, демографической и социальной сферах, которые оказывают влияние на трансформацию института семьи и семейно-брачных отношений. В современных условиях проблемы функционирования института семьи и брака связаны, в первую очередь, с неустойчивым положением молодой семьи, которое выражается в высоком уровне разводов в первые годы совместной жизни. Однако до сих пор нет единого понимания того, что представляет собой молодая семья и каковы критерии для отнесения ее именно к этому типу семьи. В российских социальных исследованиях обычно молодой семьей признается семья, где возраст каждого из супругов не превышает 30 лет. Предполагается также, что молодой семьей считается та, срок существования которой ограничивается 3–5 годами. Таким образом, кроме возраста супругов, может учитываться еще фактор длительности семейного союза. В период с 2012 года по 2016 год количество разводов на 1000 заключенных браков в стране увеличилось на 16,2% (рис. 1). Согласно статистическим данным, в 2016 году в Московской области на 1000 браков приходилось 616 разводов. В 2015 году были наиболее продуктивно реализованы мероприятия по сокращению количества расторгнутых браков, которые позволили сократить число разводов на 3,8% в регионе и почти на 7% в стране.

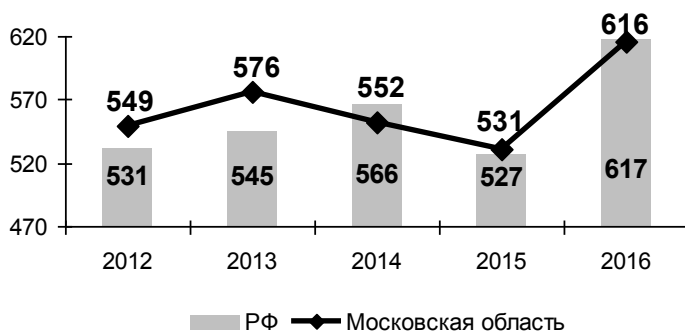

Рисунок 1. Соотношение браков и разводов
(на 1000 браков приходится разводов) [2, с. 83]

По данным Росстата за 2016 год, высокий уровень разводов наблюдается среди пар, которые прожили вместе 1–2 года (19,4% разводов) и 5–9 лет (25,8% разводов), поэтому молодые семьи рассматриваются как объект особой заботы и социальной политики

государства (статья подготовлена в рамках проекта РГНФ проект № 17-32-00005 «Демографические трансформации: от половозрастного состава населения к посемейной структуре»).

На современном этапе общественного развития происходят радикальные изменения социальных функций семьи с переосмыслением ценностей, лежащих в ее основе, моделей семейного поведения и стратегий семейной жизни. Стремительное развитие информационных технологий создали новые возможности для общения молодого населения, позволяя им более свободно относиться к романтическим отношениям и к необходимости создания семьи. В настоящее время потенциальными «создателями семьи» является поколение рожденных в 90-е и 2000-е годы (рис. 2). Представленные статистические данные подтверждают наличие отрицательных показателей, которые отражают убыль населения в 1990–2000 гг. как на уровне страны, так и на уровне региона. Начиная с 2012 года Правительству РФ удалось выйти на положительные значения коэффициента естественного прироста населения, что подтверждается снижением числа умерших и увеличением количества рожденных в стране. В 2014 году политика государства позволила сохранить данный показатель на том же уровне за счет территориальных изменений, связанных с присоединением Крымского полуострова.

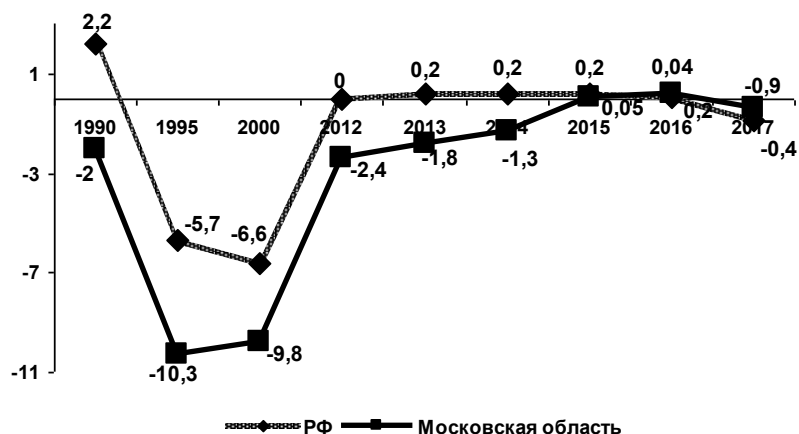

Рисунок 2. Коэффициент естественного прироста/убыли на 1000 человек, ед.
[1, с. 65]

На уровне региона (Московской области) ситуация достаточно сложная: прирост населения зафиксирован только с 2015 года. В 2017 году коэффициент снова имеет отрицательные значения, что заставляет руководство страны и региона применять стимулирующие меры по повышению уровня рождаемости через стимулирующие меры по поддержке молодых семей.

Особого внимания заслуживает ситуация, связанная с изменением числа женщин детородного возраста (рис. 3). За последние 7 лет в стране сократилась численность женщин в возрасте от 15 до 39 лет на 7,5%. В Московской области данный показатель снизился на 3% за аналогичный период времени. Следует отметить, что изменение значения анализируемой величины связано, с одной стороны, с сокращением числа женщин репродуктивного возраста (20–29 лет) и, с другой стороны, увеличением численности женщин в возрасте 30–39 лет.

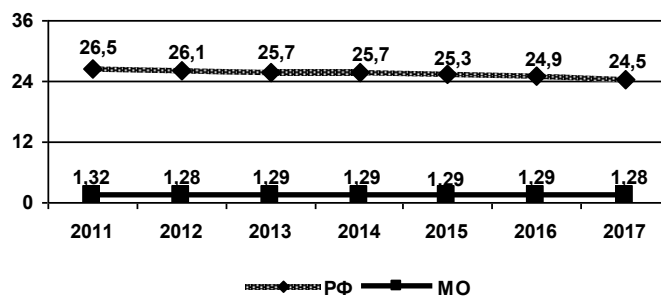

Рисунок 3. Численность женщин 15–39 лет, млн чел. [3]

Таким образом, через 10–15 лет именно от девушек, которым сегодня от 15 до 24 лет, будет зависеть уровень рождаемости в стране и в регионе. На сегодняшний момент следует уделить особое внимание именно этой группе населения, так как создание условий по поддержке молодой когорты позволит индивидам не откладывать момент создания семьи и рождения детей на более поздний или на совсем неопределенный период. В 2018 году президентом В.В. Путиным были приняты «майские указы», согласно которым в период 2019–2024 гг правительству РФ необходимо реализовать тринадцать национальных проектов. Среди представленных векторов стратегического развития страны и общества особое место занимает нацпроект «Демография», на осуществление которого за 5 лет планируется потратить 3,75 трлн.руб. из бюджета страны. Национальный проект состоит из следующих подпроектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Старшее поколение», «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни», «Новая физическая культура населения», «Создание условий для осуществления трудовой деятельности женщин с детьми». В структуре нацпроекта 40% от представленных мероприятий связаны с повышением рождаемости по средствам поддержки семей при рождении детей. По данным Росстата, в январе-мае 2018 года уровень рождаемости в стране сократился на 28,1 тыс.чел. по сравнению с аналогичным периодом 2017 года. Негативные изменения данного критерия определили, что главной целью реализации проекта до 2024 года станет увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7 ребенка на одну женщину, который в настоящий момент составляет 1,63. Специалисты и разработчики проекта планируют продолжить развивать работающую с 2007 года программу материнского капитала, которая была расширена по поручению президента с 2018 года, и обеспечить дифференцированную финансовую поддержку государства для семей с детьми. Для молодых семей, кроме финансовой поддержки при рождении детей, особую важность приобретает возможность осуществления трудовой деятельности для женщин с детьми. К 2024 году доля работающих матерей с детьми должна составить 68,5% от всех занятых в стране (данный показатель ранее не анализировался). Для достижения данного значения предлагается создать не менее 300 тыс. мест в организациях по уходу за детьми до трех лет и 7,5 тыс. групп присмотра для детей школьного возраста.

Таким образом, мероприятия по стимулированию показателей рождаемости позволят оказать поддержку молодым семьям по принятию решения о рождении детей, тем самым моделируя ситуацию естественного прироста населения. Особого внимания заслуживает тот факт, что семьи, имеющие двух и более детей, менее склонны к расторжению брака. Стратегический вектор по увеличению числа рожденных детей позволит снизить риск распада

молодой семьи. Правительство РФ предполагает сфокусироваться и на росте продолжительности здоровой жизни, увеличив её до 67 лет. В перспективе планируется создать целую отрасль бизнеса, ориентированную на мотивацию населения к здоровому образу жизни, которая позволит сформировать спортивную инфраструктуру. В условиях реализации национального проекта «Демография» молодая семья, при соблюдении здорового образа жизни, будет способна к воспроизводству здорового поколения, что придаст стабильности семейным отношениям и позволит укрепить социальные функции семьи.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России. 2018: стат.сб. / Росстат. М., 2018. 543 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 900 с.
3. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. 2018: стат. бюлл. / Росстат. М., 2018. 612 с.

Информация об авторе

Муравлёва Вера Викторовна (Россия, Коломна) – ассистент кафедры экономики и менеджмента, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» (140410, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30; muravleva-v@mail.ru)

Muravleva V.V.

MODERN YOUNG FAMILY IN THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Abstract. *In modern conditions of a young family is exposed to various factors that affect the stability and durability of the marital relationships. The author considers the possible transformation of the family institution in the implementation of the national project 'Demography'.*

Key words: *a young family, natural growth, demography, national project, marital relationships.*

References

1. The Demographic Yearbook of Russia. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2018. 543 с.
2. Regiony Rossii. Social'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2017. 900 s.
3. Chislennost naseleniya rossijskoj federacii po polu i vozrastu. 2018: Stat.byull. / Rosstat. M., 2018. 612 с.

Information about the Author

Vera V. Muravleva (Kolomna, Russia) – Assistant at the Department of Economics and Management State University of Humanities and Social Studies (30, Zelenaya str., Kolomna, 140410, Russian Federation; muravleva-v@mail.ru)

Муртузалиева Д.Д.
**ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ
 ОБРАЗОВАНИЯХ СКФО**

Аннотация. В статье рассмотрена динамика естественного прироста численности населения муниципальных образований за период 2010–16 гг. в СКФО. Выявлено, что устойчивую тенденцию естественного прироста населения по-прежнему демонстрируют республики Северного Кавказа.

Ключевые слова: численность населения, естественный прирост, муниципальные образования.

Наблюдаемый период 2010–2016 гг. выполнен на основе базы данных «Муниципальная Россия», где муниципальные образования представлены городскими округами (ГО) и муниципальными районами (МР) России.

Таблица 1. Динамика численности населения в 2010–16 гг. в муниципальных образованиях СКФО, %

Тип МО	Группы МО по динамике численности населения			
	Рост численности населения	Убыль населения до 2% в год	Убыль населения более 2% в год	Всего
Городской округ	56,1	43,9	-	100
Муниципальный район	58,7	40,3	1,0	100
Все МО	57,9	41,4	0,7	100

Источник: расчеты автора.

Рост численности населения за период 2010–16 гг. происходил почти в 58% МО, которые представлены городскими округами (ГО) и муниципальными районами (МР) (табл. 1). Анализ данных показывает, что рост численности населения отмечен как в городах 56,1%, так и в муниципальных районах 58,7%. Тем не менее, тенденции к снижению рождаемости и увеличению смертности отмечены как в ГО (18 ед.), так и в МР (43 ед.). Так, убыль населения до 2% в год по всем МО составила 41,4% (это 60 единиц), а более 2% в год – только в одной административной единице, это муниципальный район Ногайский в Республике Дагестан.

В указанных выше МО в целом за рассматриваемый период рост численности населения выше.

Таблица 2. Естественный прирост населения в 2016 г. в муниципальных образованиях СКФО, %

Тип МО	Группы МО по темпам естественного прироста населения		
	Отрицательный	Положительный	Всего
Городской округ	23,1	76,9	100
Муниципальный район	8,7	91,3	100
Все МО	12,6	87,4	100

Источник: расчеты автора.

Положительный естественный прирост в МО в 2016 г. в основном отмечен в муниципальных районах – 91,3% (95 единиц) (табл. 2). Особенно отличились: Республика Ингушетия – МР Джейрахский 26,36%, где самый высокий прирост, здесь коэффициент рождаемости составил 32,26‰, а смертность 5,90‰; Чеченская Республика, МР Гудермесский – 25,38%, коэффициент рождаемости составил 30,0‰, смертности – 4,6‰, Республика Дагестан, МР Цунтинский – 24,97%, коэффициент рождаемости составил 30,22‰, а смертность – 5,25‰, и Тляратинский – 23,68‰, здесь коэффициент рождаемости составил 26,52‰, а смертность – 2,84‰. Самым высоким приростом в ГО отмечен Аргун 21,94‰ (Чеченская Республика).

Самая высокая убыль населения зафиксирована в Ставропольском крае. В городских округах: Благодарненский, Лермонтов, Георгиевск, Изобильный, Ипатовский, Новоалександровский, Петровский. В муниципальных районах, таких как: Андроповский, Александровский, Апанасенковский, Кочубеевский, Красногвардейский и Труновский. В ГО Прохладный (Кабардино-Балкарская Республика) и Карабулак (Республика Ингушетия). В МР Зеленчукский и Урупский (Карачаево-Черкесская Республика), Ирафский (Северная Осетия-Алания).

В целом отрицательное сальдо отмечено и в ГО – 23,1%, еще ниже он в муниципальных районах – 8,7%. В общем, все муниципальные образования СКФО в 2016 г. демонстрируют положительный естественный прирост – 87,4%.

Динамика естественного прироста населения по типам муниципальных образований СКФО за период 2010–16 гг. показана в таблице 3. За рассматриваемый период естественный прирост в МО показал положительную динамику, в их числе МР со средним городом, МР с пгт – 75% и ГО с городским и с сельским населением – 71,4% и 63,6 % соответственно.

Таблица 3. Динамика естественного прироста населения в 2010–16 гг. по типам муниципальных образований СКФО, %

Тип МО	Группы МО по динамике естественного прироста населения			
	Сократился	Не изменился	Вырос	Всего
Городской округ только с городским населением	27,3	9,1	63,6	100
Городской округ с сельским населением	28,6	-	71,4	100
Городской округ и муниципальный район с общей инфраструктурой	52,0	-	48,0	100
Муниципальный район со средним городом	-	-	100	100
Муниципальный район с малым городом	42,9	4,8	52,4	100
Муниципальный район с пгт	25,0	-	75,0	100
Сельский муниципальный район	57,1	4,3	38,6	100
Все МО	48,3	3,5	48,2	100

Источник: расчеты автора.

Вместе с тем, можно увидеть и его уменьшение. Сократился он в основном в сельских МР – 57,1% и ГО и МР с общей инфраструктурой – 52%, до 30% сокращения в ГО с городским и сельским населением, а также МР с пгт. Не изменился он в 5 муниципальных образованиях, это 3,5%. В целом естественный прирост по типам МО увеличился на 48,3%, равно как и сократился на 48,3%.

В сравнении СКФО с остальными регионами России: больше всех прирост сократился в ПФО – 50,1% и в СФО – 43,8%. Высокий уровень прироста показал ЦФО – 64,9%.

Таким образом, анализ показал, что СКФО в целом по стране сохраняет устойчивую тенденцию естественного прироста в рассматриваемый период. Тем не менее, проводимая демографическая политика в регионах должна усиливать меры, направленные на сохранение установок репродуктивной активности.

Библиографический список

1. База данных «Муниципальная Россия».

Информация об авторе

Муртузалиева Джамиля Джавидовна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32; (499)129-08-01; isesp-ras@yandex.ru)

Murtuzaliev D.D.

NATURAL GROWTH OF POPULATION IN THE MUNICIPAL FORMATIONS OF THE SKFO

Abstract. *The article considers the dynamics of the natural population growth of municipalities for the period 2010-16. in the NCFD. It is revealed that the Republic of the North Caucasus continues to demonstrate a steady trend of natural population growth.*

Key words: *population, natural growth, municipalities.*

References

1. Database "Municipal Russia".

Information about the Author

Dzhamilya D. Murtuzaliev (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economics, Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population. (32, Nakhimovskii av., Moscow, 117218, Russian Federation; (499) 129-08-01; isesp-ras@yandex.ru)

УДК 316.36 / ББК 60.54

Парахонская Г.А.

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕКРЕАЦИОННАЯ СРЕДА ДЛЯ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Аннотация. Рассматриваются возможности организации повседневного рекреационного пространства для семей с детьми в условиях областного и районного города.

Ключевые слова: *рекреационная среда, досуг, повседневность, городское пространство, семья с детьми.*

Эффективность реализации социальных программ, направленных на стимулирование рождаемости, поддержку семей, определяется ее комплексным характером. Одной из важных составляющих демографической политики является создание рекреационной среды для семей с детьми.

В последние десятилетия появляется большое количество эмпирических исследований досуговой деятельности различных групп населения. Значительная часть работ посвящена рекреационному поведению молодежи крупных городов [1, 2, 3]. Недостаточное внимание уделяется изучению возможностей удовлетворения потребностей в повседневном отдыхе семей с разновозрастными детьми, тогда как совместный отдых способствует укреплению семьи.

Содержание и формы проведения семейного досуга зависят от уровня образования, культуры, материального положения семьи, места жительства. Немаловажную роль в деле организации семейного досуга играют культурно-досуговые учреждения.

Большое значение в выборе форм проведения досуга играет городское пространство, которое зачастую создает неравные возможности для реализации досуговых потребностей семей в соответствии с их интересами и предпочтениями. Инфраструктура повседневного отдыха размещена неравномерно на территории городов, что влечет неравные рекреационные возможности для семей с детьми.

Подавляющая часть семей с детьми проводит повседневный отдых вблизи места жительства. Наиболее востребована рекреационная среда для проведения ежедневного отдыха. Ежедневный отдых, как правило, семья проводит недалеко от дома, чаще всего на детских площадках. В XX в. жилая застройка города включала городские дворы, где могли проводить время дети соседних домов. Сегодня застройка подчас не предусматривает такого пространства, а детские площадки находятся в нескольких кварталах, иногда вблизи автомобильных трасс. Площадки не обеспечивают возможности отдыха для детей различного возраста. Происходит деградация повседневной рекреационной среды. Детские площадки не поддерживаются в должном состоянии: металлические конструкции и старые турники ржавеют, площадки зарастают бурьяном, многие из них явочным порядком превращены в автомобильные стоянки.

По данным одного из исследований, проведенных в Твери и Ржеве, 55,2% респондентов в Твери отмечают, что посещают детские площадки часто, и еще 16,4% посещают иногда. Во Ржеве детские площадки часто посещают 45% опрошенных родителей, иногда посещают 32,2%. В то же время 63% респондентов в Твери не имеют возможности посетить детскую площадку, не затрачивая на это дополнительные временные и финансовые ресурсы. Во Ржеве в ближайшей доступности площадка расположена у 52,1% опрошенных.

Выбор места размещения детских площадок, используемые материалы, учет разнообразных интересов предполагаемых пользователей, общая обустроенность не соответствуют потребностям семей. Развивающие виды досуговой деятельности практически отсутствуют (турники, теннисные столы и т. п.).

Общегородские мероприятия, проводимые к праздникам, и еженедельный отдых семьи требуют привлечения дополнительных финансовых средств, свободного времени родителей и

поездки в центр города. Большую готовность нести материальные затраты на досуг с детьми проявляют однодетные семьи, поскольку с рождением второго ребенка уровень жизни семьи значительно снижается и, соответственно, снижаются возможности материального обеспечения досуга ребёнка.

Немаловажную проблему составляет досуг детей из неблагополучных семей, которым не уделяется достаточное внимание родителей. Для отдыха вблизи дома финансовая составляющая не критична. Значительную роль играет образование родителей и приоритетность воспитательной функции семьи. Данная проблема может быть частично решена организацией мероприятий на уровне микрорайона, улицы, квартала.

Для планирования семейного отдыха с детьми и обустройства территорий необходимо создать социологическую карту микрорайонов города, учитывающую социально-демографические, характеристики жителей.

Определенный интерес представляет опыт советского времени. В 50–60 гг. XX века в некоторых рабочих общежитиях областного центра были организованы игровые комнаты, кружки по месту жительства, в каждом общежитии выделялось специальное помещение для повседневного досуга детей разного возраста, куда часто приходили семьями, где под руководством воспитателей дети разных возрастов могли проводить свободное время.

Организация досуга и отдыха предполагает взаимодействие органов муниципального управления и жителей города. В настоящее время недостаточно использованы возможности людей пенсионного возраста для проведения мероприятий в спальных районах, вблизи дома.

Городское пространство любого города создает неравные возможности для досуга семей с детьми. Доступ к социокультурным сервисам различен для семей, проживающих в разных районах города.

Важными факторами становления содержательной досуговой деятельности современных горожан в социокультурном пространстве города становятся:

- 1) формирование развивающего социокультурного пространства районов города для творческой самореализации жителей;
- 2) дифференциация содержания досуговой деятельности горожан в районах проживания в соответствии с их возрастными интересами и предпочтениями;
- 3) внимание к придомовым территориям, дворам (чтобы детские площадки помогали детям развиваться и одновременно украшали город, их должны проектировать специалисты).

При организации досугового пространства города важно учитывать возможности родителей, их социальное положение и материальные возможности, выявлять их потребности. Организовывать семейный досуг с учетом возраста детей и ориентироваться на семейный отдых с разновозрастными детьми.

Таким образом, выделенные факторы становления содержательной досуговой деятельности горожан в социокультурном пространстве современного города будут способствовать укреплению семьи и развитию личности ребенка.

Библиографический список

1. Беспалова А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования: дис. ... канд. соц. Наук. Ростов н/Д, 2016. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/rekreacionnoe-prostranstvo-krupnogo-rossijskogo-goroda-kreativnye-praktiki.html>

2. Павлов С.В. Досуговые практики городских подростков в современной России (социологический анализ): дис. ... канд. соц. наук. М., 2013. 130 с. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/dosugovye-praktiki-gorodskih-podrostkov-v-sovremennoj-rossii.html>

3. Гончарова Н.Г. Трансформация досуговой деятельности современной российской студенческой молодежи: дис. канд. соц. наук. М., 2009. 165 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-dosugovoi-deyatelnosti-sovremennoi-rossiiskoi-studencheskoi-molodezhi>

Информация об авторе

Парахонская Галина Анатольевна (Россия, Тверь) – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Тверской государственный университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33; parakhonskaya@gmail.com)

Parakhonskaya G.A.

DAILY RECREATIONAL ENVIRONMENT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE PROVINCIALT

Abstract. *In our work, we study the possibilities of the organization of daily recreational environment for families with children in the region and district town.*

Key words: *recreational environment, everyday leisure, urban space, family with children.*

Information about the Author

Galina A. Parakhonskaya (Tver, Russia) – Doctor of History, Associate Professor, Department of Sociology, Tver State University (33, Zhelabova str., Tver, 170100, Russian Federation; parakhonskaya@gmail.com)

УДК 332.02 / ББК 65.05

Пациорковский В.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ В РЕГИОНАХ СЗФО

Аннотация. В статье рассматриваются региональные стратегии, подготовленные в соответствии с требованиями Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», 172-ФЗ от 20.06.2014 г. Они разработаны и утверждены органами власти трех регионов СЗФО, а именно в Санкт-Петербурге, Вологодской и Ленинградской областях.

Ключевые слова: население, демографическое развитие, народосбережение, стратегическое планирование, целеполагание, регион.

Принятие в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] можно рассматривать как весьма своевременное движение в

нужном направлении. В соответствии с требованиями этого закона, установившего правовые основы стратегического планирования на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и уровне муниципальных образований, в стране на всех уровнях управления идет работа по подготовке федеральной, региональных и муниципальных стратегий социально-экономического развития на период до 2030 г.

К настоящему времени в СЗФО региональные стратегии, подготовленные в соответствии с требованиями указанного закона, разработаны и утверждены органами власти в трех регионах округа, а именно в Санкт-Петербурге, Вологодской и Ленинградской областях. Причем в северной столице рассматриваемый документ был утвержден за месяц до выхода самого закона.

В законе о стратегическом планировании дается как определение этой деятельности, так и основные ее составляющие, а именно целеполагание, прогнозирование, планирование и др. Уместно рассмотреть региональные стратегии на их соответствие указанным в законе составляющим стратегического планирования. Вместе с тем это большая самостоятельная задача, которая далеко выходит за рамки данной работы. Поэтому в предлагаемом тексте акцент сделан на *целеполагании*. При этом он обращен на формирование приоритетов в близких автору сферах демографического развития и народосбережения.

Все последние годы оба эти приоритета постоянно отмечаются в ежегодных президентских посланиях, которые, в соответствии с действующим законодательством, являются документами стратегического планирования, разрабатываемыми в рамках целеполагания на федеральном уровне [1, Статья 11, пункт 3]. К примеру, в последнем послании (2018 г.) отмечалось: «В основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв» [2].

В северной столице генеральная цель Стратегии экономического и социального развития определена как «обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации национальных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности» [3, Раздел 5.3]. Стратегическая цель развития Ленинградской области на долгосрочную перспективу – «обеспечение устойчивого экономического роста и улучшение качества жизни населения региона» [4, Раздел 2.1].

В то же время **целью** социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года является реализация политики **НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ** путем сохранения демографического потенциала и развития человеческого капитала за счет конкурентоспособности области и формирования пространства развития человека» [5, Раздел 3]. Введение в целеполагание «народосбережения» может рассматриваться как заметная и весьма полезная новация разработчиков региональной стратегии. В двух ранее упомянутых стратегиях терминологически такой приоритет не упоминается. Вместе с тем, во всех разработках есть целевые показатели сокращения смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Правда, последний показатель находится в довольно широком интервале от 75 до 78 лет для практически однородного населения. А о его соответствии вновь поставленной цели вхождения в клуб «80+» говорить не приходится.

Из приведенных примеров видно, что разработчики стратегий опираются на сложившийся набор целевых установок, которые предполагают: повышение качества жизни, экономический рост, конкурентоспособность и т. п. Постановка целей на опережающее развитие и приведение управления хозяйством в соответствие с ценностями нашей культуры в качестве условия подъема экономики [6, с. 205] не обсуждается.

В стратегии развития Санкт-Петербурга есть постановка задачи на демографическое развитие, которая близка, но не исчерпывает указанную проблематику. В то же время в стратегии развития Ленинградской области, в которой отраслевой подход заменен проектными инициативами, вся эта проблематика ушла в проектную инициативу «Здоровье населения». «Цель стратегической проектной инициативы – сохранение здоровья населения Ленинградской области на основе приоритетного развития первичной медико-санитарной помощи, профилактики заболеваний, создание трехуровневой системы здравоохранения и внедрения передовых инновационных и управленческих технологий в медицинских организациях региона» [4, Раздел 2.2.5].

При этом даже среди целевых показателей (индикаторов) реализации стратегической проектной инициативы «Здоровье населения» нет упоминания о демографическом развитии и рождаемости. Есть показатели смертности, но нет показателей рождаемости. Если считать, что рождаемость связана с демографическим развитием, а смертность и продолжительность жизни с народосбережением, то можно сказать, что в рассматриваемой стратегии приоритеты расставлены в пользу народосбережения. Это вполне осмысленно, учитывая плохие показатели смертности, но стратегически вряд ли правильно.

Проблема состоит в том, что Ленинградская область – один из регионов, население которого практически не откликнулось на меры по повышению рождаемости, предпринимавшиеся все последние годы. В 2007 г. рождаемость в области составляла 8,3, а в 2016 г. – 9,1 промилле. Это заметно ниже среднего по стране уровня рождаемости и одно из последних мест среди субъектов федерации. Из соседних регионов по этому показателю хуже дела обстоят только в Новгородской и Псковской областях. А в Санкт-Петербурге и Вологодской области в рассматриваемый период рождаемость выросла, соответственно, с 9,5 до 13,8 и с 11,6 до 13,29 промилле [7].

Стратегии Санкт-Петербурга и Ленинградской области исходят из успешности своих регионов и их высокой привлекательности для потенциальных мигрантов сегодня и на планируемую перспективу. Трудно понять какие для этого есть основания, если в предстоящий период соседние регионы-доноры получают необходимые им для выживания стимулы развития.

Кстати сказать, именно об этом там и задумываются. В Вологодской области, которая исторически служит донором людских ресурсов для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жизненно важным приоритетом является сбережение тающего на глазах населения. Поэтому в качестве высшего приоритета, как уже отмечалось ранее, там и было принято народосбережение.

Имея гораздо лучшие, чем в Ленинградской области, показатели рождаемости, Вологодская область выглядит гораздо хуже по показателям смертности. Там полагают, что «Вологодская область в 2030 году – регион с активной демографической политикой ...

находится в числе 30 субъектов Российской Федерации с лучшим показателем суммарного коэффициента рождаемости» [5, Раздел 4.1.3].

Анализ показывает, что при разработке стратегий развития в Санкт-Петербурге и Вологодской области достаточно полно и сбалансировано выполнено формирование приоритетов демографического развития и народосбережения. В то же время в стратегии развития Ленинградской области акцент сделан на народосбережении, а вся проблематика демографического развития оказалась раскрытой весьма слабо.

Все три разработки выполнены без отсылки к показателям муниципального уровня. Другими словами, представленные в них региональные стратегии сделаны без учета экономического зонирования, внутрирегионального неравенства в развитии муниципальных образований, которые в соответствии с принятым законодательством являются конечными агентами стратегического планирования.

Библиографический список

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации, 172-ФЗ от 20.06.2014 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102354386> (дата обращения: 19.07.2018).
2. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 31.07.2018).
3. Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года. URL: http://spbstrategy2030.ru/?page_id=102 (дата обращения: 20.07.2018).
4. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года. URL: <http://econ.lenobl.ru/work/planning/concept2030> (дата обращения: 22.07.2018).
5. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года. URL: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/cfe/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 26.07.2018).
6. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010.
7. Приложение к Демографическому ежегоднику России 2017. М.: ФСГС, 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (дата обращения: 26.07.2018).

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, лаборатория социального и экономического поведения, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; 8 499-129-0801; patsv41@gmail.com)

Patsorkovsky V.V.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND PEOPLE'S SAVINGS IN STRATEGIC PLANNING IN THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT

Abstract. *The article discusses regional strategies prepared in accordance with the requirements of the federal law “On Strategic Planning in the Russian Federation”, № 172, dated 06.20.2014. They*

were developed and approved by the authorities of the three regions of the North-West Federal District, namely in St. Petersburg, Vologda and Leningrad regions.

Key words: *population, demographic development, people's conservation, strategic planning, goal-setting, region.*

References

1. On strategic planning in the Russian Federation, 172-FZ of 06/20/2014. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?Docbody=&nd=102354386> (appeal date 07/19/2018).
2. Message from the President to the Federal Assembly. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (appeal date 07/31/2018).
3. Strategy of economic and social development of St. Petersburg for the period up to 2030. URL: http://spbstrategy2030.ru/?page_id=102 (the date of circulation 07/20/2018).
4. Strategy of the socio-economic development of the Leningrad Region to 2030. URL: <http://econ.lenobl.ru/work/planning/concept2030> (appeal date 07/22/2018).
5. Strategy of social and economic development of the Vologda region for the period up to 2030. URL: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/cfe/strategiya2030.pdf> (appeal date 07/26/2018).
6. Glazyev S.Yu. The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis. M.: Economy, 2010.
7. Appendix to the Demographic Yearbook of Russia 2017. M.: FSSS, 2017. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312 (the date of circulation is 07/26/2018).

Information about the Author

Valery V. Patsorkovsky (Moscow, Russia) – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS, Laboratory Social and Economic Behavior (32, Nakhimovskii av., Moscow, 117218, Russian Federation; +7 499 129-0801; patsv41@gmail.com)

УДК 314.17

Петракова Ю.Н.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В Республике Беларусь, несмотря на положительную динамику большинства демографических показателей, сохраняется устойчивая региональная дифференциация демографического развития. Особую угрозу представляют районы с низкой численностью населения и неблагоприятной тенденцией демографического развития.

Ключевые слова: демографический потенциал, естественное движение населения, миграция, половозрастная структура, демографическая нагрузка.

На протяжении последних семи лет в Республике Беларусь наблюдается улучшение демографической ситуации: растут показатели рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и миграционного прироста, сокращается уровень смертности. Комплексное

воздействие этих показателей привело к стабилизации численности населения страны в целом, однако дифференциация в демографическом развитии городской и сельской местности, а также отдельных районов Беларуси сохраняется и даже усиливается.

В областном разрезе, без учета г. Минска, численность населения распределена довольно равномерно — колеблется от 1043,7 тыс. чел. в Гродненской области до 1426,5 тыс. чел. в Минской. В распределении численности населения по административным районам наблюдаются значительные диспропорции – от менее 10 тыс. человек в Дрибинском, Краснопольском и Россонском районах до 215 тыс. человек в столичном Минском районе. В целом по республике преобладают районы с численностью населения от 20 до 30 тыс. человек (29 из 118 районов). Сокращение численности населения с 2009 по 2018 гг. привело к увеличению доли малозаселенных административных районов: выросло количество районов с численностью населения от 10 до 20 тыс. человек и появилось три района с численностью населения менее 10 тыс. человек.

На начало 2018 г. в стране насчитывалось 34 района с численностью населения менее 20 тыс. чел., при условии сохранения существующих темпов сокращения численности населения, к 2025 г. таких районов станет 38. Большинство данных районов расположено в Могилевской, Гомельской и Витебской областях.

Для оценки демографического потенциала района недостаточно оперировать только данными по численности населения, необходимо рассматривать совокупность демографических показателей, среди которых наиболее значимыми являются относительные показатели естественного и миграционного движения и возрастная структура населения.

Естественное движение населения характеризуется совокупностью процессов рождаемости и смертности. В результате превышения смертности над рождаемостью в большинстве административных районов Республики Беларусь наблюдается процесс естественной убыли населения: в 2017 г. только в 5 из 118 районов наблюдался естественный прирост населения (в 2016 г. было 13 районов с естественным приростом). Коэффициент естественного прироста/убыли населения варьировал от +4,8‰ в Минском районе до -21,5‰ в Бобруйском районе. Существенная убыль населения характерна для районов с самыми низкими по стране показателями рождаемости и самыми высокими показателями смертности населения. Большинство таких районов сосредоточено в Витебской, Гродненской и Могилевской областях. В квинтиле районов с самыми высокими показателями естественной убыли населения находится 13 районов с численностью населения менее 20 тыс. чел.

Внутриреспубликанская миграция населения является важным индикатором социально-экономического развития районов, чем ниже уровень доходов и развитие социальной инфраструктуры в регионе, тем выше миграционная убыль населения. Зачастую миграционный отток превышает естественную убыль и выступает основным компонентом сокращения численности населения в районе. В среднем за последние три года показатель сальдо внутренней миграции колебался от +36,9‰ в Минском районе до -19,9‰ в Хотимском районе. Наибольший миграционный отток характерен для депрессивных районов Гродненской, Могилевской и Гомельской областей. 17 районов с численностью населения до 20 тыс. человек находится в квинтиле с самыми высокими показателями миграционной убыли.

Социально-экономическое развитие региона зависит не просто от численности населения, но от соотношения различных возрастных когорт. Чем выше в населении доля детей и молодежи, лиц трудоспособного возраста, тем больше возможностей для социально-экономического развития. Доля населения младше трудоспособного возраста в среднем по административным районам составляет 18,3% и варьирует от 14,6% в Бешенковичском районе до 24,8% в Кормяном районе. Самые низкие показатели доли детей характерны для районов Витебской и Гродненской областей.

Увеличение доли населения старших возрастов при неизменной численности всего населения свидетельствует о сокращении трудоспособного населения и ведет к увеличению государственных трансфертов на обеспечение социальных гарантий для пожилого населения. В среднем по административным районам доля населения старше трудоспособного возраста на начало 2018 г. составляла 29,2% и варьировала от 20,3% в Минском районе до 38,1% в Зельвенском районе. Большинство районов с высокой долей пенсионеров сконцентрировано в Гродненской и Витебской областях. В квинтиле с самым высоким показателем старения населения находится 12 районов с численностью населения меньше 20 тыс. человек.

Чем выше в структуре населения доля лиц младше и старше трудоспособного возраста, тем выше демографическая нагрузка на трудоспособное население. На начало 2018 г. в среднем по административным районам коэффициент демографической нагрузки составил 909, т.е. на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 909 человек нетрудоспособного возраста. По районам он варьировал от 621 в Горецком районе до 1196 в Бобруйском районе. Среди районов с численностью населения менее 20 тыс. человек 13 находились в квинтиле районов с самой высокой демографической нагрузкой.

Все административные районы Республики Беларусь проранжированы по каждому из перечисленных выше показателей и разбиты на квинтили. В таблице 1 представлены районы из самого нижнего квинтиля, т. е. с самыми худшими показателями демографического развития: самой высокой естественной и миграционной убылью населения и, соответственно, с самым значительным сокращением численности населения, самой низкой долей детей и самой высокой долей населения старше трудоспособного возраста.

Таблица 1. Районы с самыми неблагоприятными показателями демографического развития

Показатель	Название административных районов
Коэффициент общего прироста/убыли населения (убыль выше 16,1‰), 2017 г.	<i>Зельвенский, Хотимский, Бобруйский, Свислочский, Вороновский, Дрибинский, Шарковичинский, Глусский, Сенненский, Кореличский, Ивьевский, Кировский, Лоевский, Щучинский, Лиозненский, Миорский, Дятловский, Россонский, Бельничский, Быховский, Чериковский, Чашникский, Славгородский, Петриковский</i>
Общий коэффициент рождаемости (ниже 10‰), 2017 г.	<i>Дятловский, Горецкий, Бешенковичский, Городокский, Щучинский, Зельвенский, Оршанский, Свислочский, Чашникский, Лепельский, Кричевский, Мядельский, Ушацкий, Полоцкий, Лиозненский, Вилейский, Сенненский, Слуцкий, Новогрудский, Гродненский, Браславский, Клецкий, Дубровенский, Шарковичинский</i>
Общий коэффициент смертности (выше 20,6‰), 2017 г.	<i>Бобруйский, Зельвенский, Барановичский, Кореличский, Чаусский, Свислочский, Шарковичинский, Глусский, Петриковский, Дятловский, Щучинский, Ивьевский, Дрибинский, Сенненский, Россонский, Ушацкий, Миорский, Копыльский, Хотимский, Мядельский, Докшицкий, Городокский, Дубровенский, Крупский, Ветковский</i>

Показатель	Название административных районов
Коэффициент миграционного прироста/убыли (убыль выше 12,1%), средний за 2015-2017 гг.	<i>Хотимский, Октябрьский, Дрибинский, Краснопольский, Глусский, Петриковский, Лельчицкий, Брагинский, Мстиславский, Зельвенский, Вороновский, Ивьевский, Кормянский, Чериковский, Славгородский, Хойникский, Шарковщинский, Свислочский, Ельский, Россонский, Быховский, Каменецкий, Бельничский, Дрогичинский, Лоевский</i>
Доля населения старше трудоспособного возраста (выше 32%), 2018 г.	<i>Зельвенский, Бобруйский, Свислочский, Щучинский, Кореличский, Россонский, Бешенковичский, Ушачский, Сенненский, Городокский, Пинский, Дятловский, Докшицкий, Шарковщинский, Копыльский, Чаусский, Мядельский, Петриковский, Воложинский, Мостовский, Лоевский, Миорский, Крупский, Лиозненский</i>
Доля населения младше трудоспособного возраста (ниже 16,6%), 2018 г.	<i>Бешенковичский, Зельвенский, Кореличский, Быховский, Городокский, Оршанский, Ушачский, Шарковщинский, Логойский, Витебский, Сморгонский, Россонский, Сенненский, Лиозненский, Браславский, Миорский, Верхнедвинский, Новогрудский, Чашникский, Червенский, Полоцкий, Дятловский, Поставский, Гродненский</i>
Коэффициент демографической нагрузки (выше 993), 2018 г.	<i>Бобруйский, Зельвенский, Свислочский, Петриковский, Пинский, Россонский, Ельский, Щучинский, Чаусский, Октябрьский, Дрогичинский, Ушачский, Кореличский, Ивановский, Сенненский, Быховский, Копыльский, Глусский, Лоевский, Барановичский, Бешенковичский, Докшицкий, Бельничский, Крупский, Дятловский</i>

Курсивом выделены районы с численностью населения менее 20 тыс. чел.

При формировании социально-экономической и демографической политики страны следует обратить внимание на районы с низким демографическим потенциалом (низкая численность населения (менее 20 тыс. чел.), высокий уровень естественной и миграционной убыли, деформация возрастной структуры населения): Бешенковичский, Дубровенский, Лиозненский, Миорский, Россонский, Ушачский, Шарковщинский районы Витебской области; Зельвенский, Кореличский, Свислочский районы Гродненской области; Лоевский район Гомельской области; Глусский, Бобруйский, Дрибинский, Бельничский, Хотимский районы Могилевской области.

Кроме того, в группу риска по уровню демографического потенциала входят районы, где численность населения выше 20 тыс. человек, но наблюдаются негативные тенденции демографического развития: Дятловский, Городокский, Ивьевский, Сенненский, Петриковский. При сохранении существующих темпов сокращения численности населения к 2025 г. в Дятловском районе будет проживать 20,4 тыс. чел., Городокском – 20 тыс. чел., Ивьевском – 18,9 тыс. чел., Сенненском – 17,5 тыс. чел., Петриковском – 22,2 тыс. чел.

Отдельно необходимо отметить Кормянский, Наровлянский, Хойникский, Чечерский районы Гомельской области, где, несмотря на низкую численность населения, одни из самых высоких в стране показатели рождаемости и естественного прироста, высокая доля детей и низкая доля пенсионеров. Достижение таких показателей во многом обусловлено дополнительной государственной поддержкой районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, что способствовало стимулированию рождаемости в данных районах. Можно предположить, что при отсутствии государственной поддержки демографическое развитие этих территорий будет таким же, как в других районах со схожими параметрами социально-экономического развития.

Таким образом, несмотря на положительные тенденции в демографическом развитии Республики Беларусь в целом, выделяется ряд районов, где демографический потенциал исчерпан или находится на низком уровне. В дальнейшем при разработке демографической политики следует усилить акцент на региональных особенностях демографического развития страны.

Информация об авторе

Петракова Юлия Николаевна (Республика Беларусь, Минск) – старший научный сотрудник, Институт экономики Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; +375-17-284-27-29; petra13@mail.ru)

Petrakova Yu.N.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *In the Republic of Belarus, despite the positive dynamics of the most demographic indicators, there is a steady regional differentiation of demographic development. Particular concern are areas with a low population size and an unfavorable trend of demographic development.*

Key words: *demographic potential, natural movement of population, migration, gender and age structure, demographic dependency.*

Information about the Author

Yuliya N. Petrakova (Minsk, Belarus) – Senior Researcher, Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganova str., build 2, Minsk, Republic of Belarus; + 375-17-284-27-29; petra13@mail.ru)

УДК 304:316:35

Петрушенко Т.К., Федорова Т.Н.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. *Социально-экономическое развитие регионов, внешняя и внутренняя конкурентоспособность обеспечиваются наличием эффективной системы образования. В статье рассматривается роль и значение университетов в развитии региональной инновационной системы Ленинградской области, в частности инновационный проект СПбГЭТУ «ЛЭТИ» «Школа-технопарк».*

Ключевые слова: *инновационное развитие, образование, университеты, региональные органы управления, социально-экономическое развитие региона, проект «Школа-технопарк».*

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (Конкурс 2017 года «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами», № 17-03-00862).

Социально-экономическое развитие любого региона – это, прежде всего, обеспечение определенного качества жизни населения региона. Человеческий капитал в новом ракурсе научно-технологических изменений предстает в совокупности творческого переосмысления и развития усвоенных знаний и навыков. Переход к инновационной политике в экономике предусматривает и новый подход к системе подготовки кадров. По мнению исследователей А.Ф. Сухой и И.М. Головы, под инновационной системой следует понимать целостную совокупность взаимодействующих социальных институтов и организаций, превращение научных знаний в новые виды конкурентоспособной продукции и услуг в целях обеспечения социально-экономического роста [1, с. 72].

Ленинградская область, безусловно, имеет потенциал и возможности развития не только в традиционно существующих отраслях материального производства. Основной отличительной чертой региональной инновационной системы является формирование множества кооперационных взаимодействий между различными участниками инновационной деятельности. Этому взаимодействию в максимальной степени способствуют университеты через создание элементов инновационной инфраструктуры – технопарков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, лабораторий и исследовательских центров с участием бизнеса, инновационно-промышленных кластеров. Следует также сказать и о косвенном влиянии университетов на имеющие место взаимодействия в регионе, как например, создание региональных программ подготовки кадров, участие в экспертизе проектов, распространение в регионе результатов международных и федеральных исследовательских проектов.

Важная черта региональной инновационной системы, в создании которой активно участвуют университеты, – это формирование регионального социального и интеллектуального капитала. Университеты осуществляют подготовку кадров, распространение знаний, способствуют росту предпринимательской активности через деятельность бизнес-инкубаторов и малых инновационных предприятий. Также следует отметить еще одну важную функцию университетов в региональной инновационной системе – их взаимодействие с органами исполнительной власти, ответственными за разработку и реализацию региональной инновационной политики [2, с. 211].

Как представляется, на данном этапе региональные органы управления должны уделять больше внимания стратегическим вопросам развития, так как разделение труда существует на всех уровнях, и, исходя из понятной стратегии развития региона, станет возможным определиться и со всеми системообразующими факторами, в том числе – с процессами, происходящими в системе школьного и профессионального образования.

Остановимся на таком передовом опыте внедрения нового вида внешкольного образования и организации досуга школьников, как технопарки. Первая в Ленинградской области школа-технопарк была открыта на базе СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в одной из общеобразовательных школ деревни Кудрово Всеволожского муниципального района Ленинградской области. Для развития таких технопарков необходимо предусмотреть инновационные системные подходы в подготовке молодежи еще со школьной скамьи, с тем чтобы ребята состоялись в жизни, в профессии, добились успеха, смогли реализовать себя в интересах страны. 23 июня 2016 г. между Правительством Ленинградской области и СПбГЭТУ «ЛЭТИ» было заключено соглашение, согласно которому Университет является

участником и основным партнером школы в реализации данного проекта. Особенностью такого сотрудничества является консолидация ресурсов общеобразовательной и высшей школ в целях эффективного решения задач, поставленных Правительством Российской Федерации по подготовке инженерно-технических кадров, востребованных в развивающихся отраслях экономики.

Школа приобрела статус Регионального (сетевого) ресурсного центра развития образования Ленинградской области (Р(С)РЦРО ЛО), что обеспечивает системный подход к решению актуальных задач в сфере технического образования и развития научно-технического творчества детей на всей территории Ленинградской области. [3, с. 3-6].

Механизм реализации проекта предусматривает программно-целевой подход в условиях сетевого взаимодействия Р(С)РЦРО ЛО с образовательными организациями-партнерами, как наиболее современного и эффективного способа достижения заданных результатов при максимально возможном охвате участников: школьников, учителей, социальных партнеров, представителей организаций и предприятий из числа работодателей. Финансирование проекта осуществляется в рамках государственной программы развития образования Ленинградской области «Современное образование Ленинградской области» (утверждено Постановлением Правительства Ленинградской области от 14.11.2013 г. № 398 с последующими изменениями и дополнениями).

Для этого в каждом муниципальном образовании Ленинградской области определены образовательные организации – сетевые партнеры (школы или учреждения дополнительного образования детей). Данные площадки становятся системообразующими элементами в муниципальных образовательных системах.

В основе реализации этого проекта – развитие потенциала проектной деятельности школьников в сетевом формате в выбранных ими направлениях с использованием современных инфокоммуникационных и иных технологий. В этом и заключается инновационность и практическая направленность проекта.

В связи с этим нельзя забывать об имеющемся дисбалансе между подготовкой кадров и потребностью в них. Проблемы, влияющие на эффективное использование трудового потенциала регионов хорошо известны, хотя все еще требуют своего решения и в настоящее время. Это сохраняющийся, к сожалению, много лет дисбаланс между структурой подготовки специалистов – с одной стороны, и реальными потребностями в кадрах экономики регионов – с другой. Он касается не только выпускников вузов, а отчасти и техникумов, и колледжей, но также в большей мере всего действующего в регионах трудового потенциала. Суть его в том, что существует несоответствие имеющихся вакантных рабочих мест интересам, а нередко – возможностям и способностям выпускников. Такая ситуация чревата дисбалансом в механизме рынка труда. В настоящее время эта проблема является традиционной для отечественного общественного производства, потому что отражает необходимость функционирования и развития человеческого, трудового фактора, в нем занятого, а также способствует объективным процессам развития производства, стремится в определенной мере их опережать, предвосхищать, выявляя пути развития [4, с. 135-136].

В этом направлении и призваны работать такие проекты, как Региональный (сетевой) ресурсный центр развития образования Ленинградской области - на его площадках сконцентрирован ресурс образовательных и научных организаций общего, высшего и

дополнительного образования, который нацелен на выявление и развитие талантов школьников в научных и инженерно-технических областях. Такой подход позволяет реализовывать Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования на качественно новом уровне, повышать качество практико-ориентированного школьного образования и формировать компетентности осознанного выбора будущей профессии, конкурентоспособности, адаптивности к современным требованиям развития ключевых отраслей экономики, а также успешной социализации в жизни.

Просветительские возможности проекта «Школа-технопарк» чрезвычайно широки. На его базе СПбГЭТУ «ЛЭТИ» планирует регулярно организовывать и проводить различные мероприятия для широкой аудитории: лекции, мастер-классы, круглые столы, занятия по профориентации, в том числе и в сетевом формате. Важной составляющей успеха развития проекта «Школа-технопарк» является участие работодателей.

Планируется включение в данный проект работодателей Ленинградской области на первом этапе для проведения проектных кейсов с выходом на конференцию-фестиваль для школьников «Наука настоящего и будущего». Таким образом, проводимая работа на базе Р(С)РЦРО ЛО при участии СПбГЭТУ «ЛЭТИ» является практической основой для реализации научно-практического подхода к воплощению модели «Школа-технопарк». В школах-технопарках предполагается придать новый формат взаимодействия «школа–вуз–работодатель» в целях подготовки молодежи к осознанному выбору будущей профессии, а также повышать мотивацию участников к реальной работе в научно-технической сфере по самым передовым и востребованным направлениям.

Библиографический список

1. Суховой А.Ф., Голова И.М. // Инновации. 2005. № 3.
2. Рудская И.А. Формирование и развитие региональных инновационных систем в российской экономике: дис. ... д.э.н. С.-Петербург, 2017. В рукописи.
3. Кутузов В.М., Шелудько В.Н, Минина А.А., Сидоренко С.Т. Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина). От «Технопарка в школе» к «школе-технопарк» //Инновации. 2017. № 1 (219).
4. Колесников Н.Е. Проблемы эффективного использования и развития трудового потенциала региона //Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2011. № 2-3 (45).

Информация об авторах

Петрушенко Татьяна Константиновна (Россия, Санкт-Петербург) – старший научный сотрудник факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (tatpetr52@mail.ru);

Федорова Татьяна Николаевна (Россия, Санкт-Петербург) – старший научный сотрудник факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (laetitia05@mail.ru)

Petrushenko T.K., Fedorova T.N.

INNOVATIVE APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN THE LENINGRAD REGION

Abstract. *The socio-economic development of the regions, external and internal competitiveness are ensured by the presence of an effective education system. The article discusses the role and importance of universities in the development of the regional innovation system of the Leningrad Region, in particular, the innovative project of the St. Petersburg Electrotechnical University "LETI" School-Technopark.*

Key words: *innovative development, education, universities, regional governments, socio-economic development of the region, the project "School-Technopark".*

References

1. Suhovey AF, Golova I.M. // Innovations. № 3, April 2005.
2. Rudskaya I.A. Formation and Development of Regional Innovation Systems in Russian Economics // Thesis for the degree of Dr.Sc. St. Petersburg, 2017. In the manuscript.
3. Kutuzov V.M., Sheludko V.N., Minin A.A., Sidorenko S.T. St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" Ulyanova (Lenina) From the Enterprise "Technopark at School" Events to the "School-Technopark" // Innovation. №1 (219),2017.
4. Kolesnikov N.E. Problems of Effective Use and Development of Labor Potential of the Region. // Economy of the North-West: Problems and Prospects of Development. № 2-3 (45), 2011.

Information about the Authors

Tatyana K. Petrushenko (St. Petersburg, Russia) – Senior Researcher at the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (tatpetr52@mail.ru);

Tatyana N. Fedorova (St. Petersburg, Russia) – Senior Researcher at the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (laetitia05@mail.ru)

УДК 659.181:303.4.025 (476)

Подвальская В.С.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ОБЩЕСТВА

Аннотация. На фоне обострения общественных проблем растет значимость социальной рекламы как инструмента социального управления. Социальная реклама рассматривается как информационное поле, на котором отражаются проблемные точки общества, а также как показатель осознания этих проблем обществом и государством.

Ключевые слова: социальная реклама, социальные проблемы, современное общество, тематика социальной рекламы.

Современное общество характеризуется многочисленными угрозами, рисками, социальными проблемами. Социальная (общественная) проблема определяется как «объективно возникающее в процессе функционирования и развития общества противоречие; задача, требующая решения средствами социального управления» [1]. Социальные проблемы

непостоянны (меняются с течением времени под влиянием экономических, политических и социальных обстоятельств), различаются по масштабу распространенности (глобальные, общегосударственные, местные) и могут проявляться в различных сферах общественной жизни (политической, экономической, духовной, социальной). Общественные проблемы тесно взаимосвязаны между собой, развиваются, как правило, комплексно и ведут к уменьшению эффективности функционирования общественных подсистем, трансформации ценностей, норм поведения, форм социального взаимодействия, что в конечном итоге нарушает стабильность общества в целом.

Признание наличия определенных социальных проблем находит отражение в социальной политике государства, направленной на их решение. Одним из инструментов такой политики является социальная реклама, которую можно рассматривать, с одной стороны, как информационное поле, где отражаются болевые точки общества, с другой стороны – как показатель того, насколько эти проблемы осознаются обществом и государством [2, с. 215]. Таким образом, анализ тематики социальной рекламы позволяет судить о наиболее актуальных общественных проблемах, т.е. социальная реклама выступает индикатором наиболее острых социальных проблем в конкретном обществе и государстве.

В настоящее время к актуальным мировым социальным проблемам относятся: алкоголизм, наркомания, курение, преступность, терроризм, проституция, экстремизм, фашизм, беспризорность, нарушения прав детей, аборт, сиротство, конфликты, возникающие на религиозной, национальной, этнической почвах, безработица, бедность, недостаточная оплата труда, инвалидность, отношение к гражданам с ограниченными возможностями, демографический кризис (высокая смертность, низкая рождаемость, высокое количество эмигрировавших граждан, старение населения), загрязнение окружающей среды, возможность возникновения техногенной катастрофы, состояние здоровья (рост заболеваемости, эпидемии), социальное неравенство, ущемление определенных категорий граждан, коррупция, инфляция, суициды, ограничение прав граждан, подавление свободы слова, передвижения, низкий уровень образованности [3].

Список указанных социальных проблем актуален для всех стран, различие заключается в том, что в каких-то странах определенные проблемы проявляются более остро и чаще поднимаются социальной рекламой. Так, анализ размещаемой в 2018 году социальной рекламы в странах Западной Европы показывает актуальность таких проблем, как экология, семейное насилие, военные конфликты, здоровье, бедность, взаимоотношения детей и родителей, курение [4]. В России актуальные темы социальной рекламы, размещаемой за последние несколько лет, несколько отличаются и выглядят следующим образом: безопасность на дорогах, культура вождения, пьянство, загрязнение окружающей среды, курение, ВИЧ, сиротство, отношение к инвалидам, недостаток семейных ценностей, отсутствие привычки читать, недостаток эмпатии [5]. В Республике Беларусь актуальная тематика размещаемой социальной рекламы выглядит следующим образом: патриотизм и любовь к Родине (культура и история родного города, страны, любовь к языку и т. д.), здоровый образ жизни, антинаркотическое и антиалкогольное воспитание, профилактика личной безопасности (соблюдений правил дорожного движения, безопасный выезд за границу, пожарная безопасность и т. д.), защита природы, экологически безопасное поведение [6; 7].

Что касается наиболее актуальных, по мнению населения, тем социальной рекламы, то в РБ в их список вошли (в порядке убывания значимости): здоровый образ жизни, охрана здоровья, семейные ценности, профилактика ВИЧ – инфекции, профилактика личной безопасности, а также защита природы, экологически безопасное поведение [8, с. 292]. В России список актуальных тем выглядит следующим образом: наркомания, насилие в семье, соблюдение ПДД, алкоголизм, коррупция, жестокое обращение с животными, курение [9].

Таким образом, социальную рекламу можно рассматривать как барометр социального здоровья общества. В то же время она выступает мощным инструментом социального управления и ставит перед собой задачу не только отражения существующих социальных проблем, но и призывает к их решению посредством предложения возможных вариантов действий, а в идеале формирует новые ценности и изменяет поведенческие модели общества.

Библиографический список

1. Российская социологическая энциклопедия. URL: <http://voluntary.ru/termin/problema-socialnaja.html> (дата обращения: 12.11.2018).
2. Шавель С.А. Потребление и стабильность общества / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Мн.: Беларуская навука, 2010. 314 с.
3. Что такое социальные проблемы, какими они бывают и как связаны между собой? URL: <http://iqreview.ru/economy/socialnye-problemy> (дата обращения: 12.11.2018).
4. Социальная реклама 2018 года: локальные и глобальные. URL: <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-2018-goda-lokalnyie-i-globalnyie-problemyi/> (дата обращения: 12.11.2018).
5. 10 проблем России через призму социальной рекламы. URL: http://expert.ru/russian_reporter/2013/11/kreativnyij-agitplakat/ (дата обращения: 12.11.2018).
6. Калачева И.И. Социальная реклама как феномен общественной и научной рефлексии в белорусском обществе. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111594/3/%D1%81%D1%82%D1%80.%2011-24.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).
7. Стуканов В.Г. Наружная социальная реклама как средство правого воспитания. URL: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/11538/1/116314.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).
8. Шавель С.А. Инновационное развитие отраслей социальной сферы / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Мн.: Беларуская навука, 2017. 347 с.
9. Социальная реклама – против наркомании и насилия в семье. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3624> (дата обращения: 12.11.2018).

Информация об авторе

Подвальская Вероника Сергеевна (Республика Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, ул. Сурганова, 1., корп. 2; wi84@mail.ru)

Podvalskaya V.S.

SOCIAL ADVERTISING AS AN INDICATOR OF SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY

Abstract. *Against the background of the exacerbation of social problems, the importance of social advertising as an instrument of social management is growing. Social advertising is considered as an information field, which reflects the problem points of society, as well as an indicator of awareness of these problems by society and the state.*

Key words: *social advertising, social problems, modern society, subject matter of social advertising.*

References

1. Russian sociological encyclopedia. Access mode: <http://voluntary.ru/termin/problema-socialnaja.html>. Access date: 12/11/2018.
2. Shavel S.A. Consumption and stability of society / S.A. Shavel [et al.]; Nat Acad. of Belarus, Institute of Sociology. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2010. 314 p.
3. What are social problems, how are they, and how are they related? <http://iqreview.ru/economy/socialnye-problemy>. Access date: 12/11/2018.
4. Social advertising in 2018: local and global problems. Access mode: <http://www.2social.info/sotsialnaya-reklama-2018-goda-lokalnyie-i-globalnyie-problemyi>. Access date: 12.11.2018.
5. 10 problems of Russia through the prism of social advertising. Access mode: http://expert.ru/russian_reporter/2013/11/kreativnyij-agitplakat/. Access date: 12.11.2018.
6. Kalacheva I.I. Social advertising as a phenomenon of public and scientific reflection in the Belarusian society. Access mode: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111594/3/%D1%81%D1%82%D1%80.%2011-24.pdf>. Access date: 12.11.2018.
7. Stukanov V.G. Outdoor social advertising as a means of legal education. Access mode: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/11538/1/116314.pdf>. Access date: 12.11.2018.
8. Shavel S.A. Innovative development of social sectors / S.A. Shavel [et al.]; under total Ed. S.A. Shavel; Nat Acad. of Belarus, Institute of Sociology. Minsk: Belaruskaya Navuka, 2017. 347 p.
9. Social advertising is against drug addiction and domestic violence. Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3624>. Access date: 12.11.2018.

Information about the Author

Veronika S. Podvalskaya (Minsk, Belarus) – junior researcher, State scientific institution “Institute of sociology of the National Academy of sciences of Belarus” (1, Surganova str., 1, build 2, Minsk, Republic of Belarus; wi84@mail.ru)

УДК 316.347 / ББК 60.52

Полюшкевич О.А.

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА

Аннотация. В статье анализируются процессы социальной солидарности регионального сообщества, а также показывается роль и место социального капитала жителей региона в процессе социальной солидарности. Выявляются условия, способствующие социальной консолидации, и явления, влияющие на социальную разобщенность и дифференциацию.

Ключевые слова: *социальная солидарность, социальный капитал, жители региона, гражданское общество.*

Основным ресурсом развития региона выступает социальный капитал его жителей (как ресурс социокультурного, социально-экономического и социально-политического развития человека на определенном пространстве).

В теоретическом осмыслении социальный капитал исследуется в рамках разных подходов. Представители сетевого подхода (П. Бурдье, Дж. Коулман) говорят о сети существующих или потенциальных институциональных и неформальных связей. Представители институционального подхода (Р. Патнем, Дж. Тернер) говорят о том, что социальный капитал – это интегральная социетальная характеристика, образующаяся на социальной эмпатии, через реальное взаимодействие в социальных акциях и иных формах функционирования гражданского общества. Представители социокультурного подхода (Ф. Фукуяма, Р. Инглехарт) предполагают, что основой социального капитала выступают доверие и готовность вступать в социально ответственное партнерство. Ценности сообщества являются основой его совместного развития и одновременно, развития каждого члена этого сообщества [2].

В нашем понимании социальный капитал жителей региона формируется на основе трех элементов: 1) социальной сети формального и неформального взаимодействия; 2) социальной эмпатии к людям, процессам и явлениям, позволяющим им вступать во взаимодействие с людьми или группами людей, руководствуясь не только профессиональными, но и личными требованиями и обязательствами; 3) социальное взаимодействие строится на уровне доверия личности, группе и среде. Формами социального капитала выступают доверие (личностное, коллективное, институциональное), информационные каналы и информация, ценности и нормы [3, 4].

В основе данной статьи лежит исследование, проведенное автором в 2017 году. В нем приняли участие 2600 жителей Иркутской области, а также было проведено 26 экспертных интервью (политиков, руководителей бизнеса, общественных деятелей и т. д.).

Первое, что мы пытались выяснить, – это те социальные связи и отношения, что имеются у жителей региона, какие у них существуют приоритеты в профессиональной деятельности.

По мнению респондентов, одним из самых важных является «стабильный заработок» (71%), своего рода социальная защищенность. На втором месте – «возможность карьерного роста» (36%), на третьем – «престижность работы» и «социальная значимость работы» (по 34%), на четвертом – «комфортные условия труда» (31%), на пятом – «возможность общения с людьми своего круга» (25%). Иными словами, все качества со второго по пятое входят в категорию социального капитала. Тем самым формируют ядро социального капитала жителей региона. То есть жители региона во время профессиональной деятельности приобретают социальный капитал, который используют и вне стен своей работы.

Причем фактор «социального капитала» чаще более значим для жителей до 40 лет, и используют его для построения карьеры в государственном или коммерческом секторе. Более старшие респонденты (от 45 лет) указывают на важности социальной престижности и приближенности к власти и ресурсам. Можно сказать, что с возрастом смещаются приоритеты

значимости и формы проявления и использования социального капитала, но значимость его не уменьшается, а, наоборот, возрастает.

Далеко не все респонденты готовы всю жизнь работать «на благо отечества» и «быть слугой народа». Около 64% хотели бы работать в коммерческой сфере, накопив достаточно ресурсов в виде социальных связей и знакомств для более успешного и стабильного развития новой сферы деятельности. 22% хотели бы строить карьеру на государственной службе. Остальные респонденты (14%) затрудняются в перспективах своей деятельности. И чем младше респондент, тем больше вероятность того, что свое нынешнее место работы он рассматривает как временный ресурс становления. Иными словами, молодые люди приходят на работу с целью накопить, увеличить свой социальный капитал (построить сеть связей и отношений с «нужными» людьми, накопить опыт социального взаимодействия, получить информацию, выстроить коммуникационные отношения) для дальнейшего его использования в другой сфере.

Интересным фактом является и то, что 72% респондентов устроились на работу через «неформальные практики» (по знакомству, по рекомендации и т. д.), и только 28% прошли официальные этапы трудоустройства, прописанные в нормативно-правовой документации (через кадровый резерв, конкурс на должность, постепенное продвижение по карьерной лестнице и т. д.). То есть ранее наработанный социальный капитал их самих или их родственников или друзей помогает им встроиться в другую систему.

Интересным в данной ситуации является то, что доверие к рекомендодателю позволяет взять на работу человека, но это не значит, что данное доверие будет оказано ему в профессиональной деятельности. Так же как и рядовые сотрудники отмечают, что полного доверия среди коллег у них нет, но есть отдельные люди или группы людей, с которыми лично у них выстраиваются доверительные отношения. Иными словами, респонденты в любой профессиональной сфере зарабатывают индивидуальный социальный капитал, который не согласуется и не всегда совпадает с коллективным социальным капиталом.

Ключевым элементом подбора данного кандидата на работу было «личное доверие» рекомендодателю или личная заинтересованность в установлении или поддержании положительных взаимосвязей (48%). На втором месте – профессиональные качества (41%), принадлежность к «команде руководителя» (27%), психологическая комфортность и коммуникабельность (18%). Уровень образования, прежний опыт, возможность профессионального роста не указывалась никем из респондентов.

Стоит указать, что институциональное доверие у жителей региона значительно более развито и внедрено в повседневные практики. Например, 98% уверены в нормативно-правовой легитимности и защищенности их прав по сравнению с другими профессиональными группами. Более того, 78% жителей региона полагают, что они относятся к особой группе людей, к особому сословию, у которого свой образ жизни, свои потребности и интересы.

По мнению респондентов, разнообразный жизненный опыт очень помогает профессионализму и высокой компетентности их как профессионалов (66%). Он позволяет быть более мудрыми, находить компромиссы и правильные подходы к решению поставленных задач, не всегда опираясь на инструкции.

В профессиональной деятельности социальный опыт и опыт узкопрофессиональный может приобретаться в процессе стажировок и обмена опытом с коллегами из других подразделений или сфер, что позволит выстроить социальные связи и социальные

коммуникации (инструменты формирования социального капитала) – 82%. И только 18% указали на необходимость повышения образования через стажировку, переквалификацию и иные формы образования.

Специфика социального капитала жителей Иркутской области проявляется в ряде моментов. Во-первых, «прибыль» в данном случае означает не выгоду конкретного человека, отдельного актора, а цель здесь – эффективность деятельности [1]. Идеальная цель – согласование интересов личных, органа власти или бизнеса и населения, которому оказываются услуги. Другой специфичной чертой является нацеленность на установление связей и отношений не только и не столько внутри группы членства (профессиональной общности), но и с внешней средой – с группами населения, относящимися к ведению конкретного органа власти.

Таким образом, предъявляемые требования и конкретные социально-управленческие регламенты профессиональной деятельности находятся в определенном несоответствии, которое затрагивает уровень предъявляемых требований и степень профессиональной подготовки, меру их гражданской ответственности.

Социальный капитал жителей региона на сегодняшний момент выступает индивидуальной формой самореализации и развития, он не позволяет говорить о развитии социального института социального капитала всех жителей региона. Но при этом социальные связи, социальная эмпатия и социальное доверие выступают приоритетным инструментом и формой социального моделирования поведения.

Библиографический список

1. Полюшкевич О.А. Социальная эмпатия: вопросы консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 3-18.
2. Полюшкевич О.А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2017. Т. 12. № 1. С. 67-74.
3. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 120-130.
4. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона // Социология. 2018. № 2. С. 131-137.

Информация об авторе

Полюшкевич Оксана Александровна (Россия, Иркутск) – кандидат философских наук, доцент, Иркутский государственный университет (664003 г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1; okwook@mail.ru)

Polyushkevich O.A. SOCIAL SOLIDARITY AND SOCIAL CAPITAL OF THE INHABITANTS OF THE REGION

Abstract. *The article analyzes the processes of social solidarity of the regional community, and also shows the role and place of the social capital of the inhabitants of the region in the process of social*

solidarity. The conditions conducive to social consolidation and phenomena affecting social disunity and differentiation are revealed.

Key words: *social solidarity, social capital, residents of the region, civil society.*

References

1. Polyushkevich O.A. Social empathy: issues of consolidation of the Russian society // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2015. № 6. Pp. 3-18.
2. Polyushkevich O.A. Philosophy of gratitude // Humanitarian vector. Series: Philosophy, Cultural Studies. 2017. V. 12. № 1. Pp. 67-74.
3. Treskin P.A. Public organizations as the social capital of the region // State administration. Electronic messenger. 2017. № 64. Pp. 120-130.
4. Treskin P.A. The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region // Sociology. 2018. № 2. Pp. 131-137.

Information about the Author

Oksana A. Polyushkevich (Irkutsk, Russia) – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State University (1, Karl Marx str., Irkutsk, 664003, Russian Federation; okwook@mail.ru)

УДК 331.5 / ББК 65.240

Попов А.В.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО РЫНКА ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена исследованию рынка труда формирующейся Вологодской агломерации в разрезе его ключевых параметров: предложение, спрос и цена. Полученные в ходе анализа результаты позволили выявить барьеры и обосновать перспективы становления единого рынка труда.

Ключевые слова: городская агломерация, единый рынок труда, трудовой потенциал.

В современных условиях хозяйствования одним из перспективных направлений развития экономики является формирование городских агломераций. Как показывает мировая практика, агломерация все чаще становится основной формой территориальной организации общества [1, с. 8]. Данная тенденция обусловлена достижением мультипликативного эффекта за счет концентрации и эффективного использования производственных и трудовых ресурсов, финансовых активов, инвестиционного капитала и инноваций. В результате на территории агломераций наблюдаются более высокие, нежели за их пределами, показатели экономической активности и производительности труда, активнее внедряются передовые технологии, быстрее растет численность населения [4, с. 103].

Согласно исследованиям, большинство городских агломераций в России находятся на первых стадиях формирования, где ключевую роль играет образование единого рынка труда [2, с. 125-126]. Речь идет о взаимовыгодном использовании имеющихся трудовых ресурсов в контексте пространственного объединения поселений. Концентрация рабочих мест и повышение трудовой активности стимулируют экономический рост (повышение реальных

доходов населения и платежеспособного спроса, снижение безработицы, наращивание объемов производства и т. д.), что способствует активизации последующих интеграционных процессов. Из этого следует, что одним из важнейших условий становления городской агломерации является формирование единого рынка труда, что актуализирует исследования, направленные на изучение динамики его развития.

В настоящей работе в качестве объекта исследования была выбрана Вологодская область как типичный субъект РФ по большинству социально-экономических показателей. Как показывают данные Вологодского научного центра РАН, в регионе формируется пространственное объединение поселений, удовлетворяющее всем критериям городской агломерации – это территории Вологодского, Грязовецкого и Сокольского районов, а также муниципальное образование «Город Вологда»³⁰. Для выявления перспективы развития Вологодской агломерации нами был проведен анализ ключевых параметров ее рынка труда. Информационную базу исследования составили данные официальной статистики за период 1991–2016 годы.

Как показали результаты анализа, пространственное объединение поселений, образующих Вологодскую агломерацию, будет способствовать взаимовыгодному использованию имеющихся трудовых ресурсов, что в условиях изменения возрастной структуры населения и сокращения его численности благоприятно скажется на кадровой обеспеченности экономики территории. Исключение составляет Грязовецкий район, поскольку, согласно прогнозным оценкам [3], в случае усиления интеграционных процессов проблема дефицита кадров будет только нарастать.

Повышение трудовой мобильности населения в рамках агломерации также приведет к позитивным сдвигам в части преодоления диспропорций спроса и предложения на рынке труда в профессионально-квалификационном разрезе, в результате чего произойдет увеличение уровня занятости населения. В настоящее же время в большинстве рассматриваемых муниципальных образованиях наблюдается ситуация, когда количество заявленных вакансий превышает численность незанятого населения (коэффициент напряженности на рынке труда составляет 0,7).

Вместе с тем, становлению Вологодской агломерации препятствует неразвитость трудовых связей между его ядром и периферией, что может быть обусловлено как недостаточной привлекательностью первого (например, в силу небольших различий в уровне оплаты труда), так и невысоким уровнем безработицы в целом (порядка 1%). В связи с этим при наличии высокопроизводительных рабочих мест и развитой социальной инфраструктуры на периферийных территориях областная столица может лишиться ряда конкурентных преимуществ в качестве центра притяжения рабочей силы.

Перспективы пространственного развития России во многом зависят от создания зон опережающего развития, центрами которых могут стать городские агломерации. Заложенные в Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года³¹ положения об образовании Вологодской и Череповецкой агломераций в своей

³⁰ На Вологодчине складывается вологодская агломерация // Областной деловой журнал «Бизнес и Власть». URL: <http://volbusiness.ru/na-vologodchine-skladyivaetsya-vologodskaya-aglomeraciya.html> (дата обращения: 23.06.2018).

³¹ О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года: постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920 (ред. от 09.01.2017) // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.06.2018).

реализации должны ориентироваться на формирование единого рынка труда, что позволит повысить эффективность использования имеющегося потенциала. Несмотря на то что агломерационные процессы во многом имеют естественную (стихийную) природу, некоторые из них поддаются управлению. В частности, первоочередной мерой в данном направлении должно стать совершенствование нормативно-правовой базы в области межмуниципальных взаимодействий, что выступит своеобразным базисом для принятия последующих решений. Кроме того, необходима реализация комплексной политики по развитию социальной инфраструктуры, повышению уровня транспортной доступности (в т.ч. общественного транспорта) и трудовой мобильности населения, стимулированию модернизации перспективных отраслей производства, снижению неформальной занятости, повышению эффективности деятельности центров занятости населения и т.д. Все это позволит улучшить экономическую связанность территорий, что будет способствовать формированию единого рынка труда и, в конечном итоге, становлению городской агломерации.

Библиографический список

1. Волчкова И.В. Актуальные проблемы управления формированием и развитием городских агломераций в России // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2013. № 5. С. 8-12.
2. Нещадин А., Прилепин А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. 2010. № 12. С. 121-139.
3. Сводный прогноз потребности экономики Вологодской области в трудовых ресурсах до 2030 года / Департамент труда и занятости населения Вологодской области. URL: <http://depzan.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/statistika/spros-i-predlozhenie-rabochey-sily/> (дата обращения: 10.06.2018).
4. Эффект масштаба. Первый глобальный рэнкинг агломераций // PricewaterhouseCoopers. URL: http://www.mosurbanforum.ru/media/library/2017_agglomerations_ranking.pdf (дата обращения: 10.06.2018).

Информация об авторе

Попов Андрей Васильевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; ai.popov@yahoo.com)

Popov A.V.

FORMATION OF URBAN AGGLOMERATION IN THE CONTEXT OF ESTABLISHING A SINGLE LABOR MARKET

Abstract. *The article is devoted to the study of the labor market in the emerging Vologda agglomeration from the perspective of its key parameters. Results of the analysis helped to identify barriers and prospects for the establishing of a single labor market.*

Key words: *urban agglomeration, single labor market, labor potential.*

References

1. Volchkova I.V. Actual problems of managing the formation and development of urban agglomerations in Russia. Economics and Management: analysis of trends and development prospects, 2013, vol. 5, pp. 8-12.
2. Neshchadin A., Prilepin A. Urban agglomerations as a tool for the dynamic socio-economic development of Russian regions. Society and Economy, 2010, vol. 12, pp. 121-139.
3. Consolidated forecast of the labor needs of the economy of the Vologda region until 2030 // Department of Labor and Employment of the Population of the Vologda Region. URL: <http://depzan.gov35.ru/vedomstvennaya-informatsiya/statistika/spros-i-predlozhenie-rabochey-sily/>
4. The effect of scale. First global ranking of agglomerations // PricewaterhouseCoopers. URL: http://www.mosurbanforum.ru/media/library/2017_agglomerations_ranking.pdf

Information about the Author

Andrei V. Popov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; ai.popov@yahoo.com)

УДК 615.9:614

Разварина И.Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЯ ДЕТЕЙ

Аннотация. Важным этапом повышения эффективности управления здоровьем является изучение и систематизация факторов риска здоровья и последующая разработка инструментов их нивелирования. В работе представлен обзор существующих отечественных исследований факторов риска здоровья детей, отражены факторы, выявленные в ходе последних социологических исследований в Вологодской области.

Ключевые слова: потенциал здоровья детей, социальные факторы риска, управление здоровьем детского населения.

Социальная политика в отношении здоровья детского населения является приоритетом государственной политики большинства стран. Забота о физическом и психическом здоровье детей – это инвестиции в будущее, которые станут основой для накопления и приумножения человеческого потенциала. Тем не менее, в России и в Вологодской области, несмотря на принимаемые меры, потенциал здоровья молодого поколения невысок. Негативные характеристики связаны с высоким уровнем заболеваемости (в стране около 35% детей уже рождаются больными), постепенным «омоложением» детской инвалидности как по абсолютному, так и по относительному показателю. В связи с этим проблема управления здоровьем детей носит междисциплинарный характер и находится в поле зрения медицинской, биологической, социологической, управленческой и ряда других наук. Субъектами управления выступают индивиды с усвоенными в процессе социализации свойствами и качествами; семья, ближайшее окружение, территориальные группы; социальные институты

(здравоохранение, образование, средства массовой информации). Важными для решения проблемы здоровьесбережения детей являются комплексные действия на всех уровнях управления на основе формирования здорового образа жизни и повышения доступности и качества медицинской помощи.

Для управления важно изучить и систематизировать все факторы, оказывающие влияние на здоровье. Экспертами Всемирной организации здравоохранения факторы формирования здоровья объединены в группы: здравоохранение; биологические свойства организма; состояние окружающей среды; социально-экономические условия и образ жизни. По локализации факторы разделяют на экзогенные и эндогенные; по возможности контролировать их воздействие: на управляемые и неуправляемые.

Ученые чаще всего выделяют факторы риска, повышающие вероятность ухудшения здоровья детей. Наиболее значимые из них – социальные, которые представляют условия совместной деятельности людей, причем их вклад составляет 50% [1]. На микроуровне социальными факторами риска выступают поведенческие особенности индивида, на институциональном – специфика функционирования социальных институтов, на социетальном – социальное расслоение, особенности социально-экономической и социально-политической подсистем общества. Одной из целей нашего исследования стало выявление дополнительных факторов риска здоровья детей по результатам мониторинга.

Микросоциальные условия развития факторов риска здоровью можно разделить на две группы. Первая включает социально-демографические характеристики – пол, возраст, национальность и т. п. Они определяют распространенность поведенческих факторов риска здоровью. Вторая группа – компоненты социально-экономического статуса индивида и его семьи, низкий уровень материального благополучия и образования.

Результаты российских исследований факторов риска здоровья детей неоднозначны. Установлено, что между здоровьем ребенка и показателями материального благополучия семьи, уровнем образования матери, наличием у нее работы, семейным положением и возрастом не существует значимой связи. Причиной называется незначительное различие в алгоритмах поведения разных доходных групп населения, возможностях качественного медицинского обслуживания, отношении к здоровью, распространенности вредных привычек [2].

Опросы школьников Подмоскovie показали, что дети из неполных семей значительно чаще, чем дети из полных, подвержены острым и хроническим заболеваниям, протекающим в более тяжелой форме. После развода у взрослых усиливается склонность к вредным привычкам (курение, употребление алкоголя), что также негативно сказывается на состоянии здоровья детей [3].

Другими исследователями сделан вывод, что низкий уровень экономического развития территории, дотационный характер бюджета не позволяют вкладывать деньги в развитие социальной сферы, в строительство, модернизацию, повышение транспортной и экономической доступности инфраструктуры оздоровления, как следствие обуславливают низкий уровень жизни населения, возрастание доли жителей с доходами ниже прожиточного минимума, рост безработицы, что определяет высокий уровень стрессорности социальной среды. Проявляясь на уровне конкретного домохозяйства, данные макроэкономические

условия выражаются в недостаточном уровне материального благополучия и увеличении напряженности микроклимата семьи. Они обуславливают возникновение прямых факторов риска здоровью детей [4].

Подтверждает эти выводы и мониторинг «Изучение условий формирования здорового поколения», проводимый учеными ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области с 1995 года. В частности, проведенный корреляционный анализ заболеваемости и влияния различных условий жизни позволил установить, что низкий уровень дохода, недостаточная обеспеченность жилплощадью, некачественное питание, неполный состав семьи являются ключевыми факторами риска здоровья детей в регионе [5].

Исследование 2018 года выявило дополнительный перечень факторов, неблагоприятно воздействующих на здоровье детей: образ жизни родителей, стрессы, связанные с учебной нагрузкой ребёнка, причем наиболее уязвимы к воздействию внешних факторов подростки, поскольку склонны к рискованному, импульсивному поведению.

Еще одним значимым фактором, является доступность медицинской помощи. Анализ данных опроса показал, что в организации лечения имеются недочёты, ответственность за которые несут и родители, и педиатры. В частности, респонденты сталкиваются с проблемой недостатка времени на посещение врачей с ребёнком, с очередями на приём к врачам, неудобным графиком работы узких специалистов, несвоевременной постановкой диагноза и отсутствием чётких рекомендаций по реабилитационным мероприятиям. Оценки медицинской помощи: в районных центрах ниже, чем в городах области, например в обеспеченности лекарственными препаратами, доступности лабораторно-диагностических обследований, помощи врачей-специалистов.

Значимо, что снижается медицинская активность семей в целом и в городе и в сельской местности по мере взросления детей.

Анализ проблем, в сфере управления здоровьем детского населения показал, что: сегодня есть ресурс, позволяющий находить адекватные решения укреплению здоровья детей разных возрастов, это возросший объем знаний об эффективных мерах вмешательства и способах предоставления услуг, а также об инновационных подходах к обеспечению медико-санитарными услугами и повышению их качества; комплексный подход к охране здоровья и развития ребенка, включающий взаимодействие с семьей ребенка, его ближайшим окружением, который расширит спектр воздействия на факторы риска здоровья детского населения. Учитывая, что с точки зрения экономики каждый случай болезни, инвалидности и смерти приводит к определенным денежным затратам, которые приходятся на долю государства и самих граждан, использование предложенных рекомендаций позволит усовершенствовать организацию профилактических, лечебных мероприятий, будет способствовать улучшению характеристик здоровья детского населения.

Библиографический список

1. Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник для студ. мед. вузов. М.:ГЭОТАР-Медиа, 2009. 381 с.
2. Кононова А.Е. Социально-экономические факторы детского здоровья в России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 94-102.

3. Андрияшина Е.В. Семья и здоровье подростка // Народонаселение. 1998. № 2. С. 55-69.
4. Лебедева-Несевря Н.А. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник ПГУ. Биология. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-factory-riska-zdorovyu-kak-obekt-upravleniya> (дата обращения: 21.09.2018).
5. Шабунова А.А. Здоровье и развитие детей: итоги 20-летнего мониторинга // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 33-54.
6. Воронцов И.М. Закономерности физического развития детей и методы его оценки. Л.: ЛПМИ, 1986. 56 с.

Информация об авторе

Разварина Ирина Николаевна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления в социальной сфере, отдел исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; irina.razvarina@mail.ru)

Razvarina I.N.

SOCIAL HEALTH RISK FACTORS FOR CHILDREN

Abstract. *A review of Russian studies of risk factors, problems of children's health management at the federal and regional levels, additionally identified by monitoring the study of the conditions for the formation of a healthy generation, is presented.*

Key words: *children's health potential, social risk factors, health management.*

References

1. Lisitsyn Yu.P. Public health and health care: a textbook for students. honey. universities. M.: GEOTAR-Media, 2009. 381 p.
2. Kononov A.E. Socio-economic factors of children's health in Russia Sociological studies. 2016. № 4. Pp. 94-102.
3. Andryushina E.V. Family and adolescent health // Population. 1998. № 2. Pp. 55-69.
4. Lebedeva-Nesevrya N.A. Social health risk factors as an object of management // PSU Bulletin. Biology. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-factory-riska-zdorovyu-kak-obekt-upravleniya> (appeal date: 21.09.2018).
5. Shabunova A.A. Child health and development: the results of a 20-year monitoring // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2014. № 5 (35). Pp. 33-54.
6. Vorontsov I.M. Patterns of children's physical development and methods for its assessment. L.: LPMI, 1986. 56 p.

Information about the Author

Irina N. Razvarina (Vologda, Russia) – Junior Researcher of the Laboratory for Research of the Problems of Social Sphere Management of the Department for the Study of the Level and Lifestyles of the Population Federal State Budget Institution of Science “Vologda Scientific Center of the

УДК 330.59

Росошанский А.И.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье представлены результаты оценки качества жизни населения российских регионов на современном этапе. Доказано, что положительные тенденции развития качества жизни в целом по стране сопровождались постепенным отдалением многочисленной группы регионов с низким качеством жизни от групп со средним и высоким уровнем.

Ключевые слова: *качество жизни, индексная оценка, регион.*

Повышенное внимание к исследованиям, посвященным оценкам качества жизни населения, в настоящее время обуславливается активными попытками внедрения данной категории в современную систему государственного управления [2]. Причина подобного интереса кроется в предположении, что «качество жизни» объединяет в себе множество разнородных и разноплановых составляющих, а это, в свою очередь, дает возможность реально оценивать социально-экономические тенденции [5]. С этой позиции качество жизни представляет собой не только отражение фактических условий жизни населения, но и обобщенный индикатор эффективности государственного управления. Это обстоятельство обуславливает активный поиск состоятельных методов оценки качества жизни и инструментов, направленных на его повышение.

Цель данного исследования состояла в оценке качества жизни населения регионов России, основанной на оригинальной авторской методике. Оценка качества жизни строилась на основе данных по 80 субъектам РФ за период с 2010 по 2016 г. (в 2015 и 2016 гг. 82 субъекта, включая Республику Крым и г. Севастополь). Исключение составили Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа в связи с отсутствием информации по ряду показателей.

Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики, материалы Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

На предыдущих этапах исследования была обоснована, разработана и апробирована методика индексной оценки качества жизни населения для регионов России [3]. В основу методики заложены базовые критерии, выдвинутые Комиссией по измерению эффективности экономики и социального прогресса, а также требования по выбору показателей, сформулированных С.А. Айвазяном [1; 4]. Наполнение структурных блоков, а также сама методика оценки качества жизни представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов

Наименование этапа	Содержание этапа
1. Формирование исходного перечня статистических показателей	<p><i>I Здоровье населения:</i> ожидаемая продолжительность жизни про рождении; коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми).</p> <p><i>II Уровень жизни населения:</i> доля домохозяйств, расходы на продукты питания которых составляют более 50% потребительских расходов (%); покупательная способность среднедушевых денежных доходов (раз).</p> <p><i>III Сфера труда:</i> уровень безработицы (по методологии МОТ); численность пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом (на 1000 работающих).</p> <p><i>IV Безопасность жизнедеятельности:</i> число зарегистрированных убийств и покушений на убийство (на 100 тысяч человек населения); доля проб воды с превышением гигиенических нормативов по санитарно-химическим показателям (%).</p>
2. Нормирование шкал в измерении частных критериев	<p>Унификация (нормирование) шкал отобранных статистических показателей производится при помощи метода линейного масштабирования. Нулевое значение преобразованного показателя соответствует самому низкому качеству по данному свойству, а максимальное – самому высокому.</p> <p>Расчет производился по формуле (1), если показатель положительно влияет на качество жизни (монотонно возрастающая зависимость), и по формуле (2), если отрицательно (монотонно убывающая зависимость).</p> $I_k = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (1); \quad I_k = 1 - \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (2)$ <p>I_k – значение частного индекса качества жизни населения, X – оцениваемый показатель, X_{\max} и X_{\min} – референтные точки.</p> <p>За референтные точки взяты максимальные и минимальные значения показателей среди регионов страны за весь период исследования, что позволяет произвести сопоставление между регионами и в динамике.</p>
3. Расчёт интегрального индекса	<p>Поскольку отобранные критерии качества жизни населения приняты как равнозначные, отсутствует необходимость ввода весовых коэффициентов. Формула расчета индекса имеет вид:</p> $ИИКЖ = \frac{1}{8} \sum_{k=1}^8 I_k \quad (3)$ <p>I_k – значение частного индекса качества жизни населения.</p>

Согласно результатам измерений (табл. 2), в целом за период с 2010 по 2016 г. наблюдались положительные тенденции в изменении качества жизни населения России. К неизменным регионам «лидерам» с наиболее высоким качеством жизни относились города федерального значения Санкт-Петербург и Москва, а также Краснодарский край и Республика Татарстан. К регионам с наименьшими значениями индекса качества жизни принадлежали Республика Тыва, Ингушетия и Калмыкия, Кемеровская область, Чукотский автономный округ, а также Еврейская автономная область. За исследуемый период перечень регионов, располагавшихся как на вершине, так и внизу рейтинга, не претерпел существенных модификаций, в то время как основные изменения происходили в регионах, занимавших места в его середине. Наиболее значимые изменения были отмечены в Республике Калмыкия

(снижение с 48 места в 2010 году до 76 в 2016 году), Смоленской области (снижение с 57 до 73 места), Еврейской автономной области (снижение с 65 до 81 места).

Таблица 2. Индекс качества жизни населения для регионов России, 2010-2016 гг.

Регион*	Год							2016 к 2010, %	Ранг**		
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016		2010	2016	Изм.
Российская Федерация	0,676	0,692	0,705	0,722	0,732	0,734	0,739	109,30	x	x	x
г. Санкт-Петербург	0,786	0,799	0,819	0,842	0,840	0,836	0,847	107,74	1	1	0
Краснодарский край	0,747	0,753	0,768	0,789	0,799	0,797	0,806	107,91	3	2	1
Республика Татарстан	0,735	0,758	0,786	0,779	0,792	0,789	0,804	109,49	6	3	3
Курская область	0,725	0,746	0,761	0,777	0,786	0,801	0,789	108,81	8	4	4
г. Москва	0,783	0,821	0,813	0,814	0,811	0,827	0,788	100,69	2	5	-3
...
Республика Ингушетия	0,435	0,479	0,521	0,539	0,611	0,639	0,625	143,60	80	78	2
Кемеровская область	0,553	0,598	0,605	0,619	0,616	0,612	0,620	112,19	74	79	-5
Чукотский автономный округ	0,463	0,577	0,518	0,533	0,528	0,613	0,583	126,08	78	80	-2
Еврейская автономная область	0,592	0,577	0,578	0,569	0,615	0,611	0,565	95,40	65	81	-16
Республика Тыва	0,454	0,486	0,409	0,481	0,476	0,500	0,528	116,13	79	82	-3

* Представлены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями индекса.

** Ранжировано по состоянию на 2016 год.

Источник: расчеты автора.

Важно отметить, что при всей общей положительной тенденции повышения значений интегрального индекса качества жизни в целом по стране не наблюдается снижения неравенства между регионами. Полученные расчеты коэффициентов Джини для межрегионального неравенства показали крайне высокую неоднородность как интегрального индекса качества жизни населения, так и его составляющих в разрезе субъектов РФ. Так, для таких показателей, как доля домохозяйств, у которых расходы на питание составляют более половины потребительских расходов, и качество водных ресурсов для хозяйственно-питьевого назначения коэффициенты Джини составили 0,237 и 0,472 соответственно. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о локализации застойных форм бедности и неблагоприятных условий жизни, что непосредственно сказывается на качестве жизни населения страны в целом.

Таким образом, ключевыми сдерживающими факторами повышения качества жизни в регионах выступили низкая покупательная способность доходов населения, неудовлетворительное качество водных ресурсов хозяйственно-питьевого назначения, а также относительно низкая ожидаемая продолжительность жизни.

Библиографический список

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. М.: Наука, 2012. 432 с.
2. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18-35.

3. Россошанский А.И. Методика индексной оценки качества жизни российских регионов // Проблемы развития территории. 2016. № 4. С. 124-137.

4. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. англ. И. Кушнарева; научн. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

5. Тавокин Е.П., Табатадзе И.А. Культура в системе показателей категории «качество жизни» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 4. С. 26-36.

Информация об авторе

Россошанский Александр Игоревич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; alexanderrossy@mail.ru)

Rossoshansky A.I.

FEATURES OF DEVELOPMENT QUALITY OF LIFE IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The article presents the results of assessing the quality of life of the Russian regions at the present stage. It has been proved that the positive trends in the development of the quality of life in the whole country have been accompanied by a gradual separation of a large group of regions with a low quality of life from groups with medium and high levels.*

Key words: *quality of life, index assessment, region.*

References

1. Aivazian S.I. Quality of Life and Living Standards Analysis. An Econometric Approach. М.: Science, 2012. 432 p.

2. Ilyin V.A., Shabunova A.A. Sociological assessment of public administration efficiency. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2014, no. 2 (32), pp. 14-27. DOI: 10.15838/esc/2014.2.32.3.

3. Rossoshanskii A.I. Methodology for the Index Assessment of the Quality of Life in Russian Regions. Problems of territory's development, 2016, no. 4 (84), pp. 124-137.

4. Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.-P. Mis-measuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up. The report by the Commission on The Measurement of Economic Performance and Social Progress. М.: Gaidar Institute, 2016. 216 p.

5. Tavokin E.P., Tabatadze I.A. Culture in the system of indicators of the category «quality of life» // The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal. 2008. № 4. pp. 26-36.

Information about the Author

Alexandr I. Rossoshansky (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; alexanderrossy@mail.ru)

Сакович В.С.

**МАЛАЯ РОДИНА КАК ФАКТОР ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
МОЛОДЕЖИ: АНАЛИЗ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
МОНИТОРИНГА (МАЙ – ИЮНЬ 2018 г.)**

Аннотация. В статье представлен анализ результатов республиканского социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае-июне 2018 года. Определены степень значимости понятия малой родины в жизни белорусов, их патриотические чувства, ценности и установки.

Ключевые слова: малая родина, патриотизм, патриотическое воспитание, социологическое исследование.

Наверное, каждый знаком с понятием «малая родина» – это то место, где ты родился и вырос, где впервые осознал себя пусть маленькой, но личностью. Семья, родительская любовь, все детские ощущения, этапы взросления и познания мира, становление характера, да, в общем-то, и судьбы, вложенные в это понятие. Часто именно место рождения метафорически называют «малой родиной». Любовь к своей земле, городу, республике, уважение к истории края, его культурным традициям, сохранение наследия своих предков, памяти об их подвигах, любовь к природе родного края – необходимые условия для³² формирования человека с осознанной нравственной позицией, человека-патриота.

9 февраля 2018 г. при вручении наград лучшим работникам сельского хозяйства по итогам за 2017 год Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 2018 год был объявлен Годом малой родины.

В связи с этим Центром региональной социологии ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в мае-июне 2018 г. был проведен Республиканский социологический мониторинг «Малая родина как фактор патриотического воспитания». В опросе приняли участие 2136 респондентов со всех регионов Республики Беларусь. Среди опрошенных было 548 (25,7%) респондентов в возрасте до 30 лет, 746 (34,9%) в возрасте от 30 до 49 лет и 842 (39,4%) респондента в возрасте 50 лет и старше.

Данные социологические суждения важны для определения уровня патриотизма молодежи; исследования духовно-культурных ценностей, социальных и личностных качеств подрастающего поколения; отношения к настоящему, а также историческому прошлому своего народа, природным богатствам страны. Дело в том, что жители сельских регионов Беларуси по-разному оценивают ситуацию в стране и областях, отвечая на вопрос: «С чего начинается «малая родина?»».

В ответе на вопрос: «**Можете ли Вы сказать о себе – «Я патриот своей малой родины?»**» 58,4% опрошенных подчеркнули, что считают себя «патриотом своей малой родины», однако 19,5% опрошенных заявили, что не считают себя патриотами своей малой родины.

³² Тезисы подготовлены по данным республиканского репрезентативного мониторинга Института социологии НАН Беларуси № = 2136.

На вопрос: «Если Вы считаете себя патриотом своей малой родины, то в чем это проявляется?» 485 (22,8%) респондентов ответили, что у них есть чувство причастности и ответственности за настоящее и будущее моей малой родины; 557 (26,1%) респондентов заявили, что интересуются историей, самобытной культурой и традициями своей малой родины; 613 (28,7%) респондентов подчеркнули, что испытывают чувство гордости за ратные и трудовые победы своих земляков; 786 (36,8%) респондентов отметили, что испытывают чувство любви, гордости и уважения к этому уголку нашей страны; 270 (12,6%) респондентов заявили, что делают все возможное для того, чтобы моя малая родина стала лучше.

На вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда приезжаете на свою малую родину?» 536 (25,1%) респондентов написали, что испытывают чувство гордости и морального удовлетворения за состояние и перспективы развития своей малой родины; 717 (33,6%) респондентов подчеркнули, что испытывают чувство беспокойства за судьбу своего родного города, села (поселка); 135 (6,3%) респондентов заявили, что село (деревня), где они родились, перестало существовать; 247 (11,6%) респондентов высказались о том, что не испытывают особых чувств к своей малой родине; 445 (20,8%) респондентов подчеркнули, что затрудняются с ответом.

На вопрос: «Является ли для Вас малая родина предметом Вашей реальной заботы и внимания?» 412 респондентов (19,3%) заявили, что да, малая родина в полной мере является для них предметом реальной заботы и внимания; 1118 (52,3%) респондентов подчеркнули, что отчасти да, малая родина является предметом их реальной заботы и внимания; 531 (24,8%) респондент заявил, что малая родина не является предметом их внимания.

На вопрос: «Считаете ли Вы, что и в Беларуси следует учредить День малой родины?» 958 (44,9%) опрошенных посчитали, что да, в Беларуси следует учредить День малой родины; 510 (23,9%) респондентов высказались против введения Дня малой родины в Беларуси; 617 (28,9%) респондентов подчеркнули, что затрудняются с ответом.

На вопрос: «Если Вы считаете, что в Беларуси следует учредить День малой родины, то в каком формате?» 656 (30,7%) респондентов заявили, что в Беларуси нужно учредить единый День малой родины для всей республики; 221 (10,4%) респондент высказался за то, чтобы День малой родины для каждой области был учрежден по решению областных советов депутатов; 272 (12,7%) респондента предложили учредить День малой родины для каждой деревни (села), городского поселка, малого города.

На вопрос: «Вы живете в том же городе (селе), где и родились?» 1198 (56,1%) респондентов ответили положительно; 914 (41,8%) респондентов отметили, что не проживают в том же городе (селе), где родились.

На вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили и работали в сельской местности?» только 284 (13,3%) респондента заявили, что да, хотели бы, чтобы их дети жили и работали в сельской местности; 1294 (60,6%) респондента высказались против проживания своих детей в сельской местности.

Таким образом, свыше 60% опрошенных высказались против проживания своих детей в сельской местности и только 13,3% респондентов высказались за то, чтобы их дети жили и работали в сельских регионах.

Как видно из анализа материалов мониторинга, современное белорусское общество характеризуется существенным ростом национального сознания, стремлением сохранить и преумножить национальные и духовные традиции. Поэтому современный период развития белорусского общества отмечен активными процессами становления национальной государственности, поисками новых форм государственных и общественных отношений, формирования новых идеалов и ценностей. Мировой финансово-экономический кризис разрушил многие достижения и поставил перед белорусским государством новые теоретические и практические задачи, в том числе в сфере экономики и политики, социологии и управления.

Одной из важнейших задач в нынешних условиях является определение причин, детерминирующих те или иные негативные процессы и явления, выявление способов их устранения, поддержка заслуживающих внимания инноваций, формирование новых эффективных институтов власти и гражданского общества, моделей рыночной экономики и правового государства. В центре внимания субъектов управления должно постоянно находиться информационное обеспечение социального развития. Наличие полной, своевременной и достоверной информации о процессах, происходящих в различных отраслях и сферах жизнедеятельности белорусского государства, в жизни каждого гражданина, является необходимым условием организации эффективного управления его развитием и совершенствованием. Без этого любое государство, любой народ, любая нация будут оставаться кораблём, который не знает, куда плыть, для которого никогда не будет попутного ветра, не будет гостеприимной и надежной гавани.

2018 год объявлен Годом малой родины. Вокруг этого тезиса должна быть сконцентрирована работа всех, кто переживает за судьбу страны. Каждому необходимо помнить о своих корнях и суметь сохранить ценности, заложенные нашими предками. Через эти ценности можно получить здоровое общество.

Информация об авторе

Сакович Виктор Савельевич (Республика Беларусь, Минск) – доктор исторических наук, заведующий Центром региональной социологии, ГУО «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, ул. Сурганова, 1, корп. 2; (017) 284-18-65; isst@socio.bas-net.by)

Sakovich V.S.

SMALL HOMELAND AS A FACTOR OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH: ANALYSIS OF THE REPUBLICAN SOCIOLOGICAL MONITORING (MAY-JUNE 2018)

Abstract. *The article presents an analysis of the results of the Republican sociological monitoring conducted by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus in May – June 2018. The degree of significance of the concept of a small motherland in the life of Belarusians, their patriotic feelings, values and attitudes are determined.*

Key words: *small homeland, patriotism, patriotic education, sociological research.*

Information about the Author

Viktor S. Sakovich (Minsk, Belarus) – Doctor of History, Head of the Center for Regional Sociology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganov str., Minsk, 220072, Republic of Belarus; (017) 284-18-65; isst@socio.bas-net.by)

УДК 316,4 / ББК 60,56

Салахутдинов А.А.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена трудовому потенциалу молодежи, как основному компоненту человеческого потенциала. Автор анализирует состояние трудового потенциала, проблемы и факторы, влияющие на трудовой потенциал Ленинградской области; приводит опыт работы по развитию трудового потенциала молодежи области.

Ключевые слова. Человеческий потенциал, трудовой потенциал, молодежь, развитие региона, деятельность.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862.

Трудовой потенциал молодежи как компонент человеческого потенциала Ленинградской области актуален как в количественном, так и в качественном отношении. Санкт-Петербург и Ленинградская область являются конкурентами между собой за работников – почти полмиллиона работающего населения Ленинградской области работает в Санкт-Петербурге. Этот фактор неблагоприятно влияет на региональный рынок труда. С учетом того, что в области наблюдается дефицит высококвалифицированных специалистов технических специальностей, особенно на фоне прироста промышленного производства, развития отрасли сельского хозяйства, актуализируются вопросы численности и качества молодежи, представляющие реальный трудовой потенциал области.

С точки зрения качественной составляющей, трудовой потенциал как социальное явление зависит от условий его формирования, выступая как результат конкретных факторов. Впоследствии именно этот результат, наряду с другими, определяет качество человеческого потенциала в целом.

В условиях современной России актуально наличие возможностей реализации трудового потенциала молодежи. Исследователи отмечают обесценение и постепенную деградацию трудового потенциала; недоиспользование трудового потенциала занятой части населения, снижение качества занятости, которая проявляется в частичной и подавленной безработице, невидимой неполной занятости, дополнительных источниках средств к существованию.

Согласно Ереминой Е.В., трудовой потенциал региона, который «в качественном отношении характеризует население на основе совокупности всех качеств»: здоровье, психофизиологический потенциал; объем знаний, трудовые навыки и умения, уровень сознания и ответственность, социальная зрелость, профессиональная и квалификационная

пригодность людей к выполнению работы, таким образом определяет его трудоспособность и является одним из центральных элементов человеческого потенциала [1].

Л.В. Сохань и Е.Г. Слущкий трудовой элемент структуры человеческого потенциала представляют как совокупность конкретных свойств. В трудовом компоненте социального потенциала Л. Сохань выделяет «совокупность профессиональных знаний, навыков, опыта, предприимчивости, мотивационной структуры трудовой деятельности, реальной включённости в трудовой процесс и его результатов, как воплощение трудового потенциала» [2.]. Е.Г. Слущкий трудовой потенциал представляет как «совокупность образовательных, профессиональных, квалификационных и других возможностей человека, как уже готовых к использованию в общественно полезной деятельности, так и ещё не выявленных, имеющих потенциально, но которые могут быть востребованы в сфере трудовой деятельности индивида в будущем» [3].

Способность населения региона выполнять определенный объем физической работы характеризуется долей трудоспособных членов региона.

В ЛО насчитывается, по данным статистического бюллетеня за 2017 год, 491140 молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет. Из общего числа (28,7 тысячи) обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в центр занятости 20,7 тысячи (71,8%) трудоустроены. Наибольший показатель нетрудоустроенной молодежи, обратившейся в службы занятости населения области, относится к возрастной группе от 18 до 29 лет. За 2017 год из 4800 обратившихся а поиске работы трудоустроены 2800 молодых людей [4, с. 5, 6]. При этом в Ленинградской области высокий спрос на рабочие кадры; потребность в кадрах в Ленинградской области в три раза превышает число официально зарегистрированных безработных, 0,3 человека на одну вакансию. В области остро ощущается проблема нехватки квалифицированных кадров инженерных и технических специальностей. В этой ситуации губернатор области не исключает возможность привлечения квалифицированной рабочей силы из других регионов России. Анализ предлагаемых видов работ свидетельствует, что преобладает спрос на работы, не требующие специального образования и высокой квалификации, за исключением инженеров различных специализаций. Отмечается увеличение вакансий для рабочего персонала, представителей профобласти строительства и недвижимости, индустрии туризма (гостиницы и рестораны) и административного персонала. Область предоставляет хорошую возможность реализации трудового потенциала молодежи в развитии крестьянских и фермерских хозяйств в рамках программы «Ленинградский гектар»³³, принятой в 2018 г. По условиям программы земельные участки на три года будут предоставляться в аренду с правом выкупа по истечении срока аренды при успешном развитии хозяйства. Однако, как показывает практика, какой-либо активности со стороны молодежи ехать осваивать новые территории и реализовывать себя в сфере предпринимательства в настоящее время не наблюдается.

При всех положительных тенденциях в области трудового потенциала региона имеются факторы, препятствующие формированию профессиональных, квалификационных возможностей. С одной стороны, несформированность необходимых профессиональных качеств, которая связана с существующим разрывом между качеством выпускаемых специалистов и требованиями производства, ориентированными на инновационные

³³ Программа коснётся Бокситогорского, Лодейнопольского, Подпорожского и Сланцевского районов.

технологии, с другой, низкий инновационный потенциал предприятий, недостаток квалифицированного персонала, отсутствие необходимых средств для профессиональной переподготовки работников. Осознавая эти проблемы и понимая инертность образования, его неспособность быстро перестраиваться на потребности региона, область взяла на себя подготовку необходимых профессиональных качеств у выпускников «для работы на новых станках, на новом оборудовании, с новыми технологиями».

С целью формирования новых, необходимых профессиональных качеств трудового потенциала молодежи область вошла в союз «WorldSkills» для молодых профессионалов и создала региональный координационный центр «WorldSkills» для системы производственного обучения уровне мировых стандартов. На данном этапе идет подготовка строительства «Центра профессиональных компетенций», оснащенного современным инновационным оборудованием. С целью профессионального обучения и переобучения молодежи, в том числе и мастеров производственного обучения в ЛО, на базе нанотехнопарка в Гатчине проектируется открытие единого центра профессионального обучения. Для личного профессионального развития молодежи создаются коворкинг центры с оборудованием современного пространства [5].

Одним из механизмов повышения профессионального потенциала и трудоустройства молодых специалистов является проект «Профстажировки». Замысел проекта заключается в формировании профессиональных компетенций, навыков, умений за время прохождения стажировки в соответствующем учреждении.

Одним из факторов, влияющих на трудовой потенциал в регионе, является миграция. Для Ленинградской области характерна маятниковая миграция (ежедневная), обусловленная трудовой занятостью населения региона в Санкт-Петербурге. Для области в условиях острого спроса, потребности в кадрах это ощутимые потери трудового потенциала, издержки от которых несет, прежде всего, экономика региона.

Область, как благоприятная территория для жизни, возможностей для успешной трудовой деятельности, привлекательна для молодежи регионов России, стран СНГ, зарубежья. Наиболее высокий процент миграционных процессов наблюдается среди молодых людей в возрасте от 25 до 29 лет с высшим образованием. Так, из 14305 человек, прибывших в ЛО в 2017 году, имеют высшее образование 7376, незаконченное высшее – 4326. Из самого большого количества выбывших, относящихся к той же возрастной группе молодежи (9680 тысячи), 4437 с высшим и 3193 – незаконченным высшим образованием. Миграционный прирост составляет 4625 тысяч человек. В возрастной группе от 20 до 24 лет, миграционный прирост составляет 4072 тысячи человек. При 9691 тысяче прибывших, из которых с высшим образованием 7376, с неполным высшим – 3510 тысячи молодых людей, иммигрировали 5619 тысяч человек. При этом молодежи с высшим образованием 1166 и неполным высшим образованием – 3193 тысячи человек. Таким образом, миграционные процессы позволяют восполнять трудовой потенциал региона в численности лишь в пределах 50% к числу уезжающих из Ленинградской области.

Распределение мигрантов ЛО по возрасту и уровню образования в 2017 г.
[6, с. 80, 83]

	Всего / в том числе	Высшее	Незаконченное высшее и среднее специальное	Среднее общее	Другое и не указано
Число прибывших	30872				
14-19	6876	39	760	2181	3896
20-24	9691	2655	3510	2627	899
25-29	14305	7376	4326	1630	973
Число выбывших	20807				
14-19	5508	22	320	1913	3209
20-24	5619	1166	1969	1810	674
25-29	9680	4437	3193	1292	758

Казалось бы, что несоответствие между потребностями и имеющимся трудовым потенциалом молодежи в ЛО возможно решить за счет мигрантов. Однако, по данным статистики, мигранты могут восполнить лишь часть трудового потенциала области по количественному показателю.

Трудовая компонента подразумевает способность к трудовой деятельности как физической возможности и мотивацию к труду. Неоспорима роль молодежи в системе общественного воспроизводства, а именно то, что она является главным трудовым ресурсом общества, обладающим одним из востребованных качеств в любую эпоху – инновационным потенциалом, что может стать мощным фактором развития региональной экономики и возрождения утраченных позиций региона, в том числе и Ленинградской области.

Библиографический список

1. Еремина Е.В. Значение человеческого потенциала в развитии региона // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 5 (13). URL: www.sisp.nkras.ru
2. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А.Зубок и В.И.Чупров. М.: Academia, 2008. 358 с.
3. Ювенология и ювенальная политика в 21 веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования: колл. монография / под ред. Е.Г.Слуцкого. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2004.
4. Возрастно-половой состав населения Ленинградской области на 1 января 2017 года. Статистический бюллетень. Санкт-Петербург, 2017. 111 с.
5. Отчет Губернатора Ленинградской области об итогах деятельности Правительства Ленинградской области в 2017 году. URL: <http://lenobl.ru/governor/doklad/2017>
6. Численность и миграция населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2017 году. Статистический бюллетень. Санкт-Петербург, 2018. 114 с.

Информация об авторе

Салахутдинов Артур Андреевич (Россия, Санкт-Петербург) – магистр социологии, научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (artes_93@mail.ru)

Salakhutdinov A.A.

**THE LABOUR POTENTIAL OF THE YOUTH OF THE LENINGRAD REGION:
PROBLEMS AND MECHANISMS OF DEVELOPMENT**

Abstract. *The article is devoted to the labor potential of young people, as the main component of human potential. The author analyzes the state of labor potential, problems and factors affecting the labor potential of the Leningrad region; leads experience in the development of labor potential of the youth of the region.*

Key words: *human potential, labor potential, youth, development of the region, activity*

References

1. Yeremina E.V. The value of human potential in the development of the region // Modern research of social problems. (Electronic Scientific Journal), № 5 (13). 2012. www.sisp.nkras.ru
2. Sociology of youth. Encyclopedic Dictionary / Ed. Ed. Yu.A. Zubok and V.I. Chuprov. M.: Academia, 2008. p. 358.
3. Juvenology and juvenile policy in the 21st century: the experience of integrated interdisciplinary research / Coll. Monograph / Ed. EG Slutsky. SPb.: Knowledge, IWESEP, 2004.
4. Age – sex composition of the population of the Leningrad region on January 1, 2017. Statistical Bulletin. St. Petersburg, 2017. 111 pages.
5. Report of the Governor of the Leningrad Region on the results of the activities of the Government of the Leningrad Region in 2017. <http://lenobl.ru/governor/doklad/2017>
6. The number and migration of the population of St. Petersburg and the Leningrad region in 2017. Statistical Bulletin. St. Petersburg, 2018. 114 pages.

Information about the Author

Arthur A. Salakhutdinov (St. Petersburg, Russia) – M. A. in sociology, researcher, Saint-Petersburg State University (artes_93@mail.ru)

УДК 316,4 / ББК 60,56

Салахутдинова Р.Х.

**ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА**

Аннотация. В статье дается оценка современному образованию в контексте формирования человеческого потенциала. Раскрываются основные содержательные аспекты человеческого потенциала. Анализируется трансформация функций образования, повлиявших на воспроизводство качества человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, модернизация, концепция образования, институциональные функции, регион, стратегия развития.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00862.

Введение. Человеческий потенциал, будучи одним из аспектов сферы знаний о человеке, в последние десятилетия вновь в фокусе исследовательского внимания как в теоретическом, так и в практическом плане. Нескрываемый интерес к этой области связан с потребностями в новых источниках социально-экономического развития страны и ее регионов в условиях жесткой конкуренции мира капитала, что объективно актуализирует поиск новых концепций и теорий.

Обращение к теме человеческого потенциала в контексте стратегии социально-экономического, инновационного развития обусловлено его свойством, раскрытым О.И. Ивановым: человеческий потенциал – это один из источников человеческой активности, одно из ее средств и ее запасы. В качестве источников, средств, запасов человеческого потенциала автор выделяет физическое, психическое здоровье, общие и специальные знания, навыки и умения, жизненный опыт, жизненные силы, общую и социальную компетентность, нравственность и т. д. [1, с. 37].

Человеческий потенциал, как многоаспектное явление, от которого зависит вектор и интенсивность развития общества, в свою очередь является результатом социально-экономической, культурной политики. Сложившийся в современной России приоритет экономических институтов, недооценка значимости социальных факторов в формировании потенциала как на уровне индивида, так группы и общества в целом, привели к изменениям свойств человеческого потенциала и, прежде всего, качественных характеристик подрастающего поколения. В этой ситуации образование, имеющее в своем арсенале всю совокупность необходимых знаний, средств, возможностей для формирования необходимого субъекта общественного развития, позитивных общественных перемен, становится объектом критического анализа со стороны представителей научной общественности на предмет современной парадигмы образования.

Вопросы методологии. В научной литературе не сложилось единого понимания в подходах к трактовке человеческого потенциала. Одни рассматривают потенциал в контексте потребности и способности людей, другие – способности и готовности безотносительно того, какие конкретно потребности, способности имеются в виду и о какой готовности идет речь.

По одному из определений Т.Н. Заславской человеческий потенциал – это «готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами» [2, с. 10]. О.И. Иванов считает, что оба понятия «*готовность и способность*» в определении Т.Н. Заславской необходимо включить в базовые понятия теории человеческого потенциала, при этом назвав «*способности*» ядром потенциала («определяет мощность человеческого потенциала», (potential, от латинского – сила, мощность). Основу характеристики человеческого потенциала, по мнению О.И. Иванова, составляет *деятельностный* подход. В рамках данного подхода в качестве базовых он выделяет «систему потребностей, способностей и готовностей индивидов и общностей к выполнению социально необходимых деятельностей, социальных ролей и функций» [1, с. 37].

К основным терминам, раскрывающим сущность и содержание человеческого потенциала, относятся: субъекты, структура, агенты формирования потенциала; общие и специфические системы потребностей, качество человеческого потенциала; динамика человеческого потенциала – его возникновение, формирование, изменение,

функционирование, использование, исчезновение; деформации, деградации человеческого потенциала.

Согласно В.А. Лапшину, к основным элементам человеческого потенциала относятся «инновационный, интеллектуальный и культурный типы потенциала». [3, с. 261]. В качестве базовых компонентов структуры человеческого потенциала выделяют демографический, здоровье, образовательный, трудовой, культурный.

Следует сказать, насколько и в какой степени человеческий потенциал, отдельные его компоненты могут быть использованы, реализованы как субъект социокультурных перемен, зависит от внешних, созданных для этого условий, механизмов привлечения носителей этого потенциала в созидательную деятельность и внутренних субъективных факторов, которые, при определенных обстоятельствах, могут остаться нераскрытыми.

Содержание. Модернизация образования, приобретшая характер перманентно изменяющейся образовательной концепции, привела к трансформации либо к ликвидации совокупности, исторически сложившихся, институциональных функций образования (деинституционализация образования). Перейдя в статус сферы услуг, образование (некогда общественное благо) перестало способствовать выполнению функции сохранения и воспроизводства позитивных системных качеств общества, решая собственно свои внутренние задачи, перестав реагировать на существующие реальные потребности страны и регионов. Необратимым последствием для российского общества стало, как показывает сегодняшняя практика, разрушение функции формирования человеческого потенциала (социализация личности, сохранение и укрепление физического здоровья, интеллектуальное и нравственное развитие в процессе образования). Осуществление реформы не только высшей школы, но и всей системы образования в целом сопровождается выхолащиванием главного предназначения образовательного компонента социального развития – формирования культуры.

Уничтожение ценностно-культурных функций образования привело к потере среды социализации личности обучающегося посредством усвоения норм и ценностей, социального опыта, транслируемого старшим поколением. В системе современного образования в целом не обозначено понятие «преемственность» ни в сфере научной деятельности (разрушаются научные школы), ни в педагогике, ориентированной ныне на дистанционное обучение через онлайн курсы с постепенным внедрением цифровых технологий. Таким образом, появившийся посредник в образовательном процессе с узкой задачей передачи информации, вытесняющий преподавателя в статус обслуживающего образовательный процесс, несет с собой огромные социальные риски, сопряженные с понятием формирования человеческого потенциала молодежи.

Одной из причин наблюдающегося за последние десятилетия снижения социально-культурного потенциала в целом россиян, по мнению Т.Н. Заславской, является разрушение «государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры» [2].

Невосполнимые потери от трансформации образования, а вместе с ней и уничтожение региональной функции образования, понесли регионы [4]. Прежде всего, негативные последствия коснулись тех регионов, где отраслевые вузы и развитие различных отраслей народного хозяйства были не только тесно взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Взаимозависимость служила мощнейшим стимулом подготовки практиков-специалистов,

способствуя формированию своих собственных научных кадров, исследователей, научных школ. Такая практика являлась для региональной власти, с одной стороны, мотивацией для воспроизводства и развития сектора экономики, в котором специализировался регион, с другой, механизмом сохранения и закрепления кадров на местах, прежде всего молодежи. Сформированные некогда эффективные механизмы сохранения и воспроизводства особого социального слоя – интеллигенции, элиты, работников производства и сельского хозяйства, кадрового потенциала региона, в новых экономических условиях и технологиях социального лифта, подготовки кадрового резерва и формирования социальной структуры общества, остались за затворками истории. Сегодня, в условиях постоянных изменений парадигмы образования, наблюдается растущий разрыв между качеством подготовки специалистов и запросом реального сектора экономики, требованиями общества, заданными стратегией развития России и ее регионов.

Основное противоречие между системой образования и обществом заключается в том, что по инерции, возможно и по праву, от образовательных учреждений общественность ожидает результаты реализации социальных функций: формирование всесторонне развитой личности. Ожидания обоснованы тем, что, разрушая образование как социальный институт формирования человеческого потенциала, обществу не была представлена альтернатива. Освободившееся пространство заполнили технологии, ориентированные на одаренных учащихся и молодежь, на наиболее активную ее часть, таким образом, создав среду успешной социализации для определенной категории детей и молодежи, способной продвигать науку, составить кадровый резерв, а значит представлять ценный человеческий потенциал в интересах экономики. Это своего рода селекция детей в реальности является фактором углубления неравенства среди подрастающего поколения, в недалеком будущем и взрослого населения.

О негативных последствиях отсутствия целостной концепции среды социализации, прежде всего в образовательном пространстве, свидетельствует неблагоприятная статистика о детях и молодежи, не способных интегрироваться в социум с результатами стихийной социализации. Подтверждением тому проявляющиеся в различных формах поведения рост девиации, протестных настроений, агрессивности; конфликтных ситуаций в системе школьного образования как показатель наличия разрыва в системе отношений преподаватель – ученик; инфантилизация, отчуждение молодежи, в том числе дипломированной, от общества и общественной жизни в форме ухода от реальности (эскапизм) и множество иных дисфункций. Таким образом, в условиях сегодняшней концепции образования большая часть человеческого, в том числе и демографического потенциала, регионы и страна в целом теряют в образовательном процессе, на который приходится самый хрупкий, поддающийся формированию, возрастной период.

Заключение. Ориентация образования исключительно на международные стандарты на практике привела к вторичности реальных социальных запросов общества. Трансформированное образование на всех уровнях, ориентированное на интересы бизнеса, в целом осталось в форматах выполнения формальных функций – продолжения структуризации. Для сегодняшней России главная цель – преодоление тенденции к снижению человеческого потенциала и укрепление жизнеспособности общества, для достижения которой необходимо содействовать развитию не только отдельных компонентов потенциала,

представляющихся основополагающими, но и всех компонентов человеческого потенциала России.

Библиографический список

1. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН, СПбГУ. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 336.
2. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе. С. 20,15.
3. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 259-263.
4. Салахутдинова Р.Х. Трансформация высшего образования современной России: к методологии анализа // Социальные вызовы модернизации регионов России: материалы II Тюменского социологического форума. 28-29 июня 2011 г. / под ред. М.М. Акулич, Г.С. Корепанова, В.А. Юдашкина: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 364 с. С. 230-235.

Информация об авторе

Салахутдинова Резида Халяфудиновна (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (rezeda_soc@mail.ru)

Salakhutdinova R.Kh.

PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF MODERN EDUCATION IN THE FORMATION OF HUMAN POTENTIAL

Abstract. *The article assesses modern education in the context of the formation of human potential. The main substantive aspects of human potential are revealed. The transformation of educational functions that influenced the reproduction of the quality of human potential is analyzed.*

Key words. *Human potential, modernization, education concept, institutional functions, region, development strategy.*

References

1. Ivanov OI Human potential (formation, development, use) / IEPRAN. SPSU. SPb.: Scythia-print, 2013, p. 37. P. 336.
2. Zaslavskaya T.I. Human potential in the modern transformation process. Page 5-16. Published on the portal 19-04-2005.
3. Lapshin V. A. Structural components of human potential // Knowledge. Understanding. Skill. 2013. No. 1. P. 259-263.
4. Salakhutdinova R.Kh. Transformation of higher education in modern Russia: towards an analysis methodology // Social Challenges of Modernizing Russia's Regions: Proceedings of the 2nd Tyumen Sociological Forum. June 28-29, 2011 / ed. M.M. Akulich, G.S. Korepanova, V.A. Yudashkina: at 2 pm. Part 2. Tyumen: Tyumen State University Press, 2011. 364 p. Page 230-235.

Information about the Author

Rezida Kh. Salakhutdinova (St. Petersburg, Russia) – Ph.D. in Sociology, assistant professor, Saint Petersburg State University (rezeda_soc@mail.ru)

Симагин Ю.А.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Аннотация. В статье проанализирована динамика численности населения регионов Европейского Севера за последние годы на уровнях субъектов РФ и муниципальных образований. Показано, что демографическая ситуация в северных регионах значительно хуже среднероссийской, и выявлены факторы, определяющие такую ситуацию.

Ключевые слова: динамика численности населения, рождаемость, смертность, миграции, муниципальные образования, депопуляция.

В течение двух с половиной десятилетий Россия переживает затяжной демографический кризис, который негативно влияет на все аспекты социально-экономического развития страны. За период 1993–2009 гг. численность населения России сокращалась за счет превышения естественной убыли над положительным сальдо миграций. В 2010–17 гг. наблюдалось увеличение численности населения страны в основном за счет миграционного прироста, но также из-за небольшого естественного прироста населения в 2013–15 гг. и за счет воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. В итоге по состоянию на 1 января 2018 года численность постоянного населения Российской Федерации составила 146880,4 тыс. человек [1]. Но значение показателя суммарного коэффициента рождаемости меньше 2, низкие относительно большинства стран мира значения средней ожидаемой продолжительности жизни говорят о том, что демографический кризис в стране с начала 1990-х гг. не прекращался.

Особенно негативной ситуация выглядит в территориальном разрезе. В значительной части регионов России неуклонное сокращение численности населения наблюдается уже более трех десятилетий. И одними из «антилидеров» в этом процессе являются субъекты Российской Федерации, расположенные на Европейском Севере страны, в состав которого обычно включают пять регионов – это республики Карелия и Коми, области Архангельская (включая Ненецкий автономный округ), Вологодская и Мурманская. Данные о динамике численности населения этих территорий с момента всеобщей переписи населения страны 2010 года в сравнении с общероссийскими показателями представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика численности населения регионов Европейского Севера России

Регион	Численность населения в 2010 г., тыс. чел.*	Численность населения в 2018 г., тыс. чел.**	Динамика численности населения за период 2010-18 гг., %
Республика Карелия	643,5	622,5	-3,3
Республика Коми	901,2	840,9	-6,7
Архангельская область, включая Ненецкий АО	1227,6	1155,0	-5,9
Вологодская область	1202,4	1176,7	-2,1
Мурманская область	795,4	753,6	-5,3
Российская Федерация в целом в границах 2010 г.	142856,5	144530,0	+1,2

Источник: [1].

* – на момент Всероссийской переписи населения 2010 г., ** – на 1 января 2018 г.

Видно, что направления динамики численности населения регионов Европейского Севера и остальной территории России в последние годы противоположны. При этом указанные цифры укладываются в значения «слабой депопуляции», так как составляют менее 1% в среднем за год [2, с. 122]. Это, безусловно, негативное явление, пусть и характерное для значительной доли субъектов Российской Федерации. Хотя демографические рейтинги большинства регионов Европейского Севера значительно хуже среднероссийских [3, с. 49-67]. А при рассмотрении ситуации на уровне муниципальных образований ситуация оказывается еще более проблемной.

Анализ демографических тенденций на уровне муниципальных образований первого порядка (городских округов и муниципальных районов) за период 2010–16 гг. позволяет провести сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН база данных «Муниципальная Россия» [4]. Оказывается, что «сильная депопуляция» [2, с. 122] со значением более 2% в среднем за год характерна для почти 2/5 муниципальных образований Европейского Севера, тогда как в целом по России таких лишь около 15% (табл. 2). Фактически «сильная депопуляция» ведет к почти полному исчезновению населения на той или иной территории уже в среднесрочной перспективе в течение ближайших 20–30 лет. И эта тенденция характерна почти для половины площади Европейского Севера России. В этом отношении ситуация близка только в регионах Дальневосточного федерального округа страны, где доля муниципальных образований первого уровня с «сильной депопуляцией» превышает 1/5 [5].

Таблица 2. Распределение муниципальных образований по группам в зависимости от динамики численности населения за период 2010–16 гг.

Характеристика муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов)	Группы муниципальных образований по динамике численности населения			Всего
	«Сильная депопуляция» (более 2% в год)	«Слабая и средняя депопуляция» (до 2% в год)	Рост численности населения	
Количество в Российской Федерации, единиц	361	1457	510	2328
Доля от всех образований первого уровня, %	15,5	62,6	21,9	100,0
Количество на Европейском Севере, единиц	42	54	15	111
Доля от всех образований первого уровня, %	37,8	48,6	13,6	100,0

Источник: [3].

При этом демографическая ситуация на Европейском Севере имеет значительные отличия от дальневосточной, где сокращение численности населения происходит в основном за счет интенсивного миграционного оттока жителей при положительном естественном приросте за счет «молодой» возрастной структуры населения. Тогда как на Европейском Севере, как правило, сочетаются естественная убыль населения из-за «старой» возрастной структуры населения и отрицательное сальдо миграционных потоков (табл. 3). В перспективе такое соотношение может иметь более негативное влияние на динамику численности

населения, так как в настоящее время с Европейского Севера уезжает в основном молодежь, что ведет к «постарению» населения и росту естественной убыли.

Таблица 3. Доля муниципальных образований с разными значениями составляющих динамики численности населения в 2016 году, %

	Естественный прирост		Сальдо миграций	
	отрицательный	положительный	отрицательное	положительное
Республика Карелия	88,9	11,1	94,4	5,6
Республика Коми	60,0	40,0	90,0	10,0
Архангельская область, включая Ненецкий АО	82,1	17,9	92,9	7,1
Вологодская область	92,6	7,4	33,3	66,7
Мурманская область	64,7	35,3	94,1	5,9
Северо-Западный ФО	87,2	12,8	75,8	24,2
Российская Федерация в целом в границах 2010 г.	71,9	28,1	70,6	29,4

Источник: [4].

При этом, как видно из данных таблицы 3, среди регионов Европейского Севера при типичности общего соотношения отрицательных показателей естественного и миграционного движений населения имеются и определенные отличия. Так, для муниципальных образований самой южной в рассматриваемом макрорегионе Вологодской области характерен миграционный прирост при самой большой доле муниципалитетов с естественной убылью населения. Наиболее сложная ситуация наблюдается в Республике Карелия, где в 9/10 муниципальных образований первого уровня сочетаются естественная убыль населения и отрицательное сальдо миграций, что хуже чем не только по Российской Федерации в целом, но и среди субъектов Северо-Западного федерального округа страны.

Сами быстрыми темпами (более чем на 15% фактически за 5 лет с момента Всероссийской переписи населения 2010 года до начала 2016 года) сокращалась численность населения на Европейском Севере России в депрессивных моноотраслевых ресурсодобывающих городских округах Республики Коми (Инта, Воркута, Вуктыл), а также в самых «глубинных» сельских муниципальных районах Республики Карелия и Архангельской области (Калевальский, Лоухский, Верхнетоемский). Если для стратегического развития соответствующих субъектов Российской Федерации необходимо сохранение этих муниципальных образований, требуется разработка специальных программ их социально-экономического развития, но это может быть очень затратным в финансовом и материальном аспектах

Способствует сокращению численности населения тенденция ликвидации муниципальных образований, что ведет к исчезновению учреждений разных секторов сферы обслуживания (образования, здравоохранения и др.) и, соответственно, увеличению миграционного оттока населения [6]. Так, с начала 1990-х гг. на Европейском Севере по разным причинам были упразднены 83 поселка городского типа. Прекращение подобных муниципально-территориальных преобразований могло бы без дополнительных финансовых затрат способствовать стабилизации численности населения и социально-экономическому развитию регионов Европейского Севера России.

Библиографический список

1. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.10.2018).
2. Демографическая статистика: учебник / колл. авторов. М.: КНОРУС, 2010. 480 с.
3. Народонаселение современной России: риски и возможности. М.: Экономическое образование, 2013. 278 с.
4. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленикова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.
5. Симагин Ю.А. Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне. // Народонаселение. 2018. № 1. С. 60-69.
6. Симагин Ю.А. Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения. // Народонаселение. 2013. № 4. С. 87-93.

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Россия, Москва) – кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; +74951290801; yas63@yandex.ru)

Simagin Yu.A.

PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Abstract. *The article analyzes the dynamics of the population of the regions of the European North in recent years at the levels of subjects of the Russian Federation and municipalities. It is shown that the demographic situation in the northern Russian regions is much worse than the average and the factors that determine this situation are identified.*

Key words: *population dynamics, fertility, mortality, migration, municipalities, depopulation.*

References

1. Rosstat official website. Available at: URL:<http://www.gks.ru/> (Accessed: 10.10.2018).
2. Demographic statistics: textbook. / group of authors. Moscow: KNORUS, 2010. 480 p.
3. Population of modern Russia: risks and opportunities. Moscow: Economic education, 2013. 278 p.
4. Database "Municipal Russia". The authors and copyright holders: Patsiorkovski V. V., Kolesnikova O. A., Simagin Yu.A. State registration number: RU 2014620760 from 27.05.2014.
5. Simagin Yu.A. Territorial spread of strong depopulation in Russia at the municipal level. // Population. 2018. № 1. P. 60-69.
6. Simagin Yu.A. Russian Municipal formations: problems of formation and prospects of change. // Population. 2013. № 4. P. 87-93.

Information about the Authors

Yuriy A. Simagin (Moscow, Russia) – Ph.D. in Geography, Associate Professor, Head of Laboratory of Institute for Socio-Economic Studies of the Population, Russian Academy of Science (32, Nakhimovskii av., Moscow, 117218, Russian Federation; +74951290801; yas63@yandex.ru)

Смолева Е.О.

СОЦИАЛЬНАЯ УЯЗВИМОСТЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме социальной уязвимости населения в трудовой сфере. Определены особенности положения инвалидов, пожилых людей, многодетных родителей и молодых специалистов. Выделены барьеры активной трудовой деятельности, выявлены различия во взглядах населения регионов Северо-Западного федерального округа.

Ключевые слова: социально уязвимые группы, рынок труда, молодые специалисты, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи

Основным направлением социальной политики государства является поддержка уязвимых групп населения. В экономических концепциях социальную уязвимость населения определяют через уровень доходов и накопленного имущества. Стратификация регионального сообщества по уровню среднедушевого дохода предполагает отнесение к низшим экономическим слоям тех граждан, чей среднедушевой доход не превышает минимального потребительского бюджета, величина которого устанавливается Правительством Российской Федерации. К недостаткам экономического подхода можно отнести то, что уровень среднедушевого дохода не является достоверным критерием бедности, а получение надежных сведений об имущественном положении граждан является довольно сложной проблемой.

В соответствии с другим подходом к социально уязвимым относят категории населения, чье положение в обществе можно охарактеризовать через понятие социальной эксклюзии, т. е. ограничение доступа к благам, ресурсам, правам. Чаще всего в качестве основных факторов эксклюзии ученые выделяют временную или постоянную нетрудоспособность [4], возраст [1, 2] и другие характеристики, связанные с невозможностью осуществления индивидом трудовой деятельности и потерей в связи с этим источника средств существования [3, с. 23].

Для изменения положения отдельных групп населения на рынке труда необходимо выявить барьеры активизации их трудовой деятельности. Нами были выделены следующие категории социально уязвимого населения: население предпенсионного и пенсионного возраста; инвалиды; молодые специалисты; многодетные семьи.

Целью исследования явилось изучение общественного мнения в отношении положения социально уязвимых категорий населения в трудовой сфере на примере Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Социологический опрос проводился в 2016 и 2017 гг. на региональной выборке (Вологодская область, Республика Карелия, Мурманская область, Калининградская область, Новгородская область). Выборка составила 3101 чел., ошибка выборки не более 5%.

По результатам опросов население СЗФО считает уязвимыми на рынке труда в первую очередь пенсионеров (88% респондентов придерживаются этого мнения) и инвалидов (83%). Значительно реже такое мнение высказывается в отношении многодетных родителей (60%) и молодых специалистов (53%). В Калининградской области преобладает мнение о том, что данные категории населения испытывают сложности в процессе поиска работы, подвержены

дискриминации. Ее жители согласны с этим утверждением в 90% случаев в отношении инвалидов и пенсионеров, 81% – многодетных родителей, 66% – в отношении молодых специалистов. В других регионах, участвующих в опросе, только половина (50% в Республике Карелия) или чуть больше (53% в Новгородской области, 56% – Мурманской и 59% – Вологодской областях) жителей согласны с утверждением об уязвимости в трудовой сфере представителей многодетных семей. Значительно реже по сравнению с инвалидами и пенсионерами считают, что подвергаются дискриминации на рынке труда молодые специалисты: 39% жителей Новгородской области согласны с этим утверждением, 52% жителей Вологодской, Мурманской областей и Республике Карелия.

Жители Вологодской области (71% респондентов) реже, чем жители Калининградской (89%), Мурманской (81%) и Новгородской областей (79%), считают пенсионеров социально уязвимыми на рынке труда. Это мнение сочетается с оценками населения области стереотипных высказываний относительно трудовой занятости пенсионеров. Так, жители данного региона реже, чем остальные, согласны с утверждением, что «не следует отправлять на «заслуженный отдых» человека, желающего трудиться по достижении пенсионного возраста» (60% выразили согласие против 70% по СЗФО). Также жители области меньше других выражают сочувствие тем, кого вынуждают работать на пенсии (только 55% в сравнении с 64% по общей выборке). Одновременно население области чаще других думает, что пенсионеры только занимают рабочие места и мешают продвижению молодых (40% против 36% по общей выборке). Треть жителей региона отмечают негативное отношение к пожилым людям со стороны работодателей и отсутствие подходящих вакансий.

Среди жителей Республики Карелия также только 71% согласны с уязвимостью пенсионеров на рынке труда. Однако это мнение сочетается у них с ярко выраженным согласием, что «не следует отправлять на «заслуженный отдых» человека, желающего трудиться по достижении пенсионного возраста» (77% выразили согласие) и сочувствием к тем, кого вынуждают работать на пенсии (74%). Каждый третий житель области думает, что пенсионеры только занимают рабочие места и мешают продвижению молодых (35%). Однако жители этого региона чаще убеждены, что работодатель при прочих равных условиях отдаст предпочтение более опытному сотруднику, невзирая на его возраст (66% согласны с этим высказыванием). Только 36% жителей региона отмечают негативное отношение к пожилым людям со стороны работодателей и 28% – отсутствие подходящих вакансий. По всей видимости, население Республики Карелия выше по сравнению с другими регионами оценивает положение пенсионеров на рынке труда.

Большинство населения СЗФО относит инвалидов к социально уязвимым группам на рынке труда, 43% думает, что работодатели платят инвалидам меньшую зарплату по сравнению с обычными работниками за выполнение работ одинаковой сложности. При этом практически половина (55%) респондентов убеждены, что при желании работать наличие инвалидности не мешает построить успешную карьеру. Жители Вологодской области реже по сравнению с другими регионами считают, что сегодня инвалидность не является непреодолимым барьером при трудоустройстве (46% придерживаются данного мнения), а наличие качественного образования и высокой квалификации не обеспечивает конкурентных преимуществ при трудоустройстве (58% респондентов по сравнению с 63% по общей выборке). Одновременно в регионе распространено мнение, что инвалиды не могут построить

успешную карьеру (среди 53% жителей Вологодской области) и работодатели платят им меньшую зарплату (50%).

Два из трех жителей СЗФО (65%) не согласны, что многодетные родители имеют преимущество на рынке труда, так как обладают большей социальной ответственностью (в Республике Карелия 52% в отличие от остальных регионов). Еще одной проблемой многодетных родителей на рынке труда, по мнению населения СЗФО, является то, что они много времени (в том числе и рабочего) уделяют личным делам и не готовы работать сверхурочно (44% выразили согласие с этим утверждением). В Новгородской области только каждый третий согласился с подобным высказыванием (34%). Негативное отношение работодателей более уверенно связывают с частыми больничными многодетных родители жители Калининградской (74%) и Мурманской областей (71%), несколько реже – в других регионах (до 60%).

Что мешает рассматриваемым категориям населения активно включиться в трудовую деятельность?

По мнению населения СЗФО, в отношении пожилых людей чаще всего действуют внутренние установки, обусловленные сложившимися внешними обстоятельствами, а именно, устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу (отмечают 43% респондентов) по причине одиночества и отсутствия поддержки (43%). Также свою роль играют внешние обстоятельства: негативное отношение со стороны работодателей (37%), отсутствие подходящих вакансий (35%). Из личных качеств пожилых людей в качестве барьеров трудоустройства выделяют нежелание менять привычный образ жизни (35%). Про отсутствие подходящих вакансий чаще, чем в других регионах, высказываются жители Новгородской области (43% респондентов), реже – Республики Карелия (28%). Одновременно общественное мнение в этом регионе основным препятствием активной трудовой деятельности пожилых людей считает их нежелание менять привычный образ жизни (53%). А жители Калининградской области дополнительно выделяют зависимость от чужого мнения, причем в два раза чаще, чем в других регионах (31% против 15–16%).

По мнению населения СЗФО, для инвалидов препятствием к активной трудовой деятельности являются устоявшиеся убеждения в отсутствии своей нужности обществу (60%), подкрепляемые внешними обстоятельствами: негативным отношением со стороны работодателей (50%), отсутствием подходящих вакансий (50%), несправедливостью, социальным неравенством (48%), одиночеством и отсутствием поддержки (48%). По своим установкам в отношении инвалидов на рынке труда выделяются жители Калининградской области. Они чаще других говорят об отсутствии вакансий (57%), а реже – о неспособности к самостоятельному отстаиванию своих прав и интересов (36% против 43% среди населения СЗФО или, например, 47% среди жителей Новгородской области).

Относительно барьеров активной трудовой деятельности представителей многодетных семей общественное мнение высказывалось более сдержанно. Чуть больше трети респондентов (36%) обращало внимание на негативное отношение со стороны работодателей, чуть меньше трети говорило об излишней надежде на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них (31%) и социальном неравенстве (29%). Каждый четвертый (26%) отмечает отсутствие подходящих вакансий для многодетных родителей, каждый пятый (21%) – неумение использовать предоставляемые возможности. Четыре

региона на первое место ставят барьер в виде негативного отношения со стороны работодателей, но разброс доли респондентов, высказавших это мнение, составляет 20 пп. (от 30 в Новгородской области до 50% в Республике Карелии). Жители Калининградской области ставят негативное отношение работодателей на четвертое место в рейтинге барьеров трудовой активности после отсутствия подходящих вакансий (35%), несправедливости, социального неравенства (34%), надежды на «доброе дядю», решающего проблемы (33%).

В качестве барьеров трудовой активности для молодых специалистов более половины населения СЗФО (56%) определяет неразвитость профессиональных навыков, около половины (47%) – отсутствие подходящих вакансий, каждый третий (31%) – негативное отношение со стороны работодателей. На последний пункт чаще других ссылаются жители Калининградской области (41%), реже других – Новгородской области (24%). Среди внутренних установок и личных качеств молодых специалистов препятствиями трудовой активности являются, по мнению населения СЗФО, неумение использовать предоставляемые возможности (35%), лень, неприспособленность к жизни, излишняя надежда на «доброе дядю», который должен отстаивать их интересы, заботиться о них (31%).

Итак, можно выделить общие для всех регионов положения, отражающие уязвимость на рынке труда. Жители СЗФО считают уязвимыми на рынке труда в первую очередь инвалидов и пенсионеров. У населения имеется четкое представление о внешних барьерах трудовой активности для этих категорий: отсутствие подходящих вакансий; негативное отношение со стороны работодателей; несправедливость, социальное неравенство. Среди барьеров трудовой активности молодежи и многодетных родителей, по мнению населения СЗФО, большее значение приобретают внутренние барьеры, отражающие характеристики личности.

В то же время наблюдаются и различия во взглядах региональных сообществ. Жители Калининградской области чаще заявляют, что данные категории населения испытывают сложности в процессе поиска работы. Они полагают, что отсутствие вакансий оказывает наибольшее влияние на трудовую занятость инвалидов, а на молодых специалистов – негативное отношение работодателей. При этом население Калининградской области, хотя и убеждено в негативном отношении к многодетным родителям, не считает это первостепенной причиной отсутствия трудовой активности.

Особенностью взглядов населения Вологодской области является более сдержанное отношение к уязвимости пенсионеров на рынке труда. Они меньше других выражают сочувствие тем, кого вынуждают работать на пенсии, и чаще других думает, что пенсионеры только занимают рабочие места и мешают продвижению молодых.

А вот население Республики Карелия выше по сравнению с другими регионами оценивает положение пенсионеров на рынке труда. Одновременно общественное мнение в этом регионе основным препятствием активной трудовой деятельности пожилых людей считает их нежелание менять привычный образ жизни. И в целом жители Республики Карелия реже высказываются про отсутствие подходящих вакансий.

Население Мурманской области проявляет большую расположенность к группе пенсионеров: высокая доля жителей, считающих, что не следует отправлять на заслуженный отдых человека пенсионного возраста, и самая низкая доля жителей, считающих, что

пенсионеры мешают продвижению молодых. Эта позиция дополняется мнением о высоких зарплатных притязаниях молодежи, что является препятствием их трудоустройству.

Про отсутствие подходящих вакансий чаще, чем в других регионах, высказываются жители Новгородской области. Отличительным является мнение населения региона о дискриминации на рынке труда молодых специалистов: жители реже других высказывают убеждение в уязвимости этой группы на рынке труда и негативном отношении к ним со стороны работодателей.

При подготовке мероприятий по включению рассматриваемых групп в социально-трудовую сферу следует учитывать региональную специфику наравне с общими предложениями по Северо-Западному федеральному округу.

Библиографический список

1. Клепикова Е.А., Колосницyna М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1 . С. 69-88.
2. Маллаева М.И., Хаджалов Х.М. Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 5. С. 21-25.
3. Мальцева Е.В. Социально уязвимые категории населения на рынке труда и организация их социальной защиты: дис. ... канд. эк. наук. М., 2001. 25 с.
4. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-83.

Информация об авторе

Смолева Елена Олеговна (Россия, Вологда) – научный сотрудник лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; riolenas@rambler.ru)

Smoleva E.O.

SOCIAL VULNERABILITY IN THE LABOR MARKET: EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. *The article is devoted to the problem of social vulnerability of the population in the labor sphere. The peculiarities of the situation of disabled people, elderly people, parents with many children and young specialists are determined. Barriers of active labor activity are identified, differences in views of the population of the regions of the North-West Federal District are revealed.*

Key words: *socially vulnerable groups, labor market, young specialists, pensioners, disabled people, large families.*

References

1. Klepikova E.A., Kolosnitsyna M.G. Aidzhizm in the Russian labor market: discrimination in wages // Russian Journal of Management. 2017. Т. 15. № 1. Pp. 69-88.

2. Mallaeva M.I., Khadzhalov Kh.M. Methodical approaches to the definition of objects of social protection of the population // Bulletin of the Dagestan State University. 2011. Issue. 5. P. 21-25.

3. Maltseva E.V. Socially vulnerable categories of the population in the labor market and the organization of their social protection: dis. ... cand. eq. sciences. M., 2001. 25 p.

4. Tikhonova N.E. Phenomenon of social exclusion in the conditions of Russia // The World of Russia. 2003. № 1. P. 36-83.

Information about the Author

Elena O. Smoleva (Vologda, Russia) – Researcher of the Laboratory for the Study of Social Processes and Public Administration Efficiency, Federal State Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; riolenas@rambler.ru)

УДК 93/94

Соколова Т.Л.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: НА МАТЕРИАЛАХ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье анализируется отражение такого явления общественно-политической жизни, как социально-политический протест на страницах региональных общественно-политических изданий на материалах Вологодской области в период 1985–1993 годов. Автор сравнивает деятельность печатных СМИ по отражению социальных протестов в период перестройки российского общества и деятельность современных средств массовой информации.

Ключевые слова: социальный протест, общественная жизнь, перестройка, средство массовой информации.

В последнее десятилетие главным лозунгом правительства России является «стабильность». Вместе с тем, несмотря на все усилия власти по поддержанию «стабильности», российское общество периодически сотрясают митинги оппозиционных сил, экологические протесты, выступления обманутых дольщиков. Наибольший политический резонанс за последнее десятилетие вызвало обсуждение и принятие законопроекта о пенсионной реформе. Массовые политические выступления граждан России, начавшиеся после появления 14 июня 2018 года законопроекта о пенсионной реформе, проходили в форме интернет-акций и уличных протестов. Основное требование – отказ от изменений пенсионного законодательства, также звучали призывы к отставке правительства и президента, инициировавших провокационную реформу. Примечательно, что имело место замалчивание ведущими российскими СМИ масштаба протестов и степени возмущения граждан планами реформаторов. Вместе с тем практически все крупнейшие мировые издания поместили в своих выпусках информацию о митингах и арестах в России. В связи с этим обращение к историческому опыту взаимодействия власти, СМИ и общества в период проявления социальной активности населения на отдельно взятой территории является, на

наш взгляд, чрезвычайно актуальным. С конца 1980-х гг. российские трудящиеся начали активно использовать забастовки и митинги как средство разрешения трудовых споров и конфликтов. Стремительно возродившись, забастовочное движение в РФ по сравнению со странами Запада, по мнению большинства социологов, имеет достаточно высокую активность.

Понятие «социально-политический протест» охватывает широкий круг явлений. К социально-политическому протесту можно отнести и неприятие каких-то отдельных сторон общественно-политической жизни, и возмущение существующими порядками и институтами власти в целом, и выступления против определенных тенденций в их политике [1, с. 25]. В настоящей статье под социально-политическим протестом понимаются такие явления общественно-политической жизни как: политические собрания, митинги, забастовки. В исследовании рассматривается отражение вышеуказанных явлений на страницах областных, городских и районных общественно-политических газет Вологодской области с начала перестроечных процессов и до 1993 года включительно. Автором проанализированы следующие издания: областные газеты «Красный Север», «Русский Север», «Вологодский комсомолец», газеты областного центра и других крупных городов: «Вологда», «Вологодские новости», «Коммунист», «Речь» (г. Череповец), «Советская мысль» (г. Великий Устюг), «Сокольская правда» (г. Сокол). Из 24 районных периодических изданий Вологодской области рассмотрены 3 газеты: «Авангард» (Никольский район), «Красное знамя» (Вытегорский район), «Сельская правда» (Грязовецкий район). Всего – 12 изданий.

Конституция СССР 1977 г. гарантировала гражданам СССР свободу собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. В Советском государстве традиционными являлись демонстрации, приуроченные к празднику Труда 1 мая и очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Демонстрации проходили во всех городах и населенных пунктах, поэтому газеты всех уровней посвящали этим событиям целые полосы или номера, где публиковались репортажи корреспондентов с мест событий. Из года в год публикации на данную тему носили однотипный торжественный характер. Целью политических митингов, проходивших в Советском государстве, как правило, являлась поддержка курса партии, внешней политики государства и так далее.

С началом процессов демократизации в 1988 г. указом Верховного Совета СССР «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» были разрешены неофициальные митинги, демонстрации и шествия [4]. Согласно указу, право на организацию и проведение митинга имели уполномоченные трудовых коллективов предприятий, учреждений и организаций, органов кооперативных и иных общественных организаций, органов общественной самодеятельности и отдельных групп граждан с разрешения исполнительных комитетов.

Один из первых митингов, проведенных в Вологодской области и попавших на страницы местных изданий, состоялся в апреле 1989 г. в г. Череповце. Подготовка митинга началась в феврале 1989 г. экологическим клубом г. Череповца и выражалась в систематических публикациях в газете «Коммунист», «круглых столах» с читателями, встречах с общественностью. Целью митинга являлось привлечение внимания к экологической проблеме. В газетах «Красный Север» и «Коммунист» митинг рассматривался как следствие возросшей общественной активности населения, пробужденной перестройкой [9]. Однако уже в мае этого года в материале «Красного Севера» о политическом митинге,

прошедшем в Вологде по инициативе горкома ВЛКСМ и политклуба ВГПИ, митинг был представлен как привычное явление общественной жизни [5]. Постепенно по мере увеличения общественной активности публикации о митингах появляются на страницах большинства региональных изданий.

За 1989–1993 гг. в «Красном Севере» был опубликован 31 материал о митингах и забастовках, в газете «Коммунист» («Речь») – 30, «Сокольская правда» – 14, «Авангард» – 5, «Красное знамя» – 8. В газетах Советов народных депутатов, учрежденных в 1991 г., за 1991–1993 гг. было опубликовано следующее количество материалов: в газете «Русский Север» – 32 материала о митингах и забастовках, «Вологодские новости» – 24. Все публикации региональных изданий по содержанию можно условно разделить на две группы. Первую группу составляют материалы, содержащие нейтральную краткую информацию о митинге, который уже состоялся или состоится в ближайшие дни. Целью таких публикаций являлось информирование читателей. Контент-анализ областных, городских и районных изданий Вологодской области показывает, что материалы данной группы составляли около трети всех публикаций рассматриваемой тематики.

Основную часть газетных материалов представляют публикации, в которых журналисты стремились прокомментировать происходящие события, в оценке которых они занимали различные позиции: от поддержки митингующих до дискредитации последних. Например, в газетах «Русский Север» и «Вологодские новости» все митинги, проводимые партиями коммунистической направленности и профсоюзами, оценивались негативно. Так, в ряде публикаций «Русского Севера» коммунисты были представлены как неконструктивная оппозиция, лозунгами которой являлись «Отнять!», «Отобрать», «Поделить» и «Разогнать» [3]. В областной газете «Красный Север» публиковались различные, часто противоположные точки зрения: от сочувствия коммунистам до обвинений в адрес последних. В районных газетах материалы о митингах носили единичный характер и, как правило, представляли собой информационные сообщения о митингах, проходивших в областном центре. В целом публикации данной тематики на страницах региональных изданий были представлены материалами различной направленности, что позволяло читателям сформировать собственный взгляд на проблему.

Одним из видов публичного мероприятия является забастовка. До начала 1990-х гг. в Вологодской области забастовки носили единичный характер. Так, в Вологодской области в 1988 г. прошло 2 забастовки, в 1989 г. – 4 [7]. В условиях либерализации экономики и ликвидации государственных распределительных и контрольных механизмов резко усилилось неравенство в распределении национального дохода. В течение только 1992 г. Россия превратилась в общество резких социальных контрастов. Либеральные реформы нанесли сокрушительный удар в первую очередь по бюджетной сфере, где было занято большинство населения [6, с. 116-120]. Как способ изменения материального положения трудовые коллективы нередко избирали забастовку. В 1992 г. забастовки стали неотъемлемой частью общественной жизни Вологодской области. Так, в Вологодской области в 1992 г. в забастовках приняли участие работники 93 предприятий, из которых 73 – это учреждения образования, 18 – учреждения здравоохранения. Для сравнения: в 1991 г. в области бастовало 4 предприятия [2, с. 54]. Соответственно, информация о забастовках появляется на страницах региональных изданий. Все газетные публикации, посвященные забастовкам, по содержащейся в них

информации можно условно разделить на несколько групп. Первую группу составляли сообщения нейтрального содержания, информирующие читателей о забастовках и требованиях бастующих. Такого рода публикации составляли более половины выявленных в региональных изданиях материалов на данную тему. Вторую группу публикаций представляли обращения забастовочных комитетов к центральным и местным властным структурам, в которых шла речь о бедственном положении того или иного предприятия или учреждения и выдвигались требования бастующих к соответствующим структурам. К третьей группе следует отнести публикации аналитического характера, авторы которых пытались прокомментировать сложившуюся ситуацию, в ряде случаев выражали свое отношение к проблеме, то есть публикации носили ярко выраженную положительную или негативную валентность. Например, в репортаже «Учителя отложили забастовку, но это не отступление, а передышка» И. Сидорова, перечислив требования бастующих, обвиняла государство в том, что оно вспоминает о своих людях только тогда, когда они выходят на улицы. Близорукость подобной политики, по мнению автора материала, не просто опасна, она смертельна [8]. В публикациях «Русского Севера» за январь 1992 г. «Врачи болеют за нас», «Почему медики бастуют», «Бунт на ферме» и ряде других авторы материалов сочувствовали бастующим и во многом оправдывали их действия. В большинстве материалов утверждалось, что забастовка – это не всегда правильный выход из сложившейся ситуации, но властям ее ничто не мешало предотвратить.

В целом анализ публикаций, посвященных социально-политическим протестам населения, на страницах региональных изданий позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, местные печатные издания регулярно помещали на своих страницах указанные материалы. Во-вторых, большинство материалов носило нейтральную или положительную оценку, то есть региональные газеты стремились не только предоставить своим читателям информацию о происшедших событиях, но и в ряде случаев оправдать бастующих. В данном случае примечательно, что региональные печатные СМИ в рассматриваемый период не только размещали информацию, но и стремились выступить в роли арбитра или посредника между конфликтующими сторонами. В современной России, к сожалению, большинство федеральных и региональных СМИ занимают одностороннюю позицию: либо замалчивают происходящие социальные протесты, либо открыто пропагандируют официальную точку зрения.

Библиографический список

1. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1990. 167 с.
2. Вологодская область в 1995 году. [В 2 ч.]: статистический ежегодник / Госкомстат России, Вологод. обл. ком. гос. статистики. Вологда: Облкомстат, 1996. Ч. 1. 135 с.
3. И мирно разошлись // Русский Север. 1992. 26 февраля.
4. О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1988 г. № 9306-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1988. № 31. С. 504.
5. Открытая трибуна вологжан // Красный Север. 1989. 28 мая.

6. Согрин В.В. Политическая история современной России 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: Весь мир, 2001. 272 с.
7. Требования ... к самим себе? // Красный Север. 1989. 20 мая.
8. Учителя отложили забастовку, но это не отступление, а передышка // Красный Север. 1992. 23 мая.
9. Экологический митинг // Красный Север. 1989. 11 апреля.

Информация об авторе

Соколова Татьяна Леонидовна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Вологодский институт права и экономики ВИПЭ ФСИН России (160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2; vipe.fsin.ru)

Sokolova T.L.

SOCIAL AND POLITICAL PROTESTS IN THE PERIOD OF TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN SOCIETY: ON THE MATERIALS OF THE VOLOGDA REGION.

Abstract. *The article analyzes the reflection of such a phenomenon of social and political life as a socio-political protest on the pages of regional socio-political publications on the materials of the Vologda region in the period 1985-1993. The author compares the activities of print media to reflect social protests during the restructuring of Russian society and the activities of modern media.*

Key words: *social protest, public life, restructuring, mass media.*

References

1. Weinstein G.I. Mass consciousness and social protest in the conditions of modern capitalism. М.: Science, 1990. 167 p.
2. Vologda region in 1995. [At 2 pm]: statistical yearbook / Goskomstat of Russia, Vologda region com state statistics. Vologda: Oblkomstat, 1996. H 1. 135 с.
3. And peacefully dispersed // Russian North. 1992. February 26th.
4. On the order of organizing and conducting meetings, rallies, street processions and demonstrations in the USSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 28, 1988 No. 9306-XI. // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. М., 1988. № 31. p. 504.
5. Open podium Vologda // Red North. 1989. May 28th.
6. Sogrin V.V. The political history of modern Russia 1985-2001: from Gorbachev to Putin. М.: The whole world, 2001. 272 p.
7. Requirements ... for yourself? // Red North. 1989. May 20th.
8. The teachers postponed the strike, but this is not a retreat, but a respite // Red Sever. 1992. 23 May.
9. Ecological rally // Red North. 1989. April 11th.

Information about the Author

Tatyana L. Sokolova (Vologda, Russia) – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Vologda Institute of Law and Economics VIPE FSIN of Russia (2, Schetinina str., Vologda, 160002, Russian Federation; vipe.fsin.ru)

Соловьева Т.С.

ПОДДЕРЖКА СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ВЕКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Социальная политика в регионах России в настоящее время является предметом активного внимания как со стороны органов власти, так и в научном сообществе. В статье рассматривается современная ситуация в сфере поддержки социальных инноваций как одно из направлений региональной социальной политики.

Ключевые слова: социальные инновации, социальная политика, регион.

Одной из целей государственной региональной политики является содействие развитию человеческого потенциала и создание равных возможностей для граждан, а одним из принципов – создание условий для решения проблем социального развития. Данные аспекты лежат в плоскости региональной социальной политики, потребность в эффективности которой обусловлена необходимостью нивелирования социальной и экономической дифференциации российского пространства в условиях «конкуренции регионов за человеческие ресурсы» [8, с. 64].

В качестве основных вызовов современной социальной политики в России выступают: старение населения, развитие новых технологий, глобализационные процессы, низкий уровень и качество жизни населения, высокое неравенство населения и регионов в целом [9, с. 9-27]. И далеко не всегда традиционные инструменты и механизмы дают возможность оперативно реагировать на существующие и возникающие проблемы. В результате возникают «провалы государства», при которых оно не может в полной мере выполнять свои функции.

Как показывает практика, в современном мире эффективным ответом на стоящие перед обществом вызовы и «провалы государства» являются социальные инновации [10, с. 65-66]. Социальные инновации приравниваются к новым идеям, которые успешно отвечают текущим социальным целям. Джефф Малган определил их как «инновационную деятельность и услуги, появление которых обусловлено целью удовлетворения социальных потребностей, которые преимущественно разрабатываются и распространяются через организации, основными целями которых являются социальные» [14]. Социальные инновации возникают в процессе коллективного творчества и обладают более широкой сферой применения, чем технологические, а их эффект проявляется с некоторым временным лагом [11, с. 53].

Для России социальные инновации являются относительно новым феноменом, и их развитие находится в стадии становления. Не случайно федеральные и региональные нормативно-правовые документы практически не содержат упоминания о социальных инновациях, поскольку российская инновационная политика имеет ярко выраженную технологическую направленность. Даже в разделе «Инновации в общественном секторе, инфраструктурных отраслях и социальной сфере» Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [12] основной акцент сделан на реализации технологических инноваций в указанных областях. В то же время представляется, что в целях реализации поставленного в Концепции долгосрочного социально-экономического развития

Российской Федерации на период до 2020 года [2] «перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития» и «формирования нового механизма социального развития, основанного на сбалансированности предпринимательской свободы, социальной справедливости и национальной конкурентоспособности» необходимо включение социальных инноваций в нормативно-правовую повестку современной России. Кроме того, в указанном документе в качестве необходимого условия формирования новой инновационной культуры обозначена «поддержка распространения опыта лучших инноваций, в т. ч. управленческих и социальных», однако уже в следующем абзаце еще раз подчеркнут приоритет и первоочередное развитие технологических инноваций. Региональных нормативно-правовых документов, посвященных развитию социальных инноваций, в настоящее время также не разработано.

Социальные инновации в России тесно связаны с понятием социального предпринимательства, однако последнее является только одним из инструментов их реализации, но достаточно эффективным. Помимо социального предпринимательства социальные инновации могут реализовываться как государственными и бизнес-структурами, некоммерческими организациями, а также отдельными гражданами. И если в отношении частного бизнеса и некоммерческих организаций в последние годы наметился прорыв в совершенствовании нормативно-правовой базы содействия их деятельности социальной направленности³⁴, то социальное предпринимательство в данном случае несколько отстает. В настоящее время законодательство в области социального предпринимательства в России фактически неразвито. Понятие социального предпринимательства впервые было отражено в 2011 г. в Приказе Минэкономразвития РФ³⁵ [5], а в 2015 г. были определены сферы, деятельность в которых приравнивалась к социальному предпринимательству [7]. Ряд аспектов развития социального предпринимательства был затронут в Стратегии развития малого и среднего бизнеса до 2030 года [13]. Однако целостный документ, определяющий понятие, критерии и направления поддержки социального предпринимательства так и не был принят, хотя в 2016 году данный законопроект был разработан Минэкономразвития РФ. Что касается регионального законодательства, то в настоящее время разработаны программы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (н-р, Вологодская, Тюменская, Иркутская, Самарская области, Краснодарский край), однако в силу несовершенства федеральной нормативно-правовой базы социального предпринимательства и на региональном уровне отсутствуют программы его развития. Хотя необходимо отметить, что в рамках других законодательных актов (в частности, программ развития малого и среднего предпринимательства) отдельные направления поддержки оказываются (предоставление субсидий, информационной и консультационной поддержки).

Непосредственно для мониторинга реализации инновационных социальных проектов и программ в 2015 г. был создан Совет по развитию социальных инноваций в регионах России

³⁴ К примеру: [3], [4], [6].

³⁵ Определение, данное в документе: «социально ответственная деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, направленная на решение социальных проблем» представляется достаточно спорным, поскольку понятие социальной ответственности и социальной деятельности бизнеса и социально предпринимательской деятельности различны по своей сути. Если в первом случае, основной целью является извлечение прибыли, то во втором – прежде всего ориентация на социальные цели.

при Совете Федерации Федерального Собрания РФ. Четырьмя годами ранее было создано Агентство стратегических инициатив, основная задача которого – выявление и поддержка перспективных социальных проектов. Постепенно формируется инфраструктура для развития социальных инноваций и социального предпринимательства: центры инноваций социальной сферы в регионах, лаборатории и школы социального предпринимательства, различные платформы для поиска финансирования и потенциальных партнеров и т. д.

При этом социальные инновации получили достаточно широкое распространение. По данным ФРСП «Наше будущее» на 2018 год, который является одним из первых в России «саппортеров»³⁶ социального предпринимательства и проектов социальных инноваций, только в рамках их деятельности было поддержано 229 социально инновационных проектов в 56 регионах России [1]. При этом развитие социальных инноваций сдерживается неразвитостью законодательной базы, недостатком финансирования и квалифицированных кадров, низкой социальной активностью населения, конкуренцией с реальным сектором и т. д. В силу наличия данных барьеров многие проекты представлены только на локальном уровне, и испытывают проблемы с тиражированием и расширением территориального охвата.

За рубежом же развитие социальных инноваций активно поддерживается государством, в т. ч. путем разработки стратегических нормативно-правовых документов [11]. В результате социальные инновационные проекты испытывают гораздо меньше проблем в масштабировании.

Таким образом, управление социальными инновациями как вектор региональной социальной политики в дальнейшем потребует активности со стороны органов власти в отношении четкого определения законодательных рамок развития социальных инноваций (разработки региональных стратегий развития социальных инноваций) и формирования благоприятной среды для их развития путём устранения или смягчения обозначенных барьеров.

Библиографический список

1. Годовой отчет // Фонд региональных социальных программ «Наше будущее». URL: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/ (дата обращения: 01.10.2018).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросу поддержки социально ориентированных НКО: Федеральный закон № 40-ФЗ от 05.04.2010 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
4. О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в части установления статуса некоммерческой организации – исполнителя общественно полезных услуг: Федеральный закон № 287-ФЗ от 03.07.2016 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
5. Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на

³⁶ От англ. «supporter» – лицо, оказывающее поддержку.

государственную поддержку малого и среднего предпринимательства субъектами Российской Федерации: приказ Министерства экономического развития РФ от 24 апреля 2013 г. № 220 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

6. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 442-ФЗ от 28.12.2013 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

7. Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: приказ Министерства экономического развития РФ № 167 от 25.03.2015 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

8. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. 317 с.

9. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Социальная политика в России – контуры новой модели: научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 45 с.

10. Соловьева Т.С., Попов А.В. Социальные инновации в сфере занятости: региональный аспект // *Arg Administrandi* (Искусство управления). 2015. № 2. С. 65-84.

11. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития / Т.С. Соловьева, А.В. Попов, А. Каро-Гонсалес, Хуа Ли // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2018. Т. 11. № 2. С. 52-68. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.4.

12. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

13. Стратегия развития малого и среднего бизнеса до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 1083-р // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.

14. Mulgan G. Social Innovation: What It Is, Why It Matters, and How It Can Be Accelerated // *Skoll Center for Social Entrepreneurship Working Paper*. 2007. URL: www.sbs.ox.ac.uk/centres/skoll/research/documents/social_innovation.pdf (accessed: 01.10.2018).

Информация об авторе

Соловьева Татьяна Сергеевна (Россия, Вологда) – научный сотрудник, отдел исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; solo_86@list.ru)

Soloveva T.S.

SOCIAL INNOVATION'S SUPPORT AS A VECTOR OF REGIONAL SOCIAL POLICY

Abstract. *Social policy of Russia's regions is currently the subject of active attention, both from the authorities and the scientific community. The article considers the current situation in the sphere of social innovation's support as one of the directions of regional social policy.*

Key words: *social innovations, social policy, region.*

References

1. Annual report // Fund of regional social programs «Our future». URL: http://www.nb-fund.ru/about-us/about_annual_report_t/ (accessed: 01.10.2018).
2. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020: approved by order of the Russia's Federation Government, 17.11.2008 № 1662-p // Reference retrieval system ConsultantPlus.
3. About modification of separate legal acts of the Russian Federation concerning support of socially oriented NGOs: the Federal law № 40-FZ, 05.04.2010 // Reference retrieval system ConsultantPlus.
4. About modification and additions in the Federal law «About non-profit organizations» regarding establishment of the status of the non-profit organization-the contractor of socially useful services: the Federal law № 287-FZ, 03.07.2016 // Reference retrieval system ConsultantPlus.
5. About the organization of carrying out competitive selection of federal subjects of Russia which budgets in 2013 subsidies from the Federal budget for the state support of small and medium business by federal subjects of Russia: the order of the Ministry of economic development of the Russian Federation, 24.04.2013 № 220 // Reference retrieval system ConsultantPlus.
6. About bases of social servicing of citizens in the Russian Federation: Federal law № 442-FZ, 28.12.2013 // Reference retrieval system ConsultantPlus.
7. About the conditions approval of competitive selection of Russia's federal subjects which budgets are provided with subsidies from the Federal budget for the state support of small and medium entrepreneurship, including country (farmer) farms, and requirements to the organizations forming infrastructure of support of subjects of small and medium entrepreneurship: the order of the Ministry of economic development of the Russian Federation № 167, 25.03.2015 // Reference retrieval system ConsultantPlus.
8. Regional development and regional policy of Russia in the transition period / ed. S.S. Artobolevsky, O. Gleser. – M. : Izd-vo MGTU, 2011. – 317 p.
9. Soboleva I.V., Chubarova T.V. Social policy in Russia – contours of a new model: scientific report. Moscow: Institute of Economics, RAS, 2017. 45 p.
10. Soloveva T.S., Popov A.V. Social innovation in employment: a regional perspective / T.S. Soloveva, // *Ars Administrandi (the Art of management)*. 2015. № 2. pp. 65-84.
11. Social innovations in Spain, China and Russia: key aspects of development / T.S. Soloveva, A.V. Popov, A. Karo-González, Hua Li // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2018. Vol. 11. № 2. pp. 52-68. DOI: 10.15838 / esc.2018.2.56.4.
12. Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020: approved by the order of the Russia's Federation Government, 8.12.2011 №2227-p // Reference retrieval system ConsultantPlus.
13. Strategy of development of small and medium business till 2030: approved by the order of the Government of the Russia's Federation Government, 2.06.2016 № 1083-p // Reference retrieval system ConsultantPlus.
14. Mulgan G. Social Innovation: What It Is, Why It Matters, and How It Can Be Accelerated // Skoll Center for Social Entrepreneurship Working Paper. 2007. URL: www.sbs.ox.ac.uk/centres/skoll/research/documents/social_innovation.pdf (accessed: 01.10.2018).

Information about the Author

Tatiana S. Soloveva (Vologda, Russia) – Researcher, VolRC RAS, Department of Living Standards and Lifestyle Studies (56A, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; solo_86@list.ru)

УДК 36 (470.13) / ББК 65.012.63

Тихомирова В.В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Аннотация. В статье выявлены особенности формирования бюджетов всех уровней, полномочия федеральных и региональных властей в поле взаимной ответственности. Показана несбалансированность финансовых ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы. Предложено путем межбюджетного выравнивания расходных полномочий между республиканским и федеральным бюджетами способствовать повышению финансового обеспечения системы социальной защиты населения.

Ключевые слова: финансовые ресурсы, социальная защита, консолидированный бюджет, федеральный бюджет, социальная политика, денежные доходы населения, адресная социальная помощь, величина прожиточного минимума.

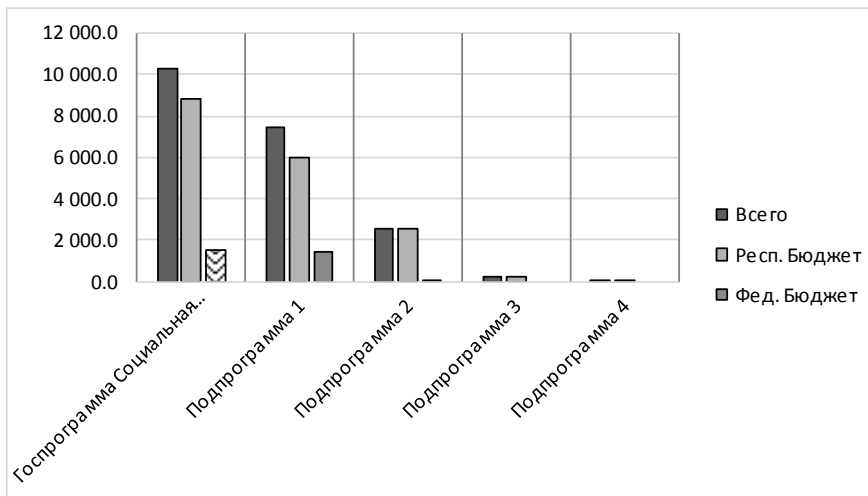
Финансовое обеспечение социальной защиты населения – это конституционно зафиксированная совокупность общественных благ, которую государство обязуется сделать доступными для всех граждан.

В Республике Коми основными источниками формирования финансовых ресурсов социальной защиты населения являются: средства бюджетов всех уровней, средства государственных территориальных внебюджетных фондов (пенсионного фонда, фонда социального страхования, фонда обязательного медицинского страхования), а также средства субъектов хозяйствования (предприятий и домашних хозяйств).

Согласно отчёту об исполнении консолидированного бюджета Республики Коми, за последние десять лет он вырос почти в 2,4 раза (с 30,1 до 71,8 млрд руб.), однако динамика расходов бюджета начиная с 2008 года находится в дефиците, который составляет от 1,0 (2006 год) до 6,3 млрд руб. (2016 г.), что говорит о его несбалансированности.

Консолидированный бюджет является одним из основных источников финансирования социальной сферы, из которого финансируются *расходы на социальную политику*. Начиная с 2006 по 2016 год данная статья расходов выросла в 2,5 раза (с 3,5 до 8,8 млрд руб.). Удельный вес данной статьи также увеличился с 13,0 до 17,0% консолидированного бюджета. Однако основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения показывают, что реальные денежные доходы населения в процентах к предыдущему году ежегодно снижаются. Если в 2012 году они составляли 106,1%, то в 2016 – 90,3%. Продолжила увеличиваться и численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (с 13,4 до 16,7%) и на 2016 год составила 143,1 тыс. чел. Дефицит денежного дохода вырос с 1,3 до 1,9% от общего объема денежных доходов населения [1].

С 2013 г. в Республике Коми действует государственная программа «Социальная защита населения» (на период 2013–2020 гг.) (утверждена постановлением Правительства Республики Коми от 28 сентября 2012 г. № 412). Ее объем составляет около 80% всех расходов консолидированного бюджета по направлению «Социальная политика», однако ежегодно запланированная сумма расходов и фактические расходы республиканского бюджета не совпадают – последние ниже на довольно заметные величины. Наибольший объем недофинансирования по сравнению с планом произошел по итогам 2013 г., когда разница составила около 1,5 млрд руб. И в 2014 г. органы региональной власти пересмотрели объемы финансирования на среднесрочный период в сторону понижения. Отсюда на 2017–2019 гг. план расходов был установлен ниже.

Объёмы финансирования по источникам средств, млн руб.

На выполнение государственных социальных обязательств в сфере социальной защиты населения в 2017 году израсходовано 7,5 млрд рублей, что на 205,7 млн рублей, или 2,7%, меньше, чем в 2016 году. В 2017 году получили различные виды социальных выплат в системе социальной защиты населения 275,4 тыс. человек, или каждый третий житель республики. Органами социальной защиты предоставляется более 80 видов выплат различным категориям граждан. Численность получателей социальных выплат в 2017 году по сравнению с 2016 годом увеличилась на 1,4%. Объем израсходованных средств на реализацию мероприятий государственной программы в 2017 году составил 10293502,4 тыс. рублей, освоение бюджетных средств на реализацию программы составило 98,46% (не освоено 161200,4 тыс. рублей). Из них за счет средств республиканского бюджета 8793719,1 тыс. руб. (85,4%), за счет средств федерального бюджета лишь 1499783,3 тыс. руб. (14,6%) (рис.).

Такая ситуация вызвана тем, что в 1995 г. субъектам Российской Федерации была передана значительная часть расходных полномочий по реализации социальных законов, которые выступали в форме нефинансируемых федеральных мандатов, т. е. принятые на федеральном уровне законы должны выполняться региональными органами власти без соответствующего финансирования из «центра». С целью улучшения учета и повышения прозрачности финансовых потоков федеральными законами от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, от 23 июля 2005 г. № 122-ФЗ, от 9 мая 2006 г. № 67-ФЗ были внесены изменения в законодательные акты РФ, предусматривающие переход от предоставления ряда натуральных

льгот отдельным категориям граждан к денежным компенсациям, а также разграничение расходных обязательств по предоставлению мер социальной поддержки гражданам по уровням бюджетной системы [2]. Таким образом, закон четко разграничил расходные полномочия между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти. Разграничение полномочий по социальной защите выразилось в том, что все получатели финансовых средств были разделены на два уровня ответственности – федерального центра и субъектов РФ. К числу «федеральных льготников» отнесены инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, члены погибших (умерших) инвалидов и ветеранов войны, Герои СССР и РФ, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы и Трудовой Славы, почетные доноры, лица, пострадавшие от радиационных аварий и катастроф, инвалиды (в том числе дети-инвалиды). За субъектами РФ были закреплены полномочия по установлению и финансированию мер социальной поддержки «региональных льготников» – ветеранов труда, тружеников тыла, реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий. Кроме того, к ведению регионов отнесены социальная поддержка и социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов, семей с детьми, детей-сирот, малообеспеченных и социально уязвимых групп, а также разработка региональных нормативов в программе жилищных субсидий.

С выходом федерального закона № 122-ФЗ самой большой переработке подвергся закон о ветеранах. Из него ушли две самые крупные категории льготников – ветераны труда и труженики тыла. В связи с разделением полномочий между федеральным центром и российскими регионами эти льготники теперь разошлись по субъектам Российской Федерации [3].

Отсюда численность отдельных категорий граждан, получивших *меры социальной поддержки* за счет средств республиканского бюджета, в период с 2013 по 2016 год составила от 73,3 (2013 г.) до 67,2 тыс. чел. (2016 г.). Из них: тружеников тыла за соответствующий период – от 3,9 до 2,4 тыс. чел.; реабилитированных и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий – от 4,6 до 4,1 тыс. чел.; ветеранов труда – от 64,8 до 60,7 тыс. чел., численность которых в 2016 году составила 99% получателей всех мер социальной поддержки. Данные выплаты производились без учета доходов домохозяйств. В результате доля адресных пособий в доходах дециля беднейшего населения в среднем по региону не превышает 2% при дефиците дохода их получателей 38% [4]. В результате были внесены изменения в нормативные правовые акты для усиления принципа нуждаемости, которые направлены на повышение адресности мер социальной поддержки и оптимизацию расходов республиканского бюджета.

Итак, проведенное нами исследование показало, что проводимая правительством Республики Коми социально ориентированная политика, направленная на своевременную выдачу пенсий, пособий, компенсаций и льгот, позволяет сохранить необходимую социальную стабильность.

Существует многообразие источников формирования финансовых ресурсов социальной защиты населения, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены и, в конечном итоге, являются основой проводимых в стране социально-экономических реформ. Государство остается важнейшим гарантом и координатором правильного и эффективного использования указанных источников, выявления новых и развития используемых. Однако наиболее острой

проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность финансовых ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы РФ. Перед федеральной властью стоит задача путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению эффективности системы социальной защиты населения, уменьшению социальной дифференциации в интересах сокращения бедности. Сбалансированность всех источников формирования финансовых ресурсов системы социальной защиты населения позволит создать надежную основу повышения уровня и качества жизни населения республики и реализовать все конституционные права и свободы граждан.

Библиографический список

1. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Коми: стат.сб. / Комистат. Сыктывкар, 2017. 152 с.
2. Шумилин А.П. Становление региональной системы социальной защиты населения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2002.
3. Юшкова С.А. Структура и условия эффективной системы социальной защиты населения Российской Федерации в условиях социально-экономических изменений: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1997. 23 с.
4. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность / под ред. к.э.н. В. Назарова и А. Пошарац. М.: Научно-исследовательский финансовый институт; Всемирный банк, 2017. 144 с.

Информация об авторе

Тихомирова Валентина Валентиновна (Россия, Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории финансово-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (tikhomirova@iespn.komisc.ru)

Tikhomirova V.V.

IMPROVING THE FINANCIAL PROVISION OF SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION OF THE KOMI REPUBLIC

Abstract. *The article identifies the features of the formation of budgets of all levels, the powers of the federal and regional authorities in the field of mutual responsibility. The imbalance of financial resources and obligations at all levels of the budget system is shown. It was proposed, by means of inter-budget leveling of expenditure authority between the republican and federal budgets, to help increase the financial support of the system of social protection of the population.*

Key words: *financial resources, social protection, consolidated budget, federal budget, social policy, monetary incomes of the population, targeted social assistance, the minimum subsistence level.*

References

1. The social situation and the standard of living of the population of the Republic of Коми: statistical.sb. Comistat. Syktyvkar, 2017. 152 p.

2. Shumilin A.P. The formation of a regional system of social protection of the population. Dis. Cand. economy Sciences. M. 2002.

3. Yushkova S.A. The structure and conditions of an effective system of social protection of the population of the Russian Federation in the context of socio-economic changes: author. dis Cand. econ Sciences. M., 1997. 23 p.

4. The development of effective social support of the population in Russia: targeting, need, universality / Ed. cond. n V. Nazarov and A. Posharats. Scientific report. M.: Scientific Research Financial Institute; World Bank, 2017. 144 p.

Information about the Author

Valentina V. Tikhomirova (Syktyvkar, Russia) – Ph.D. in Economics, senior researcher at the Laboratory for financial and economic problems ISEiEPS Komi Scientific Center UB RAS (tikhomirova@iespn.komisc.ru)

УДК 316.35 / ББК 60.5

Уханова Ю.В., Параничева И.В.

НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Исследование посвящено некоммерческому сектору как важнейшему институту современного российского гражданского общества. На основе результатов социологических опросов Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН) выявлено, что оценки населением региона деятельности некоммерческих организаций сохраняются на невысоком уровне, без существенной положительной динамики. При этом показатели по региону значительно ниже общероссийских данных.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческий сектор, некоммерческие организации (НКО), оценки населения.

Произошедшие за последние два десятилетия радикальные изменения поставили российское общество перед необходимостью решения новых задач, среди которых особое место занимает демократизация. Демократия заключается как в фундаментальном праве народа выбирать власть, так и в возможности непрерывно влиять на власть и процесс принятия ею решений. Необходимое условие демократического развития страны – формирование гражданского общества, его институтов. В связи с этим обращение к проблеме российского гражданского общества представляет существенный научный интерес.

Целью работы является рассмотрение такого института гражданского общества, как «некоммерческий сектор». Информационной основой исследования послужили материалы социологических опросов, проводимых Вологодским научным центром Российской академии наук (далее ВолНЦ РАН)³⁷.

³⁷ С 1996 г. регулярно опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в 2 крупных городах – Вологде и Череповце, а также в 8 муниципальных районах Вологодской области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

Изучение вопросов, связанных с гражданским обществом, затруднено тем, что в социогуманитарной науке нет единого понимания сущности категории «гражданское общество». В современной научной литературе широкое распространение получил подход, в рамках которого гражданское общество понимается как сфера внегосударственных отношений и структур. При этом часть исследователей рассматривают понятие «гражданское общество» в широком смысле – как общественную сферу между личностью и государством [2; 1, с. 48]. Согласно другой точке зрения, гражданское общество как негосударственная сфера представляет собой совокупность неполитических отношений и институтов [3; 4, с. 98-106; 5, с. 55]. Ряд зарубежных и российских ученых трактуют гражданское общество как общественную сферу, занимающую место между государством, семьей и рынком [6; 7; 8].

Таким образом, и в отечественной, и в зарубежной литературе до сих пор отсутствует единое мнение относительно сущности гражданского общества. В настоящем исследовании под гражданским обществом понимается арена за пределами семьи, государства и рынка, создаваемая индивидуальными и коллективными действиями для продвижения общих интересов [9].

В научных кругах отсутствует единый подход и к определению институциональной структуры гражданского общества. Дискуссионным остается вопрос об отнесении к структуре гражданского общества таких институтов, как церковь, СМИ, органы местного самоуправления, политические партии [10]. Вместе с тем можно констатировать, что одним из наиболее значимых институтов гражданского общества выступает некоммерческий сектор, который состоит из большого разнообразия негосударственных некоммерческих организаций.

Эксперты отмечают, что в плане упорядочения статистического учета некоммерческого сектора до сих пор не предпринято практических шагов. Реестр Минюста России и данные Ростата не позволяют понять, какая доля некоммерческих организаций реально продолжает деятельность. Статистика министерства и Ростата неприменима для анализа конкретных направлений деятельности НКО, финансового состояния и числа работников и, следовательно, не позволяет корректно оценить уровень развития и динамику сектора. В этих условиях возрастает значение социологических опросов с целью выявления оценок населения о функционировании некоммерческого сектора.

Рассмотрим динамику оценок жителями Вологодской области некоммерческих организаций с 2009 по апрель 2018 г. в трех аспектах: информированность, объем получаемых услуг, значимость их деятельности.

Успешность работы НКО и доверие к ним населения во многом определяются информированностью. По данным 2018 г. только 37% респондентов отметили, что, так или иначе, слышали об НКО, при этом относительно 2009 г. показатель сохраняется без значительной динамики (на уровне 37–40%; *табл. 1*). Это значительно ниже по сравнению с общероссийскими данными. Так, по результатам исследования, проводимого сотрудниками Высшей школы экономики в 2011 г., осведомленность россиян об общественных и других негосударственных некоммерческих организациях находится на достаточно высоком уровне: подавляющее большинство (73 %) участников опроса слышали об НКО [10, с. 55]. В оценке информированности жителей Вологодской области с 2009 по 2018 г. не наблюдается положительных изменений, напротив, показатель несколько снизился с 40 до 37%.

Следующим показателем, оценивающим работу НКО, является количество предоставленных услуг населению. Результаты исследования показывают, что в 2018 г. только 14% респондентов отметили, что получали от НКО услуги. Показатель сохраняется без изменений по сравнению с 2009 г. (12%), в то же время он улучшился в два раза относительно 2014 г. (с 7 до 14%). Возможно, увеличение количества оказанных услуг НКО с 2014 г. связано с реализацией на территории Вологодской области подпрограммы «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области на 2014–2020 годы» государственной программы «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 годы» [11].

Население Вологодской области считает работу некоммерческих организаций малозначимой. По данным 2018 г., только треть жителей области (30%) полагает, что деятельность НКО имеет значение. Низкие оценки во многом объясняются неосведомленностью общественности, а также недостаточной распространенностью предоставляемых услуг среди населения региона. В динамике с 2009 по 2018 г. суждения о значимости некоммерческого сектора находятся без значительных изменений (30–31%). Для сравнения отметим, что по данным ВЦИОМ в целом по стране наблюдается положительная динамика оценок значения НКО: в 2017 г. относительно 2012 г. доля позитивных суждений увеличилась на 15 п.п. – с 45 до 60% [12].

Таблица 1. Восприятие населением Вологодской области деятельности некоммерческих организаций, в % от числа опрошенных (N =1500)

Вариант ответа / год	2009 г.	2014 г.	2018 г.
Слышал о деятельности НКО	40,3	35,9	37,1
Получал от НКО услуги	12,3	7,1	13,8
Деятельность НКО имеет значение	30,8	26,8	29,7
Источник: Данные мониторинга ВолНЦ РАН.			

Таким образом, анализ полученных данных показал, что в целом за исследуемый период (с 2009 по апрель 2018 г.) оценки населением региона некоммерческого сектора сохраняются на невысоком уровне, без существенной положительной динамики. При этом показатели по региону значительно ниже общероссийских данных. Из вышесказанного следует, что некоммерческий сектор региона характеризуется слабостью его общественного влияния, неразвитостью практически-деятельных и информационных связей с основной массой граждан. Следует отметить, что в таких условиях некоммерческим организациям не только сложно рекрутировать потенциальных участников, но и осуществлять любую деятельность, ориентированную на внешнюю среду.

В условиях слабой информированности о НКО и низких оценках значимости их деятельности жители Вологодской области не демонстрируют высокого уровня готовности участия в работе организаций некоммерческого сектора. По данным социологического опроса, организованного ВолНЦ РАН в апреле 2018 г. только 24% респондентов допускают для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в общественной организации, 42% – исключают (табл. 2). При этом обращает на себя внимание большая доля (34%) тех, кто затруднились с

ответом, однако, потенциально, при усилении общественного влияния и одобрения НКО могут составить группу активно участвующих в развитии некоммерческого сектора.

Таблица 2. **Оценки населением Вологодской области своей готовности к работе в некоммерческой организации**, в % числа опрошенных (N = 1500) *

Вариант ответа	Доля ответивших
Допускаю	23,7
Исключаю	41,9
Затрудняюсь ответить	34,4
Источник: Данные мониторинга ВолНЦ РАН	

*Ответ на вопрос «Лично Вы допускаете или исключаете для себя работу на постоянной и безвозмездной основе в какой-либо общественной организации?»

На наш взгляд, для решения выявленных проблем некоммерческим организациям в Вологодской области следует шире применять современные способы информирования населения о практических результатах своей работы, стремиться к обеспечению максимальной прозрачности и открытости своей деятельности перед обществом, что, безусловно, будет способствовать росту доверия и поддержки НКО среди населения.

Библиографический список

1. Абдулаев М.И. Проблемы теории государства и права. СПб.: Издательский дом «Право», 2012. 220 с.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge. 1989. 145 p.
3. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003.
4. Морозова Л.А. Функции Российского государства на современном этапе. Государство и право. 2003. № 6. С. 98-106.
5. Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals. Hamilton. London. М.: Московская школа политических исследований, 1994.
6. Ahyer H. K., Karson L. Civil Society: What it is, and how to measure it. Nashville. 2009. 215 p.
7. Warren M. Democracy and Association. Princeton Univ. Press. 2001.
8. Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект-пресс, 2009. 189 с.
9. Mati J.M., Silva F., Anderson T. Assessing and Strengthening Civil Society Worldwide – an updated programme description of the CIVICUS Civil Society Index: Phase 2008–2010. CIVICUS, 2010.
10. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М.: ВШЭ. 2011. 196 с.
11. Государственная программа «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2020 гг.» и подпрограмма «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в

Вологодской области на 2014–2020 гг.»: законы Вологодской области. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422454376>

12. Во ВЦИОМ рассказали о росте доверия россиян к НКО за последние годы // Аналитика экспертов ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8761>

Информация об авторах

Уханова Юлия Владимировна (Россия, Вологда) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; 8-953-520-56-62; ukhanova4@rambler.ru);

Параничева Ирина Викторовна (Россия, Вологда) – инженер, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; 8-921-536-03-81; irina_4arozero@mail.ru)

Ukhanova Yu.V., Paranicheva I.V.

NON-PROFIT SECTOR AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

Abstract. *The study is dedicated to the non-profit sector as the most important institution of modern Russian civil society. Based on the results of sociological surveys of the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (VolSC RAS), it was revealed that the population estimates of the activities of non-profit organizations by the region are kept at a low level, without significant positive dynamics. At the same time, the indicators for the region are significantly lower than all-Russian data.*

Key words: *civil society, non-profit sector, non-profit organizations (NPO), population estimates.*

References

1. Abdulaev M.I. Problems of the theory of state and law. SPb.: Publishing house "Law", 2012. 220 p.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge. 1989. 145 p.
3. Cohen J., Arato E. Civil Society and Political Theory. M.: The whole world, 2003.
4. Morozova L.A. Functions of the Russian state at the present stage. State and law. 2003. No. 6. P. 98-106.
5. Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals. Hamilton. London M.: Moscow School of Political Studies. 1994.
6. Ahuer, H. K., Karson L. Civil Society: What is it? Nashville. 2009. 215 p.
7. Warren M. Democracy and Association. Princeton Univ. Press. 2001.
8. Howard M.M. The weakness of civil society in post-communist Europe. M: Aspect-press, 2009. 189 p.
9. Mati J.M., Silva F., Anderson T. Assessing and CIVICUS Civil Society Index: Phase 2008–2010. CIVICUS, 2010.
10. Mersiyanova I.V., Korneev I.E. Public Involvement in Informal Civil Society Practices and NGO Activities: The Regional Dimension. M.: HSE. 2011. 196 p.
11. The state program "Creating conditions for the development of civil society and the potential of young people in the Vologda region for 2014–2020" and the subprogram "State support

for socially oriented non-profit organizations in the Vologda region for 2014-2020": laws of the Vologda region. Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/422454376>

12. In VTsIOM they spoke about the growing confidence of Russians in NPOs in recent years // Analytics of VTsIOM experts. Access mode: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=8761>

Information about the Authors

Yuliya V. Ukhanova (Vologda, Russia) – Ph.D. in History, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; ukhanova4@rambler.ru, 8-953-520-56-62);

Irina V. Parancheva (Vologda, Russia) – Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; irina_4arozero@mail.ru, 8-921-536-03-81)

УДК 314.1 / ББК 60.7

Хоткина З.А.

БЕРЕЧЬ МУЖЧИН: НАКАЗ И УКАЗ

Аннотация. В 1968 году в Литературной газете была опубликована знаковая статья Бориса Урланиса «Берегите мужчин!» – это был своего рода наказ. А ровно через 50 лет, в 2018 году, вышел Указ Президента РФ, где была поставлена задача «снизить смертность трудоспособных россиян». В докладе автор анализирует вероятность выполнения Указа и приходит к выводу, что теоретически это возможно.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, сверхсмертность мужчин, динамика, здоровье населения.

Наказ. В этом году исполняется ровно 50 лет со времени публикации знаковой статьи Бориса Урланиса «Берегите мужчин!» [1]. В ней выдающийся советский демограф провозгласил своего рода наказ – беречь мужчин. Объяснение у Урланиса было соответствующее, что с демографической точки зрения «слабый пол» – это вовсе не женщины, а мужчины, поскольку они живут намного меньше, чем женщины. Появление статьи в 1968 году было связано с тем, что в это время прекратился рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) мужчин и начался спад, в то время как ОПЖ женщин еще пять лет продолжала расти. Если проследить динамику взлетов и падений показателей ОПЖ российского населения при рождении за полвека [2], прошедшие с 1968 по 2018 год, то можно заметить многократное изменение характера динамики ОПЖ, которое является отражением *чередования позитивных и негативных трендов* в показателях здоровья населения России. При этом для мужчин колебания показателя ОПЖ имели более резко выраженный характер, чем для женщин и населения в целом, хотя общий абрис движения был аналогичным. Позитивные тренды роста ОПЖ мужчин были в:

- середине 60-х – 64,5 лет (хрущевская «оттепель»);
- середине 80-х – 64,8 лет (горбачевская перестройка и борьба с пьянством);
- 2006–2014 гг. – 65,1 года (до начала кризиса и санкций).

Негативные тренды спада ОПЖ мужчин – это конец 60-х (время выхода статьи Урланиса), а также середина 90-х, когда шоковая терапия реформирования России привела к обвальному сокращению продолжительности жизни населения страны, особенно мужчин, которые в среднем даже не доживали до пенсии (57,4 года). Небольшое улучшение ситуации было в конце XX века, но после дефолта 1998 года показатель ОПЖ вновь входит в «пике» и продолжает падение до 2004 года [2]. Начало XXI века не принесло принципиальных изменений в социальной политике России по сравнению с 90-ми годами. Государство по-прежнему уделяло мало внимания вопросам качества жизни и здоровья населения.

Перелома в трендах здоровья населения и ОПЖ с негатива на позитив удалось достичь только в 2005 году, когда всего за один год расходы государства на здравоохранение удвоились (с 370,3 до 797,1 млрд рублей), а на «социалку» увеличились в 4,7 раза [3]. Такой эффект стал возможен благодаря разработке и реализации *приоритетного Национального проекта «Здоровье»*. С 2005 показатели ОПЖ при рождении стали расти вплоть до 2016 года как для всего населения (71,9 лет), так и для мужчин (66,5 года) [4].

Исследование данных ОПЖ для населения в возрасте 15 лет, то есть для вступивших в трудоспособный возраст, показало, что чередование негативных и позитивных трендов было аналогично динамике для населения при рождении.

Таблица 1. **Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет, 2000–2015 гг.** [5]

Пол / годы	2000	2003	2005	2007	2010	2012	2013	2014	2015
Мужчины	45,60	44,85	45,08	47,50	48,96	50,48	51,00	51,10	50,10
Женщины	58,68	58,05	58,50	59,91	60,69	61,73	62,10	62,24	61,35

Вместе с тем анализ данных ОПЖ для населения трудоспособного возраста позволил сделать ряд важных выводов. Во-первых, за десять лет с 2004 (минимум) по 2015 год ОПЖ мужчин, вступивших в трудоспособный возраст, росла опережающими темпами по сравнению с показателями ОПЖ для женщин (5,25 и 3,3 года соответственно). Во-вторых, это опережение темпов роста продолжительности жизни мужчин позволило сократить сверхвысокий разрыв в ОПЖ мужчин и женщин с 13 лет в 2000 до 11 лет в 2015 году. Кроме того, анализ показал, что рост показателя ОПЖ для взрослого населения был достигнут в 2004–2015 годах не только благодаря сокращению детской и младенческой смертности, но также за счет снижения смертности в группе населения трудоспособного возраста. То есть наказ Урланиса «беречь мужчин» в эти годы успешно воплощался в жизнь.

Однако, несмотря на отмеченные успехи в сбережении мужчин, российские показатели продолжительности жизни населения значительно ниже (примерно на 10 лет), чем аналогичные данные по развитым странам. Россия также лидирует в разрыве продолжительности жизни мужчин и женщин в современной Европе. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «нормальной» для мужчин и женщин считается разница в 5 лет. Например, в Европейском Союзе гендерные различия в показателях ОПЖ близки к этой норме (5,5 лет), и этот гендерный разрыв вдвое ниже, чем в нашей стране [4]. Большая продолжительность жизни женщин по сравнению с мужчинами обусловлена не столько биологическими особенностями, сколько в большей мере различиями в образе жизни, поведении и труде, разным отношением к своему здоровью. В соответствии с данными за 2015 год, вероятность смерти от болезней и травм в трудоспособном возрасте (15–60 лет) для

российских мужчин составляла 325 на 1000 человек, что почти в три раза выше, чем для россиянок (118 на 1000 человек) [6].

Острота проблемы сверхсмертности российских мужчин трудоспособного возраста особенно наглядно видна при сравнительном анализе коэффициентов смертности (вероятность смерти) российских мужчин с аналогичными показателями для мужчин других стран (табл. 2).

Таблица 2. Коэффициент смертности (вероятность смерти) мужчин в возрасте от 15 до 60 лет в разных странах в 2015 г. На 1000 мужчин данного возраста [6]

Страна	Сколько мужчин 15 лет из каждой 1000 человек не доживут до 60 лет (вероятность смерти)
Швейцария	61
Германия	87
Китай	98
США	128
Бразилия	191
Индия	216
Украина	283
Россия	325
Чад	378

Вероятность смерти от болезней и травм в трудоспособном возрасте (15–60 лет) для российских мужчин в 2015 г. составляла 325 на 1000 человек, что в 3–5 раз выше показателей для Германии, Швейцарии и Китая. Наши показатели смертности трудоспособных мужчин значительно хуже, чем в Индии, Бразилии и Украине, и лишь немного лучше, чем в Республике Чад, которая является своеобразным символом неблагополучия и почти во всех мировых рейтингах занимает нижние позиции. При этом статистика свидетельствует, что каждый четвертый (27,7%) российский мужчина в трудоспособном возрасте в 2016 году умер не от болезней, а от внешних причин (убийств, самоубийств, несчастных случаев, отравлений и травм) [3]. По методологии ВОЗ эти причины смерти считаются предотвратимыми, а, следовательно, мы, по-прежнему, плохо бережем наших мужчин, если не научились предотвращать и сокращать их сверхсмертность.

Указ. Сегодня, как и полвека назад, смертность трудоспособного населения в России, особенно мужчин, остается острой проблемой. Поэтому не случайно, что именно эта проблема оказалась в числе приоритетных в майском указе Президента 2018 года. Задача снижения смертности трудоспособного населения фигурирует в правительственных документах впервые, что свидетельствует о ее чрезвычайной важности. В майском указе 2018 г. обозначена цель «снизить смертность трудоспособных россиян – до 350 случаев на 100000 человек» [7]. Чтобы понять, насколько выполнима поставленная Президентом задача, рассмотрим ее чуть подробнее.

Таблица 3. Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 100 000 человек соответствующего пола и возраста) [3]

Показатели	2005	2010	2013	2014 ²⁾	2015	2016
	Мужчины и женщины					
Умершие от всех причин	827,8	634,0	560,9	565,6	546,7	525,3
Мужчины						
Умершие от всех причин	1303,3	985,1	862,6	868,3	834,2	800,5
Женщины						
Умершие от всех причин	338,0	264,1	236,7	238,4	234,4	224,9

В соответствии с данными официальной статистики здравоохранения, приведенными в таблице 2, коэффициент смертности для женщин трудоспособного возраста в 2016 году составлял 224,9 случаев на 100 000, то есть был значительно меньше приведенной в указе величины (350 случаев). Следовательно, в указе речь идет явно не о женщинах. А тогда о ком? В указе написано «снизить смертность трудоспособных *россиян*». Это может относиться как ко всему населению трудоспособного возраста (коэффициент смертности 525,3), так и только к мужчинам, коэффициент смертности которых был в 2016 году равен 800,5. В любом случае, явно или косвенно, но майским указом перед российским обществом поставлена задача «беречь мужчин», поскольку их смертность в настоящее время в два с лишним раза выше целевого показателя.

Обратимся к другому вопросу, связанному с анализируемым документом, а именно: насколько выполнима поставленная задача в горизонте 6 лет (предстоящий президентский срок). Если считать, что в соответствии с Указом необходимо снизить смертность всего населения (с 525,3 до 350), то снижение коэффициента должно составить примерно 175 пунктов. В варианте снижения мужской смертности, задача выглядит на много более сложной, поскольку за шесть лет необходимо достичь более чем двукратного снижения коэффициента смертности мужчин (с 800,5 до 350, то есть на 450 пунктов). Вместе с тем, динамика предыдущего периода, отраженная в таблице 2 показывает, что однажды нам уже удалось достичь примерно таких же результатов и снизить коэффициента смертности мужчин с 2005 по 2013 год на 440 пунктов. Но это были годы экономического подъема, когда расходы бюджета на здравоохранение росли высокими темпами. После 2014 года начался кризис, расходы на здравоохранение стали падать, да и сроки для выполнения указа более сжатые. Однако надо понимать, что задача стоит не просто в выполнении указа, она более масштабная и гуманная – нам надо беречь наших мужчин. Поэтому, с одной стороны, пример других стран, где смертность мужчин трудоспособного возраста в 3–5 раз ниже российской, а с другой – отечественный прецедент снижения коэффициента мужской смертности вселяют надежду, что и наказ и указ могут быть выполнены.

Библиографический список

1. Урланис Б.Ц. Берегите мужчин! // Литературная газета. 1968. 29 июля.
2. Продолжительность жизни в России 1959–2014 гг. / Human Mortality Database. URL: <https://www.mortality.org/>
3. Здравоохранение в России. 2017. URL: www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/IssWWW.exe/Stg/01-07.doc

4. Демографический ежегодник России – 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
5. Приложения к Демоскопу № 757 – 758 от 29 января – 11 февраля 2018. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>
6. WHO. Global Health Observatory Data Repository. URL: http://apps.who.int/gho/indicatorregistry/App_Main/view_indicator.aspx?iid=64
7. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1195467/#ixzz5F2ROyoX5>

Информация об авторе

Хоткина Зоя Александровна (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, 32; +7 (499) 129-01-08; zoya-alex2012@yandex.ru)

Khotkina Z.A.

TAKE CARE OF MEN: ORDER AND DECREE

Abstract. *In 1968, the Literary newspaper published a landmark article by Boris Urlanis "Take care of men!" – it was a kind of order. And exactly 50 years later, in 2018 in the Decree of the President of the Russian Federation the task "to reduce mortality of employable Russians" was set. In the report, the author analyzes the probability of implementing the Decree, and concludes that theoretically it is possible.*

Key words: *life expectancy, supermortality of men, dynamics, health of the population.*

References

1. Urlanis B. Take Care Of Men! // Literary newspaper of July 29, 1968.
2. Life expectancy in Russia 1959-2014. Human Mortality Database. Available at: <https://www.mortality.org/>
3. Health in Russia. 2017. Available at: www.gks.ru/bgd/regl/b17_34/IssWWW.exe/Stg/01-07.doc
4. The Demographic Yearbook of Russia 2017. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
5. Application to the Demoscope No. 757 – 758 from 29 Jan – 11 Feb 2018. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>
6. WHO. Global Health Observatory Data Repository. Available at: http://apps.who.int/gho/indicatorregistry/App_Main/view_indicator.aspx?iid=64
7. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 № 204. Available at: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1195467/#ixzz5F2ROyoX5>

Information about the Author

Zoya A. Khotkina (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economics, associate professor, leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovskii av., Moscow, 117218, Russian Federation; zoya-alex2012@yandex.ru)

Шаров В.В.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА

Аннотация. Приведены результаты оценки состояния социальной инфраструктуры сельских территорий с позиций количественных и качественных аспектов. Выявлены проблемы, например низкое качество обслуживания населения и низкое качество предоставления бытовых услуг. Предложены мероприятия по их преодолению.

Ключевые слова: сельские территории региона, социальная инфраструктура, качество коммунальной инфраструктуры, социологическая оценка, социально-демографические характеристики населения.

Социальная инфраструктура играет важную роль в системе общественного воспроизводства, создавая условия для развития экономики и обеспечения населения социальными благами и услугами. Однако современное её состояние в сельских территориях³⁸ характеризуется рядом проблем, например отсутствием связей дорог с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования (почти у трети сельских населенных пунктов), сокращением количества учреждений культурно-досугового типа и др. Дисбалансы в развитии социальной инфраструктуры между городскими и сельскими территориями приводят к нарушению принципов социальной справедливости в части обеспечения равных условий доступа к благам и услугам граждан, проживающих на этих территориях. Подчеркнем, что исследования по подобной проблематике предполагают не только анализ количественных, но и качественных аспектов развития социальной инфраструктуры сельских территорий. Последнее становится затруднительным без использования результатов социологических исследований, что актуализирует проведение научной работы в рамках данной проблематики.

Обращаясь к обзору существующих социологических исследований сельской жизни, отметим, что они имеют длительную историю. В работах В.М. Чернова, А.М. Большакова затрагиваются вопросы положения крестьянства в условиях проникновения капиталистических отношений в деревню, делается вывод о неоднозначности и противоречивости изменений в экономической, политической и культурной жизни крестьянства. Возрождение исследований, посвященных сельской жизни населения, связывают с 60-ми гг. XX в. [1, с. 11-12]. На современном этапе в качестве примеров таких работ на федеральном уровне можно отметить исследование, проведенное сотрудниками ВЦИОМ (январь-февраль 2013 г.), выявившими низкую удовлетворенность объектами социальной инфраструктуры в месте своего проживания (более чем в трети случаев), а также наиболее острые проблемы, связанные с состоянием инженерных коммуникаций, дорожным хозяйством, бытовым обслуживанием, медицинским обеспечением [2 с. 100-101]. Схожие результаты на региональном уровне были получены сотрудниками НИИ социальных технологий Самарского университета (2011 и 2013 г.) – низкие оценки у опрошенных

³⁸ Справочно отметим, что в рамках данного исследования под сельскими территориями мы будем понимать муниципальные районы вне границ крупных городов (Вологда, Череповец), представляющие собой целостные природно-хозяйственные объединения экономической, социальной, административной и прочих сфер.

получили такие составляющие социальной инфраструктуры, как состояние дорог, качество медицинского обслуживания, организация досуга и отдыха. При этом в отношении возможных изменений условий жизни на селе более трети опрошенных (37%) высказали критическую позицию и отметили, что изменений к лучшему, скорее всего, не произойдет [3, с. 34, 42, 44]. Еще один из примеров – комплексное исследование, выполненное под руководством Ж.Т. Тощенко (2016), в котором подчеркиваются обеспокоенность сельских жителей проблемами здравоохранения (примерно 60% случаев), в частности недоступность для каждого десятого сельского жителя страны услуг медицинских учреждений. Помимо этого поднимаются проблемы, связанные с образовательной и трудовой сферой [1, с. 225].

Учитывая выше обозначенное, целью исследования являлся анализ количественных и качественных аспектов социальной инфраструктуры сельских территорий. При этом одна из особенностей исследования была связана с тем, что количественные и качественные аспекты рассматривались, с одной стороны, по объектам социальной инфраструктуры разных сфер (например, сферы образования и культуры и др.), с другой стороны, количественные и качественные изменения были охарактеризованы по сравнению с советским периодом.

Для достижения этой цели в качестве информационной базы исследования использованы данные социологического исследования «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций», выполненного сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 г. на территории Вологодской области и охватившего 400 сельских жителей. Величина случайной ошибки выборки – 3–4% при доверительном интервале 4–5%.

Характеризуя полученные результаты, отметим, что с точки зрения количества различных инфраструктурных объектов по сравнению с советским периодом, по мнению жителей сельских территорий, наблюдается отрицательная динамика. В частности, почти каждый третий придерживался позиции, что сократилось количество школ, детских садов, кинотеатров (табл. 1).

Таблица 1. Как изменились количественные характеристики следующих аспектов жизни в населенном пункте по сравнению с советским периодом

Аспекты жизни в населенном пункте	Пол		Возраст	
	мужской	женский	до 30 лет	после 30 лет
Число школ				
Увеличилось	1,1	3,3	2,9	1,3
Осталось прежним	64,6	71,8	70,0	69,2
Уменьшилось	34,4	24,9	27,1	29,5
Число больниц				
Увеличилось	1,7	2,5	2,9	1,1
Осталось прежним	69,8	78,2	79,7	74,4
Уменьшилось	28,5	19,3	17,4	24,5
Число детских садов				
Увеличилось	9,0	11,5	12,9	9,5
Осталось прежним	64,4	64,6	64,3	66,8
Уменьшилось	26,6	23,9	22,9	23,7
Число библиотек				
Увеличилось	0,5	2,9	4,3	0,3
Осталось прежним	80,1	83,5	81,2	83,3
Уменьшилось	19,4	13,6	14,5	16,3

Аспекты жизни в населенном пункте	Пол		Возраст	
	мужской	женский	до 30 лет	после 30 лет
Число кинотеатров				
Увеличилось	0,9	3,4	5,9	0,5
Осталось прежним	70,5	74,5	70,6	74,2
Уменьшилось	28,6	22,1	23,5	25,3
Источник: данные социологического исследования «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016 г.				

При этом наблюдается некоторое различие в оценках в зависимости от социально-демографических характеристик населения (например, по уровню дохода, по возрасту и др.). Так, чем хуже материальное положение было у населения, тем более критичные оценки давались в отношении количественных изменений различных аспектов социальной инфраструктуры в населенном пункте. Это выражается в том, что более 70% из низкодоходной группы населения акцентировали внимание на сокращении школ, больниц, детских садов, а почти каждый второй говорил о сокращении числа библиотек.

Помимо количественных аспектов в исследовании учитывались и качественные. Например, более чем в 40% случаев население волновали проблемы с качеством коммунальной инфраструктуры, обучения в школах, оказания медицинской помощи, с качеством культурных мероприятий. Так же как и в случае с количественными аспектами социальной инфраструктуры, по качественным аспектам также наблюдалось различие в оценках в разрезе социально-демографических характеристик населения. Например, молодежь по большинству рассматриваемых сторон социальной инфраструктуры (за исключением оценок, связанных с состоянием дорог, состоянием окружающей среды и благосостоянием людей) была настроена менее критично по сравнению со старшим поколением. А высокодоходные группы населения чаще давали положительные оценки по сравнению с представителями низкодоходных групп. Так, например, среди тех, у кого денег не хватало даже на приобретение продуктов питания, более 90% отмечали ухудшение состояния дорог, качества обучения в школе и оказания медицинской помощи, более 80% – качества коммунальной инфраструктуры (*табл. 2*).

Подчеркнем, что, помимо критичных оценок изменения количественных и качественных аспектов социальной инфраструктуры, в ряде случаев можно было встретить и указание на отсутствие каких бы то ни было изменений, а также на положительные оценки. Например, для 70% вне зависимости от пола и возраста не произошло изменений по отоплению и теплоснабжению, а также водоотведению и канализации, три четверти оценили на том же уровне обеспеченность услугами газоснабжения. Между тем каждый третий говорил об улучшении ситуации с водоснабжением, практически каждый четвертый – с водоотведением и канализацией, каждый пятый – с отоплением и теплоснабжением.

Таблица 2. Как изменилось качество различных аспектов жизни в населенном пункте по сравнению с советским периодом

Аспекты жизни в населенном пункте	Характеристика денежных доходов			
	Денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания
Состояние дорог				
Ухудшилось	35,5	56,4	64,1	94,3
Осталось прежним	25,8	26,0	26,6	0,0
Улучшилось	38,7	17,7	9,4	5,7
Качество коммунальной инфраструктуры (водопровод, отопление, канализация)				
Ухудшилось	22,6	26,5	47,7	88,6
Осталось прежним	61,3	37,0	36,7	8,6
Улучшилось	16,1	36,5	15,6	2,9
Качество обучения в школах				
Ухудшилось	9,7	28,5	46,9	91,4
Осталось прежним	74,2	55,3	44,5	8,6
Улучшилось	16,1	16,2	8,6	0,0
Качество медицинской помощи				
Ухудшилось	12,9	31,5	56,3	91,4
Осталось прежним	74,2	60,2	40,6	8,6
Улучшилось	12,9	8,3	3,1	0,0
Качество культурных мероприятий				
Ухудшилось	19,4	30,0	50,4	60,0
Осталось прежним	58,1	50,0	34,6	37,1
Улучшилось	22,6	20,0	15,0	2,9
Источник: данные социологического исследования «Человеческий потенциал сельских территорий в период социально-экономических трансформаций», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016 г.				

Учитывая обозначенные выше проблемы, среди мероприятий для улучшения жизни в населенном пункте назывались увеличение количества рабочих мест, рост финансирования объекты социальной инфраструктуры, а также улучшение бытовых условий населения. Среди тех, кто испытывает трудности в приобретении продуктов питания, практически каждый третий помимо выше обозначенного обращал внимание на необходимость ввода в эксплуатацию новых образовательных учреждений.

Обобщая полученные результаты, отметим следующее:

- одной из ключевых проблем сельских территорий является ухудшение не только количественных (сокращение количества школ, детских садов, кинотеатров), но и качественных аспектов (более чем в 40% случаев население волновали проблемы с качеством коммунальной инфраструктуры, качеством обучения в школах и оказания медицинской помощи, культурных мероприятий), связанных с социальной инфраструктурой;
- значимой для населения проблемой является сокращение рабочих мест, что может приводить к ухудшению материального состояния населения. В свою очередь материальный фактор может сокращать возможности для улучшения жилищных условий, препятствовать получению доступа к Интернету. Еще одним следствием неблагоприятного материального

положения являются более критичные оценки в отношении изменений количественных и качественных аспектов социальной инфраструктуры;

– выделены проблемы, которые существуют в сельских населенных пунктах, среди них отсутствие работы (особенно остро эта проблема стоит для женщин и молодежи), низкое качество обслуживания населения и низкое качество предоставления бытовых услуг;

– обозначены мероприятия, направленные на улучшение жизни в населенном пункте, среди которых увеличение количества рабочих мест, рост финансирования в объекты социальной инфраструктуры, а также улучшение бытовых условий населения.

Библиографический список

1. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
2. Фролова Е.В. Ресурсы модернизации социальной инфраструктуры муниципальных образований Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014. № 1. С. 100-113.
3. Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В. Оценка состояния социальной инфраструктуры сельских поселений как фактор социального самочувствия // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 33-53.

Информация об авторе

Шаров Владимир Васильевич (Россия, Вологда) – директор, Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Учебно-методический центр Вологодской областной Федерации профсоюзов «Профэксперт» (160000, г. Вологда, ул. Зосимовская, 17; fakil1973@mail.ru)

Sharov V.V.

A SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF CERTAIN ASPECTS OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL TERRITORIES OF THE REGION

Abstract. *The paper presents the results of assessing the state of social infrastructure in rural areas from the standpoint of quantitative and qualitative aspects. Problems, for example, low quality of service of the population and low quality of providing household services are revealed. Measures are proposed to overcome them.*

Key words: *rural areas of the region, social infrastructure, quality of municipal infrastructure, sociological assessment, socio-demographic characteristics of the population.*

References

1. Smysly sel'skoj zhizni (Opyt sociologicheskogo analiza) / pod red. ZH.T. Toshchenko. M.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. 368 s. (in Russ.)
2. Frolova E.V. Resursy modernizacii social'noj infrastruktury municipal'nyh obrazovaniij Rossijskoj Federacii // Vestnik RUDN. seriya Sociologiya. 2014. № 1. S. 100-113. (in Russ.)

3. Bocharov V.Yu., Vas'kina Yu.V. Ocenka sostoyaniya social'noj infrastruktury sel'skikh poselenij kak faktor social'nogo samochuvstviya // Vestnik PNIPU. Social'no-ehkonomicheskie nauki. 2017. № 2. S. 33-53. (in Russ.)

Information about the Author

Vladimir V. Sharov (Vologda, Russia) – Director, Autonomous NPO Educational Center Vologda Regional Federation of Trade Unions “ProfEkspert” (17, Zosimovskaya str., Vologda, 160000, Russian Federation; fakil1973@mail.ru)

УДК 314.44:[314.424.2] / ББК 60.7+60.59

Шматова Ю.Е.

СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Представлен анализ статистических данных о заболеваемости психическими расстройствами, об уровне суицидов в России и Вологодской области. Изложены основные тенденции распространения тревоги, депрессии и невроза среди населения региона, полученные посредством социологического опроса.

Ключевые слова: психические расстройства, суицид, тревога, депрессия, невроз, бремя психических расстройств, психическое здоровье.

Сегодня каждый четвёртый-пятый человек в мире страдает тем или иным психическим или поведенческим расстройством. К 2020 году психические заболевания займут второе место по распространению и войдут в первую пятерку по количеству людских трудопотерь [1]. На их долю будут приходиться около 15% лет жизни, утраченных вследствие инвалидности [2]. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно около 800 тыс. человек добровольно уходят из жизни [3]. Самоубийства являются второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет [4; с. 5].

В нашей стране на учете по поводу психических расстройств и расстройств поведения состоит 1,5 млн человек (1% населения). При этом 60% из них – трудоспособного возраста, только каждый третий работает, а каждый четвертый – инвалид по психическому заболеванию [1].

Психика современного человека испытывает огромную интеллектуально-эмоциональную нагрузку, к которой он не готов. Как следствие, инсульты, головные боли, психические расстройства, депрессии, слабоумие становятся эпидемией в развитых странах [5; с.81-82]. Некоторые ученые говорят о системном кризисе в психиатрии [6].

Болезни нервной системы и психические расстройства являются ведущей причиной экономических потерь трудового потенциала (DALY) [7, 8, 9, 10]. Различные исследования подтверждают тяжелое бремя данных заболеваний (*табл. 1*).

Таблица 1. Совокупный экономический ущерб вследствие психических расстройств

Страна исследования	% ВВП страны	Источник данных
Австралии	5%	[11, 12]
Японии	0,6%	[13, 14, 15, 16]
28 европейских странах	2,3 %	[17]
США	7,2%	[18]
	В т. ч. вследствие: алкогольной зависимости – 2%; наркотической зависимости – 1,8%; депрессии – 0,86%	

Депрессия широко распространена во всем мире (350 млн человек [19]) и является ведущей причиной инвалидности населения США в возрасте 15–44 лет [20]. Группа тревожных расстройств считается самой распространенной среди психических расстройств, хоть и с меньшим бременем болезни. Огромный экономический ущерб наносит также преждевременная смерть от самоубийства [21, 22, 23].

В целом показатели психического здоровья населения России за последние 20 лет стабильно улучшаются. Заболеваемость душевными расстройствами с середины 90-х гг. сократилась в 2,2 раза, болезненность – на 20%, уровень самоубийств – в три раза. Последние четыре года показатель смертности от суицидов ниже критического (20 на 100 тыс. нас.). В 2017 г. он составил 13,8 случаев на 100 тыс. населения.

Однако отмечается устойчивый рост заболеваемости (с 1995 на 50%) и болезненности (на 70%) детей до 14 лет психозами и состояниями слабоумия, а также контингента подростков 15–17 лет, больных шизофренией (на 50%).

В целом позитивные российские тенденции в области душевного здоровья распространяются и на Вологодскую область (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей распространения психических расстройств в Вологодской области в 2006-2017 гг.

Года	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Заболеваемость, на 100 тыс. чел. нас.												
На 100 тыс.	824,1	687,2	615,2	660,1	635,3	625,2	579,5	569,3	476,4	510,3	523,9	502,1
% от всех заболеваний	1,0	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5
Болезненность, на 100 тыс. чел. нас.												
На 100 тыс.	5401	5137	5340	5448	5289	5355	5409	5383	5220	4949	4792	4493
% от всех заболеваний	3,7	3,6	3,6	3,5	3,4	3,5	3,5	3,5	3,4	3,1	2,9	2,6
Число лиц, находящихся на диспансерном учете, на 1000 чел. нас.												
На 100 тыс.	29,5	28,5	27,1	26,3	26,3	26,4	26	25,3	22,9	21,8	23,5	21,6
% от всех заболеваний	10,8	10,4	9,8	9,4	9,5	9,5	9,4	9,3	8,5	7,7	8,1	7,4

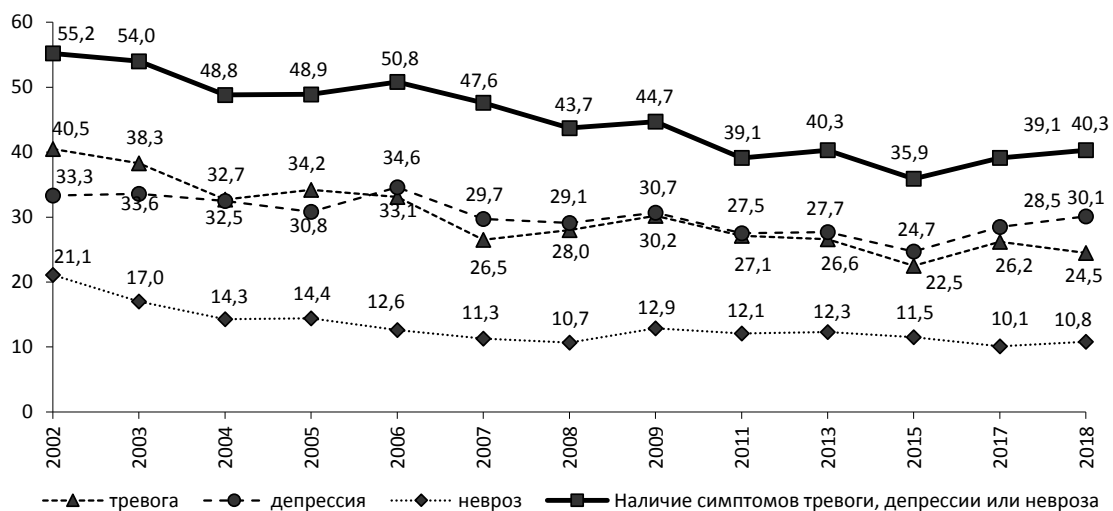
Источник: Демографический ежегодник за 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2018 г., Вологда.

В 2016 г. в регионе заболело «психическими расстройствами и расстройствами поведения» 328 человек, алкоголизмом и алкогольными психозами – 764, наркоманией и токсикоманией – 58 человек. На учете состоит 962 пациента на 100 тыс. человек населения, что ниже среднего уровня по стране (1020,9) и Северо-Западному федеральному округу (1036,1 на 100 тыс.).

Если в целом по стране за минувшие 10 лет уровень суицидов сократился в два раза, а в СЗФО – на 42%, то в Вологодском регионе – лишь на треть. Региональный уровень (18,4 случаев на 100 тыс. человек нас.) в 2017 г. выше среднероссийского (13,8), хотя 10 лет назад ситуация была обратной (26,5 и 27,1 соответственно).

Статистика, в силу сильного стигматизирующего фактора, не может полноценно отражать состояние психического здоровья населения. ВОЗ рекомендует правительствам всех стран внедрять механизмы мониторинга психического здоровья населения. По данным мониторинга ВолНЦ РАН, проводимого уже 17 лет, получены следующие результаты.

Распространение среди населения симптомов тревоги и депрессии в период 2002–2017 гг. сократилось на 20%, а невроза – в два раза (рис.). Настораживает, тем не менее, наличие у 40% жителей области признаков данных пограничных психоэмоциональных состояний. Беспокоит и рост в последние 4 года депрессии. В настоящее время ее уровень равен показателям посткризисного 2009 г. (30%).

Доля жителей Вологодской области, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза, % от числа опрошенных

Стоит отметить, что достаточно высокий уровень распространения тревоги, депрессии и невроза отмечается во всех, в т. ч. и в благополучных, социально-демографических группах (каждый четвертый – среди молодежи, каждый третий – среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием, среди «богатых и среднеобеспеченных» и среди городских жителей). Разумеется, среди социально уязвимых категорий (пожилых, малограмотных и малообеспеченных, сельских жителей) эти показатели несколько выше. Поэтому данные категории составляют группу риска и требуют повышенного внимания, профилактической и диагностической работы в сфере охраны их психического здоровья.

Системы раннего (или активного) выявления предрасположенности к психопатологии у нас в стране нет [6; с. 11]. Депрессия, в свою очередь, представляет собой широко распространенное, рецидивирующее и обладающее значительным негативным воздействием расстройство, поэтому крайне важно повысить уровень информированности о ней и обеспечить методы ее эффективного лечения [19]. Каждый доллар, инвестированный в лечение депрессии и тревожных расстройств, оборачивается 4 долларами в виде улучшенного здоровья и способности работать [24]. Обучение врачей общей практики навыкам ранней диагностики депрессии и ее лечения способствует снижению уровня суицидов на 20% [25].

Поэтому укрепление психического здоровья должно стать глобальным гуманитарным приоритетом и приоритетом в области развития каждой страны.

Библиографический список

1. Крот К.В., Мешалкина С.Ю., Слободенюк Е.В.. Социально-экономическая значимость психических расстройств: региональные аспекты // Дальневосточный медицинский журнал. 2016. С-91-96.
2. The mental health context. Geneva, World Health Organization, 2003. 46p.
3. Самоубийство. Информационный бюллетень ВОЗ, 2018. URL://<http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>
4. Young people and mental health in a changing world. WHO, Geneva, 2018. 71 p.
5. Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психическое здоровье населения России: что день грядущий нам готовит? // Психическое здоровье. 2013. № 9. С. 75-83.
6. Решетников М.М. Психическое здоровье населения – современные тенденции и старые проблемы // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С. 9-15.
7. Доклад о состоянии здравоохранения в мире 2001. Психическое здоровье: Новое понимание, новая надежда. Женева: ВОЗ, 2001. 215 с.
8. Cohen J. The GBO Study: a useful projection of future global health // J. Publ Health Medic. 2000; Vol. 2, № 4. P. 518-524.
9. Eaton W.W. et al. The Burden of Mental Disorders // Epidemiol. Rev. 2008. № 30. P. 1-14.
10. Kessler R.C. et al. The global burden of mental disorders: an update from the WHO World Mental Health (WMH) Surveys // Epidemiol Psychiatr Social. 2009. Vol. 18. № 1. P. 23-33
11. Hilton M.F. et al.. Using the interaction of mental health symptoms and treatment status to estimate lost employee productivity // Aust. N-Z. O. Psychiatry. 2010. № 44 (2). P. 151-161.
12. The economic impact of youth mental illness. Report by Access Economics Pty Limited for Orygen Research Centre. – Victoria, 2009. 57 p.
13. Dasapriya E., Iwase N. Stigma of mental illness in Japan // Lancet Psychiatry. 2002. № 359. P. 1886.
14. Kawakami N., Shimizu H.etal Lifetime and 6-month prevalence of DSM-III-R psychiatric disorders in an urban community in Japan // Psychiatry Res. 2004. № 121. P. 293-301.
15. Kawakami N., Takeshima T., et al. Twelve-month prevalence, severity, and treatment of common mental disorders in communities in Japan: preliminary finding from the World Mental Health Japan Survey 2002-2003 // Psychiatry and Clinical Neurosciences. 2005. № 59. P. 441-452.
16. Ma S. China struggles to rebuild Mental health programs // Can. Med. Ass. Journ. 2011. № 8:183. P. 89-90.

17. Andin-Sobockil P., Jonsson B., et al. Costs of Disorders of the Brain in Europe // Eur.J. Neurology. 2005. № 12 (1). P. 1-27.
18. Eaton W.W., Martins S.S., et al. The Burden of Mental Disorders // Epidemiol. Rev. 2008. № 30. P. 1-14.
19. Групповая интерперсональная терапия (ИПТ) при депрессии. ВОЗ, Женева, 2018.
20. The WHO World Mental Health Survey Consortium Prevalence, severity, and unmet need for treatment of mental disorders in the World Health Organization World Mental Health Surveys // J Am Med Assoc. 2004. № 291. P. 2581-2589.
21. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.
22. Шматова Ю.Е., Морев М.В., Любов Е.Б. Экономическое бремя социально-значимых болезней и девиантного поведения населения Вологодской области // Суицидология. 2014. Т. 5. № 3 (16). С. 59-64.
23. Шматова Ю.Е., Фалалеева О.И., Гулин К.А. Общественное психическое здоровье: тенденции и проблемы / ВНКЦ ЦЭМИ РАН. Вологда, 2006.
24. Dan Chisholm, Kim Sweeny, et al. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis // Lancet Psychiatry. 2016, Т.3. № 5. P.415-424.
25. Краснов В.Н. Расстройства аффективного спектра. М.: Практическая медицина, 2011. 432 с.

Информация об авторе

Шматова Юлия Евгеньевна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а).

Shmatova Yu.E.

CONDITION AND MAIN TENDENCIES OF MENTAL HEALTH OF THE POPULATION IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The analysis of statistical data on the incidence and morbidity of mental disorders, the level of suicides in Russia and the Vologda region is presented. The main trends in the spread of anxiety, depression and neurosis among the population of the region, obtained through a sociological survey.*

Key words: *mental disorders, suicide, anxiety, depression, neurosis, burden of mental disorders, mental health.*

References

1. Krot KV, Meshalkina S.Yu., Slobodenyuk EV. The socio-economic significance of mental disorders: regional aspects. Far Eastern Medical Journal, 2016. С. 91-96.
2. The mental health context. Geneva, World Health Organization, 2003. 46 rubles.
3. Suicide. WHO Newsletter 2018 URL: // <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/suicide>
4. Young people. WHO, Geneva, 2018. 71 p.
5. Andreev I.L., Nazarova L.N. Mental health of the population of Russia: what is the next day preparing us? // Mental health. № 9. 2013. pp. 75-83.

6. Reshetnikov MM Mental health of the population – current trends and old problems // National Psychological Journal. 2015. № 1 (17). С. 9-15.
7. World Health Report 2001. Mental Health: New Understanding, New Hope. Geneva: WHO, 2001. 215 p.
8. Cohen J. The GBO Study: a global projection of global health // J. Publ Health Medic. 2000; Vol. 2, No. 4. R. 518-524.
9. Eaton W.W. et al. The Burden of Mental Disorders // Epidemiol. Rev. 2008. No. 30. R. 1-14.
10. Kessler R.C. et al. World Health Mental Health (WMH) Surveys // Epidemiol Psichiat Social. 2009. Vol. 18. No. 1. P. 23-33.
11. Hilton M.F. et al. Estimate of employee productivity // Aust. N-Z. O. Psychiatry. 2010. No. 44 (2). R. 151-161.
12. The economic impact of youth mental illness. Report by Access Economics Pty Limited for Orygen Research Center. Victoria, 2009. 57 p.
13. Dasapriya E., Iwase N. Stigma of mental illness in Japan // Lancet Psychiatry. 2002. No. 359. R. 1886.
14. Kawakami N., Shimizu Hetal Lifetime and 6-month prev. Of DSM-III-R Psychiatry Res. 2004. No. 121. R. 293-301.
15. Kawakami N., Takeshima T. et al. World Health Survey Survey 2002-2003 // Psychiatry and Clinical Neurosciences. 2005. No. 59. R. 441-452.
16. Ma S. China struggles to rebuild mental health programs // Can. Med. Ass. Journ. 2011. No. 8: 183. R. 89-90.
17. Andin-Sobockil, P., Jonsson, B. et al. Costs of Disorders of the Brain in Europe // Eur.J. Neurology. 2005. No. 12 (1). R. 1-27.
18. Eaton W.W., Martins S.S. et al. The Burden of Mental Disorders // Epidemiol. Rev. 2008. No. 30. R. 1-14.
19. Group interpersonal therapy (IPT) for depression. WHO, Geneva, 2018.
20. World Health Organization Surveys. J Am Med Assoc. 2004. No. 291. R. 2581-2589.
21. Preventing suicide: a global imperative. Geneva: World Health Organization, 2014. 97 p.
22. Shmatova Yu.E., Morev M.V., Lyubov E.B. The economic burden of socially significant diseases and deviant behavior of the population of the Vologda region // Suicidology. 2014. V. 5. No. 3 (16). Pp. 59-64.
23. Shmatova Yu.E., Falaleeva OI, Gulin K.A. Public Mental Health: Trends and Problems. VNCS CEMI RAS. Vologda, 2006.
24. Dan Chisholm, Kim Sweeny et al. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis // Lancet Psychiatry. 2016, Vol. 3. No. 5. P. 415-424.
25. Krasnov V.N. Affective Spectrum Disorders. M.: Practical medicine, 2011. 432 p.

Information about the Author

Yulia E. Shmatova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation)

СЕКЦИЯ 3.
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРАКТИКИ

УДК 330.341.1 / ББК 65.013

Алферьев Д.А.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ЕГО РОЛЬ И МЕСТО В ПРОГНОЗНОЙ
АНАЛИТИКЕ

Аннотация. Технологии искусственного интеллекта в настоящий момент повсеместно внедряются в различные сферы человеческой жизнедеятельности. Возможности данного инструмента позволяют улучшить прогнозно-аналитические оценки и автоматизировать часть работ, связанных с унифицированными процессами и явлениями.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, прогнозирование, обработка и анализ данных.*

Прогнозирование служит важным инструментом при принятии сложных социально-экономических управленческих решений. Их итоговая эффективность зависит от последовательности событий, возникающих после их непосредственного осуществления. Соответственно, возможность предсказания будущих сценариев позволяет сделать наилучший выбор, который в противоположном случае обречен на неудачу.

В связи с этим целью доклада является обоснование необходимости использования современных технологий искусственного интеллекта при прогнозной аналитике социально-экономических трендов.

С развитием вычислительных мощностей компьютеров и электронно-вычислительных машин, а также большого количества данных, расположенного в интернет-пространстве, классические методы прогнозирования могут быть дополнены и значительно улучшены в разрезе результата, который должен быть получен при прогнозе. В настоящий момент наиболее перспективными в этом понимании являются технологии искусственного интеллекта (ИИ). Данное направление в обработке анализа данных и информации стало активно развиваться в последние годы [1].

На Всемирном экономическом форуме 2018 г. в Давосе глава Сбербанка России Греф Г.О. указал на то, что искусственный интеллект является подрывной технологией XXI века. Ее обладатель сможет заручиться серьезным конкурентным преимуществом в той сфере деятельности, где будет внедрена данная технология, и оставить позади своих конкурентов, даже если до этого они были лидерами в поле своей деятельности [2].

Преимуществом таких технологий является возможность решения слабо формализуемых задач, в своей структуре имеющих динамический характер протекаемых в них процессов. Тем не менее, отметим, что проблемы в их классическом понимании также могут быть решены при помощи технологий ИИ и ответы могут быть получены как близкие к оптимальным, либо даже лучше тех, которые найдены при помощи классических методов прогнозирования, анализа и обработки данных. Моделируемые при этом искусственные нейронные сети (структура математической модели, получаемая при использовании

технологий ИИ) дают возможность наладить зависимость в формируемой модели между результирующими оценками и прочими структурными элементами без указания вида взаимосвязи. В связи с этим технологию искусственного интеллекта можно рассматривать как универсальный метод аппроксимации [3].

Моделям, построенным по принципам технологии искусственного интеллекта, присуще не прогнозирование, а распознавание в текущем состоянии социально-экономических явлений ранее встречавшихся ситуаций и в соответствии с этим воспроизведение наиболее точных результатов, которые были сделаны в соответствии со сложившейся ситуацией. Так же как и классические модели, она успешно работает, пока в исследуемой системе не произошли кардинальные изменения, но в отличие от них модель, поддерживающая ИИ, может быть легко доработана, не теряя результаты, полученные на ранних этапах моделирования.

Отметим, что социально-экономические системы имеют значительные особенности, где могут быть выделены: сложность обнаружения взаимосвязей элементов, которые в ней имеются, а также огромное множество объектов, которые отличаются друг от друга и находятся в постоянной динамике своего развития. В связи с этим технологии искусственного интеллекта являются идеальным инструментом для моделирования экономических процессов.

В заключение еще раз укажем на то, что технологии искусственного интеллекта имеют ряд преимуществ перед классическими методами прогнозной аналитики, которые обусловлены их применением в неопределенности условий, и факторов исследуемой операции; в возможности обработки неструктурированных данных, под которыми мы будем понимать различные графические и звуковые символы, расположенные в хаотичном порядке, без какой-либо предварительной сортировки и отбора; а также сложностью решаемой задачи, обусловленной различными вариантами взаимодействия исследуемых объектов и среды в которой они находятся. Помимо этого, технологии ИИ также могут быть использованы в качестве вспомогательного инструмента, формируя необходимые поправочные коэффициенты в классических моделях, для того чтобы результат моделирования и адекватность прогноза были предельно достоверны и точны.

Библиографический список

1. Сигель Э. Просчитать будущее. Кто кликнет, купит, совет или умрет. Издательство Альпина Паблишер, 2017. 374 с.
2. Урунов А.А. Влияние искусственного интеллекта, интернет-технологий на рынок труда и стратификацию общества // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: материалы 1-й Международной научно-практической конференции. Вып. 4. Государственный университет управления. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. С. 220-225.
3. Алферьев Д.А. Технологии ИИ как метод прогнозной аналитики // Искусственные общества. 2018. № 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000137-9-1>

Информация об авторе

Алферьев Дмитрий Александрович (Россия, Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; alferev_1991@mail.ru)

Alferev D.A.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, ITS ROLE AND PLACE IN FORECAST ANALYTICS

Abstract. *Artificial intelligence technologies are being universally introduced into various spheres of human activity. The capabilities of this tool allow you to improve the forecast and analytical assessments and automate some of the work associated with unified processes and phenomena.*

Key words: *artificial intelligence, forecasting, data processing and analysis*

References

1. Siegel E. To calculate the future. Whoever clicks, buys, lies, or dies. Publisher: Alpina Publisher, 2017. 374 p.
2. Urunov A.A. Influence of artificial intelligence, Internet technologies on the labor market and stratification of society // Step into the future: artificial intelligence and digital economy: materials of the 1st International Scientific and Practical Conference. Issue 4. State University of Management. M.: Publishing House GUU, 2017. P. 220-225.
3. Alferev D.A. AI technologies as a method of predictive analytics // Artificial societies. 2018. No. 4. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800000137-9-1>

Information about the Author

Dmitry A. Alferev (Vologda, Russia) – researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; alferev_1991@mail.ru)

УДК 330.88

Гулый И.М.

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА (BLOCKCHAIN) В ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье приводится описание процессов цифровой трансформации транспортного комплекса России. Приведена статистика ряда показателей в сфере цифровизации транспортных организаций. Показан пример использования технологий Blockchain транспортными компаниями – мировой и российский опыт.

Ключевые слова: цифровая трансформация, транспортный комплекс, цифровизация, цифровая экономика, blockchain, технологии распределенного реестра.

Цифровая трансформация все заметнее охватывает в сфере транспорта и логистики. Электронные билеты, онлайн-регистрация на рейсы, «умные» системы навигации, вызов такси через приложение в телефоне стали привычными в повседневной жизни. В недалеком будущем обыденными станут беспилотный транспорт, интеллектуальные системы управления транспортными потоками, «умные» дороги, которые самостоятельно способны отслеживать те же самые нелегальные перевозки, и многое другое, что ещё совсем недавно казалось и даже сегодня кажется фантастикой или полуфантастикой [2].

В настоящее время на государственном уровне поставлена задача формирования в России единого цифрового транспортного пространства, сделать пассажирские и грузовые

перевозки более безопасными, удобными, доступными для людей и бизнеса, снизить издержки, расширить экспортные и транзитные возможности [4]. Для решения этих задач предусмотрен ведомственный проект «Цифровой транспорт и логистика», который разрабатывается в рамках государственной программы по развитию транспорта.

На уровне Правительства РФ обозначены направления цифровизации транспортного комплекса:

1. В сфере грузоперевозок планируется переход к абсолютно цифровому управлению. Бумажные накладные, декларации точно «должны уйти в прошлое». Оплата пошлин и оформление таможенных документов должны быть полностью электронными. В значительной степени они уже во многих местах стали таковыми [5]. Современные технологии помогут выбрать оптимальные способы доставки груза, планировать маршруты в зависимости от загрузки дорог, отследить местонахождение и состояние грузов и, конечно, оптимизировать работу персонала.

2. Перевод «в цифру» пассажирских перевозок. Поставлены задачи по внедрению единого билета и расширению программ лояльности для пассажиров.

Ожидается, что наиболее масштабная цифровая трансформация произойдет у крупнейших перевозчиков, например в «Российских железных дорогах», «Аэрофлоте» и ряде других крупнейших компаний.

Статистика индикаторов применительно к транспорту позволяет утверждать, что в последние годы (рассмотрен период с 2015 по 2017 г.) наблюдается плавная трансформация организаций транспорта в направлении их перевода на цифровую модель. За указанный период затраты на информационные и коммуникационные технологии в номинальном значении выросли почти в 2 раза (до 108,5 млрд рублей), а доля затрат в консолидированном обороте выросла с 1,2 до 1,6% (рис. 1).

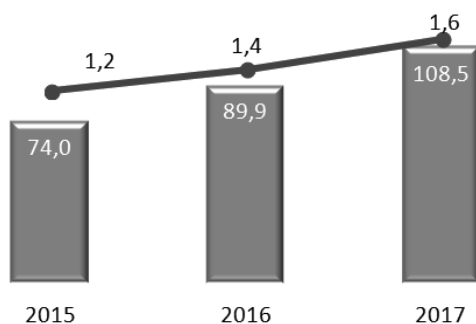

Рисунок 1. Затраты на информационные и коммуникационные технологии в организациях транспорта в целом по РФ, млрд рублей (столбиковый ряд) и доля затрат на ИКТ в выручке транспортных организаций РФ (точечный график), %, в 2015–2017 гг. Источник: построено авторами на основе [6].

Для транспортных организаций имеет тенденцию к росту значение индикатора «Доля организаций, имевших CRM, ERM, SCM-системы». В 2017 году этот параметр вырос в среднем по отрасли до 20,9% (рис. 2). Таким образом, руководство компаний решает задачи перевода перевозочной деятельности на цифровые технологии.

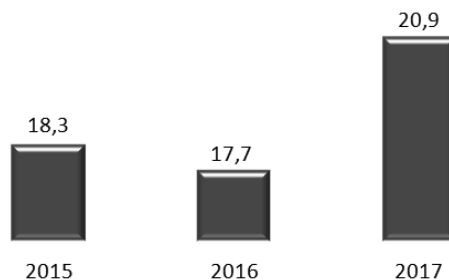

Рисунок 2. Доля организаций транспорта РФ, имевших CRM, ERP и SCM-системы, % от общего числа обследованных организаций транспорта, в 2015–2017 гг.

Источник: построено авторами на основе [3].

Расширяется использование онлайн-систем платежей. Это еще один индикатор, который подчеркивает использование цифровых систем при осуществлении маркетинговой и коммерческой работы на транспорте (рис. 3).

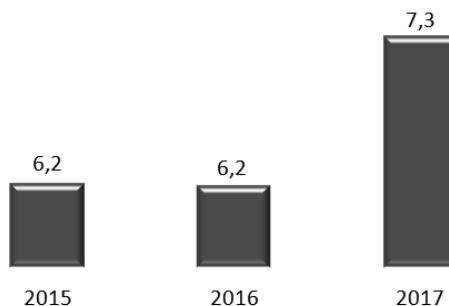

Рисунок 3. Доля организаций транспорта РФ, имевших онлайн-системы платежей, % от общего числа обследованных организаций транспорта, в 2015–2017 гг.

Источник: построено авторами на основе [3].

Транспорт нуждается в самых современных цифровых технологиях, для того чтобы остаться конкурентоспособным на мировом рынке, обеспечить потребность в перевозках возрастающих объемов пассажиров и грузов, доступность и качество оказываемых услуг.

Цифровые технологии на транспорте будут на новом уровне обеспечивать проектирование, строительство и эксплуатацию объектов инфраструктуры, а также процессы мониторинга и управления проектной деятельностью. В настоящее время в транспортном комплексе РФ уже реализуется ряд масштабных проектов по созданию информационных систем нового поколения [1].

Одной из самых перспективных, эффективных цифровых технологий будущего является blockchain, или технология распределенных баз данных. Blockchain является распределенной и децентрализованной базой данных, хранящая информация в которой распределена между огромным числом узлов (компьютеров) по всему миру. В отличие от обычных баз данных, информация в которых хранится на одном либо ограниченном числе серверов (в случае репликации данных), блокчейн использует все компьютеры, подключенные к сети. В блокчейне могут участвовать все заинтересованные участники бизнес-операций – физические и юридические лица. Причем участники взаимодействуют в системе напрямую,

без временным задержек, информация, транзакции, контрактные отношения происходят в блокчейне в режиме «онлайн». Блоки системы распределенного реестра представляют собой цифровые контейнеры, предназначенные для хранения данных. Находящаяся в них информация представлена в зашифрованном виде, поэтому она является защищенной. В таком контейнере хранятся данные о транзакциях, а также информация о предыдущем созданном блоке. Последовательность блоков и образует цепочку, называемую блокчейн. Преимущества «блокчейн» – значительные экономические, организационные эффекты. Конкретно они связаны со следующими аспектами:

Блокчейн, как правило, – это ИТ-платформа мирового масштаба, действие ее безгранично.

Система не требует интеграции между отраслевыми и корпоративными локальными системами.

Существенно сокращает себестоимость перевозки.

Блокчейн выступает универсальной площадкой безбумажного многостороннего информационного обмена для всех видов транспорта.

Исключает необходимость в посредниках.

Приводит к сокращению задержек и простоев, связанных с оформлением документов.

Сокращает непроизводительные потери.

Позволяет более быстро выявлять проблемы, связанные с осуществлением сделок и перевозок.

Приводит к повышению финансовых показателей – оборачиваемости, эффективности управления запасами и др.

На примере крупнейшей в мире железнодорожной компании – ОАО «РЖД» – рассмотрим перспективные проекты по применению «блокчейн». Они приведены на *рисунке 4*.

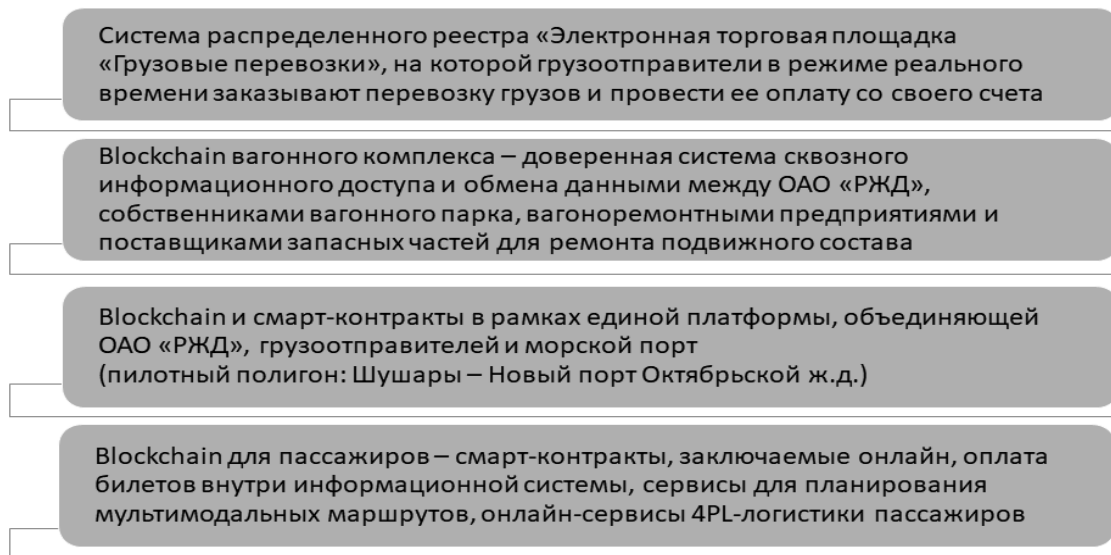

Рисунок 4. Перспективные проекты в области «blockchain» в ОАО «РЖД» [1]

В мировой практике существуют прорывные пилотные проекты применения «блокчейн» в транспортном комплексе и логистике. Компания Maersk в 2017 году запустила проект оцифровки процесса доставки контейнеров с использованием технологии blockchain – распределенной базы данных, позволяющей отслеживать путь контейнера по цепочке поставок с исключительной прозрачностью и безопасностью. В системе все стороны имеют возможность «сквозным образом» видеть процесс движения контейнера по цепочке поставок. В результате в пилотных отправлениях значительно возрастает скорость доставки, сократились простои, время рассмотрения документов существенно сокращается.

Рисунок 5. Схема «блокчейн» мультимодальных перевозок крупнейшего оператора транспортных контейнерных перевозок в мире – компании A.P. Moller Maersk AS на платформе IBM Hyperledger Fabric

Итак, внедрение технологий распределенного реестра на транспорте будет способствовать экономическому росту в глобальной и национальных экономиках, обеспечивать удовлетворение потребностей в качественных и безопасных перевозках в соответствии с требованиями населения и экономики, а также тенденциями мирового научно-технического прогресса; способствовать приведению технико-технологического и ресурсного потенциала транспорта в соответствие с запросами со стороны национальных и международных потребителей; реализовывать запросы граждан и экономических субъектов в области транспортной мобильности.

Библиографический список

1. Дорожная карта реализации Проекта «Цифровая железная дорога» ОАО «РЖД». URL: <http://www.rzd.ru>.
2. Журавлева Н.А. Цифровая трансформация глобальных транспортных систем // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А.В. Бабкина. СПб.: СПбПУ, 2017. 807с. С. 113-132.
3. Итоги федерального статистического наблюдения по форме № 3-информ. URL: <http://www.gks.ru>

4. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://www.government.ru>
5. О цифровой трансформации транспортного комплекса РФ: стенограмма совещания в Правительстве Российской Федерации 23 ноября 2018 года. URL: <http://government.ru/news/34821/>
6. Транспорт в России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 101 с.

Информация об авторе

Гулый Илья Михайлович (Россия, Санкт-Петербург) – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика транспорта», ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I» (190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 9; etran@pgups.ru)

Gulyi I.M.

EXPERIENCE AND PROSPECTS OF APPLICATION TECHNOLOGIES FOR DISTRIBUTED REGISTER (BLOCKCHAIN) IN TRANSPORT SYSTEMS

Abstract. *The article describes the processes of digital transformation of the transportation complex of Russia. The statistics of a number of indicators in the field of digitalization of transport organizations are mentioned. An example of the use of Blockchain technologies by transport companies is shown - world and Russian experience.*

Key words: *digital transformation, transportation complex, digitalization, digital economy, blockchain, distributed register technology.*

References

1. Road map for the implementation of the Project "Digital railway", JSC "Russian Railways». Access: <http://www.rzd.ru>.
2. Zhuravleva Natalia Digital transformation of global transport systems // Digital transformation of the economy and industry: problems and prospects; ed. A.V. Babkin. St. Petersburg, SPbPU, 2017. 807 p. P.113-132.
3. Results of the Federal statistical observation in the form № 3-inform. Access: <http://www.gks.ru>
4. Approving the program "Digital economy of the Russian Federation": the order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-R. Acces: <http://www.government.ru>
5. On the digital transformation of the transport complex of the Russian Federation: transcript of the meeting in the Government of the Russian Federation and November 23, 2018. Access: <http://government.ru/news/34821>
6. Transport in Russia. 2018: statistic yearbook / Rosstat. Moscow, 2018. 101 p.

Information about the Author

Ilya M. Gulyi (St. Petersburg, Russia) – Ph.D., associate professor, department of transport economy, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (9, Moskovskii av., St. Petersburg, 190031, Russian Federation; etran@pgups.ru)

Давыдова А.А.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
ОБРАБАТЫВАЮЩИХ ПРОИЗВОДСТВ**

Аннотация. В статье представлены результаты систематизации инструментов управления развитием обрабатывающих производств, выполненной на основе анализа опыта 37 субъектов РФ, основой экономики которых являются обрабатывающие производства.

Ключевые слова: обрабатывающие производства, регион, инструменты управления, условия функционирования обрабатывающих производств, факторы экономического роста.

Обрабатывающие производства являются основой экономики России и базой научно-технологического развития, поскольку выступают потребителем и создателем инноваций и технологий. Кроме того, они обеспечивают другие отрасли народного хозяйства средствами труда, гарантируют экономическую безопасность страны и достойный уровень жизни населения. Как следствие, приоритетной задачей государства является создание условий для формирования конкурентоспособных обрабатывающих производств, способных к развитию на основе создания и применения передовых производственных технологий. В связи с этим, целью настоящей статьи является разработка научно обоснованного подхода к формированию системы инструментов управления развитием обрабатывающих производств в регионе.

В настоящее время сформировалось несколько подходов в рамках различных научных школ, которые по-разному трактуют цели, задачи, формы и методы управления развитием обрабатывающих производств в регионе. Представители школы кейнсианско-неоклассического синтеза считают, что государство должно играть определяющую роль в предотвращении депрессивных состояний экономики страны и ее регионов [4]. Школа институционализма [2] придерживается точки зрения, что государственное регулирование необходимо в части контроля над деятельностью крупных корпораций, воздействия на механизмы конкуренции и ценообразования на товарных рынках, финансовом рынке, рынке труда и др. Ряд ученых-экономистов придерживаются третьего подхода к управлению развитием обрабатывающих производств и исходят из положения о том, что оптимальное воздействие государства на функционирование обрабатывающих производств должно осуществляться через внешнюю среду бизнеса [5].

Прямое воздействие органов власти и управления на субъекты обрабатывающих производств, находящихся преимущественно в частной собственности, невозможно в условиях рынка. Единственным способом воздействия на развитие обрабатывающих производств является управление условиями их функционирования в регионе [1]. Данный подход позволяет объективно определять степень возможного воздействия на обрабатывающие производства, задавать вектор их развития в соответствии с приоритетами социально-экономического развития региона, а также координировать деятельность субъектов обрабатывающих производств.

Систему условий функционирования обрабатывающих производств в регионе предлагается рассматривать в соответствии с факторами экономического роста территорий: труд, земля, капитал, научно-технический прогресс [3]. Так, условиями функционирования обрабатывающих производств по группе «Труд» являются демографическая ситуация в

регионе и система подготовки кадров для данного сектора экономики, по группе «Земля» – наличие в регионе площадок для размещения обрабатывающих производств и их обеспеченность инженерными коммуникациями. Условиями функционирования обрабатывающих производств по группе «Капитал» являются собственные, бюджетные и кредитные источники формирования капитала, а по группе «Научно-технический прогресс» – кадровая и финансовая обеспеченность научно-технической деятельности.

Таким образом, интенсивный экономический рост территорий возможен за счет формирования системы управления развитием обрабатывающих производств, основанной на создании благоприятных условий их функционирования в регионе.

Одним из основных элементов системы управления являются инструменты, которые представляют собой средства для решения конкретных задач и достижения поставленных целей. В связи с этим целесообразно рассмотреть отечественную практику управления развитием обрабатывающих производств, проанализировать действующие в регионах инструменты управления через призму формирования условий функционирования обрабатывающих производств по выделенным группам. Для этого были проанализированы действующие в 37 субъектах РФ, основой экономики которых являются обрабатывающие производства [1], региональные стратегические документы по развитию промышленности.

Исследование показало, что в данных документах отсутствует глубокий анализ деятельности предприятий региона и эффективности действующих инструментов, как следствие, не выявлены конкретные проблемы, для решения которых необходимо разработать соответствующие мероприятия. Кроме того, ответственными за реализацию мероприятий определены профильные министерства, департаменты или комитеты, а не конкретные отделы или уполномоченные лица, которые являются конечными исполнителями. Таким образом, в действующих региональных стратегических документах по развитию промышленности не выявлено системного подхода к разработке комплекса инструментов управления условиями функционирования обрабатывающих производств.

В рамках направления по развитию кадровых ресурсов используются преимущественно организационные инструменты управления. Наиболее распространенные из них: организация и проведение региональных конкурсов профессионального мастерства, а также мероприятий, посвященные профессиональным праздникам; организация и проведение конференций, круглых столов и семинаров. В то же время в Чувашской Республике сохранился такой инструмент, как организация целевой подготовки студентов по наиболее востребованным техническим специальностям для обрабатывающих производств. Особый интерес представляет также применяемая в Свердловской области группа инструментов, которая ориентирована на адаптацию и внедрение международной методики WorldSkills при подготовке российских кадров.

Инструменты управления условиями функционирования обрабатывающих производств по группе «Земля», используются всеми регионами. Они представляют собой мероприятия по созданию, развитию, контролю и мониторингу деятельности индустриальных парков, особых экономических зон и других территорий с особыми условиями ведения производственной деятельности. При этом мониторинг и контроль предоставления земельных участков, не входящих в состав данных территорий, и их инфраструктурное обеспечение не закреплены.

Действующими региональными программами и подпрограммами развития промышленности определены экономические инструменты, предусматривающие выделение финансовых ресурсов региона (в виде субсидий на возмещение затрат) на модернизацию и технологическое перевооружение предприятий, обеспечение деятельности региональных фондов развития промышленности, внедрение систем менеджмента качества и сертификации продукции по международным стандартам, приобретение и ввод в эксплуатацию программного обеспечения и др. В числе основных организационных инструментов управления условиями функционирования обрабатывающих производств по группе «Капитал» – оказание методической поддержки и информирование промышленных организаций. В условиях недостатка средств региональных бюджетов на поддержку предприятий, приоритетным направлением деятельности органов власти и управления территориями становится создание условий для обеспечения доступности мер поддержки федерального уровня для субъектов хозяйствования региона. В связи с этим, особый интерес представляет инструмент управления, предложенный в проекте программы развития промышленности республики Башкортостан – организация обучения специалистов для работы с промышленными предприятиями по вопросам участия в федеральных программах и взаимодействия с федеральными институтами развития.

Инструменты управления условиями функционирования обрабатывающих производств по группе «Научно-технический прогресс» разработаны и используются всеми субъектами РФ. При этом в ряде регионов они закреплены в программных документах по развитию промышленности, но в большинстве субъектов РФ сформированы отдельные программы и подпрограммы по научно-технологическому развитию. Это может говорить о низком уровне согласованности стратегических и программных документов региона по развитию промышленности и научно-технологическому развитию.

В целом субъектами РФ применяются следующие экономические инструменты управления: субсидирование затрат на НИОКР, на регистрацию прав на интеллектуальную собственность и их приобретение; региональные премии и гранты в области науки техники; гранты на НИР и НИОКР, предоставляемые совместно с РФФИ или РГНФ. В числе организационных инструментов: обеспечение деятельности центров инновационного творчества и технопарков, организация взаимодействия с научными организациями и институтами развития по вопросам коммерциализации региональных научно-технических разработок и др.

Таким образом, в регионах, для которых обрабатывающие производства являются основой экономики, не сформирован системный подход к управлению их развитием, не проводится глубокий анализ деятельности предприятий, выявление конкретных проблем и разработка мероприятий для их решения, с закреплением ответственных за их реализацию лиц. В связи с этим целесообразно разработать систему инструментов управления условиями функционирования обрабатывающих производств по выделенным группам условий. Как следствие, в регионе будет создана комфортная среда для становления высокотехнологичных обрабатывающих производств.

Библиографический список

1. Давыдова А.А. Инструменты управления условиями функционирования обрабатывающих производств в регионе // Вектор экономики. 2018. № 11 (29). С. 62.
2. Новосёлов А.С., Маршалова А.С., Волянская Т.В. Методологические основы концепции регионального и муниципального управления // Региональное и муниципальное управление: диагностика, планирование и мониторинг социально-экономического развития регионов Сибири / под ред. А.С. Новосёлова, В.Е. Селиверстова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. С. 8-43.
3. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.
4. Armstrong H., Taylor J. Regional Economics and Policy. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 2000. 448 p.
5. Regional Clusters in Europe / The European Observation for SMEs. Luxemburg: Eur-Op, 2002. № 3. URL: https://ec.europa.eu/growth/content/regional-clusters-europe-0_en (дата обращения: 05.11.2018).

Информация об авторе

Давыдова Арина Александровна (Россия, Вологда) – младший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; arina.davydova.1992@mail.ru)

Davydova A.A.

SYSTEMATIZATION OF DEVELOPMENT MANAGEMENT INSTRUMENTS FOR MACHINING MANUFACTURES

Abstract. *The article presents the results of systematization of tools for managing the development of manufacturing industries, made on the basis of an analysis of the experience of 37 constituent entities of the Russian Federation, whose economy is based on processing industries.*

Key words: *manufacturing, region, management tools, operating conditions for manufacturing, factors of economic growth.*

References

1. Davydova, A.A. Tools for managing the conditions of operation of processing industries in the region // Economy Vector. 2018. № 11 (29). p. 62.
2. Novoselov A.S., Marshalova A.S., Volyanskaya T.V. Methodological bases of the concept of regional and municipal management // Regional and municipal management: diagnostics, planning and monitoring the socio-economic development of the regions of Siberia / ed. A.S. Novoselova, V.E. Seliverstova. Novosibirsk: IEEPP SB RAS, 2016. p. 8-43.
3. Uskova T.V. Management of sustainable development of the region: monograph. Vologda: ISEDТ RAS, 2009. 355 p.
4. Armstrong H., Taylor J. Regional Economics and Policy. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 2000. 448 p.
5. Regional Clusters in Europe / The European Observation for SMEs. Luxemburg: Eur-Op, 2002. № 3. URL: https://ec.europa.eu/growth/content/regional-clusters-europe-0_en

Information about the Author

Arina A. Davydova (Vologda, Russia) – researcher, Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; arina.davydova.1992@mail.ru)

УДК 330.101 / ББК 65в6

Завьялова Е.А., Кобылко А.А.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В работе формулируется подход к региональной стратегии как к особой составной части общей стратегии научной организации экономического направления как социально-экономической системы средового типа. Исследование показало, что региональную стратегию необходимо дифференцировать в зависимости от различных территориальных «рынков» функционирования организации.

Ключевые слова: научная организация, региональная стратегия, стратегия, стратегическое планирование, системная экономическая теория.

Вопросы стратегического планирования деятельности научных организаций (НО) России как с теоретических, так и с практических позиций проработаны достаточно слабо. Анализируя официальные сайты НО экономического профиля в структуре РАН, можно констатировать, что стратегические планы в данной области либо не сформированы вовсе, либо стратегия развития института является конфиденциальным документом, т. к. упоминания о её наличии замечено не было. Подобное противоречит рекомендациям теории и практике других организаций, связанных с научными исследованиями, – высших учебных заведений. В то же время на сайтах российских вузов схожей тематики можно легко найти стратегии их развития, т. е. эта информация является публичной. На макро- и мезоуровне необходимо отметить ряд нормативно-правовых актов, в которых в той или иной степени указаны приоритеты долгосрочного развития в том числе и научной сферы страны. Но всё же необходимость построения подобных планов на микроуровне на практике не реализуется, хоть и очевидна (Качалов, Слепцова, 2018).

С целью учёта особенностей функционирования НО была предпринята попытка сформировать варианты стратегических решений с учётом подобной специфики, объединив подходы системной экономической теории (СЭТ) и неформальной стратегической школы ЦЭМИ РАН. СЭТ базируется на системной парадигме Я. Корнаи (Корнаи, 2002) и представляет собой её реализацию и развитие в виде рассмотрения различных социально-экономических составляющих жизни с позиций четырёх основных типов систем – объектной, средовой, процессной и проектной. Подобным образом можно рассмотреть и различные организации, отнеся каждую из них к одному из четырёх типов систем. В (Клейнер, 2009) приводятся примеры подобного распределения исходя из сферы деятельности и выпускаемых продуктов. Например, промышленные предприятия относятся к объектному типу, различные образовательные учреждения содержат в себе признаки процессной компании, строительные фирмы – проектной и т. д. На основе данного представления можно утверждать, что НО

относится к системе средового типа. Знания, создаваемые НО, не имеют границ распространения в территориальном и временном аспектах. Истинное научное знание с момента открытия абсолютно и не теряет своей актуальности, а его распространение трансгранично, т. к. результаты исследования должны быть открыты для научного сообщества. Отсюда и научная организация, чьи результаты деятельности в известной степени являются «продуктами» для различных групп потребителей, прежде всего представителей научной сферы, относится к организациям средового типа.

В данной работе на основе пространственных особенностей организаций средового типа формулируются особенности формирования региональной стратегии НО. На основе СЭТ оказывается возможным конкретизировать некоторый набор вариантов решений региональной составляющей стратегии. В силу специфики «средовой» деятельности, особенностей распространения научных знаний, а для экономической науки и специфики самих исследований, стоит уделить особое значение пространственной составляющей в силу выраженной региональной специализации исследований нестоличных институтов РАН.

В соответствии с рекомендациями СЭТ стратегия средовой организации должна строиться по объектному принципу, т. е. быть ограниченной в пространстве. Однако безграничность распространения научного знания указывает на необходимость трактовки данной рекомендации в следующем ключе: подобные границы будут заключаться в выделении различных территориальных сфер влияния НО. Понимая стратегию как совокупность долгосрочных решений, условно представляемых в виде списка по всем аспектам жизнедеятельности предприятия, можно выделить региональную составляющую. В (Клейнер, 2008) выделяется стратегический подвид «стратегия рыночной экспансии», однако вопросам территориального распространения в данном подходе выделен лишь один подпункт. В связи с этим становится необходимо расширить и конкретизировать данный пункт по различным направлениям.

На верхнем уровне стоит выделить, какова должна быть вся региональная стратегия НО:

- консервативная – сохранение ранее занятых позиций без запросов к усилению присутствия в других территориальных зонах;
- прогрессивная – расширение сферы влияния, распространения своих интересов на другие территориальные зоны.

Отметим, что выбор первого варианта (по объективным причинам) не несёт в себе негативной окраски в формате «стоять на месте и не развиваться», так же как и второй вариант не подразумевает развития в неограниченных масштабах.

Далее могут быть сформированы блоки различных планов к позиционированию организации в регионе физического нахождения; соседних областей; прочих территорий страны и т. д., сформулированные в виде наборов действий, как поступать при работе с конкретным территориальным рынком. Подобная вариативность и конкретизация может касаться как всей НО в области распространения её достижений, так и отдельных её направлений деятельности – распространения результатов исследований, продвижения научных продуктов, трансфера технологий в практическую сферу и пр. Отметим, что, говоря об экспансии, расширении сферы влияния на прочие регионы и страны, имеется в виду в первую очередь заметность и узнаваемость (в широком смысле) НО и её достижений на этих «рынках».

Избрание стратегии экспансии в другие регионы возможно с применением современных инфокоммуникационных технологий. Стоит понимать, что подобные коммуникационные уточнения для реализации региональной стратегии должны обеспечить согласование с другими составляющими комплексной стратегии НО, например маркетинговой, технико-технологической и пр.

Библиографический список

1. Качалов Р.М., Слепцова Ю.А. Структурный подход к выбору коммуникационных решений маркетинга научной организации // Экономическая наука современной России. 2018. № 3. С. 80-92.
2. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4-22.
3. Клейнер Г.Б. Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008. 568 с.
4. Клейнер Г.Б. Системный подход к стратегии предприятия // Современная конкуренция. 2009. № 1. С. 100-118.

Информация об авторах

Завьялова Елена Александровна (Россия, Москва) – научный сотрудник, ЦЭМИ РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47; alena@cemi.rssi.ru);

Кобылко Александр Анатольевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, ЦЭМИ РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47; kobyлко@cemi.rssi.ru)

Zavyalova E.A., Kobyлко A.A.

FEATURES OF FORMING THE REGIONAL STRATEGY FOR SCIENTIFIC ORGANIZATIONS

Abstract. *The article formulates an approach to the regional strategy. This is a special part of the complex strategy of the economic scientific organization. This organization belongs to the environmental socio-economic system. The regional strategy should be specified in the various regional scientific markets of the organization.*

Key words: *scientific organization, regional strategy, strategy, strategy planning, system economic theory.*

References

1. Kachalov R.M., Sleptsova Y.A. Structural Approach to the Marketing Strategy Creation for a Scientific Organization. Economics of Contemporary Russia, 2018, № 3, pp. 80-93 (in Russian).
2. Kornai J. System Paradigm. Voprosy Ekonomiki, 2002, № 4, pp. 4-22 (in Russian).
3. Kleiner G.B. Strategy of Enterprise. – Moscow: Delo, 2008, 568 p. (in Russian).
4. Kleiner G.B. Systemic Approach Towards a Business Strategy. Modern Competition, 2009, № 1, pp. 100-118 (in Russian).

Information about the Authors

Elena A. Zavyalova (Moscow, Russia) – researcher, CEMI RAS (47, Nakhimovskii av., Moscow, 117418, Russian Federation; alena@cemi.rssi.ru);

Alexander A. Kobylko (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economics, leading researcher, CEMI RAS (47, Nakhimovskii av., Moscow, 117418, Russian Federation; kobylko@cemi.rssi.ru)

УДК 332.1 / ББК 65.9(2Рос)

Каргинова-Губинова В.В., Тишков С.В., Щербак А.П., Кулаков К.А. МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНОВ: ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ*

Аннотация. Высокие энергопотребление и энергоёмкость экономики российских регионов, в первую очередь периферийных, обуславливают необходимость разработки, внедрения и совершенствования механизмов повышения региональной энергоэффективности. В статье обобщён российский и зарубежный опыт, выделены ключевые направления политики в области энергоэффективности, а также показана необходимость изменения порядка субсидирования регионов по программам энергоэффективности.

Ключевые слова: энергопотребление, энергоёмкость, энергетическая эффективность зданий, налоговые льготы, инвестиции, субсидирование регионов.

По данным за 2017 год, среди 60 крупнейших стран мира Россия занимает четвёртое место по потреблению энергоресурсов и второе – по энергоёмкости [1]. Это свидетельствует о низких показателях эффективности использования энергии в отечественной экономике и приводит к удорожанию производимых товаров и оказываемых услуг, росту расходов домохозяйств, нагрузке на окружающую среду.

Особо остро данная проблема стоит перед рядом периферийных и приграничных регионов. В 2017 году в рейтинге энергоэффективности субъектов Российской Федерации[†] последние места заняли Республика Дагестан (3,9 балла из 85 возможных), Чукотский автономный округ (6,2 балла), город Севастополь (9,2 балла), Республика Крым (14,6 балла) и Республика Северная Осетия – Алания (15,5 балла). Для сравнения: лидер, город Санкт-Петербург, набрал 65,3 балла, Ханты-Мансийский автономный округ – 61,8, город Москва – 59,1 [2]. Значительные физические и экономические расстояния, институциональная разобщённость индивидов снижают эффективность производственно-хозяйственной деятельности в периферийных регионах по сравнению с центральными [3]. При этом низкая полезность энергопотребления приводит к дополнительным расходам.

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Карелия в рамках научного проекта № 18-410-100002 p_a.

[†] В рейтинге учитывались такие показатели, как снижение энергоёмкости ВРП, энергоэффективность зданий бюджетного сектора, в том числе по освещению и теплоснабжению, эффективность освещения в уличном и дорожном хозяйстве и т. д.

российской экономики», к 2020 году энергоёмкость ВВП должна быть снижена не менее чем на 40% от уровня 2007 года. По экспертным оценкам, приведённым в Государственном докладе о состоянии энергосбережения и повышении энергетической эффективности в Российской Федерации в 2016 году, за 2007–2016 годы снижение энергоёмкости ВВП составило около 11,43%. Безусловно, возникает вопрос о точности данных экспертных оценок и отсутствии возможности их проверить, так как на сайте Федеральной службы государственной статистики приводятся данные по энергоэффективности лишь с 2012 года. Однако неоспоримым является факт, что к 2020 году достичь требуемых 40% практически нереально.

Вышеизложенное делает актуальным пересмотр существующих механизмов повышения энергоэффективности. Для этого целесообразно обратиться к опыту других стран.

В 2015 году опрос 1100 экспертов в 28 государствах Европейского Союза показал, что наиболее эффективными мерами повышения энергоэффективности признаны требования к энергоэффективности новых зданий, энергетическая маркировка продуктов и требования реновации зданий, наименее эффективными – специальные режимы налогообложения [4] (см. табл. 1).

Таблица 1. Эффективность механизмов политики в области энергоэффективности

Механизмы политики энергоэффективности	Число стран	
	Более 70% экспертов считают данный механизм частично или очень эффективным	Более 30% экспертов считают данный механизм неэффективным
Требования к энергоэффективности новых зданий	26	2
Энергетическая маркировка продуктов	25	0
Требования реновации зданий	23	2
Сертификация зданий	15	8
Программы локального энергетического планирования	12	10
Финансовые стимулы для домохозяйств	11	9
Финансовые стимулы для малого и среднего бизнеса	6	11
Энергетические аудиты компаний	6	12
Целевые консультации домохозяйств	6	13
Инспекция систем отопления и кондиционирования воздуха	2	17
Интеллектуальный учет	2	17
Налогообложение	4	21

Источник: [4].

В России требования энергетической эффективности зданий были утверждены только 17 ноября 2017 г. Данные требования устанавливают нормативные показатели по снижению удельных объемов энергии на отопление во вновь строящихся зданий: к 1 июля 2018 г. – на 20%, к 1 января 2023 г. – на 40%, к 1 января 2028 г. – на 50%. Однако не были определены потери энергии в отношении конкретных параметров составляющих зданий. В среднем потери 40% тепловой энергии обусловлены недостаточно надёжным остеклением [5], но для

изменения архитектуры и комплектующих строящихся зданий нужны более точные данные по всем источникам потерь. Также стоит помнить, что ранее строительные компании закупали теплосберегающие материалы преимущественно за рубежом. Значительный рост их стоимости делает необходимым стимулирование производства отечественных аналогов [6]. Без необходимой поддержки по реализации утверждение требований энергетической эффективности зданий приведёт лишь к их удорожанию и преимущественному монолитно-каркасному домостроению.

При этом в Российской Федерации в качестве основного стимула зачастую рассматривается именно налоговая льгота. Так, в середине 2018 года было предложено дифференцировать налоговые ставки на объекты недвижимого имущества в зависимости от их класса энергетической эффективности [7]. Напомним, что в России несколько лет назад было объявлено о введении налоговых льгот при строительстве энергоэффективных зданий. В 2016 году вышло разъяснение о невозможности применения льготы к объектам недвижимости, через год разъяснение отменили. Это привело к многочисленным судебным разбирательствам, которые ещё продолжаются [8].

В недостаточной мере ведётся и работа по повышению энергоэффективности уже построенных зданий. Практически отсутствуют датчики движения. Не везде регулярно промываются трубопроводы и стояки системы отопления, нет систем автоматического закрывания дверей, двери в подъезды, подвалы и чердаки закрываются неплотно. У управляющей организации недостаточно стимулов для проведения данных работ.

Безусловно, практически любое направление повышения энергоэффективности нуждается в особом финансировании. В России инвестиции в энергоэффективность в десятки раз меньше по сравнению с США, Китаем или Европейским союзом. При этом в 2015–2017 годах регионам прекратили выделять субсидии на реализацию программ по повышению энергоэффективности (7,1 млрд рублей – 40% от ранее запланированной суммы – было направлено на подготовку к чемпионату миру по футболу). Формально прекращение субсидирования связано с низкой эффективностью использования средств. Однако субсидии выделялись лишь в сентябре-декабре, а многие работы в сфере энергетики должны проводиться в межотопительный сезон [9].

Показанные низкая энергоэффективность экономики России, особенно периферийных регионов, и несовершенство мер по её повышению свидетельствуют о необходимости актуализации перечня используемых механизмов с учётом опыта их применения в других странах, а также порядка субсидирования регионов по программам энергоэффективности.

Библиографический список

1. Статистический Ежегодник мировой энергетики. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html>
2. Рейтинг энергоэффективности субъектов Российской Федерации (2017). URL: <https://minenergo.gov.ru/node/5197>
3. Каргинова В.В. Инфраструктурная модель северного региона: введение институтов экономической безопасности // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 8. С. 53-55.

4. Survey report 2015. Progress in energy efficiency policies in the EU Member States – the experts perspective URL: http://www.energy-efficiency-watch.org/fileadmin/eew_documents/EEW3/Survey_Summary_EEW3/EEW3-Survey-Report-fin.pdf
5. Энергоэффективность зданий становится обязательной. URL: <https://www.oknamedia.ru/novosti/energoeffektivnost-zdaniy-stanovitsya-obyazatelnoy-48010>
6. Энергоэффективность зданий: как «подтянуть» отрасль к новым стандартам. URL: <http://www.radidomapro.ru/ryedktzij/green/green/egnergoegffektivnostig-zdaniy--kak-podtianutig-o-64243.php>
7. Депутаты Госдумы поддержали введение налоговых льгот на энергоэффективное жилье. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2018/06/08/deputati-gosdumi-podderzhali-vvedenie-nalogovih-igot-na-energoeffektivnoe-zhile
8. Агапова К. «Зеленая» льгота. Как в России симулируют заботу об экологии зданий. URL: <http://www.forbes.ru/biznes/361261-zelenaya-igota-kak-v-rossii-simuliruyut-zabotu-ob-ekologii-zdaniy>
9. Башмаков И.А. Что происходит с энергоемкостью ВВП России? // Экологический вестник России. 2018. № 7. С. 18-29.

Информация об авторах

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; vkarginowa@yandex.ru);

Тишков Сергей Вячеславович (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; insteco_85@mail.ru);

Щербак Антон Павлович (Россия, Петрозаводск) – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50; scherbaka@mail.ru);

Кулаков Кирилл Александрович (Россия, Петрозаводск) – кандидат физико-математических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; kulakov@cs.karelia.ru)

Karginova-Gubinova V.V., Tishkov S.V., Shcherbak A.P., Kulakov K.A.

MECHANISMS OF IMPROVEMENT OF ENERGY EFFICIENCY OF REGIONS: BEST PRACTICES AND OPPORTUNITIES TO USE IT

Abstract. *High energy consumption and energy intensity of the economy of the Russian regions, primarily peripheral, necessitate the development, implementation and improvement of mechanisms to increase regional energy efficiency. The article summarizes the Russian and foreign experience,*

highlights the key areas of energy efficiency policy, and shows the need to change the order of subsidizing regions for energy efficiency programs.

Key words: *energy consumption, energy intensity, energy efficiency of buildings, tax benefits, investments, subsidization of regions*

References

1. Statistical Yearbook of world energy. Access mode: <https://yearbook.enerdata.ru/total-energy/world-consumption-statistics.html>
2. Energy efficiency rating of the subjects of the Russian Federation (2017). Access mode: <https://minenergo.gov.ru/node/5197>
3. Karginova V.V. Infrastructural model of northern region: introduction of institutions of economic safety // International Research Journal. 2018. No. 8. P. 53-55.
4. Survey report 2015. Progress in energy efficiency policies in the EU Member States – the experts perspective. Access mode: http://www.energy-efficiency-watch.org/fileadmin/eew_documents/EEW3/Survey_Summary_EEW3/EEW3-Survey-Report-fin.pdf
5. Energy efficiency of buildings becomes mandatory. Access mode: <https://www.oknamedia.ru/novosti/energoeffektivnost-zdaniy-stanovitsya-obyazatelnoy-48010>
6. Energy efficiency of buildings: how to " pull " the industry to new standards. Access mode: <http://www.radidomapro.ru/ryedktzij/green/green/egnergoeffektivnostig-zdaniy--kak-podtianutig-o-64243.php>
7. State Duma deputies supported the introduction of tax incentives for energy-efficient housing. Access mode: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2018/06/08/deputati-gosdumi-podderzhali-vvedenie-nalogovih-lgot-na-energoeffektivnoe-zhile
8. Agapova K. "Green" privilege. In Russia pretend to care about the environment of buildings. Access mode: <http://www.forbes.ru/biznes/361261-zelenaya-lgota-kak-v-rossii-simuliruyut-zabotu-ob-ekologii-zdaniy>
9. Bashmakov I.A. What happens to the energy intensity of Russia's GDP? // Ecological Bulletin of Russia. 2018. No. 7. P. 18-29.

Information about the Authors

Valentina V. Karginova-Gubinova (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Economics, Research Associate, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Aleksand Nevskii av., Petrozavodsk, 185030, Republic of Karelia, Russian Federation; vkarginowa@yandex.ru);

Sergey V. Tishkov (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Economics, Scientific Secretary, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Aleksand Nevskii av., Petrozavodsk, 185030, Republic of Karelia, Russian Federation; insteco_85@mail.ru);

Anton P. Shcherbak (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50, Aleksand Nevskii av., Petrozavodsk, 185030, Republic of Karelia, Russian Federation; sherbaka@mail.ru);

Kirill A. Kulakov (Petrozavodsk, Russia) – Ph.D. in Physics and Mathematics, associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Petrozavodsk State University» (50, Aleksand Nevskii av., Petrozavodsk, 185030, Republic of Karelia, Russian Federation; kulakov@cs.karelia.ru)

УДК 338.242.2 / ББК 65.30-551

Кремин А.Е.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Аннотация. Материалы рукописи представляют собой анализ существующего опыта стимулирования деятельности малых инновационных предприятий. На основе его результатов были определены основные направления государственных мероприятий, реализация которых необходима для организации исследуемого процесса.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государственная поддержка, инновационное развитие, зарубежный опыт.

Инновационное развитие национальной экономики сегодня определяется устойчивым и сбалансированным развитием инновационно ориентированных бизнес-структур, в том числе и малых, являющихся, согласно проведенному исследованию и анализу международного опыта, проводниками и создателями новых открытий и технологий, флагманом структурных преобразований современной экономики региона, направленных на повышение эффективности воспроизводственного процесса. Именно сейчас необходимость инновационного развития малых бизнес-структур становится одним из перспективных, популярных и конкурентных направлений во всем мире. Высокий уровень развития и динамизм инновационной сферы (науки, новых технологий, наукоемких отраслей) обеспечивает основу устойчивого экономического развития национальной экономики.

Проводя сравнение между странами по эффективности реализации данного направления развития, необходимо отметить, что в структуре мирового рынка высокотехнологичной продукции на долю России приходится лишь 0,4% (наибольшую долю занимают Китай – 26,1%, Германия – 9,5%, США – 7,7%) [4]. Ввиду того, что малый бизнес является источником инноваций и эффективным инструментом их внедрения в производственную деятельность экономических субъектов, вопросы его поддержки и развития на сегодняшний день являются актуальными. Поэтому цель данного доклада заключается в поиске перспективных направлений государственной поддержки деятельности малых форм хозяйствования на территории РФ с целью обеспечения инновационного развития.

Исследование опыта зарубежных стран в данной области позволяет сделать вывод о том, что процесс инновационного развития экономики основывается на реализации комплекса целевых научно-технических программ, финансируемых из средств государственного бюджета. На их территории организациям, осуществляющим производство наукоемкой продукции и внедряющим новые технологии, со стороны государства предоставляются

различные льготы. Причем государственное участие в активизации инновационной деятельности является ключевым и заложено в стратегические направления их развития.

Говоря об основных направлениях государственной поддержки данных организаций, можно выделить следующие группы мер: организация системы трансфера технологий; формирование объединений и сетей организации поддержки инновационных процессов; развивается система финансовых посредников – лизинг, факторинг, аутсорсинг и др.; предоставление дотаций, грантов, прямого финансирования (Китай, Германия), а также организация государственных заказов и закупок (Великобритания и США) с целью финансирования НИОКР; предоставление различных видов льгот, в том числе налоговых (США, Китай, Великобритания и др.); формирование инфраструктуры, необходимой для инновационного развития промышленных предприятий (технопарки, производственные кластеры, промышленные парки и технополисы и т. д.).

Стоит отметить, что данные виды государственной поддержки представлены и в РФ. Их регламентация осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях при помощи соответствующих программ развития, в состав которых включены различные мероприятия, дифференцированные между каждым субъектов федерации. Результаты проведенных ранее исследований позволили сделать вывод о том, что одновременно с ростом государственной поддержки на территории каждого субъекта федерации происходит снижение эффективности деятельности субъектов малого предпринимательства во всех сферах деятельности, включая научно-техническую [2].

Для решения данной проблемы необходимо разработать комплекс мероприятий по повышению результативности региональных программ развития бизнес-субъектов в данной сфере. По мнению автора, основным направлением совершенствования указанной системы государственной поддержки должна являться организация системы мер на муниципальном уровне, обеспечивающих формирование благоприятной среды для функционирования исследуемых субъектов экономики [3]. В ее состав должно входить пять направлений мероприятий:

1. Нормативно-правовые – развитие нормативно-правой базы по взаимодействию администрации муниципальных образований и субъектов малого бизнеса. Решение данных вопросов позволит снизить административные барьеры и улучшить качество управленческой деятельности МСУ.

2. Информационные – предоставление доступа к актуальной информации, содержащей характеристику экономического положения и инвестиционной привлекательности территории МО. Реализация данных мероприятий по представленному направлению будет способствовать, в первую очередь, повышению показателей распространенности и эффективности функционирования субъектов малого бизнеса.

3. Организационные – представленное направление деятельности МСУ призвано создать основу модели содействия активизации функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне. Создание структурных элементов в администрации МО, занимающихся решением вопросов развития сектора МБ, позволит реализовать оперативное управление данным процессом и обеспечить качественное исполнение поставленных задач.

4. Экономические – реализация базовых мероприятий по представленному направлению, так как именно от усилий МСУ зависит эффективность решения указанных проблем.

5. Ресурсно-методические – решение вопросов профессиональной подготовки и переподготовки как должностных лиц, оказывающих государственную поддержку субъектам предпринимательства, так и самих предпринимателей. Осуществление мероприятий по данному направлению позволит улучшить показатели масштабности и эффективности функционирования малого бизнеса на муниципальном уровне.

Реализация данной системы мероприятий на муниципальном уровне позволит обеспечить формирование новых субъектов малого предпринимательства в регионе, что также благоприятно отразится на возможности организации научно-технической деятельности данных организаций. Материалы статьи могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления при определении дальнейшей стратегии и разработке программ инновационного развития территорий.

Библиографический список

1. Теребова С.В. Механизмы повышения инновационной активности промышленных предприятий: проблемы разработки и внедрения: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 300 с.
2. Кремин А.Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 46-61.
3. Кремин А.Е., Гулин К.А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 94-110.

Информация об авторе

Кремин Александр Евгеньевич (Россия, Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; akremin@inbox.ru)

Kremin A.E.

STATE STIMULATION OF THE ACTIVITY OF SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES

Abstract. *The materials of the manuscript are an analysis of the existing experience of stimulating the activities of small innovative enterprises. On the basis of its results, the main directions of state measures were identified, the implementation of which is necessary for the organization of the process under study.*

Key words: *small business, state support, innovative development, foreign experience.*

References

1. Terebova S.V. Mechanisms of increasing innovation activity of industrial enterprises: problems of development and implementation: monograph. Vologda: FGBUN ISEST RAS, 2017. 300 p.
2. Kremin A.E. Methodology for assessing the effectiveness of state support for small business in the region // Problems of Territory Development. 2017. No. 3 (89). Pp. 46-61.

3. Kremin A.E., Gulin KA Management of the functioning of small businesses at the municipal level as a tool for the development of the region's economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. Т. 10. № 4. Р. 94-110.

Information about the Author

Alexander E. Kremin (Vologda, Russia) – Researcher, Federal State Budgetary Research Institution «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; akremin@inbox.ru)

УДК 339.5 / ББК 65.05

Метляхин А.И.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛОГИСТИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме оценки влияния развития различных функциональных областей логистики на объём экспорта. Исследование было выполнено на материалах различных стран мира в зависимости от уровня развития их экономики и регионального расположения. В работе показано положительное влияние развития отдельных направлений логистики на размеры экспорта товаров и услуг, а также выделены факторы, усиливающие и ослабляющие положительный эффект.

Ключевые слова: индексы развития логистики, международная торговля, экспортный потенциал.

Одним из факторов повышения уровня жизни населения региона может являться увеличения объёмов выпускаемой продукции, что может быть следствием совершенствования экспортных возможностей экономики региона. На современном этапе развития мирового хозяйства практически каждая страна вынуждена встраиваться в систему мировой торговли, для того чтобы обеспечить стимулы развития внутренней экономической активности, а также удовлетворить всё возрастающие потребности граждан. При этом наиболее значительные успехи показывают те страны, которые принимают достаточно активное участие в международном разделении труда.

Экспортный потенциал по сути включает два аспекта: способность производить конкурентоспособную продукцию и поставлять её на мировой рынок. С учётом всё усиливающейся глобализации мировой экономики для международной торговли становятся особенно важными условия совершения операций: общий уровень развития логистической инфраструктуры, качество логистического сервиса, сложность и длительность документального оформления экспортных и импортных поставок [1].

Логистика является значимым фактором развития как мировой, так и внутренней торговли. Анализ данных по логистике [2], охватывающий 45 стран, показал, что в среднем на логистический сектор приходится около 5 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) с диапазоном от 2 до 12 процентов. Учитывая темпы роста мировой торговли, вклад логистического сектора в национальное производство во многих странах, вероятно, будет

ускоряться, по мере того как темпы либерализации торговли будут усиливаться, и страны будут все больше ориентироваться на экспорт.

Концептуальной основой данного исследования выступили теории торговли, которые позволяют выявить факторы, оказывающие существенное влияние на объём экспортных поставок, а также определить место развития логистической инфраструктуры среди этих факторов.

Данная работа ставит своей целью выявить и количественно оценить влияние развития различных областей логистической инфраструктуры на объём экспортных поставок с использованием инструментов эконометрического анализа. Объектом исследования в данной работе выступает международная торговля, а предметом исследования – влияние развития логистической инфраструктуры на объёмы экспортных поставок.

Поскольку существует недостаток в региональной статистике, характеризующей одновременно и объёмы экспорта, и уровень развития логистики, то количественная оценка выполнялась на основе данных мировой статистики [3].

Логистика включает комплекс услуг и процессов, связанных с безопасной и надёжной перевозкой товаров из одной страны в другую. Товары, пересекающие национальные границы, проходят через целый ряд процессов: выполнение таможенных и административных процедур; эффективная организация и управление международными перевозками; своевременное отслеживание грузов; обеспечение высокого качества транспортной и информационно-технологической инфраструктуры.

Изучение влияния эффективности развития логистики на активность в области международной торговли на основе использования данных статистики по 60 странам за 4 периода (2007, 2010, 2012, 2014 годы) показало значимость влияния индексов развития логистики на величину как экспорта, так и импорта [4]. Модели учитывали изменение относительных цен, наличие общей границы с основным торговым партнёром, общего языка с основными партнёрами, участие в ВТО и скорость выполнения поставок. При этом было выявлено, что развитие логистики оказывает большее влияние на экспорт, чем на импорт.

В качестве основной переменной исследования выступили индексы развития логистики, оцениваемые Всемирным Банком. Данные индексы имеют глобальный охват и используются для выявления потенциала роста эффективности торговой логистики различных стран путем измерения удобства их системы логистики. Индексы формируются на основе опросов международных, национальных и региональных логистических операторов, транспортно-экспедиторских компаний и оцениваются по пятибалльной шкале, где 1 – самый низкий уровень, а 5 – наиболее высокий. Данные показатели охватывают все наиболее важные аспекты функционирования звеньев логистической цепи, грамотная координация которых необходима при осуществлении экспортных перевозок.

Различные функциональные области логистики имеют разную интенсивность воздействия на объёмы торговли, наиболее сильный положительный эффект наблюдается для сроков таможенного оформления, стоимости организации перевозок и надёжности поставок. Также отдача от развития логистической инфраструктуры неодинакова для различных географических районов. Так, в регионе, где существует множество морских торговых путей и соответствующая им инфраструктура, а также большое количество стран с разнообразной продукцией, дальнейшее совершенствование логистики будет давать больший эффект, чем в регионах, где спектр производимой продукции в странах примерно совпадает.

В целом экономический механизм воздействия развития логистики на увеличение объёмов экспорта реализуется за счёт снижения издержек, связанных с организацией международной торговли, в частности: сокращение сроков поставок уменьшает расходы на хранение и позволяет быстрее высвободить оборотные средства; оптимизация не только материальных, а также информационных и финансовых потоков [5]; повышение надёжности поставок, что уменьшает риск потери грузов и сопутствующие расходы; сокращение расходов на транспортировку как таковую; улучшение сервиса, которое может стимулировать дополнительных экономических агентов для взаимодействия с иностранными партнёрами.

Библиографический список

1. Экономические основы логистики / Ю.В. Воропанова, А.И. Метляхин, Н.С. Матвеев, Н.А. Никитина, Л.В. Ярыгина. Вологда: ВоГУ, 2018. 104 с.
2. Шеферд Б. Логистические издержки и конкурентоспособность: измерение и применение торговой политики // Рабочие записки по исследованиям в области транспорта. Всемирный банк, 2017.
3. Показатели уровня мирового развития / Всемирный банк, 2017. URL: <http://www.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-developmentindicators>
4. Жани А. Эффект от развития логистики в международной торговле // Азиатский журнал судоходства и логистики. 2017. № 33 (4). С. 279-288.
5. Никитина Н.А., Ярыгина Л.В. Применение метода моделирования в логистике // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XIV международной научно-практической конференции. North Charleston: CreateSpace, 2018. С. 111-115.

Информация об авторе

Метляхин Александр Игоревич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru)

Metlyakhin A.I.

IMPROVED LOGISTICS AS THE TOOL OF DEVELOPMENT OF EXPORT POTENTIAL OF THE REGION

Abstract. *This article is devoted to the problem of assessing the impact of the development of various functional areas of logistics on the volume of exports. The study was carried out on the materials of different countries of the world depending on the level of development of their economy and regional location. The paper shows the positive impact of the development of certain areas of logistics on the size of exports of goods and services, as well as the factors that enhance and weaken the positive effect.*

Key words: *logistics performance indices, international trade, export potential.*

References

1. Economic fundamentals of logistics / Y.V. Voropanova, A.I. Metlyakhin, N.S. Matveev, N.A. Nikitina, L.V. Yarygina. Vologda: VoSU, 2018. - 104 p.
2. Shepherd B. (2011). Logistics costs and competitiveness: measurement and trade policy applications // Transport Research Support Working Paper, World Bank.
3. WORLD BANK. (2017). World Development Indicators. Available online at <http://www.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-developmentindicators>
4. Gani A. (2017) The Logistics Performance Effect in International Trade // The Asian Journal of Shipping and Logistics. 2017. № 33 (4). p. 279-288.
5. Nikitina N.A., Yarygina L.V. The application of the method of simulation in logistics // FUNDAMENTAL AND APPLIED SCIENCES TODAY. Proceedings of the XIV international scientific-practical conference. North Charleston: CreateSpace. 2018. P. 111-115.

Information about the Author

Alexander I. Metlyakhin (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Regional Economics, Vologda State University (15, Lenin str, Vologda, Russian Federation; kanz@vogu35.ru)

УДК 332.1

Мищук С.Н.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ РИСКОВ И ПРЕИМУЩЕСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В настоящее время на территории Еврейской автономной области реализуется большое количество инвестиционных проектов, темпы развития которых обусловлены наличием стимулирующих и сдерживающих факторов. Показано, что основными рисками реализации проектов на территории области являются нехватка рабочей силы и слабое развитие инфраструктуры.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, горнопромышленный сектор, рынок труда, Еврейская автономная область.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-32-01100-ОГН.

По данным Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, потребность в кадрах по ключевым отраслям экономики Дальнего Востока до 2025 г. составит более 104 тыс. работников. Наибольшая потребность в квалифицированных специалистах будет в таких отраслях, как добыча угля, руды и золота; строительство; транспорт и логистика.

Еврейская автономная область (ЕАО) расположена в южной части Дальнего Востока. Наличие разнообразного природно-ресурсного потенциала, представленного минеральными, лесными и земельными ресурсами, обусловило интерес к области со стороны инвесторов.

Большинство инвестиционных проектов реализуется в промышленном секторе. В области промышленную специализацию имеет Облученский муниципальный район, где

исторически активно развивалась горнодобывающее производство (добыча олова, известняка, золота). В настоящее время открываются предприятия с целью восстановления заброшенных производств, а также освоения новых месторождений. Однако перспективы промышленного производства связаны и с сельскими территориями области. Например, крупные инвестиционные проекты, связанные с добычей и переработкой полезных ископаемых, планируются к реализации в Октябрьском и Ленинском районах. В Смидовичском районе возобновились обрабатывающие производства. В настоящее время в территориальной структуре хозяйства области происходит формирование новых промышленных узлов, в том числе и на территории сельских районов области (с. Снарск, с. Союзное, с. Унгун, пгт Приамурский, пгт Смидович) [4, с. 61].

Очевидно, что увеличение экономических показателей предприятий повышает спрос на рабочую силу. Подчеркнем, что увеличение объемов добычи полезных ископаемых способствует росту числа занятых в сопутствующих отраслях. В среднем на 1 занятого в горнодобывающих производствах создается 3 рабочих места в других отраслях экономики [5].

Предприятия, действующие в минерально-сырьевом секторе, являются более капиталоемкими, материало- и трудозатратными в сравнении с сельскохозяйственным производством. В рамках проектов, уже реализуемых на территории области, требуются специалисты горного дела. В Октябрьском и Облученском районе, исходя из проектной документации, планируется создание более 2 тыс. новых рабочих мест в добыче полезных ископаемых. В области реализуется несколько крупных проектов: действует первая очередь Кимкано-Сутарского ГОКа на базе Кимканского месторождения железистых кварцитов, разрабатывается Союзное месторождение графитовой руды, ведется добыча магнезиального сырья (брусита) на Кульдурском месторождении, возобновлены работы по отработке хвостохранилища, образованного в результате складирования отходов производства при добыче и переработке оловянной руды на обогатительной фабрике в п. Хинганск и др.

В настоящее время предприятия конкурируют между собой за привлечение рабочей силы. Учитывая их относительно равную транспортную удаленность от основных населенных пунктов и потребность в одних и тех же специалистах, имеющих горную специальность, основным конкурентным преимуществом вновь открывающихся и действующих предприятий, выступает уровень заработной платы.

Для местного населения строительство данных предприятий играет положительную роль: создаются рабочие места, в том числе и на сопутствующих производствах. Кроме того, реализация большинства проектов имеет положительные перспективы для развития самого района, которые связаны со строительством необходимой инфраструктуры. Из-за слабой освоенности данные регионы характеризуются низкой плотностью населения и недостаточным транспортным обеспечением. В настоящее время Октябрьский район является одним из наименее освоенных районов области, где требуется строительство объектов транспортной и энергетической инфраструктуры, мест для проживания работников [1, с. 131].

В целом для области региональная эффективность проектов, которая определяется как отношение создаваемой при его реализации добавленной стоимости к ВРП региона, может быть высока. По прогнозам, реализация минерально-сырьевых проектов в ЕАО может обеспечить до 27,6% в ВРП региона к 2020 г. [2, с. 18]. Вероятно, данный показатель не будет достигнут к предполагаемому сроку, однако положительная тенденция роста доли предприятий по добыче полезных ископаемых в добавленной стоимости ЕАО отмечается.

Учитывая сельскохозяйственную специализацию области, большое значение приобретает реализация проектов в сельском хозяйстве. В структуре посевных площадей преобладают посевы сои, которые с каждым годом увеличиваются. Если в 2000 г. их доля составляла 32,9% (25,8 тыс. га), то в 2018 г. они занимали 93,6% всех посевных площадей, с максимальными показателями в двух южных районах области – Ленинском и Октябрьском (97,4% и 94,9% соответственно). Доля посевных площадей ЕАО под соей является максимальной в сравнении с соответствующим показателем в других регионах Дальнего Востока, выращивающих сою. В настоящее время основная доля произведенной сои экспортируется в Китай. С целью расширения перерабатывающих производств, в Ленинском районе ЕАО планируется строительство современного предприятия по переработке сои.

Животноводство является менее рентабельным, однако рассматривается как приоритетное направление развития сельского хозяйства области. В стратегии развития АПК ЕАО отмечаются проекты по организации материально-технической базы для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, строительству свиноводческого комплекса, созданию животноводческого комплекса, ориентированного на развитие молочного животноводства и др. Одним из сдерживающих факторов развития животноводства в ЕАО является недостаток кормовой базы. Площадь кормовых угодий за период с 1990 по 2018 г. сократилась в 15,5 раза и составила 1,5% от общей посевной площади ЕАО по хозяйствам различных организационно-правовых форм под урожай 2018 г.

Приграничное положение ЕАО обусловило наличие инвестиционных проектов с участием китайского капитала. Важным аспектом реализации проектов является их эффект для населения и для региона. В большинстве случаев на предприятиях с иностранным капиталом заняты китайские трудовые мигранты, что ограничивает возможность повышения занятости местного сельского населения [3, с. 41]. Необходимо подчеркнуть, что низкая заработная плата в сельском хозяйстве при высокой трудоемкости не стимулирует местные трудовые ресурсы ориентироваться на данную сферу. В 2017 г. отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников растениеводства и животноводства, охоты и предоставления соответствующих услуг в этих областях к среднему уровню по ЕАО составило 47%, что является одним из минимальных показателей в сравнении с уровнем заработной платы по всем видам экономической деятельности.

Таким образом, реализация проектов в горнодобывающих отраслях и в сельском хозяйстве ЕАО обусловлена наличием разнообразного природно-ресурсного потенциала. В качестве сдерживающих факторов развития данных проектов может рассматриваться узкий рынок труда области. Возможность привлечения необходимых специалистов из других регионов Дальнего Востока, на наш взгляд, не обеспечит потребности проектов в полной мере, так как проекты в горнодобывающих отраслях реализуются практически во всех дальневосточных регионах. Низкая инфраструктурная обеспеченность ряда районов области также оказывает сдерживающее влияние на развитие инвестиционных процессов.

Библиографический список

1. Калинина И.В., Суховеева А.Б. Инфраструктура сельской местности Еврейской автономной области: 15 лет перемен // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 129-138.
2. Ломакина Н.В. Минерально-сырьевой комплекс Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2008. № 1. С. 5-20.
3. Мищук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36. С. 37-43.
4. Мищук С.Н., Комарова Т.М., Мошков А.В. Трансформация территориальной структуры хозяйства Еврейской автономной области в пореформенный период // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 2. С. 57-64.
5. Canadian Mining Labour Market Outlook 2017. URL: https://www.mihir.ca/pdf/publications/Infographic_EN_Web.pdf (дата обращения: 11.09.2018).

Информация об авторе

Мищук Светлана Николаевна (Россия, Биробиджан) – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией региональных социально-экономических систем, Институт комплексного анализа региональных проблем, Дальневосточное отделение РАН (г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4; svetamic79@mail.ru)

Mishchuk S.N.

CHARACTERISTICS OF THE MAIN RISKS AND BENEFITS OF THE IMPLEMENTATION OF INVESTMENT PROJECTS IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION

Abstract. *At present, a large number of investment projects are being implemented in the Jewish Autonomous Region, the pace of development of which is determined by the presence of stimulating and constraining factors. It is shown that the main risks of implementing projects in the region are a shortage of manpower and poor infrastructure development.*

Key words: *investment projects, mining sector, labor market, Jewish Autonomous Region..*

References

1. Kalinina I.V., Sukhoveeva A.B. Infrastructure of rural countryside in Jewish Autonomous Region: 15 years of change. Regional problems. 2017, vol. 20, no. 4, pp. 129-138. (in Russian).
2. Lomakina N.V. Mineral and raw complex of the Far East: potential and development prospects. Spatial economy. 2008, no. 1, pp. 5-20. (in Russian).
3. Mishchuk S.N. International labor migration in the region: problems of cross-border interaction. Regional Economics: Theory and Practice. 2010. no. 36. pp. 37-43. (in Russian).
4. Mishchuk S.N., Komarova T.M., Moshkov A.V. Transformation of the territorial structure of economy of Jewish Autonomous Region in the post-reform period. Regional problems. 2017, vol. 20, no. 2, pp. 57-64. (in Russian).
5. Canadian Mining Labour Market Outlook 2017. URL: https://www.mihir.ca/pdf/publications/Infographic_EN_Web.pdf

Information about the Author

Svetlana N. Mishchuk (Birobidzhan, Russia) – Ph.D., Head of the Laboratory of regional social-economical research, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, RAS (4, Sholom-Aleikhema str., 4, Birobidzhan, Russian Federation; svetamic79@mail.ru)

УДК 330.3 / ББК 65.050

Соколов М.С.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам трансформации теоретического понимания сущности, механизмов и инструментов формирования и развития инновационной инфраструктуры в Российской Федерации. Исследуемые автором изменения связаны с переходом национальной экономики на инновационный тип развития и последующую цифровизацию.

Ключевые слова: инвестиции, инновация, интеграция, инновационная инфраструктура, стратегическое управление, цифровая экономика.

Инновации являются одним из важнейших инструментов конкурентной борьбы национальных экономик в глобальном пространстве. Вместе с тем вызовы системного характера и экономические диспропорции привели к существенному отставанию уровня инновационного развития Российской Федерации от развитых стран. Так, на НИОКР США тратят около 2,5% ВВП, КНР – около 1,6%, Франция – около 2,1%, а Россия – порядка 1%.

Несмотря на довольно слабую реализацию задач по переходу на инновационный тип развития в рамках Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), а также непрекращающиеся потрясения для национальной экономики из-за глобального финансового кризиса и западных санкций в отношении страны, 1 декабря 2016 г. в послании Федеральному собранию Президент РФ предложил «запустить масштабную системную программу развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики», в реализации которой следует «опираться именно на российские компании, научные, исследовательские и инжиниринговые центры страны».

В результате стартовала Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» до 2024 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), ставшая неотъемлемой частью исполнения указов Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (от 9 мая 2017 г. № 203) и «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 г. № 204).

Указанная Стратегия дает следующее определение: «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения,

продажи, доставки товаров и услуг». Как следствие, должно трансформироваться и восприятие принципов инновационной экономики, ориентированной на информатизацию и цифровизацию. Подобные изменения будут основаны на следующих факторах:

- 1) переход от программно-целевой к программно-прогностической модели управления экономикой;
- 2) проникновение цифровых технологий по все элементы социально-экономического развития государства;
- 3) формирование экономических процессов, обеспеченных цифровыми инфраструктурами, и структурные изменениями добавленной стоимости;
- 4) переход к институтам, основанным на цифровых моделях и процессах.

Анализ ряда исследований [1-5] позволяет выделить 3 основные группы подходов к изучению понятия «инновация».

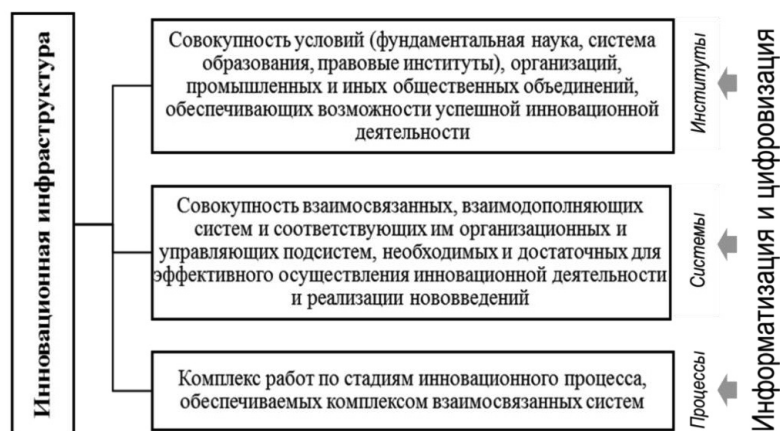
Первая группа авторов (Б. Санто, Б. Твисс, Ф. Никсон и др.) рассматривает инновацию как процесс количественного улучшения, то есть введения новых изделий и элементов вместо действующих.

Вторая группа авторов (А.Е. Яковлев, Р.А. Фатхутдинов, А.М. Медынский, А.В. Плеханов и др.) рассматривает данное понятие с точки зрения конечного результата в виде новой продукции, технологии или метода.

Третья группа авторов (Е.Л. Барсукова, В.А. Сарычева и др.) рассматривает понятие «инновация» комплексно – и как процесс, и как результат.

Наряду с этими группами можно выделить еще один подход, который становится наиболее интересным с точки зрения развития информационной экономики. В нем под инновацией понимается производительное применение научно-технической информации (НТИ). При этом в процессе применения НТИ инновация может рассматриваться как процесс, а при рассмотрении результата применения НТИ – как результат [6, с. 41].

В свою очередь, проблемы развития инновационной инфраструктуры освещали М. Абрамов, А. Бахтизин, В. Кашин, Н. Лебедева, Р. Рышков, А. Сенин, А. Чернышев, О. Чистякова, В. Шепелев, Л Федорова и многие другие авторы, однако в научной экономической литературе не сформировался единый подход к определению данного понятия (рис.).

Понятие инновационной инфраструктуры (составлено автором)

На наш взгляд, вне зависимости от выбора рассматриваемых теоретических моделей в условиях цифровизации и информатизации экономики должны формироваться новые требования к инновационной инфраструктуре, обеспечивающей создание условий для максимизации производительного применения НТИ и дальнейшей ее диффузии по всем элементам инновационной системы. В результате будут активизироваться трансформации, связанные с:

1) новыми требованиями к инновационной инфраструктуре как к фундаменту равномерного развития НИС. Развитие НИС будет реализовано в рамках взаимодействия промышленных фирм (потребители информации), научно-исследовательских организаций (производители информации) и государственных структур (регулятор информационного рынка) [6, с. 116];

2) развитием организационно-правовой основы регулирования НИС и инновационной инфраструктуры;

3) формированием инновационной инфраструктуры в условиях цифровизации пространственного развития (вызовы новой Стратегии пространственного развития);

4) информатизацией и цифровизацией составляющих инновационной инфраструктуры и поиском (созданием) ее новых элементов;

5) поиском путей интеграции элементов сложившейся инновационной и формирующейся цифровой инфраструктуры;

6) необходимостью согласования приоритетов бюджетной политики в инновационной сфере в новых условиях цифровизации;

7) ростом капитализации интеллектуальной собственности и патентной активности научных организаций через информатизацию и цифровизацию;

8) новыми формами и механизмами финансирования фундаментальных исследований (от сметного к частному принципу);

9) модернизацией механизмов и инструментов управления имущественными комплексами научных организаций;

10) развитием методов оценки эффективности бюджетного финансирования в рамках программно-прогностической модели.

Библиографический список

1. Барнева А. Ю. Инновация как экономическая категория // Инновации. 2007. № 9. С. 61-63.

2. Барсукова Е.Л., Сарычев В. А. Инновация как экономическая категория // Инновации. 2008. № 2. С. 20-23.

3. Дрок Т.Е. Инструментарий формирования и реализации инновационной политики региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные общественные науки. 2013. № 3. С. 100-107.

4. Сафиуллин Л.Н., Маратканова Э.М. Управленческие нововведения – гарант успешной деятельности организации // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 213-217.

5. Мирошниченко Н.В. Содержание категории «инновация» в контексте формирования экономики, основанной на знаниях // Вестник СГСЭУ. 2012. № 4. С. 41-44.

6. Экономика инноваций: учебное пособие / Р.М. Нижегородцев. 2-е изд., исправл. и доп. М.: РУСАЙНС, 2016. 154 с.

Информация об авторе

Соколов Максим Сергеевич (Россия, Москва) – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, РЭУ им. Г.В. Плеханова (117997, г. Москва, Стремянный пер., 36; maxim-sokolof@mail.ru)

Sokolov M.S.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF INNOVATION INFRASTRUCTURE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article is devoted to the transformation of the theoretical, mechanisms and tools of development of innovation infrastructure in the Russian Federation. The changes studied by the author are associated with the transition of the national economy to an innovative type of development and subsequent digitalization.*

Key words: *investment, innovation, integration, innovation infrastructure, strategic management, digital economy.*

References

1. Barneva A.Ju. Innovacija kak jekonomicheskaja kategorija // Innovacii. 2007. № 9. S. 61-63.

2. Barsukova E.L., Sarychev V. A. Innovacija kak jekonomicheskaja kategorija // Innovacii. 2008. № 2. S. 20-23.

3. Drok T.E. Instrumentarij formirovanija i realizacii innovacionnoj politiki regiona // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Gumanitarnye obshhestvennye nauki. 2013. № 3. S. 100-107.

4. Safiullin L.N., Maratkanova Je.M. Upravlencheskie novovvedeniya – garant uspešnoj dejatel'nosti organizacii // Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. 2011. № 4. S. 213-217.

5. Miroshnichenko N.V. Soderzhanie kategorii «innovacija» v kontekste formirovanija jekonomiki, osnovannoj na znaniyah // Vestnik SGSJeU. 2012. № 4. S. 41-44.

6. Jekonomika innovacij: uchebnoe posobie / R.M. Nizhegorodcev. 2-e izd., ispravl. i dop. Moscow: RUSAJNS, 2016. 154 s.

Information about the Author

Maxim S. Sokolov (Moscow, Russia) – Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of state and municipal management, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyannyi lane, Moscow, 117997, Russian Federation; maxim-sokolof@mail.ru)

Соловей А.П.

**ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЖЕНЩИН-ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. По результатам социологического исследования рассматриваются удовлетворенность женщин эффективностью своей научной деятельности и ее оценка, условия, способствующие повышению научной продуктивности? и факторы, снижающие эффективность научной деятельности женщин-исследователей НАН Беларуси.

Ключевые слова: академическая наука, женщины-исследователи, эффективность научной деятельности, факторы эффективности.

В условиях феминизации современной науки включение женщин в научно-исследовательскую деятельность рассматривается как активное вовлечение их в сферу высококвалифицированного труда и научного творчества. Особое внимание стоит уделить факторам, оказывающим влияние на эффективность научной деятельности женщин (способность выполнять научно-исследовательскую работу и достигать необходимого или желаемого результата). На научную деятельность женщин могут оказывать влияние объективные факторы, связанные с материально-техническим обеспечением науки, уровнем заработной платы в научной среде, государственной поддержкой науки, культурными традициями общества и гендерными стереотипами, реализующимися в формировании установок женщин. Влияние может оказывать также и комплекс субъективных факторов, связанных с внутренней мотивацией и психологическими особенностями женщин, проблемами личного характера, совмещением семейных и профессиональных обязанностей.

По результатам социологического исследования, проведенного автором в 2017 году среди женщин – научных работников Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси), проанализируем мнение женщин относительно факторов их научной деятельности. В ходе исследования по репрезентативной выборке ($\Delta = \pm 4,2\%$, при $\alpha = 0,05$) было опрошено 450 женщин, работающих в структурных подразделениях НАН Беларуси на должностях от младшего научного сотрудника до директора института. Выборочную совокупность составили женщины в возрасте от 21 до 89 лет. Среди опрошенных 2,9% – доктора наук, 26,8% – кандидаты наук, без ученой степени – 70,3% женщин.

Прежде всего следует отметить, что, по данным исследования, в той или иной степени удовлетворены эффективностью своей научной деятельности 59,8% (в т. ч. 12,9% полностью, а 46,9% – скорее удовлетворены). При этом ту или иную степень неудовлетворенности эффективностью высказали 31% – практически каждая третья женщина, в т. ч. среди них 4,1% не удовлетворены полностью, и 26,9% скорее не удовлетворены. Затруднились с оценкой 9,2% опрошенных.

Оценка эффективности научной деятельности женщин по десятибалльной шкале (где 10 – эффективна в полной мере, а 1 – абсолютно не эффективна) при группировке ответов по показателям: «низкая» (баллы 1–2), «ниже среднего» (баллы 3–5), «выше среднего» (баллы 6–8), «высокая» (баллы 9–10), позволяет выделить четыре группы женщин-исследователей с разной оценкой эффективности своей научной деятельности (см. *табл. 1*).

Таблица 1. Оценка эффективности научно-исследовательской деятельности женщин по десятибалльной шкале (в целом по выборке, в %)

Баллы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
% ответивших	1,8	3,5	6,4	8,5	19,1	12,4	23,9	15,2	6,4	2,7

Большинство женщин оценили эффективность своей деятельности «выше среднего» – 51,5%, «ниже среднего» – 34,0%, «высоко» оценила каждая одиннадцатая – 9,1% и «низко» – 5,3% женщин. При этом чаще всего женщины оценивали свою эффективность на 7 баллов. Средняя оценка эффективности научно-исследовательской деятельности женщин по десятибалльной шкале составила 6,06 балла. Следует отметить, что наблюдаются различия в оценке эффективности научной деятельности в зависимости от квалификационной степени и ее отсутствия: среди докторов наук – 7,78, кандидатов наук – 6,33, научных работников без ученой степени – 5,90. Можно предположить, что возрастание оценки эффективности своей научно-исследовательской деятельности с повышением квалификации объясняется наличием ученой степени как показателя эффективности своей работы.

Продуктивность научной деятельности женщины зависит не только от самой женщины, ее возможностей и интересов, но и от объективных условий, способствующих продуктивной научной деятельности. Рассмотрим условия научной деятельности, которые должны соблюдаться, чтобы женщины могли эффективно работать в Академии наук. На первом и втором месте оказались факторы, связанные с материально-техническим обеспечением научного труда: достойный уровень оплаты труда (90,6%), современная материально-техническая база института (74,3%). Большое значение женщины придают факторам, связанным с научной коммуникацией, которая необходима для профессионального роста ученого: возможность международных командировок (54,1%), возможность научной коммуникации с другими учеными (52,8%), развитая информационная база для исследований (46%), наличие научной школы (38,3%). Каждая третья женщина (33,9%) в качестве условия для своей эффективной работы отметила возможность получения грантов. Немаловажными также являются социальные условия: льготное кредитование на строительство жилья (27,7%), наличие социального пакета в институте (25,3%). Практически каждая четвертая (24%) отметила возможность должностного роста. Лишь 7% женщин выбрали возможность работать, находясь в декретном отпуске.

В наибольшей степени снижают эффективность научно-исследовательской деятельности женщин: уровень заработной платы (60,9%), недостаточное финансирование исследовательского проекта (51,9%), слабая материально-техническая база (47,3%). Практически каждая третья респондентка отметила такие причины, как недостаток научной коммуникации (31,2%) и двойная нагрузка (30,2%). Каждая четвертая (26,6%) считает, что ведение рабочей документации снижает эффективность ее научной деятельности, и каждая пятая (21,9%) – дополнительные подработки. Также женщины отметили такие факторы, как проблемы со здоровьем (18,2%), неуверенность в себе как исследователе (18%), собственная неорганизованность (16,6%). Меньше всего снижают эффективность научной деятельности неустроенность личной жизни (6,8%), общественная активность (5,8%), семейные конфликты (4,0%).

Причины, которые снижают эффективность научной деятельности женщин, можно объединить в 8 факторов (кумулятивная объясненная дисперсия 68,15%). 1-й фактор:

«материально-финансовый» (уровень заработной платы, недостаточное финансирование исследовательского проекта, слабая материально-техническая база). 2-й фактор: «психологический» (собственная неорганизованность; неуверенность в себе как исследователе). 3-й фактор: «бытовые проблемы» (двойная нагрузка, проблемы со здоровьем, семейные конфликты). 4-й фактор: «проблемы в личной жизни» (отсутствие поддержки со стороны семьи, неустроенность личной жизни, семейные конфликты). 5-й фактор: «отвлечение от научной деятельности» (дополнительные подработки, уровень заработной платы). 6-й фактор: «профессиональный» (недостаток научной коммуникации, недостаток научной информации). 7-й фактор: ведение рабочей документации. 8-й фактор: общественная активность.

Стоит отметить, что женщины-ученые, защитившие кандидатскую диссертацию, чаще женщин-ученых, только планирующих защиту, среди факторов, снижающих эффективность научной деятельности, отмечают низкое финансирование науки и замещение научной деятельности общественной активностью. В свою очередь женщины-ученые, планирующие защиту, чаще женщин – кандидатов наук называют неуверенность/неорганизованность и замещение научной деятельности другой работой. Данный факт может свидетельствовать о том, что женщины, получившие ученую степень, себя уже реализовали, поэтому для них неэффективность научной деятельности связана с непосредственной работой (с материально-финансовым фактором). Женщины, только планирующие свою защиту, рассматривают неэффективность с точки зрения своей диссертации, и на их эффективность большее влияние оказывает психологический фактор (собственная неорганизованность; неуверенность в себе как исследователе) и отвлечение на другую работу, так как большинство из них не удовлетворено уровнем своей заработной платы.

Среди факторов, которые были отмечены женщинами в варианте «другое» (8,2%), были названы следующие. Во-первых, административные обязанности: *«необходимость совмещать должность администратора с должностью научного сотрудника»; «отвлечение на решение административных вопросов»*. Во-вторых, совмещение научной и ненаучной деятельности: *«необходимость совмещения научной и производственной деятельности»; «совмещение основных должностных обязанностей и научно-исследовательской деятельности»*. В-третьих, факторы личностного характера и обстановка в коллективе: *«недостаточное умение расставить приоритеты»; «отсутствие стимула и желания»; «морально-психологический климат в коллективе»*.

В ходе замера степени влияния различных факторов эффективности научно-исследовательской деятельности женщины-ученого, можно выделить пятерку лидирующих факторов: уровень государственной поддержки науки (90,8%); творческие способности, задатки (90,7%); удовлетворенность жизнью в целом (88,2%); уровень социальной защиты ученого (86%); стремление к научному открытию (74,7%). Далее влияние факторов распределилось следующим образом: проблемы личного характера (65%); совмещение социальных ролей жены, матери, домашней хозяйки с научной деятельностью (63%); воспитание детей (62,6%); неуверенность в себе как в профессионале (61,9%); стремление к должностной карьере (61,6%); социальный престиж профессии ученого в обществе (56,5%); выполнение домашних обязанностей (54,7%); «стеклянный потолок» (53,8%); социальный пакет института (52,9%); ведение рабочей документации (52,8%); боязнь профессиональной

неудачи (51,6%); гендерные стереотипы в науке (42,4%). Меньше всего оказывает влияние боязнь профессионального успеха (19,4%).

Таким образом, изучение факторов эффективности научной деятельности женщин-исследователей имеет теоретико-практическое значение. С одной стороны, данные исследования могут быть использованы для приращения знаний специальных социологических теорий (социология науки, гендерная социология), а также для науковедения в целом. С другой стороны, полученные сведения могут применяться в управленческой практике лицами руководящего состава научных учреждений для дальнейшего совершенствования системы мер, направленных на поддержку женщин-ученых, стимулирование их труда и творческого развития.

Информация об авторе

Соловей Алеся Петровна (Республика Беларусь, Минск) – магистр социологических наук, научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; isst@socio.bas-net.by)

Solovey A.P.

FACTORS OF EFFICIENCY OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE WOMEN RESEARCHERS IN THE ACADEMIC SCIENCE THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. *By results of a sociological research the satisfaction with women with efficiency of the scientific activity and its assessment, conditions promoting increase in scientific efficiency and the factors reducing efficiency of scientific activity of female researchers of NAN of Belarus are considered.*

Key words: *academic science, female researchers, efficiency of scientific activity, efficiency factors.*

Information about the Author

Alesya P. Solovey (Minsk, Belarus) – Ph.D. in Sociology, Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus (1, Surganov str., Minsk, 220072, Republic of Belarus; isst@socio.bas-net.by)

УДК 330.46 / ББК 65.05

Усков В.С.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. В настоящее время мир стоит на пороге новой экономической реальности. Ведущие страны мира ищут источники роста в использовании, в капитализации колоссального технологического потенциала, который уже имеется и продолжает формироваться, прежде всего в цифровых и промышленных технологиях.

Ключевые слова: цифровая экономика, четвертая промышленная революция, развитие цифровой экономики в России.

В современных условиях информационные технологии и цифровая трансформация являются основным фактором технологических перемен и условием обеспечения конкурентоспособности как на уровне отдельных предприятий, так и на уровне стран и наднациональных объединений, приводя к перестройке всех экономических и производственных процессов, радикальному повышению производительности, повышению качества и снижению себестоимости товаров и услуг.

В связке с цифровой экономикой находятся смежные экономические понятия, такие как: совместная экономика, уберизация экономики, открытая экономика, прозрачная экономика и др. Анализ мирового опыта цифровой трансформации промышленности показывает, что основными идеологиями в данном направлении стали такие концепции, как четвертая промышленная революция (Industry 4.0) и интеллектуальное производство (Smart Manufacturing).

Цифровые технологии рассматриваются как ускоритель роста производительности мировой промышленности. Структурные задачи реиндустриализации в глобальном мире странами – технологическими лидерами поставлены действительно масштабные. Так, доля промышленности в ВВП в странах ОЭСР должна к 2025 году составить 20% ВВП (против нынешних 15% (Евросоюз) и 12% (США)).

Инициатива по цифровой повестке в сфере промышленности стала возможной благодаря реализации аналогичных инициатив в различных государствах мира, интеграционных объединениях, в частности в Европейском Союзе, а также в крупных транснациональных компаниях.

Цифровые стратегии утвердили в Европейском Союзе – «Цифровая Европа 2020» (2010 г.), Германии – «Индустрия 4.0.» (2011 г.), Китае – «Интернет плюс» (2015 г.). Данные страны предполагают переход от встраиваемых систем к киберфизическим системам посредством Интернета вещей, инноватизации услуг и управления большими объемами данных. Децентрализованный интеллект позволит создать автономно управляемый посредством виртуальных связей промышленный объект. Киберфизические системы (cyber-physical systems) посредством интернет-технологий свяжут виртуальный и физический мир, создавая подлинный цифровой мир, в котором объекты совместно управляют друг другом.

В 2015 году Всемирный экономический форум (в Давосе) принял инициативу «Цифровое преобразование проекта промышленности» (Digital Transformation Initiative, DTI).

В 2015–2016 годах проект был сосредоточен на шести отраслях: логистика, СМИ, товары народного потребления, электроэнергия, автомобильная промышленность и здоровье. Он также исследовал четыре креста-темы отрасли: цифровое потребление, Digital Enterprise, социальные последствия и платформы управления. В 2016–2017 годах проект будет распространен еще на 8 отраслей промышленности: химическая промышленность, добыча и металлы, нефть и газ, страхование, авиация, гостиничный бизнес, профессиональные услуги, телекоммуникации, ритейл. Межотраслевыми темами являются платформа управления, влияние политики и регулирование социальных последствий и влияния новых технологий.

По оценкам Всемирного экономического форума, цифровизация несет значительный потенциал для бизнеса и общества в течение следующего десятилетия и может принести дополнительно более 30 трлн долл. США доходов для мировой экономики в течение ближайших 10 лет (до 2025 года) (табл. 1).

Таблица 1. Значение цифровизации промышленности (по анализу DTI)

Отрасль	Совокупные доходы мировой экономики за период с 2016 по 2025 г., трлн долл.		Сокращение выбросов CO ₂ , млн тонн	Рабочие места, тыс. ед.
	Общественный сектор	Промышленный сектор		
Производство товаров народного потребления	5439	4877	223	-3249
Автомобильная промышленность	3141	667	540	–
Логистика	2393	1546	9878	2217
Электроэнергия	1741	1360	15849	3158
Телекоммуникации	873	1280	289	1100
Туризм, авиация	705	405	250	-780
Нефть и газ	637	945	1284	-57
Медиа	274	1,037	–	–
Добыча и металлы	106	321	608	-330
Химическая промышленность	2	308	60	-670

Развитие отечественной экономики осуществляется по аналогичному сценарию, характерному для большинства стран мира. Как известно, самым заметным явлением последнего десятилетия, оказавшим наибольшее влияние на многие сферы национального хозяйства в большинстве стран мира, стала цифровая экономика. Одним из показателей, наглядно свидетельствующим о степени распространения цифровой экономики в современном обществе, является доля цифровой экономики в ВВП страны. Согласно данным Бостонской консалтинговой группы, имеет место существенный рост доли цифровой экономики в ВВП промышленно развитых стран за последние годы (табл. 2). Схожая ситуация наблюдается в развивающихся странах. В России доля цифровой экономики составляет 2,8% (2016 г.), и также наблюдается рост доли цифровой экономики в ВВП страны за период 2010–2016 гг. Из таблицы видно, что бесспорным мировым лидером по данному показателю является Великобритания, имеющая самые высокие значения – 8,3% в 2010 г. и 12,4% в 2016 г.

Таблица 2. Доля цифровой экономики в ВВП в странах G20

Страна	2010 г.	2016 г.	Страна	2010 г.	2016 г.
Великобритания	8,3	12,4	Австралия	3,3	3,7
Южная Корея	7,3	8,0	Канада	3,0	3,6
Китай	5,5	6,9	Италия	2,1	3,5
Евросоюз	3,8	5,7	Франция	2,9	3,4
Индия	4,1	5,6	Аргентина	2,0	3,3
Япония	4,7	5,6	Россия	1,9	2,8
США	4,7	5,4	ЮАР	1,9	2,5
Мексика	2,5	4,2	Бразилия	2,2	2,4
Германия	3,0	4,0	Турция	1,7	2,3
Саудовская Аравия	2,2	3,8	Индонезия	1,3	1,5

Можно выделить следующие основные технологические тренды в сфере цифровой экономики и интеллектуального производства: массовое внедрение интеллектуальных датчиков в оборудование и производственные линии (технологии индустриального Интернета вещей); переход на безлюдное производство и массовое внедрение роботизированных технологий; переход на хранение информации и проведение вычислений с собственных мощностей на распределенные ресурсы («облачные» технологии); сквозная автоматизация и интеграция производственных и управленческих процессов в единую информационную систему; цифровое проектирование и моделирование технологических процессов, объектов, изделий на всем жизненном цикле от идеи до эксплуатации (применение инженерного программного обеспечения) и др.

В Российской Федерации перевод национальной промышленности на цифровую технологическую платформу призвана осуществить программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р), целью которой является системное развитие и внедрение цифровых технологий во всех областях жизни: в экономике, предпринимательстве, социальной деятельности и госуправлении.

Необходимость в принятии данного документа была вызвана, с одной стороны, повсеместно происходящими процессами «цифровизации» отечественной экономики, с другой – стремлением несколько ускорить происходящие процессы, а также придать им некоторую упорядоченность. Реализация программы по развитию цифровой экономики предполагает утверждение правительством в течение каждых трех лет операционного плана с регулярной актуализацией перечня мероприятий, представленных в программе.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» делается акцент на том, что ключевым фактором производства в цифровой экономике являются данные, представленные в цифровой форме. Эти данные представляют собой некую новую ресурсную базу, анализ которой позволяет принимать более эффективные решения не только в производстве, но и в различных сферах народного хозяйства. Благодаря цифровой экономике осуществляется формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитие информационной инфраструктуры страны, создание и применение российских информационно-телекоммуникационных технологий, формирование новой технологической основы для социальной и экономической сферы.

Представленная в программе модель цифровой экономики включает три тесно взаимодействующих между собой уровня: рынки и отрасли экономики; платформы и технологии; среда, создающая условия для развития платформ и технологий, а также служащая для эффективного взаимодействия субъектов рынка и отраслей экономики.

Развитие цифровой экономики в Российской Федерации предусматривает преимущественное развитие приоритетных восьми направлений: умный город; государственное управление; здравоохранение; нормативное регулирование; цифровая инфраструктура; технологические заделы; кадры и образование; информационная безопасность.

Цифровая экономика в РФ рассматривается в первую очередь с позиции образования новых рынков на базе использования ИКТ, что позволит укрепить рост российской экономики на основе высокотехнологичных отраслей и отраслей, задействующих возможности

использования ИКТ. Повышение конкурентоспособности отечественных организаций-представителей новой цифровой экономики, по мнению разработчиков стратегии, позволит увеличить долю несырьевого экспорта. Важной составляющей цифровой экономики считается обеспечение защиты интересов граждан, организаций, а также национальной безопасности в сфере информации, передачи и обработки данных.

При формировании стратегических инициатив, касающихся развития цифровой экономики, необходимо учитывать, что для повышения эффективности и создания технологической основы стандартизации и автоматизации новых рынков, они должны горизонтально пересекать все вертикальные отраслевые рынки России, новые перспективные рыночные сегменты и технологические стратегии.

В настоящее время на государственном уровне и на уровне отраслевых ассоциаций разрабатываются различные стратегии на краткосрочную и среднесрочную перспективы: промышленности, электроники, информационных технологий и другие, которые будут тесно связаны с развитием цифровой экономикой. Основными барьерами на пути становления цифровой экономики являются: 1) зарегулированность бизнеса, 2) моногорода, 3) оборонно-промышленный комплекс, 4) отсутствие доступа к базовым инфраструктурным объектам, 5) дороговизна элементарной базы, 6) дефицит частного ресурса.

Для развития цифровой экономики в России необходимо создание информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и системы комплексов аппаратно-программных средств, обеспечивающих технологическую возможность применения решений, также необходимы проведение мероприятий по совершенствованию нормативной правовой и нормативной технической документации, разработка необходимых стандартов, кадрового и информационного обеспечения.

Стратегия развития цифровой экономики в РФ также должна решать конкретные задачи развития российской экономики, используя сильные конкурентные преимущества российского бизнеса и рыночные возможности.

Развитие цифровой и интеллектуальной экономики – это многофакторный процесс. На уровне бизнеса он подразделяется на внедрение компаниями-потребителями интернет-технологий и решений в различных секторах экономики, процесс, который также можно назвать «интернетизацией» экономики. Она должна повлечь за собой рост эффективности различных отраслей экономики, изменение бизнес-процессов и трансформацию их деятельности. На уровне государства это должно привести к росту экономики, появлению новых рабочих мест, росту доходов бюджета, которые можно направить далее как на социальный сектор, так и на дальнейшую модернизацию и развитие экономики.

Таким образом, смена парадигмы глобального экономического развития, переход к очередному технологическому укладу, кардинальная смена организации промышленного производства (промышленная революция) приводят к формированию новой экономики, которая открывает новые направления экономического роста, повышает экономическую эффективность производства и расширяет возможности потребления, создавая новые сферы экономической деятельности.

Экономика, основанная на знаниях и интеллектуальных возможностях человечества, будет обеспечиваться на основе новых цифровых технологий, их становление будет определять глобальное экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия. Это

обуславливает крайне высокую актуальность в России переориентации экономики на новую модель развития. Ее основу составляют цифровизация и киберофикация промышленности.

В настоящее время РФ находится лишь в начале пути по осмыслению сущности этой концепции. Зарубежный опыт позволяет утверждать, что страны, которые относятся к ведущим мировым экспортерам высокотехнологичной продукции (США, Германия, Япония, Франция, Китай и ряд других), приступили к разработке концепций стандартизации и системы стандартов в области цифровой экономики.

Поэтому на повестку дня выходит задача формирования государственных стратегий в области развития цифровой экономики. Однако это требует более активных действий со стороны государственных органов власти.

Библиографический список

1. Анализ мирового опыта развития промышленности и подходов к цифровой трансформации промышленности государств-членов Евразийского экономического союза (информационно-аналитический отчет Евразийской экономической комиссии). URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx

2. Индустриальный (Промышленный) Интернет Вещей в мире и перспективы развития в России. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/mirovoy-opyt-vnedreniya-proektov-v-sfere-industrialnogo-promyshlennogo-interneta-veschey-i-perspektivy-ih-realizatsii-v-rossii--20160919061924

3. Мойсейчик Г.И. Цифрофикация экономики стран Евразийского союза как стратегический императив XXI века // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5673>

4. Обзоры инновационной политики ОЭСР: Российская Федерация 2011. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/62/50/48098738.pdf>

5. Рыжова К.Н. Интернет вещей: технология, способная изменить мир // Инновационная наука. 2016. № 6. С. 143-146.

6. Усков В.С. Развитие Интернета вещей как инструмента реализации стратегии научно-технологического развития страны // Социальное пространство. URL: <http://sa.vscs.ac.ru/issue/9>

Информация об авторе

Усков Владимир Сергеевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

FORMING DIGITAL ECONOMICS IN RUSSIA IN THE CONDITIONS FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION

Abstract. *Currently, the world is on the verge of a new economic reality. The leading countries of the world are looking for sources of growth, in use, in the capitalization of enormous technological potential, which already exists and continues to take shape, primarily in digital and industrial technologies.*

Key words: *digital economy, quarter industrial revolution, development of digital economy in Russia.*

References

1. Analysis of the world experience of industrial development and approaches to the digital transformation of the industry of the member states of the Eurasian Economic Union (information and analytical report of the Eurasian Economic Commission). Access Mode: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Forms/AllItems.aspx
2. Industrial (Industrial) Internet of Things in the world and development prospects in Russia. Access mode: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/mirovoy-opyt-vnedreniya-proektov-v-sfere-industrialnogo-promyshlennogo-interneta-veschey-i-perspektivy-ih-realizatsii-v-rossii--20160919061924;
3. Moiseychik G.I. Digitalization of the economies of the countries of the Eurasian Union as a strategic imperative of the XXI century // Problems of the modern economy. 2016. № 1 (57). Access mode: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5673>
4. OECD Innovation Policy Reviews: Russian Federation 2011. Access mode: <http://www.oecd.org/dataoecd/62/50/48098738.pdf>
5. Ryzhov K.N. Internet of things: technology that can change the world // International scientific journal "Innovation Science". 2016. № 6. С. 143-146.
6. Uskov V.S. Development of the Internet of Things as a tool for implementing the strategy of the country's scientific and technological development // Social space. Access mode: <http://sa.vscs.ac.ru/issue/9>

Information about the Author

Vladimir S. Uskov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science «Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences» (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; v-uskov @ yandex.ru)

УДК 330.34 / ББК 65.240-551

Ушакова Ю.О.

МОДЕЛЬ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. На современном этапе развития общества важной задачей, которая стоит перед страной, является переход к инновационной экономике. Наличие квалифицированных кадров – ключевой фактор, способствующий переходу на инновационный путь развития. В связи с этим проблема подготовки кадров является актуальной.

Ключевые слова: инновационная экономика, инновации, система образования, подготовка кадров, кадры.

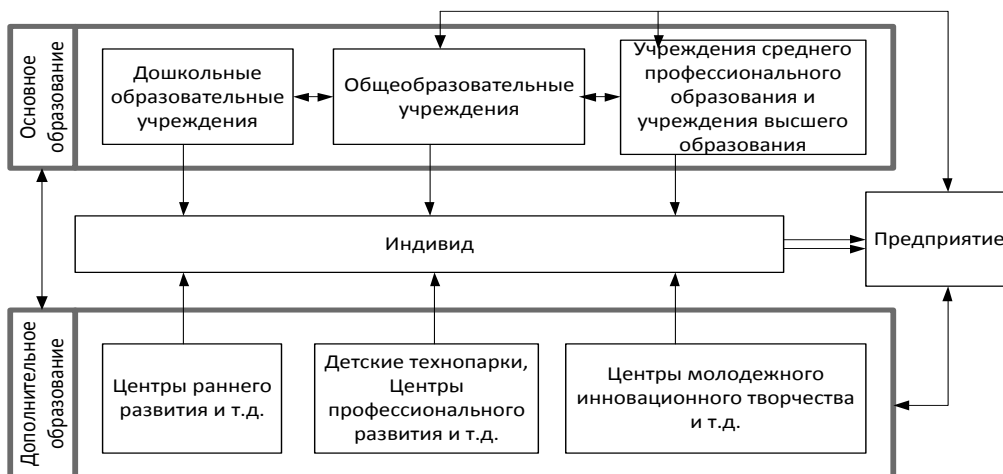
В условиях ограниченности ресурсов большое значение приобретаю наращивание интеллектуального капитала, постоянное повышение качественного уровня кадровых ресурсов. Задача региональной власти заключается в создании условий для их развития.

Обеспеченность кадрами сферы науки и технологий характеризуется численностью персонала, занятого исследованиями и разработками. В международном сопоставлении, их численность в развитых странах (Германия, Франция, Великобритания и др.) за последние 10 лет постоянно увеличивалась, в то время как в России сократилась на 16%. Сложившаяся ситуация не связана с перенасыщением экономики специалистами, так как экономика России еще не встала на инновационный путь развития. Из этого следует, что страна испытывает кадровый дефицит. Одним из показателей, который характеризует кадровую составляющую сферы науки и технологий, является «численность исследователей и техников». За последние 10 лет их количество в России сократилось на 7% и 11% соответственно. Одной из причин, которая оказывает влияние на их сокращение, является недостаточно эффективная система подготовки специалистов.

В связи с этим цель исследования – разработка модели по подготовке специалистов в условиях перехода к инновационной экономике.

Вследствие ускоренного развития НТП образовательные учреждения, ведущие подготовку кадров, должны разрабатывать такие механизмы воспроизводства специалистов, которые бы способствовали постоянной генерации знаний. Однако на данный момент основная проблема заключается в отсутствии системности в процессе подготовки кадров в условиях перехода к инновационной экономике. В подтверждение этого многие исследователи указывают на недостаточную взаимосвязанность этапов процесса подготовки кадров [2, 4].

С целью реализации этой задачи целесообразно предложить образовательную модель «дошкольные образовательные учреждения – общеобразовательные учреждения – учреждения среднего профессионального образования и учреждения высшего образования – предприятия» (рис.).

Модель подготовки кадров в условиях перехода к инновационной экономике

Важную роль в воспроизводстве кадров для предприятий играют учреждения высшего образования. Однако многие исследователи отмечают потерю связи высшего образования с

производством [10, с. 22]. По этой причине необходимо обеспечить тесное сотрудничество предприятий с вузами, что позволит разрабатывать и корректировать образовательные программы. Итогом такого взаимодействия станет своевременная подготовка кадров с компетенциями, необходимыми для выполнения задач стратегического инновационного развития региона и страны в целом.

Препятствием для развития системы образования является несогласованность программ учреждений высшего и среднего профессионального образования [2]. Обеспечение их взаимодействия с учреждениями высшего образования, где обучение более теоретизировано, способствует активизации процессов внедрения инновационных принципов обучения и формированию многоуровневой системы профессиональной подготовки, позволяет обеспечить преемственность содержания и форм организации учебного процесса, учебных планов и программ.

Кроме этого, исследователи отмечают, что традиционное взаимодействие вузов и школ сведено к предоставлению учащимся информации о специальностях, образовательных программах и т. д. [4]. Однако этого недостаточно. Необходимо обеспечить более глубокое взаимодействие вузов со школами. В аспекте образовательных программ их сотрудничество повысит эффективность методов и технологий обучения. Имеющийся опыт школ по внедрению инновационных и интерактивных образовательных технологий позволит транслировать его на вузовскую систему. В этом случае взаимодействия школы могут играть роль «донора», а вузы – «реципиента». В аспекте образовательных условий позитивный эффект от взаимодействия проявляется в возможности использования мощной ресурсной базы вузов. Такое взаимодействие позволит привлечь специалистов к разработке образовательных программ, к целевому обучению выпускников школ, организовать совместные научно-исследовательские работы, проектную деятельность.

С целью решения проблемы оторванности образования от современного производства необходимо осуществление взаимодействия школ с предприятиями, что позволит обеспечить доступ к лабораториям, материально-техническому оборудованию и другим элементами производственной инфраструктуры, тем самым повысить качество образования [3, с. 60].

Отсутствие единых программ воспитания и обучения, несогласованность в содержании образовательных программ и требований дошкольных и школьных учебных заведений негативно влияют на качество подготовки [1]. Работники дошкольных учреждений должны хорошо знать требования, которые предъявляются детям в начальной школе, и в соответствии с ними готовить старших дошкольников к систематическому учению. Успехи школьного обучения зависят от качества знаний и умений, сформированных в дошкольном возрасте. Для реализации целостного процесса обучения будущих специалистов важно взаимодействие этих этапов.

На сегодняшний день остается проблема слабой координации программ дополнительного и общего образования [1]. В связи с этим необходимо обеспечить их взаимодействие. Программы дополнительного образования показывают практическую значимость полученных знаний, обозначают сферы их применения. Результатом их взаимодействия в области подготовки кадров является личность, способная к саморазвитию, к творческому, исследовательскому, системному подходу ко всем процессам и явлениям современности.

Таким образом, отсутствие преемственности и взаимосвязанности этапов образовательной системы является фактором, отрицательно влияющим на качество и уровень подготовки кадров. С целью решения этой проблемы целесообразна реализация модели «дошкольные образовательные учреждения – общеобразовательные учреждения – учреждения среднего профессионального и высшего образования – предприятия», в основе которой лежит комплексный подход, включающий последовательность интегрированных этапов образования и профессионального развития детей и молодежи и определяющий востребованность будущих специалистов в условиях инновационной экономики.

На следующих этапах исследования будут разработаны основные направления и конкретные инструменты, позволяющие сформировать условия для подготовки кадров.

Библиографический список

1. Взаимодействие детского сада и школы в условиях единого образовательного учреждения. URL: <https://multiurok.ru/files/vzaimodieistviie-dietskogho-sada-i-shkoly-v-uslovi.html>
2. Гусева Н. Высшее образование в контексте модернизационного развития России. URL: http://observer.materik.ru/observer/N2_2012/018_025.pdf
3. Кашпур В.В., Афанасьева Д.О., Иванова В.С. Субъекты взаимодействия вузов и школ и их ожидания // Взаимодействие вузов и школ для становления Открытого образовательного пространства: потенциал, проблемы, задачи управления / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск: Томский государственный университет, 2013. С. 51-65.
4. Пшеничникова С.Н., Рыбакова Е.А. Проблемы подготовки рабочих кадров для инновационного развития экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 3 (29). С. 21-24.

Информация об авторе

Ушакова Юлия Олеговна (Россия, Вологда) – инженер-исследователь, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; j.uschakowa2017@yandex.ru)

Ushakova Yu.O.

MODEL OF TRAINING OF PERSONNEL FOR INNOVATIVE ECONOMY ON REGIONAL LEVEL

Abstract. *At the present stage of development of society, an important task facing the country is the transition to an innovative economy. The availability of qualified personnel is a key factor contributing to the transition to an innovative development path. In this regard, the problem of training is relevant.*

Key words: *innovative economy, innovations, education system, personnel training, personnel*

References

1. The interaction of kindergarten and school in a single educational institution. Access mode: <https://multiurok.ru/files/vzaimodieistviie-dietskogho-sada-i-shkoly-v-uslovi.htm>

2. Guseva N. Higher education in the context of the modernization development of Russia. Access mode: http://observer.materik.ru/observer/N2_2012/018_025.pdf

3. Kashpur V.V., Afanasyev D.O., Ivanova V.S. Subjects of interaction of universities and schools and their expectations // Interaction of universities and schools for the formation of an open educational space: potential, problems, management tasks / ed. G.N. Documentary. Tomsk: Tomsk State University, 2013. p. 51-65.

4. Pshenichnikova S.N., Rybakova E.A. Problems of training workers for the innovative development of the economy // Theory and practice of service: economy, social sphere, technology. 2016. № 3 (29). p. 21-24.

Information about the Author

Yulia O. Ushakova (Vologda, Russia) – Research Engineer, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; j.uschakowa2017@yandex.ru)

УДК 339.564 / ББК 65.428

Якушев Н.О.

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЙ ЭКСПОРТ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОСТА

Аннотация. Возможность реализации стратегических приоритетов в региональном развитии и активизации экспорта в высокотехнологичных сегментах являются необходимыми условиями успешного развития страны, решения задач экспортной политики способных обеспечить форсированные темпы роста экономики.

Ключевые слова: высокотехнологичный экспорт, экономика, рост, территория, товар.

Одним из ключевых индикаторов конкурентоспособности экономики в мире является развитие высокотехнологичного экспорта, что, несомненно, актуально в рамках решения экономических задач. В отсутствие развития экспорта продукции высокотехнологичных отраслей промышленности невозможна ее полноценная интеграция в мировое экономическое пространство и эффективное развитие страны и её территорий, а значит и выполнение стратегических задач по форсированным темпам роста экономики [1, 2, 3, 4].

Поэтому главной целью исследования является определение возможностей для российского высокотехнологичного экспорта как одного из источников экономического роста.

В Российской Федерации развитие конкурентоспособных отраслей и, как результат, увеличение несырьевого экспорта, включая рост высокотехнологичной продукции, является одним из приоритетных направлений в экономике на ближайшие шесть лет до 2024 года (в рамках Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204 развитие несырьевого экспорта определено одним из источников роста российской экономики). В то же время известно, что доля РФ в мировых объемах высокотехнологичного экспорта составляла 0,3% в 2016–2017 годах [8]. При этом весомую роль в достижении высоких темпов российской

экономики за счет наращивания высокотехнологичной экспортной базы играют и регионы. Однако в существующих условиях развития российского высокотехнологичного экспорта на мировой арене дальнейшие его перспективы производства и возможности роста в регионах прослеживаются достаточно слабо.

На сегодня высокотехнологичный экспорт в развитых и развивающихся странах является одной из точек экономического развития территорий и эффективной экспортной политики. Кроме того, развитие экспорта высокотехнологичной продукции можно назвать ключевым в формировании глобальных цепочек поставок. В настоящее время объём мирового рынка высокотехнологичной продукции оценивается Всемирным банком в 2 трлн долларов (рынок энергоресурсов – 0,6 трлн долларов). Следовательно, соотношение высокотехнологичного и энергосырьевого рынка составляет 4:1, а при полном переходе к шестому технологическому укладу это соотношение будет составлять 10:1 [6, 8].

По данным статистики, доля высокотехнологичного мирового экспорта в общемировых объёмах всех поставок составляет 12,1% (2016 год). Между тем доля высокотехнологичного экспорта России равна 0,3%. Для сравнения: в Китае – 25,5%, Германии – 9,7%, США – 7,9%, Сингапуре – 6,5%, Республике Корея – 6,1%, Франции – 5,3%, Японии – 4,8%, Великобритании – 3,5% (табл. 1).

Таблица 1. Объёмы высокотехнологичного экспорта России в сравнении с зарубежными странами

Страна	2006 г.			2016 г.			Изменение 2016 г. к 2006 г.	
	О	Д (М)	Д (С)	О	Д (М)	Д (С)	Абс.	%
Китай	273,1	14,9	28,2	496,0	25,5	23,6	222,9	181,6
Германия	163,2	8,9	14,7	189,6	9,7	14,2	26,5	116,2
США	219,0	12,0	21,3	153,2	7,9	10,6	-65,8	69,9
Сингапур	124,7	6,8	45,9	126,3	6,5	37,4	1,6	101,3
Южная Корея	93,4	5,1	28,7	118,4	6,1	23,9	25,0	126,8
Франция	81,5	4,5	16,4	103,8	5,3	20,7	22,3	127,4
Япония	129,2	7,1	20,0	92,9	4,8	14,4	-36,4	71,9
Великобритания	119,4	6,5	26,5	68,3	3,5	16,7	-51,1	57,2
Малайзия	63,5	3,5	39,5	55,6	2,9	29,3	-7,9	87,5
Швейцария	31,1	1,7	21	54,9	2,8	18,1	23,8	176,5
Канада	26,7	1,5	6,9	24,0	1,2	6,1	-2,8	89,7
Россия	3,9	0,2	1,3	6,6	0,3	2,4	2,8	171,7

Пояснение: О – объёмы экспорта, млрд долл. США; Д (М) – доля в мировых объёмах экспорта, %; Д (С) – доля в объёмах всех поставок страны на зарубежный рынок, %.
 Составлено автором по: World Development Indicators – World Bank Group.
 URL: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD>

Одновременно с количественной оценкой ключевыми являются и качественные характеристики. Так, зарубежный опыт в стимулировании и поддержке высокотехнологичного экспорта дает достаточно полное, объективное и достоверное представление о применяемых инструментах и прочих стратегически важных аспектах

внешнеэкономической деятельности, в высокотехнологичном секторе стран-лидеров обеспечивающих их экономический рост.

Из этого следует, что под экономической категорией «высокотехнологичный экспорт», с нашей точки зрения, стоит понимать поставки на зарубежные рынки технически сложной продукции, для производства которой используются сложные технологические процессы (передовые технологии), основанные на результатах не только прикладных, но и фундаментальных научных исследований [7].

Сегодня в России существуют инструменты поддержки высокотехнологичного экспорта. В настоящее время осуществляется программа поддержки высокотехнологичного экспорта с предоставлением специальных условий кредитования [4, 5]. В ней ключевым критерием для получения финансирования (кредита) является соотнесение товара или услуги, производимых или экспортируемых предприятием (компанией), относящимся к высокотехнологичному экспорту [4, 6, 7]. При этом одним из основных барьеров в развитии российского высокотехнологичного экспорта является слабая диверсификация отраслевой структуры региональных предприятий, осуществляющих экспортную деятельность на их территории [6]. Вследствие этого возникает большая зависимость от узкой категории товаров, которая, в свою очередь, может способствовать возникновению кумулятивных процессов в российской экономике.

В связи с этим принципиально важной методической задачей для России во внешнеэкономической сфере в качестве активного участия в глобальных мирохозяйственных связях является создание аналогов системы национальной комплексной оценки российского высокотехнологичного экспорта, основанной на характеристике специализации в регионах.

Таким образом, можно утверждать, что, во-первых, основу высокотехнологичного экспорта в России составляет продукция в виде простых изделий [6, 7]. Во-вторых, при всех существующих инструментах поддержки высокотехнологичного экспорта в России роль в повышении конкурентоспособности продукции, поставляемой на зарубежные рынки, не позволяет в полной мере стать одним из драйвера роста экономики территории. В-третьих, в большинстве российских регионов инструменты, реализуемые в центрах поддержки экспорта, имеют характер одноразовой услуги и потенциально не направлены на формирование стимулирования роста высокотехнологичного экспорта как источника экономического роста.

Библиографический список

1. Абалкин Л.И. Логика экономического роста. М.: Институт экономики РАН, 2002. 228 с.
2. Глазьев С.Ю. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир, 2016. 640 с.
3. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М.: Альпина Паблишер, 2016. – 947 с.
4. Поддержка и содействие экспорту российской продукции на внешние рынки. URL: http://minpromtorg.gov.ru/open_ministry/plan/targets/foreign_markets/
5. Площадка, где возможно все // Эксперт. № 47. URL: http://expert.ru/expert/2017/47/#page_19
6. Якушев Н.О. Высокотехнологичный экспорт России и его территориальная специфика // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 62-77.

7. OECD Quarterly International Trade Statistics URL: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/oecd-quarterly-international-trade-statistics_23130857

8. High-technology exports of manufactured exports. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=TX.VAL.TECH.MF.ZS&country>

Информация об авторе

Якушев Николай Олегович (Россия, Вологда) – научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; nilrus@yandex.ru)

Yakushev N.O.

HIGH-TECH EXPORT OF RUSSIA: OPPORTUNITIES FOR GROWTH

Abstract. *The possibility of realizing strategic priorities in regional development and enhancing exports in high-tech segments are necessary conditions for successful development of the country, solving the tasks of export policy capable of ensuring accelerated economic growth.*

Key words: *high-tech exports, economy, growth, territory, product.*

References

1. Abalkin L. The logic of economic growth. Moscow: Institute of Economics, RAS, 2002. 228 p.
2. Glazyev S. Economy of the future. Does Russia have a chance? ("Collection of Izbor-sky club"). М.: Book World, 2016. 640 p.
3. Porter M. International Competition. Competitive advantages of countries. М.: Alpina Publisher, 2016. - 947 с.
4. Support and promotion of the export of Russian products to foreign markets. Access Mode: http://minpromtorg.gov.ru/open_ministry/plan/targets/foreign_markets/
5. Platform where everything is possible // Expert No. 47. Access mode: http://expert.ru/expert/2017/47/#page_19
6. Yakushev N. High-tech exports of Russia and its territorial specialty // Problems of territorial development. 2017. No. 3 (89). Pp. 62-77.
7. OECD Quarterly International Trade Statistics. Access mode: https://www.oecd-ilibrary.org/trade/oecd-quarterly-international-trade-statistics_23130857
8. High technology exports of manufactured exports. Access mode: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=TX.VAL.TECH.MF.ZS&country>

Information about the Author

Nikolay O. Yakushev (Vologda, Russia) – Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014, Russian Federation; nilrus@yandex.ru)

СЕКЦИЯ 4.
**АГРАРНАЯ НАУКА И ЕЕ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

УДК 636.082 / ББК 46.0

Абрамова Н.И., Власова Г.С., Богорадова Л.Н., Хромова О.Л.
**РАЗВИТИЕ ПЛЕМЕННОГО МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА
НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. По результатам исследований с 2010 по 2017 год установлена тенденция увеличения поголовья коров в племенных заводах на 5,91 тыс. голов (23,97 тыс. голов) и сокращения в племенных репродукторах на 2,55 тыс. голов (22,03 тыс. голов) по Европейскому Северу Российской Федерации. Наибольшее увеличение надоя установлено по племзаводам +1566 кг молока (8015 кг), по племрепродукторам + 1105 кг молока (7107 кг).

Ключевые слова: племенные заводы; племенные репродукторы, молочное скотоводство; популяция; коровы; надой.

Введение. Задача племенного животноводства заключается в совершенствовании существующих и выведении новых пород сельскохозяйственных животных, а также в производстве для товарного животноводства высокоценного племенного материала (в первую очередь производителей) определенных пород. В условиях нашей страны ее решают племенные заводы, племенные репродукторы, занимающиеся разведением племенных животных, а также предприятия по племенной работе и искусственному осеменению [1, с. 9].

Рост молочной продуктивности определяется генетическим потенциалом в породных популяциях и условиями внешней среды. В последние годы повышение надоев коров, несомненно, связано с технологическим прогрессом: улучшением кормления и условий содержания всех полновозрастных групп. Неоспоримо влияние генетического улучшения популяции коров, прежде всего за счет серьезного обновления поголовья быков-производителей на отечественных станциях по искусственному осеменению [2, с. 38].

В основе современной селекции сельскохозяйственных животных лежит классическая генетика, особенно учение о наследовании количественных признаков и учение о популяциях [3, с. 4].

Главным направлением развития молочного скотоводства в России на современном этапе является его дальнейшая интенсификация путем повышения продуктивных и племенных качеств разводимого скота, увеличения эффективности производственного использования наиболее ценных животных. Центральное место при внедрении интенсивных технологий занимает племенная работа, цель которой сводится к поиску наиболее ценных генотипов и к максимальному использованию их в популяции [4, с.10].

В животноводстве Вологодской области молочному скотоводству отводится ведущая роль, которое исторически и территориально имеет конкурентные преимущества по сравнению с другими субъектами Российской Федерации, поэтому экономическая стабильность сельскохозяйственных предприятий, рентабельность всего производства напрямую связаны с количеством и качеством продаваемого молока. В большинстве

сельскохозяйственных предприятий молоко – это главный товарный продукт, дающий основной доход [5, с. 12].

Методика. Исследования проведены по данным Ежегодников по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации (М.:Изд-во ФГБНУ ВНИИплем [6]).

Для проведения исследований использовали данные с 2010 по 2017 год в разрезе регионов Европейского Севера Российской Федерации (Архангельская область, Вологодская область, Республика Карелия, Республика Коми, Мурманская область, Ненецкий АО) по племенным заводам и племенным репродукторам. В обработку включены показатели поголовья коров и надой. Ненецкий автономный округ не включен в обработку в результате малочисленности поголовья и низкой продуктивности коров. В качестве инструмента исследований использовалось стандартное программное обеспечение для персональных компьютеров Excel.

Результаты исследования.

За анализируемый период с 2010 по 2017 год установлена тенденция увеличения поголовья коров в племенных заводах на 5,91 тыс. голов, что составило 23,97 тыс. голов, по племенным репродукторам сокращение на 2,55 тыс. голов (22,03 тыс. голов) по Европейскому Северу Российской Федерации (рис. 1).

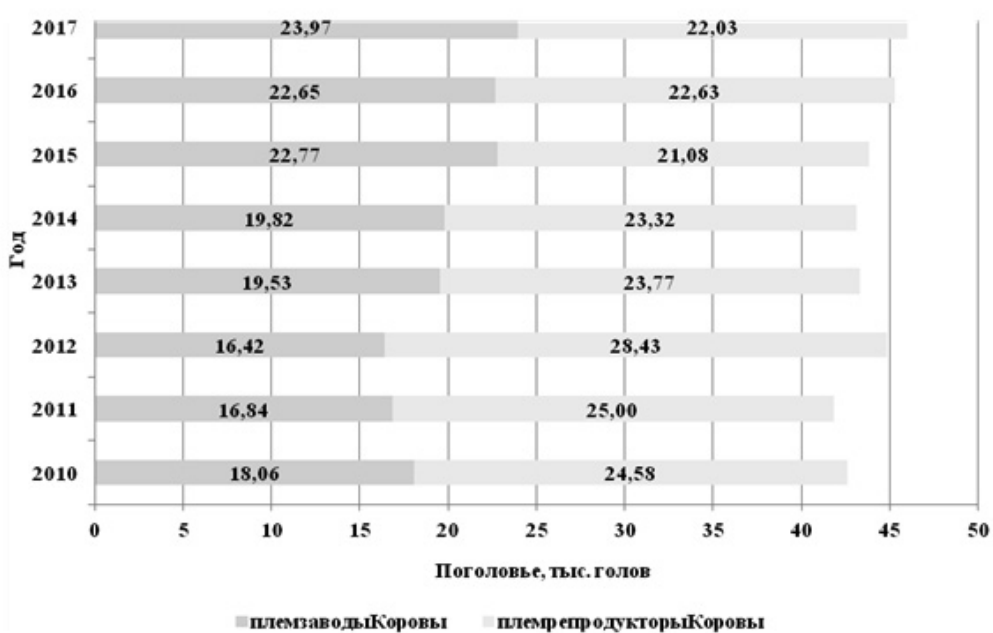

Рисунок 1. Численность поголовья коров племенных сельхозпредприятий Европейского Севера Российской Федерации

Источник: Ежегодники по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации за 2010–2017 годы.

По сельхозпредприятиям Европейского Севера Российской Федерации установлена общая тенденция увеличения надоя коров на 1610 кг молока, что составило 6960 кг в 2017 году.

По племенным заводам увеличение надоя коров составило 1566 кг молока (8015 кг), по племенным репродукторам + 1105 кг молока (7107 кг) за анализируемый период (рис. 2).

Необходимо отметить, что уровень надоя коров в племенных заводах превосходит показатели племенных репродукторов на 908 кг молока, средние данные по Европейскому Северу Российской Федерации на 1055 кг молока и составляет 8015 кг.

Это свидетельствует о том, что племенные сельхозпредприятия проводят направленную работу на повышение продуктивности коров.

Следовательно, в племенных заводах Европейского Севера Российской Федерации сосредоточен лучший племенной материал по продуктивным признакам животных.

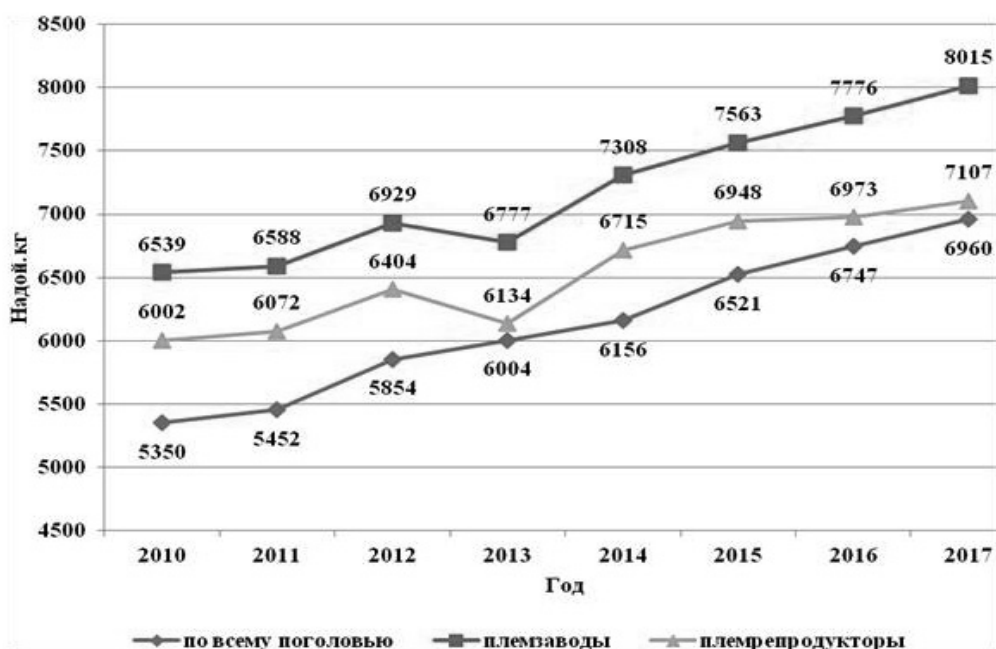

Рисунок 2. Надой коров в племенных сельхозпредприятиях Европейского Севера Российской Федерации

Источник: Ежегодники по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации за 2010–2017 годы.

На основе сравнительной характеристики надоя коров племенных сельхозпредприятий по регионам Европейского Севера Российской Федерации за 2010 и 2017 год установлено увеличение продуктивности, кроме Мурманской области (рис. 3).

За анализируемый период по племенным заводам наибольшее увеличение надоя коров + 2530 кг молока установлено по Архангельской области, что составило 7725 кг молока. На втором месте Вологодская область +1476 кг молока (8283 кг), третьем – Республика Карелия +898 кг молока (8160 кг), четвертом – Республика Коми +632 кг молока (5284 кг).

По результатам 2017 года племенные заводы по Вологодской области занимают первое место по надоя коров 8283 кг молока, что превосходит показатели Республики Карелия на 123 кг молока (8160 кг), Архангельской области на 556 кг молока (7727 кг), Республики Коми на 2999 кг молока (5284 кг).

По племенным репродукторам наибольшее увеличение надоя коров за анализируемый период установлено по Вологодской области +1428 кг молока, что составило 7122 кг. На

втором месте по надою популяция коров Республики Карелия на 1074 кг молока (6830 кг), третьем Архангельская область +930 кг молока (7243 кг), четвертом – Республики Коми на 678 кг молока (5242 кг). Необходимо отметить, что по Мурманской области установлено снижение продуктивности коров по племенным репродукторам на 1260 кг молока (7519 кг) с 2010 по 2017 год.

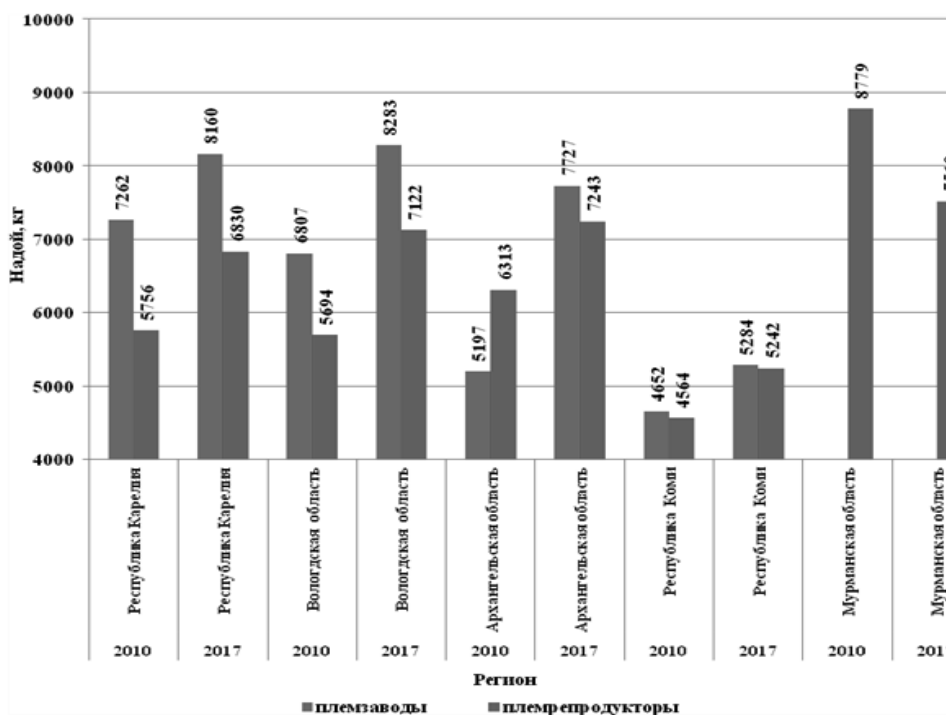

Рисунок 3. **Надой племенных коров по регионам Европейского Севера за 2010, 2017 год**
 Источник: Ежегодники по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации за 2010, 2017 годы.

Следовательно, Вологодская область является наиболее экономически эффективным регионом Европейского Севера Российской Федерации по развитию племенного молочного скотоводства и занимает первое место по надою коров в племенных заводах.

Вывод. За анализируемый период выявлена тенденция увеличения численности коров по племязаводам и сокращение по племярепродукторам на Европейском Севере Российской Федерации, при этом отмечается увеличение продуктивности коров. Это свидетельствует о том, что племенные сельхозпредприятия проводят направленную работу на совершенствование племенных и продуктивных признаков животных.

Для сохранения отечественного молочного скотоводства в России необходима государственная поддержка племенных заводов и племенных репродукторов, что позволит обеспечить промышленное товарное производство ценным племенным материалом и повысить конкурентоспособность отечественной продукции.

Библиографический список

1. Егизарян А.В., Конюшко И.В., Трусова А.В. На передовых рубежах племенной работы в молочном скотоводстве Российской Федерации // Молочное и мясное скотоводство. 2015. № 5. С. 9-12.

2. Мырнин С.В. Развитие племенного животноводства РФ: роль регионального информационно-селекционного центра в системе племенной работы // Аграрный вестник Урала. 2017. № 02 (156). С. 38-40.

3. Маклахов А.В. Система управления селекционным процессом в популяциях молочного скота в условиях Северо-Западной зоны Российской Федерации. Вологда – Молочное, 2017. 51 с.

4. Сударев Н.П. Наследственная обусловленность лактационной деятельности коров // Зоотехния. 2014. № 2. С. 10-12.

5. Елфимов М.В., Дубова Е.А., Романова И.Ю. Производство молока и молочной продукции в Вологодской области // Молочная промышленность. 2017. № 5. С. 12-13.

6. Ежегодник по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации. М.: Изд-во ФГБНУ ВНИИплем, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017.

Информация об авторах

Абрамова Наталья Ивановна (Россия, Вологда) – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом разведения сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБНУ «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54);

Власова Галина Сергеевна (Россия, Вологда) – кандидат биологических наук, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБНУ «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54);

Богородова Людмила Николаевна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБНУ «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54);

Хромова Ольга Леонидовна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБНУ «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54)

Abramova N. I., Vlasova G.S., Bogoradova L.N., Chromova O.L.

THE DEVELOPMENT OF BREEDING DAIRY CATTLE IN THE EUROPEAN NORTH OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *According to the results of research from 2010 to 2017, the tendency of increasing the number of cows in breeding plants by 5.91 thousand heads (23.97 thousand heads) and a reduction in breeding reproducers by 2.55 thousand heads (22.03 thousand heads) in the European North of the Russian Federation was established. The greatest increase in milk yield was found in breeding plants +1566 kg of milk (8015 kg), in breeding products + 1105 kg of milk (7107 kg).*

Key words: *breeding plants; breeding reproducers, dairy cattle breeding; population; cows; milk yield.*

References

1. Yeghiazaryan V.A., Konyushko I.V., Trusova A.V. On the front lines of the breeding work in the dairy cattle breeding of the Russian Federation // Dairy cattle breeding. 2015. № 5. P. 9-12.
2. Mymrin S.V. Development of livestock breeding in Russia: the role of the regional information and selection center in the system of breeding // Agrarian Bulletin of the Urals. 2017. № 02 (156). P. 38-40.
3. Maklakov A. C. control System selection process in populations of dairy cattle in the North-West zone of the Russian Federation. Vologda - Dairy. 2017. 51 p.
4. Sudarev N. P. Hereditary conditionality of lactation activity of cows // Zootechnics. 2014. № 2. P. 10-12.
5. Elfimov M.V., Dubov E.A., Romanova I.Y. The Production of milk and dairy products in the Vologda region // Dairy industry. 2017. № 5. Pp. 12-13.
6. Yearbook on breeding work in dairy cattle breeding in farms of the Russian Federation. M.: Publishing HOUSE of Vniiplem, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017.

Information about the Authors

Natalia I. Abramova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Agriculture, Head of Department for Farm Animal Breeding, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute, separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; (8172) 52-56-54);

Galina S. Vlasova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Biology, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute, separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; (8172) 52-56-54);

Lyudmila N. Bogorodova (Vologda, Russia) – Senior Researcher; Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute, separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; (8172) 52-56-54)

Olga L. Khromova (Vologda, Russia) – Senior Researcher, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute, separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; (8172) 52-56-54)

УДК 636.22/28.034 / ББК 46.0

Алексеев А.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНА УБЫВАЮЩЕГО ПРЕДЕЛЬНОГО ПРОДУКТА В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ

Аннотация. Проанализированы показатели затрат на 1 корову и уровень продуктивности с 1999 по 2016 г. по хозяйствам Ярославского района Ярославской области.

Было установлено, что действие закона убывающей отдачи проявляется как в отдельно взятых хозяйствах, так и на группе предприятий одного муниципального округа.

Ключевые слова: закон убывающей отдачи, надой, затраты на корову, тренд.

Тенденция к росту молочной продуктивности крупного рогатого скота отмечается во многих странах с развитым молочным скотоводством. Она обусловлена совершенствованием кормления, внедрением достижений современной селекции в молочное производство, улучшением условий содержания крупного рогатого скота. В то же время имеется множество исследований, показывающих, что производственная себестоимость молока выше в хозяйствах с более высокими надоями [1, 2].

В задачу исследований входило изучение закона убывающей отдачи применительно к молочному скотоводству. Исходными данными послужили показатели общих затрат за год в расчете на 1 корову и уровень продуктивности по хозяйствам Ярославского района Ярославской области.

В ходе исследований влияния примененных затрат на продуктивность коров был проведен анализ по следующим направлениям:

- затраты – надой по каждому хозяйству в динамике за ряд лет;
- затраты – надой в среднем по хозяйствам в динамике за ряд лет;
- затраты – надой по 24 хозяйствам за 2004 год и 22 хозяйствам за 2016 год.

Для выявления влияния увеличения затрат на продуктивность коров были построены графики зависимости этих показателей. Тренд определялся на основе линии полиномиальной аппроксимации.

Анализ зависимости затрат на продуктивность коров в динамике за 1999–2004 гг. показал, что в 17 из 24 хозяйств Ярославского района наблюдается ярко выраженная тенденция снижения темпов роста надоя при увеличении затрат на 1 корову. При этом у 13 предприятий график линии тренда максимально приближен к исходным переменным, и точность аппроксимации составляет более 0,7. Сложившуюся картину по большинству хозяйств подтверждают и средние данные по району в целом.

Далее было проанализировано действие закона убывающей отдачи в пределах одного года. Для этого был построен график зависимости затрат на надой по 24 хозяйствам за 2004 год.

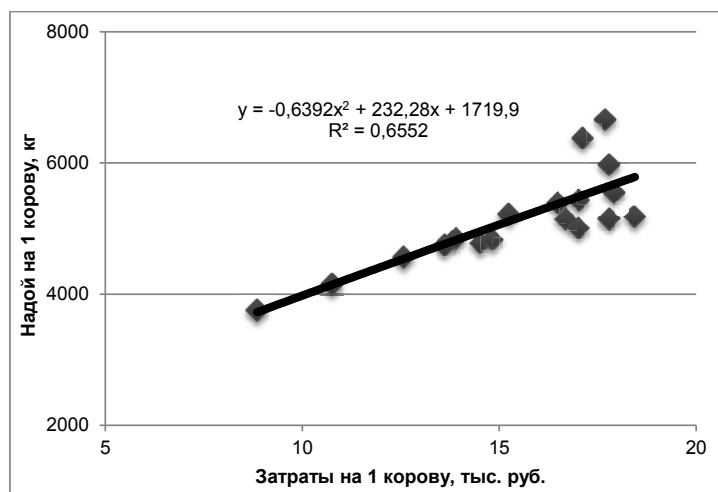
Таким образом, было установлено, что действие закона убывающей отдачи проявляется не только в конкретно взятом хозяйстве, но и на группе предприятий одного муниципального округа работающих в относительно равных условиях [3].

В динамике за 2012–2016 гг. наблюдается та же тенденция – затраты растут – продуктивность тоже растет, но меньшими темпами, т. е. закон убывающей отдачи повторяется.

За 18 лет надой на 1 корову по Ярославскому району увеличился с 3754 кг до 6659 кг (+77%), затраты при этом возросли с 9 тыс. руб. на корову до 131 тыс. руб. (почти в 15 раз). Что характерно, темпы роста затрат были меньше темпов роста надоя примерно до 5200–5300 кг, а затем, увеличивая затраты, надой тоже росли, но уже не такими высокими темпами.

В действительности же за исследуемый период времени увеличение общих затрат в денежном выражении происходило не столько за счет увеличения объема затрат в

натуральных величинах, сколько за счет инфляционных факторов (повышение цен на корма, энергоносители, повышение уровня заработной платы и др.).

Закон убывающего предельного продукта в с/х предприятиях Ярославского района за 1999-2016 гг. (дисконтированные затраты)

Если проанализировать динамику инфляции за этот период, то с января 1999 года по декабрь 2016 года она составила 708% [4]. Поэтому, чтобы привести денежные показатели в сопоставимый вид, сумму затрат необходимо дисконтировать. В среднем за 18 лет уровень инфляции составил 12,5%. Эта цифра была взята в качестве ставки дисконтирования.

Расчет коэффициентов дисконтирования, определяют дисконтированные затраты и по полученным данным строится соответствующий график (рис.).

Уравнение графика тренда имеет отрицательное значение, следовательно, выдвинутая нами гипотеза о влиянии закона убывающей отдачи в молочном скотоводстве проявляется в достаточно большом временном отрезке.

Библиографический список

1. Белялетдинова М.М., Светлов Н.М. Экономические стимулы к росту надоев // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2010. № 6. С. 138-146.
2. Зинченко А.П., Кагирова М.В. Тенденции и факторы молочной продуктивности коров // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 3. С. 24-27.
3. Алексеев А.А. Влияние закона убывающей отдачи на эффективность производства молока // Актуальные проблемы повышения эффективности реформирования в АПК и гуманизации общества: сборник научных трудов. Часть III. Ярославль: ФГОУ ВПО ЯГСХА, 2006. С. 39-43.
4. Уровень инфляции РФ: график, динамика. URL: <http://znatokdeneg.ru/raznoe/uroven-inflyatsii-rf-grafik-dinamika.html> (дата обращения: 10.11.2018).

Информация об авторе

Алексеев Андрей Александрович (Россия, Ярославль) – старший научный сотрудник, Ярославский НИИЖК – филиал ФНЦ «ВИК им. В.Р. Вильямса» (150517, Ярославская область, Ярославский район, п. Михайловский, ул. Ленина, 1; kopat2008@yandex.ru)

Alekseev A.A.

FEATURES OF THE LAW OF DIMINISHING RETURNS IN DAIRY CATTLE BREEDING

Abstract. *Indicators of costs of 1 cow and milk yield from 1999 to 2016 on farms of Yaroslavsky district of the Yaroslavl region are analysed. It has been established that operation of the law of the decreasing return is shown both in separately taken farms, and on group of companies of one municipal district.*

Key words: *law of diminishing returns, milk yield, cow costs, trend.*

References

1. Belyaletdinova M.M., Svetlov N.M. *Ehkonomicheskie stimuly k rostu nadoev // Izvestiya Timiryazevskoj sel'skohozyajstvennoj akademii.* 2010. № 6. S. 138-146.
2. Zinchenko A.P., Kagirowa M.V. *Tendencii i faktory molochnoj produktivnosti korov // EHkonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij.* 2010. № 3. S. 24-27.
3. Alekseev A.A. *Vliyanie zakona ubyvyayushchej otdachi na ehffektiv-nost' proizvodstva moloka // Aktual'nye problemy povysheniya ehffektivnosti reformirovaniya v APK i gumanizacii obshchestva: sbornik nauchnyh trudov. CHast' III. YARoslavl', FGOU VPO YAGSKHA, 2006. S. 39-43.*
4. *Uroven' inflyacii RF: grafik, dinamika.* Rezhim dostupa: <http://znatokdeneg.ru/raznoe/uroven-inflyatsii-rf-grafik-dinamika.html> (data obrashcheniya 10.11.2018).

Information about the Author

Andrei A. Alekseev (Yaroslavl, Russia) – Senior Research Associate, Yaroslavl Research Institute for Animal Husbandry and Fodder Production – branch of Federal State-Financed Scientific Institution V.R. Williams Federal Research Center for Fodder Production, Rational Use of Natural Resources and Agroecology (1, Lenin str., Mikhailovskii rural settlement, 150517, Yaroslavl Oblast, Russian Federation; kopat2008@yandex.ru)

УДК 599.735.5(470.12) / ББК 46.09

Гусаров И.В.

ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ СОХРАНЕНИЯ ЗУБРОВ

Аннотация. В статье описывается восстановление вида bison bonasus L., 1758. Представлены данные международной родословной книги зубров, которые подтверждают рост численности мировой популяции. Статистические данные говорят и об увеличении численности вида на территории РФ. Обсуждается необходимость сохранения и совершенствования популяции зубров.

Ключевые слова: *зубр, сохранение, численность, признаки, гибридизация, резерв.*

Сохранение биологического разнообразия на планете – одна из основных проблем современности. Реализация задач, связанных с её решением, происходит не только в определённых социальных условиях, но и в сложных отношениях между видами в самой живой природе. Соответственно, при сохранении видов и в частности при интродукции зубров мы можем предполагать вытеснение предыдущих сообществ последовательной конкуренцией, отношение человека к вселённому виду, экономические последствия биотехнологической операции. Интродукция, являясь процессом введения в экосистему нехарактерных для неё видов, может усиливать как изменения биоценозов, так и социально-экономические условия той или иной территории. По-особому звучит постановка вопроса, когда речь идёт о таком крупном копытном животном, как зубр европейский. От того, насколько быстро и успешно проходит процесс адаптации вселённого вида и усматривается его влияние на окружающую среду, зависит дальнейшее существование зубров и в целом биоразнообразия. С каждым годом негативное влияние хозяйственной деятельности человека сказывается на природной среде. Это приводит к тому, что многие виды живой природы или находятся на грани вымирания, или достигли этого рубежа. Подобное явление произошло в 19 веке и с зубром, когда в естественной среде в 1927 году была уничтожена последняя особь [1]. Восстановление и сохранение численности редких видов животных предполагает создание жизнеспособных свободноразмножающихся популяций [3]. Потребовалось сто лет для восстановления минимальной численности этого животного на планете. Мировая численность зубров на 31.12.2017 года составила 7180 голов, в том числе в России 1251 голова [2, 6]. С каждым годом негативное влияние хозяйственной деятельности человека сказывается на природной среде. Это приводит к тому, что многие виды живой природы или находятся на грани вымирания, или достигли этого рубежа. Восстановление и сохранение численности редких видов животных предполагает создание жизнеспособных свободноразмножающихся популяций [3]. Интродукция вида на север Европейской части России и проведение успешной акклиматизации зубров в 1991–1994 годах показали, что одна из таких популяций может существовать в Северо-Западном регионе России, на территории Усть-Кубенского района Вологодской области [4, 5]. Важность сохранения видов состоит не только в поддержании существующих биоценозов, но и в экономическом аспекте. Учитывая хозяйственно-полезные признаки вида, мы утвердительно можем сказать, что гибридизация зубра с крупным рогатым скотом может иметь полезное значение в хозяйственно-экономической деятельности человека.

Необходимость сохранения генофонда и в целом генетической изменчивости обсуждалась на разных научных уровнях. В связи с этим важно обсудить аргументы в пользу сохранения диких сородичей домашнего скота, таких как зубр. Одной из первых категорий является культурно-историческое наследие вида. Зубр рассматривается как редчайший памятник природы и живой культуры. Кроме того, на протяжении столетий имеет причастие к польско-российским отношениям, развитию дальних окраин России. Зубр может быть использован как исследовательский и наглядный материал восстановления утраченного вида.

Важнейшими аргументами в пользу сохранения вида являются экономико-биологические категории. Интенсивное развитие животноводства предполагает совершенствование и сохранение продуктивных и других качеств существующих пород домашнего скота. Требования к сельскохозяйственным животным высокие, непредсказуемые

порой и изменчивые. Учитывая биологические особенности зубров, и прежде всего в регулировании физиологических процессов в организме, использовании кормов, особенности адаптации к климатическим и другим внешним условиям, восприимчивость к болезням, возможно подойти к улучшению домашних животных. Сохранение же численности зубров на севере Европейской части России – это сохранение вида в резервной популяции для преодоления возможных негативных последствий в других местах обитания. Такие признаки зубров, как адаптивность к внешним условиям, крепкая конституция, продолжительность жизни, могут найти применение при улучшении и создании пород, способных приспособиваться к новым биотехнологиям. Использование зубров в гибридизации с крупным рогатым скотом имеет место использование гибридов, адаптированных к местным условиям, способных потреблять древесно-веточный корм зарастающих мелколесьем угодий.

Большой интерес представляет научная категория сохранения зубров. Исследования в области физиологии и биохимии, морфологии, генетики указывают на отличительные особенности от современных домашних пород крупного рогатого скота. Для расширения знаний в этих областях требуется сохранение и увеличение численности зубров. Изучение зубров вскрывает механизмы процессов эволюции, поведения, естественного отбора.

Таким образом, вид *bison bonasus* L., 1758 является резервом наследственных качеств, которые в будущем могут понадобиться и иметь неопределимое значение в развитии животноводства.

Библиографический список

1. Puzek Z., Belousova I.P., Krasinska M., Krasinski Z., Olech W. European bison (*Bison bonasus*): current state of the species and an action plan for its conservation // Mammal Research Institute PAS, Bialowieza. 2002. p. 1-54.
2. European bison pedigree book ЕВРВ, 2017. Bialowieza, 2017.
3. Белоусова И.П. Значение и оценка показателей генетического разнообразия для решения проблемы сохранения европейского зубра: монография. Пушино: ОНТИПНЦРАН. 1999. 109 с.
4. Гусаров И.В. Создание популяции зубров в условиях северного региона РФ: дисс. ... канд. биол. наук. ВГМХА им.Н.В.Верещагина. Вологда-Молочное, 1999.
5. Гусаров И.В. Акклиматизация зубра в Вологодской области // Актуальные проблемы производства и переработки сельскохозяйственной продукции: сборник научных трудов молодых учёных и аспирантов. Вологда-Молочное, 1998. С. 42-44.
6. Цибизова Е.Л. 2017 Анализ динамики численности зубра (*Bisonbonasus*) при содержании в условиях питомника // Вологодчина – северная территория европейского зубра: сборник по матер. Международной научно-практической конференции. Вологда. С. 20-26.

Информация об авторе

Гусаров Игорь Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом кормов и кормления сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН

«Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; i-gusarov@yandex.ru)

Gusarov I.V.

MAIN ARGUMENTS TO SAFETY THE JEWELS

Abstract. *The article describes the restoration of the species bison bonasus L., 1758. It indicates the success of the introduction of bison in the new habitat conditions, in the North of the European part of Russia. The data of the international genealogical book of bison are presented, which confirm the growing number of the world bison population. The statistics also show an increase in the number of species in the territory of the Russian Federation. The paper discusses the need and importance of maintaining and improving the bison population.*

Key words: *bison, conservation, abundance, traits, hybridization, reserve.*

References

1. Puzek Z., Belousova IP, Krasinska M., Krasinski Z., Olech W. European bison (Bison bonasus): Mammal Research Institute PAS, Bialowieza. 2002. p. 1-54.
2. European bison pedigree book EBPB, 2017. Bialowieza, 2017.
3. Belousova I.P. The value and assessment of indicators of genetic diversity to solve the problem of preservation of European bison. Monograph. Pushchino: ONTIPCRAN, 1999. 109 p.
4. Gusarov I.V. The creation of a bison population in the conditions of the northern region of the Russian Federation, the dissertation for the degree of Ph.D. in biological sciences. VGMHA named after N.V. Vereshchagin, Vologda-Molochnoye. 1999.
5. Gusarov I.V. Acclimatization of a bison in the Vologda region // Actual problems of production and processing of agricultural products. Collection of scientific works of young scientists and graduate students. Vologda-Dairy. 1998. p. 42-44.
6. Tsibizova E.L. 2017 Analysis of the dynamics of the number of bison (Bison bonasus) when kept in nursery conditions // Vologodchina - the northern territory of the European bison. Sat on mater. International Scientific and Practical Conference. Vologda, p. 20-26.

Information about the Author

Igor V. Gusarov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Biology, Leading Researcher, head of Department for Fodder and Feeding of Farm Animals, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; i-gusarov@yandex.ru)

Задумкин К.А., Шулепов Е.Б.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСМОТРА ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Село имеет огромное значение для нашей страны. От уровня развития сельских территорий в значительной степени зависят безопасность и территориальное единство нашего государства. В статье предложено видение авторов, как развивать сельские территории нашей страны, изложены взгляды на пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: сельские территории, муниципальные образования, устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, стратегия.

Село имеет огромное значение для нашей страны. Народнохозяйственные функции сельских территорий многообразны и заключаются, на наш взгляд, в следующем:

1. Оно выполняет производственную функцию – кормит нас.
2. Социально-демографическая функция – обеспечивает сельское хозяйство и другие отрасли экономики трудовыми ресурсами.
3. Культурная и этническая функции – хранит самобытные национальные языки и культуры, народные традиции, обычаи, обряды, фольклор, опыт ведения хозяйства и освоения природных ресурсов, охраняет памятники природы, истории и культуры, расположенные в сельской местности.
4. Экологическая функция – поддерживает экологическое равновесие в агробиоценозах и на всей территории страны, содержит заповедники, заказники, национальные парки, аккумулирует загрязнения, обеспечивает ландшафто- и средообразование, хранение отходов городов.
5. Рекреационная функция – создает условия для восстановления здоровья и отдыха городского и сельского населения.
6. Пространственно-коммуникационная функция – предоставляет пространство для размещения производств, расширения городов и обслуживания инженерных коммуникаций (дорог, линий электропередачи, связи, нефте- и газопроводов).
7. Политическая функция – сельские жители являются более консервативной и толерантной частью общества и потому служат опорой стабильности в обществе.
8. Функция контроля над территорией – содействие сельского населения государственным органам в обеспечении общественного порядка и безопасности в малолюдных поселениях и слабообжитых территориях, сохранении недр, земельных, водных и лесных ресурсов, флоры и фауны. В геополитическом смысле сельская местность охватывает большую часть территории любого государства, в т. ч. наиболее развитых стран.

Таким образом, от уровня экономического освоения, плотности населения и обустройства сельской местности в значительной степени зависят безопасность, целостность и территориальное единство нашего государства и его потенциальные возможности противостоять территориальным посягательствам извне [1].

На сегодня основные задачи устойчивого развития сельских территорий – это:

Во-первых, создание на сельских территориях саморазвивающихся хозяйственных систем на основании формирования экономического оборота местных ресурсов в результате:

- развития конкурентоспособного и экологически гармоничного сельского, лесного и водного хозяйства;
- диверсификации сельскохозяйственного производства, повышения экономической активности населения, возрождения традиционных и развитие новых ремесел, промыслов и производств;
- развития современной производственной и информационной инфраструктуры;
- развития местной промышленности;
- всестороннего развития кооперации в производственной, бытовой, финансовой и других сферах.

Во-вторых, развитие местного самоуправления для формирования социально-организованного и ответственного гражданского общества на селе.

В-третьих, повышение привлекательности проживания в сельской местности, обеспечение конкурентоспособности сельских территорий для жизни по сравнению с городами.

Как наше государство решает данные задачи?

К развитию социальной инфраструктуры применяется отраслевой подход [2]. В экономике упор сделан на поддержку развития крупных сельхозпроизводителей за счет применения субсидированного кредитования. Все решения в сфере территориального управления сельскими территориями принимаются по принципу «сверху-вниз» и ввиду ограниченности выделяемых на данную сферу средств основываются на политике «латания дыр». При этом жители сельских территорий закономерно воспринимаются как некий балласт, постоянно требующий опеки и бюджетных расходов.

Данный подход характерен не только для нас. До 1990-х годов он активно использовался и в развитых странах. Его преимуществом является то, что он позволяет в короткие сроки значительно увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции.

Однако он не лишен и серьезных недостатков. При отраслевом подходе доминирующая концепция развития страны с упором на модернизацию крупных агропромышленных холдингов: а) способствует усилению дифференциации сельских регионов и отдельных территорий; б) стимулирует отток сельских жителей в города (современные производства требуют все меньше людей, а если на территории нет крупного сельхозпроизводства, то рабочих мест там совсем не остается); в) усиливает негативное влияние ведения крупномасштабного сельскохозяйственного производства, особенно животноводства, на окружающую среду.

В развитых странах понимание того, что отраслевой подход не решает проблем устойчивого развития сельских территорий, привело к разработке и использованию политики, направленной на то, чтобы решения в этой сфере формировались преимущественно «снизу-вверх» [3]. Данный подход ставит во главу угла жителя села, его потребности и стремления. Он направлен на то, чтобы дать возможность жителям самим определять свое будущее, направления приложений своих усилий.

Именно внедрение данного принципа в управление устойчивым развитием сельских территорий страны, на наш взгляд, должно найти свое отражение в новой программе развития сельскохозяйственных территорий, разработку которой поручил Президент Российской

Федерации В.В. Путин Правительству на совещании по вопросам сельского хозяйства во время рабочей поездки в Ставропольский край 9 октября 2018 года [4].

Необходимо усилить существующие меры государственной поддержки села и сельхозпроизводителей теми возможностями и ресурсами, которые есть на территориях, скоординировать действия власти, бизнеса и сельских жителей для решения обозначенных выше проблем.

Какие действия нужно предпринять, чтобы программа стала по настоящему действующей и эффективной?

1. Провести анализ и ревизию ситуации в сельских территориях. С точки зрения инвентаризации имеющихся ресурсов и возможностей, применяемых подходов к управлению, поиска лучших практик и лидеров, эффективности использования бюджетных средств*.

2. На базе анализа появится возможность запустить разработку стратегий развития сельских территорий. Нужны долгосрочные реальные проработанные стратегии развития каждого поселения, которые будут интегрироваться в стратегии более высокого уровня. Они могут учесть большинство ресурсов, имеющиеся на территории, основные сферы жизнедеятельности людей, содержать бизнес-планы создания конкретных производств. Сам процесс разработки уже способен сплотить жителей. Он будет способствовать активизации общественной жизни на селе, задействует имеющийся творческий и интеллектуальный потенциал людей. Стратегии нужны для того, чтобы люди увидели своё будущее в этих планах, чтобы у предпринимателей появилось понимание направлений для своего развития [5].

3. После разработки стратегий следует обеспечить поддержку процессов их реализации. На этом этапе потребуется переход от используемого сегодня бюджетного планирования к стратегическому и проектному. Стратегический подход требует поиска ресурсов под задачи.

4. Для стимулирования развития местной экономики на селе, повышения привлекательности жизни в сельской местности необходимо на законодательном уровне закрепить за всеми сельскими территориями за пределами пригородов крупных городов статус особой социально-экономической территории со всеми вытекающими отсюда льготами и преференциями. Так мы сможем повысить конкурентоспособность проживания в сельской местности по отношению к городу.

5. Необходимо обеспечить поддержку существующей системе кредитной и потребительской кооперации. Именно кооперативы должны стать «институтами развития» на селе, т. к.:

- У них уже есть база пайщиков, которые, как правило, являются наиболее активными жителями сельских территорий. На них можно положиться, им можно доверить создание новых локальных производств, и они уже умеют работать сообща.

- У них есть сотрудники, обладающие компетенциями в сфере финансового планирования, подготовки бизнес-планов. Они могут научить людей вести свое дело, подсказать им варианты применения усилий и умений.

* Здесь помогут результаты сельскохозяйственной переписи населения в 2018 году.

- На уровне страны у кооперативов уже создана сеть организаций, способная аккумулировать ресурсы и направлять их на совместные крупные проекты, обеспечивать сбыт продукции.

- У них есть огромный опыт реализации социальных проектов на селе и понимание того насколько важно для общего блага ставить во главу угла не прибыль, а людей и будущее конкретного поселения.

По нашему мнению, нужно организовать постоянный федеральный мониторинг происходящих изменений в регионах, оценку реализации разработанных стратегий поселений.

Авторы считают, что полезным было бы создание федерального центра по развитию сельских территорий. Цель его работы – быть штабом изменений: учить людей на местах, помогать им обмениваться опытом, координировать действия различных министерств и ведомств, помогать мобилизовать ресурсы власти, бизнеса и жителей.

По мнению Г.В. Тюрина, для нашей страны глубинка – это основа основ. Россия – это, прежде всего, огромные пространства, они являются ключевым фактором социальной и экономической жизни страны [6]. Можно и на этих огромных пространствах преобразовывать жизнь к лучшему, можно создавать новые рабочие места, можно делать так, чтобы люди могли там нормально жить.

Библиографический список

1. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

2. Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 42-58. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3.

3. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней. Рим: Издание ФАО, 2010. 272 с.

4. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59014>

5. Шулепов Е.Б., Задумкин К.А. Как написать и реализовать стратегию сельского поселения: методические рекомендации. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.

6. Тюрин Г.В., Тюрин В.Г. Как поднять глубинку. Локальная экономика в России и в мире. СПб: Фонд развития местных сообществ «Инициатива», 2016. 310 с.

Информация об авторах

Задумкин Константин Алексеевич (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, директор, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; zk00@mail.ru);

Шулепов Евгений Борисович (Россия, Вологда) – депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва (shulepov@duma.gov.ru)

Zadumkin K.A., Shulepov E.B.
**ABOUT THE NECESSITY OF REVISION OF APPROACHES
TO MANAGEMENT OF DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. *The village is of great importance for our country. Security, integrity and territorial unity of our state largely depend on the level of economic development, population density and rural development. The article proposes the authors' vision-how to develop the rural areas of our country, sets out views on how to solve this problem.*

Key words: *rural areas, municipalities, sustainable development, socio-economic development, strategy.*

References

1. Uskova T.V. Management of sustainable development of the region: monograph. Vologda: itsed RAS, 2009. 355 p.
2. Voroshilov N. In. Typology, problems and prospects of development of rural areas // Problems of development of the territory. 2018. № 4 (96). P. 42-58. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.3.
3. Mantino F. Rural development in Europe. Policies, institutions and actors on the ground from the 1970s to the present day. Rome: FAO Publication, 2010. 272 p.
4. Official website of the President of Russia. Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
5. Shulepov E.B. How to write and implement the strategy of rural settlement: methodological recommendations. Vologda: Wants wounds, 2018. 48 p.
6. Tyurin G.V., Tyurin V.G. How to raise the remote place. Local economy in Russia and in the world. SPb.: Community development Fund "Initiative", 2016. 100 p.

Information about the Authors

Konstantin A. Zadumkin (Vologda, Russia) – Ph.D. in Economics, Director of Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; zk00@mail.ru); Evgeniy B. Shulepov (Vologda, Russia) – Deputy of State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of VII convocation (shulepov@duma.gov.ru)

УДК 332.146:338.43 / ББК 65.324.1

Изובה В.А.
**РАЗВИТИЕ ФЕРМЕРСТВА КАК ФАКТОР УСПЕШНОГО
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ**

Аннотация. В статье рассматривается потенциал фермерских организаций как одного из факторов успешного функционирования сельских регионов Республики Беларусь. На основании изучения исследований ученых-аграриев и аналитических данных выявлены сильные и слабые стороны фермерских хозяйств.

Ключевые слова: *фермерские хозяйства, фермерство, потенциал фермерства, белорусское фермерство, сельские регионы.*

Устойчивое развитие сельских территорий является важным направлением региональной экономики и занятости. Оно включает в себя развитие экономики и социальной сферы села. Важную роль для производства аграрной продукции, а также для развития сельских территорий играет фермерский сектор. Крестьянским (фермерским) хозяйством в Беларуси признается коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи), внесшим (внесшими) имущественные вклады, для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по ее переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его (их) личном трудовом участии и использовании земельного участка, предоставленного для этих целей в соответствии с законодательством об охране и использовании земель [1, с. 1]. В мире, по данным ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), именно семейные фермерские хозяйства являются преобладающей формой ведения сельского хозяйства в секторе производства продовольствия. Они производят более 50% сельскохозяйственной продукции [2, с. 1]. Кроме экономической функции, зачастую игнорируются не менее важные функции фермерства: сохранение богатых нравственных, культурных, духовных традиций белорусского народа, к сожалению, претерпевающих обесценение; сохранение деревенского уклада жизни; сохранение сельского ландшафта; развитие несельскохозяйственных видов деятельности (переработка сельхозпродукции, агроэкотуризм) [3, с. 39]. Данные предпосылки определяют актуальность изучения фермерства в Беларуси как движущую силу развития сельских регионов страны.

В настоящее время выделяют следующие угрозы, мешающие устойчивому развитию сельских территорий Беларуси.

Снижение демографического потенциала сельских территорий (урбанизация), связанное с нежеланием населения жить и воспитывать своих детей в населенных пунктах с низким потенциалом для развития как в профессиональном, так и социальном плане.

Снижение привлекательности работы на земле. Основная работа на селе так или иначе связана с сельским хозяйством. Трансформация традиционных нормативно-ценностных установок, индивидуализация жизненного пространства в трудовой, культурной и повседневной сферах, выдвигание на первый план ценностей успеха, высокого материального благосостояния, недооценка в общественном мнении населения страны сельского образа жизни и важности труда аграриев приводят к ухудшению кадрового потенциала аграрной сферы [4, с. 384].

Недостаточно развитая социальная инфраструктура и инфраструктура продовольственного рынка. Тенденция сокращения образовательных учреждений, учреждений здравоохранения в деревнях не способствует росту потенциала сельских регионов. Развитая инфраструктура является существенным фактором для эффективного функционирования экономики, принятия решения населением о жизни в сельской местности, о размещении бизнеса и развитии определенных отраслей экономики.

Однако с помощью развития фермерства на сельских территориях есть возможность решить данные проблемы.

Важным преимуществом развития фермерства является то, что создание фермерского хозяйства – это частная инициатива, т. е. хозяин бизнеса – человек инициативный, заинтересованный в собственном благополучии, а значит в обеспечении комфортных для него и его бизнеса условиях. Гипотеза в том, что такой человек сможет организовать не только экономическую деятельность села, но также и социальную инфраструктуру.

Взаимовыгодное государственно-частное партнерство. Крупные товаропроизводители в сельской местности способны влиять на принятие решений местными органами власти. Данный факт может способствовать развитию социальной инфраструктуры и инфраструктуры продовольственного рынка. Кроме того, с помощью взаимовыгодного государственно-частного партнерства есть возможность сократить бюрократизацию в деятельности фермерских хозяйств, а также повысить уровень информирования и консультирования.

Возможность совмещения производства продукции с агротуризмом, учитывая красоту и биоразнообразие белорусской деревни. Фермерским хозяйством признается предприятие, основным видом деятельности которого является производство сельскохозяйственной продукции. Однако также предусмотрена возможность при желании и наличии творческих способностей реализовать себя в качестве предпринимателя, новатора, который смог бы на основании оригинальности и неповторимости конкретной местности (от северной озерной Витебщины до теплой Брестчины) создать белорусский национальный бренд.

Изложенные выше недостатки и угрозы развития фермерских хозяйств в определенной мере ослабляют сегодняшние позиции фермерства и могут поставить под угрозу устойчивое и гармоничное развитие агробизнеса и сельских территорий Беларуси в будущем. Однако имеющиеся сильные стороны и потенциальные возможности способны нивелировать некоторые отрицательные моменты деятельности фермерских хозяйств.

Данное исследование приводит аргументы важности и актуальности развития фермерства как в экономическом, так и в социальном ракурсе. С одной стороны – это производство жизненно необходимой продукции для нужд белорусского и иностранного населения и обеспечения продовольственной безопасности страны, с другой стороны это обеспечение населения рабочими местами, повышение условий жизни сельского населения, развитие социальной инфраструктуры. Колхозно-совхозная система на селе себя изжила – экономически и социально неэффективное функционирование целых регионов это доказывает. Альтернативой должно стать появление на земле настоящего хозяина, ответственного, компетентного, а главное – равнодушного к судьбе своей земли. Такой альтернативой должен стать фермер, а приоритетным направлением – развитие фермерства в аграрно-индустриальной стране.

Библиографический список

1. О крестьянском (фермерском) хозяйстве: Закон Респ. Беларусь, 18 февр. 1991 г., № 611-ХІІ. – в ред. Закона Республики Беларусь от 19.07.2005 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2005.
2. Семейные фермерские хозяйства: накормить мир – сберечь планету. Рим, 2014. URL: <http://www.fao.org/3/a-ml163r.pdf> (дата обращения: 11.10.2018).

3. Корбут Л.В. Организационно-экономические и социально-психологические факторы развития фермерских хозяйств // Весті Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя аграрных навук. 2011. № 2. С. 39-45.

4. Смирнова Р.А. Ценностные основания профессионального выбора молодых специалистов агросферы Беларуси // Социологический альманах / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2014. Вып. 5. С. 384-392.

Информация об авторе

Изобова Валентина Александровна (Республика Беларусь, Минск) – младший научный сотрудник, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» (г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2; isst@socio.bas-net.by)

Izobova V.A.

DEVELOPMENT OF FARMING AS A FACTOR OF SUCCESSFUL FUNCTIONING OF RURAL REGIONS

Abstract. *The article discusses the potential of farmer organizations as one of the factors for the successful functioning of rural regions of the Republic of Belarus. Based on the study of research scientists and farmers and analytical data revealed the strengths and weaknesses of farms.*

Key words: *farms, farming, farming potential, Belarusian farming, rural regions.*

References

1. On the peasant (farm) economy. Law Resp. Belarus, Feb. 18 1991, No. 611-XII. as ed. Law of the Republic of Belarus of July 19, 2005 // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information of the Republic of Belarus. Minsk, 2005.

2. Family farms: to feed the world - to save the planet. Rome, 2014. Access mode: <http://www.fao.org/3/a-ml163r.pdf>. Access date: 10.11.2018.

3. Korbut L.V. Organizational-economic and socio-psychological factors in the development of farms // Vestsi Natsyyanalnaya Akademii navuk Belarusi. Gray agrarian science. 2011. № 2. P. 39-45.

4. Smirnova R.A. Valuable foundations of the professional choice of young specialists of the agrosphere of Belarus // Sociological Almanac / Nat. Acad. of Belarus, Institute of Sociology. Minsk, 2014. Vol. 5. P. 384-392.

Information about the Author

Valentina A. Izobova (Minsk, Belarus) – Junior Researcher, State Scientific Institution «Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus» (1, Surganovstr., build 2, Minsk, Republic of Belarus; isst@socio.bas-net.by)

Коновалова Н.Ю.

**РАЗВИТИЕ КОРМОПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ВЫРАЩИВАНИЯ КОРМОВЫХ КУЛЬТУР
В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ**

Аннотация. В статье обобщены результаты исследований Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства по вопросам совершенствования отрасли кормопроизводства. Установлено, что эффективные технологии позволяют повысить урожайность до 7 тыс. к. ед. с 1 га, получить корм с содержанием протеина до 13–18%.

Ключевые слова: технологии, кормовые культуры, кормопроизводство, продуктивность, протеин.

В России с её обширной территорией, разнообразными природными и экономическими условиями система кормопроизводства должна быть адаптирована к местным природным условиям, дифференцирована по регионам и по хозяйствам с учётом степени интенсификации сельскохозяйственного производства [1; 2].

С целью повышения эффективности ведения отрасли кормопроизводства необходимо расширять видовое разнообразие выращиваемых многолетних бобовых и злаковых трав, создавать сырьевой конвейер на основе оптимального сочетания ранне-, средне-, и позднеспелых травостоев (30:30:40), повышать долю бобово-злаковых травостоев в структуре многолетних трав до 60–70%, ускоренно перезалужать старовозрастные травостои, использовать современные ресурсосберегающие технологии выращивания кормовых культур и заготовки кормов, позволяющие повысить не только урожайность полей, но и получить высокопитательный корм, соответствующий потребностям высокопродуктивных животных [3]. Зерновые концентраты на сегодня являются одним из основных видов кормов для животноводства. Повысить урожайность зернофуражных культур можно за счёт уборки их в фазу начала восковой спелости зерна [4].

В связи с этим целью проводимых исследований является научное обоснование использования современных технологий выращивания кормовых культур и заготовки кормов для развития кормопроизводства в условиях Европейского Севера Российской Федерации.

Материалы и методы. В основе исследований использовался метод анализа и обобщения результатов научных исследований по вопросам разработки технологий выращивания кормовых культур и заготовки кормов, проводимых в СЗНИИМЛПХ с 1995 по 2018 год.

Результаты исследований. Исследования института по вопросам развития полевого кормопроизводства в последние годы были направлены на разработку технологий выращивания высокопродуктивных кормовых культур, как традиционных, так и малораспространенных для Европейского Севера России. Установлено, что наряду с клевером луговым здесь успешно можно высевать козлятник восточный, люцерну изменчивую. Козлятник восточный позволяет формировать раннеспелые травостои. В среднем за 9 лет

хозяйственного использования его урожайность за два укоса составила 38,6 тонн зелёной массы, травосмесей от 34,8 до 38,6 т/га. Для совместного посева с козлятником хорошо подходят костреч безостый и ежа сборная. Выявлена высокая эффективность двукратного скашивания козлятника по сравнению с трехкратным. Урожайность соответственно составила 8,4 и 6,5 т/га СВ.

На основе люцерны изменчивой следует создавать среднеспелые травостои. За два укоса ее продуктивность составила 9 т/га сухого вещества, 1,6 т/га протеина. Смешанные посевы люцерны дали также высокую продуктивность, соответственно до 8,2 т/га сухого вещества, до 1,5 т/га протеина.

Выявлено, что люцерна при трёхукосном использовании за сезон существенно превосходила по урожайности одно- и двухукосное использование. Продуктивность при одноукосном использовании составляла 5,2 т/га, при двухукосном – 7,3 т/га и при трёхукосном – 8,5 т/га СВ.

В последние годы распространение получил межвидовой гибрид фестулолиум, который отличается высокой урожайностью, повышенным содержанием сахаров и хорошей зимостойкостью. При его выращивании в составе бобово-злаковых травосмесей урожайность получается выше, чем в одновидовых посевах, в среднем на 33–60%. Лучшими компонентами для посева с фестулолиумом и формирования травосмесей краткосрочного использования являются клевер луговой двуукосный и лядвенец рогатый. Для более длительного использования подходят травосмеси, включающие фестулолиум, клевер, люцерну и лядвенец.

В структуру площадей кормовых культур необходимо включать однолетние кормовые культуры в пределах 6–8%. Перспективной зернобобовой культурой является полевой горох, который отличается высокой урожайностью, многоцелевым использованием. В институте разработана технология выращивания гороха сорт Вологодский усатый на кормовые цели, которая обеспечивает повышение урожайности до 5,0 т/га сухого вещества, содержание протеина до 15,1% [5]. Производственники в последние годы проявляют интерес к кукурузе. В результате проведённых исследований нами установлено, что выращивание раннеспелых гибридов кукурузы в одновидовых и смешанных посевах (люпин желтый или кормовые бобы), обеспечивает продуктивность до 6,7 т/га СВ. В растительном сырье кукурузы содержание протеина составляет 10%, в смешанных посевах до 12,9% в 1 кг СВ.

Снижение питательности заготавливаемых кормов на 40% связано с несоблюдением сроков уборки трав. Злаковые травы в наших условиях необходимо скашивать в фазе выхода в трубку и начала выметывания, бобовые травы в фазе бутонизация. По результатам проведённых полевых опытов установлено, что уборка трав в ранние фазы развития приводит к снижению их продуктивности в среднем на 10–20%, но при этом питательность получаемого растительного сырья возрастает на 20–30%.

В институте разработана ресурсосберегающая технология производства, заготовки и хранения влажного фуражного зерна в герметичных условиях на базе новых технических средств и консервантов. Она обеспечивает повышение урожайности на 15–25%, содержания в корме протеина на 10% и жира на 20–30% [6]. При использовании консерванта Биотроф-600 потери при хранении зерна снижаются в 1,8–2 раза.

Для повышения качества силоса необходимо использовать эффективные технологии их заготовки. В наших опытах было установлено, что внесение консерванта Бонсилаж Форте или Бонсилаж Плюс, проведение провяливания исходной массы бобово-злаковых травостоев позволяет заготовить высокопитательный силос с содержанием протеина на уровне 13,0–18% и концентрацией ОЭ до 9,7–10,4 МДж в 1 кг СВ.

Таким образом, разработанные в СЗНИИМЛПХ технологии характеризуются высокой эффективностью за счёт использования новых видов и сортов, эффективных агротехнических приёмов. Разработки института по технологиям выращивания кормовых культур и заготовке кормов следует использовать в сельскохозяйственных предприятиях Европейского Севера России, так как они обеспечивают повышение урожайности в 1,2–1,5 раза и питательной ценности кормов по содержанию протеину в 1,2–1,8 раза, концентрации энергии в 1,2 раза.

Библиографический список

1. Косолапов В.М., Трофимов И.А. Кормопроизводство в сельском хозяйстве России // Научное обеспечение кормопроизводства и его роль в сельском хозяйстве, экономике, экологии и рациональном природопользовании России: материалы межд. научно-практ. конференции, посвящённой памяти А.А. Жученко. М., 2013. С. 19-27.
2. Повышение эффективности производства молока на основе совершенствования региональной системы кормопроизводства. / К.А. Задумкин, А.Н. Анищенко, В.В. Вахрушева, Н.Ю. Коновалова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 170-191.
3. Состояние и перспективы развития кормопроизводства Вологодской области / А.В. Маклахов, В.К. Углин, Н.Ю. Коновалова, В.Е. Никифоров // Адаптивное кормопроизводство. 2016. № 1. С. 6-16. URL: <http://www.adaptagro.ru>
4. Коновалова Н.Ю., Коновалова С.С. Влияние сроков уборки зерновых культур на продуктивность и качество полученного зернофуража в условиях Европейского Севера России // Молочнохозяйственный вестник 2018. № 1 (29), I кв. С. 46-56. URL: <http://molochnoe.ru/journal>
5. Урожайность и качество зелёной массы перспективных сортов зернобобовых культур в условиях Европейского Севера России / И.Л. Безгодова, Н.Ю. Коновалова, Е.А. Юдина, С.С. Коновалова // Вестник АПК Верхневолжья. 2018. № 2 (42). С. 12-17.
6. Коновалова Н.Ю., Вахрушева В.В., Коновалова С.С. Влияние современных технологий на развитие кормопроизводства Европейского Севера Российской Федерации // АгроЗооТехника. 2018. Т. 1. № 2. С.1-12. URL: 2.2.4. <http://azt.vscs.ac.ru/issue/2>

Информация об авторе

Коновалова Надежда Юрьевна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник, заведующий отделом растениеводства, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; zniirast@mail.ru)

Konovalova N.Yu.

DEVELOPMENT OF FORAGE PRODUCTION ON THE BASIS OF MODERN TECHNOLOGIES OF CULTIVATION OF FORAGE CROPS IN THE CONDITIONS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Abstract. *The article summarizes the results of research carried out at the Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute on improving the development of fodder production. The found that effective technological methods for cultivation of forage crops help increase their productivity up to seven thousand fodder units per ha and obtain fodder with protein content (13–18%).*

Key words: *technologies, forage crops, fodder production, productivity, protein.*

References

1. Kosolapov V.M., Trofimov I.A. Feed production in Russian agriculture. / Materials between. conference dedicated to the memory A. A. Zhuchenko of "Scientific support of fodder production and its role in agriculture, economy, ecology and rational use of natural resources in Russia". Moscow, 2013. P. 19-27.
2. Zadumkin K.A., Anishhenko A.N., Vakhrusheva V.V., Konovalova N. Yu. Enhancing the Efficiency of Dairy Farming through Improving the Regional System of Fodder Production // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. vol. 10, no. 6, P. 170-191. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.11.
3. Maklahov A.V., Uglin V.K., Konovalova N. Yu., Nikiforov V.E. He state and prospects of development of forage production Vologda region // Adaptive fodder production. 2014. № 1 no 1, P. 6-16. URL: <http://www.adaptagro.ru>
4. Konovalova N.Yu., Konovalova S.S. Influence of harvesting time of cereal crops on the productivity and the quality of the forage in the conditions of the European North of Russia // Dairy Farming Journal. 2018. No.1. (29). P. 46-56. URL: <http://molochnoe.ru/journal>
5. The Yielding Capacity and the Quality of the Green Mass of Perspective Sorts of Grain-Legume Crops in the European North of Russia / Bezgodova I.L., Konovalova N.Yu., Yudina E.A., Konovalova S.S.// Herald of Agroindustrial complex of upper volga region. 2018. № 2, (42). P. 12-17.
6. Konovalova N.Yu., Vakhrusheva V.V., Konovalova S.S. Impact of modern technology on the development of fodder production in the European North of the Russian Federation // Agrikultural and Livestock Technology. 2018. Thom 1. № 2 In P. 1-12. URL: 2.2.4. <http://azt.vsc.ac.ru/issue/2>

Information about the Author

Nadezhda Yu. Konovalova (Vologda, Russia) – Senior Research Associate, Head of the Department of Crop Farming. Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; szniirast@mail.ru)

Короткий В.П., Бритвина И.В., Рыжакина Е.А.
КОМПЛЕКСНАЯ ВИТАМИННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ХВОЙНАЯ ДОБАВКА
В КОРМЛЕНИИ МОЛОЧНЫХ КОРОВ

Аннотация. Кормовая добавка на основе хвои оказала положительное влияние на молочную продуктивность, содержание молочного белка, каротина и показатели неспецифического иммунитета в крови, показатели воспроизводства высокопродуктивных коров в условиях Вологодской области. Экономическая эффективность составила 29,50 рублей на 1 корову в сутки.

Ключевые слова: кормовая добавка, продуктивность коров, качество молока, транзитный период, отел, воспроизводство.

Для повышения эффективности молочного скотоводства в хозяйствах Вологодской области, наряду с улучшением кормовой базы, качества кормов, оптимизацией условий содержания животных, широкое распространение получают различные кормовые добавки. Одним из сегментов рынка являются энергетические кормовые добавки, суть использования которых заключается в поддержании энергетического баланса высокопродуктивных коров в наиболее физиологически напряженные периоды, такие как транзитный и раздойный [2, 3, 4, 6, 8]. Увеличить потребляемость кормов и их питательность можно путем включения в рацион кормов с высокой концентрацией энергии в биодоступной форме. Это нормализует метаболизм и деятельность органов и систем.

Недостаток углеводов вызывает нарушение обмена веществ, кетозы и ацидозы, занимающие по распространенности среди всех болезней жвачных животных второе место после мастита. При этом снижаются упитанность и продуктивность животных, изменяются в худшую сторону качественные показатели молока (содержание белка, жира, термоустойчивость и др.), нарушается половой цикл, удлиняется сервис-период или наступает бесплодие [1, 5, 6, 9].

Разработчик комплексной витаминно-энергетической хвойной добавки («Хвоя») – ООО НТЦ «Химинвест» (Нижний Новгород). Добавка содержит в своем составе комплекс полезных и значимых для здоровья животных элементов. Состав добавки: хвоя сосновая, глицерин медицинский, угольная добавка, льняное семя, сахар.

Хвоя является источником витаминов, аминокислот, микро- и макроэлементов, а также различных биологически активных веществ, глицерин легко всасывается в желудочно-кишечном тракте, обеспечивая энергией животного, угольная добавка обладает абсорбирующими свойствами, льняное семя оказывает благоприятное действие на пищеварительную систему. В комплексе добавка оказывает положительное влияние на организм коровы [7].

Целью данной работы является изучение эффективности применения комплексной витаминно-энергетической кормовой добавки в кормлении молочных коров в условиях Вологодской области.

Задачи: изучить влияние добавки на обмен веществ (биохимические показатели крови) подопытных коров; количество и качество молока; воспроизводительную функцию коров.

Материал и методы проведения исследований.

Научно-хозяйственный опыт по эффективности скармливания хвойной кормовой добавки высокопродуктивным коровам черно-пестрой голштинизированной породы проводился с января по март 2018 года на молочном комплексе «Ильинское» отделения Молочное ОАО «Заря» Вологодского района Вологодской области. Эксперимент проводился методом групп-аналогов – коров одного возраста, количеству отелов и продуктивностью по предыдущей лактации. Содержание животных привязное, круглогодично-стойловое. Отел проходит в родильном отделении – родовой секции (на привязи). Схема опыта представлена в таблице.

Схема опыта

Условия опыта	Группы коров		
	1 (контрольная)	2 (опытная 1)	3 (опытная 2)
Кол-во голов	10	10	10
Продуктивность по предыдущей (2) лактации, кг	7951,4	7980,5	7860,0
Сроки проведения опыта	15 дней до отела – 45 дней после отела	15 дней до отела – 45 дней после отела	60 дней после отела
Доза добавки:	-	150 г	200 г
Кол-во добавки на период опыта, кг	-	90	120

Изучение и оценка показателей осуществлялись общепринятыми утвержденными методиками и методами (сравнение, анализ и интерпретация полученных данных, статистическая обработка по методу Майна-Уитни). Лабораторный анализ крови проводился на базе факультета ветеринарной медицины и биотехнологий ФГБОУ ВО Вологодская ГМХА и областной ветеринарной лаборатории. Анализ качества молока определяли в Северо-Западном НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства.

Основные результаты исследований представлены следующими выводами:

1. Более стабильное содержание каротина у коров первой опытной группы в конце опыта (новотельность) по сравнению с коровами 2 опытной и контрольной группами в той же физиологии указывает на более эффективное влияние на витаминную обеспеченность послеотельных коров при скармливании им добавки до отела.
2. Молочная продуктивность коров на раздое 1 и 2 опытной групп выше, чем в контроле на 2,5 и 1,14 кг.
3. Содержание молочного жира в 1 и 2 опытной группе ниже, чем в контроле на 0,24 и 0,27%. Молочного белка в молоке у опытных коров больше на 0,23 и 0,01%.
4. Кормовая добавка оказала положительное влияние на качество отела. В 1 опытной группе не было ни одного случая родильного пареза и воспалительных послеродовых заболеваний на 20% меньше, чем в контроле.
5. Экономическая эффективность добавки составила 29,50 рублей на 1 корову в сутки.

Комплексная витаминно-энергетическая хвойная кормовая добавка производства ООО НТЦ «Химинвест» при испытании ее на высокопродуктивных коровах в условиях Европейского Севера РФ на примере Вологодской области (ОАО «Заря» Вологодского

района) оказала положительные результаты на здоровье коров (общие клинические показатели, биохимический, гематологический и иммунологический анализы крови, качество отела), молочную продуктивность, качество молока (белок).

Рекомендуем скормливать данную добавку за 20 дней до и 20 дней после отела в количестве 200 г на голову в сутки на кормовую смесь или силос.

Библиографический список

1. Архипов А.В. Углеводы кормов: функции, достоинства, проблемы // Ветеринария, зоотехния и биотехнология. 2014. № 9. С. 46-63.
2. Бритвина И., Литвинова Н., Новиков А. Влияние энергетической витаминно-минеральной добавки «Минвит 6.1-3» на молочную продуктивность коров // Главный зоотехник. 2017. № 11. С. 9-17.
3. Проблемы обеспечения здоровья высокопродуктивных коров в промышленном животноводстве и практические пути ее решения / А.А. Евглевский, С.Н. Турнаев, В.Ю. Тарасов, А.Ф. Лебедев, О.М. Швец, Е.П. Евглевская // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2017. № 4. С. 26-30.
4. Ермаков И.Ю. Повышение молочной продуктивности коров с использованием жидкой энергетической кормовой добавки // Сборник научных трудов СКНИИЖ. 2016. № 5.
5. Заманбеков Н.А., Кошкинбай Б.А., Сиябеков С.Т. Влияние хвойно-энергетической добавки (ХЭД) на некоторые биохимические показатели крови дойных коров // Актуальные проблемы ветеринарной медицины: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора В.А. Киршина. 2018. С. 301-304.
6. Карпова И.К. Энергетические добавки в рационах нетелей и первотелок // Проблемы и перспективы развития агропромышленного комплекса России: материалы всероссийской научно-практической конференции. В 8-ми томах. 2017. С. 54-56.
7. Кислякова Е.М., Валеев А.Н., Исупова Ю.В. Энергетические добавки в рационах нетелей и коров-первотелок черно-пестрой породы // Аграрный вестник Урала. 2011. № 4. С. 34-36.
8. Решетов В.Б., Денькин А.И., Сорокин М.В. Влияние уровня легко ферментируемых углеводов в рационе на молочную продуктивность, энергетический и газовый обмен у коров // Актуальные проблемы интенсивного развития животноводства. 2017. № 20-1. С. 264-269.
9. Юрина Н.А. Оптимизация кормления лактирующих коров // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 9 (75) Часть 2. С. 48-51.

Информация об авторах

Короткий Василий Павлович (Россия, Нижний Новгород) – директор, ООО НТЦ «Химинвест» (603001, г. Нижний Новгород, Нижневолжская набережная, 6/1; himinvest@Sandy.ru);

Бритвина Ирина Васильевна (Россия, Вологда) – кандидат сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой внутренних незаразных болезней, хирургии и акушерства ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; academy@molochnoe.ru);

Рыжакина Елена Александровна (Россия, Вологда) – кандидат ветеринарных наук, доцент кафедры внутренних незаразных болезней, хирургии и акушерства, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; academy@molochnoe.ru)

Korotky V. P., Britvina I.V., Ryzhakina E.A.

COMPLEX VITAMIN-ENERGETIC CONIFEROUS ADDITIVE IN FEEDING DAIRY COWS

Abstract. *A feed additive based on needles had a positive effect on milk production, milk protein content, carotene and indicators of nonspecific immunity in the blood, reproduction rates of highly productive cows in the Vologda region. Economic efficiency amounted to 29.50 rubles per cow per day.*

Key words: *feed additive, cow productivity, milk quality, transit period, calving, reproduction.*

References

1. Arkhipov A.V. Carbohydrates feed: functions, advantages, problems // Veterinary, zootechny and biotechnology. 2014. № 9. S. 46-63.
2. Britvina I., Litvinova N., Novikov A. Influence of the energy vitamin-and-mineral supplement “Minvit 6.1-3” on the milk productivity of cows // Chief Zootechnik. 2017. № 11. P. 9-17.
3. Problems of ensuring the health of highly productive cows in industrial animal husbandry and practical ways to solve it. / A.A. Evglevsky, S.N. Turnaev, V.Yu. Tarasov, A.F. Lebedev, O.M. Shvets, E.P. Evglevskaya // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2017. No. 4. P. 26-30.
4. Ermakov I.Yu. Increasing the milk productivity of cows with the use of liquid energy feed supplements // Collection of scientific works SKNIIZh. 2016. № 5.
5. Zamanbekov N.A., Koshkinby B.A., Siyabekov S.T. Influence of conifer energy supplements (CED) on some biochemical blood parameters of dairy cows // Actual problems of veterinary medicine: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 90th anniversary of professor V.A. Kirshin. 2018. p. 301-304.
6. Karpov I.K. Energy additives in diets of heifers and first-calves. In the collection: Problems and prospects of development of the agro-industrial complex of Russia Materials of the All-Russian scientific-practical conference. In 8 volumes. 2017. p. 54-56.
7. Kislyakova E.M., Valeev A.N., Isupova Yu.V. Energy supplements in diets of heifers and first-calf cows of the black-and-white breed // Agrarian Bulletin of the Urals. 2011. № 4. P. 34-36.
8. Reshetov V.B., Denkin A.I., Sorokin M.V. The effect of the level of easily fermentable carbohydrates in the diet on milk production, energy and gas exchange in cows // Actual problems of intensive development of animal husbandry. 2017. No. 20-1. Pp. 264-269.
9. Yurina N.A. Optimization of feeding lactating cows // International Scientific Research Journal. 2018. № 9 (75) Part 2. Pp. 48-51.

Information about the Authors

Vasiliy P. Korotky (Nizhny Novgorod, Russia) – Director of Scientific and Technical Center OOO Khiminvest (6/1, Nizhne-Volzhskaya emb., Nizhny Novgorod, 603001, Russian Federation; himinvest@Sandy.ru);

Irina V. Britvina (Vologda, Russia) – Ph.D. in Agriculture; Associate Professor, Head of Department for Internal Non-communicable Diseases, Surgery and Obstetrics at Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vereshchagin Vologda State Dairy Farming Academy” (2, Shmidt str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; academy@molochnoe.ru);

Elena A. Ryzhakina (Vologda, Russia) – Ph.D. in Veterinary Sciences, associate professor a Department for Internal Non-communicable Diseases, Surgery and Obstetrics at Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vereshchagin Vologda State Dairy Farming Academy” (2, Shmidt str., Vologda, 160555, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; academy@molochnoe.ru)

УДК: 601.2 / ББК: 30.16

Кривошеев Д.М.

РАЗВИТИЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В Вологодской области имеется ряд предпосылок для существенного увеличения доли предприятий, связанных с биотехнологиями, в региональной экономике. В настоящее время определены приоритетные направления развития региональной биоэкономики, вместе с тем обеспечить эффективность данного процесса может только ряд системных решений.

Ключевые слова: биотехнологии, биоэкономика, кормокомпоненты, переработка отходов, маркерная селекция, аквакультура.

Биотехнологии – это технологии, основанные на использовании живых организмов, их систем или продуктов их жизнедеятельности для решения технологических задач (а также возможности создания живых организмов с необходимыми свойствами методом генной инженерии). В качестве биообъектов могут использоваться микроорганизмы, культуры клеток и тканей многоклеточных организмов, клеточные компоненты (мембраны клеток, рибосомы, митохондрии, хлоропласты и т. д.), а также биологические макромолекулы (нуклеиновые кислоты, белки – чаще всего ферменты).

На протяжении последних четырех десятилетий биотехнологии являются одним из приоритетных направлений научно-технического прогресса и развития национальных экономик ведущих государств мира. В качестве первоочередной государственной задачи развитие биотехнологий официально определено в США, Евросоюзе, Китае, Японии, Индии, Бразилии, Южной Корее. В перечисленных государствах имеются крупные национальные программы в данной области. В настоящее время сектор биотехнологий вместе с фармацевтикой вошел в тройку лидеров по вкладываемым в научно-технические программы развития средствам: по уровню капитализации этот сектор уступает только нефтегазовому и банковскому. По подсчетам аналитиков, мировой рынок биотехнологий к 2020 году достигнет 600 млрд долларов [1].

Развитие биотехнологий признано одним из приоритетных на федеральном уровне: 24 апреля 2012 года была утверждена Комплексная программа развития биотехнологий в

Российской Федерации на период до 2020 года, координатором программы является Министерство экономического развития РФ [2]. В соответствии с Прогнозом научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года в настоящее время в мировой экономике разворачивается новая технологическая волна, которая будет характеризоваться развитием робототехники, биотехнологий, основанных на современных достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологий, систем искусственного интеллекта [3]. Все это создает предпосылки для формирования новой структуры рынков средств производства и продукции агропромышленного комплекса. Отмечается, что реализация приоритетов, целей и задач развития, ключевых требований к направлениям развития АПК страны возможна в рамках двух сценариев научно-технологического развития АПК: «Локальный рост» и «Глобальный прорыв». В 2017–2020 гг. должны быть сформированы необходимые для реализации сценариев институциональные условия, которые в дальнейшем и определяют, как место АПК в экономике России, так и место российской агропродовольственной продукции на глобальных рынках. Точками роста валовой добавленной стоимости для АПК в рамках сценария «Локальный рост» должны стать значительные по объему рынки со средними или высокими темпами роста из категории традиционных (развитие которых не требует масштабного внедрения новых технологий и кардинального изменения потребительских предпочтений). При этом рассматриваются рынки, связанные с платформенными технологическими решениями, которые способны оказывать значимые мультипликативные эффекты на развитие всего АПК. Отмечается, что для реализации данного направления должны получить развитие следующие научно-технические направления: технологии ускоренной селекции, семеноводства и племенного дела, собственные сорта и гибриды, чистые линии высокопродуктивных пород животных; технологии производства вакцин, антибиотиков, противовирусных препаратов для животноводства и биологических средств защиты растений; технологии производства новых типов удобрений и их ресурсосберегающего применения; базовые пищевые биотехнологии, в том числе для производства специальных диетических продуктов питания [3]. Особо отмечено, что приоритеты сценария «Локальный рост» являются обязательными для обоих сценариев.

В Вологодской области активная работа по развитию биотехнологий ведется с 2015 года, когда была представлена концепция «Вологодская область – биорегион», в которой были определены основные направления биотехнологий, наиболее перспективные с точки зрения развития на территории региона. Перспективность развития биотехнологий в Вологодской области в первую очередь связана со значительной долей агропромышленного и лесного комплексов в экономике региона. Доля агропромышленного комплекса в валовом региональном продукте области составляет более 6%. Основой регионального АПК является сельское хозяйство, ориентированное на природно-климатический потенциал, благоприятствующий ведению молочного скотоводства. По данным Департамента сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Вологодской области, в структуре сельскохозяйственного производства животноводство занимает почти 67%. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств области на конец 2016 года составило 163,7 тыс. голов. По состоянию на 1 января 2017 года в Вологодской области зарегистрировано 58 племенных организаций (в т. ч. 41 организация по разведению крупного рогатого скота). На растениеводство в структуре сельскохозяйственного производства региона приходится

33%. В структуре посевных площадей кормовые культуры занимают первое место (57%), зерновые культуры (35%), картофель и овощи (5,5%), лен-долгунец (1,6%). Рыбохозяйственный водный фонд области включает 662,3 тыс. га водных объектов. Промысловый вылов рыбы на водных объектах области в 2016 г. составил 1643,7 тонны. Основным рыболовным хозяйством области является ООО РТФ «Диана», объем производства пищевой икры осетровых в 2016 году составил 17,5 тонн. Объем выращенной товарной рыбы (каarp, осетр) в 2016 г. составил 90 тонн, клариевый сом – более 2,5 тонн.

По данным Департамента лесного комплекса Вологодской области, площадь лесного фонда составляет более 11 млн га (около 80% всей территории области). Общий запас лесных насаждений составляет 1,6 млрд. куб. м. Расчетная лесосека в Вологодской области позволяет ежегодно без ущерба для окружающей среды заготавливать более 29 млн куб. м. древесины. В 2017 году в регионе достигнут исторический максимум по объему заготовки древесины, который составил 15,7 млн куб. м.

Еще одно важное преимущество региона для развития биотехнологий – локализация на его территории одного из крупнейших мировых производств минеральных удобрений (АО «Апатит»). В сентябре 2016 года было подписано соглашение между Правительством Вологодской области, Министерством экономического развития и ПАО «ФосАгро» (актуальнее на тот момент название юридического лица АО «Апатит») о продвижении проектов в сфере промышленных и сельскохозяйственных биотехнологий. Это соответствует текущей мировой тенденции к «биологизации» удобрений: в настоящее время ключевые компании данного рынка разрабатывают и производят новые виды биокомбинированных удобрений, в состав которых помимо минеральных компонентов входят штаммы микроорганизмов, способствующих улучшению минерального питания растений, повышающих их резистентность к различным биотическим и абиотическим факторам и т. д.

В соответствии с вышесказанным, перспективными для развития в Вологодской области являются направления биотехнологий, связанные с переработкой и утилизацией отходов сельского хозяйства и деревопереработки, с производством компонентов кормов [4], биологических средств защиты растений и биоудобрений, развитием аквакультуры, а также с внедрением эффективных технологий ускоренной селекции растений и животных (в т. ч. числе с использованием ДНК-маркеров) [5, 6]. Данные направления нашли отражение в Паспорте регионального проекта «Вологодская область – биорегион» (далее – «Паспорт»), который был одобрен Проектным комитетом Вологодской области в августе 2018 года. Результатом реализации проекта должно стать включение Вологодской области в число пяти регионов-лидеров в сфере биотехнологий (без учета биофармакологии).

Вместе с тем существует ряд барьеров, препятствующих развитию биотехнологий на территории Вологодской области, в том числе: низкая осведомленность предприятий, а также представителей научных и образовательных учреждений региона о современных биотехнологических подходах и их фундаментальных основах (молекулярная биология, микробиология и т. д.); низкий уровень материально-технической базы научных и образовательных учреждений, не позволяющий проводить НИР и ОКР по биотехнологическим тематикам, а также выпускать специалистов, владеющих необходимыми компетенциями; низкий уровень взаимодействия научных и образовательных учреждений региона между собой, а также с экспертами федерального уровня по направлениям, связанным с современными биотехнологиями; отсутствие перечня тем НИР и ОКР, выбранных в качестве

приоритетных для реализации в Вологодской области. На преодоление перечисленных барьеров направлены мероприятия Паспорта. Паспорт включает 16 задач Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года [7], объединенных в следующие блоки: развитие профессионального образования и подготовки кадров в сфере биотехнологий; развитие научно-технической и инновационной деятельности; создание условий для развития высокотехнологических производств, применяющих биотехнологии на территории области; кадровое обеспечение производств в сфере биотехнологий; государственная и внебюджетная поддержка научной деятельности; модернизация и развитие производств в сфере биотехнологий.

Библиографический список

1. Реформирование биотехнологического образования на основе Болонского процесса: методическое пособие: в 3 т. Т. 2 / под ред. А.Е. Кузнецова. М.: Лаборатория знаний, 2016. 586 с.
2. ВП-П8-2322. Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Правительством РФ 24.04.2012 № 1853п-П8).
3. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Минсельхоз России; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 140 с.
4. Сыроватка В.И., Обухов А.Д. Логическая структура методологии построения наукоемких предприятий по производству комбикормов // Вестник Всероссийского научно-исследовательского института механизации животноводства. 2017. № 3 (27). С. 4-14.
5. Изучение генетического разнообразия и популяционной структуры российских пород крупного рогатого скота с использованием положеномного анализа SNP / Н.А. Зиновьева, А.В. Доцев, А.А. Сермягин, К. Виммерс и др. // Сельскохозяйственная биология. 2016. Т. 51. № 6. С. 788-800.
6. Зиновьева Н.А. Гаплотипы фертильности голштинского скота // Сельскохозяйственная биология. 2016. Т. 51. № 4. С. 423-435.
7. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года (утв. Правительством Вологодской области 17.10.2016 № 920).

Информация об авторе

Кривошеев Дмитрий Михайлович (Россия, Вологда) – кандидат биологических наук, доцент кафедры химии, ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет» (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15); научный сотрудник, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а).

Krivosheev D.M.

THE DEVELOPMENT OF BIOTECHNOLOGY IN VOLOGDA REGION: PRECONDITIONS AND PERSPECTIVES

Abstract. *In the Vologda region, there are a number of prerequisites for a significant increase in the share of enterprises associated with biotechnology in the regional economy. Currently, the priority directions of development of regional bioeconomics have been identified, however, only systemic solutions can ensure the effectiveness of this process.*

Key words: *biotechnology, bioeconomy, feed components, waste processing, marker selection, aquaculture.*

References

1. Reforming biotechnological education on the basis of the Bologna process: a handbook: 3 tons. T.2. / ed. A.E. Kuznetsova. M.: Laboratory of Knowledge, 2016. 586 p.
2. VP-P8-2322. Comprehensive program for the development of biotechnology in the Russian Federation for the period up to 2020 (approved by the Government of the Russian Federation on 04.24.2012 № 1853p-P8).
3. Forecast of the scientific and technological development of the agro-industrial complex of the Russian Federation for the period up to 2030 / Ministry of Agriculture of Russia; Nat researches University "Higher School of Economics". M.: HSE, 2017. 140 p.
4. The logical structure of the methodology for the construction of knowledge-intensive enterprises for the production of animal feed / V.I. Syrovatka, A.D. Obukhov // Bulletin of the All-Russian Research Institute for the Mechanization of Livestock. 2017. No. 3 (27). Pp. 4-14.
5. Study of genetic diversity and population structure of Russian cattle breeds using SNP genome analysis / N.A. Zinoviev, A.V. Dotsev, A.A. Sermyagin, K. Vimmers, etc. // Agricultural Biology. 2016. T. 51. № 6. Pp. 788-800.
6. Zinoviev N.A. Haplotype fertility Holstein cattle // Agricultural biology. 2016. T. 51. № 4. Pp. 423-435.
7. Strategy of social and economic development of the Vologda region for the period until 2030 (approved by the Government of the Vologda region on October 17, 2016 № 920).

Information about the Author

Dmitry M. Krivosheev (Vologda, Russia) – Ph.D. in Biology, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation); Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56a, Gorky str., Vologda, 160014)

УДК 631.365:633.1 / ББК 40.728

Кузнецов Н.Н.

МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ПОСЛЕУБОРОЧНОЙ ОБРАБОТКИ ЗЕРНА В ОТДЕЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЧИСТКИ ЗЕРНОВОГО ВОРОХА

Аннотация. В настоящее время на Северо-Западе России послеуборочная обработка зерна производится непосредственно в самих хозяйствах. Производимое зерно используется, главным образом, на фуражные и семенные цели. Качество выполнения послеуборочной обработки зернового вороха на этапе приема и предварительной очистки позволяет снизить затраты и повысить классность конечного продукта. В статье представлена модель функционирования технологического процесса послеуборочной обработки зерна в отделении предварительной очистки зернового вороха.

Ключевые слова: зерно, зерновой ворох, очистка, модель, технология.

Зерно является одним из основных сельскохозяйственных продуктов, и увеличение его производства было и остается ключевой проблемой развития всего сельского хозяйства.

Определяющая роль на заключительной стадии производства зерна принадлежит своевременной и качественной послеуборочной обработке его в сельскохозяйственных предприятиях, основные задачи которой обеспечить высокие темпы уборочных работ, исключить потери, сохранить продовольственные, кормовые и семенные качества зерна [1].

В агроклиматических условиях Вологодской области уборка урожая зерновых культур проходит зачастую в сложных погодных условиях, в результате чего свежесобранное зерно поступает на послеуборочную обработку неравномерно, имеет высокую влажность и засоренность, значительную неоднородность семян по спелости. Машины и оборудование зерноочистительно-сушильных пунктов (ЗОСП) и комплексов в агроклиматических условиях уборочных периодов, не полностью соответствуют свойствам зернового вороха, как объекта послеуборочной обработки. Это приводит к снижению пропускной способности пунктов и комплексов, нарушению поточности обработки, накоплению больших масс необработанного зернового вороха, удлинению сроков уборки, а в конечном итоге – к увеличению потерь и снижению качества семян [2].

При приеме и временном хранении зернового вороха в обычных приемных бункерах и на разгрузочных площадках происходит рост выходных параметров: влажности W_I и температуры θ_I зерна. При этом выходные параметры: подача зернового вороха G_I и засоренность зерна β_I – остаются неизменными и равными соответственно G_{36}^H и β_{36}^H .

Исследования показали, что предварительная подсушка зернового вороха позволяет не только повысить производительность ворохоочистителей, но и значительно улучшить качество предварительной очистки зерна (уменьшить параметр β_2). Кроме того, повышается сыпучесть зернового вороха, улучшаются условия работы самотечных устройств и возрастает производительность транспортирующих ворох машин [2].

При этом важно обеспечить оптимальную подачу зернового вороха в машину. Параметр Q_I примерно должен быть равен или чуть меньше действительной производительности машины Q_d .

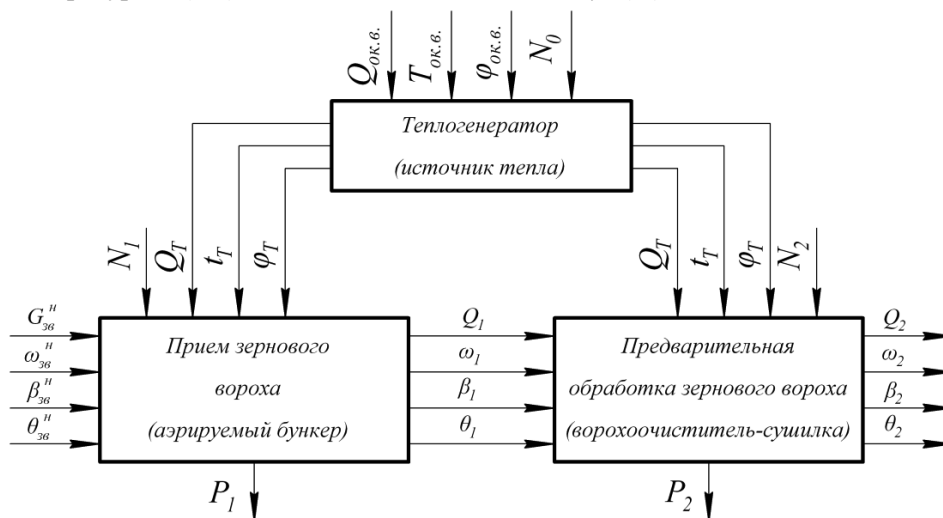
Необходимо учесть, что обеспечение действительной производительности машин предварительной очистки без снижения качества очистки зерна возможно лишь при правильном выборе размеров отверстий решет, тщательной регулировке скорости воздушного потока в аспирационных каналах и механизмов очистки решет.

С точки зрения энергосбережения целесообразна разработка рабочих органов и машин предварительной очистки в целом, имеющих при полном обеспечении агротехнических требований к качеству предварительной очистки зерна минимальные: энергопотребление и стоимость, т.е. $N_{эл.} \rightarrow N_{эл.min}$ и $C_M \rightarrow C_{M.min}$ [3].

Модель функционирования технологического процесса послеуборочной обработки зерна в отделении предварительной обработки зернового вороха с подсушкой его в приемных аэрируемых бункерах и с совмещением операции подсушки и предварительной очистки зерна представлена на рисунке 1.

В качестве источника тепла могут быть использованы как электрические воздухоподогреватели, так и топочные блоки, работающие на жидком, газообразном или твердом топливе. При этом входными параметрами источника тепла являются: подача окружающего воздуха $Q_{ок.воз}$, его температура $T_{ок.воз}$ и относительная влажность $\varphi_{ок.воз}$ и

энергопотребление (расход) N_0 . Выходные параметры: подача теплоносителя $Q_T = Q_{ок.воз}$ ($\text{м}^3/\text{ч}$), его температура t_T ($^{\circ}\text{C}$) и относительная влажность φ_T (%).

Модель функционирования технологического процесса послеуборочной обработки зерна в отделении предварительной очистки зернового вороха

Положительное влияние подогретого воздуха на качественные показатели семян при вентилировании зернового вороха в приемных аэрируемых бункерах и предварительной подсушки зернового вороха на производительность ворохоочистителей и качество очистки зерна показано выше. Следовательно, включение в технологию послеуборочной обработки зерна теплогенератора и использование подогретого воздуха в операциях приема и предварительной очистки зерна приведет к улучшению выходных параметров Q_1 , W_1 , β_1 , θ_1 , Q_2 , W_2 , β_2 , θ_2 и позволит интенсифицировать выполнение последующих технологических операций.

Библиографический список

1. Федоренко В.Ф., Ревякин Е.Л. Зерноочистка – состояние и перспективы. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. 204 с.
2. Механизация послеуборочной обработки зерна и семян / Ю.Н. Грушин, Н.К. Васильев, А.В. Смирнов, К.М. Советов. Вологда 1995. 103 с.
3. Кузнецов Н.Н., Терентьев А.В. Информационная модель организации заготовки рулонного сена // Научное обеспечение – сельскохозяйственному производству: сборник трудов ВГМХА по результатам работы международной научно-практической конференции, посвященной 99-летию академии. Вологда-Молочное: ВГМХА, 2010. С. 99-103.

Информация об авторе

Кузнецов Николай Николаевич (Россия, Вологда) – кандидат технических наук, декан инженерного факультета, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; dekan@mf.molochnoe.ru)

Kuznetsov N.N.

MODEL OF THE FUNCTIONING OF THE TECHNOLOGICAL PROCESS OF POST-BAND TREATMENT OF GRAIN IN THE DEPARTMENT OF THE PRELIMINARY CLEANING OF GRAIN PORES

Abstract. *At present, in the North-West of Russia, post-harvest processing of grain is carried out directly on the farms themselves. Produced grain is mainly used for fodder and seed purposes. The quality of the post-harvest processing of the grain pile at the stage of reception and pre-treatment allows to reduce costs and improve the classiness of the final product. A model of the functioning of the technological process of post-harvest grain processing in the reception and preliminary cleaning of the grain pile is presented.*

Key words: *grain, grain pile, cleaning, model, technology.*

References

1. Fedorenko V.F., Revyakin E.L. Grain cleaning – state and prospects. M.: FGNU “Rosinformagrotekh”, 2006. 204 p.
2. Mechanization of post-harvest processing of grain and seeds / Yu.N. Grushin, N.K. Vasiliev, A.V. Smirnov, K.M. Soviets. Vologda 1995. 103 p.
3. Kuznetsov N.N., Terentyev A.V. Information model of the organization of harvesting roll hay // Scientific support – to agricultural production: a collection of works of the All-Union State Museum of Art and Economics on the results of the work of the international scientific-practical conference dedicated to the 99th anniversary of the Academy. Vologda; Dairy: VGMHA, 2010. S. 99-103.

Information about the Author

Nikolay N. Kuznetsov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Dean of Department for Engineering (2, Shmidt str., Vologda, Molochnoe rural settlement, Russian Federation; dekan@mf.molochnoe.ru)

УДК 332 / ББК 65.050.2:65.32

Маклахов А.В., Романцов Р.С.

**ВЛИЯНИЕ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. В настоящее время на развитие экономики в регионе оказывает влияние большое количество факторов. И так как экономика региона является крупной открытой системой, то изменения в отдельной отрасли влияют на экономическую ситуацию в целом. Это относится и к сельскому хозяйству, так как факторы, которые воздействуют на данную отрасль, изменяют экономическую ситуацию в целом в регионе.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельское хозяйство, валовой региональный продукт, коэффициент корреляции, динамика.

Агропромышленный комплекс в настоящее время является одной из важнейших составных частей экономики. В нем осуществляется производство жизненно важная для общества продукция, а также в комплексе сосредоточен экономический потенциал высокого уровня. Уровень его развития в большой мере определяет состояние всего потенциала народного хозяйства, уровень безопасности продовольствия и социально-экономическую обстановку в обществе.

Важная часть агропромышленного комплекса – сельское хозяйство. Оно занимает особое место не только в агропромышленном комплексе, но и во всем народном хозяйстве в любом регионе.

Вологодская область – один из наиболее экономически развитых индустриально-аграрных регионов Северо-Запада России. Агропромышленный комплекс вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие области и является одной из базовых отраслей экономики.

Основу агропромышленного комплекса области составляет сельское хозяйство. Располагая 0,6% сельскохозяйственных угодий и 0,8% населения Российской Федерации, область к настоящему времени производит около 1% всей продукции сельского хозяйства страны.

Главной опорной базой аграрного сектора в настоящее время являются сельскохозяйственные организации региона, на их долю приходится почти три четверти производства продукции сельского хозяйства, население производит порядка четверти общего объема сельскохозяйственной продукции и почти 4% производимой продукции – крестьянские (фермерские) хозяйства.

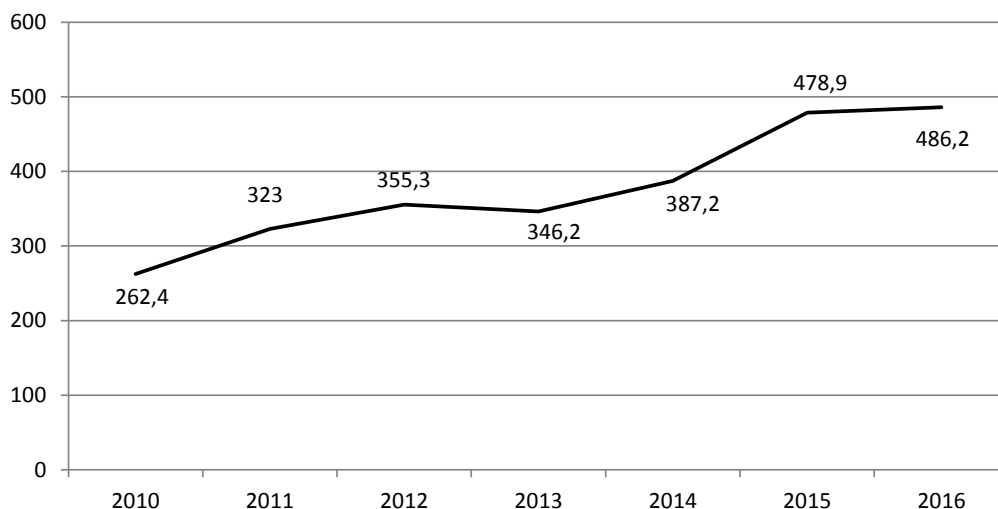
Представим статистические данные об объемах продукции сельского хозяйства Вологодской области по категориям хозяйств за последние годы в таблице.

Объемы продукции сельского хозяйства Вологодской области, млрд руб.

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Относительное изменение 2016 г. к 2010 г., %
Продукция сельского хозяйства, в том числе:	19,9	23,3	21,6	22,0	25,6	28,6	30,8	154,77
растениеводства	6,2	8,2	6,8	7,1	8,5	9,5	10,2	164,52
животноводства	13,7	15,0	14,8	14,9	17,0	19,1	20,6	150,36

Из таблицы видно, что в настоящее время имеется тенденция к росту объемов продукции сельского хозяйства Вологодской области. Так, к 2016 году объемы выросли в целом более чем в полтора раза. Этот рост стал следствием увеличения объемов продукции растениеводства на 64% и продукции животноводства на 50%. При этом можно говорить о том, что можно ожидать и дальнейшего увеличения объемов продукции, так как в настоящее время правительство активно поддерживает развитие сельского хозяйства.

Так как отрасль сельского хозяйства вносит существенный вклад в социально-экономическое развитие области и является одной из базовых отраслей экономики, то целесообразно будет рассмотреть динамику валового регионального продукта за последние годы (рис.).

Валовой региональный продукт (ВРП) в текущих основных ценах, млрд руб.

Из рисунка видно, что объемы валового регионального продукта за последние годы растут. Рост составил более 85%, что свидетельствует об укреплении экономики региона в последнее время.

Для того чтобы определить, как связаны объемы продукции сельского хозяйства и экономика Вологодской области, рассчитаем коэффициент корреляции.

Выберем два массива данных. Первый массив – значения объемов продукции сельского хозяйства Вологодской области. Второй массив – значения валового регионального продукта в текущих основных ценах. Получаем, что коэффициент корреляции составляет 0,950069. Это свидетельствует о том, что между выбранными показателями имеется практически линейная зависимость. Поэтому данная зависимость позволяет сделать вывод, что в Вологодской области развитие сельского хозяйства и агропромышленного комплекса оказывает положительное влияние на развитие экономики региона.

Сельское хозяйство оказывает огромное влияние не только на экономику региона, но и на развитие ключевых отраслей. Проведенный анализ диктует необходимость еще более активной поддержки развития агропромышленного комплекса на всех уровнях государственной власти, как локомотива развития экономики.

Библиографический список

1. Маклахов А.В. От земли до молока: практическое пособие. Вологда–Молочное: Вологодская ГМХА, 2016. 136 с.
2. Официальная статистика: Вологдастат: офиц. сайт. URL: vologdastat.gks.ru/
3. Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://www.vologda-oblast.ru/>

Информация об авторах

Маклахов Алексей Васильевич (Россия, Вологда) – доктор экономических наук, и. о. директора Института управления, экономики и юриспруденции, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru);

Романцов Ростислав Сергеевич (Россия, Вологда) – специалист по учебно-методической работе Института управления, экономики и юриспруденции, Вологодский государственный университет (160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15; kanz@vogu35.ru)

Maklakhov A.V., Romantsov R.S.

INFLUENCE OF THE AGRICULTURE INDUSTRY ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE VOLOGDA REGION

Abstract. *Currently, the development of the economy in the region is influenced by a large number of factors. And since the region's economy is a large open system, changes in a particular industry affect the economic situation as a whole. This also applies to agriculture, since the factors that influence this industry change the economic situation in the region as a whole.*

Key words: *agro-industrial complex, agriculture, gross regional product, correlation coefficient, dynamics.*

References

1. Maklakhov A.V. From land to milk: A Practical Guide. Vologda – Molochnoye: Vologda GMHA, 2016. 136 p.
2. Official statistics: Vologdastat: official. site. Access Mode: vologdastat.gks.ru/
3. The official portal of the Government of the Vologda region. Access mode: <https://www.vologda-oblast.ru/>

Information about the Authors

Alexey V. Maklakhov (Vologda, Russia) – Doctor of Economics, Director of Institute of Management, Economics and Law of Vologda State University, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation; kanz@vogu35.ru);

Rostislav S. Romantsov (Vologda, Russia) – Specialist in educational and methodical work of the Institute of Management, Economics and Law of Vologda State University, Vologda State University (15, Lenin str., Vologda, 160000, Russian Federation kanz @ vogu35.ru)

УДК 631.171 / ББК 30Ф

Никитин Л.А., Никифоров В.Е.

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ ОТБОРА ПРОБ КОРМОВ

Аннотация. Тестирование качества заготовленного корма используется для оценки питательности кормовых рационов скота. Оно включает в себя отбор проб и лабораторный анализ. Первый и самый важный шаг в получении содержательного анализа – получение репрезентативной выборки отдельных проб корма. Для обеспечения методически правильного отбора пробы, сена, силоса и сенажа необходимо применение специальных технических средств – пробоотборников. Методика исследований включает в себя анализ нормативных требований к процессу отбора, а также обзор современных технических средств и конструкций пробоотборников.

Ключевые слова: анализ, корм, качество, силос, сенаж, траншеи, пробоотборник.

Исследования качества кормов для сельскохозяйственных животных выполняются с целью контроля и определения питательной ценности кормов.

Отбор проб является важной частью анализа кормов, и от того, как он будет выполнен, зависит достоверность результатов измерений. Поэтому современный отбор проб кормов – это целая система организационных и технологических мероприятий, которая включает в себя подготовительные и исполнительные мероприятия: определение цели исследований; изучение нормативно-регламентирующей базы (рекомендаций и документов ГОСТов); выбор способа отбора (ручной или механизированный) и подготовка соответствующего оборудования; подготовка тары для отбора, хранения и транспортировки проб с учетом соответствующих требований; определение процедуры подготовки проб к хранению (охлаждение, консервация); составление программы отбора проб с подготовкой документации и форм для ведения записей; обеспечение правил техники безопасности; непосредственный отбор проб; упаковка (консервация, охлаждение) проб; оформление документации; транспортировка проб в лабораторию.

Целью исследований является текущий контроль корма: оценка заготавливаемого корма, условий хранения с учетом динамики изменения его питательности, оценка непосредственно перед скармливанием, оценка корма в процессе отбора. Комплексный контроль также необходим при постоянных проблемах с силосом с целью принятия мер для улучшения его заготовки [1].

Образец корма, полученный при взятии пробы, должен быть репрезентативным, т. е. отражать среднее значение всех характеристик присущих всей партии материала. Методы отбора проб травянистых кормов достаточно хорошо прописаны в ГОСТ 27262-87 «Корма растительного происхождения. Методы отбора проб» [2].

В 2017 году вступил в действие ГОСТ ИСО 6497-2014 «Корма. Отбор проб», разработанный на основе международного ГОСТа, где учтено то, что отбор кормов может производиться не только в местах приготовления и хранения кормов, но и при их перевозке для продажи [3].

Для обеспечения методически правильного отбора пробы сена, силоса и сенажа из закрытых траншей, которые отражали бы качество корма на всей глубине его хранения, необходимо применение специальных технических средств – пробоотборников. Рекомендации и методики отбора проб, как правило, не содержат четких и достаточных сведений о применяемых технических средствах и ограничиваются общими требованиями – соответствия по объему проб, физическому состоянию, размеру частиц и т. п. [4].

В общем случае требования к пробоотборникам определяются самой методикой отбора, то есть агрозоотехническими требованиями (глубина отбора, масса пробы, ее объем и т. п.). Наибольшее распространение имеют ручные пробоотборники. Широкое распространение на практике получили конструкции, использующие для заглубления инерцию массы пробоотборника. Такие конструкции разработаны во Всероссийском научно-исследовательском институте кормов [5], СЗНИИМЭСХ [6]. Применение пробоотборников, использующих скользящее резание, энергетически оправдано (затраты энергии при скользящем резании примерно в 5 раз меньше чем при резании рубкой), но для них необходим механизм привода вращения. Конструкция такого отборника разработана в СЗНИИМЛПХ (патент № 21000793 «Пробоотборник Седунова В.А.»), и достаточно большое их количество работает в хозяйствах Северо-Западного региона [7]. Также на рынке представлен

производимый в Германии бур для взятия проб, который ввинчивается в силосную массу при помощи специального винтового элемента [8]. Аналогичный вариант пробоотборника разработан СЗНИИМЭСХ [9]. Отборники проб сена представлены в основном зарубежными фирмами. Длина отборника сена составляет от 300 до 600 мм, что позволяет провести отбор средней части кипы или рулона.

В настоящее время в СЗНИИМЛПХ – ФГБУН ВолНЦ РАН с учетом накопленного опыта по эксплуатации пробоотборников разработан новый способ отбора проб и устройство для его осуществления защищенный патентом Российской Федерации на изобретение (патент № 2651175 от 18 апреля 2018 года) [10]. Универсальный пробоотборник силоса и сенажа, созданный на основе этого способа, имеет новую конструкцию с возможностью электромеханического привода для циклического отбора растительных проб при определении качественных показателей корма. Таким образом, эффективный оперативный отбор проб должен производиться безупречно, начиная от выбора средств и места отбора до отправки проб в лабораторию. Значительные затраты на выполнение процесса отбора проб, как и стоимость пробоотборника, экономически оправданы в сравнении с потерями, которые получаются из-за неправильного кормления животных при ошибках в определении питательности кормовых рационов.

Библиографический список

1. Шпикерс Хуберт. Контроль качества силоса и сенажа / пер. Елены Бабенко. URL: <https://soft-agro.com/kormoproizvodstvo/kontrol-kachestva-silosa.html>
2. ГОСТ 27262-87. Корма растительного происхождения. Методы отбора проб // Сборник ГОСТов. М.: ИПК Издательство стандартов, 2002.
3. ГОСТ Р ИСО 6497-2011. Корма для животных. Отбор проб. М.: Стандартиформ, 2012.
4. Богомоллов Л.К., Станкевич В.В. Состояние технических средств отбора и подготовки проб в измерительных процессах оценки качества кормов // Вестник ВНИИМЖ. 2012. № 2 (6). С. 145-151.
5. Отрошко С.А. Пробоотборники для контроля качества силоса и сенажа // Кормопроизводство. 2013. № 1. С. 46-48.
6. Бур пробоотборник. URL: <http://www.perspectivagro.ru/bur-probootbornik.html>
7. Патент 2100793 РФ, МПК G01N1/04. Пробоотборник В.А. Седунова / Седунов В.А., Скобелев М.М. (РФ). № 95115911/25; заявлено 12.09.95; опубл.27.12.97, Бюл. № 36. 4 с.
8. Отбираем пробы кормов на анализ / Материал с Сайта лаборатории анализа кормов Розенау сельскохозяйственной палаты федеральной земли Нижняя Австрия / пер. Е. Бабенко. URL: <http://viktoriy.ru/babenko-9>
9. Перекопский А.Н., Зыков А.В. Технологический контроль процессов консервирования плющеного зерна // Молочнохозяйственный вестник. 2012. № 4 (8), IV кв. С. 52-58.
10. Патент 2651175 РФ, МПК G01N1/02. Способ отбора растительных проб и устройство для его осуществления / Углин В.К., Маклахов А.В., Никифоров В.Е. (РФ). № 2016138923; заявлено 03.10.2016; опубл. 18.04.2018. Бюл. № 11.

Информация об авторах

Никитин Леонид Алексеевич (Россия, Вологда) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; sznii@list.ru);

Никифоров Владислав Евгеньевич (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник, Северо-Западный научно-исследовательский молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; sznii@list.ru)

Nikitin L.A., Nikiforov V.E.

MODERN METHODS OF FEED SAMPLING

Abstract. *Feed testing is used to assess the nutritional value of livestock feed rations. It includes sampling and laboratory analysis. The first and most important step in obtaining a meaningful analysis is to obtain a representative feed sample. To ensure a methodologically sound sampling, hay, silage and haylage requires the use of special hardware – samplers. The research methodology includes an analysis of the regulatory requirements for the selection process, as well as an overview of modern technical means and designs of samplers.*

Key words: *analysis, feed, silage, haylage, trenches, sampler.*

References

1. Hubert Spikers silage and haylage quality Control / Elena Babenko Transfer. access mode: <https://soft-agro.com/kormoproizvodstvo/kontrol-kachestva-silosa.html>
2. GOST 27262-87. Feed of plant origin. Sampling methods / Collection of GOSTs. М.: ИПК Publishing house of standards, 2002.
3. GOST R ISO 6497-2011. Animal feed. Sampling. М.: STANDARTINFORM, 2012.
4. Bogomolov L.K., Stankevich V.V. The Status of technical means of sampling and preparation of samples in the measurement processes the evaluation of feed quality // Bulletin of VNIIMS. 2012. № 2 (6). Pp. 145-151.
5. Otroshko S. And Samplers, quality control silage and silage // Forage production. 2013. № 1. P. 46-48.
6. Bur sampler. access mode: <http://www.perspectivagro.ru/bur-probootbornik.html>
7. 2100793 Patent of the Russian Federation, IPC G01N1/04. Sampler V.A. Sedunova / V.A. Sedunov, V.M. Skobelev (Russian Federation). № 95115911/25; stated 12.09.95; publ.27.12.97, Byul. No. 36. 4 p.
8. We Select samples of feed for analysis / Material from the site of the laboratory of feed analysis Rosenau agricultural chamber of the Federal land of Lower Austria / Translation: Elena Babenko. Mode of access: <http://viktoryi.ru/babenko-9>
9. Perekop A.N., Zykov A.V. Technological control of the processes of preservation of rolled grain // Molochnokonservnyi Bulletin. 2012. № 4 (8), IV sq. P. 52-58.

10. 2651175 Patent of the Russian Federation, IPC G01N1/02. Method of selection of plant samples and device for its implementation. Uglin V. K., Maklakhov V., Nikiforov V. E. (Russia). No 2016138923; stated 03.10.2016; опублик. 18.04.2018, bull. No. 11.

Information about the Authors

Leonid A. Nikitin (Vologda, Russia) – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Senior Researcher, Head of Department of Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoe rural settlement, Russian Federation; sznii@list.ru);

Vladislav E. Nikiforov (Vologda, Russia) – Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (14, Lenin str., Vologda, 160555, Molochnoe rural settlement, Russian Federation; sznii@list.ru)

УДК 636.082 / ББК 45.3

Селимян М.О., Абрамова Н.И.

ВЛИЯНИЕ ЭКСТЕРЬЕРНЫХ ПРИЗНАКОВ КОРОВ ПЕРВОГО ОТЁЛА АЙРШИРСКОЙ ПОРОДЫ НА МОЛОЧНУЮ ПРОДУКТИВНОСТЬ

Аннотация. В ходе исследования нами было установлено, что животные с наибольшими промерами, такими как: глубина груди более 81 см, высота в крестце свыше 141 см, ширина таза свыше 34 см – превосходят своих менее крупных сверстниц по удою за 305 и 100 дней первой лактации, молочному жиру и белку. Использование данных признаков в селекции молочных пород позволит увеличить продуктивность животных.

Ключевые слова: экстерьерные признаки, высота в крестце, ширина таза, глубина груди, удои, массовая доля жира, массовая доля белка.

Введение. За последние годы условия ведения отрасли молочного скотоводства в Северо-Западной зоне и Вологодской области претерпели значительные изменения, выявлено снижение поголовья коров на 17,96 тыс. голов и на 8,12 тыс. голов по области с 2011 по 2015 год. В целях стабилизации поголовья скота и увеличения производства молока особое внимание должно уделяться селекционно-племенной работе [1].

В молочном скотоводстве при отборе и подборе животных для племенного использования селекционеры интересуют важные в экономическом отношении признаки: надой, процент жира, процент белка в молоке и экстерьерная оценка, влияющая на продолжительность хозяйственного использования коров [4].

Скот молочного направления продуктивности отличается присущими ему экстерьерными формами, своеобразием морфофункциональной структуры тканей и направленностью физиологических процессов в организме [5].

Для оценки типа телосложения крупного рогатого скота молочных пород используют линейный метод, который основан на определении степени выраженности каждого в отдельности взятого признака экстерьера в сравнении с желательным его развитием [3].

Одним из методов совершенствования молочного скота является селекция животных по типу их телосложения. В Вологодской области исследования по линейной оценке экстерьера крупного рогатого скота ведутся в племенных хозяйствах с 2001 года.

Селекция по типу экстерьера направлена на увеличение продуктивности коров, повышение здоровья, увеличения длительности хозяйственного использования животных, поэтому исследования по определению эффективных направлений дальнейшего совершенствования экстерьерных признаков крупного рогатого скота молочных пород Вологодской области являются актуальными [2].

Методика. Линейная оценка дочерей быков-производителей первого отёла айрширской породы приведена в соответствии с «Правилами оценки телосложения дочерей быков-производителей молочно-мясных пород», утвержденными 14 июля 1996 года Департаментом животноводства и племенного дела Министерства сельского хозяйства и продовольствия России [6].

Работа выполнена в племенном хозяйстве СХПК «Племзавод Майский» Вологодской области Вологодского района.

Проведена оценка экстерьера коров первого отёла по девятибалльной и стобалльной системе согласно правилам оценки. Проведён расчёт общей оценки (ОЦ) коров по экстерьеру.

Для дальнейшего исследования нами были выбраны три промера, а именно высота в крестце, глубина груди и ширина таза, так как они обладают достаточно сильной связью с молочной продуктивностью. Система измерений данных промеров приведена в сантиметрах, наиболее доступна для понимания, а также позволяет наглядно продемонстрировать результаты, полученные в ходе исследований.

По результатам обследования коров первого отёла был сформирован массив данных для обработки с использованием ресурсов программы Microsoft Excel.

Результаты исследования.

По результатам линейной оценки экстерьера коров первого отёла в количестве 163 голов сформирована база данных с учетом продуктивных показателей за 100 и 305 дней первой лактации.

Согласно результатам оценки коров первого отёла с разной глубиной груди установлена взаимосвязь с молочной продуктивностью. Животные с глубиной груди свыше 81 см. имеют более высокие показатели удоя по сравнению со сверстницами за 305 дней 1 лактации (8063 кг молока), превосходство над сверстницами с глубиной груди 75–80 см составляет 803 кг молока, менее 74 см – 1400 кг.

За 100 дней 1 лактации получено 3125 кг молока от животных с глубиной груди более 81 см, что превосходит сверстниц на 436 кг молока (менее 74 см). По комплексному показателю молочный жир за 305 дней 1 лактации коровы с глубиной груди свыше 81 см превосходят сверстниц на 56,8 (менее 74 см). По молочному белку превосходство составляет 50,7 (менее 74 см) (табл. 1).

Таблица 1. Оценка животных с разной глубиной груди по молочной продуктивности

Глубина груди, см	n	Продуктивность за 305 дней 1 лактации					Удой за 100 дней 1 лак., кг
		удой, кг	МДЖ, %	Молочный жир, кг	МДБ, %	Молочный белок, кг	
≤ 74	46	6663*** ±215	4,17 ±0,03	276,7*** ±8,1	3,56 ±0,03	236*** ±6,9	2689*** ±61
75-80	89	7260*** ±126	4,19 ±0,02	304*** ±4,9	3,55 ±0,02	257,4*** ±4,2	2886*** ±44
≥81	28	8063 ±237	4,13 ±0,03	333,5 ±10,6	3,55 ±0,03	286,7 ±9,1	3125 ±89

*p=0.95; ** p=0.99; *** p=0.999

По результату оценки коров первого отела с разной высотой в крестце установлено достоверное влияние на молочную продуктивность за 100 и 305 дней первой лактации.

Животные, имеющие высоту в крестце свыше 141 см, имеют более высокие показатели удоя по сравнению со сверстницами за 305 дней 1 лактации 7878 кг молока, тем самым превосходя сверстниц с высотой в крестце 136–140 см на 783 кг, менее 135 см – на 1133 кг молока. За 100 дней 1 лактации коровы первого отела имеют удой 3139 кг молока, что превосходит сверстниц на 331 кг молока (менее 135 см).

По молочному жиру за 305 дней 1 лактации группа животных с наибольшим показателем высоты в крестце (свыше 141 см) превосходит сверстниц по жиру на 46,5 кг (менее 135 см). Превосходство по молочному белку составляет 37,3 кг (менее 135 см) (табл. 2).

Таблица 2. Оценка животных с разной высотой в крестце по молочной продуктивности

Высота в крестце, см	n	Продуктивность за 305 дней 1 лактации					Удой за 100 дней 1 лак., кг
		удой, кг	МДЖ, %	Молочный жир, кг	МДБ, %	Молочный белок, кг	
≤ 135	51	6745*** ±246	4,19 ±0,03	281,5*** ±9,7	3,57 ±0,03	239,7*** ±8,1	2808*** ±64
136-140	72	7095*** ±133	4,18 ±0,02	295,9*** ±5,1	3,56 ±0,02	252,3*** ±4,45	2763*** ±45
≥141	40	7878 ±184	4,16 ±0,03	328 ±7,4	3,51 ±0,02	277 ±7,1	3139 ±70

*p=0.95; ** p=0.99; *** p=0.999

Результаты оценки животных с разной шириной таза по молочной продуктивности показали, что особи, имеющие ширину таза свыше 34 см, имеют более высокие показатели удоя 7744 кг молока за 305 дней 1 лактации. По сравнению со сверстницами эта группа коров имеет превосходство на 609 кг молока (31–33 см) и на 1325 кг (менее 30 см).

За 100 дней 1 лактации от группы коров с наибольшей шириной таза свыше 34 см было получено 3121 кг молока, что превосходит сверстниц на 457 кг молока (менее 30 см).

По молочному жиру за 305 дней 1 лактации группа животных с наибольшим показателем ширины таза (свыше 34 см) превосходит сверстниц на 60,5 кг (менее 30 см). По молочному белку превосходство составляет 41,3 кг (менее 30 см) (табл. 3).

Таблица 3. Оценка животных с разной шириной таза по молочной продуктивности

Ширина таза, см	n	Продуктивность за 305 дней 1 лактации					Удой за 100 дней 1 лак., кг
		удой, кг	МДЖ, %	Молочный жир, кг	МДБ, %	Молочный белок, кг	
≤ 30	22	6419** ±319	4,11 ±0,03	263,3*** ±12,5	3,59 ±0,03	229,9** ±10,8	2664*** ±92
31-33	103	7135*** ±129	4,18 ±0,02	298*** ±5	3,5 ±0,02	253,7*** ±4,31	2820*** ±42
≥34	38	7744 ±210	4,19 ±0,03	323,8 ±7,6	3,5 ±0,02	271,2 ±8	3121 ±66

*p=0.95; ** p=0.99; *** p=0.999

Для подтверждения экономической эффективности производства молочной продукции с учетом экстерьерных показателей были проведены расчеты на базе по данным исследований, проведенных на базе СХПК «Племзавод Майский». По результатам расчёта была определена прибыль хозяйства от животных исследуемых групп (табл. 4).

Таблица 4. Экономическая эффективность производства молочной продукции с учетом экстерьерных показателей

Показатели	Глубина груди, см			Высота в крестце, см			Ширина таза, см		
	≤ 74	75-80	≥81	≤ 135	136-140	≥141	≤ 30	31-33	≥34
Поголовье, голов	46	89	28	51	72	40	22	103	38
Продуктивность, кг	6663	7260	8063	6745	7095	7878	6419	7135	7744
Прибыль, тыс. руб.	997	2125	743	1131	1662	1036	464	2416	968
Прибыль на 1 голову, тыс. руб.	22	24	27	22	23	26	21	24	26

Коровы айрширской породы первого отёла, имеющие наибольшую глубину груди (≥81), высоту в крестце (≥141), ширину таза (≥34), приносят хозяйству прибыль на одну голову, превышающую прибыль от менее крупных сверстниц. Так, животные с глубиной груди более 81 см приносят на пять тысяч рублей больше, чем животные, имеющие глубину груди менее 74 см. Коровы с высотой в крестце более 141 см приносят дополнительную прибыль в размере четырёх по сравнению со сверстницами, имеющими высоту в крестце менее 135 см.

Коровы первого отёла с ширенной таза свыше 34 см приносят на пять тысяч рублей больше чем их сверстницы с шириной таза менее 30 см.

Вывод.

Из нашего исследования наглядно видно, что животные с наибольшими промерами глубины груди, ширины таза и высоты в крестце имеют более высокие показатели удоя за 305 дней и 100 дней первой лактации. Несмотря на то что по жиру и белку в молоке эти животные уступают сверстницам, эта разница незначительна и полностью окупается по молочному жиру и белку. Таким образом, опираясь на результаты исследования, мы можем рекомендовать использовать методы отбора и подбора животных, направленные на увеличение отдельных экстерьерных признаков, позволяющих повысить удой и, как следствие, увеличить поступление денежных средств от реализации молока.

Библиографический список

1. Абрамова Н.И., Власова Г.С., Богорадова Л.Н. Современное состояние и перспективы развития айрширской породы Вологодской области // Генетика и разведение животных. 2017. № 2. С. 86-90.
2. Абрамова Н.И., Бургомистрова О.Н., Хромова О.Л. Совершенствование экстерьера крупного рогатого скота чёрно-пёстрой породы в племенных хозяйствах Вологодской области // Юбилейный спецвыпуск научных трудов СЗНИИМЛПХ, посвященный 95-летию со дня образования института. Вологда-Молочное, 2016. С. 28-34.
3. Башенко М.И., Хмельничий Л.М. Модельный тип молочной коровы // Зоотехния. 2005. № 3. С. 6-8.
4. Бургомистрова О.Н. Ранняя оценка племенной ценности коров по комплексу хозяйственно полезных признаков // ВНИИГРЖ. СПб-Пушкин, 2008. С. 104.
5. Бургомистрова О.Н. Взаимосвязь экстерьерных признаков телосложения дочерей быков-производителей с удоем за первую лактацию // Бюллетень ГНУ ВНИИГРЖ. 2006. Вып. 149. С. 16-18.
6. Правила оценки телосложения дочерей быков-производителей молочно-мясных пород от 14 июля 1996 года. М., 1996. С. 29.

Информация об авторах

Селиман Максим Олегович (Россия, Вологда) – лаборант, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54);

Абрамова Наталья Ивановна (Россия, Вологда) – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом разведения сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; (8172) 52-56-54)

Seliman M.O., Abramova N.I.

THE IMPACT OF EXTERIOR SIGNS OF COWS AT FIRST CALVING AYRSHIRE BREED ON MILK PRODUCTION

Abstract. *In the course of the study, we found that animals with the largest measurements, such as: breast depth of 81 cm, height in the sacrum over 141 cm, pelvic width over 34 cm exceed their smaller peers in milk yield for 305 and 100 days of first lactation, milk fat and protein. The use of these features in breeding dairy breeds will increase the productivity of animals.*

Key words: *exterior features, height in the sacrum, pelvic width, chest depth, milk yield, mass fraction of fat, mass fraction of protein.*

References

1. Abramova N.A., Vlasova G.S., Bogoradova L.N. The Current state and prospects of development of the Ayrshire breed of the Vologda region // Genetics and breeding of animals. 2017. № 2. Pp. 86-90.
2. Abramova N.A., Burgomistrova O.N., Khromova O.L. Improvement of the exterior of cattle of black-and-white breed in breeding farms of the Vologda region // Anniversary special issue

of scientific works of SZNIIMLPH, dedicated to the 95th anniversary of the Institute. Vologda-Dairy, 2016. P. 28-34.

3. Bashenko M.I., Chmelnici L.M. Model type dairy cows // Husbandry. 2005. № 3. Pp. 6-8.

4. Borgomastro O.N. Early in the breeding value estimation of cows on a range of economically useful traits // VNIIGRZH. S.-P.-Pushkin, 2008. P. 104.

5. Borgomastro O. N. The relationship of the exterior signs of the physique of daughters of sires with milk yield in the first lactation // Bulletin of the GNU VNIIGRZH. 2006. Vol. 149. P. 16-18.

6. Rules of an assessment of a Constitution of daughters of bulls-producers of dairy and meat breeds of July 14, 1996. M., 1996. P. 29.

Information about the Authors

Maxim O. Seliman (Vologda, Russia) – laboratory assistant, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation);

Natalya I. Abramova (Vologda, Russia) – Ph.D. in Agriculture, Head of Department for Breeding Farm Animals, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation); (8172) 52- 56-54)

УДК 658.5:658.3 (042.4) / ББК 65.050.227

Сорокина И.Э.

РОЛЬ КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕГИОНА

Аннотация. Деятельность кооперативных форм хозяйствования служит внутренним источником развития агропромышленного комплекса страны. В условиях глобализации рынков актуальной становится консолидация усилий федеральных органов власти, кредитно-финансовых институтов, научных и образовательных учреждений.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельскохозяйственные производственные и потребительские кооперативы, потребительские общества, кредитные кооперативы.

Экономические трансформации, вызванные изоляцией России в последнее время, сдерживание роста ее авторитета в экономическом сообществе актуализировали решение стратегической задачи поиска внутренних источников развития экономики страны. По оценкам международных и российских научных центров, в ближайшей перспективе аграрному сектору России предстоит стать одним из главных локомотивов экономики благодаря модернизации сельского хозяйства, его переходу на инновационный путь развития.

Одним из перспективных направлений аграрной политики государства, позволяющим активизировать деятельность малого и среднего предпринимательства, обеспечить расширенное воспроизводство в аграрном секторе экономики, решить проблему продовольственного обеспечения населения продуктами питания отечественного производства, является развитие кооперативных форм. В настоящее время на селе сформировалась многоуровневая система сельскохозяйственных кооперативов, включающая кооперативы первого, второго и третьего уровня, специализированные ассоциации (союзы) сельскохозяйственных кооперативов, ревизионные союзы сельскохозяйственных кооперативов, саморегулируемые организации ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов. Российскую кооперацию представляют производственные и потребительские сельскохозяйственные кооперативы, сбытовые и заготовительные, перерабатывающие и снабженческие, кредитные и страховые. Современная кооперация, являясь субъектом рыночных отношений, расширяет свои возможности, проникает во все сферы и отрасли экономики; формирует оптимальное соотношение крупных, средних, малых предприятий и организаций; усиливает и укрепляет права, экономическую роль членов кооперативов в решении социально-экономических задач. Ее деятельность характеризуется возрастанием социальных функций во взаимосвязи с хозяйственными структурами и исполнительной властью; тенденцией к усилению инновационной активности, освоению разнообразных инноваций. Кооперативных форм становится все больше, появляются новые типы кооперативов, усложняются их функции.

Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» (2005–2007 гг.) способствовала развитию кооперации. Одним из перспективных направлений проекта стало расширение ее возможностей как «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе», которое привело к созданию сельскохозяйственных потребительских кооперативов различных видов (перерабатывающих, снабженческих, сбытовых, кредитных, обслуживающих), усилило их роль в обслуживании сельскохозяйственных товаропроизводителей. Однако ситуацию в развитии кооперативных форм хозяйствования на селе в целом нельзя признать удовлетворительной. Наблюдается постоянное сокращение числа сельскохозяйственных кооперативов. Так, с 2011 по 2015 годы в России сократилось количество сельскохозяйственных производственных кооперативов с 12190 до 8313, или на 31,8%, сельскохозяйственных потребительских кооперативов с 9379 до 6293, или на 32,0%, в том числе работающих кооперативов – с 4827 до 3491, или на 27,7%.

Медленно развивается сельскохозяйственная потребительская кредитная кооперация. Число вновь создаваемых сельскохозяйственных потребительских кооперативов ежегодно отстает от числа кооперативов, прекращающих свою деятельность. Это отрицательно сказывается на обслуживании малого и среднего аграрного предпринимательства на селе. Не обеспечиваются необходимые объемы закупок, сбыта, переработки произведенной сельскохозяйственной продукции. Невелика роль сельскохозяйственных потребительских кооперативов в поддержке малого агробизнеса. Доля услуг кооперативов не превышает 1,0% по ведению сельскохозяйственного производства (переработка и сбыт продукции, снабжение материально-техническими ресурсами и другие). Доля услуг сельскохозяйственных потребительских кооперативов в кредитовании малых форм хозяйствования не превышает 6,0% от общего объема полученных кредитов и займов. Членами этих кооперативов являются

около 1,0% личных подсобных хозяйств, 2,0% К(Ф)Х, 5,0% сельскохозяйственных организаций. При этом указанные показатели на протяжении 5 лет снижаются [1].

Родоначалницей российского кооперативного движения является потребительская кооперация Центросоюза России. Сегодня она представляет собой целостную скоординированную жизнеспособную систему, состоящую из сельских потребительских обществ (сельпо); поселковых потребительских обществ (поспо); районных потребительских обществ (райпо); городских потребительских обществ (горпо). В последние годы в системе потребкооперации Центросоюза РФ многие показатели снизились, с 2011 по 2015 г. численность пайщиков сократилась с 3587 до 2319 тыс., или на 35,3%. Несмотря на то что сокращение деятельности организаций потребительской кооперации не удастся приостановить, они играют значимую роль в жизнеобеспечении сельского населения, особенно проживающего в малолюдных и отдаленных населенных пунктах, где, в частности, торговая деятельность убыточна. В 2014 г. сумма убытков организаций потребительской кооперации превысила 1 млрд руб. Закупочная деятельность кооперативных организаций поддерживает уровень жизни около 1 млн жителей сельских поселений. Организации потребительской кооперации осуществляют деятельность в 89 тыс. населенных пунктов, из которых в 54 тыс. проживает менее 100 человек [2]. Кооперативная деятельность лучше развивается в тех субъектах Российской Федерации, где она получает поддержку от региональных властей. Система потребительской кооперации Вологодской области представлена в 19 муниципалитетах, обслуживает население численностью 195 тысяч человек (более 16,0% населения Вологодчины). Потребкооперация обслуживает около 2700 населенных пунктов региона, из которых 1400 – это удаленные и малонаселенные пункты. Поддержка организаций потребительской кооперации осуществляется в рамках реализации государственной программы «Экономическое развитие Вологодской области на 2014–2020 годы» [4]. Постановлением Губернатора области № 82 от 20 апреля 2018 года создан Координационный совет по вопросам развития потребительской кооперации Вологодской области. Основная задача совета – комплексное решение проблем, связанных с деятельностью организаций потребительской кооперации. Институциональный анализ этапов развития кооперативного сектора в зарубежных странах показывает, что консолидация совместных усилий федеральных органов власти, кредитно-финансовых институтов, научных и образовательных учреждений позволит, в свою очередь, возродить кооперацию в России, поднять ее на уровень, соответствующий ее предназначению.

Библиографический список

1. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Аналитика. URL: <http://mex.ru/analytics/>
2. О Центросоюзе URL: <http://www.rus.coop/ru/about>
3. Дашков Л.П., Сорокина И.Э. Кооперативные формы хозяйствования в институциональных преобразованиях агропромышленного комплекса России // Экономические системы. 2017. Том 10. № 3 (38). С. 36-38. DOI 10.29030 / 2309-2076-2017-10-3-36-38.
4. В Вологодской области предложено создать программу поддержки и развития потребительской кооперации. URL: <http://vologda-poisk.ru/news/ekonomika/v-vologodskoy-oblasti-predlozheno-sozdat-programmu-podderzhki-i-razvitiya-potrebitelskoy-kooperatsii>

Информация об авторе

Сорокина Ирина Эдуардовна (Россия, Вологда) – кандидат экономических наук, доцент, преподаватель, БПОУ ВО «Вологодский аграрно-экономический колледж» (г. Вологда, ул. Горького, 140; volis72@mail.ru)

Sorokina I.E.

THE ROLE OF COOPERATIVE FORMS OF MANAGEMENT IN THE INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE REGION

Abstract. *The activity of cooperative forms of management serves as an internal source for the development of the country's agro-industrial complex. In the context of globalization of markets, consolidation of efforts of federal authorities, credit and financial institutions, scientific and educational institutions becomes topical.*

Key words: *agro-industrial complex, agricultural production and consumer cooperatives, consumer societies, credit cooperatives.*

References

1. The Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Analytics. Access mode: <http://mex.ru/analytics/>
2. About Tsentrosoyuz. Access mode: <http://www.rus.coop/ru/about>
3. Dashkov L.P., Sorokina I.E. Cooperative forms of management in the institutional transformations of the agro-industrial complex of Russia // Economic systems. 2017. Volume 10. № 3 (38). Pp. 36-38. DOI 10.29030 / 2309-2076-2017-10-3-36-38.
4. In the Vologda region it was proposed to create a program of support and development of consumer cooperation. Access mode: <http://vologda-poisk.ru/news/ekonomika/v-vologodskoy-oblasti-predlozhenno-sozdat-programmu-podderzhki-i-razvitiya-potrebitelskoy-kooperatsii>

Information about the Author

Irina E. Sorokina (Vologda, Russia) – Ph.D., Associate Professor, teacher, BISU of the Vologda Oblast “Vologda Agrarian and Economic College” (140, Gorky str., Vologda, Russian Federation; volis72@mail.ru)

УДК 631.3.01 / ББК 40.722

Флягин С.Е., Кузнецов Н.Н.

ВЛИЯНИЕ СОСТАВА ПОЧВ И УДОБРЕНИЙ НА АНТИКОРРОЗИОННУЮ ЗАЩИТУ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ

Аннотация. Процесс самопроизвольного разрушения металла под воздействием агрессивной внешней среды (коррозия) приводит кардинальному изменению прочностных и физико-химических свойств изделий из стали и ее сплавов, значительному снижению их функциональности и сроков годности. Существуют различные виды борьбы с процессом окисления металла, при этом технология антикоррозийной обработки металлоконструкций постоянно совершенствуется.

В данной статье рассмотрены процесс образования коррозии и способы защиты от образования коррозионных процессов, а также технология по подготовке, выбору и нанесению лакокрасочных материалов.

Ключевые слова: удобрения, коррозия, антикоррозионная защита, адгезия, осмос, пигмент, покрытия.

Применение удобрений в сельском хозяйстве имеет важное значение для управления плодородием почв, повышения урожайности и пищевой ценности сельскохозяйственных культур. Нарушение агрохимических и гигиенических регламентов применения удобрений приводит к чрезмерному накоплению их в почве. В зависимости от химического состава различают удобрения азотные, фосфорные, калийные, известковые, микроудобрения, бактериальные, комплексные и др. Условно их можно подразделить на минеральные и органические.

Азотные удобрения в зависимости от формы соединения азота существуют: аммиачные, аммонийные, нитратные, аммонийно-нитратные, амидные.

Фосфорные удобрения различаются количеством, оксида фосфора P_2O_5

Калийные удобрения – калийная соль, калийно-аммиачная селитра и др.

Комплексные удобрения – содержат комплекс питательных для растений элементов (фосфорно-азотные, фосфорно-калийные).

Также в состав самой почвы входят элементы, способствующие развитию коррозии. Наиболее распространенными в почве являются следующие элементы: кислород (49%), кремний (33%), алюминий (7,13%), железо (3,80%), углерод (2,0%), кальций (1,37%), калий (1,36%), натрий (0,63%), магний (0,63%), азот (0,10%), а также в состав почв входит влага с растворенными в ней солями, а именно: гумусовые кислоты – не имеют определённой формулы и представляют собой целый класс высокомолекулярных соединений. Элементный состав гуминовых кислот (по массе): 46–62% С, 3–6% N, 3–5% H, 32–38% O. Состав фульвокислот: 36–44% С, 3–4,5% N, 3–5% H, 45–50% O. В обоих соединениях присутствуют также сера (от 0,1 до 1,2%), фосфор (сотые и десятые доли %) [1].

Факторы, приведенные выше, влияют на коррозию сельскохозяйственной техники второстепенно, а основной проблемой, способствующей образованию коррозии, является абразивный (фрикционный) износ или фреттинг коррозия. Фреттинг коррозия способствует удалению с поверхности металла оксидной пленки тем самым оголяя перед солями, которые растворены во влаге почвы и содержащиеся в окружающем воздухе. Таким образом, на незащищенную поверхность металла одновременно могут воздействовать электрохимическая и газовая коррозия совместно или раздельно в зависимости от условий [2].

Таким образом, незащищенный металл нуждается в антикоррозионной защите (далее АКЗ).

АКЗ включает в себя несколько этапов:

1. Подготовка поверхности для нанесения материалов для АКЗ. Качественная подготовка поверхности гарантирует 90% успеха в АКЗ. Подготовка поверхности включает в себя также несколько этапов: 1) отсутствие на поверхности металла сварочных брызг (для сварной конструкции), скругление острых кромок и удаление заусениц (радиус скругления не менее 2 мм); 2) удаление с поверхности металла водорастворимых солей путем смывания

водой (питьевого качества) под высоким давлением; 3) обезжиривание поверхности обезжиривателем; 4) дробеструйная (пескоструйная) обработка поверхности [3, 4].

На поверхности металлоконструкции не допускается наличие сварочных брызг перед нанесением лакокрасочных материалов (ЛКМ), это обусловлено тем, что коэффициент теплового расширения сварочных брызг и основного металла разный (у металла выше), следовательно, при тепловом расширении происходит «отскок» брызги от металла. Таким образом, ЛКМ, нанесенный на поверхность, где присутствуют сварочные брызги, будет лишен адгезии, в конечном итоге будет нарушена целостность покрытия.

Острые кромки конструкции также необходимо скруглять радиусом не менее 2 мм. Это нужно для того, чтобы: увеличить площадь соприкосновения лакокрасочного покрытия (ЛКМ) с поверхностью металла; обеспечить необходимую толщину ЛКП на углах конструкции.

Водорастворимые соли, которые присутствуют между ЛКП и поверхностью металла, способны притягивать, накапливать и удерживать влагу, которая проникает через покрытие. Когда влага накапливается и удерживается под ЛКП, возникает осмотическое вспучивание, следовательно, это приводит к отсутствию адгезии и нарушению целостности покрытия. Водорастворимые соли смываются только водой, причем строго питьевого качества, т. к. в технической воде содержатся соли, продукты коррозии и другие примеси.

После мойки металлоконструкции необходимо высушить и обезжирить поверхность перед дробеструйной (пескоструйной) обработкой, т. к. грязь в виде масляных загрязнений, находящаяся на поверхности, будет оставаться на самой дробе. При повторном использовании (рекуперации) грязная дробь будет оставлять на поверхности и дробеструйном оборудовании (рукава, накопительный бункер и т. п.) масляные загрязнения, которые впоследствии очень проблематично удалить.

2. Нанесение лакокрасочного покрытия или системы покрытия (грунтовочный слой + покрывная эмаль).

Перед нанесением ЛКМ необходимо определиться с выбором типа ЛКМ или системой покрытия, а именно:

Грунтовочный слой должен содержать в своем составе антикоррозионный пигмент. В качестве пигмента может быть: свинцовый сурик, порошок цинка, фосфат цинка, хромат цинка, сульфат бария, порошок алюминия.

Выбор окрасочной системы производится по ISO 12944 – 5 2007, а условия эксплуатации по ISO 12944 – 2 1998 С3 средняя с ожидаемым сроком покрытия 15 лет и выбираем схему А1.17 [5, 6].

Согласно приведенной таблице 1 по электродным потенциалам выбираем грунт цинкнаполненный, т. к. цинк более отрицательный, чем железо, и более распространенный в качестве антикоррозионного пигмента. Далее нужно выбрать связующее (основу) грунтового слоя. В большинстве случаев предпочтение отдается синтетическим смолам, например эпоксидам. Эпоксид по своей структуре является диэлектриком, это означает, что толщина грунтовочного слоя с учетом «мертвого объема» будет составлять не более 60 мкм. Т. к. частицы пигмента цинка будут расходоваться «вхолостую», т. е. не будут соприкасаться с металлом.

После сушки грунтовочного слоя необходимо перекрыть покрывной эмалью. Требования к эмалям: устойчивость к воздействию ультрафиолета, износостойкость, способность не удерживать на поверхность грязь, т.е. глянцевая.

Такими характеристиками обладают эмали на полиуретановой основе. Эмаль наносится в 2–3 слоя 100 мкм, при этом общая толщина покрытия должна составлять 160 мкм. При номинальной толщине 160 мкм допускается по закону Парето 80:20, а именно толщина сухой пленки определяется по правилу 80–20, т. е. 80% измеренных толщин должно быть не менее толщины, указанной в спецификации окраски, а 20% измеренных толщин может быть не ниже 80% от толщины, указанной в спецификации окраски.

Вывод: коррозия – это реакция, разрушающая металл, взаимодействующая с окружающей средой. Чтобы предотвратить разрушающий процесс, предусмотрена антикоррозионная обработка металлоконструкций. Подобная защита предполагает увеличение срока эксплуатации конструкционного материала и помогает снизить расходы на текущий ремонт вышедшего из строя оборудования (узла). Антикоррозионные защитные покрытия получили всеобщее признание и стали ее неотъемлемой частью. Основная цель АКЗ – это изоляция металлических поверхностей от агрессивной среды. В основе элементов применяют в основном эпоксидное либо полиуретановое основание. Эти необходимые элементарные требования позволяют надежно защитить материал.

Библиографический список

1. Муха В.Г., Картамашев Н.И. Агрочвоведение. М.: Колос, 2003.
2. Кравцов В.В. Коррозия и защита конструкционных материалов. Принципы защиты от коррозии: учеб. пособие. Уфа: УГНТУ, 1999. 157 с.
3. Томашов Н.Д., Чернова Г.П. Теория коррозии и коррозионностойкие конструкционные сплавы. М.: Металлургия, 1986. 359 с.
4. Защита строительных конструкций от коррозии / В.К. Горшков, П.Б. Разговоров, Т.В. Ершова [и др.]. Иваново: ИГХТУ, 2003. 191 с.
5. Романов А.С., Кузнецов Н.Н. К вопросу о местном внесении органических удобрений при посадке картофеля // Агрэкологические и организационно-экономические аспекты создания и эффективного функционирования экологически стабильных территорий // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2017. С. 139-142.
6. Романов А.С., Кузнецов Н.Н. Повышение качества внесения органических удобрений под картофель // Молодежь и наука XXI века: материалы Международной научной конференции. Ульяновск, 2017. С. 80-83.

Информация об авторах

Флягин Сергей Евгеньевич (Россия, Вологда) – аспирант, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; dekan@mf.molochnoe.ru);

Кузнецов Николай Николаевич (Россия, Вологда) – кандидат технических наук, декан инженерного факультета, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; dekan@mf.molochnoe.ru)

Flyagin S.E., Kuznetsov N.N.

**INFLUENCE OF THE COMPOSITION OF SOILS AND FERTILIZERS
ON ANTI-CORROSION PROTECTION OF AGRICULTURAL MACHINERY**

Abstract. *The process of spontaneous destruction of the metal under the influence of an aggressive external environment (corrosion) leads to a fundamental change in the strength and physicochemical properties of steel products and its alloys, a significant reduction in their functionality and shelf life. There are various types of combating the process of metal oxidation, while the technology of anti-corrosion treatment of metal structures is constantly being improved. This article describes the process of formation of corrosion and methods of protection against the formation of corrosion processes, as well as the technology for the preparation, selection and application of paints and varnishes.*

Key words: *fertilizers, corrosion, anticorrosive protection, adhesion, osmosis, pigment, coatings.*

References

1. Mukha V.G., Kartamashev N.I. Agrolology. Moscow: Kolos, 2003.
2. Kravtsov V.V. Corrosion and protection of structural materials. Principles of protection against corrosion: studies. manual. Ufa: UGNTU, 1999. 157 s.
3. Tomashov N.D., Chernov G.P. The theory of corrosion and corrosion-resistant structural alloys. M.: Metallurgy, 1986. 359 with.
4. Protection of building structures against corrosion / V.K. Gorshkov, P.B. Talk, T.V. Ershova [et al.]. Ivanovo: IHKTU, 2003. 191 s.
5. Romanov A.S., Kuznetsov N.N. On the issue of local application of organic fertilizers when planting potatoes // Agri-environmental and organizational-economic aspects of the creation and effective functioning of environmentally stable territories: materials in the All-Russian Scientific and Practical Conference in the collection. Cheboksary. 2017. Pp. 139-142.
6. Romanov A.S., Kuznetsov N.N. Improving the quality of organic fertilizer for potatoes // Youth and Science of the XXI century; in the collection of materials of the International Scientific Conference. Ulyanovsk. 2017. Pp. 80-83.

Information about the Authors

Sergey E. Flyagin (Vologda, Russia) – postgraduate student of Faculty of Engineering (2, Shmidt str., Vologda, Molochnoe rural settlement, Russian Federation; dekan@mf.molochnoe.ru);

Nikolay N. Kuznetsov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Engineering, Associate Professor, Dean of Faculty of Engineering (2, Shmidt str., Vologda, Molochnoe rural settlement, Russian Federation; dekan@mf.molochnoe.ru)

Фоменко П.А., Богатырёва Е.В., Гусаров И.В.
**ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОРМОВ, ЗАГОТОВЛЕННЫХ В ВОЛОГОДСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Аннотация. В статье представлены результаты зоотехнического анализа заготовленных кормов на содержание в них макро- и микроэлементов. Определен дефицит нормируемых веществ относительно среднероссийских показателей, выявлен недостаток содержания микроэлементов: кальция, магния, калия, меди и кобальта.

Ключевые слова: макроэлементы, микроэлементы, силос, сено, корма.

Качество кормов служит важным фактором, от которого зависит продуктивность животных. Каждое хозяйство заинтересовано в приготовлении высокопитательных кормов. Это процесс очень сложный, учитывающий специфику многих сторон или звеньев цепи в заготовке кормов (организационную, агрономическую, технологическую, зоотехническую). Прочная кормовая база определяется как общим производством кормов, так и их качеством. Оба эти показателя в равной мере влияют на эффективность животноводства и являются неотъемлемыми факторами кормопроизводства на современном уровне. В процессе заготовки и хранения происходят большие количественные и качественные потери. Снизить потери и повысить качество кормов возможно только при соблюдении всех технологических требований во время кормозаготовки [1].

В кормлении сельскохозяйственных животных недостаточная сбалансированность кормов по минеральным веществам является определяющим фактором, сдерживающим развитие животноводства. При этом главной проблемой является дефицит в кормовом балансе микроэлементов, связанный с зональными биогеохимическими особенностями региона [2].

Минеральные вещества имеют большое значение для нормальной жизнедеятельности организма животного, поскольку они являются необходимой основой для построения костей скелета, входят в состав клеток, тканей, органов и жидкостей, участвуют во всех биохимических процессах, протекающих в организме на всех его структурных уровнях. Минеральный состав растительных кормов зависит от почвенно-климатических условий, а также от условий их выращивания и характера вносимых удобрений. На содержание микроэлементов в растениях меньшее влияние оказывают погодные условия, чем место их произрастания. Недостаток или избыток микроэлементов в почве в основном и обуславливает содержание их в растениях, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на животных [3, 4].

В процессе анализа химический состав заготовленных кормов в хозяйствах Вологодской области сравнивали со средними показателями одноименных кормов по России (Корма России), приняв их за норму. Нами установлено, что распределение микроэлементов в растительных кормах происходит очень неравномерно (*табл.*).

**Содержание макро- и микроэлементов в кормах, заготовленных в хозяйствах
Вологодской области, мг/кг**

Корма		Ca	P	Mg	Na	K	Cu	Co
Сеннаж								
Многолетних злаковых трав	Норма	3,20	1,00	1,40	0,90	8,40	2,20	0,07
	Факт	2,61	1,66	1,30	0,25	4,90	1,29	0,02
	% к норме	82,6	166,0	92,9	27,8	58,3	58,6	28,6
Многолетних злаково-бобовых трав	Норма	3,70	0,90	0,50	0,50	8,00	4,00	0,06
	Факт	1,92	0,89	1,04	0,14	2,93	0,91	0,02
	% к норме	51,9	98,9	208,0	28,0	36,6	22,8	33,3
Многолетних трав	Норма	3,70	1,30	0,80	0,80	6,80	3,70	0,03
	Факт	1,99	0,97	0,93	0,16	3,07	1,15	0,03
	% к норме	53,8	74,6	116,3	20,0	45,1	31,1	100,0
Сено								
Разнотравное	Норма	8,30	2,00	2,30	1,20	11,30	4,00	0,45
	Факт	6,04	2,23	2,98	0,57	9,89	3,73	0,16
	% к норме	72,8	111,5	129,6	47,5	87,5	93,3	35,6
Тимофеечное	Норма	3,90	2,60	0,90	1,68	15,10	3,40	0,45
	Факт	4,84	2,29	2,08	0,37	9,64	3,57	0,08
	% к норме	124,1	88,1	231,1	22,0	63,8	105,0	17,8
Злаково-разнотравное	Норма	6,90	1,70	2,10	1,80	7,80	2,10	0,19
	Факт	5,26	2,36	2,50	0,52	7,81	3,43	0,01
	% к норме	76,2	138,8	119,0	28,9	100,1	163,3	5,3
Солома								
Ячменная	Норма	4,80	1,80	0,70	1,10	10,40	3,80	0,02
	Факт	3,52	1,53	2,81	1,17	7,57	1,91	0,09
	% к норме	73,3	85,0	401,4	106,4	72,8	50,3	450,0
Овсяная	Норма	3,40	1,00	1,10	1,70	13,90	2,90	0,70
	Факт	3,22	1,80	2,12	1,51	8,04	2,21	0,04
	% к норме	94,7	180,0	192,7	88,8	57,8	76,2	5,7
Силос								
Клеверотимофеечный	Норма	2,20	0,70	0,50	0,50	4,70	2,00	0,02
	Факт	2,46	0,82	0,91	0,13	3,19	0,93	0,03
	% к норме	111,8	117,1	182,0	26,0	67,9	46,5	150,0
Кукурузный	Норма	2,90	0,40	0,50	0,40	2,90	1,00	0,02
	Факт	1,22	0,65	0,34	0,05	2,54	0,57	0,02
	% к норме	42,1	162,5	68,0	12,5	87,6	57,0	100,0
Многолетних трав	Норма	1,60	0,60	0,40	0,40	4,10	2,00	0,02
	Факт	2,39	0,91	0,80	0,13	3,26	1,17	0,02
	% к норме	149,4	151,7	200,0	32,5	79,5	58,5	100,0

При анализе данных таблицы видно, что уровень макро- и микроэлементов в кормах подвержен значительным колебаниям. В сравнении со среднероссийскими данными наблюдается недостаток кальция, который составляет 42,1–94,7%. Наибольшее содержание кальция определено в силосах многолетних трав (149,4%) и из клеверотимофеечного травостоя (111,8%). Также избыток кальция наблюдается у сена из тимофеевки, что составляет 24,1% от данных в среднем по России.

Дефицит натрия составляет от 12,5% до 88,8%. Наименьшее количество натрия содержится в силосе из кукурузы и составляет 0,05 мг/кг натурального корма.

Содержание кобальта в анализируемых кормах составляет от 0,01 до 0,16 мг/кг натурального корма. В ячменной соломе количество кобальта составляет 0,09 мг/кг в натуральном корме, что составляет 450,0%, и это самый высокий уровень микроэлементов.

Содержание магния по отдельным травам превосходит нормативные данные: по сенажу от 116,3% до 208,0%, по сену от 119,0% до 231,1%, по соломе от 192,7% до 401,4%, по силосу от 182,0% до 200,0%.

Уровень меди в травах колеблется в широких пределах. Наименьший показатель меди в сенажах из злаково-бобовых трав – 0,91 мг/кг (22,8%) натурального корма, наибольшее содержание в злаково-разнотравном сене – 3,43 мг/кг (163,3%).

Таким образом, содержание макро- и микроэлементов в растительных кормах не обеспечивает создание в рационах необходимой концентрации кальция, натрия, калия, меди и кобальта и не позволяет обеспечить животных этими элементами.

Библиографический список

1. Качество объемистых кормов в хозяйствах Вологодской области / П.А. Фоменко, Е.В. Богатырева, Л.А. Корельская, С.Ф. Сафаралиева // Молочнохозяйственный вестник. 2016. № 1 (21). С. 50-56.
2. Краснощекова Т.А., Арнаутковский И.Д. Детализированные нормы, рационы кормления крупного рогатого скота и питательность кормов Амурской области: учеб. пособие. Благовещенск: БСХИ, 1987. 89 с.
3. Краснощекова Т.А., Туаева Е.В., Согорин С.А., Нимаева В.Ц. Зоотехнический анализ кормов. Благовещенск: ДальГАУ, 2013. 154 с.
4. Гусаров И.В., Фоменко П.А., Богатырёва Е.В. Хранение объемистых кормов с биоконсервантами: качественные показатели // Молочная промышленность. 2018. № 10. С. 70-71.

Информация об авторах

Гусаров Игорь Владимирович (Россия, Вологда) – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом кормов и кормления сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; i-gusarov@yandex.ru);

Фоменко Полина Анатольевна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник отдела кормов и кормления сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; polinafomenko208@gmail.com);

Богатырева Елена Валерьевна (Россия, Вологда) – старший научный сотрудник отдела кормов и кормления сельскохозяйственных животных, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства – обособленное подразделение ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Ленина, 14; laboratoriahimanaliza@gmail.com)

Fomenko P.A., Bogatyryova E.V., Gusarov I.V.
THE CHEMICAL COMPOSITION OF FEED HARVESTED
IN THE VOLOGDA REGION

Abstract. *The article presents the results of zootechnical analysis of harvested feed on the content of macro- and micronutrients. The deficit of regulated substances relative to the average Russian indicators was determined, and the content of trace elements was found to be deficient: calcium, magnesium, potassium, copper and cobalt.*

Key words: *macronutrients, microelements, silage, hay, feed.*

References

1. Fomenko P.A., Bogatyryeva E.V., Korelskaya L.A., Safaraliyeva S.F.K. The quality of bulky feed in the farms of the Vologda region // Milk herald. 2016. № 1 (21). Pp. 50-56.
2. Krasnoshchekova T.A., Arnautovskiy I.D. Detalizirovannye normy, ratsiony kormleniya krupnogo rogatogo skota i pitatel'nost' kormov Amurskoy oblasti: Ucheb. Posobie; BSKhI. Blagoveshchensk, 1987. 89 s.
3. Krasnoshchekova T.A., Tuaeва E.V., Sogorin S.A., Nimaeva V.Ts. Zootekhnicheskiy analiz kormov. Blagoveshchensk: Dal'GAU, 2013. 154 s.
4. Gusarov I.V., Fomenko P.A., Bogatyryova E.V. Storage of voluminous feeds with bio-preservatives: quality indicators // Dairy industry. 2018. № 10. Pp. 70-71.

Information about the Authors

Igor V. Gusarov (Vologda, Russia) – Ph.D. in Biology, Leading Researcher, head of Department for Fodder and Feeding of Farm Animals, Northwestern Dairy Farming and Grassland Management Research Institute – separate division of Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; i-gusarov@yandex.ru);

Polina A. Fomenko (Vologda, Russia) – Senior Researcher at the Department for Fodder and Feeding of Farm Animals. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; polinafomenko208@gmail.com);

Elena V. Bogatyryeva (Vologda, Russia) – Senior Researcher, Department of Fodder and Feeding of Farm Animals. Federal State Budgetary Institution of Science Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (14, Lenin str., 160555, Vologda, Molochnoye rural settlement, Russian Federation; laboratoriahimanaliza@gmail.com)

УДК 631.445.24/582:631.8 / ББК40.441(52Рос-4Вол)

Чухина О.В.

БАЛАНС ЭЛЕМЕНТОВ ПИТАНИЯ В СЕВООБОРОТЕ ДЛИТЕЛЬНОГО
АГРОХИМИЧЕСКОГО ОПЫТА

Аннотация. В условиях Вологодской области на дерново-подзолистой почве применение расчётных доз удобрений обеспечивает продуктивность севооборота до 6,3 т к.ед./га. При внесении 93 кг д.в./га азота, 41 фосфора и 136 кг д.в./га калия наблюдается отрицательный баланс этих элементов.

Ключевые слова: *продуктивность севооборота, удобрения, вынос элементов питания единицей продукции, ячмень, викоовсяная смесь, озимая рожь, картофель.*

В последнее десятилетие все большее внимание уделяется проблемам повышения уровня плодородия почв, то есть изучению баланса круговорота веществ. Баланс элементов питания – это прогнозный эколого-агрономический показатель продуктивности сельскохозяйственных культур, плодородия почв и степени соответствия их количеству и качеству вносимых удобрений, а также показатель, характеризующий химическую нагрузку на почву, растения и находящиеся во взаимодействии с ними компоненты окружающей среды. Один из балансовых методов расчёта доз удобрений на планируемый уровень урожайности культур и изменение уровня почвенного плодородия – по планируемым балансовым коэффициентам использования элементов питания из удобрений (Кб). При нулевом балансе питательных элементов (Кб = 100%) создаются условия для сохранения уровня плодородия почвы, при отрицательном балансе (Кб > 100%) – снижения и при положительном балансе (Кб < 100%) – увеличения показателей плодородия почвы.

Данным исследованиям были посвящены работы Ю.П. Жукова, О.В. Чухиной и многих других исследователей [1, 2, 3].

Исследования были проведены в полевом стационарном опыте на опытном поле ФГБОУ ВО Вологодской ГМХА. Согласно аттестату длительного опыта № 164, опыт включён в реестр Государственной сети опытов с удобрениями и другими агрохимическими средствами. В севообороте, развёрнутом в пространстве и во времени, изучаются культуры: викоовсяная смесь на зеленую массу, озимая рожь, картофель, ячмень.

В статье приведены результаты исследований за 2015–2017 гг.

Повторность опыта – четырехкратная. Расположение делянок – усложненно-систематическое. Площадь опытной делянки – 140 м² (10 м x 14 м), учётной – не менее 20 м². Схема опыта включала варианты: 1 – без удобрений (контроль); 2 – с применением минимальной дозы удобрений (удобрение только при посеве и при посадке культур); 3, 4 – исследуемые минеральные системы удобрения, различающиеся дозой калия (3 – минеральная система удобрений с нулевым балансом по калию, 4 – минеральная система удобрений с положительным балансом калия); 5 – органо-минеральная система удобрения, эквивалентная по дозе минеральной системе удобрения (3 вар.). Доза удобрений рассчитывалась на получение плановых урожайностей: зерна озимой ржи – 3,5 т/га, ячменя – 3,5, клубней картофеля – 25, зелёной массы викоовсяной смеси – 25 т/га.

На 3, 4, 5 вариантах дозы вносимых удобрений рассчитывались с помощью Кб для контроля использования питательных веществ из удобрений и почвы по формуле: $K_b = (V_y / D) \times 100\%$, где Кб – балансовый коэффициент использования элемента; V_y – вынос с урожаем элемента питания в удобренном варианте, кг/га; D – доза элемента в удобренном варианте, кг/га; 100 – коэффициент перевода в %. По всем вариантам опыта запланирован отрицательный баланс по азоту (Кб – 120%) и нулевой баланс по фосфору (Кб – 100%). По калию в 3 и 5 вариантах запланирован нулевой, а в 4 варианте – положительный баланс (Кб – 80%) (табл. 1).

Почва участка дерново-подзолистая, среднесуглинистая. Пахотный слой почвы в 2014 году (через 20 лет исследований) характеризовался на контроле среднекислой реакцией среды (рН_{KCl} 4,9), содержанием подвижного фосфора и обменного калия соответственно 132 и 55

мг/кг почвы, содержанием гумуса – 2,56%. Учет урожайности всех культур осуществлялся сплошным методом. Урожай приведен к стандартной влажности: зелёная масса, клубни и ботва картофеля – 80%, зерно – 14%, солома – 16%.

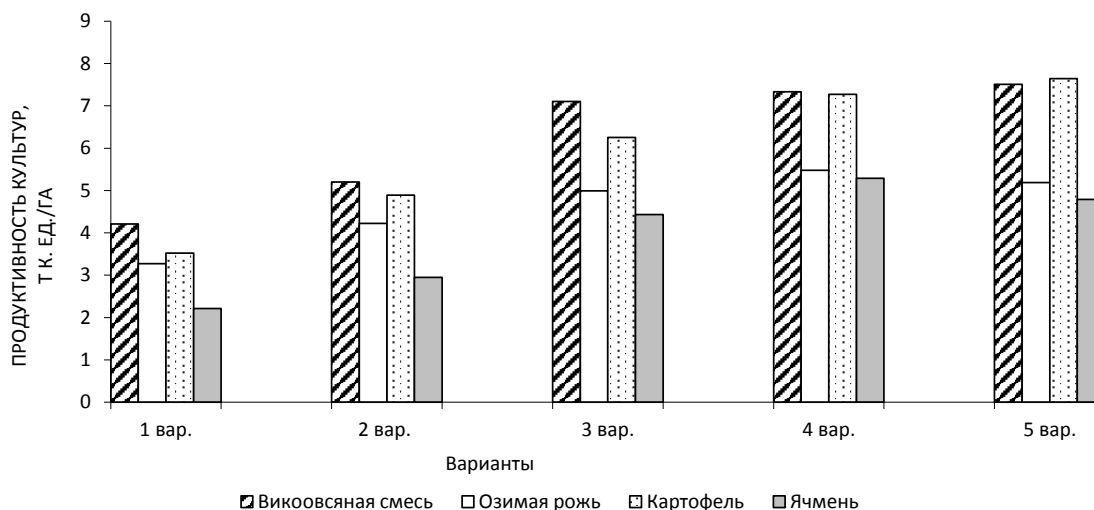
Таблица 1. Изучаемые дозы удобрений

Вариант	Викоовсяная смесь	Озимая рожь	Картофель	Ячмень
1	-	-	-	-
2	N ₁₂ P ₁₆ K ₁₆	N ₁₂ P ₁₆ K ₁₆	N ₂₀ P ₂₀	N ₁₂ P ₁₆ K ₁₆
3	N ₇₅ P ₃₅ K ₁₃₀	N ₉₀ P ₄₀ K ₁₀₀	N ₁₂₅ P ₅₀ K ₂₂₅	N ₈₀ P ₄₀ K ₉₀
4	N ₇₅ P ₃₅ K ₁₆₀	N ₉₀ P ₄₀ K ₁₂₀	N ₁₂₅ P ₅₀ K ₂₇₀	N ₈₀ P ₄₀ K ₁₁₀
5	ТНК (40 т/га) + N ₅₀ P ₂₀ K ₁₀₀	ТНК (40 т/га) + N ₈₀ P ₃₅ K ₁₀₀	ТНК (40 т/га) + N ₇₀ P ₁₅ K ₄₅	ТНК (40 т/га) + N ₃₀ P ₁₀ K ₃₀

При анализах товарной и нетоварной частей урожаев после мокрого озоления по К. Гинзбург определяли азот по Кьельдалю, фосфор – на фотоколориметре, калий – на пламенном фотометре.

Математическая обработка материалов исследований проведена методом однофакторного дисперсионного анализа при помощи программы Excel.

Погодные условия 2015–2017 гг. благоприятно повлияли на рост и развитие изучаемых культур. В целом продуктивность культур севооборота в годы исследований была высокой, особенно у однолетних культур. Стабильно высокой урожайностью в годы исследований отличались также озимая рожь, картофель. Хорошую отзывчивость на удобрения, особенно расчётные дозы их внесения, показали все изучаемые культуры. Средняя продуктивность культур севооборота составила 3,34–6,34 т к.ед./га. Минимальные дозы удобрений повысили продуктивность культур на 1,02 т. к.ед./га, а расчётные – на 72–90% по сравнению с контролем (рис.).

Влияние удобрений на продуктивность культур севооборота

В 2015–2017 гг. на 3–5 вариантах Кб по азоту, фосфору и калию были больше 100%, т. е. наблюдался отрицательный баланс элементов питания (кроме 4 варианта по калию). Кб азота, фосфора и калия были выше планового значения соответственно на 15–34%, 23–36% и 12–21%. По калию на 4 варианте фактические Кб составили 101%, что соответствует нулевому

балансу. Это свидетельствует о том, что при аналогичных условиях в среднем по севообороту внесение удобрений в дозах из расчёта азота, фосфора и калия соответственно 93 кг д.в./га, 41 и 136 кг д.в./га наблюдается отрицательный баланс этих элементов. При внесении калийных удобрений из расчёта 165 кг д.в./га калия на фоне 93 и 41 кг д.в./га азота и фосфора – близкий к нулевому баланс калия (табл. 2).

Таблица 2. Баланс питательных элементов в севообороте

Показатель	Элемент	Вариант опыта			
		2 (N ₁₄ P ₁₇ K ₁₂)	3 (N ₉₃ P ₄₁ K ₁₃₆)	4 (N ₉₃ P ₄₁ K ₁₆₅)	5 (N ₉₃ P ₄₁ K ₁₃₆)
Средневзвешенный хозяйственный вынос, кг/га	N	83	124	143	141
	P ₂ O ₅	34	46	51	51
	K ₂ O	95	141	167	157
Баланс, кг/га	N	-69	-31	-50	-48
	P ₂ O ₅	-17	-5	-10	-10
	K ₂ O	-83	-5	-2	-21
Кб фактические, %	N	593	142	163	165
	P ₂ O ₅	200	115	127	129
	K ₂ O	792	106	104	120

Таким образом, в условиях Вологодской области на дерново-подзолистой среднесуглинистой почве применение расчётных доз удобрений обеспечивает продуктивность севооборота до 6,3 т к.ед./га. При внесении удобрений из расчёта 93 кг д.в./га азота, 41 фосфора и 136 кг д.в./га калия наблюдается отрицательный баланс этих элементов.

Библиографический список

1. Влияние различных доз удобрений на урожайность культур севооборота и агрохимические свойства дерново-подзолистой почвы / Ю.П. Жуков, О.В. Чухина, Н.В. Токарева, Е.И. Куликова // Плодородие. 2015. № 2 (83). С. 14-20.
2. Чухина О.В., Жуков Ю.П. Продуктивность культур и изменение агрохимических показателей дерново-подзолистой почвы в севообороте при применении различных доз удобрений // Агрохимия. 2015. № 3. С. 19-27.
3. Качество и урожайность звена севооборота при применении удобрений и микробиологических препаратов в Вологодской области / О.В. Чухина, В.В. Суров, Н.В. Токарева, С.Л. Анфимова // Плодородие. 2015. № 1 (82). С. 25-29.

Информация об авторе

Чухина Ольга Васильевна (Россия, Вологда) – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан факультета агрономии и лесного хозяйства, ФГБОУ ВО «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина» (г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, 2; academy@molochnoe.ru)

Chukhina O.V.

THE BALANCE OF NUTRIENTS IN THE ROTATION OF LONG-TERM AGROCHEMICAL EXPERIENCE

Abstract. *In the conditions of Vologda region on sod-podzolic soil application of calculated doses of fertilizers ensures the productivity of crop rotation 6.3 t K. e./ha. When you make a 93 kg./ha of nitrogen, phosphorus and 41 of 136 kg./ha of potassium there is a negative balance of these elements.*
Key words: *efficiency of a crop rotation, fertilizer, carrying out of batteries unit of production, barley, viko-oat mix, winter rye, potatoes.*

References

1. The impact of different fertilizers on crop yield and crop rotation and agrochemical properties of sod-podzolic soil / Yu.p. Zhukov, O.V. Chukhina, N.V. In. Tokareva, E.I. Kulikova // Fertility. 2015. № 2 (83). P. 14-20.
2. Chukhina O.V., Zhukov O.P., crop Productivity and changes in agrochemical indicators of sod-podzolic soil in crop rotation when using different doses of fertilizers. 2015. № 5. P. 19-27.
3. Quality and productivity of crop rotation link in the application of fertilizers and microbiological preparations in the Vologda region / O.V. Chukhina, V.V. Surov, N.In. Tokareva, S.L. Anfimova // Fertility. 2015. no. 1 (82). P. 25-29.

Information about the Author

Olga V. Chukhina (Vologda, Russia) – Ph.D. in Agriculture, Associate Professor, Dean of the Faculty of Agronomy and Forestry at Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin” (academy@molochnoe.ru)

УДК 636.2.034 / ББК 46.0-65

Шабанова Л.Л.

ЭКОНОМИЧЕСКИ ОБОСНОВАННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КРУПНОМАСШТАБНОЙ СЕЛЕКЦИИ МОЛОЧНОГО СКОТА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные характеристики продуктивности молочного скота Вологодской области в ретроспективе и перспективе использования по сравнению с Московской и Ленинградской областями. Оценка быков-производителей Племпредприятия Вологодское по качеству потомства и экономически обоснованное использование их при крупномасштабной селекции КРС. Обозначены основные проблемы и направления селекционного процесса.

Ключевые слова: молочный скот, бонитировка, селекция, воспроизводство, продолжительность хозяйственного использования, потенциал, оценка быков, препотентные быки.

В Вологодской области разводится крупный рогатый скот молочного направления продуктивности пяти пород: чёрно-пестрой, холмогорской, голштинской, айрширской и ярославской. Всего за 2017 проведена бонитировка 61,73 тыс. коров, из них 48,19 тыс. голов коров с законченной лактацией скота из 69,5 тыс. коров. Охват бонитировкой составил 89%. В сравнении с 2010 годом бонитируемое поголовье снизилось на 8,0 тыс. голов. Причиной

снижения поголовья КРС явилось нестабильная ситуация в экономике страны и сельском хозяйстве в 2010–2012 гг. Начиная с 2013 года поголовье коров стабилизировалось.

По данным бонитировки с 2010 по 2017 год возросла продуктивность коров на 1857 кг по Вологодской области, составив 7201 кг на корову. В плеMZаводах продуктивность выросла на 1476 кг, а в плеMрепродукторах на 1428 кг, составив, соответственно, 8283 кг и 7122 кг на корову (рис. 1). Тенденция на увеличение прослеживается и в разрезе всех разводимых пород. Данный период времени выбран не случайно, с учетом периода оценки быков по продуктивным качествам дочерей – 5 лет. В 2017 завершили оценку быки, рожденные в 2010 году и поставленные на проверку по качеству потомства в 2011–2012 годах.

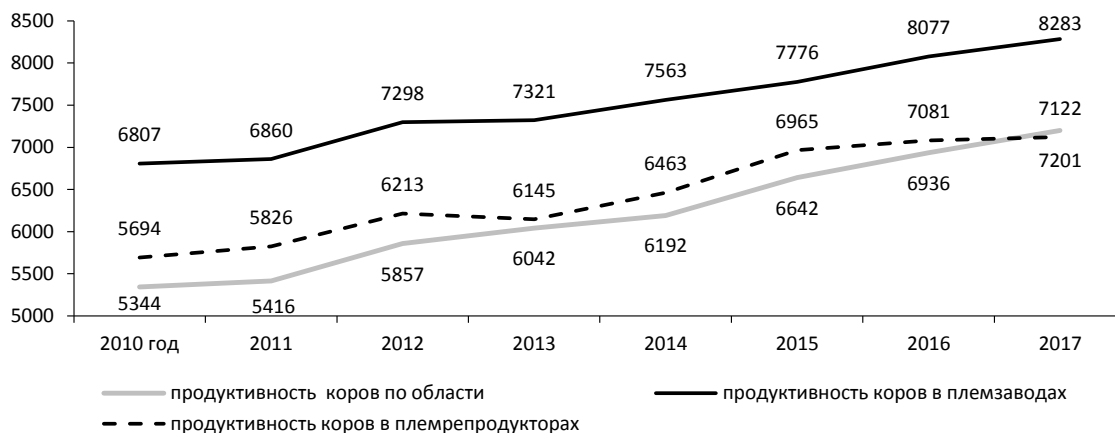

Рисунок 1. **Надой молока на корову в год по данным бонитировки Вологодской области с 2010 по 2017 г. (кг)**

Проведен анализ селекционной работы соседних областей в ретроспективе и учетом разных направлений селекции. В Московской области работают два плеMпредприятия, комплектующиеся в основном быками зарубежной селекции голштинской породы, и при поглотительном скрещивании получены стада высококоровные по голштинской породе. Приоритетным направлением выбрана голштинизация. В Ленинградской области приоритетом селекционной работы выбрано поглотительное скрещивание с использованием быков-улучшателей по голштинской породе. В Вологодской области в племенных стадах для закрепления за маточным поголовьем используются на 50–70% быки-улучшатели [3, с. 6], выявленные по результатам централизованной оценки ВНИИплем, с использованием данных из баз Селэкса племенных хозяйств путём автоматической перекачки в программу оценки быков по Вологодской и еще по 16 областям, куда реализуется племенное поголовье нетелей – дочерей быков ОАО «ПлеMпредприятие «Вологодское».

Продуктивность коров по Вологодской области за 2017 год, а также племенных заводов превосходит продуктивность Московской области на 113 и 393 кг соответственно, одновременно уступая по продуктивности коровам Ленинградской области на 1514 кг и на 960 кг племенным заводам этой же области.

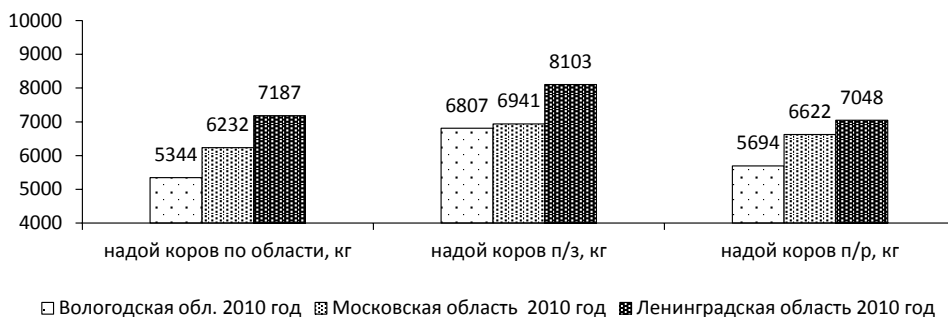

Рисунок 2. Данные по бонитировке за 2010 год по областям

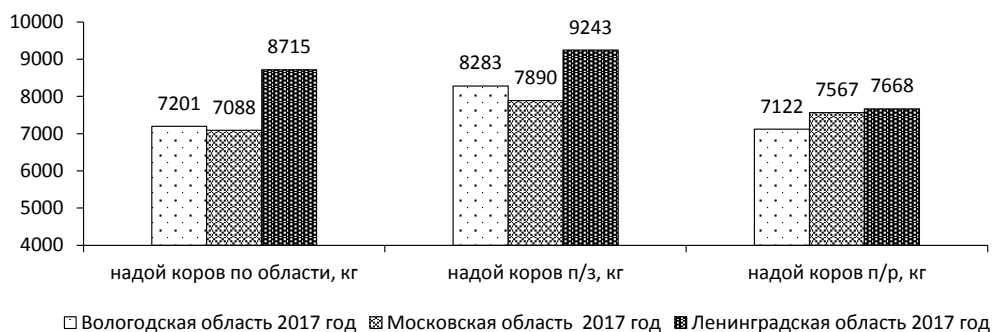

Рисунок 3. Данные по бонитировке за 2010 год по областям

Продуктивность матерей быков ОАО «Племпредприятие «Вологодское» по годам постановки на племя представлена на рис. 4. Нижней границей 7200 кг является продуктивность коров Вологодской области за 2017 год. В 2018 году генетический потенциал быков превосходит на 82% продуктивность маточного стада (рис. 4).

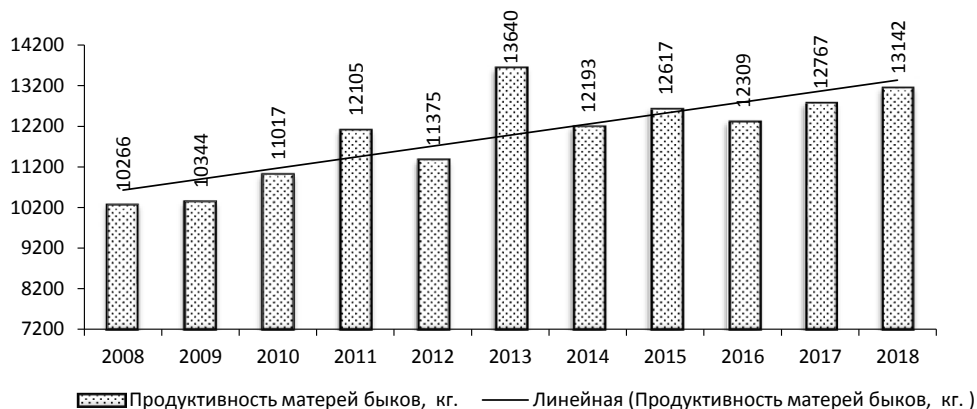

Рисунок 4. Продуктивность матерей быков, поставленных на ОАО «Племпредприятие «Вологодское», 2008–2018 гг. (кг)

По содержанию массовой доли жира и белка с 2010 по 2017 год произошли незначительные изменения + 0,08% МДЖ, что составило 3,90% и -0,05%, МДБ, соответственно, 3,20%. Так как данные показатели имеют высокий коэффициент наследуемости h^2 -0,4, в дальнейшем через искусственное осеменение быками племпредприятия будет генетически заложена продуктивность по МДЖ до 4,20% и по МДБ

на 3,45% по данным средней продуктивности материнских предков быков-производителей при повышении показателей надоя.

Для производства разнообразного набора молочных продуктов требуется молоко с большим содержанием сухого вещества, и молокоперерабатывающие заводы в 2018 году установили повышающие коэффициенты при расчете за сырье по содержанию жира и белка в молоке, что повысило доход от реализации молока, а следовательно, и косвенно стимулирует селекционеров отбирать животных для разведения с лучшими показателями по данным критериям.

Сократился в Вологодской области на 72 дня и возраст при первом отеле с 876 до 804 дней, что позволило уменьшить затраты на выращивание молодняка, но при этом возраст выбытия коров снизился на 0,11 лактации и составил 3,77, т. е. животные выбывают из стада раньше на 1 месяц.

Для сравнения в Московской области в 2017 году срок хозяйственного использования коров составил 3,0 лактации, что меньше на 0,17 л в сравнении с 2010 годом, а в Ленинградской 3,24, и тоже сократился на 0,14 лактации. Данная тенденция нежелательна при экономическом расчете прибыли на 1 корову за продуктивную жизнь в стаде как основного средства производства.

Рисунок 5. Сервис-период коров в Вологодской, Московской и Ленинградской областях в 2010 и 2017 годах

При расчете данных по сервис-периоду и продуктивному использованию каждая корова в Вологодской области получает за жизнь 1,55 телочек, в Московской области 1,07, а в Ленинградской 1,25. Снижется эффект селекции, эффект бонитировки коров и отбора лучших представителей пород в семейства, а как следствие – и экономический эффект использования коров как самовоспроизводящего основного средства производства в сельском хозяйстве.

Направление селекции крупного рогатого скота в Вологодской области на ближайшие годы:

1. Повышение содержания сухого вещества в молоке (достоверный коэффициент наследуемости 0,4): МДБ до 3,45 %; МДЖ до 4,20 %.
2. Улучшение воспроизводительных качеств.
3. Увеличение срока хозяйственного использования – продуктивная жизнеспособность при интенсивном использовании.
4. Проведение оценки быков-производителей с учетом экономической эффективности использования дочерей в стаде за весь период жизни.

В 2018 году завершена 5-летняя совместная с племенными хозяйствами работа по оценке быков-производителей и присвоена племенная категория – «улучшатель» 7 гол. из 11, а это 64% из молодых, значит, молодые быки превосходят предшественников по продуктивным и экстерьерным качествам. Результаты централизованной оценки быков-производителей по качеству потомства в 2018 году представлены в таблице.

Результаты централизованной оценки быков-производителей по качеству потомства в 2018 году

№ п/п	Кличка	Инв. №	Марка ГКПЖ	Номер ГКПЖ	Порода	Линия	старая катег.	кол-во сп.доз	Категория 2018 г.
1	Перец	31	СВЧП	881	Черно-пестрая	Вис Бэк Айдиал 1013415	Без /оц.	19975	А1
2	Стрелец	132	СВЧП	890	Черно-пестрая	Аннас Адема 30587	Без /оц.	15455	Нейт
3	Мустанг	151	СВЧП	880	Черно-пестрая	Вис Бэк Айдиал 1013415	Без /оц.	20900	А1
4	Акцент	154	СВЧП	894	Черно-пестрая	Примус 59	Без /оц.	1686	Нейт
5	Бамбук	247	СВЧП	882	Черно-пестрая	Рефлекшн Соверинг	Без /оц.	10890	А1
6	Пигмент	305	СВЧП	884	Черно-пестрая	Рефлекшн Соверинг	Без /оц.	22295	А2
7	Зингер	418	СВЕ	165	Айрширская	О.Р.Лихтинг 120135	Без /оц.	3003	А2
8	Великан	427	СВЧП	898	Черно-пестрая	Примус 59	Без /оц.	3055	Нейт
9	Атлет	479	СВЧП	777	Черно-пестрая	Танталус 203	Без /оц.	5075	Нейт
10	Климат	4931	СВЧП	891	Черно-пестрая	Вис Бэк Айдиал 1013415	Без /оц.	12445	А1
11	Сундук	5024	СВЧП	892	Черно-пестрая	Вис Бэк Айдиал 1013415	Без /оц.	13859	А1

Экономическая эффективность использования улучшателей в хозяйствах:

1. Улучшатель бык Кефир № 227 А1Б3- А1, линия В. Айдиал
+700 кг*24 руб. цена за 1 кг молока=16800 руб.*83 дочери = 1394400 руб.
дополнительной прибыли в хозяйствах от использования улучшателя.

2. Улучшатель бык Интерес № 34 А1Б2
+200 кг* 24 руб. цена за 1 кг молока 4800 руб.*274 дочери = 1315200 руб.
дополнительной прибыли в хозяйствах от использования улучшателя.

Племенным материалом (спермой) осеменено 2000 голов в 2018 году.

Получено уже 1860 дочерей в Вологодской области и 500 в других областях, по расчетным данным 11328000 руб. дополнительной прибыли сельхозтоваропроизводителям.

Селекция молочного скота с использованием препотентных быков-производителей, подтвердивших свои продуктивные качества в конкретном хозяйстве с учетом срока хозяйственного использования и хороших воспроизводительных способностей, позволит сельхозпредприятиям получить наибольшую экономическую выгоду от крупномасштабных селекционных мероприятий.

Библиографический список

1. Дунин И.М., Амерханов Х.Ф.А. Ежегодник по племенной работе в молочном скотоводстве в хозяйствах Российской Федерации за 2017 год. М.: Изд-во ФГБНУ ВНИИплем, 2018.

2. Дунин И.М., Амерханов Х.Ф.А. Каталог быков-производителей молочных и молочно-мясных пород, оцененных по качеству потомства в 2018 году. М.: Изд-во ФГБНУ ВНИИПлем, 2018.

3. Состояние отрасли молочного скотоводства в мире, России и Вологодской области / Н.И. Абрамова, О.Л. Хромова, Г.С. Власова, Л.Н. Богорадова // Агробиотехника. 2018. № 2. Том 1. С. 1.

4. Коновалов А.В., Ильина А.В., Абрамова М.В. Популяционно-генетические характеристики в управлении селекционным процессом стада в СХПК «Присухонское» Вологодской области // Агробиотехника. 2018. № 2. Том 1. С. 6.

Информация об авторе

Шабанова Лариса Лолиевна (Россия, Вологда) – соискатель, главный зоотехник, ОАО «Племпредприятие «Вологодское» (160901, Вологодская область, Вологодский район, п/о Прилуки, п. Дорожный, 2а; (8172) 55-33-08; Vologda.plem@mail.ru)

Shabanova L.L.

ECONOMICALLY REASONABLE DIRECTIONS OF LARGE-SCALE SELECTIONS OF THE DAIRY CATTLE OF THE VOLOGDA REGION

Abstract. *In this article the main characteristics of efficiency of the dairy cattle of the Vologda region in a retrospective and in the long term uses, in comparison with the Moscow and Leningrad regions are considered. Assessment of manufacturing bulls of Plempredpriyatiya Vologodskoye on quality of posterity and their economically reasonable use at large-scale selection of the dairy cattle. The main problems and the directions of selection process are designated.*

Key words: *dairy cattle, appraisal, selection, reproduction, duration of economic use, potential, assessment of bulls, prepotent bulls.*

References

1. Dunin I.M. Amerkhanov H.F.A. The Year-book on breeding work in dairy cattle breeding in farms of the Russian Federation for 2017. Vniiplem Moskva-2018 FGBNU publishing house.

2. Dunin I.M. Amerkhanov H.F.A. The Catalogue of manufacturing bulls of the dairy and dairy and meat breeds estimated on quality of posterity in 2018. Vniiplem Moskva-2018 FGBNU publishing house.

3. The state of dairy cattle industry in the world, Russia and the Vologda region / N.I. Abramova, O.L. Hromowa, G.S. Vlasova, L.N. Bogoradova // The agrolivestock specialist 2018, No. 2, Volume 1, s. 1.

4. Konovalov A.V. Ilyina A.V., Abramova M.V. Population and genetic characteristics in management of selection process of herd in SHPK "Prisukhonskoye" of the Vologda region // The agrolivestock specialist. 2018, No. 2, Volume 1, s. 6.

Information about the Author

Larisa L. Shabanova (Vologda, Russia) – chief livestock expert, ООО Племпредприятие Вологодское (2а, Дорожный, Прилуки rural settlement, Vologda district, 160901, Russian Federation; (8172) 55-33-08); Vologda.plem@mail.ru)

Научное издание

**СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Материалы VIII международной научно-практической конференции
(г. Вологда, 12-14 декабря 2018 г.)

Редакционная подготовка И.А. Кукушкина
Оригинал-макет Т.В. Попова

Подписано в печать 28.10.2019.

Формат 70×108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 42,6. Тираж 500 экз. Заказ № 313.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-439-9

